

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2024 – № 3 (38)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2024

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. № 3 (38). 263 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2024-3-38. EDN CYBCPB
2024, № 3 (38). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российской государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Ивановна**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривонос**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леднев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжао**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского государственного педагогического университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федюленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский язык, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024

© Авторы статей, 2024

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2024. № 3 (38). 263 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2024-3-38. EDN CYBCPB
2024, № 3 (38). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zazorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. S. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglicistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results

of these are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences),

5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages)

(philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration number:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2024

© Authors of the articles, 2024

*«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»*

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Филипповский Г. Ю.** Специфика композиционной поэтики романа А. С. Пушкина
«Евгений Онегин» _____ 8
- Андреева В. Г.** Переписка Л. Н. Толстого и А. В. Дружинина 1850–1860-х годов: идея
литературного журнала и попытка «противления всем возмущениям, склокам, озлоблениям»_16
- Рамазанова Г. Г.** Сон и явь в «Петербургских повестях» Р. Сенчина _____ 25
- Темиршина О. В.** «Свое чужое»: советский интертекст в альбоме Егора Летова «Звездапад» ____ 33
- Жиляков С. В.** «Мнемоническая инверсия» как маркер «пострефлексивного
антитрадиционализма» в стихотворных «памятниках» русской поэзии XIX–XX веков _____ 42
- Болнова Е. В.** По следам Бура Великого: биографическая основа рассказа В. А. Сосноры
«Человек и лошадь» _____ 50

Русский язык

- Канафьева А. В., Губина О. Э.** Функциональное поле вопросительности в современных
печатных СМИ _____ 58
- Селезнева Л. В., Завтрикова П. С.** Реализация пространственной семантики в различных типах
дискурса _____ 66
- Баженова А. П.** Формирование граней концепта «женский труд» в публицистике
Н. С. Лескова _____ 80
- Иванова Р. П.** Когнитивно-семиотический аспект глагольной лексики тактильной перцепции
в якутском языке _____ 87
- Малыгина Э. В.** Лингвоэвokedационное исследование диалогичности и антидиалогичности
в педагогической межперсонажной коммуникации: на материале современной российской
художественной прозы _____ 99
- Чернявская Н. А.** Механизмы образной концептуализации действительности в онтогенезе
речевой способности ребенка _____ 111
- Матюшина В. В.** Денотативный и психолингвистический аспекты значения слов, обозначающих
морально-этические понятия _____ 120

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Ващенко Д. Ю.** Словацкие фреквентативные наречия с формантом -krát в ракурсе сочетаемости _____ 127
- Падерина Т. С.** Автоматическое извлечение ключевых терминов из корпуса научных статей в SCP _____ 139
- Штеба А. А.** «Возможные миры» оценки: к проблеме эмотивной коммуникации _____ 145

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

- Шипова И. А.** Специфика эвфонии рождественской сказки Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» _____ 152
- Туманова Е. О.** Прецедентный афоризм как символ эпохи: об эонимических выражениях в немецкоязычном дискурсе _____ 163
- Горохова Ю. В.** Лингвокультурологические особенности репрезентации американского мультипликационного дискурса _____ 174
- Тюкина Л. А.** Лингвистические особенности немецкоязычного этнического анекдота _____ 183

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

- Становая Л. А.** История французского артикля: о причинах появления артикля во французском языке _____ 191
- Бойчук Е. И.** Неологизмы школьного сленга в территориальном варианте французского языка республики Кот-Д'Ивуар _____ 202
- Дорогайкина Е. М.** Зоонимические номинации в ранних средневековых фавль _____ 212

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

- Комарова А. В.** Динамика информационно-коммуникационных процессов и их влияние на социокультурные институты _____ 223
- Фатеева И. М.** Эстетическая практика В. В. Стасова и практическая эстетика архитектора Г. Земпера _____ 234
- Богомолов А. Н.** Психологизация фаустовского мифа в европейском романтизме _____ 242
- Сюй Цидун** Анализ проблем межкультурной коммуникации в трудах китайских ученых _____ 250
- Правила приёма редакцией научного журнала рукописи статьи к рассмотрению о публикации_ 262

«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Filippovsky G. Yu.* Specificity of compositional poetics in A. S. Pushkin's novel Eugene Onegin _____ 8
- Andreeva V. G.* Correspondence between L. N. Tolstoy and A. V. Druzhinin in the 1850s–1860s: the idea of a literary magazine and an attempt to «resist all disturbances, squabbles, and bitterness» _____ 16
- Ramazanova G. G.* Dream and reality in Petersburg Stories by R. Senchin _____ 25
- Temirshina O. V.* «Your own someone else's»: soviet intertext in Yegor Letov's album «Starfall» _____ 33
- Zhilyakov S. B.* «Mnemonic inversion» as a marker of «post-reflective anti-traditionalism» in the poetic «monuments» of russian poetry of the 19th–20th centuries _____ 42
- Bolnova E. V.* Following Bur the Great: the biographical basis of V. A. Sosnora's story
The Man and the Horse _____ 50

Russian language

- Kanafieva A. V., Gubina O. E.* The functional field of the interrogative in modern print media _____ 58
- Selezneva L. V., Zavtrikova P. S.* Implementation of spatial semantics in various types of discourse _____ 66
- Bazhenova A. P.* Formation of the concept «women's labor» in N. S. Leskov's journalism _____ 80
- Ivanova R. P.* Cognitive-semiotic aspect of the tactile perception verb lexicon in the yakut language _____ 87
- Malygina E. V.* Linguo-evocative study of dialogicity and anti-dialogueism in pedagogical interpersonal communication: based on the material of modern russian fiction _____ 99
- Chernyavskaya N. A.* Mechanisms of figurative conceptualization of reality in the ontogeny of children's speech ability _____ 111
- Matyushina V. V.* Denotative and psycholinguistic aspects of the words denoting moral and ethical concepts _____ 120

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

- Vashchenko D. Yu.* Slovak frequentative adverbs with the formant -krát in terms of combinability _____ 127
- Paderina T. S.* Automatic extraction of key terms from the scientific articles corpus in SCP _____ 139
- Shteba A. A.* «Possible worlds» of assessment: to the problem of emotive communication _____ 145

Languages of foreign countries (germanic languages)

- Shipova I. A.** The specificity of the euphony of E.T.A.'s christmas tale Hoffmann «The Nutcracker and the Mouse King» _____ 152
- Tumanova E. O.** Precedent aphorism as a symbol of the epoch: on eonymic expressions in german-language discourse _____ 163
- Gorokhova Yu. V.** Linguistic and cultural features of the representation of american cartoon discourse _____ 174
- Tyukina L. A.** Linguistic specificity of german ethnic humor _____ 183

Languages of foreign countries (romance languages)

- Stanovaya L. A.** History of the french article: about the reasons for the appearance of the article in french _____ 191
- Boichuk E. I.** School slang neologisms in the territorial variant of the french language in the Republic of Côte d'Ivoire _____ 202
- Dorogaikina E. M.** Zoonimic nominations in early medieval fables _____ 212

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

- Komarova A. V.** Dynamics of information and communication processes and their impact on sociocultural institutions _____ 224
- Fateeva I. M.** Aesthetic practice of V. V. Stasov and practical aesthetics of the architect G. Semper __ 234
- Bogomolov A. N.** Psychologization of the faustian myth in european romanticism _____ 242
- Xu Qidong** Analyzing intercultural communication problems in the works of chinese scholars _____ 250

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-8

EDN: DMIAFN

Специфика композиционной поэтики романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Герман Юрьевич Филипповский

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Аннотация. Целью работы явилось исследование особенностей композиционной поэтики романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». На основе выдающихся трудов пушкинистов Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана, Н. И. Михайловой выстраивается масштабная картина творческой работы поэта над своим главным произведением. Принцип противоречий, как построения романа, так и его образной системы (Лотман), признание автором «несовершенства» плана, которое затем становится осознанным моментом композиции романа (Тынянов), – приводит в итоге творческих исканий автора к феномену «свободного романа» (финал 8 главы «Евгения Онегина»). Первоначальный акцент на образе главного героя (в духе романтической традиции Байрона) переходит после 3 главы на образ Татьяны уже как основной, главной героини. Европейски-космополитический романский контекст первых глав постепенно сменяется не только картинами русской жизни и быта, но и вполне русским характером героини и основных духовно-поэтических ориентиров романа в целом. Романтическая ирония (Чавчанидзе) в духе Байрона, однако, не уходит, а трансформируется в контексте свободной сквозной авторской речи, рассуждений и отступлений. Создаётся своеобразная «энциклопедия русской жизни» (Белинский). Традиционно признаны кульминационными V и VI главы (пророческий сон Татьяны и дуэль), однако реально в центр поэтики романа сам автор помещает финал VII главы (прощание с нормативностью классицизма и утверждение свободной романтической поэтики в парадоксальной встрече вступления I главы и «вступления» в финале VII главы). Ведущими в романе выступают композиционные мотивы «чести» и календарные мотивы (весны и зимы), сложно и противоречиво трактованные в русле «романа противоречий».

Ключевые слова: роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; поэтика композиции; «свободный роман»; «принцип противоречий»; Б. В. Томашевский; Ю. Н. Тынянов; Ю. М. Лотман; Н. И. Михайлова; романтическая ирония; Татьяна «русская душою»; поэтико-композиционное новаторство; «энциклопедия русской жизни»

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Специфика композиционной поэтики романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 8–15. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-8>. <https://elibrary.ru/DMIAFN>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Specificity of compositional poetics in A. S. Pushkin's novel Eugene Onegin

German Yu. Filippovsky

Doctor of philological sciences, professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Abstract. The purpose of the article is to study specific features of compositional poetics in A. S. Pushkin's novel in verse Eugene Onegin. Basing on the works of outstanding scholars B. Tomashevsky, Yu. Lotman, Yu. Tynianov, N. Mikhailova, the research reconstructs the creative dynamics and key-positions of Pushkin's poetics in the course of writing Eugene Onegin as a novel in verse. The principle of contradictions, both in the novel's construction and in its imagery system (according to Yu. Lotman), and the poet's recognition of the plan as «imperfect», which then becomes a conscious moment in the novel's composition (Yu. Tynianov), lead eventually to the phenomenon of the «open novel» (the final stanza of Eugene Onegin). The initial emphasis on the image of the protagonist (in the spirit of Byron's Romantic tradition) shifts after chapter 3 to the image of Tatiana as the main heroine. European cosmopolitan context of the first chapters gradually obtains specific Russian features not only of life and characters but also of the novel as a whole. Romantic irony (Chavchanidze) in the Byronic spirit, however, does not disappear, but is transformed in the context of the author's free flowing speech, reasoning and digressions. According to V. Belinsky Eugene Onegin is the «encyclopedia of Russian life». Traditionally chapters V and VI were recognized as a culmination of the poem (Tatiana's prophetic dream and the duel); however, as a centre of the novel's poetics the poet himself declared the final episode of chapter VII (as a farewell to Classicism and establishing a free Romantic poetics in the paradoxical encounter between the introduction of chapter I and the «introduction» at the end of chapter VII). Ultimately, in the final stanza of his work Pushkin himself called the leading method in the composition of his text «an open novel». Compositional motives of «honour» and «seasons» (spring and winter) appear in the poem as leading features in the «novel of contradictions».

Key words: A. S. Pushkin's Eugene Onegin; novel in verse; poetics of composition; «principle of contradictions»; Romantic irony; Tatiana as «Russian in her soul»; poetic-compositional innovation; «encyclopedia of Russian life»; Yu. Lotman; B. Tomashevsky; Yu. Tynianov; A. Mikhailova; an «open novel»

For citation: Filippovsky G. Yu. Specificity of compositional poetics in A. S. Pushkin's novel Eugene Onegin. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):8–15. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-8>. <https://elibrary.ru/DMIAFN>

Введение

Наиболее фундаментальной исследовательской работой, претендующей на всеохватность темы, явилась «Онегинская энциклопедия» 2004 года в двух объёмистых томах, подготовленная большим коллективом специалистов-филологов под руководством доктора филологических наук Наталии Ивановны Михайловой [Онегинская..., Т. 1, 2, 2004]. Разумеется, различные аспекты построения пушкинского романа в стихах не могли не найти отражения в «Онегинской энциклопедии» (статьи, посвящённые главам романа, вступлениям, предисловиям), хотя, что странно, статья «композиция романа» в этом труде отсутствует. И это при том, что существуют работы конкретно по данной теме таких выдающихся учёных-пушкинистов, как Ю. Н. Тынянов («О композиции „Евгения Онегина“») [Тынянов, 1977] и Ю. М. Лотман («Своеобразие художественного построения „Евгения Онегина“») [Лотман. Своеобразие..., 1988]. Парадоксально, но в справочном аппарате «Онегинской энциклопедии» эти важные труды отсутствуют. Безусловно, вопросы строения данного текста обсуждались в статьях и книгах практически всех многочисленных исследователей поэтического творчества А. С. Пушкина и, конкретно, романа в стихах «Евгений Онегин» [Пушкин, 2010].

Что касается термина «поэтика композиции», то именно так называется известная книга

Б. А. Успенского [Успенский, 1970], а, например, одна из книг Ю. И. Чумакова озаглавлена «Стихотворная поэтика Пушкина» [Чумаков, 1999] (вспомним при этом известную монографию Б. В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика») [Томашевский, 1996]). В ряду выдающихся учёных-пушкинистов, которые занимались текстовой поэтикой произведений А. С. Пушкина (конечно, и «Евгения Онегина»), пожалуй, прежде всего следует назвать Б. В. Томашевского и С. М. Бонди. Действительно, как можно заниматься, исследовать текстовую поэтику (включая, безусловно, и композицию) «Евгения Онегина», если так глубоко и профессионально, как эти двое учёных, не вникать в творческую лабораторию (если не сказать, ментальную и текстовую «кухню») поэта. При том, что в этой сфере продуктивно работали десятки пушкинистов в разные времена, всё же первые места следует отвести названным выше двум учёным. Возможно, потому, что оба в 1930-х – 1940-х годах принимали самое непосредственное и деятельное участие в подготовке полных собраний сочинений А. С. Пушкина (и главное, учёных комментариев к ним). Тем не менее, следует признаться, что, как ни парадоксально, до сих пор ни одного труда под названием «Поэтика композиции „Евгения Онегина“» не существует.

Расшифровка термина «композиция» существует во всех словарях литературоведческих терминов, например, как «построение художе-

ственного произведения, определённая система средств раскрытия, организации образов, их связей и отношений» [Хализев, 1999, с. 60–342] в структуре художественного текста. В. Е. Хализев, один из ведущих теоретиков литературы, пишет: «Фундаментом композиции является организованность (упорядоченность) вымышленной и изображённой писателем реальности, то есть структурные аспекты самого мира произведений. Но главное и специфическое начало художественного построения – это способы подачи изображённого, а также речевых единиц... Композиция осуществляет единство и целостность художественных творений» [Хализев, 1999, с. 262–263]. Сразу же следует сказать (что и делает автор цитированной работы и что важно в контексте настоящей статьи) о тесной связи терминологических понятий «композиция» и «мотив» (композиционный мотив). Что, кстати, и делает В. Е. Хализев: «Мотив – компонент произведения, обладающий повышенной значимостью; мотивы – композиционные «скрепы» текста, субъектной организации произведения» (термин Б. О. Кормана)» [Хализев, 1999].

Основная часть

Роман «Евгений Онегин» явился как результат, плод длительного сложного и противоречивого творческого процесса, труда его автора. Только в самом конце последней 8 главы явилось осознанное признание, формулировка романной формы как «**свободного романа**». Причём поэт здесь сознательно подчёркивает пространственно-временной момент этой формы: «*Промчалось много, много дней С тех пор, как юная Татьяна И с ней Онегин в смутном сне Явились впервые мне – И даль свободного романа Я сквозь магический кристалл Ещё неясно различал*» (8, L). Вместе с тем, здесь звучит признание длительных и сложных авторских исканий. Здесь же автор указывает на особую значимость в романе эпизодов **юной Татьяны** (письмо к Онегину), а также её пророческого сна («...и с ней Онегин в смутном сне...») как ключевых в композиционном отношении. Однако разумно начать анализ композиции романа с первой его главы [Левкович, 1999, с. 249–255] (как своего рода экспозиции).

Тем более, что автор в первом предисловии к 1 главе (при её отдельной публикации в 1825 году) рассуждает о плане своего будущего большого произведения: «Дальновидные критики заметят конечно **недостаток плана**. Всякой волен судить о плане целого романа, прочитав 1 главу оного...»

[Краснов, 2004, с. 343–346]. Под словом «план» автор разумел именно строение, композицию своего большого текста. Но роман только начат, его ещё нет, поэтому и его план (композиция) ещё вполне неопределённы. Сразу стоит сказать, что эту **неопределённость как свободу творческих исканий** (с точки зрения резервов и возможностей текстового развёртывания) автор весьма рано уже избрал в качестве своего основного руководящего принципа. Б. В. Томашевский в своих комментариях отмечает, что, по сути, Пушкин начал работать над 1 главой «Евгения Онегина» не с 28 мая 1823 года (объявленная самим автором дата), а ещё с 1822 года, когда он думал над новым замыслом поэмы под названием «Таврида», затем оставленной и неосуществлённой [Томашевский, 1936, с. 832].

Однако учёный-текстолог установил, что материалы и тексты этой подготовительной работы Пушкин затем включил в 1 главу «Евгения Онегина» и в некоторые другие свои произведения. Больше того, творческий процесс 1 главы «Евгения Онегина» привёл автора к другим исканиям, в частности, связанным с прочтением только что полученного им французского перевода «Дон Жуана» Байрона. Здесь он увидел новый для него характер разделения самостоятельных строф, «который в значительной степени определил характер нового замысла Пушкина» [Томашевский, 1936, с. 832–833]. Б. В. Томашевский далее продолжает: «В подобных (Байрону – Г.Ф.) поэмах вместо романтической мечтательности и лирической приподнятости, которые Пушкин впоследствии назвал „высокопарными мечтаниями“ своей юности, господствовал слегка насмешливый тон **свободной беседы**, дававший возможность легко вводить темы, близкие современности. Пушкин решил написать подобную строфическую поэму, придав ей сатирический характер. Прежде всего, надо было выбрать форму строфы. Пушкин изобрёл новую строфу, до него не употреблявшуюся, в 14 стихов, состоявшую из 3-х четверостиший различной рифмовки и заключительного двустишия» [Томашевский, 1936, с. 832–833].

В 1 главе и затем в тексте романа Пушкин неоднократно упоминает Байрона и его героев, а в 1 предисловии говорит, что 1 глава «напоминает Беппо, шутивное произведение мрачного Байрона» [Краснов, 2004, с. 343–346]. Тем не менее, что касается влияния Байрона [Байрон, 1981; Жирмунский, 1978] и сатирической тональности 1 главы, Пушкин отрицательно реагирует на это в письме к брату Льву в начале 1824 года, где он

пишет, что Н. Н. Раевский нашёл в «Евгении Онегине» лишь «сатиру и цинизм и порядочно не расчухал» [Пушкин, 2010, с. 369–370]. Хотя Ю. М. Лотман в своей работе о композиции «Евгения Онегина» поначалу соглашается с Б. В. Томашевским («Эти строки свидетельствуют о сатирическом настроении Пушкина в кишиневскую эпоху») [Лотман, 1988, с. 33–34], но затем говорит уже не о сатирическом, а об ироническом стилевом характере пушкинского текста 1 главы: «...**Принцип противоречий** [Кулагин, 2004, с. 377–379] проявляется на протяжении всего романа и на самых различных структурных уровнях, столкновения различных характеристик персонажей в разных главах и строфах, резкая смена тона повествования, где... мысль может быть в смежных отрывках текста высказана серьёзно и **иронически...**» [Лотман, 1988, с. 47–48]. В частности, учёный упоминает **ироническую омонимию** в эпиграфе 2 главы «O rus... Ног.; O Русь!» и говорит, что автором руководил «сознательный художественный расчёт». Действительно, в последней LX строфе 1 главы Пушкин пишет о своих исканиях в области композиции и стилевой поэтики «Евгения Онегина»: «Я думал уж о форме плана И как героя назову; Покамест моего романа Я кончил первую главу; Пересмотрел всё это строго: **Противоречий очень много, Но их исправить не хочу...**» (1, LX). В итоге Пушкин не только не исправляет увиденное им противоречие, но берёт принцип противоречий (Лотман) как руководящий приём в сюжетно-композиционном построении своего текста.

Бесценный вклад в проблемы поэтики композиции романа в стихах А. С. Пушкина внёс своей работой Ю. Н. Тынянов [Тынянов, 1977, с. 52–77]. Впервые (правда, не полностью) увидевшая свет в Италии, замечательная статья «О композиции „Евгения Онегина“» затем полностью опубликована в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974» Москва, 1975, а потом, по авторской рукописи, издательством «Наука» в 1977 году, в томе «Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино» [Тынянов, 1977, с. 52–77]. Редакторами выступили В. А. Каверин и А. С. Мясников (готовили том Е. А. Голдес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова) [Тынянов, 1977]. Прав Ю. Н. Чудаков, говоря о «**необычном построении** «Евгения Онегина» [Чумаков, 1999, с. 13]. Приведённые выше собственные авторские свидетельства по исканиям Пушкина относительно будущего плана своей поэмы (в самом начале работы над ней) и ценное замечание Б. В. Тома-

шевского о связях вопросов композиции и стиховой поэтики [Томашевский, 1936, с. 832–833] в русле этих авторских исканий глубоко и фундаментально анализировал Ю. Н. Тынянов в своей работе о композиции «Евгения Онегина» [Тынянов, 1977, с. 52–77].

Он, в частности, пишет: «В „Евгении Онегине“ „**несовершенство**“ плана и „характеров“ перестает быть оправданною, подразумеваемою особенностью стиховой формы и **само становится моментом композиции...** Пушкин говорит о „недостатке плана“ полуиронически: „Дальновидные критики заметят, конечно, недостаток плана. Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав 1 главу оного“, причём автор признавал, что „первая глава представляет представляет нечто целое“» [Тынянов, 1977, с. 58]. Ю. Н. Тынянов комментирует уже приведённую нами выше концовку 1 главы романа: «Насколько осторожная оговорка относительно „целого романа“ была сделана всерьёз, выясняется из сопоставления предисловия с последней строкой 1 главы: „Я думал уж о форме плана, И как героя назову... Противоречий очень много, Но их исправить не хочу“» [Тынянов, 1977, с. 58].

Далее Ю. Н. Тынянов продолжает свои чрезвычайно ценные наблюдения о связи стиховой поэтики и композиции «Евгения Онегина»: «Заявление о форме плана стоит в связи с аналогичными отступлениями, делающими предметом романа сам роман (с этой точки зрения „Евгений Онегин“ – не роман, а роман романа). Строка же „И как героя назову“ после многочисленных упоминаний имени героя – ироническое введение к строке „Противоречий очень много“. Такова же игра на противоречиях в последней строфе 7 главы: „Но здесь с победою поздравим Татьяну милую мою И в сторону свой путь направим, Чтоб не забыть о ком пою...“» [Тынянов, 1977, с. 58–59]. Развивая свои наблюдения по поэтике и композиции «Евгения Онегина», Ю. Н. Тынянов пишет: «Таким образом, о герое легко *позабыть*, и возвращение к нему есть тоже отступление в романе отступлений („В сторону свой путь направим“)» [Тынянов, 1977, с. 58–59].

Сюда же относится ироническое примечание Пушкина к 3 главе: «В прежнем издании вместо *домой летят* было ошибкою напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» [Тынянов, 1977, с. 58–59]. Далее Ю. Н. Тынянов отмечает,

что «в проекте предисловия в восьмой и девятой главах Пушкин уже явно ироничен», а далее учёный рассуждает о значении и знаковости многочисленных пропусков строф в романе, приводя авторское свидетельство: «Смирненно сознаюсь также, что в „Дон Жуане“ есть две выпущенные строфы». Учёный, в частности, пишет: «Заметка писана в 1830-м г., и после ранее сказанного Пушкиным о плане и связи романа это замечание и вообще звучит иронически, но он ещё подчёркивает иронию ссылкой на лень и на литературный источник, в котором пропуски точно так же играли композиционную роль» [Тынянов, 1977, с. 59].

Ю. Н. Тынянов делает важные замечания о поэтике (в том числе композиционной) романа Пушкина: «Предисловия и примечания были для Пушкина ещё одним сильным средством для подчёркивания или обнажения самой динамики романа, для создания *романа романа*, а кроме того, мотивированным вводом *прозаических* введений и отступлений, которые, таким образом, оттеняли стих... В виде колоссального введения к первой главе „Евгения Онегина“ был помещён „Разговор книгопродавца с поэтом“ – любопытный пример композиционного внедрения целого произведения» [Тынянов, 1977, с. 59]. Далее следует чрезвычайно ценное наблюдение о поэтике «Евгения Онегина»: «... Если понять эти пропуски как композиционный приём, всё значение которого, значение необычайного веса, – не в *плане*, не в *связи*, не в *происшествиях* (фабула), а в словесной динамике произведения» [Тынянов, 1977, с. 58–60].

Рассуждая о лаборатории авторской поэтики романа, нельзя не привести свидетельство самого Пушкина о сознательном пропуске целой главы в конце романа: «Катенин заметил нам, что сие исключение, может быть, и выгодное для читателей, вредит, однако ж, плану целого сочинения, ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъяснимым. Замечание, отличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оного, но решился выпустить эту главу *по причинам, важным для него, а не для публики*» [Тынянов, 1977, с. 59–60]. Сознательный пропуск поэтом, по его собственному признанию, как строф, так и целых глав поэмы, безусловно, имел целью поддержать общую динамику поэтического повествования, динамику сюжетно-композиционного плана. Вместе с тем, окончательная перестановка, перестройка композиционного плана финала романа весьма знаменательна.

Как известно, первоначально в качестве 8 главы Пушкин видел главу «Путешествие Онегина». Она, конечно, сама по себе служила ярким выражением, даже проявлением динамического плана романного текста. Однако поиски адекватной романной формы привели Пушкина к осознанию не только динамики во имя динамики, искания во имя искания, но – композиционного единства, целостности романной формы. Именно поэтому поэт в итоге вынес главу «Путешествие Онегина» за пределы основного текста, а 8 главой стала сцена объяснения героя и героини, симметричная по отношению к 3 главе с письмом Татьяны. Роман, таким образом, заканчивается эпизодом письма Онегина, финальным развенчанием байронического героя на фоне утверждения образа Татьяны (как главной героини), «русской душою».

Правда, она в своей финальной отповеди Онегину признала в нём «прямую честь», как бы несвойственное его европейскому байронизму прямодушие (русскую черту самой Татьяны). Отсюда и финальное открытое, честное, «русское» признание Татьяны в своём чувстве любви к герою. Однако это признание не поменяло, не отменило общий характер отповеди героини Онегину. Кстати, в той же 8 главе находим композиционно важные, парные предыдущим использования лейтмотивов «чести» и календарных контрастных мотивов «весны» – «зимы» (в эпизоде жизни Онегина зимой и в начале весны, когда «...Весна живит его... Несётся вдоль Невы в санях. На синих, иссечённых льдах Играет солнце; грязно тает На улицах разрытый снег...») (8, XXXIX).

Стоит остановиться подробнее на уже частично приведённом выше тексте последней LV строфы 7 главы романа: «*Но здесь с победою поздравим Татьяну милую мою И в сторону свой путь направим, Чтоб не забыть, о ком пою... Да кстати, здесь о том два слова: Пою приятеля младого И множество его причуд. Благослови мой долгий труд, О ты, этическая муза! И, верный посох мне вручив, Не дай блуждать мне вкось и вкривь. Довольно. С плеч долой обуза! Я классицизму* [Гуревич, Т. 1, 1999, с. 513–514] *отдал честь: Хоть поздно, а вступленья есть*». Сам Пушкин намеренно выделил обозначенный курсивом свой текст, по поводу чего М. И. Шапир в «Онегинской энциклопедии» пишет, что «вступленья в „Евгении Онегине“ носит откровенно пародийный характер» [Шапир, Т. 1, 1999, с. 216–219]. Речь идёт о слове «**вступленья**», которое Пушкин ввёл в самом конце 7 главы романа.

Казалось бы, парадоксально, что в преддверии последней, завершающей роман 8 главы, автор, как бы спохватившись, рассуждает о важнейших для него и его романа исходных моментах поэтики и композиции «Евгения Онегина». Однако подобная ситуация в тексте «свободного романа» для Пушкина не единична: несколько предисловий (из которых последнее создано и опубликовано уже после написания всего романа), многочисленные признания поэта о ходе творческих исканий, разбросанные по различным главам. Седьмая глава, почти целиком посвящённая Татьяне, имеет не меньшее композиционное значение, чем 3 глава с письмом Татьяны или кульминационные главы 5 и 6 (пророческий сон Татьяны и эпизод дуэли Онегина и Ленского). Именно в 7 главе при посещении дома и кабинета Онегина героине, пытающейся разрешить для себя загадку Онегина, приходит в голову мысль: «**Уж не пародия ли он?**» (строфа XXIV).

Заключительная строфа 7 главы имеет ключевой характер с точки зрения поэтики композиции романа. Во-первых, в связи с тем, что, отгалкиваясь от основной в этой главе темы героини, автор, как бы спохватившись, здесь вспоминает героя Онегина (роман ведь называется «Евгений Онегин»). И уже не в первый раз в тексте произведения важнейший и, по признанию самого автора, любимый образ Татьяны («...*Татьяну милую мою...*») как бы доминирует здесь над образом героя Онегина. Дело идёт к его развенчанию в финале, последних строфах 8 главы. Важно вспомнить принципиальные для всего романа: «...*Татьяна, русская душою...*» (5, IV), с одной стороны, и Онегин, «...*как денди лондонский одет...*» (1, IV), с другой. Здесь же важно вспомнить строки 3 главы: «...*Родной земли спасая честь, я должен буду без сомнения письмо Татьяны перевести...*» (3, XXVI), – столь важные и в контексте мотива «честь», и образа русской героини Татьяны, и с точки зрения поэтики всего романа.

Во-вторых, здесь сюжетно-композиционная **парность** столь же принципиальна в поэтике «Евгения Онегина», как и парность Онегин-Ленский, Ольга-Татьяна, **парность** двух писем в начале (Татьяны) и в конце (Онегина) произведения.

В-третьих, принципиально здесь же рассуждение о классицизме, амбивалентное по своему характеру, то есть скрытое, но чрезвычайно важное для поэтики романа противопоставление (**парность**) классицизма [Гуревич, Т. 1, 1999, с. 513–514] и романтизма [Викторович, Т. 2, 2004, с. 436–

440] («правильности», нормативности классицизма и преодолевающих их свободы и раскрепощённости романтизма).

Пародийный, по мысли М. И. Шапира, характер финала 7 главы связан не только (и не столько) с прозрением героини («*Уж не пародия ли он?*»). Речь идёт о поэтике романа в целом, о соотношении черт романтизма и классицизма («**Я классицизму отдал честь...**»). Фраза полностью соответствует духу противоречий [Кулагин, 2004, Т. 2, с. 377–379], контрастов, антиномий, лежащих в основе композиционной поэтики «Евгения Онегина», по мысли Б. В. Томашевского [Томашевский, 1936, с. 832–833], Ю. М. Лотмана [Лотман, 1988, с. 30–107] и Ю. Н. Тынянова [Тынянов, 1977, с. 52–78]. Слово сочетание «отдал честь» [Викторович, Т. 2, 2004, с. 694–695] прочитывается двояко: «**почтил**» или же «**распроштался**», что напоминает текстовую модель оксюморона. Новаторство общей свободной, раскрепощённой поэтической установки Пушкина здесь вполне очевидно, особенно учитывая последнюю строку 7 главы «*Хоть поздно, а вступленья есть*» (строфа LV).

М. И. Шапир в словарной статье «Вступленья» [Шапир, Т. 1, 1999, с. 216–219] рассуждает, как уже говорилось выше, о пародийной соотнесённости текста финала 7 главы с наследием XVIII века, в частности, жанра «ирои-комической поэмы» (из эпохи излёта классицизма).

Заключение

Дойдя почти до конца своего романа, Пушкин, как бы подчёркивая его цельность, единство (сюжетно-композиционное), пробрасывает ещё одну связь между финальной и начальной его фазой. Здесь следует обратиться к интерпретации Н. И. Михайловой самого начала 1 главы романа: «*Мой дядя самых честных правил...*» [Михайлова, Т. 1, 1999, с. 388–389], вводных слов героя Онегина, касающихся умирающего дяди и его наследства. Слов явно иронического [Блок, 1969, с. 209–213; Чавчанидзе, 1974, с. 109–111] свойства, причём Н. И. Михайлова соотносит их с текстом басни И. А. Крылова [Русская басня, 1986, с. 399]. В статье «Дядя» в 1 томе Онегинской энциклопедии она пишет: «Первая строка 1 строфы первой главы «Евгения Онегина» – „*Мой дядя самых честных правил*” – иронически соотносится со стихами из басни И. А. Крылова „Осёл и мужик” – „*Осёл был самых честных правил...*”. Эту басню Пушкин не только читал, но и слышал в 1819 г. в исполнении самого И. А. Крылова в Пе-

тербурге на вечере у Олениных» [Михайлова, Т. 1, 1999, с. 388–389]. Важно подчеркнуть начало ироничности, точнее, **романтической иронии**, буквально охватывающей текст романа с самого начала и до самого конца. Той самой иронии, о которой пишет Диана Чавчанидзе: «Освобождающая от действительности **романтическая ирония** давала разрешение от противоречий, возвышение над ними посредством поэтического вымысла» [Чавчанидзе, 1974, с. 110].

Что примечательно, слова лексического гнезда «**честь-честный**» композиционно не только открывают роман, но и как бы возвращаются в 6 главе и в конце 7 главы, завершают произведение в финальных строфах 8 главы, в отповеди Татьяны Онегину: «...*Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен И мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь?... Я вас прошу, меня оставить; Я знаю: в вашем сердце есть И гордость и прямая честь* [Ожегов, 1990, с. 880–881; Викторovich, Т. 2, 2004, с. 694–695]. *Я вас люблю (к чему лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна*» (строфы XLIV и XLVII восьмой главы). Примечательно, что прямодушная Татьяна в финальном признании, уже как княгиня, прибегает к иронии. Слова лексического гнезда «**честь-честный**» (их всего 15 в романе) используются автором в поэтико-композиционном плане произведения как своеобразный лейтмотив, в стилевом отношении широко варьируясь от положительных, даже высоких смыслов, до иронических (особенно в тексте 6 главы, композиционно также центральной, с эпизодом противоестественной, трагичной дуэли двух бывших друзей).

Что касается календарных мотивов романа [Филипповский, 2018, с. 278–294], примечательно, что обсуждавшийся текст 7 главы содержит самые яркие в «Евгении Онегине» и, естественно, антиномичные описания противоречащих друг другу времён года. Начинается 7 глава едва ли не лучшей в мировой литературе сценой прихода весны (причём автор прибегает здесь к откровенному оксюмору: «...*С каким тяжёлым умиленьем Я наслаждаюсь дуновеньем В лицо мне веющей весны На лоне сельской тишины!*»), а строфы XXIX–XXX той же главы представляют столь же уникальный текст прихода зимы. Ранее уже приходилось писать в статье, посвящённой романтической поэтике А. С. Пушкина и Франце Прешерна [Филипповский, 2018, с. 278–294], словенского поэта-романтика, не просто о календарных мотивах в их произведениях, а о противосто-

янии зимы и весны (лета) как одной из ведущих черт композиционной динамики, поэтики «Евгения Онегина». Таким образом, не только общетеоретические рассуждения Ю. М. Лотмана [Лотман, 1988, с. 30–107] и Ю. Н. Тынянова [Тынянов, 1977, с. 52–77] о композиционной поэтике «Евгения Онегина», но и конкретные антиномично трактованные мотивные ситуации лексического материала («**честь-честный**» и «**зима-весна (лето)**») определяют «необычные» (по выражению Ю. Н. Чумакова) [Чумаков, 1999, с. 13] структурно-художественные особенности и поэтическое новаторство А. С. Пушкина в его великом романе («романе противоречий»).

Библиографический список

1. Байрон Д.-Г. Собрание сочинений в 4-х т. Москва : Художественная литература, 1981.
2. Блок А. Ирония // А. Блок. О литературе. Москва : Художественная литература, 1969. С. 209–213.
3. Викторovich В. А. Романтизм. Честь // Онегинская энциклопедия / глав. ред. Н. И. Михайлова. Москва : Русский путь, 2004. Т. 2. С. 438–440; 694–695.
4. Гуревич А. М. Классицизм // Онегинская энциклопедия. Москва : Русский путь, 1999. Т. 1. С. 513–514.
5. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Ленинград : Наука, 1978. 423 с.
6. Краснов Г. В. Предисловие // Онегинская энциклопедия. Москва : Русский путь, 2004. Т. 2. С. 343–346.
7. Кулагин А. В. Противоречия // Онегинская энциклопедия. Москва : Русский путь, 2004. Т. 2. С. 377–379.
8. Левкович Я. Л. Глава первая // Онегинская энциклопедия. Москва : Русский путь, 1999. Т. 1. С. 249–255.
9. Лотман Ю. М. «Евгений Онегин». Комментарий // Ю. М. Лотман. Пушкин. Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2005. С. 472–762.
10. Лотман Ю. М. Своеобразие художественного построения «Евгения Онегина» // Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Москва : Просвещение, 1988. С. 30–106.
11. Михайлова Н. И. Дядя // Онегинская энциклопедия. Москва : Русский путь, 1999. Т. 1. С. 388–389.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва : Русский язык, 1990. 923 с.
13. Онегинская энциклопедия / глав. ред. Н. И. Михайлова. Москва : Русский путь, 2004. Т. 1. 573 с.; Т. 2. 802 с.
14. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Москва : Эксмо, 2010. 381 с.
15. Русская басня. Москва : Художественная литература, 1986. С. 399.
16. Томашевский Б. В. Комментарии // Пушкин А. С. Сочинения / сост., статья, комментарии Б. В. Томашевского. Ленинград : Гос. изд-во «Художественная литература», 1936. 975 с.
17. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Москва : Аспект Пресс, 1996. 334 с.

18. Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977. С. 52–77.
19. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Москва : Искусство, 1970. 258 с.
20. Филипповский Г. Ю. Мотивы славянской весенне-летней обрядовой поэзии в творчестве Ф. Прешерна и А. С. Пушкина // Г. Ю. Филипповский. Аспекты прикладной филологии. Литературоведение. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 278–294.
21. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 1999. 398 с.
22. Чавчанидзе Д. Ирония // Словарь литературных терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. Москва : Просвещение, 1974. С. 109–111.
23. Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. Санкт-Петербург : Гос. Пушкинский театральный центр, 1999. 431 с.
24. Шапир М. И. Вступленья // Онегинская энциклопедия. Москва : Русский путь, 1999. Т. 1. С. 216–219.
10. Lotman Ju. M. Svoeobrazie hudozhestvennogo postroenija «Evgenija Onegina» = Specific literary structure of Eugene Onegin // Ju. M. Lotman. V shkole pojeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'. Moskva : Prosveshhenie, 1988. S. 30–106.
11. Mihajlova N. I. Djadja = The Uncle // Oneginskaja jenciklopedija. Moskva : Russkij put', 1999. T. 1. S. 388–389.
12. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language. Moskva : Russkij jazyk, 1990. 923 s.
13. Oneginskaja jenciklopedija = Onegin encyclopedia / glav. red. N. I. Mihajlova. Moskva : Russkij put', 2004. T. 1. 573 s.; T. 2. 802 s.
14. Pushkin A. S. Evgenij Onegin = Eugene Onegin. Moskva : Jeksmo, 2010. 381 s.
15. Russkaja basnja. = The Russian fable. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. S. 399.
16. Tomashevskij B. V. Kommentarii = Commentaries // Pushkin A. S. Sochinenija / sost., stat'ja, kommentarii B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Gos. izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», 1936. 975 s.
17. Tomashevskij B. V. Teorija literatury. Pojetika = Theory of literature. Poetics. Moskva : Aspekt Press, 1996. 334 s.
18. Tynjanov Ju. N. O kompozicii «Evgenija Onegina» = On Eugene Onegin's composition // Ju. N. Tynjanov. Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moskva : Nauka, 1977. S. 52–77.
19. Uspenskij B. A. Pojetika kompozicii = Poetics of composition. Moskva : Iskusstvo, 1970. 258 s.
20. Filippovskij G. Ju. Motivy slavjanskoj vesenneletnej obrjadovoj poezii v tvorcestve F. Presherna i A. S. Pushkina = Motifs of Slavic spring and summer ritual poetry in F. Preshern's and A. S. Pushkin's works // G. Ju. Filippovskij. Aspekty prikladnoj filologii. Literaturovedenie. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. S. 278–294.
21. Halizev V. E. Teorija literatury = Theory of literature. Moskva : Vysshaja shkola, 1999. 398 s.
22. Chavchanidze D. Ironija = Irony // Slovar' literaturnyh terminov / red.-sost. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moskva : Prosveshhenie, 1974. S. 109–111.
23. Chumakov Ju. N. Stihotvornaja pojetika Pushkina = Pushkin's poetics of verse. Sankt-Peterburg : Gos. Pushkinskij teatral'nyj centr, 1999. 431 s.
24. Shapir M. I. Vstuplen'e = Introduction // Oneginskaja jenciklopedija. Moskva : Russkij put', 1999. T. 1. S. 216–219.

Reference list

1. Bajron D.-G. Sbranie sochinenij v 4-h t. = Collected works in 4 volumes. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1981.
2. Blok A. Ironija = Irony // A. Blok. O literature. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1969. S. 209–213.
3. Viktorovich V. A. Romantizm. Chest' = Romanticism. Honour // Oneginskaja jenciklopedija / glav. red. N. I. Mihajlova. Moskva : Russkij put', 2004. T. 2. S. 438–440; 694–695.
4. Gurevich A. M. Klassicism = Classicism // Oneginskaja jenciklopedija. Moskva : Russkij put', 1999. T. 1. S. 513–514.
5. Zhirmunskij V. M. Bajron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury = Byron and Pushkin. Pushkin and western literatures. Leningrad : Nauka, 1978. 423 s.
6. Krasnov G. V. Predislovie = Foreword // Oneginskaja jenciklopedija. Moskva : Russkij put', 2004. T. 2. S. 343–346.
7. Kulagin A. V. Protivorechija = Contradictions // Oneginskaja jenciklopedija. Moskva : Russkij put', 2004. T. 2. S. 377–379.
8. Levkovich Ja. L. Glava pervaja = Chapter I // Oneginskaja jenciklopedija. Moskva : Russkij put', 1999. T. 1. S. 249–255.
9. Lotman Ju. M. «Evgenij Onegin». Kommentarij = Eugene Onegin. Commentary // Ju. M. Lotman. Pushkin. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb., 2005. S. 472–762.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 25.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 821.161.09«19»
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-16
EDN: EHSWBI

Переписка Л. Н. Толстого и А. В. Дружинина 1850–1860-х годов: идея литературного журнала и попытка «противления всем возмущениям, склокам, озлоблениям»

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а;
Ведущий научный сотрудник, Костромской государственной университет. 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье автор обращается к проблеме взаимоотношений и взаимодействия Л. Н. Толстого и А. В. Дружинина, уделяя основное внимание переписке писателя и критика. Дается целостная характеристика корреспонденции между Толстым и Дружининым, показывается значительное идейное влияние «бесценного триумvirата» и собственно Дружинина на позицию Толстого, формирование его идейных воззрений и литературных вкусов. На ряде примеров доказывается тот факт, что Толстой очень прислушивался к мнениям и советам Дружинина, Тургенев даже опасался того, что влияние Дружинина на Толстого может быть слишком сильным, подавляющим собственно толстовскую натуру. В работе отмечается и трезвое, критическое восприятие Толстым позиции Дружинина. Особенное внимание в статье уделяется истории публикации рассказа Толстого «Разжалованный» в журнале Дружинина «Библиотека для чтения», представлены позиции автора и редактора, который попытался за счет внесения в рассказ максимального объема правок умиловать цензурный комитет. Оценивается идея выпуска нового литературного журнала, существовавшая в то время в среде сторонников чистого искусства, ее обсуждение Толстым и Дружининым в письмах. Значимой видится готовность Дружинина не только помогать Толстому с новым журналом, но и передать ему «Библиотеку для чтения». Критик активно советовал Толстому в письме различных сотрудников, которые могли бы заниматься художественными разделами или взяли на себя миссию по написанию научных разделов. Рассматривается отношение писателя и критика к возмущению и противлению, в статье показано влияние Дружинина на формирование в Толстом благодарного приятия жизни, стремления к созиданию, но не противоречию и разрушающей борьбе. Сформулированы основные причины постепенного охлаждения Толстого и Дружинина, их отдаления друг от друга, постепенного затухания переписки уже в начале 1860-х гг., во время кризиса в жизни Толстого и его решения оставить литературную деятельность.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; А. В. Дружинин; переписка; корреспонденты; общественная позиция; «чистое искусство»; литературные журналы; возмущение; позиция редактора; «бесценный триумvirат»

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

Для цитирования: Андреева В. Г. Переписка Л. Н. Толстого и А. В. Дружинина 1850–1860-х годов: идея литературного журнала и попытка «противления всем возмущениям, склокам, озлоблениям» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 16–24. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-16>. <https://elibrary.ru/EHSWBI>

Original article

Correspondence between L. N. Tolstoy and A. V. Druzhinin in the 1850s–1860s: the idea of a literary magazine and an attempt to «resist all disturbances, squabbles, and bitterness»

Valeria G. Andreeva

Doctor of philological sciences, leading researcher, A. M. Gorky institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a;
leading researcher, Kostroma state university, 156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The author of the article focuses on the relationship and interaction between L. N. Tolstoy and A. V. Druzhinin, with special attention to the correspondence between the writer and the critic. The article gives a holistic description of the correspondence between Tolstoy and Druzhinin and shows significant ideological influence of the «priceless triumvirate» and Druzhinin himself on Tolstoy's position, the formation of his ideological views and literary tastes. A number of examples prove the fact that Tolstoy was very attentive to Druzhinin's opinions and advice; Turgenev even feared that Druzhinin's influence on Tolstoy might be too strong, suppressing Tolstoy's own nature. The study also notes Tolstoy's sober, critical perception of Druzhinin's position. Special attention is paid to the history of publishing Tolstoy's story «Demoted» in Druzhinin's journal «Library for Reading», to the positions of the writer and the editor who tried to appease the censorship committee by introducing as many alterations to the story as possible. The author assesses the idea of publishing a new literary magazine, which existed at that time among the supporters of pure art, and the discussion of this idea by Tolstoy and Druzhinin in their letters. Druzhinin's readiness not only to help Tolstoy with the new magazine, but also to hand over to him the «Library for Reading» seems significant. In his letters, the critic strongly recommended to Tolstoy various people who could handle the art sections or take on the mission of writing science sections. The article considers the writer's and the critic's attitude to indignation and opposition; it shows Druzhinin's influence on forming a grateful acceptance of life in Tolstoy, striving for creation, but not contradiction and destructive struggle. The author outlines the main reasons for the gradual cooling between Tolstoy and Druzhinin, their estrangement from each other, the gradual decline of correspondence already in the early 1860s, during the crisis in Tolstoy's life and his decision to leave literary activity.

Key words: L. N. Tolstoy; A. V. Druzhinin; correspondence; correspondents; social position; «pure art»; literary magazines; indignation; editor's position; «priceless triumvirate»

This research was carried out at IWL RAS and funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00661 «L. N. Tolstoy's Correspondence with Russian Writers and Publicists. 1860s», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation: Andreeva V. G. Correspondence between L. N. Tolstoy and A. V. Druzhinin in the 1850s–1860s: the idea of a literary magazine and an attempt to «resist all disturbances, squabbles, and bitterness». *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):16–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-16>. <https://elibrary.ru/EHSWBI>

Введение. О знакомстве и взаимоотношениях Л. Н. Толстого и А. В. Дружинина

Круг общения молодого Толстого был широк и разнообразен, особенно сразу после его приезда из действующей армии в Петербург и Москву. Толстой общался с представителями разных школ и направлений, нередко взвешивал и соизмерял противоречивые суждения коллег и знакомых, делая выводы. Начавший литературную карьеру в «Современнике», Толстой во многом был обязан Н. А. Некрасову, не только уловившему талант в писателе, но далее способствовавшему его знакомству со многими авторами.

При значительной изученности ранних произведений Толстого и широко освещенной биографической канве жизни писателя, в том числе вопросов взаимодействия Толстого с современниками, множество лакун до сих пор остается в исследовании эпистолярного наследия Толстого, его переписки с современниками. Целью данной статьи является аналитическое осмысление основных тем и проблем переписки Толстого с Дружининым (1824–1864), уяснение специфики общения писателя и критика, их влияния друг на друга.

Единственная глубокая и основательная литературоведческая работа, посвященная переписке Толстого и Дружинина, написана К. И. Чуковским [Чуковский, 2012]. Учитывая достижения учено-

го, мы предпринимаем попытку проработки еще не прокомментированных этапов взаимодействия Толстого и Дружинина, в ряде позиций выдвигая свой, новаторский взгляд на причины, поводы и следствия поступков и высказываний современников, их поведенческие реакции.

Толстой и Дружинин познакомились на обеде у Некрасова 22 ноября 1855 г. Осенью 1856 г. и зимой 1857 г. Толстой много времени проводил в обществе литераторов и общественных деятелей, часто виделся с «бесценным триумvirатом». В. Н. Крылов справедливо подчеркнул, что «благодаря поддержке „триумvirата“ Толстой почувствовал уверенность в себе как художник, ощутил себя писателем в общественном мнении, его талант был оценен замечательными критиками» [Крылов, 2011, с. 125].

Толстой сначала несколько противоречиво и по-разному, под влиянием настроения, относился к Дружинину, как и к Анненкову, к Боткину. 17 ноября 1856 г. Толстой записывает: «Дружинин был добродушен» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 100]. 20 ноября 1856 г. Толстой отметил, что его несколько обидело поведение Дружинина: «Дружинин отказался слушать меня, и это меня покоробило...» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 101]. Толстой часто отмечает, что время, проведенное в доме у Дружинина, в его присутствии ему приятно. Однако писатель уже в этот период был не

лишен критического отношения к Дружинину, 7 декабря 1856 г. он записал: «Прочел 2-ю статью Дружинина. Его слабость, что он никогда не усумнится, не вздор ли это всё» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 104]. Вместе с тем Толстой признает значение и масштаб личности Дружинина: «Обедал у Додона. Дружинин был велик» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 104].

Ранее мы уже отмечали, что «признание Толстым авторитета и значимости „бесценного триумvirата” Боткин – Анненков – Дружинин основывалось не только на идейных взглядах и позициях» [Андреева, 2023б, с. 98]. С одной стороны, общаясь с писателями и критиками, к концу 1850-х гг. уже нашедшими прочную систему убеждений, четко сформировавшими свои позиции, Толстой выстраивал и свои взгляды, с другой стороны, общаясь с коллегами и знакомыми Толстой планировал найти «такого друга, который бы в большой степени мог говорить с ним о нем самом, о волнующих его проблемах и предположениях, а не высказывать свои мысли и чувства, нередко полюсные толстовским» [Андреева, 2023а, с. 63].

Переписка между Толстым и Дружининым, разумеется, не продолжалась во время их непосредственного общения. Дружинин никогда не вел затворнического образа жизни, наоборот, он с радостью приобщался к различным торжествам и гуляниям. Н. Н. Гусев отмечает, что нередко Дружинин и даже Тургенев становились спутниками Толстого: «В дневнике Дружинина записано, что 11 декабря Толстой „на последние свои деньги” давал вечер у цыган в Hôtel Napoléon; в числе гостей были Тургенев, Дружинин, известный рассказчик И. Ф. Горбунов и другие» [Гусев, 1957, с. 10].

А. В. Дружинин как идеолог «бесценного триумvirата» и его влияние на Л. Н. Толстого

Активная переписка между Дружининым и Толстым началась в сентябре 1856 г. и почти завершилась к 1860 г. Всего в переписке Толстого и Дружинина нам известны 23 письма: 21 письмо относится к 1850-м гг. (14 писем Дружинина и 9 писем Толстого) и всего 2 письма – к 1860-м гг. (оба этих письма принадлежат Толстому, ответные письма не сохранились).

Во второй половине 1850-х гг. Толстой оказался под значительным идейным влиянием «бесценного триумvirата»: «...кроме кутежей, они немало времени посвящали „изящному” и спорили об „изящном” по целым часам» [Чуковский, 2012, с. 74]. Дружинин и Толстой встречались на

многих светских мероприятиях. Критик часто наблюдал за Толстым, которого в шутку называл «башибузуком» за его упрямство и своенравие. Так, Дружинин записал в дневнике о прошедшем маскараде: «Наш милейший башибузук Толстой есть талант первоклассный. В маскараде ходил с одной только женщиной, почти не разлучаясь. Незнакомка сия крайне умна и элегантна, и занимательна, но сама сознается, что ей за 30 лет» [Дружинин, 1986, с. 366].

Однако молодой писатель часто не стеснялся крайности и субъективности своих суждений. 31 января 1856 г. Дружинин у Некрасова прочитал выполненный им перевод «Короля Лира» Шекспира, Толстой же резко отрицательно высказался о Шекспире и его произведениях – он и ранее сообщал свою позицию Дружинину. Интересно, что в дневнике Дружинин указывает Толстого первым в ряду своих слушателей и при этом упоминает о необходимости его вразумления: «Тем не менее результатом чтения я остался весьма доволен. Вот мои слушатели: Толстой, Майков, Некрасов, Анненков, Гончаров, Фет, Панаев, Григорович. Самым пламенным оказался Павел Васильевич. Теперь дело о „Лире” есть дело решенное. Вечером я и Тургенев сидели у Толстого, вразумляя его насчет Шекспира» [Дружинин, 1986, с. 374]. Рассуждая о Дружинине как переводчике Шекспира, исследователи часто пишут исключительно о столкновениях Дружинина и Толстого во взглядах на Шекспира и его значение для мировой литературы. Однако необходимо учесть, что велика заслуга Дружинина в целом в приобщении Толстого к англоязычной литературе и различным авторам (произведения которых Толстой уже частично читал к концу 1850-х гг., но преимущественно открывал для себя в это время и позднее). Зарубежные исследователи делают акцент на том, что Дружинин был «увлеченным пропагандистом английской литературы в России»: «Он не только перевел несколько пьес Шекспира и написал очерки о Вальтере Скотте, Диккенсе, Теккере и других хорошо известных английских писателях, но также представил русской читающей публике такого поэта, как Джордж Крабб» [Struve, 1950, p. 87].

Толстой и Дружинин много общались и переписывались по поводу различных произведений и авторов, при этом и писатель, и критик были чрезвычайно внимательны к душевным движениям и внутреннему миру героев. Б. Ф. Егоров считал, что несомненным сходством Толстого и Дружинина является их склонность к постоянной

работе над собой. Казалось, что сибарит Дружинин не так склонен к самоанализу, однако дневник критика открывает «постоянные критические самонаблюдения и замечания автора дневника в свой адрес, пафос нравственного самоусовершенствования» [Егоров, 1986, с. 455]. Впрочем, есть большая разница между автобиографическими героями Толстого и героями Дружинина. Дженни Вудхаус отмечает, что «Дворяне Дружинина не похожи на героев русских романов, знакомых английским читателям: у них нет ни культуры, ни интеллектуального диапазона тургеневских персонажей, ни морального пыла героев Толстого. Их стремления гораздо проще: они ищут жизнь, а не образ жизни» [Woodhouse, 1988, p. 53]. Дружинину все-таки не был свойственен тот глубинный и постоянный анализ ситуации, ее преломления в сознании, который присутствовал у Толстого.

Несмотря на возникавшие между критиком и писателем противоречия и споры, оба они испытывали радость от общения. 9 ноября 1856 г. Дружинин записал в дневнике: «Приехал Толстой, к великой моей радости, и мы с ним были два дня почти неразлучно» [Дружинин, 1986, с. 398]. Дружинин притягивал Толстого своими взглядами на жизнь, на светлые стороны действительности, которые критик старался замечать и которыми наслаждался. Инстинктивное и рассудочное противление всем возмущениям, склокам, озлоблениям во многом было «привито» Толстому именно Дружининым. П. Д. Боборыкин отмечал, что отсутствие злобы, ненавистного и резкого отношения, возмущения было для Дружинина одним из важнейших показателей уровня человека и тем более писателя: «Он и во всемирной литературе не признавал, например, Гейне, потому что поэт, по его убеждению, не должен так уходить в „злобы дня“ и пускаться в ход сарказм и издевательство» [Боборыкин, 1965, с. 195].

Переписка Толстого и Дружинина возникла в то время, когда Дружинин ушел из журнала «Современник» и принялся за управление журналом «Библиотека для чтения» (причиной ухода Дружинина стало сотрудничество «Современника» с Чернышевским). Фактически Дружинин стал руководить «Библиотекой для чтения» с апреля 1856 г., а формально он стал главным редактором с ноября 1856 г. Толстой тогда еще не подписал «обязательное соглашение» с «Современником», и Дружинин просил его прислать что-нибудь для публикации в его журнале: «...самую крошечную статейку, отрывок, эпизод из севастопольских воспоминаний для последних книжек „Библиоте-

ки“, пока еще Вы не связаны условием» [Л. Н. Толстой, 1978, с. 264].

К этому времени Толстой уже обещал Дружинину одно из своих произведений и сначала планировал выбрать что-то уже написанное. Немного позднее Толстой создал для «Библиотеки для чтения» новый рассказ «Разжалованный», а в ответ на осеннее письмо Дружинина (от 15 сентября 1856 г.) он выслал критику и редактору «Юность», которую готовил для «Современника».

Редактор А. В. Дружинин и автор Л. Н. Толстой

Необходимо сделать существенную оговорку о том, что Дружинин был талантливым критиком и писателем, однако оказался рядовым редактором. Скорее всего, эта ситуация достаточно быстро стала ясна и Толстому. При первых вестях о том, что Дружинин будет возглавлять журнал, в письме В. П. Боткину от 11(23) июня 1856 г. Тургенев писал о своих значительных надеждах на новое издание: «Я много жду от „Библиотеки для чтения“ под его командой...» [Тургенев, 1978–2014, т. 3, с. 108]. Между тем Н. Н. Скатов отмечает, что при Дружинине журнал не только не расцвел, но, скорее, завял окончательно, что было связано с отсутствием у Дружинина определенной общественной программы, серьезного плана действий [Скатов, 1988, с. 23]. Е. В. Колесникова справедливо отметила, что Дружинину удалось привлечь в журнал молодых литераторов, но падение популярности издания было связано с тем, что «новый редактор продолжал политику журнала, заложенную еще Сенковским, – быть вне борьбы „мнений и направлений“» [Колесникова, 2014, с. 53].

В письме от 6 октября 1856 г. Дружинин много хвалит Толстого и его «Юность». Критик видит и масштаб задачи Толстого, и уровень ее решения, он прямо отвечает писателю на вопрос о том, не хуже ли «Юность» «Детства» и «Отрочества»: «Ни один из теперешних писателей не мог бы так схватить и очертить волнующий и бестолковый период юности. Для людей развитых Ваша „Юность“ доставит великое наслаждение, и если кто Вам скажет, что эта вещь хуже „Детства“ и „Отрочества“, тому Вы можете плюнуть в физиономию» [Л. Н. Толстой, 1978, с. 267]. На фоне восхищения и похвалы Дружинина его замечания фактически не примечательны, однако они интересны в связи с желанием Дружинина «удержать» Толстого от ошибок, которые слишком напоминают веяния противоположного лагеря. Критик пишет о своих опасениях, о том, что рассуждения

Толстого умны и оригинальны, однако ему помещает в будущем «чрезмерная тонкость анализа, которая может разрастись в большой недостаток» [Л. Н. Толстой, 1978, с. 267]. В письме Дружинин приводит в пример отнюдь не глубинное психологическое размышление, но предложение, позволяющее говорить об опасениях критика, связанных с попаданием Толстого под влияние натуральной школы: «Иногда Вы готовы сказать: „У такого-то ляжки показывали, что он желает путешествовать по Индии“. Обуздать эту склонность Вы должны, но гасить ее не надо ни за что в свете» [Л. Н. Толстой, 1978, с. 267]. К. И. Шнейдер справедливо заметил, что «Дружинин резко выступил против „натуральной школы“ в русской литературе с ее реализмом и дидактическими интенциями, противопоставив ей „артистическую школу“ свободного и чувственного восприятия окружающей человека действительности» [Шнейдер, 2015а, с. 43].

Толстой очень прислушивался к мнениям и советам Дружинина, Тургенев даже опасался того, что влияние Дружинина на Толстого может быть слишком сильным, подавляющим собственно толстовскую натуру. 8(20) декабря 1856 г. Тургенев писал Толстому из Парижа: «Вы, я вижу, теперь очень сошлись с Дружининым – и находитесь под его влиянием. Дело хорошее – только, смотрите, не объестьесь и его. Когда я был Ваших лет, на меня действовали только энтузиастические натуры; но Вы другой человек, чем я – да, может быть, и время теперь настало другое» [Тургенев, 1978–2014, т. 3, с. 160]. Разумеется, следование Толстого за Дружининым, частое общение, интенсивная переписка в 1850-е гг. были вызваны поиском писателем своих принципов, взглядов на жизнь и искусство. К. И. Чуковский считает, что «Толстой поддался влиянию дружининской проповеди», что, «читая его тогдашние письма, мы не можем не прийти к убеждению, что он бессознательно цитирует в них высказывания своего старшего друга» [Чуковский, 2012, с. 87]. По нашему мнению, нельзя в отношении Толстого говорить о парафразах журнальных статей Дружинина: дело было тут не в обличении Чернышевского и борьбе с новым направлением, а, скорее, в поиске Толстым собственного пути в литературе – для этого писателю была необходима стройная и непротиворечивая жизненная концепция. Самостоятельному и не готовому подстраиваться под чужие мнения, молодому тогда Толстому очень симпатизировала дружининская теория

свободного искусства, не подчиненного тенденциям.

Письма корреспондентов максимально открытвенны. Как критик и редактор журнала Дружинин был человеком очень сдержанным и осторожным, не привыкшим действовать под впечатлением первого порыва. Для характеристики личности Дружинина и его взглядов примечательна ситуация, сложившаяся с рассказом Толстого «Разжалованный», отправленным писателем для публикации в «Библиотеку для чтения». Произведение Толстого вызвало вопросы в цензурном комитете, был выставлен ряд замечаний, требующих устранения. Дружинин в этой ситуации постарался максимально сгладить конфликт. Во-первых, он посоветовал Толстому лично пообщаться с начальником Петербургского цензурного комитета князем Г. А. Щербатовым. Общение, как можно судить, состоялось. Согласно записи в дневнике Толстого, писатель был у Г. А. Щербатова во вторник, 9 декабря: «Встал поздно, всё бессонница, был скучный Тишкевич. Пошел к Константину, застал Нечаева, потом шлялся до обеда у Дюсо. Спал, читал немного Auerbach'a, и у Щербатова» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 104]. Во-вторых, Дружинин, опасаясь за журнал и желая установить с начальником цензурного комитета добрые отношения, не просто передал Толстому все пожелания цензора, но передал пристрастием, прося писателя поскорее сделать решительные коррективы и смягчить рассказ *более*, чем просил цензор.

Идея издания нового журнала

В переписке Дружинин и Толстой живо обсуждают *идею издания чисто литературного журнала*. Весной 1858 г. стало понятно, что «обязательному соглашению» Толстого, Тургенева, Островского и Гончарова с журналом «Современник» положен конец. Тургенев в письме Толстому от 27 марта (8 апреля) 1858 г. писал: «Итак, наше „обязательное соглашение“ рухнуло! Этого следовало ожидать. Я очень доволен этим оборотом дела. Словно на волю отпустили, хотя на что она, эта воля?» [Тургенев, 1978–2014, т. 3, с. 313]. Особенная активность Дружинина, связанная с мыслями о новом художественном издании, могла быть связана сразу с несколькими факторами. Во-первых, Дружинин выздоровел, как он писал Толстому 15 апреля 1858 г., «самым внезапным и неожиданным образом» [Л. Н. Толстой, 1978, с. 272], и ощутил новый прилив сил. Во-вторых, он узнал о том, что четыре самых известных писа-

теля России более не связаны условиями «Современника»: в этой ситуации Дружинин, конечно, хотел составить команду, которая была бы в оппозиции Некрасову, Чернышевскому, новой редакции «Современника». В-третьих, Дружинина не могло не беспокоить положение «Библиотеки для чтения» и отсутствие высокохудожественных материалов для журнала. В-четвертых, В. П. Боткин, скорее всего, рассказал Дружинину о планах Толстого по изданию чисто художественного журнала. Так как Боткин поведал об этом Тургеневу (Тургенев сообщал Толстому: «Боткин показал мне Ваше письмо, где Вы с таким жаром говорите о намеренье основать чисто художественный журнал в Москве» [Тургенев, 1978–2014, т. 3, с. 313]), с очень значительной долей вероятности он мог рассказать об этом и Дружинину. К Толстому идея создания художественного журнала пришла еще в конце 1857 г., он сообщал о ней В. П. Боткину в письме от 4 января 1858 г.

К. И. Чуковский считает, что мысль о новом журнале Толстой выдвинул как чужую идею, а именно – идею Дружинина [Чуковский, 2012, с. 88]. Между тем, К. И. Чуковский не учитывает, что в том случае, если бы идея открытия литературного журнала принадлежала изначально Дружинину и была навязана им Толстому, то Дружинин не оказался бы в необходимости подробно объяснять все тонкости в письме Толстому и предлагать определенные альтернативы с журналом. Нельзя исключать, что в кругу литераторов (сторонников «чистого искусства») эта идея упоминалась вскользь не раз. По всей видимости, Дружинин воспринимался коллегами-писателями и критиками одним из основных идеологов в этом вопросе, так как все прекрасно знали, что «Дружинин последовательно стремился деполитизировать любое профессиональное обсуждение какого-либо периода или явления в истории русской культуры» [Шнейдер, 2015б, 179].

Значимой видится готовность Дружинина не только помогать Толстому с новым журналом, но и передать ему «Библиотеку для чтения». Критик активно советовал Толстому в письме различных сотрудников, которые могли бы заниматься художественными разделами или взяли на себя миссию по написанию научных разделов. Между тем, в письме от 1 мая 1858 г. Толстой указал слабые пункты рассуждений Дружинина относительно журнала. Он считал, что выпускать необходимо новое издание, без какого-либо следа в прошлом. Кроме того, Толстой забраковал ученую часть в предполагаемом журнале. Можно только восхи-

титься точностью рассуждений Толстого, который трезво оценивал качество материалов для изданий. Дружинин же, в отличие от Толстого, уже столкнувшийся воочию с делом редактора, в письме от 15 мая 1858 г. напоминал своему корреспонденту, что для успешного журнала необходимы два главные условия – значительный уставной капитал и серьезная, даже яростная работа предполагаемых авторов-сотрудников.

Интересно письмо Дружинина Толстому от 10 февраля 1859 г., в котором критик, в том числе, говорит о произведениях писателя. К сожалению, письмо Толстого, на которое отвечает Дружинин, не сохранилось, однако мы можем сделать убедительные предположения относительно произведений, о которых идет речь. «Насчет романа благодарю Вас и буду ждать его окончания, только попрошу Вас назначить положительную цифру с листа, потому что иначе я могу назначить Вам менее...» – писал Дружинин [Л. Н. Толстой, 1978, с. 277]. В послании Толстого, по всей видимости, говорилось о романе «Семейное счастье», который Толстой не хотел отдавать в «Современник». «Фет писал мне, что Вы перемарали все начало романа. Если этот роман тот самый, которого начало читали Вы мне у достопамятной m-me Ketterer на Женевском озере, то я удивляюсь, чем Вы в нем недовольны», – продолжал Дружинин [Л. Н. Толстой, 1978, с. 277]. Письмо Фета с таким содержанием не сохранилось, а, возвращаясь на некоторое время в прошлое относительно времени написания письма Дружинина, отметим, что в послании от 1(13) мая 1857 г. Толстой сообщал Боткину и Дружинину, что он поселился на берегу Женевского озера в Canton de Vaud, Clarens, Pension Ketterer. В начале июня Боткин и Дружинин приехали к Толстому, который читал им «Альберта» и первые главы романа «Казак». И Дружинин, и Боткин отрицательно отнеслись к «Альберту», однако высоко оценили начало «Казак». В дневнике Толстой отмечает впечатление Боткина от прочитанных им произведений 12(24) июня 1857 г.: «Читал Боткину Поврежденного. Действительно, это плохо. Казак ему понравился» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 137].

В ряде следующих друг за другом писем в 1858 и 1859 гг. Толстой продолжает зазывать Дружинина в гости, он подчеркивает, что его Ясная Поляна не хуже Кунцева, где на даче у Боткина часто гостил Дружинин. Толстой был в Кунцево 18 мая 1856 г., он кратко описал дачу в дневнике, найдя ее хорошенькой.

Весной 1859 г. Дружинин основательно содействовал предполагаемому обращению Толстого к

Г. А. Кушелеву-Безбородко с вопросом издания книги. Ответа Кушелева так и не последовало. К. И. Чуковский считает, что Кушелев хотел, чтобы Толстой передал ему для издания все три тома своих сочинений, но так как это было невозможно (два первые тома были еще в продаже) поведение Кушелева было своеобразной попыткой уклониться от издания произведений Толстого (Дружинин в этой ситуации пытался разобраться и Толстому помочь).

Толстовские эксперименты и первые непонимания корреспондентов

28 сентября 1859 г. Дружинин написал Толстому письмо со своей постоянной редакторской просьбой – присылки материалов для будущих книжек журнала. «Я уверен, что Вы меня не покинете, но мне нужна *скорая* помощь», – просил Дружинин [Л. Н. Толстой, 1978, с. 287]. Однако Толстой ничего не прислал своему корреспонденту, в письме от 9 октября 1859 г. Толстой пояснял, что считает свою писательскую карьеру законченной и не желает тратить время на написание художественных произведений. Письмо Толстого доброжелательно, но категорично. По всей видимости, писатель (как ему тогда казалось) был непреклонен в своем решении и жизненном выборе, именно поэтому следующее письмо Дружинина охладило Толстого по отношению к критику. Толстой ждал поддержки и понимания в том повороте, который происходил в его жизни. «Я не пишу и не писал со времени Семейного Счастья и, кажется, не буду писать», – сообщал он Дружинину [Л. Н. Толстой, 1978, с. 289].

«Семейное счастье» было написано Толстым не только в связи с собственными размышлениями о женитьбе, представлениями идеала женщины и жены, мечтами и планами о будущем. Значительное влияние на стиль и манеру произведения оказали сторонники «чистого искусства». Анализируя высказывания советских ученых о «Семейном счастье» зарубежные исследователи отмечали, что на первый план долгое время выдвигалась в произведении неспособность героини решать социальные проблемы: «Решив писать от лица наивной семнадцатилетней дворянки, барышни, всю жизнь проведенной в усадьбе, Толстой отрезал себя от большого мира, от такого рода восприятий и размышлений, которые он считал подходящим для зрелых мужских персонажей» [McLean, 2008, p. 6]. Действительно, «Семейное счастье» нельзя свести лишь к социальному конфликту, роман этот об отношениях людей, их выборе и эволюции чувств, однако нельзя отрицать

и значительного влияния Дружинина и Боткина на стиль и проблематику произведения.

Постепенно отдаление Толстого и Дружинина началось, как можно судить по письмам, в октябре 1859 г. По нашему мнению, одной из важнейших причин стало письмо Дружинина от 15 октября 1859 г., в котором он отвечал Толстому по поводу его решения об оставлении писательства. Вместо того чтобы спросить писателя о причинах кризиса и выяснить его позицию, Дружинин попытался переубедить Толстого, в общении с которым этот поступок был фатальной ошибкой, способствовавшей изменению отношения писателя к Дружинину.

Среди достаточно объемного критического наследия Дружинина творчеству Толстого посвящены две статьи – глубокие и благожелательные, учитывающие творческие особенности молодого писателя: 1) «„Метель“. „Два гусара“. Повести графа Л. Н. Толстого» и 2) «„Военные рассказы графа Л. Н. Толстого“, „Губернские очерки“ Н. Щедрина. Спб., 1856» (Впервые статья вышла в № 16 и № 18 журнала «Русский вестник» за 1856 г.). Дружинин высоко оценивал талант Толстого, признавая его независимый характер.

Завершение переписки в 1860-е гг.

В отличие от объемной переписки между Толстым и Дружининым в 1850-е гг., в 1860-х гг. письменное взаимодействие между писателем и критиком практически прекратилось. Этот факт объяснялся взрослением Толстого, его новыми жизненными планами и занятиями. К. И. Чуковский писал: «Идейная близость Толстого с Дружининым кончилась, продолжалась только инерция дружбы» [Чуковский, 2012, с. 98]. Охлаждение Толстого к Дружинину прекрасно заметно далее в начале его письма от 14 апреля 1860 г.: Толстой пишет, что он разгорячился, разозлился на литературный фонд Дружинина, поэтому свое ответное письмо не отправил. Толстой продолжал расстраиваться по поводу «Семейного счастья», однако глубинной основой размолвки с Дружининым стало изменение вектора толстовского движения и поиска. Разочарование в литературе, поиск реального дела совершенно не гармонировали с теорией чистого искусства Дружинина.

В отличие от пространственных писем 1850-х гг., оба письма Толстого, написанные в апреле 1860 г., связаны с конкретными делами – приобретением билетов для поездки в Европу сестре Толстого Марии Николаевне с детьми и брату Николаю, в чем Толстой просил у Дружинина помощи. Толстой не стесняется показать критику

изменение своих воззрений, в это время для писателя на первый план вышло общение с близкими людьми, поиск новых сфер для самореализации с учетом пользы и необходимости.

Вместе с тем, сопоставление, к примеру, всего лишь двух писем 1860 г. – письма Толстого к Дружинину от 14 апреля 1860 г. и письма Тургенева к Дружинину от 25 сентября (3 октября) 1860 г. – показывают глубинное различие дальнейшего движения писателей и их отношения к Дружинину. Занявшись педагогикой, школами, хозяйством, Толстой не видел уже серьезного смысла ни в литературе, ни в литературном фонде, занимавшемся помощью литераторам. Тургенев же обещал Дружинину, что не будет забывать литературный фонд и постарается устроить в Париже чтения в его пользу [Письма к Дружинину, 1948, с. 331]. Очень символично, что Толстой в это время вплотную изучал вопрос народного образования, а Тургенев прислал Дружинину проект программы «Общества для распространения грамотности и первоначального образования». Толстой на практике занимался открытием школ и поиском учителей, подбором наиболее приемлемых методов обучения крестьянских детей, Дружинин, продолжая делать акцент на эстетике, писал Тургеневу в ответ, что его записка изложена *недостаточно красиво*: «Она изложена не щеголевато и как-то небрежно; как это сделалось у таких мастеров, как все вы, – не знаю. Теперь она ходит между писателями и хороша, но перед ее прогулкой в публике придайте ей более теплоты и, что ж делать, красоты слога. Не мешает подробнее изложить, как именно Общество будет содействовать лицам, открывающим школы и, вообще, изложить в примерах его деятельность...» [Письма к Дружинину, 1948, с. 331].

Последнее письмо Толстого Дружинину кратко и лаконично. К. И. Чуковский подчеркнул, что «это последнее письмо Льва Толстого к Дружинину разительно не похоже на его первые письма, откровенные, лиричные, нежные, богатые разнообразными литературными откликами» [Чуковский, 2012, с. 100]. Конечно, Толстой чувствовал возникшую между ним и Дружининым недоговоренность, в финале письма он добавляет, что хотел бы более обстоятельно объясниться со своим давним и дорогим корреспондентом, однако между бывшими друзьями было теперь мало общего. «В конце июня Лев Толстой был уже в Петербурге. Можно с уверенностью сказать, что при свидании эти два человека еще сильнее почувствовали, что связь между ними распалась вконец. Из Петербурга Толстой уехал через несколько дней

за границу со своим умирающим братом. Брат скончался в сентябре. После его смерти Толстой посетил Италию, Францию, Англию и вернулся в Ясную Поляну еще более, чем прежде, увлеченный своей педагогической деятельностью. По приезде из-за границы Толстой не возобновил переписки с Дружининым» [Чуковский, 2012, с. 100].

Необходимо добавить, что после заграничной поездки Толстой побывал сначала в Петербурге и Москве, а уже потом уехал в Ясную Поляну. В Петербурге он виделся с Дружининым, в дневнике же 13(25) апреля 1861 г. записал: «Вечером Дружинин. Смерть ему представляется, как возможность заснуть – с скучного вечера» [Толстой 1928–1958, т. 48, с. 36].

Несмотря на тот факт, что до смерти Дружинина в 1864 г. они с Толстым уже практически не общались, Толстой с благодарностью оценивал то время, когда Дружинин его поддерживал. Толстой ценил и понимал заслуги Дружинина, тот высокий уровень культуры и образования, на котором всегда находился этот человек. Дебютным произведением Дружинина была повесть «Полинька Сакс», опубликованная в № 12 журнала «Современник» за 1847 г. В январе 1863 г., когда они с Дружининым уже мало общались, Толстой записал в дневнике: «Полинька Сакс и пожалуй нынешняя драма: Грех да беда. Я никогда не испытывал более сильного и ни одной фальшивой нотой не нарушенного впечатления» [Толстой, 1928–1958, т. 48, с. 50].

Библиографический список

1. Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023а. Т. 5. № 1. С. 54–83.
2. Андреева В. Г. Неотправленное письмо В. П. Боткину как основа рассказа Л. Н. Толстого «Люцерн» // Материалы научных сессий 2022 года в государственном музее Л. Н. Толстого: материалы ежегодной Международной научной конференции и научно-фондовой конференции, Москва, 20–21 ноября 2022 года. Москва: РГ-Пресс, 2023б. С. 95–103.
3. Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Москва: Худож. лит., 1965. 568 с.
4. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
5. Дружинин А. В. Повести. Дневник. Москва: Наука, 1986. 518 с.
6. Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. Москва: Современник, 1988. 543 с.
7. Егоров Б. Ф. Проза А. В. Дружинина // Дружинин А. В. Повести. Дневник. Москва: Наука, 1986. С. 429–458.

8. Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями : в 2 т. Т. 1. Москва : Худ. лит., 1978. 495 с.
9. Колесникова Е. В. Редакторы журнала «Библиотека для чтения» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 12 (134). С. 51–55.
10. Крылов В. Н. Л. Н. Толстой и «эстетический триумvirат» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 2. С. 119–128.
11. Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / ред., вступ. статья «Архив А. В. Дружинина». Москва, 1948. 423 с.
12. Скатов Н. Н. А. В. Дружинин – литературный критик // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. Москва : Современник, 1988. 543 с.
13. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.
14. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. // Акад. Наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. Москва : Наука, 1978–2014. Письма в 18 т.
15. Шнейдер К. И. Ранний русский либерализм в эстетическом измерении // Вопросы философии. 2015а. № 7. С. 41–48.
16. Шнейдер К. И. Трудолюбивый эстет и «книжная мышь» А. В. Дружинин // Власть. 2015б. № 9. С. 177–182.
17. Чуковский К. И. Дружинин и Лев Толстой // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 т. Т. 9. Москва : Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 496 с. С. 45–100.
18. McLean H. «Buried as a Writer and as a Man»: The Puzzle of Family Happiness. In Quest of Tolstoy. 2008. P. 3–20.
19. Struve G. Review of Letopisi. Pis'ma k A. V. Druzhininu (1850–1863). Books Abroad, 1950, no. 24(1), P. 87.
20. Woodhouse Jenny. «Proshloye leto v derevne»: A. V. Druzhinin's Depiction of the Emancipation Year. The Slavonic and East European Review, 1988, no. 66(1), P. 47–65.

Reference list

1. Andreeva V. G. «Ljubeznyj drug... ne serdis' za ot-krovennost'!»: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina = «My dear friend... do not be angry for frankness!»: correspondence between L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin // Dva veka russkoj klassiki. 2023a. T. 5. № 1. S. 54–83.
2. Andreeva V. G. Neotpravlennoe pis'mo V. P. Botkinu kak osnova rasskaza L. N. Tolstogo «Ljucern» = An unsent letter to V. P. Botkin as the basis for Leo Tolstoy's story «Lucerne» // Materialy nauchnyh sessij 2022 goda v gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo: materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii i nauchno-fondovoj konferencii, Moskva, 20–21 nojabrja 2022 goda. Moskva : RG-Press, 2023b. S. 95–103.
3. Boborykin P. D. Vospominaniya = Memories : v 2 t. Т. 1. Москва : Hudozh. lit., 1965. 568 s.
4. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god = Lev Nikolajevich Tolstoy.

Materials for biography from 1855 to 1869. Moskva : Izdvo AN SSSR, 1957. 915 s.

5. Druzhinin A. V. Povesti. Dnevnik = Stories. Diary. Moskva : Nauka, 1986. 518 s.
 6. Druzhinin A. V. Prekrasnoe i vечноe = The beautiful and the eternal. Moskva : Sovremennik, 1988. 543 s.
 7. Egorov B. F. Proza A. V. Druzhinina = A. V. Druzhinin's prose // Druzhinin A. V. Povesti. Dnevnik. Moskva : Nauka, 1986. S. 429–458.
 8. L. N. Tolstoj. Perepiska s russkimi pisateljami = Correspondence with Russian writers : v 2 t. Т. 1. Moskva : Hud. lit., 1978. 495 s.
 9. Kolesnikova E. V. Redaktory zhurnala «Biblioteka dlja chtenija» = Editors of the journal Library for Reading // Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie. 2014. № 12 (134). S. 51–55.
 10. Krylov V. N. L. N. Tolstoj i «jesteticheskij triumvirat» = L. N. Tolstoy and «aesthetic triumvirate» // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. Т. 153. № 2. S. 119–128.
 11. Pis'ma k A. V. Druzhininu (1850–1863) = Letters to A. V. Druzhinin (1850–1863) / red., vstup. stat'ja «Arhiv A. V. Druzhinina». Moskva, 1948. 423 s.
 12. Skatov N. N. A. V. Druzhinin – literaturnyj kritik = A. V. Druzhinin – a literary critic // Druzhinin A. V. Prekrasnoe i vечноe. Moskva : Sovremennik, 1988. 543 s.
 13. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete works in 90 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1928–1958.
 14. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. = Complete collection of works and letters: in 30 vols. // Akad. Nauk SSSR, In-t rus. lit. (Pushkinskij dom); redkol.: M. P. Alekseev (gl. red.) i dr. Moskva : Nauka, 1978–2014. Pis'ma v 18 t.
 15. Shnejder K. I. Rannij russkij liberalizm v jesteticheskom izmerenii = Early Russian liberalism in the aesthetic dimension // Voprosy filosofii. 2015a. № 7. S. 41–48.
 16. Shnejder K. I. Trudoljubivyj jestet i «knizhnaja mysh» A. V. Druzhinina = A. V. Druzhinin, a hardworking aesthete and a «book mouse» // Vlast'. 2015b. № 9. S. 177–182.
 17. Chukovskij K. I. Druzhinin i Lev Tolstoj = Druzhinin and Leo Tolstoy // Chukovskij K. I. Sobr. soch. v 15 t. Т. 9. Moskva : Agentstvo FTM, Ltd, 2012. 496 s. S. 45–100.
 18. McLean H. «Buried as a Writer and as a Man»: The Puzzle of Family Happiness. In Quest of Tolstoy. 2008. R. 3–20.
 19. Struve G. Review of Letopisi. Pis'ma k A. V. Druzhininu (1850–1863). Books Abroad, 1950, no. 24(1), P. 87.
 20. Woodhouse Jenny. «Proshloye leto v derevne»: A. V. Druzhinin's Depiction of the Emancipation Year. The Slavonic and East European Review, 1988, no. 66(1), R. 47–65.
- Статья поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.
The article was submitted on 22.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 881.161.09
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-25
EDN: GUWAVO

Сон и явь в «Петербургских повестях» Р. Сенчина

Гюльназ Гилемдаровна Рамазанова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. 450077, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а
gulram.60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8294-0407>

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье стала повесть «Один плюс один», входящая в цикл «Петербургских повестей» известного российского писателя Р. Сенчина, написанных в разные годы, но по преимуществу отражающих умонастроения поколения, чья молодость пришлась на трагические и смутные девяностые XX века. Сюжет повести представляет собой современный вариант фабулы «карьера провинциала в столице». В повести две параллельные линии: в них отражена внешняя и внутренняя жизнь мужчины и женщины, приехавших в Петербург в поисках лучшей доли. В статье анализируются функции хронотопа в повествовании: культурно-исторические локусы, экстерьеры и интерьеры, бытовые пространства, в рамках которых проходит жизнь героев в произведении. Предметом особого внимания стали особенности отображения в повести категорий времени, сопоставляется субъективное его восприятие героями, приходящее в явное противоречие с объективным течением. В статье выявлены аллюзии и реминисценции, свидетельствующие о типологической близости современного повествования к ключевым текстам русской литературной классики, произведениям Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, а также к тексту современного писателя постмодернизма В. Пелевина, его рассказу «Спи», написанного в 1991 году. В разных ракурсах сопоставляются идейные и художественные решения, характерные для обоих произведений, в частности, анализируется роль и значение мотива жизни-сна, который становится не только ключевой, многозначной метафорой в повествованиях Р. Сенчина и В. Пелевина, но и его главным структурообразующим элементом. Рассмотрена психология героев повествования, страдающих от тотального и непреодолимого одиночества, функции их внутренних монологов и рефлексии.

Ключевые слова: проза Р. Сенчина; рассказ В. Пелевина «Спи»; тема Петербурга в отечественной литературе; фабула «карьера провинциала в столице»; реминисценции; хронотоп; метафора «жизни-сна»

Для цитирования: Рамазанова Г. Г. Сон и явь в «Петербургских повестях» Р. Сенчина // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 25–32. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-25>. <https://elibrary.ru/GUWAVO>

Original article

Dream and reality in Petersburg stories by R. Senchin

Gulnaz G. Ramazanova

Doctor of philological sciences, professor at the Russian literature department, Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla. 450077, Ufa, Oktyabrskaya revolyutsiya str., 3a
gulram.60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8294-0407>

Abstract. The subject of the article is the story One Plus One, part of the Petersburg Stories cycle by the famous Russian writer R. Senchin, written in different years, but mostly reflecting the mindset of the generation whose young years fell on the tragic and troubled nineties of the XX century. The plot of the story is a modern version of the story line «a provincial's career in the capital». The story has two parallel lines: external and internal lives of a man and a woman who come to St. Petersburg in search of a better life. The article analyzes the functions of chronotope in the narrative: cultural and historical loci, exteriors and interiors, everyday spaces where the life of the characters takes place. Special attention is paid to specific features of time categories in the story, and its subjective perception by the characters, which comes into apparent contradiction with the objective time flow. The article shows allusions and reminiscences that testify to the typological proximity of modern narrative to the key texts of Russian literary classics, to the works of N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, N. A. Nekrasov, as well as to the text of the modern postmodernism

writer V. Pelevin and his story «Sleep» (1991). The author compares the ideological and artistic solutions characteristic of both works from different perspectives; in particular, the role and significance of the life-sleep motif is analyzed, which becomes not only a key, meaningful metaphor in R. Senchin's and V. Pelevin's narratives, but also its main structuring element. The article considers the psychology of the characters suffering from total and insurmountable loneliness, the functions of their inner monologues and reflection.

Key words: R. Senchin's prose; V. Pelevin's story «Sleep»; the theme of St. Petersburg in Russian literature; the story line «a provincial's career in the capital»; reminiscences; chronotope; «life-sleep» metaphor

For citation: Ramazanova G. G. Dream and reality in Petersburg stories by R. Senchin. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):25–32. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-25>. <https://elibrary.ru/GUWAVO>

Введение

Название книги Романа Сенчина «Петербургские повести», опубликованной в 2021 году, интригующее и одновременно обязывающее. Цикл петербургских повестей создавался известным отечественным прозаиком на протяжении трех десятков лет, но отражает в основном девяностые годы прошлого столетия. Очевидно, что любой образованный человек ассоциативно свяжет это название со знаменитыми повестями Н. В. Гоголя, соотнесет эти два цикла произведений. Название, данное автором отнюдь не случайно, с неизбежностью порождает вопрос, насколько органично связан цикл повестей с мощной традицией, сложившейся в отечественной литературе и в чем проявляется оригинальность замысла Р. Сенчина, описывающего Петербург рубежа XX и XXI веков.

Необходимо отметить, что книга не вызвала многочисленных рецензий, как предыдущие произведения автора, хотя отклики критики и читателей, безусловно, есть: в частности, необходимо отметить рецензию С. Леонтьевой, опубликованную в газете «Литературная Россия». Запомнилось между прочим название отклика читателя на сайте «Культурный Петербург», который озаглавил свою полемическую реплику «Обман с помощью Гоголя, или Упражнения в пессимизме».

Тема «маленького человека»: новые вариации традиционного сюжета

В повести «Один плюс один», одной из самых интересных повестей цикла, наиболее явственно прослеживается преемственная связь с произведениями классиков русской литературы, обращавшихся к теме «маленького человека», выживающего, а чаще прозябающего в холодной и равнодушной столице, постепенно убивающей все его мечты и устремления.

В повести представлены два параллельных сюжета: рассказ о красивой и не очень удачливой девушке Марине чередуется с главами, где повествуется об обыкновенном, ничем не примечательном мужчине Игоре. Архитектоника повести

на первый взгляд проста, но повествование обогащается экскурсами в прошлое главных героев, психологическим подтекстом. Оба героя приехали в Петербург из провинциальных городков, они – так называемые маргиналы, пытающиеся как-то прижиться в северной столице. С. Леонтьева, говоря об общей тональности всех произведений известного прозаика, отмечает: «Сюжеты у Сенчина – жизнь людская, как есть. Без приукрашивания, без выковыривания породы. Без золотых семечек. <...> Они не погибают. Они прозябают» [Леонтьева, 2022].

Все художественные решения, прежде всего, хронотоп произведения, создают тягостную, гнетущую атмосферу однообразия, тоски и беспросветности их жизни. Петербург представлен несколькими локациями, они складываются в блеклый до бесцветности коллаж: описаны кафе, в котором работает девушка и частенько обедает героиней, «парадная» столица (площади, музеи, дворцы), и комнаты, в которых героини живут. Комнатки (выгороженный шкафом уголок в квартире сестры у Марины) и съемная комнатка в коммуналке Игоря с неизбежностью вызывают ассоциации с «петербургскими углами» не только Н. В. Гоголя, но и Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского.

Пространство, в котором обитает Марина, образует тривиальный треугольник: работа – улица – дом. В контексте повествования название кафе «Забава», где девушка трудится официанткой, звучит насмешкой: ничего интересного, а уж тем более забавного, в этой забегаловке нет. Выразительными штрихами воссоздана атмосфера унылого заведения: через запотевшие окна ничего не видно, они покрыты холодной белой испариной, на пластиковых столах стоят «искусно вырезанные из пластиковых полуторалитровых бутылок вазочки», Марина, словно приклеенная к просиженному старому стулу, – единственная симпатичная «деталь» кафе. Кажется, скука и апатия заполнили это пространство плотной и вязкой субстанцией. «Все знакомо, осмотрено чуть не до дыр <...> каждая деталь лепного узора под потолком изучена» Мариной за три года сидения здесь. Посетители одни

и те же: злобно ругающийся старик «жадно и безобразно рвущий бифштекс своими беззубыми челюстями» (читатель встретится с этим персонажем трижды), мрачные случайные клиенты, забегающие похмелиться, редкие парочки да галдящие подростки. Кафе, что называется, «дышит на ладан», его вот-вот закроют.

Улица, по которой Марина идет домой, тоже уныла: «Широкая, свободная от транспорта и толп пешеходов улица Седова. Когда-то она, наверное, должна была стать важной артерией города. Но не стала, и теперь сонливостью и тишиной наводит тоску... Плотно один к другому вдоль нее – одноцветные, желтые семиэтажные здания сталинской архитектуры. Величественные, строгие и обшарпанные, точно и нежилые» [Сенчин, 2021, с. 215].

Под стать и питерская погода, неизменно дождливая и промозглая: «За окном постепенно темнеет. Грязноватая синева превращается в серую холодную муть», нескончаемо идет «холодный, злой дождь».

Не менее тоскливо домашнее «гнездышко» героини. Уюта и покоя здесь нет и в помине, Марина становится постоянной свидетельницей нескончаемых скандалов между сестрой Верой и ее мужем, «психованным» Андреем, которые черпают жизненную энергию в испепеляющей их обоих ненависти друг к другу.

Художественное пространство, связанное с Игорем, гораздо шире, оно развернуто в разных плоскостях: включает в себя провинциальный городок, в котором он родился, общагу, каптерку в армии на маленькой погранзаставе, обувной склад, на котором герой «протрубил» несколько относительно безбедных, денежных лет, станции метро, комнатку в коммуналке. Его «кругозор» и жизненный опыт гораздо шире, чем у Марины. Игорь некогда жадно впитывал в себя впечатления, видовые картинки Петербурга – музеи, внутренности дворцов, скамейки на набережной Невы, даже посещенную им одиночку в Петропавловской крепости, но вскоре и они стали для него «нереальными, полузабытыми, словно картинки из давнишнего сна» [Сенчин, 2021, с. 219]. Необходимо отметить, что в цикле произведений о Москве и «главная» столица воспринимается героями Р. Сенчина абсолютно индифферентно, без всякого восхищения и пиетета. Нельзя не согласиться с мнением М. Селеменовой, которая отмечает в этой связи: «Москва в прозе Р. Сенчина „разбухает“, но при всей переполненности, скупченности, выглядит семиотически пустой, так как

знаковые, имеющие обширную литературную и культурно-историческую традицию локусы не попадают в поле зрения автора» [Селеменова, 2015, с. 133].

Образ Игоря объемный, автор прослеживает траекторию деградации, постепенного скатывания героя на дно петербургской жизни. Сильные впечатления и эмоции Игорь испытывать перестал давно, крепко запала в память лишь камера в Петропавловской тюрьме. Нынешнее жилье напоминает Игорю ту самую тюремную камеру-одиночку: «окно внизу, со стороны улицы, забито фанерным листом – как однажды высадили стекло, наскоро заделали тем, что попало под руку, так и осталось» <...> и сплошь и рядом можно увидеть следы давно остановившейся жизни, оторопевшего времени...<...> существуешь в ней и не замечаешь предметов, этой фанеры в окне, обесцветившихся от древности обоев, лампочки на длинном, обросшем пылью шнуре...» [Сенчин, 2021, с. 219]. Грязь, принимающая различные облики, становится постоянным фоном повествования, автор описывает картины разрушения, тлена, разложения. Герой день изо дня метет нескончаемый мусор, который извергает из себя город – окурки, чеки, целлофановые обрывки, липнущие к асфальту.

Категория времени как структурообразующий элемент повествования

Главный лейтмотив, пронизывающий и структурирующий все повествование, – это образ времени. Оно изображено парадоксальным образом: с одной стороны, бесконечно протяженное, нескончаемо вязкое, герои стараются «убить» его разными способами, но это «длинное» время как-то незаметно для них самих спрессовывается в года и даже десятилетия.

Героиня сидит в ненавистном кафе и считает минуты до окончания рабочего дня: «стрелки топчутся на одном месте», Марина оглядывается по сторонам, попадет ли на глаза нечто интересное, что «хоть на десяток минут оторвет от наблюдения над слишком медленным временем». В другом эпизоде Игорь напряженно ждет «заказанную» на час проститутку, неотрывно глядит на часы, считая нескончаемые минуты.

Марина, живущая в ожидании какого-то неопределенного, но непременно счастливого поворота судьбы, вдруг замечает: «Дни идут, перетекают в месяцы, и вот за спиной почти пять лет здесь. В этой мрачной квартире, в этом неласковом, вечно насупленном городе...». Снова и снова

она возвращается к надоевшим серым будням и мыслям: «И чуть ли не каждое утро кажется, что больше не можешь идти на работу, терпеть приставания пьяных, грубых парней, следить за оставившимися в часах стрелками. Но нет, дни идут, перетекают в месяцы, собираются в годы. И сгорают, сгорают безвозвратно там, за спиной» [Сенчин, 2021, с. 244].

Игорь, в свою очередь, тоже ведет счет: одиннадцать лет назад, окончив десятилетку, приехал в Питер, поучился в ПТУ, бросил учебу, забрали в армию на два с половиной года, вернулся в родной город, потом с деловым и удачливым другом Борькой вновь уехал в Петербург, пять лет прожил под его «крылышком» и вот уже несколько лет работает дворником. Жизнь вроде вяло ползет, а на самом деле пролетает вереницей серых дней. То и дело у героев возникают мысли бросить эту тягостную рутину, вернуться домой, но...

У каждого из них есть манок, мираж, который удерживает, обманывает коварством надежды: в глубине души герои грезят об одном. Марина думает: «Здесь тоже не очень-то весело, но греет чувство, что праздник совсем радом, вот он за стеклом блестящей машины, за дверью бара, ночного клуба, и он, праздник, в любую секунду может закружить тебя в своем танце. И значит – есть смысл терпеть и ждать. Надеяться» [Сенчин, 2021, с. 241–242].

Вторят ее мыслям и рассуждения Игоря: «А как устроились все эти миллионы людей в Питере, где каждый третий – бывший студент, бывший лимитчик? <...> В ответ приходили полудетские, сказочные, совсем не мужские мечты, которые греют пятнадцатилетних девчушек, садящихся в поезд вроде Рыбинск–Санкт-Петербург <...> Случайная встреча, жгучий взгляд, любовь, счастье, прекрасная семейная жизнь в уютном гнездышке с веселыми окнами на Неву...» [Сенчин, 2021, с. 224].

Функции метафоры «жизнь-сон» и образ маргинального героя в произведениях В. Пелевина и Р. Сенчина

Сквозной образ жизни-сна становится еще одним важнейшим элементом структуры, связывающим повествование в единое целое. Вполне прозрачная метафора становится одной из доминант повести: автор настойчиво и целенаправленно акцентирует внимание читателя на том, что герои все время пребывают в прострации, в тягостной или вполне приятной полудреме, они все время

хотят спать, никак не могут окончательно проснуться, очнуться, стряхнуть с себя морок.

Даже в добрые времена, проведенные под покровительством Бориса, Игорь «просто приятно дремал», после разорения начальника, которое окатило героя холодным душем, немного промаявшись без жилья и денег, Игорь, сняв у старушки грязную, запущенную комнатушку, «успокоился и опять таки погрузился в хоть и не очень приятную, но все-таки спокойную дрему» [Сенчин, 2021, с. 224]. Марина тоже все время думает о сне, ждет хотя бы краткого избавления от безрадостного прозябания в забытии.

Такое отображение жизни вообще характерная, типическая черта для прозы Р. Сенчина, оно доминирует во всех его произведениях. Татьяна Веретенова уже в названии рецензии «Невыносимая и единственная жизнь» фиксирует главное впечатление от прочтения «Петербургских повестей». Она пишет: «Для многих персонажей жизнь – „цепь одинаково мертвых дней” и им лишь „суждено продолжать и продолжать невыносимую и единственную длинную жизнь” <...> Пошлость повседневной жизни, тоску муторного, однообразного существования Сенчин умеет показать как никто другой. Большинство героев, с одной стороны, пребывают как будто в полудреме, спячке, но в то же время страдают от своей механистичности, автоматизма» [Веретенова, 2021].

Мотив жизни-сна сближает текст Р. Сенчина с ранним рассказом В. Пелевина «Спи» (1991). Автор, словно оттолкнувшись от пелевинского гротеска, разворачивает свое повествовательное полотно. Характерно, что порой тексты В. Пелевина и Р. Сенчина совпадают почти буквально:

Пелевин: «Постепенно Никиту перестало удивлять, что спящие пассажиры метро ухитряются переругиваться, наступать друг другу на ноги и удерживать на весу тяжелые сумки, набитые рулонами туалетной бумаги и консервами из морской капусты, – всему этому он научился сам» [Пелевин].

Сенчин: «Почти все люди – Игорь сделал открытие для себя – пребывают словно бы в дреме. Ходят на работу, закупают продукты, едят разговаривают, даже ругаются, а сами дремлют» [Сенчин, 2021, с. 219].

Представляется, что реминисценция очевидна, но, нельзя исключить и того, что совпадения случайны, тем интереснее и показательнее момент бессознательного творческого пересечения.

В рассказе Пелевина герой Никита Сонечкин (говорящая фамилия!) тоже постоянно спит. Но симулякры, непременно появляющиеся в причудливой картине мира Пелевина, выполняют определенные функции, их специфика рассмотрена в статье О. В. Богдановой, Н. П. Беневоленской. Авторы выявляют социальную и психологическую подоплеку такого странного существования героев: «Упоминание идеологического курса советского периода – марксистско-ленинской философии, сравнение «ушастого доцента» с попиком <...> задают не только временные границы повествования, но социально-политическую систему координат («идеологическую программу») рассказа, обрисовывают каркас тех идеологем, с которыми работает Пелевин. Учение Маркса-Энгельса прочитывается в этой системе координат как основное снотворное средство, которое вергает население страны в состояние сна» [Богданова, Беневоленская, 2009, с. 14]. Очевидно, что метафора Пелевина решает задачу десакрализации ключевых идеологем советского времени и образа мыслей (да и образа жизни) зомбированных ими людей.

Но близость этих двух произведений просматривается и во многом другом. Герои живут в своих собственных наглухо замкнутых капсулах, прорваться к ним сквозь невидимую оболочку невозможно. Попытку преодолеть отчужденность, выяснить, какие сны видят другие люди, предпринимает Никита: «Глядя на крохотные фигурки людей, Никита с тоской думал, что до сих пор не знает ни содержания их сновидений, ни отношения, в котором для них находятся сны и явь, и что ему совсем некому пожаловаться на приснившийся кошмар или поговорить о снах, которые ему нравятся» [Пелевин]. Он хочет завязать диалог со случайной прохожей. Осторожно, подбирая слова говорит: «Я, так сказать, понимаю, что перехожу границу...».

После этих слов женщина начинает дрожать от ужаса. Позже выясняется, что женщина – сумасшедшая, и в детстве ее изнасиловали два пограничника, «прямо в кинотеатре, во время фильма „Ко мне, Мухтар“». В коляске у помешанной лежит бюст Дзержинского в пленках, и сама она «пристает к собачникам, хочет, чтобы на нее овчарку спустили» [Пелевин]. Метафора «перейти границу» – фигура речи, употребляемая в общении, попадает в болевую точку, непосредственно в бред этой женщины. Нагромождение подробностей фантазмагорических обстоятельств совершенного акта жуткого насилия, сконструирован-

ное автором, легко декодируется и имеет рациональное объяснение. Пограничники, призванные охранять и защищать, насилюют девочку во время демонстрации фильма о героизме доблестной милиции. В. Пелевин в свойственной ему художественной манере и логике абсурда разоблачает систему правоохранительных органов советского государства. Понятно, что мысль облачена в отвратительный в своем цинизме гротеск, но в реальности насилие по отношению к женщине – устоявшаяся норма жизни, никакое другое взаимодействие, хотя бы подобие диалога, между мужчиной и женщиной зачастую невозможно. Стяжение этих мотивов мы видим и в повести Романа Сенчина.

Герои его повести словно живут начерно, как придется, довольствуясь суррогатами эмоций, чувств, отношений, ведь все для них совершается словно в вязкой дремоте, в не очень страшном, но перманентном полусне-полукошмаре серых дней в преддверии настоящей жизни.

Марина время от времени отдается ласковому и вполне безобидному душевнобольному соседу Антону, одновременно испытывая некоторую психологическую брезгливость, но вполне осязаемое физическое удовлетворение, встречается с случайными партнерами, понимая, что эти отношения ни к чему не ведут. Автор описывает готовность Марины вступить в связь с любым «из другой жизни», о которой она тайно мечтает: «Человека с таким взглядом бояться нечего – она нужна ему на несколько часов. Провести время, обновить впечатления. Уже бывало так раза три, и все заканчивалось хорошо. Сначала в клуб, там танцы, коктейли, бильярд <...> яростный, похожий на драку секс, минуты сна. И – утро, приятная усталость и опустошенность, „деньги на машину“, снова помрачневший, посуровевший после короткой улыбки город...А если повезет...» [Сенчин, 2021, с. 263].

Все предельно рационально, цинично, без иллюзий и сантиментов, но в глубине сознания все же теплится надежда: «а если повезет...». Героиня ограждает себя от таких мыслей: «Да нет, и не надо чтобы везло. Именно так – вечер, ночь, утро. А там пусть снова эта „Забава“, Антон, Верка, псих Андрей, месяц, другой» [Сенчин, 2021, с. 263].

Игорь покупает проститутку по объявлениям в газете, понимая, что его нынешний социальный статус не предполагает «нормальных» отношений с женщиной. Весьма показательно, что и в лучшие времена, когда водились деньги, он также

ограничивался ни к чему не обязывающими связями с «жрицами любви». Сейчас он нервничает, тушует под равнодушным взглядом проститутки, его «внутренний человек» боится издевки над ним – грязным, опустившимся, перед нами «подпольный человек» 21 века, но без особого психологического самокопания и рефлексии.

Герои обоих произведений словно и не замечают, как безвозвратно утекает время их жизни. Пелевин оформляет эту мысль мастерски: неожиданно, даже загадочно. Молодой парень – Никита Сонечкин – отправляется на прогулку пешком, а возвращается на метро. Ярким калейдоскопом в его сознании-сне сменяются странные картинки: какое-то собрание солидных мужчин, три тела, покинувших свои костюмы, дружинники, с которыми он пьет водку, Ельцин, партсобрание. Возвращаясь с прогулки, он, теперешний, вдруг уже думает о дочке, которую нужно забрать из садика, о своей жене. В метро герой видит свое отражение в стекле вагона: «Вокруг уже был вагон метро, и беременная баба в упор сверлила глазами из-под низко опущенного платка его лысину <...> Он подошел к дверям и поглядел на свое *усталое морщинистое лицо в стекле*, за которым неслись переплетенные электрические змеи. Вдруг лицо исчезло и на его месте появилась черная пустота с далекими огнями: тоннель кончился, и поезд взлетел на мост над замерзшей рекой» [Пелевин]. Временной провал страшен, он просто зияет, абсурдный и необъяснимый, жизнь-сон пронеслась совершенно незаметно.

Герои Р. Сенчина, параллельно проживающие свою жизнь-сон, знакомые незнакомцы: мимолетные встречи в кафе, изредка бросаемые друг на друга взгляды, дежурная улыбка и вежливость девушки по отношению к не очень презентабельному клиенту. Оба и не подозревают, насколько они внутренне близки, как схожи их жизни и судьбы. Вдруг герой, очнувшись от бесконечного сна, делает отчаянную попытку изменить течение жизни. Первый шаг – пригласить понравившуюся девушку из кафе на свидание. Он идет в парикмахерскую, обновленный и благоухающий, приходит в «Забаву», делает непривычно дорогой заказ. Сначала ласково, нежно, кликает девушку, неловко и сбивчиво приглашает ее на свидание. Видя ее нерешительность, понимает, что он – обыденный, «настоящий» – девушке совершенно безразличен. Тогда мгновенно принимает решение облачиться в личину вождя «другого» – успешного, богатого. Торопливо рассказывает наспех выдуманную историю о том, что он – биз-

несмен, испытывающий временные сложности, вынужденный скрываться. Игорь не может знать, что девушка мучительно решает уравнение с двумя неизвестными, этим утром ее уже пригласили на свидание, она колеблется – с одной стороны свидание, что «на несколько часов», с другой – приглашение явного самозванца, ряженого. Опыт и интуиция Марину не подводят, она не верит лжи Игоря, отказывает ему. Почувствовав отпор, герой срывается в насилие, грубо хватая девушку за руку, пытаясь ее удержать, а затем позорно бежит из злополучного кафе.

Финал раскрывает смысл заголовка «Один плюс один»: простая формула не сложилась, будущее обоих героев вполне предсказуемо: потерпев фиаско, Игорь вновь погрузится в летаргический сон апатии, так же бесцветно будет протекать и дальнейшая жизнь Марины.

Заключение

«Петербургские повести» Р. Сенчина, безусловно, по-своему продолжают традиции русской литературы. В книге изображен город, утративший свое былое имперское величие, слегка померкший, но неизменно холодный и равнодушный к населяющим его «маленьким людям», живущим почти два века спустя после героев Н. В. Гоголя. Весь цикл произведений Р. Сенчина пронизан безысходной тоской, так же как и в повестях Н. В. Гоголя, физиологическом очерке «Петербургские углы» Н. А. Некрасова, «петербургских» романах Ф. М. Достоевского, здесь нет счастливых поворотов судеб, нет удачливых героев, пробившихся к лучшей жизни, а финалы по преимуществу безрадостные, часто трагические. Живут эти герои, как и двести лет назад, во все тех же убогих «углах», смрадных, заполненных рухлядью коммуналках, но главное, что сближает произведения великих классиков и современного писателя – точное воспроизведение атмосферы отчужденности, враждебности, царящей в отношениях людей, их тотального одиночества под серым, вечно плачущим небом Петербурга.

Библиографический список

1. Аюпов Т. Р. Художественный мир раннего Пелевина // Мир науки, культуры, образования: международный научный периодический журнал. 2021. № 4 (89). С. 451–454.
2. Басинский П. Современного писателя Сенчина не должно было быть // Российская газета. № 109. 22.05.2016.
3. Богданова О. В., Беневоленская Н. П. Социологизированный вариант субъективного идеализма в

рассказе В. Пелевина «Спи» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 9. Вып. 2. Ч. 2. С. 13–20.

4. Веретеннова Т. Невыносимая и единственная жизнь // Знамя, 2021. № 9. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8079> (дата обращения: 06.03.2024)

5. Генис А. Поле чудес: Виктор Пелевин // Звезда. 1997. № 12. URL: <http://old.magazines.russ.ru:8080/zvezda/1997/12/genis1.html> (дата обращения: 06.03.2024)

6. Леонтьева С. Книги Романа Сенчина как мелодия романа // Литературная Россия. 2022. № 14. 15.04.2022. URL: litrossia.ru (дата обращения: 06.03.2024)

7. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учебное пособие. Новосибирск : НГПУ, 2003. 170 с.

8. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века : учебное пособие. Москва : Флинта, 2005. 320 с.

9. Пелевин В. О. Спи. URL: <http://www.pelevin.nov.ru/rass/pe-spi/1.html> (дата обращения 15.02.2024).

10. Пономарева Т. А. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 2. С. 274–281.

11. Репина М. В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма. Москва, 2004. 25 с.

12. Селеменова М. В. «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX международной конференции. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 131–139.

13. Сенчин Р. В. Петербургские повести. Москва : Эксмо, 2021. 320 с.

14. Сенчин Р. В. Московские тени. Москва : Эксмо, 2009. 416 с.

15. Скоропанова И. С. Сфера сознания и бессознательного в произведениях Виктора Пелевина // Русская постмодернистская литература: учебное пособие. 6-е изд. Москва : Флинта, 2001. С. 433–440.

16. Старыгина Н. Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Филологические науки. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 129–134.

17. Суковатая В. А. Петербургские камни и имперские символы: поэтика и мифология города // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 53–68.

18. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст в русской литературе»: введение в тему // Миф. Ритуал. Символ: исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва : Прогресс-Культура, 1995. С. 253–367.

19. Федунина О. В. Форма сна и ее функции в романном тексте // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 44–55.

20. Шурупова О. С. Особенности анализа концептосферы городского сверхтекста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 7. Ч. I. С. 161–163.

Reference list

1. Ajupov T. R. Hudozhestvennyj mir rannego Pelevina = The literary world of early Pelevin // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija: mezhdunarodnyj nauchnyj periodicheskiy zhurnal. 2021. № 4 (89). S. 451–454.

2. Basinskij P. Sovremennogo pisatelja Senchina ne dolzhno bylo byt' = The contemporary writer Senchin should never have existed // Rossijskaja gazeta. № 109. 22.05.2016.

3. Bogdanova O. V., Benevolenskaja N. P. Sociologizirovannyj variant subektivnogo idealizma v rasskaze V. Pelevina «Spi» = Sociologized version of subjective idealism in V. Pelevin's story «Sleep» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2009. Ser. 9. Vyp. 2. Ch. 2. S. 13–20.

4. Veretenova T. Nevynosimaja i edinstvennaja zhizn' = An unbearable and only one life // Znamja, 2021. № 9. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8079> (data obrashhenija: 06.03.2024)

5. Genis A. Pole chudes: Viktor Pelevin = The field of wonders: Victor Pelevin / Zvezda. 1997. № 12. URL: <http://old.magazines.russ.ru:8080/zvezda/1997/12/genis1.html> (data obrashhenija: 06.03.2024)

6. Leont'eva S. Knigi Romana Senchina kak melodija romana = Roman Senchin's books as a melody of the novel // Literaturnaja Rossija. 2022. № 14. 15.04.2022. URL: litrossia.ru (data obrashhenija: 06.03.2024)

7. Mednis N. E. Sverhteksty v russkoj literature = Superstexts in Russian literature S: uchebnoe posobie. Novosibirsk : NGPU, 2003. 170 s.

8. Nefagina G. L. Russkaja proza konca XX veka = Russian prose of the late XX century : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta, 2005. 320 s.

9. Pelevin V. O. Spi = Sleep. URL: <http://www.pelevin.nov.ru/rass/pe-spi/1.html> (data obrashhenija 15.02.2024).

10. Ponomareva T. A. Marginal'nyj geroj v proze R. Senchina = Marginal hero in R. Senchin's prose // Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2017. № 2. S. 274–281.

11. Repina M. V. Tvorcestvo V. Pelevina 90-h godov XX veka v kontekste russkogo literaturnogo postmodernizma = V. Pelevin's creative work in the 1990s in the context of Russian literary postmodernism. Moskva, 2004. 25 s.

12. Selemenova M. V. «Moskovskij tekst» v tvorcestve R. Senchina = «Moscow text» in R. Senchin's creative work // Pushkinskie chtenija. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XX mezhdunarodnoj konferencii. Sankt-Peterburg : LGU im. A. S. Pushkina, 2015. S. 131–139.

13. Senchin R. V. Peterburgskie povesti = Petersburg stories. Moskva : Jeksmo, 2021. 320 s.

14. Senchin R. V. *Moskovskie teni = Moscow shadows*. Moskva : Jeksmo, 2009. 416 s.
15. Skoropanova I. S. *Sfera soznaniya i bessoznatel'nogo v proizvedenijah Viktora Pelevina = The sphere of the conscious and unconscious in Victor Pelevin's works* // *Russkaja postmodernistskaja literatura: uchebnoe posobie*. 6-e izd. Moskva : Flinta, 2001. S. 433–440.
16. Starygina N. N. *Sistema lokal'nyh sverhtekstov russkoj literatury = The system of local supertexts in Russian literature* // *Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva. Filologicheskie nauki*. 2017. № 3 (95). Ch. 2. S. 129–134.
17. Sukovataja V. A. *Peterburgskie kamni i imperskie simvolj: pojetika i mifologija goroda = St. Petersburg stones and imperial symbols: poetics and mythology of the city* // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*. 2013. № 3. S. 53–68.
18. Toporov V. N. *Peterburg i «Peterburgskij tekst v russkoj literature»: vvedenie v temu = St. Petersburg and «Petersburg text in Russian literature»: introduction to the topic* // *Mif. Ritual. Simvol: issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: izbrannoe*. Moskva : Progress-Kul'tura, 1995. S. 253–367.
19. Fedunina O. V. *Forma sna i ee funkcii v romanom tekste = The dream form and its functions in the novel text* // *Novyj filologicheskij vestnik*. 2011. № 3 (18). S. 44–55.
20. Shurupova O. S. *Osobennosti analiza konceptosfery gorodskogo sverhteksta = Specifics of analyzing the concept sphere of the urban supertext* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, 2016. № 7. Ch. I. S. 161–163.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 17.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-33
EDN: IWPEQA

«Своё чужое»: советский интертекст в альбоме Егора Летова «Звездопад»

Олеся Равильевна Темиршина

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Рецепции советского дискурса в русской лирике второй половины XX – начала XXI века» (совместитель), Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

Профессор кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет. 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

o.r.temirshina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0127-6044>

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы рецепции советского текста в альбоме Егора Летова «Звездопад». Выдвигается гипотеза о том, что исполнение чужой песни есть случай активной рецепции, предполагающей, что мотивно-образные структуры исходной песни, вписываясь в другой авторско-прагматический контекст, наполняются иным относительно оригинала содержанием.

Методологические принципы исследования активной рецепции формулируются следующим образом.

- (1) Выбор чужого текста для исполнения оказывается далеко не случайным, такой текст должен содержать семантические элементы, значимые для реципиента и выражающие его личностную систему смыслов.
- (2) Семантическая значимость компонентов может быть определена через обращение к корпусу текстов реципиента. По нашему предположению, эти элементы должны соответствовать трем параметрам: выступать в статусе глубинного предиката, нарушать нормы лексической сочетаемости, содержать «личностную» семантику.
- (3) В результате исполнения чужой песни происходит диссоциация ее смыслов по линии ключевых элементов: песня, взятая в рамках разных прагматических контекстов, как будто порождает «тексты-омонимы», в которых за одинаковой внешней формой ключевых мотивов и образов скрываются разные семантические структуры.

Песня М. Танича «На дальней станции сойду...» содержит ряд смысловых элементов, которые в лирике Летова встраиваются в его личный сюжет преодоления границ тесного мира: мотив далекости – поезд – поле – состояние бессубъектности («без меня»). Значимость этих элементов в лирике Летова определяется их соответствием трем указанным критериям. В работе показано, что каждый из элементов этого ряда в рамках разных исполнительских контекстов попадает в разные структуры значения. Если в оригинальном варианте, звучащем в фильме «По секрету всему свету», основная тема песни связана с ностальгическим сюжетом, то в исполнении Летова – в контексте проекции ключевых элементов на авторскую семантику – выезд за город трактуется как уход в иное бытие, соотнесенное с семантикой смерти.

В статье сделано предположение о психолингвистической механике активной рецепции. Предполагается, что выбор песни для исполнения диктуется наличием в ее тексте значимых элементов для автора, которые в авторском сознании предстают как набор ключевых слов, образующих целостную структуру значения и формирующих авторскую проекцию исходного текста с опорой на личностную систему смыслов.

Ключевые слова: рецепция; интерпретация; Егор Летов; рок-поэзия; советская песня; психопоэтика; система смыслов

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995. <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Темиршина О. В. «Своё чужое»: советский интертекст в альбоме Егора Летова «Звездопад» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 33–41. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-33>. <https://elibrary.ru/IWPEQA>

Original article

«Your own someone else's»: soviet intertext in Yegor Letov's album «Starfall»

Olesya R. Temirshina

Doctor of philological sciences, associate professor, leading researcher of the scientific laboratory «Reception of soviet discourse in russian poetry of the second half of XX – early XXI century» (part-time employee), Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

© Темиршина О. В., 2024

Professor, department of foreign languages and culture, Russian state social university. 129226, Moscow, Wilhelm Pik st., 4, bld. 1

o.r.temirshina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0127-6044>

Abstract. The article examines the reception mechanisms of the soviet text in Yegor Letov's album «Starfall». A hypothesis is put forward that the performance of someone else's song is a case of active reception, which implies that the motive-figurative structures of the original song are filled with a different content when they are inserted into a different authorial-pragmatic context. The methodological principles of the research into active reception are as follows. (1) The choice of someone else's text for performance is not accidental; such a text must contain semantic elements that are significant for the recipient and express their personal system of meanings. (2) The semantic significance of the components can be determined by referring to the recipient's text corpus. According to the author's assumption, these elements should meet three parameters: act as a deep predicate, violate the norms of lexical compatibility, and contain the author's «personal» semantics. (3) The performance of someone else's song results in the dissociation of its meanings along the lines of its key elements: a song taken within different pragmatic contexts seems to generate «homonym texts» where different semantic structures are hidden behind the same external form of motives and images.

M. Tanich's song «I'll get off at a distant station...» contains a number of semantic elements that in Letov's lyrics are integrated into his personal plot of overcoming the boundaries of a small world: the motif of distance – train – field – state of subjectlessness («without me»). The significance of these elements in Letov's lyrics is emphasized by their compliance with the three specified criteria. The study shows that each element of this series falls into different meaning structures within different performance contexts. While in the original version of the song from the film «In Secret to the Whole World» the main theme is related to the nostalgic plot, in Letov's performance – in the context of the key elements projected onto the author's semantics – the trip to the countryside is interpreted as a departure to another reality, associated with the semantics of death.

The article makes an assumption about the psycholinguistic mechanisms of active reception. It is assumed that the choice of a song for performance is dictated by certain elements in its lyrics significant for the author; in the author's mind they appear as a set of key words that form an integral structure of meaning and shape the author's projection of the original text based on a personal system of meanings.

Key words: reception; interpretation; Yegor Letov; rock poetry; soviet song; psychopoetics; system of meanings

The study was funded by the Russian science foundation grant No 23-28-00995. <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Temirshina O. V. «Your own someone else's»: soviet intertext in Yegor Letov's album «Starfall». *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):33–41. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-33>. <https://elibrary.ru/IWPEQA>

Введение

Поэзия Егора Летова – признанный факт современной отечественной литературы. Несмотря на свою нарочитую маргинальность, летовская лирика тем не менее оказывается чрезвычайно насыщенной аллюзиями и реминисценциями и тесно связывается с разнообразными топосами русской и мировой культуры. Эта связь рассматривается исследователями в жанрово-семантическом аспекте [Доманский, 2020; Меркушов, 2020], интермедиальном ракурсе [Меркушов, 2023; Станкович, 2022], философском [Марков, 2023] и фольклорно-мифологическом ключах [Темиршина, 2023]. Любопытно, что в последнее время отмечается и «обратное» воздействие Егора Летова на современную русскую прозу и поэзию (см. об этом: [Карпов, 2021; Ступников, 2022]).

С учетом вышесказанного, закономерно, что песни Летова отличает нарочитая центонность, при этом в тексты автором включаются цитаты из самых разнообразных источников, спектр которых варьируется от устной речи (ср. ранние опы-

ты Летова в области актуальной поэзии) до модернистских романов. Отсюда в первом приближении возникает ощущение, что интертекст Летова как будто распадается и диссоциирует. Такая гетерогенность интертекстуального слоя ставит вопрос о том, как в рамках одной художественно-семантической системы «бесконфликтно» могут существовать отсылки к высокому французскому модернизму и цитаты из советских кинофильмов. Ситуация осложняется еще и тем, что Летов использует чужое слово демонстративно, он не зашифровывает культурные отсылки, а как будто, напротив, подчеркивает их (выносит в сильные места текста – помещает в заглавия, ставит в рефрен и т. д.).

Разнородность отсылок, на наш взгляд, указывает на особую стратегию освоения чужого слова. Эта стратегия заключается в том, что *не цитата поясняет авторский текст, формируя его подтексты, а сам авторский текст как будто наполняет смыслом цитату*. Конкретный механизм такого взаимодействия видится следующим образом: *чужое слово, включаясь в систему лич-*

ностных смыслов, насыщается иным относительно оригинала содержанием. Любопытно, что и сам Летов отмечает «плавающую» границу между своим и чужим: «<...> а цитатами мои произведения набиты так, что я не всегда фиксирую, где моё, а где чужое, для меня разницы нет» [Летов, 2018, с. 14].

Объектом статьи стала песня «На дальней станции сойду» (муз. В. Шаинского, сл. М. Танича, звучала в кинофильме «По секрету всему свету»), вошедшая в альбом «Звездопад» (2002), состоящий из известных песен советских лет. Г. В. Шостаков подчёркивает, что «советская песенная классика была одним из важнейших источников цитат в творчестве лидера группы „Гражданская оборона“, причём имели место не только вербальные (поэтические), но и музыкальные цитаты» [Шостаков, 2022, с. 157]. «Советский текст» как целое в лирике Летова – тема отдельного исследования, здесь же заметим, что, комментируя задумку альбома, Летов делает любопытное замечание: «Это родственные – во многих из которых меня как личности больше чем в собственных – песни <...>» [Летов, 2018, с. 17].

Методы исследования

Мы полагаем, что декларируемое Летовым «духовное сродство» можно выявить методом семантического анализа. Исполнение чужой песни, на наш взгляд, является вариантом *активной читательской рецепции, при которой чужие образы встраиваются в систему личностных смыслов и – в рамках нового контекста – меняют свое наполнение* (В. Гавриков обозначает этот процесс как «инвариантообразование путем заимствования чужого текста» [Гавриков, 2021, с. 201]). Однако в отличие от обычной читательской рецепции, часто смутной, неуловимой, трудно фиксируемой даже самим читателем / слушателем, в случае с автором, исполняющим чужие песни, мы можем «реконструировать» систему индивидуально-личностных смыслов, «застывшую» в оригинальных текстах, и понять, как чужой текст «адаптируется» к ней. Этот факт, с одной стороны, выводит исследователя к чисто формальным, лингвистическим механизмам взаимодействия значений, а с другой стороны, ставит проблему восприятия текста в реальной психолингвистической плоскости.

В связи с вышесказанным возникает закономерный вопрос методологического порядка: каков сценарий выявления взаимодействия личностных

смыслов с семантическими структурами чужой песни?

Совокупность всех авторских текстов выстраивает смысловой универсум, пронизанный определенными образами и мотивами. При этом наиболее значимыми оказываются те образы и мотивы, которые выражают сущностную специфику этого универсума. В случае с поэзией Летова данные смысловые элементы, по-видимому, должны (1) выступать в статусе глубинного предиката, (2) нарушать нормы лексической сочетаемости, (3) содержать авторскую, «личностную» семантику, не совпадающую с узуальной. Эти параметры важны по следующим причинам.

Глубинная предикация маркирует значимые для авторской картины мира признаки и свойства. Напомним, что под глубинной предикацией в лингвистике художественного текста понимается «такое употребление прилагательных, когда они не привязаны синтаксически к определенному слову, не являются атрибутами, но служат предикатами к общему для текста предмету речи, некоторому общему представлению, когда они обозначают признак, существенный для целого образа, целой картины» [Ковтунова, 1986, с. 164].

Говоря проще, глубинными предикатами являются прилагательные, которые в рамках *образа восприятия* «кочуют» от одного элемента картины к другому. Так, например, в поэме Пушкина «Цыгань» в статусе глубинного предиката может выступать прилагательное «убогий», которое в основном тексте и черновиках появляется в следующих сочетаниях: *убогая вольность, убогие шатры, убогий ужин, убогий ковер* (см. об этом [Плотникова, 1974, с. 49–55]). Такое «непостоянство» прилагательных и их способность связываться с самыми разными объектами указывает на значимость самого предикативного признака безотносительно тех объектов, которым он приписывается, что, в свою очередь, свидетельствует о его укорененности в авторской аксиологической сфере.

С феноменом глубинной предикации соотносится *нарушение норм лексической сочетаемости и изменение узуальной семантики*, ибо глубинная предикация в силу своей природы может провоцировать нестандартные семантические связи. Более того, если картина мира резко индивидуализирована, то ресурсов языка для воплощения индивидуальных смыслов будет не хватать – соответственно самые значимые и важные в личностном смысле ее участки будут маркироваться лексико-семантическими сдвигами.

Мы считаем, что ключевые «точки рецепции» Летовым советской песни в первую очередь связываются с теми компонентами его текстов, которые соответствуют трем вышеуказанным параметрам. По-видимому, в авторской системе смыслов такие мотивно-образные структуры, занимая доминирующее положение, оказываются своеобразными «фильтрами» для «отбора» чужих песен: проще говоря, автор с большей степенью вероятности обратится к тем текстам, которые содержат эти смысловые элементы.

Отсюда и гипотеза статьи: советские песни, исполняемые Летовым, семантически «осваиваются» и «присваиваются», а сами механизмы этого освоения связываются с тем, что избранные Летовым советские тексты содержат в себе значимые для его личной поэтики мотивно-образные структуры.

Основная часть исследования

Песня «На дальней станции сойду...» содержит в себе ряд важных для поэтики Летова семантических элементов. Так, в первую очередь необходимо обратить внимание на прилагательное *дальний*. В исходном тексте М. Танича оно трактуется предметно, как простое определение. В поэзии Летова слова *далекий* / *дальний*, да и сам концепт *дали* входят в совершенно иную систему смысловых связей, что приводит к изменению семантики относительно узуса, глубинной предикации и нарушению норм лексической сочетаемости.

Изменение узуальной семантики прилагательного *далекий* в поэзии Летова связывается с тем, что данное прилагательное не просто указывает на расположение объекта относительно наблюдающего, но оказывается, пожалуй, самым значимым признаком *иномирного бытия*. Далекое пространство в лирике Летова – это всегда иное пространство, которое противопоставлено «здесь-пространству», негативно оцениваемому лирическим субъектом, ср. пример из раннего текста:

Уходит время – вокруг все так же
Все те же лица – все так же пусто
<...>

А там где иначе – так далеко...
[Летов, 2011, с. 127]

Очертания *иномирного* пространства появляются в тексте «Семь шагов за горизонт» («Полетела весть в далекий край / Разразилась тальми кругами...») [Летов, 2011, с. 308]. Именно туда, в далекие края, плывет уголек в тексте

«Простор открыт» («Понесло / По воде / Уголек / Далеко-далеко») [Летов, 2011, с. 320].

В песне «Без меня» становится понятно, что далекое пространство – не только свободное и просторное, но и посмертное: мир субъекта («без меня») связывается с мотивом убегания мира и земли «далеко-далеко» («И убегает мой мир / Убегает земля / Бежит далеко-далеко») [Летов, 2011, с. 479]. Именно там, *далеко за горизонтом*, находится Вселенская Большая Любовь, также сопровождаемая мотивом смерти («А вдруг все то, что ищем – / далеко за горизонтом / на смертельной истребительной дороге все на север») [Летов, 2011, с. 483].

В знаменитой «Офелии» мотив далекости проступает наиболее явно, кажется, что в этой песне сопрягаются вся смысловые элементы, входящие в кластер далекости: простор и запредельность (в черновиках «далекая Офелия» соотносится с «просторным лифтом на запредельный этаж» [Летов, 2011а, с. 77]), смерть (далекая Офелия – мертва).

Прилагательное *далекий* в лирике Летова приписывается целому ряду предметов и действий, часто имеющих непространственный характер, что заставляет считать данное прилагательное и другие однокоренные с ним слова – **глубинными предикатами**: нечто может находиться *далеко* («А вдруг все то, что ищем – / далеко за горизонтом») [Летов, 2011, с. 483]), далеко можно «уснуть» и «улыбаться» (ср. «Когда я усну мудро и далеко» [Летов, 2011, с. 99]; «Можешь ли ты улыбаться так далеко?» [Летов, 2011, с. 53]).

Тем не менее в разных контекстах эти слова сопрягаются примерно с одним и тем же кругом личностных значений. Даль, связываясь с бесструктурным пространством, «простором», закономерно соотносится с разрушением проторенных путей («По полю без рельсов / И так далеко...») [Летов, 2011, с. 20]), смертью («Когда я усну мудро и далеко / Раскинув мозги и перышки») [Летов, 2011, с. 99]; «А вдруг все то, что ищем – / далеко за горизонтом / на смертельной истребительной дороге все на север» [Летов, 2011, с. 483]) и возможностью иного существования («А там, где иначе – так далеко» [Летов, 2011, с. 127]). Таким образом, в приведенных контекстах обнаруживаем контуры далекого пространства и систему связанных с ним лейтмотивов. Далекое пространство оказывается безграничным, оно соотносится с образом простора и смерти, а само прилагательное *далекий* наделяется совершенно иной, авторской семантикой.

Отсюда следует еще одна специфическая черта глубинной предикации: обозначая систему личностных смыслов, глубинный предикат способен **разрушать лексические нормы сочетаемости**. См. выше: *далеко* можно «уснуть» и «улыбаться».

Итог нашего беглого семантического анализа концепта *далекости* можно подвести следующим образом: *далекий* в семантическом универсуме Летова выражает комплекс смыслов, связанных с семантикой смерти, простора, ухода из замкнутого пространства, достижения иномирного «безграничного» мира. *Далекий* в таком контексте – может трактоваться как *ушедший, иной* (ср. «далекая Офелия»), *достигший мира смерти*.

Мотив *далекости* и его лексическая парадигма связывают песню Танича и поэзию Летова. Текст Танича как будто органично встраивается в летовскую систему смыслов, «не противоречит» ей. Возможно, что именно эти смыслы вчитываются Летовым (который здесь является активным реципиентом) в текст относительно простой советской песни, что в контексте самого акта рецепции предельно расширяет ее содержание. Так, в смысловых рамках летовской лирики сойти «на дальней станции» с учётом вышеприведенных авторских контекстов может означать выйти за пределы тесного удушающего бытия, «городливой замкнуты» [Летов, 2011, с. 170]. Этот выход может трактоваться не просто как ностальгический «выезд за город» (как в советской песне), но как путь в принципиально иное измерение, осциллирующее между загробным переживанием и путешествием вглубь себя.

Таким образом, в песне М. Танича как будто бы оказывается закодированным излюбленный летовский сюжет, связанный с «движением прочь»; механизмом развития этого сюжета оказывается реинтерпретация образов советского текста. Крайне показательно, что дополнительно в песне присутствуют другие, знаковые для авторского летовского сюжета элементы: поезд и поле.

Поезд в лирике Летова, как и в тексте Танича, соотносится с идеей дали, ср. у Летова: «В кустистый поезд / <...> / По полю без рельсов / И так далеко» [Летов, 2018, с. 20]. Обратим внимание, что в летовском тексте поезд дополнительно связывается с полем, при этом поле как цель пути возникает также и в советской песне (ср. «бродить в полях / Ничем не беспокоясь» [Летов]).

Тем не менее образы поля и поезда, появляющиеся в двух песнях, в силу того что они вписываются в разные семантические структуры, являются в известной степени омонимичными.

Открытое пространство поля в лирике Летова соотносится с мотивом посмертного блуждания души. Так, в «Смерти в казарме» душа после смерти тела бежит «по красному полю / рассветному полю» [Летов, 2018, с. 54], в «Прыг-скок» субъекту необходимо выйти за пределы тела навстречу неведомым мистическим силам, что ждут его «ночью в поле» [Летов, 2018, с. 279]. *Поезд в поле* в таком ракурсе может трактоваться как своего рода «психопомп», отвозящий человека в далекое посмертное пространство.

Необходимо отметить, что ключевые, опорные элементы анализируемых текстов мы не всегда можем точно обозначить через такие литературоведческие термины, как мотив и образ – эти термины в нашем методологическом контексте условны, так как не отражают психолингвистическую реальность рецепции.

Важные схождения могут фиксироваться в отдельных «кусочках текста», своеобразных смысловых молекулах, где стягиваются разные лексические элементы. Такие структуры в психолингвистике принято называть *chunks*, в лингвистике – коллокациями. В обоих случаях речь идет о небольшой, но целостной и повторяющейся в речевой практике структуре, связь между элементами которой обусловлена контекстом.

Кажется, что к значимым элементам такого рода можно отнести фразу «без меня», которая возникает в исходном советском тексте. См. контекст: «На дальней станции сойду, / <...> / И без меня обратный / Скорый, скорый поезд / Растает где-то в шуме городском» [Летов].

Фраза «без меня» появляется и в одноименной песне Летова, в которой, как и в советском тексте, она сопрягается с мотивом *далекости*, ср.:

Без меня – апрель, без меня – январь

Без меня – капель...

<...>

И убегает мой мир

Убегает земля

Бежит далеко-далеко

Куда-то далеко-далеко

[Летов, 2018, с. 499]

Результаты исследования

Таким образом, смысловыми «точками пересечения» двух песен стали следующие элементы: *даль / далекое пространство – поезд – поле – «без меня»*. Эти элементы, являясь смысловыми «сгустками» авторского мира, в пределах лирики Летова развертываются в сюжет движения из тес-

ного пространства в иную реальность, которая соотносится с мотивом посмертного существования души.

Советская песня в летовском исполнении как будто дублирует этот личностный сюжет, аккумулируя некоторые ключевые мотивно-образные и смысловые структуры поэтического мира Летова. В акте активной рецепции эти структуры «прорастают» сугубо летовскими смыслами, собираясь в новое смысловое единство. Возможно, что неосознанным критерием выбора песни для включения в альбом стала именно эта констелляция значимых для Летова элементов. Кажется, что свою роль здесь сыграла и семантическая простота песни Танича, связанная с архетипическими – а потому в некотором роде пустотными – образами и мотивами.

Механизм реинтерпретации исходной песни в акте рецепции может иметь и свое психолингвистическое обоснование. В основе художественной реинтерпретации, несомненно, лежат базовые психолингвистические схемы восприятия текста.

Уже давно понятно, что восприятие текста – это процесс индивидуально-творческий: «построение проекции текста реципиентом – полагает А. А. Залевская – это конструктивный процесс, опирающийся на единую перцептивно-когнитивно-аффективную информационную базу индивида, средством доступа к которой является слово <...>» [Залевская, 2005, с. 466].

Проекция текста в читательском сознании, таким образом, вовсе не равна некой идеальной схеме текста в авторском сознании. Фактором «шума» здесь, как ясно из вышеприведённой цитаты, является прагматика: разнообразные предиспозиции, связанные с ценностными установками, социальными ожиданиями, «специфической готовностью» и проч. Именно прагматические характеристики несут «большую меру ответственности за разночтения в последующем процессе интерпретации текста» [Дридзе, 1976, с. 34], при этом сам прагматический контекст, задающий интерпретацию, и обеспечивает тексту, по меткому выражению Т. М. Дридзе, «подлинно „поведенческую” жизнь» [Дридзе, 1976, с. 35].

Таким образом, *если у начала порождения текста лежит мотив, то у начала восприятия текста лежит прагматическая установка, соотношенная с ценностно-смысловым измерением мира реципиента*. Однако в этом пункте перед нами встает важный вопрос: каким образом эта установка реализуется в материале текста?

Нам кажется, что авторскую «предиспозицию» мы можем определить по ключевым словам, которые, как известно, сворачивают опорные смыслы текста и сохраняют его смысловую самодостаточность (цельность текста, пишет А. С. Штерн, «отражается в наборе ключевых слов текста» [Штерн, 1992, с. 68]). И если при порождении текста – он разворачивается из некоторого количества опорных смысловых элементов, то при восприятии текста, по-видимому, происходит обратный процесс – процесс свертывания сложных смыслов текста в ключевые слова. При этом система опорных элементов, значимая для читателя, может отличаться от системы опорных элементов, значимых для автора текста (см. об этом: [Залевская, 2005, с. 440]).

В нашем случае – случае реинтерпретации исходного текста в рамках «чужой» художественной системы – *Летов из исходного текста формирует свой набор ключевых слов, который совпадает с его системой глубинных предикатов*. Эти ключевые слова оказываются своеобразными смысловыми стимулами, которые, попадая в ценностно-смысловое поле реципиента, вызывают сугубо личностные ассоциации и встраиваются с совершенно иную индивидуальную структуру значения. Таким образом, структура значения исходного текста песни в прагматическом контексте «коммуникатора» и «реципиента» – будут разными.

Чрезвычайно значимым оказывается и тот факт, что ключевые элементы *повторяются* (возможно, здесь следует говорить о формульности летовских текстов, см. об этом: [Доманский, 2022]) и *встречаются вместе*, образуя своеобразный смысловой кластер.

В. Зинченко, исследуя законы визуального восприятия, частным случаем которого является восприятие текста, отмечает, что «объекты воспринимаются наблюдателем не как комплекс или система признаков, а как простые неразложимые единицы» [Зинченко, 2017, с. 57]. Можно предположить, что при восприятии текста также действует принцип гештальта, когда отдельные элементы опознаются только в рамках более общей структуры. В качестве таких гештальтов, по-видимому, могут выступать мотивно-образные кластеры, подобные проанализированному выше. Возможно, что именно такого рода единства и могут оказываться в отдельных случаях решающим фактором выбора исполнения той или иной песни.

Чрезвычайно важно, что подобный семантический способ «освоения» чужого слова использу-

ется Летовым и в случае с *отдельными цитатами*, что позволяет говорить об особенной авторской стратегии работы с чужим словом в целом. Так, в песне «Невыносимая легкость бытия» цитата, вынесенная в заглавие и взятая в контексте авторской поэтики, по-видимому, не столько вводит в текст смыслы романа Кундеры, сколько кодирует личностную семантику Летова, связанную с лирическим сюжетом *посмертного движения прочь*. Именно этот сюжет и лежит в основе песни, лирический субъект которой движется *от земли*. Ср.:

На покинутой планете
Стынет колокольчик
А в обугленном небе зреет
НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ
[Летов, 2018, с. 453]

Не обращаясь – в силу ограниченности жанра статьи – ко всему корпусу текстов Летова, просто отметим, что бытие оказывается *легким* не потому, что Летов включает в свой текст сложные психологические смыслы романа Кундеры, но потому, что помещает мотив легкости бытия в сюжет «центробежного движения». Вспомним стихотворение «Что означает...», лирический герой которого, как и в тексте «Невыносимая легкость бытия», отрывается от земли, земля его не держит, «пинает изгоняет прочь» [Летов, 2018, с. 352]. Это «легкое бытие» как будто прорастает мотивом полета от земли и связывается с уходом от любых пределов и ограничений.

Заключение

Наш анализ позволяет сделать следующие выводы.

В контексте рецепции образы и мотивы двух систем – воспринимающей и отдающей – оказываются в известной степени омонимными, так как, взятые в рамках разных поэтик, они наполняются разным содержанием, вступают в разные семантические связи и совпадают только во внешней форме. Говоря иначе, они, будучи идентичными внешне, совершенно различны по своей семантической структуре, которая обусловлена более широкими авторскими контекстами.

Приведенный материал позволяет предположить, что исполнение чужой песни является «модельным» примером читательской рецепции. Так, в отличие от непосредственного восприятия чужого текста, выбор конкретной песни, манера ее исполнения позволяет с опорой на существую-

щую авторскую систему смыслов выявить некоторые психолингвистические механизмы такого восприятия. В случае с Летовым таким механизмом оказывается мотивно-образная констелляция, которая, с одной стороны, обнаруживается в советской песне, а с другой стороны, часто встречается в лирике Летова. Именно такое, внешнее совпадение структур и позволяет «сгустить» летовскую систему значений в тексте Танича (Мы, естественно, не утверждаем, что Летов осознанно производит подобную перекодировку. Возможно, что здесь могут включаться неосознанные или полуосознанные рецептивные механизмы, которые можно выявить только при специальном исследовании).

Заметим, что этому процессу способствует сама природа советской песни. Советская песня – это простая песня, в ней отсутствуют усложненные и тонко дифференцированные смыслы, которые «работают» узко и точно. Однако ее простота чревата увеличением смыслового объема: архетипическая пустотность и некоторая культурная стереотипность образов советской песни позволяет вмещать множество личностных смыслов и проецироваться на множество ситуаций, что, возможно, и объясняет высокий суггестивный потенциал советской песенной лирики.

Таким образом, два исполнения одной песни (оригинальное советское и летовское) как будто по-разному трактуют ее текст. Фактически эти исполнения порождают «тексты-омонимы», в которых за одинаковой внешней формой, скрываются разные семантические структуры.

Эта авторская стратегия, по-видимому, оказывается отрефлексируемой. Так, Летов многократно подчеркивал, что песня в своем смысловом пределе не является авторским произведением после того, как автор ее написал, она отрывается от источника и начинает жить своей жизнью, соответственно ее смыслы не могут быть привязаны к исходному тексту. Автор в таком контексте оказывается «ограничивающей конструкцией», чью «символическую» власть и диктат на смыслы Летов категорически отвергает. Кажется, что эти идеи вписываются в более общую систему представлений Летова о природе художественного творчества: оно понимается как ненаправленный процесс, проходящий сквозь человека, а сам автор в таком контексте оказывается не созидющей инстанцией, а скорее репродуцирующей. В этом случае «авторство произведения лишь отчасти принадлежит поэту» – пишет А. Корчинский [Корчинский, 2018, с. 57–58].

Однако эта репродукция, по нашему глубоко-му убеждению, должна пониматься отнюдь не в постмодернистском ключе, но в контексте закономерностей построения художественного мира. Мы полагаем, что в основе летовской художественной модели реальности лежит идея регресса к архаичным ранним представлениям о мире и человеке. Детская тема, любовь Летова к художественному примитивизму, обратная перспектива и система сдвигов в его текстах – всё это коррелирует с невыделенностью личностного начала, что, в свою очередь, приводит к представлению о поэте как о камлающем шамане, который в магическом акте присоединяется к неким высшим силам. И средством этого «подключения» может быть как цитата из романа Кундеры, так и советская песня... Автор исчезает, остается мир.

Библиографический список

1. Гавриков В. А. Песенная поэзия vs печатная поэзия. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. 388 с.
2. Доманский Ю. В. «Насекомые» Егора Летова – лирическая антиутопия? // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2020. № 20. С. 158–174.
3. Доманский Ю. В. Поэтика рок-поэзии: о ключевых формулах рок-текста как объекте его идентификации и анализа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 158–174.
4. Дридзе Т. М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие сообщения (в условиях массовой коммуникации). Москва : Наука, 1976. С. 34–45.
5. Залевская А. А. Экспериментальные исследования понимания как формирования проекции текста // Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. Москва : Гнозис, 2005. С. 437–467.
6. Зинченко В. Восприятие и визуальная культура. Москва, Санкт-Петербург : ЦГИ Принт, 2017. 599 с.
7. Карпов Д. Л. Герой романа И. Малышева «Номах» и поэтика Егора Летова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 3. С. 92–102.
8. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. Москва : Наука, 1986. 205 с.
9. Корчинский А. Комментарий к мифу: Егор Летов о своих текстах. Москва : Выргород, 2018. С. 52–66.
10. Летов Е. Автографы. Черновые и белые рукописи. Новосибирск : Фонд «Сияние», 2011. 208 с.
11. Летов Е. Звездапад. URL: https://grobhroniki.org/texts/other/t_n/na_dalnej_stancii_sojdu.html (дата обращения: 03.04.2024).
12. Летов Е. Оффлайн. Москва : Выргород, 2018. 256 с.
13. Марков А. В. Философские константы в творческом самоопределении песенных поэтов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2023. № 4. С. 408–415.
14. Меркушов С. Ф. Герменевтическое прочтение отсутствующего текста: к вопросу об интермедийных ресурсах в интерпретации («О отшествии преподающего в пустыню от славы человеческая» Егора Летова и Константина Рябинова) // Art Logos. 2023. № 2. С. 84–94.
15. Меркушов С. Ф. Егор Летов: разрыв с традицией через перцепцию Владимира Маяковского // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 69–75.
16. Плотникова В. А. Из наблюдений над рукописями А. С. Пушкина // Русская речь. 1974. № 3. С. 49–55.
17. Станкович З. Г. Саморефлексия в русской рок-поэзии: к постановке проблемы // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 18–28.
18. Ступников Д. О. Через лёд под ногами майора к Русской весне (генезис пяти заветных символов «Гражданской Обороны» и «Красных Звёзд») // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 130–155.
19. Темиршина О. Р. Заговорный код в лирике Егора Летова // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 2. С. 105–117.
20. Шостак Г. В. Егор Летов и советская песня: цитаты, отсылки, реминисценции // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 156–170.
21. Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование). Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. 236 с.

Reference list

1. Gavrikov V. A. Pesennaja poezija vs pechatnaja poezija = Song poetry vs printed poetry. Moskva ; Berlin : Direkt-Media, 2021. 388 s.
2. Domanskij Ju. V. «Nasekomye» Egora Letova – liricheskaja antiutopija? = Yegor Letov's «Insects» – a lyrical dystopia? // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst. 2020. № 20. S. 158–174.
3. Domanskij Ju. V. Pojetika rok-poezii: o ključevykh formulah rok-teksta kak ob#ekte ego identifikacii i analiza = Rock poetics: on the rock text key formulas as an object of its identification and analysis // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst. 2022. № 22. S. 158–174.
4. Dridze T. M. Interpretacionnye harakteristiki i klasifikacija tekstov (s uchetom specifiki interpretacionnyh sdvigo) = Interpretive characteristics and text classification (considering specifics of interpretive shifts) // Smyslovoe vosprijatie soobshhenija (v uslovijah massovoj kommunikacii). Moskva : Nauka, 1976. S. 34–45.
5. Zalevskaja A. A. Jeksperimental'nye issledovanija ponimaniya kak formirovaniya proekcii teksta = Experimental studies of comprehension as the formation of text projection // Zalevskaja A. A. Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. Moskva : Gnozis, 2005. S. 437–467.
6. Zinchenko V. Vosprijatie i vizual'naja kul'tura = Perception and visual culture. Moskva, Sankt-Peterburg : CGI Print, 2017. 599 s.

7. Karpov D. L. Geroj romana I. Malysheva «Nomah» i pojetika Egora Letova = The hero of I. Malyshev's novel «Nomakh» and Yegor Letov's poetics // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2021. № 3. S. 92–102.
8. Kovtunova I. I. Pojeticheskiy sintaksis = Poetic syntax. Moskva : Nauka, 1986. 205 s.
9. Korchinskiy A. Kommentarij k mifu: Egor Letov o svoih tekstah = Comments on myth: Egor Letov on his lyrics. Moskva : Vyrgorod, 2018. S. 52–66.
10. Letov E. Avtografy. Chernovye i belovye rukopisi = Autographs. Draft and clean copies. Novosibirsk : Fond «Sijanie», 2011. 208 s.
11. Letov E. Zvezdopad = Starfall. URL: https://grob-hroniki.org/texts/other/t_n/na_dalnej_stancii_sojdu.html (data obrashhenija: 03.04.2024).
12. Letov E. Offlajn = Offline. Moskva : Vyrgorod, 2018. 256 s.
13. Markov A. V. Filosofskie konstanty v tvorcheskom samoopredelenii pesennyh pojetov = Philosophical constants in creative self-definition of song poets // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2023. № 4. S. 408–415.
14. Merkushev S. F. Germenevicheskoe prochtenie otsustvujushhego teksta: k voprosu ob intermedial'nyh resursah v interpretacii («O otshestvii prepodobnago v pustynju ot slavy chelovecheskija» Egora Letova i Konstantina Rjabinova) = Hermeneutic reading of a missing text: towards the issue of intermedial resources in interpretation («On the Reverend's departure to the desert from the glory of man» by Yegor Letov and Konstantin Ryabinov) // Art Logos. 2023. № 2. S. 84–94.
15. Merkushev S. F. Egor Letov: razryv s tradiciej cherez percepciju Vladimira Majakovskogo = Yegor Letov: breaking with the tradition through the perception of Vladimir Mayakovsky // Evrazijskiy gumanitarnyj zhurnal. 2020. № 4. S. 69–75.
16. Plotnikova V. A. Iz nabljudenij nad rukopisjami A. S. Pushkina = From observations on A. S. Pushkin's manuscripts // Russkaja rech'. 1974. № 3. S. 49–55.
17. Stankovich Z. G. Samorefleksija v russkoj rok-pojezii: k postanovke problemy = Self-reflection in Russian rock poetry: towards stating the issue // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. 2022. № 22. S. 18–28.
18. Stupnikov D. O. Cherez ljod pod nogami majora k Russoj vesne (genezis pjati zavetnyh simbolov «Grazhdanskoj Oborony» i «Krasnyh Zvezd») = Through the ice under the Major's feet to the Russian spring (genesis of five cherished symbols of «Civil Defense» and «Red Stars») // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. 2022. № 22. S. 130–155.
19. Temirshina O. R. Zagovornyj kod v lirike Egora Letova = Spell code in Yegor Letov's lyrics // Filologičeskij klass. 2023. T. 28. № 2. S. 105–117.
20. Shostak G. V. Egor Letov i sovetskaja pesnja: citaty, otsylki, reminiscencii = Yegor Letov and Soviet song: quotes, references, reminiscences // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. 2022. № 22. S. 156–170.
21. Shtern A. S. Perceptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti (jeksperimental'noe issledovanie) = A perceptual aspect of speech activity (an experimental study). Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1992. 236 s.

Статья поступила в редакцию 19.05.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 19.05.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-42
EDN: KOAGRW

**«Мнемоническая инверсия» как маркер «пострефлективного антитрадиционализма»
в стихотворных «памятниках» русской поэзии XIX–XX веков**

Сергей Викторович Жилияков

Кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал). 309502, г. Старый Оскол, мкр. Солнечный, д. 18
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Аннотация. В статье на примере стихотворного «памятника» в русской поэзии исследуется противоположный традиционному вектор развития поэтических форм, названный «мнемонической инверсией». Этот феномен характеризуется тем, что он возникает в русле новой парадигмы художественности, а именно – в эпоху «конца традиционалистской установки как таковой» (С. Аверинцев), в которой благодаря «памяти жанра» художественный ресурс прирастает в количественном и качественном измерениях за счет инновационного авторского подхода к использованию (перифраз, рекомбинирование и синтез структурных компонентов внутри художественного целого, стилистическая манипуляция) прежних поэтических форм. Однако в отличие от указанной (новаторской) возможности обращения с литературным наследием «мнемоническая инверсия» действует антитетично по отношению к основным интенциям канонического периода. Она не просто позволяет манипулировать классическими поэтическими формами, характеризуемыми мнемонической взаимосвязью прошлого с настоящим («память жанра»), а отрицает наследие традиции, даже саму идею следования нормативному жанровому мышлению, предписанному еще «рефлективным традиционализмом» (С. Аверинцев), выступает как способ и средство противостояния ей; следует вопреки основному конститутивному принципу жанростроения, стремится его разрушить, обратить жанровую память вспять. В результате чего «мнемоническая инверсия» становится маркером «пострефлективного антитрадиционализма» – художественно-методологической тенденции, обозначающей и высвечивающей в соответствии с понятийным наполнением антиномичную (диалектически противоположную) сторону литературного процесса и потому заключающую в себе свойства отчужденного восприятия традиции, вывернутой наоборот, при которой «память жанра» трансформируется в «память о жанре», тяготеющую к забвению. Присутствие «пострефлективного антитрадиционализма» особенно становится ощутимым с конца 20-х годов XIX века, оно совпадает по времени со сменой жанровой системы классицизма, катализатором которой, как известно, явились сентиментализм и романтизм.

Ключевые слова: стихотворный «памятник»; жанр; «пострефлективный антитрадиционализм»; «мнемоническая инверсия»; художественная литература; жанровый мотив; «память жанра»

Для цитирования: Жилияков С. В. «Мнемоническая инверсия» как маркер «пострефлективного антитрадиционализма» в стихотворных «памятниках» русской поэзии XIX–XX веков // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 42–49. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-42>. <https://elibrary.ru/KOAGRW>

Original article

**«Mnemonic inversion» as a marker of «post-reflective anti-traditionalism»
in the poetic «monuments» of russian poetry of the 19th–20th centuries**

Sergey V. Zhilyakov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of management, Belgorod state national research university (Stary Oskol branch). 309502, Stary Oskol, Solnechny district, 18.
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Abstract. The article studies «mnemonic inversion», the poetic form development vector opposite to the traditional one, using the example of poetic «monument» in russian poetry. This phenomenon emerges in the context of a new literary paradigm, namely in the era of «the end of the traditionalist attitude as such» (S. Averintsev). Thanks to the

«genre memory», the artistic resource increases in quantitative and qualitative dimensions due to the author's innovative approach to the use of previous poetic forms (periphrasis, recombination and synthesis of structural components within the literary work, stylistic manipulation). However, unlike the innovative possibility of dealing with literary heritage, the «mnemonic inversion» acts antithetically to the basic intents of the canonical period. It not only allows manipulating classical poetic forms characterized by the mnemonic relationship between the past and the present («genre memory»), but denies the heritage of tradition, and even the very idea of following the normative genre thinking dictated by «reflective traditionalism» (S. Averintsev), acts as a way and means of opposing it; contradicts the basic constitutive principle of genre-building, seeks to destroy it, to reverse genre memory. As a result, «mnemonic inversion» becomes a marker of «postreflective antitraditionalism» – an artistic and methodological trend that denotes and highlights the antinomic (dialectically opposite) side of the literary process in accordance with its conceptual content, and therefore contains the properties of an alienated perception of tradition turned the other way around, in which the «genre memory» is transformed into a «memory about genre» that tends to oblivion. The presence of «postreflective antitraditionalism» becomes especially noticeable in the late 20-ies of the XIX century, and coincides with the change of the classicism genre system, which is known to have been catalyzed by sentimentalism and romanticism.

Key words: poetic «monument»; genre; «postreflective antitraditionalism»; «mnemonic inversion»; fiction; genre motif; «genre memory»

For citation: Zhilyakov S. B. «Mnemonic inversion» as a marker of «post-reflective anti-traditionalism» in the poetic «monuments» of Russian poetry of the 19th–20th centuries. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(3):42–49. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-42>. <https://elibrary.ru/KOAGRW>

Введение

Противоречие общепринятым закономерным процессам явления мало привлекают внимание исследователей, часто остаются неприметными в виде упрощающей задачи всякого исследования обмолвки о том, что «Nulla regula sine exsertione» («Нет правила без исключения»). А ведь как раз поиск для таких явлений логических оснований (ср.: М. Хайдеггер пишет: «...человеческий рассудок везде и всегда, где он деятелен, тотчас высматривает основание...»). «Человеческое представление во всем том, чем оно окружено и чем затрагивается, стремится к основаниям...» [Хайдеггер, 2000, с. 20]) показывает, что их наличие всего лишь подтверждает легитимное существование еще более широкомасштабных процессов в культуре, литературе, истории, поскольку такие феномены оказывают значительное влияние на дальнейшую динамику в культурной истории, образуют своего рода самостоятельную тенденцию и уже одним этим опровергают идею об их якобы спонтанном и необоснованном проявлении.

Методы исследования

В нашей работе мы опираемся на разработанную в рамках исторической поэтики концепцию С. С. Аверинцева о сменах парадигм художественности [Аверинцев, 1981], в основе которой лежит трехчастная периодизация, дифференцирующая отношение к литературе: как нерелевантной и погруженной во внелитературную действительность мифо-ритуального синкретизма (период «дорелевантного традиционализ-

ма»); саморефлектирующей в жанровом аспекте (период «рефлективного традиционализма») и, наконец, подчиняющейся авторскому взгляду на мир (период «конца традиционалистской установки как таковой» или начала «художественной модальности») эстетической системе. Деление истории литературы на три периода, естественно, определяется не только доминирующими методологическими установками и дифференциацией роли автора, а также отношением эстетической (прежде всего жанровой) памяти к традиции. На примерах стихотворных «памятников» в русской поэзии XIX века автор делает попытку увидеть в указанной периодизации тенденцию «пострефлективного антитрадиционализма», идентифицируемую отрицательным отношением к предшествующей ей жанровой традиции, маркером и отличительным признаком которой является «мнемоническая инверсия» – художественно-эстетическая установка, направленная на разоблачение памяти интенцией забвения и потому обуславливающая жанровую концепцию «антипамятника».

Основная часть

В истории русской литературы имеются целые периоды, насчитывающие десятки лет, которые пересыпаны произведениями, словно напказ демонстрирующими противостояние существующей традиции. Складывается впечатление, что они составляют определенную закономерность в развитии поэзии, нигилистическую по своей сути, отрицающую и как будто обращающую вспять жанровую динамику предшествую-

щего времени.

Это касается, в частности, жанровой традиции оды «Памятник», которая переосмысливается в полярно противоположную литературную форму, распространенную в «поэзии руин» конца XVIII – начала XIX века, а именно – в элегию «На развалинах цезарских палат» (1856–1858) А. А. Фета. В целом по функциональной принадлежности к имманентной и самодостаточной жанровой истории стихотворение можно определить как «антипамятник» (такой термин закрепился за знаменитым стихотворением в работе А. А. Илюшина [Илюшин, 1978, с. 54]), который в противовес своему антиподу пропагандирует нигилистическую идею «невековечности», тленности всего человеческого под солнцем («Пускай я не дерзну сказать: „Ты не велик”» [Фет, 1959, с. 91]). Вследствие этого стихотворение построено по принципу антитезы к знаменитому прецеденту – стихотворному «памятнику», оде III, 30 Горация.

Так, центральный образ памятника, которому, согласно традиции, суждено стать символом поэтической славы в будущем, трансформирован в руины цезаревского мавзолея, низвергающие всякое человеческое величие, которое не может противостоять разрушению времени. Открывается произведение видением образа былого величия Рима: «Пускай вокруг меня, тяжелые громады, / Из праха восстают и храмы, и дворцы, / И драгоценные пестреют колоннады...» [Фет, 1959, с. 91]. Маркерные строки утешения (с небольшими авторскими вариациями), тиражирующиеся во многих стихотворных «памятниках» – «Нет, не весь я умру...», включая пушкинский, приобретают у Фета также противоположное значение, вызванное не апологией бессмертия поэзии, души поэта, а, напротив, признанием бренности и тщетности человеческого существования, усиленного удвоенной эмфазой с утроенной апофазией: «Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной... / Ты здесь у ног моих при-ник» [Фет, 1959, с. 91].

В отличие от меланхолической задумчивости над останками величественного прошлого древней цивилизации, присущей, к примеру, элегическому «я» К. Н. Батюшкова в типологически близком стихотворении «На развалинах замка в Швеции» (1814), лирическое «я» Фета, будучи переполненное эмоцией, критикует эту гордую урбанистическую величавость за безмерную заносчивость и безграничную спесь: «Безжалостный квирит, тебя я ненавижу / За то, что на земле

ты видел лишь себя» [Фет, 1959, с. 91]. Субъектному образу претит всякая свойственная таким стихотворениям с типологическим названием ностальгия по прошлому, навеянная ретроспективными образами, по духу оказывается ему ближе выражение неприязни к нему, даже раздражение им. Отсюда атрибутированный традицией «памятника» заключительный мотив обращения к музе выражает не просьбу, скорее, предъявляет укор: «И трупы буйного, жестокого невежды / Слезой камня не почтит» [Фет, 1959, с. 92]. В результате этого элегическое грустное воспевание сменяется инвективой, выражающей «резкое обличение» [Литературная энциклопедия, 2001, стб. 302] и обращенной к собирательному образу имперского эгоизма и человеческой гордыни. Для этого элегия Фета применяет отретированные традицией и переосмысленные в антиномичном модусе мотивы «памятника», органично вплетенные в структуру жанра. При этом, что симптоматично, содержательная структура элегического видения, развернутого в настоящем модусе времени, поглощает проспективную репрезентацию времени в индивидуальной вариации, характерную для стихотворного «памятника» [Иванюк, 2017, с. 98]. Такое аллюзивное отстранение от поэтической традиции, использующее широкий спектр средств – реминисценции, перифразы, формируется уже не «памятью жанра», а «памятью о жанре» [Иванюк, 2011, с. 92–96].

Нужно сказать, что Фет не первый в своей поэзии демонстрирует оппозиционное отношение к распространенным тематическим мотивам. Еще в 1816 году в последнем стихотворении, оде «Река времен в своем стремлении...», которое, по справедливому мнению Е. М. Тюленевой, взаимодействует «в жанровом тезаурусе с „поэтическим памятником”» [Тюленева, 2022, с. 161], Г. Р. Державин меняет свои взгляды на диаметрально противоположные в отношении же собственного, сочиненного двадцать лет до этого стихотворного «Памятника» («Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...», 1795), утверждая: «А если что и остается / Через звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы» [Державин, 1957, с. 360].

Кроме того, в череде лирических событий, далее развивающих феномен близкого концепту «антипамятника», стоит указать на автоинвективу Е. А. Боратынского «Мой дар убог и голос мой негромок...» (1828). В произведении, по словам С. Г. Бочарова, дается весьма своеобраз-

ная интерпретация «лирического памятника» [Бочаров, 1985, с. 69–77], необычность которой заключена не сколько в негативном отношении к идее поэтической славы, выраженной знаменитым стихотворением, сколько в опрощении ее. Действительно, поэт весьма скромно, причем с определенной долей скепсиса, отзывается о признании своих заслуг в будущем. Поэтому его восьмистишная строфа (октет), сочиненная по следам известного произведения и занимающая, что показательно, в общем контексте манифестируемой скромности всего лишь половину количественного объема стихов поэтического «памятника», предрасположена к сочетанию мотивов «антипамятника» и собственно «памятника», образуя некое подобие переходного варианта. При этом, вероятно, Боратынским в качестве прецедентной основы для «антипамятника» используется уже приводимое нами последнее стихотворение Державина, которое имеет аналогичное количество стихов, что составляет ровно половину от исходного образца «Ehgi monumentum...» Горация и его первого русского переводного – «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» М. В. Ломоносова (1747) (8 стихов против 16). Вариант же «памятника» Ломоносова, написанный одним из самых употребительных в русском стихосложении размером – 5-стопным ямбом, становится в свою очередь метрико-ритмическим ориентиром. Приобщением этих двух прямо противоположных начал – мотива «памятника» и «антипамятника» – Боратынский, во-первых, избегает разгула эгоизма и безграничности критики, тем самым достигает некоторой умеренно-срединной версии лирического произведения, иронической по своей сути. По этой же причине чуждый высокопарной патетики лирический субъект на первое место ставит не великие поэтические заслуги, а возможность быть, хотя бы, услышанным и понятым:

Но я живу и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я
[Боратынский, 1977, с. 155].

Следующий виток развития конкретно анти-тетической динамики обозначается в 1856 году, когда вышедшим на волю после томской ссылки декабристом Г. С. Батеньковым пишется «Non

ehgi monumentum...», уже одним только своим заглавием ориентирует читателя на обратный модус прочтения, предполагающий антагонизм с традицией. Несмотря на в целом полемический характер содержания, особенно показательны начало и конец «антипамятника» как самые сильные текстологические звенья художественного целого («Себе я не воздвиг литого монумента, / Который бы затмил великость пирамид...») и «О Муза! Не гордись тяжелым вдохновеньем / Вошедшего в твой храм угрюмого жреца: / Снискать не суждено его песнотвореньям / Вечнозеленый лавр для твоего венца» [Батеньков]), некоторые фрагменты произведения подчеркивают концепцию «негромкой славы», которая мотивирует автора использовать прямые цитаты, реминисцентные элементы, отсылающие к несколько отстраненной от общепринятой и традиционной линии развития стихотворного «памятника», предложенной Боратынским: «Но весь я не умру: неведомый *потомок* / В пыли минувшего разыщет стертый след / И скажет: „Жил поэт, чей голос был негромок, / А все дошел до нас сквозь толщу многих лет“» [Батеньков]. Очевидно, Батеньков, как и Фет, воплощает в своем «антипамятнике» противоположную предыдущей традиции стихотворного «памятника» стратегию, придает знаменитому тексту антипанегирический характер.

Дальнейшее полемическое отношение к традиции, переходящее в XX век, связано с И. Бродским. В «Памятнике» (1963), написанном в форме стихотворной инвокации, выраженной лейтмотивным императивом «Построим памятник...», воспроизводится одновременное воспоминание о модернистском (в частности, футуристическом) и постмодернистском, современном автору, восприятию классического наследия с обязательным присутствием в фокусе поэтической рефлексии идеологием коммунистического мировоззрения и по этой же причине использовании симптоматического кооперационного образа лирического «мы», показанного через призму собственного отрицательного отношения к советскому коллективизму. В этой связи можно сначала процитировать строки из последней поэмы В. В. Маяковского «Во весь голос» (1929–1930), в которую встроен мотив «памятника», представляющий собой трансформацию критикуемой поэтом индивидуально-поэтической славы в обобщенный образ народной солидарности, адаптированный к идеологии времени:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою –
Ведь мы свои же люди, –
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм [Маяковский, 1988, с. 429].

Типично в духе отрицательного отношения к персональной славе звучат также стихи первого произведения «Твой памятник» в лирическом триптихе «На площади Ленина в Ереване» (1960) армянской поэтессы С. Капутикян. Образ памятника в ее интерпретации – отнюдь не скульптурная инсталляция, а идейно-духовная составляющая жизни общества, солидарного (здесь, конечно, прочитывается трансформация тайны причастия общины верующих Христу) с ее вождем – Лениным:

Но монумента мы не строили тебе.
Ты не царишь над городом, надменен, –
Ты среди нас – в делах, в сердцах, в судьбе.
О, ты – не памятник,
Ты – наш товарищ Ленин... [Капутикян, 1989, с. 212].

Вернемся к Бродскому. Так, по замыслу автора, как будто удовлетворяющего привычному и отрепетированному временем запросу общественного сознания, памятник этот будет посвящен фиктивному деятелю с сомнительными заслугами («и наши дети / будут жмуриться на толстое / оранжевое солнце, принимая фигуру на пьедестале / за признанного мыслителя, / композитора / или генерала» [Бродский, 1965, с. 45]). Вследствие чего он в качестве десакрализованного символа будет доступен многим людям в виде фона для фотографирования и т. д. Сатирический пафос «памятника», постепенными подступами к которому обозначен весь ход лирического сюжета, выявляется в самой последней строке, выраженной как приговор и руководство к действию: «Поставим памятник лжи» [Бродский, 1965, с. 46]. Очевидно, что, кроме модального поворота к негативации традиции, Бродский оперирует новым, отличным от классического, принципом «субъектного неосинкретизма», под которым, как считает С. Н. Бройтман,

подразумевается нерасчлененность точек зрения «я» и «мы», включающая возможности разных альтернатив статуса авторско-поэтической оптики [Теория литературы, 2004, с. 22] и который в равной степени присущ вышецитируемым произведениям В. Маяковского и С. Капутикян. Кроме того, ему хронологически предшествует другой, уже смягчающий сатирический пафос, стихотворный «памятник» поэта – «Я памятник воздвиг иной!» (1962), опыт написания которого, безусловно был использован в «Памятнике» 1963 года. В нем в резкой и карикатурной форме («Я памятник воздвиг себе иной! / К постыдному столетию – спиной. / К любви своей потерянной – лицом. / И грудь – велосипедным колесом. / А ягодицы – к морю полуправд...» [Бродский, 2001, с. 170]) полемизирует с завышенными притязаниями на демонстрацию поэтической славы. «Памятники» Бродского, по мнению современного исследователя К. А. New, продолжают «процесс деканонизации литературной традиции» [New, 2018, р. 247], развенчивают центральный фактор жанрообусловливания – жанровую концепцию [Головкин, 2002], представляющую идейно-тематическое ядро произведения. Поэтому всякое отклонение от жанровой концепции преобразует поэтику всего поэтического текста и вместо образа широкомасштабной славы, на которую обычно притязает лирический субъект, поэтом используется локальный гротескный вариант «придворового» бюста, что в направлении главной идеи противостояния традиционному измерению памяти роднит произведение с «антипамятниками», но не отождествляет с ними:

в стране большой, на радость детворе
из гипсового бюста во дворе
сквозь белые незрячие глаза
струей воды ударю в небеса [Бродский, 2001, с. 170].

Итак, «Памятники» Бродского, как и стихи Маяковского, Капутикян, не отрицают саму идею постанова материального или идеалистического символа памяти и славы, не устраняют их референт, хотя в целом и несогласны с его классической репрезентацией. В отличие от них между «антипамятниками» Батенькова и Фета существует определенного рода связь, основанная на использовании принципа антагонизма в направлении традиционного (классического) наследия жанра, которая в то же время продол-

жает существовать. Отметим, что «мнемоническая инверсия», породившая явление «антипамятника» с его подчеркнутой в отношении к знаменитому произведению контрпоэтикой, порождает жанровую новую жанровую традицию, отличную от ее консервативной линии развития и полемического (иронического, саркастического и т. д.) представления с характерным для нее «выворачиванием наизнанку канонических „Памятников”» [Иванюк, 2018, с. 151].

Можно сказать, что с обнаружением «мнемонической инверсии» жанровая традиция стихотворного «памятника» XIX–XXI веков дифференцируется на три относительно самостоятельных направления. Каноническая традиция написания знаменитого стихотворения, пусть и в наименьшем количестве представленная, все-таки продолжает существовать в несколько реформированном виде в «Памятниках» В. Я. Брюсова, Б. А. Слуцкого, М. Ахмедова, образуя неотрадиционалистский вектор интенции художественного, «исходящий из диалектического единства личной свободы и бытийной ответственности» [Скляр, 2015, с. 247], заложенной ретроспективным опытом. Полемическая представлена «Памятниками» Вл. Ф. Ходасевича («Во мне конец, во мне начало...»), В. Каменского («Иронический памятник»), указанными произведениями И. Бродского, Л. Виноградова «Я памятник воздвиг, но не себе, а Фрейду...» и др. И наконец, в качестве «антипамятников» презентуются стихотворения А. А. Фета («На развалинах цезарских палат»), Г. С. Батенькова («Non exegi monumentum...»), В. Высоцкого («Я при жизни был рослым и стройным...»), Е. Винокурова («Я весь умру...») и др. Все это может свидетельствовать о диалектической сущности литературного процесса.

Заключение

Итак, на примере изучения стихотворного «памятника» автору удалось обнаружить и выявить такое явление, как «мнемоническая инверсия». Значение «мнемонической инверсии» заключается в том, что она преобразует «память жанра» – атрибутивное свойство его архаики, по М. М. Бахтину, в его стремление к забвению, направляет вектор развития стихотворного «памятника» вспять и трансформирует произведение в жанровую противоположность – «антипамятник». «Антипамятник» заявляет о себе не в единичном виде, а пролагает путь целой плеяде лирических опусов, составляющих поэтическую

тенденцию (указанные стихотворения Фета, Батенькова, Высоцкого и др.), объединенную обращением художественной рефлексии не на укрепление устоявшихся преемственных связей с традицией, а, напротив, на их разрушение, дезавуирование, преодоление с помощью отрицательного отношения к ним. Направленная на противоход даже тематической (автологической) памяти как таковой, от которой остается аллюзия, «мнемоническая инверсия» ориентирует ее на устремление к забвению. Это объясняет идейно-художественную борьбу и неприятие памяти как противостоящему времени концепту во всех представленных текстах произведений. И подобно тому, как памятуемое имеет два источника, образующих диаметрально противоположные модусы, – собственно память и забвение, «мнемоническая инверсия» репрезентирует собой вторую (отрицательная) диалектическую сторону поэтического процесса, которая способствует смене классического (канонического) мироотношения, становясь маркером той парадигмы художественности, которую правомерно назвать по аналогии с предложенной С. С. Аверинцевым периодизацией в контексте соседствующих – «рефлексивного традиционализма» и «конца традиционалистской установки как таковой» [Аверинцев, 1981, с. 7], «пострефлексивный анти-традиционализм». Не имея оснований возникнуть на пустом месте, но в виде негативной реакции на традиционное жанровое мышление, при этом находясь исторически уже за его пределами, «пострефлексивный анти-традиционализм» одновременно обращен на обе художественные эпохи. В качестве последующего за рефлексивно-традиционалистским состоянием литературы, которое и преодолевает, он сосуществует с окончательной стадией традиционалистской поэтики, разделяя с ней в целом «персоналистское» мировоззрение, направленное на размыкание рефлексии как обращения традиции на себя, в частности, – противодействуя ей. Впрочем, «мнемоническая инверсия» своей способностью колебать художественно-методологические циклы обнаруживает себя, помимо стихотворного «памятника», в типологическом феномене «антиреквиема» в русской (Л. Пальмин «Requiem») и зарубежной (И. К. Галчинский «Реквием?») литературах, противостоящем традиционному (каноническому) стихотворному реквиему и т. д. Однако это уже тема другого исследования...

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. Москва : Наука, 1981. С. 3–14.
2. Батеньков Г. С. Non exegi monumentum. URL: http://az.lib.ru/b/batenxkow_g_s/text_0040.shtml?ysclid=ltboeirsp0828769741 (дата обращения: 05.02.2024).
3. Братынский Е. А. Стихотворения. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1977. 384 с.
4. Бочаров С. Г. О художественных мирах. Москва : Советская Россия, 1985. 296 с.
5. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001. 440 с.
6. Бродский И. Стихотворения и поэмы. New York : Inter-Language Literary Associates, 1965. 239 с.
7. Головкин В. М. Жанрообусловливание как модус художественного познания (теоретико-методологическая перспектива) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2002. № 29. С. 91–99.
8. Державин Г. Р. Стихотворения. Ленинград : Советский писатель, 1957. 472 с.
9. Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания) // Антропология времени: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Т. Е. Автухович. Гродно : ГрГУ, 2017. 306 с.
10. Иванюк Б. П. О двух фигурах постмодернистской рефлексии поэтической традиции стихотворных «Памятниках» // Производство смысла: сборник научных статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко. Тверь : ТвГУ, 2018. С. 149–161.
11. Иванюк Б. П. Память жанра, память о жанре и метажанр // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Філологічні науки. 2011. Вип. 27. С. 92–96. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npkpnu_fil_2011_27_23 (дата обращения: 21.01.2024).
12. Илюшин А. А. Поэзия декабриста Г. С. Батенькова. Москва : Издательство МГУ, 1978. 168 с.
13. Капутикян С. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Стихи; Проза: Караваны еще в пути. Москва : Художественная литература, 1989. 655 с.
14. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Москва : НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
15. Маяковский В. В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Москва : Правда, 1988. 768 с.
16. Складов О. Н. Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии. Москва : МГУ, 2015. 503 с.
17. Теория литературы : учебное пособие: В 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Д. Тамарченко [и др.]. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Москва, 2004. 368 с.
18. Тюленева Е. М. «Лебединая песнь» в жанровом контексте последнего стихотворения/памятника (В.

Зельченко «Лебедь») // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования : коллективная монография. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2022. С. 160–174.

19. Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Ленинград : Советский писатель, 1959. 899 с.

20. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / пер. с немецкого О. А. Коваль. Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 290 с.

21. New K. A. From imitation to refutation: The canonisation and decanonisation of the metaphor of a poetic monument in Russian literature // Shagi / Steps. 2018. 4 (3). P. 247–274.

Reference list

1. Averincev S. S. Drevnegrecheskaja poetika i mirovaja literatura = Ancient Greek poetics and world literature // Pojetika drevnegrecheskoj literatury. Moskva : Nauka, 1981. S. 3–14.

2. Baten'kov G. S. Non exegi monumentum. URL: http://az.lib.ru/b/batenxkow_g_s/text_0040.shtml?ysclid=ltboeirsp0828769741 (data obrashhenija: 05.02.2024).

3. Boratynskij E. A. Stihotvorenija = Poems. Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 384 s.

4. Bocharov S. G. O hudozhestvennyh mirah = On artistic worlds. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1985. 296 s.

5. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: V 7 t. T. 1 = Iosif Brodsky's works: in 7 vols. V.1. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001. 440 s.

6. Brodskij I. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. New York : Inter-Language Literary Associates, 1965. 239 s.

7. Golovko V. M. Zhanroobuslovlivanie kak modus hudozhestvennogo poznanija (teoretiko-metodologičeskaja perspektiva) = Genre conditioning as a modus of artistic cognition (theoretical and methodological perspective) // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 29. S. 91–99.

8. Derzhavin G. R. Stihotvorenija = Poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1957. 472 s.

9. Ivanjuk B. P. Zhanrovaja reprezentacija vremena v mirovoj poezii (opyt sistemnogo opisanija) = Genre representation of time in world poetry (experience of system description) // Antropologija vremena: sb. nauch. st. V 2 ch. Ch. 1 / pod red. T. E. Avtuhovich. Grodno : GrGU, 2017. 306 s.

10. Ivanjuk B. P. O dvuh figurah postmodernistskoj releksii poetičeskoj tradicii stihotvornyh «Pamjatnikah» = On two figures of postmodernist reflection of the verse «Monuments» poetic tradition // Proizvodstvo smysla: sbornik nauchnyh statej i materialov pamjati Igorja Vladimirovicha Fomenko. Tver' : TvGU, 2018. S. 149–161.

11. Ivanjuk B. P. Pamjat' zhanra, pamjat' o zhanre i metazhanr = Genre memory, memory of genre and meta-genre // Naukovi pracі Kam'janec'-Podil'skogo nacional'nogo universitetu im. Ivana Ogiienka.

Filologični nauki. 2011. Vip. 27. S. 92–96. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npkpnu_fil_2011_27_23 (data obrashhenija: 21.01.2024).

12. Iljushin A. A. Pojezija dekabrista G. S. Baten'kova = The Decembrist G. S. Batenkov's poetry. Moskva : Izdatel'stvo MGU, 1978. 168 s.

13. Kaputikjan S. Izbrannye proizvedenija: V 2 t. T. 1. Stihi; Proza: Karavany eshhe v puti = Selected works: In 2 vol. V. 1. Poems; Prose: Caravans are still on the way. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. 655 s.

14. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij = Literary encyclopedia of terms and concepts / pod red. A. N. Nikoljukina. Moskva : NPK «Intelvak», 2001. 1600 stb.

15. Majakovskij V. V. Sochinenija: V 2 t. T. 2 = Works: in 2 vol. V. 2. Moskva : Pravda, 1988. 768 s.

16. Skljarov O. N. Neotradicionalizm v russoj literature XX veka: filosofsko-jesteticheskie intencii i hudozhestvennye strategii = Neotraditionalism in Russian literature of the XX century: philosophical and aesthetic intentions and creative strategies. Moskva : MGU, 2015. 503 s.

17. Teorija literatury = Theory of literature : uchebnoe posobie: V 2 t. T. 2 / pod red. N. D. Tamarchenko [i dr.]. Brojtman S. N. Istoricheskaja pojetika. Moskva, 2004. 368 s.

18. Tjuleneva E. M. «Lebedinaja pesn» v zhanrovom kontekste poslednego stihotvorenija/pamjatnika (V. Zel'chenko «Lebed'») = «The Swan Song» in the genre context of the last poem/monument (V. Zelchenko «Swan») // Fenomen «poslednego stihotvorenija»: teorija i praktika issledovanija : kollektivnaja monografija. Elec : EGU im. I. A. Bunina, 2022. S. 160–174.

19. Fet A. A. Polnoe sobranie stihotvorenij = Complete collection of poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1959. 899 s.

20. Hajdegger M. Polozhenie ob osnovanii. Stat'i i fragmenty = The foundation statute. Articles and excerpts / per. s nemeckogo O. A. Koval'. Sankt-Peterburg : Laboratorija metafizicheskikh issledovanij filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aletejja, 2000. 290 s.

21. New K. A. From imitation to refutation: The canonisation and decanonisation of the metaphor of a poetic monument in Russian literature // Shagi / Steps. 2018. 4 (3). R. 247–274.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 16.05.2024; approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-50
EDN: EBCPMP

По следам Бура Великого: биографическая основа рассказа В. А. Сосноры «Человек и лошадь»

Екатерина Владимировна Болнова

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Аннотация. Архив В. А. Сосноры на данный момент практически не изучен. Он хранится в Российской национальной библиотеке, в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге, у вдовы писателя. Очевидна необходимость привлечения хранящихся в нем материалов при изучении творчества В. А. Сосноры.

Анализ рассказа «Человек и лошадь» основан на привлечении источников, ранее не попадавших в поле зрения литературоведов. Материалом исследования послужили письма В. А. Сосноры, дневниковые записи, хранящиеся в названных государственных архивах. Используются сравнительно-исторический, культурно-исторический, описательный, формальный, биографический методы литературоведческого исследования.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге было найдено письмо, адресат которого считался неизвестным. Было установлено, что письмо написано поэту и исполнительнице песен – Марине Курсановой. В письме В. А. Соснора описывает львовский период своей жизни, упоминая друга детства – Бура Великого. Было выдвинуто предположение, что именно он стал прототипом главного героя рассказа «Человек и лошадь» – Самуила Шихеля. Были выделены значимые маркеры, сходные в характере и судьбе реального человека и литературного героя. Данная гипотеза нашла подтверждение при изучении дневников писателя, в которых, с одной стороны, содержатся ценные сведения о львовском периоде жизни В. А. Сосноры, а с другой – легко прослеживается процесс трансформации исходного биографического материала в художественное произведение.

На примере рассказа «Человек и лошадь» прослеживается эволюция текста, опирающегося на биографическую основу, что позволяет проникнуть в творческую лабораторию писателя. Для В. А. Сосноры важна не столь достоверность событий (они часто подвергаются радикальной трансформации), сколь достоверность характеров, что очевидно на примере Григория (Самуила) Шихеля (Великого Бура). Вариативность в толковании событий, вслед за Я. Гординым, выделяется как основной принцип, объединяющий тексты, включенные В. А. Соснорой во второй том прозы при составлении последнего прижизненного собрания сочинений.

Ключевые слова: проза В. А. Сосноры; историческая проза; архивные материалы; эпистолярное наследие В. А. Сосноры; библиография; трансформация; письма

Для цитирования: Болнова Е. В. По следам Бура Великого: биографическая основа рассказа В. А. Сосноры «Человек и лошадь» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 50–57. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-50>. <https://elibrary.ru/EBCPMP>

Original article

Following Bur the Great: the biographical basis of V. A. Sosnora's story The Man and the Horse

Ekaterina V. Bolnova

Candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of russian literature, Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod, 603950, Nizhny Novgorod, Gagarin ave., 23
eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Abstract. V. A. Sosnora's archive has hardly been studied to date. It is kept in the Russian national library, in the Central state archive of literature and art in St. Petersburg, and by the writer's widow. The necessity of using the materials from it in studying V. A. Sosnora's work is obvious.

The analysis of the story *The Man and the Horse* is based on the sources that have not previously been in the focus of literary critics' attention. For the research, the author used V. A. Sosnora's letters and diary entries kept in the state archives and applied comparative-historical, cultural-historical, descriptive, formal and biographical methods for literary research.

There is a letter in St. Petersburg Central State Archive of Literature and Art whose addressee was thought to be unknown. The author found that the letter had been written to the poet and singer Marina Kursanova. In this letter, V. A. Sosnora describes the Lvov period of his life, mentioning his childhood friend, Bur the Great, who appears to be the prototype of the main character in the story «*The Man and the Horse*» – Samuel Shikhel. The author identified significant markers of similarity in the character and fate of a real person and a literary hero. This hypothesis was confirmed in the course of studying the writer's diaries, which, on the one hand, contain valuable information about the Lvov period of V. A. Sosnora's life, and on the other hand, clearly show the process of transforming the original biographical material into a work of fiction. The case of the story «*The Man and the Horse*» shows the evolution of the biographically based text, which helps to get an insight of the writer's creative laboratory. For V. A. Sosnora, the authenticity of events is not as important (they often undergo radical transformation) as the authenticity of characters, which is evident in case of Gregory (Samuel) Schichel (The Great Bur). Following Ya. Gordin, variability in interpreting events is singled out as the main principle uniting the texts included by V. A. Sosnora in the second prose volume of his last lifetime collection of works.

Key words: V. A. Sosnora's prose; historical prose; archival materials; epistolary heritage of V. A. Sosnora; bibliography; transformation; letters

For citation: Bolnova E. V. Following Bur the Great: the biographical basis of V. A. Sosnora's story *The Man and the Horse*. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):50–57. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-50>. <https://elibrary.ru/EBCPMP>

Введение

Проза В.А. Сосноры значительно реже привлекала внимание исследователей, чем его поэзия. Тем не менее, ей посвящен ряд значимых работ. Прежде всего, необходимо сказать о предисловии Я. Гордина к прозаической книге В. А. Сосноры «*Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий*». Статья имеет собственное заглавие «*Литературные варианты исторических событий – что это такое?*» [Гордин, 1986]. Автор большую часть исследования посвящает рассуждению о жанровой специфике произведений В. А. Сосноры. Также необходимо отметить статьи А. Ю. Арьева «*Арфография: О прозе Виктора Сосноры, опубликованной и неопубликованной*» [Арьев, 1993], И. В. Ащеуловой «*Исторические повести В. Сосноры: проблема понимания и интерпретации текстов истории*» [Ащеулова, 2012] и В. В. Биткиновой «*„Державин до Державина“ Виктора Сосноры: смысловый потенциал жанра и композиции*» [Битникова, 2013].

Рассказ «*Человек и лошадь*», датированный автором 1967 годом, имеет целый ряд фольклорных и литературных источников, ставших предметом исследования статьи 2021 года [Болнова, 2021]. Сопоставительному анализу чернового и окончательного вариантов рассказа посвящена статья 2023 года [Болнова, 2023]. Однако за рам-

ками изучения осталась биографическая основа данного произведения. В частности, работа с архивными материалами позволит скорректировать гипотезу о причинах, побудивших В. А. Соснору при составлении последнего прижизненного собрания сочинений включить данный рассказ в том с исторической прозой.

Прежде всего, время и место действия в художественном произведении названы автором практически сразу: «*Это было во Львове в 1951 году...*» [Соснора, 2018, с. 444]. Такая точность имеет значение с точки зрения соотнесенности с биографией писателя. В. А. Соснора неоднократно указывал, что с конца 40-х до середины 50-х годов жил и учился во Львове. Учитывая год рождения героя рассказа, Самуила Шихеля, (1936 г.), можно с достаточной долей уверенности сказать, что в тексте автор пишет о своих ровесниках.

Логичным видится предположение, что прототипы некоторых героев можно будет найти в ближайшем окружении В. А. Сосноры тех лет. Так, на официальном сайте Виктора Сосноры опубликована фотография из архива поэта, датированная 1987 годом, сделанная в Нью-Йорке. На ней запечатлен поэт, дружески обнимающий мужчину примерно одних с ним лет. Подпись к фотографии гласит, что на ней Бур Великий, «*один из любимых друзей Виктора Александровича, одноклассник. Ему посвящен рассказ „Че-*

ловек и лошадь”. Он жил в Нью-Йорке, работал лифтером... Виктор Александрович пытался его разыскать в последние годы. Его звали, возможно, Григорий Шихель» [Соснора, 2023].

Эпистолярные материалы

Архивные материалы позволяют уточнить и дополнить данные сведения. Так, в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) хранится письмо, датированное 24 мая 1998 г. Письмо адресовано неустановленному лицу, однако в нем содержится обращение к Марине. Нами было выдвинуто предположение, что адресатом является Марина Курсанова, жившая в это время во Львове; писатель и поэт, автор и исполнитель рок-баллад и романсов собственного сочинения. В. А. Соснора знал и ценил ее творчество, даже написал короткое предисловие к подборке ее прозаических текстов в журнале Знамя [Курсанова, 2023]. В ряде публикаций она именуется ученицей или последователем В. А. Сосноры [Кукулин, 2023]. Марина Курсанова откликнулась на обращение и в письме, присланном по электронной почте, подтвердила, что письмо В. А. Сосноры адресовано ей. Также она пояснила контекст, в котором оно было написано. Во Львове Марина Курсанова записывала воспоминания друга детства В. А. Сосноры – Виктора Сумина. В письме – правки самого В. А. Сосноры к данным воспоминаниям. Установление ранее неопознанного адресата письма само по себе является важным результатом, кроме того, позволяет найти еще один источник информации, проливающий свет на биографическую основу рассказа «Человек и лошадь».

Поскольку переписка В. А. Сосноры опубликована не полностью и данное письмо никогда не становилось объектом внимания исследователей, приведем большую часть текста, касающуюся львовского периода жизни автора:

«Дорогая Марина!

Раз уж ты написала об отроческом Львове, я хочу уточнить. Я приехал во Львов где-то летом 48-го года. Окончательно покинул этот город в 1955 г.

Первый период во Львове мы опустим. Затем отец был зампреда Облесполкома по спорту. То есть, главным по спорту в Закарпатском военном округе. (Кстати, акробаты-эквилибристы работают под куполом цирка на трапедиях, без сетки).

К Новому Львову ул. Панаса Мирного не имела никакого отношения. Никакой „шпаны” на

ул. Панаса Мирного не было. Она была вокруг, польские и украинские банды мальчишек. Мы вынуждены были защищаться. Организатором всегда был Виктор Сумин. Собственно, было двое „лидеров” – Виктор Сумин и я. Потом Бур Великий. Драки были без правил, но никого не убивали. Драки были жестокими, без всяких „шпаг”, – железные прутья и кастеты <...>

В солдатики нас учил играть отец Сумина <...> Все сражения происходили только между двумя этими армиями в доме Сумина, на чердаке. Бур играл два-три раза, он был из очень бедной семьи и с детства подрабатывал. <...>

Главный штаб был у Сумина в саду. А уже к 10 классу мы в саду играли в карты. После школы все поступили в институты, а я уехал. Кампании во Львове смешались и сменились. Сумин подружился с Курсановым (тоже), а я с Мурзенко, замечательным музыкантом-импровизатором и химиком. Все мы учились в разных классах и в школе никогда не общались. Учителя Сумина и Курсанова и Бура – не мои учителя.

К тому же я часто уезжал из Львова на спортивные сборы и соревнования в разные города страны. Курсанов никаким видом спорта не занимался, как и Бур. Бур после школы стал жокеем. Курсанов был в те годы очень преданным товарищем, фантазером, как и все мы. Да и потом после армии я жил в вашем доме 1 месяц и написал роман „Иллюзионист”. Он юношеский и плохой.

Весь Львов в моей памяти остался счастливым садом Сумина, моего соседа по особнякам...» [Соснора, ЦГАЛИ СПб а, л. 1]

Приведенные выдержки из письма являются важным свидетельством львовского периода жизни В. А. Сосноры. В нем все школьные друзья названы по именам, кроме Бура Великого, который по целому ряду признаков опознается как прототип главного героя рассказа «Человек и лошадь». Во-первых, близость рассказчику, их принадлежность к одному кругу, во-вторых, работа жокеем на львовском ипподроме, в-третьих, указание на тяжелое материальное положение семьи, необходимость подрабатывать. Однако бросается в глаза и ряд расхождений как между источниками, так и с художественным текстом. Прежде всего, на сайте указано, что Бур Великий был одноклассником В. А. Сосноры, что тот прямо опровергает в письме, указывая, что учились они в разных классах, так что Бур Великий, вероятнее всего, был лишь однокашником В. А. Сосноры. Литературному герою автор приписывает тот же год рождения, в который родился он сам – 1936. Уточнить данную информацию, обратившись к официальным документам, на данный момент не

представляется возможным, однако есть источники, опровергающие это, о чем будет сказано дальше.

Наибольшие затруднения вызывает установление настоящего имени Бура Великого: в письме упоминается лишь прозвище, а на сайте называется предположительное имя – Григорий Шихель, которое можно найти в дневнике В. А. Сосноры, речь о котором пойдет дальше. Напомним, что главного героя рассказа звали Самуил Мовшевич Шихель. Так как важной темой первой части рассказа является антисемитизм, можно предположить, что В. А. Соснора усилил еврейское звучание имени своего героя.

Ипподромный след

В рамках работы мы обратились с запросом в две основные организации в России, связанные с архивами испытаний верховых пород лошадей (именно так правильно называются скачки). Это Всероссийский научно-исследовательский институт коневодства (ВНИИ коневодства) и Музей коневодства при Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. По нашему запросу были подняты Справочники о результатах испытаний лошадей на ипподромах СССР за период с 1949 по 1959 гг. Ни один жокей по фамилии Шихель, участвующий в скачках на Львовском ипподроме, в них не упоминается. Правда, есть нюанс, связанный с тем, что подавались сведения только о призерах – парах, занявших первые пять мест.

Стоит отметить и непростую судьбу самого Львовского ипподрома. В период, описанный В. А. Соснорой в рассказе «Человек и лошадь», во Львове функционировал третий по счету ипподром. Он располагался на улице Стрыйской, в пределах современных улиц Персенковки и Хуторивки. Львовский ипподром после войны был реконструирован, проложены новые дорожки. На территории ипподрома функционировало 16 конюшен на 280 лошадей. Работал ресторан и тотализатор.

Трижды во Львове, в 1952, 1954 и 1956 годах, проводилось Всесоюзное дерби – важнейшие испытания скаковых лошадей, на которые приезжали лучшие жокеи и лошади со всего Советского союза. Два из этих трех мероприятий В. А. Соснора застал, так как жил в то время во Львове, по собственному признанию. Закрыт легендарный ипподром был в 1968 году, когда земля была отдана Львовскому автобусному заводу [Ельцова, 2017].

Дневники писателя

Важнейшим источником сведений о львовском периоде жизни В. А. Сосноры являются его дневники. Приведем фрагменты, касающиеся Бура Великого: «Во Львове нас было трое: Виктор Сумин, Бур Великий и я. Бур жил в нашем особняке, на чердаке: отец, мать Сима Моисеевна и сестра. Отец приходил с работы (наборщик в типографии) и падал. Бур все время вызывал на дуэли Сумина и они дрались чуть не каждый день в „Треугольнике” на поляне с уговором нокаут. Кто первый победит. Дрались кулаками, без приемов. Я – секундант. Но поскольку они после долгой и занудной драки падали оба, я их ташил по домам. Мне надоело и они, как говорится, полежав, ползли домой сами, параллельно. Из-за чего они дрались, не знаю, кровь кипела, видно. В школе мы учились в разных классах и ходили порознь» [Соснора, ЦГАЛИ СПб б, л. 134].

В приведенном фрагменте из дневника очевидны переключки описания жилища и семьи Бура Великого и Самуила Шихеля: «У всех у нас были „свой” прекрасные сады и виллы, только Шихель жил на чердаке, в крошечной камере – мать, отец, младшая сестренка и он, одно окошко, одна крестовина рамы, уборная за фанерной перегородкой, единственный костюм Шихеля (для праздников) висел в гипсовом чехле (чтоб не пропах уборной), а чернильницы подвешивались к потолку, чтобы сестренка не пролила чернила, или чтобы не выпила их» [Соснора, 2018, с. 444–445]. Герои рассказа так же учатся в одной школе, а драчливость Шихеля является его важнейшей характеристикой. Существенно, однако, отличаются мотивы поступков. Если Буром Великим в дневнике В. А. Сосноры движет мальчишеское озорство и желание померяться силами с товарищем, то Самуил Шихель в рассказе выступает как идейный борец против антисемитизма, классового неравенства, нечестности в состязании за благосклонность возлюбленной.

Представляется интересным, что важнейшая в первой части рассказа тема антисемитизма во Львове прокомментирована в дневнике В. А. Сосноры следующим образом: «Во Львове я ни разу не слышал слова еврей, ни дома, ни на улице, ни в школе. Львовского сленга я не понимал. Мне и в голову не приходило, что Сима Моисеевна мать Бура Великого – еврейка, она к каждому празднику сама варила сыр (ведро). Вонь стояла в доме чрезвычайная» [Соснора, ЦГАЛИ СПб б, л. 134]. Таким образом, мы видим несоответствие дневникового материала и текста художественного произведения. Можно предположить, что

В. А. Соснора ироничен, как в своем дневнике, так и в рассказе, поскольку отсутствие антисемитизма обыгрывается и в художественном произведении в первой главе. Рассерженная учительница, которую Шихель ударил по лицу за то, что она назвала его евреем, с ужасом узнает от директора, что и с ним произошло то же самое:

«– По – ни – ма – ю, – догадывается девушка, – там рука своя, – и крутит пальцем где-то в небесах.

– Нет, – не менее просто отвечает директор. – Его отец – простой наборщик в типографии, мама – больная и еще сестренка.

– Но суд! колония! лагерь!

– Нет. Ни один суд не возьмется. У нас нет антисемитизма» [Соснора, 2018, с. 444].

Таким образом, официальная позиция государства по данному вопросу представлена и в рассказе «Человек и лошадь», и в дневниковых записях автора, а реальное положение дел остается скрытым от большинства людей, которых непосредственно данный вопрос не касается.

Биография Бура Великого довольно подробно описана в дневнике В. А. Сосноры. Данный фрагмент требует детального всестороннего рассматривания, поэтому приведем его почти полностью: «Мирная, сытая жизнь принца, инфанта, у меня началась лишь во Львове. Это я ввел там бои с другими улицами, к-рые тот час же и окрестил бандформированиями, но после того, как они нас избивали день ото дня беспощаднее, нас „кацапов” и „москалей” <...>

Мы стали свободны от террористов, но мира не было до конца. И к 16-и годам уже шла поножовщина, вялая, правда. К 16 годам Бур скакал на коне впереди всех на ипподроме, и нас зауважали. В 17 лет умер Сталин и Ворошилов выпустил из тюрем много тысяч уголовников – убийц, хлынули и во Львов. К тому времени мы же только отошли от лихачества, и все были спортсмены и не так часто бывали свободны. У Бура на ипподроме сформировалась своя команда конников. жесткий спорт, тотализаторный, как теперь говорят – „теневой”» [Соснора, ЦГАЛИ СПб б, л. 171–172].

Далее В. А. Соснора подробно описывает противостояние евреев и уголовников во Львове, разрешившееся в момент, когда евреям был открыт выезд на историческую родину. В. А. Соснора пишет о том, что практически никто не воспользовался предоставленной возможностью и не уехал. Возвращаясь к личности львовского товарища, автор дневника указывает: «Тогда-то и прозвали Григория Шихеля, сына типографщика, жившего поэтому у нас на чердаке – Буром Великим.

Это от войны буров в Африке с англичанами за независимость. Пленных буров англичане привязывали к жерлу орудий и стреляли из пушки. Это и был любимый метод Бура: он вылавливал фашистских офицеров, привязывал их к жерлу миномета – и только брызги летели. Он участвовал в операции Кузнецова. Это было под Ровно, но мог(ло) быть везде. Сейчас он в Америке, лифтер, и для себя делает скульптуры из стекла, но не выставляет. Живет хорошо, на Брайтон-бич многие из Львова. Я был у него, повспоминали. Его жена Женя, украинка, маникюрщица. А тогда в 53-м его боялся весь Львов, даже международный аферист по кличке Билли Бонс <...> Мне нравился Билли Бонс – он лучший покерист и бильярдист Львова» [Соснора, ЦГАЛИ СПб б, л. 172]. Далее В. А. Соснора описывает конфликт бывших уголовников с другими жителями Львова. Билли Бонс предложил автору обратиться за помощью к отцу:

«– <...> Иди к папе.

– Но папа сейчас только на спорте! У его даже забрали охрану.

– Вот именно. Это его иерархия. Разве Бур не спортсмен? На вашу улицу они не пойдут, не идиоты. А вот покончат с центром и возьмутся за евреев. Мелкий бизнес им тоже хорош» [Соснора, ЦГАЛИ СПб б, л. 172]. В кабинете отца автор застал Бура Великого и других молодых людей, готовых защищать город. Сам он в этих событиях участия не принимал, уехал в Люблин и описывает то, что застал, вернувшись: «По Академической гуляли как всегда, пары с собачками и в мехах. Отряды милиции на фургонах, убирали трупы, стекла, щебень, отряды пожарных заливали кровь на домах, подъездах, на улицах, и тоже грузили трупы. Октябрь, каштаны лопались. Бур скакал на ипподроме во весь опор.

Рассказывали: Бур, в черном кожаном пальто вчера стоял на Академической, один, и поливал пулями бегущих в ужасе уголовников. Он был очень хорош, в своей любимой прическе, золотые волосы.

А по всему городу, по улицам и переулкам, на рынке, у памятника Мицкевичу, по Первомайской, на вокзале, у Высоко Замка, в Стрийском парке бегали мальчишки-жокеи, и били из автоматов, и бросали гранаты. А еще спор(т)смены-гуцулы, топорами ле(с)орубов, врассыпную, тоже везде, особенно у костелов очень точными руками рубили бандитов, те летели со всех этажей, как бревна. Это был фейерверк!

Бур ты Бур, гордый! Что же ты не пишешь. Через 30 лет Бур уехал в США. Он очень хотел сына, а врачи не сумели принять роды, спали, с уколами

пантопона. Ребенок умер. Через 5 дней жена оправилась (почти), они тотчас взяли визы и ни с кем не прощаясь, – адью! Его брат – маляр Марк имеет уже в Америке виллу, прямо в Нью-Йорке, но Бур, когда я его спросил, только поднял на меня глаза и сказал: Я не знаю, кто такой Марк. Сейчас у Бура 2-ое взрослых сыновей, я сам 2 раза прилетал в Америку, но не мог узнать его адреса. Мне всегда почему-то рассказывали его знакомые про Че-Гевару» [Соснора, ЦГАЛИ СПб б, л. 172–174].

Приведенный фрагмент из дневника В. А. Сосноры показывает, насколько зыбки границы между фактом и вымыслом в сознании и творческом мире автора. Дневник для него не столько способ сохранить сведения о конкретных событиях или свою рефлексию по их поводу, сколько творческая лаборатория, наброски художественных произведений, в которых сложно отделить правду факта от вымысла.

Генеалогические материалы

В последнем из приведенных фрагментов В. А. Соснора сразу в нескольких важных пунктах опровергает то немногое, что действительно можно на данный момент установить касательно личности Бура Великого. Наиболее ценные сведения – имя человека, скрывающегося под данным прозвищем. В приведенном отрывке из дневника В. А. Сосноры он впервые назван Григорием Шихелем. Некоторые скудные сведения об этом человеке можно найти на израильском сайте myheritage.com, специализирующемся на сборе генеалогических данных о разных людях. Таким образом, можно косвенно подтвердить, что герою рассказа «Человек и лошадь» автор дает имя Самуил не с целью сомнительной конспирации, а дабы сделать акцент на очевидном еврейском происхождении.

Еще одним важнейшим отличием будет являться указание на ближайших родственников Шихеля. В последнем из приведенных дневниковых фрагментов происходит немотивированная замена младшей сестры на брата Марка. Это, в частности, подтверждает гипотезу о том, что в определенный момент меняется жанр: мемуары трансформируются в художественный текст. Очевидно, сколь-нибудь серьезного опровержения не требует история массового расстрела на улицах Львова выпущенных из тюрем уголовников молодыми людьми во главе с Буром Великим при полнейшем нейтралитете властей. Можно предположить, что расхожий и растиражированный образ гангстерской Америки (в которую эмигрировал

Шихель) наложился на образ послевоенного Львова.

Также обращает на себя внимание, что в последнем приведенном фрагменте В. А. Соснора пишет, что не смог узнать американский адрес Бура Великого и не встречался с ним (дневник датирован 1989–2003 гг.). Данные сведения противоречат наличию в архиве В. А. Сосноры фотографии с Буром Великим, сделанной в Нью-Йорке в 1987 году. Существуют также и воспоминания участников той поездки в Америку, которые подтверждают, что встреча В. А. Сосноры с Г. Шихелем состоялась.

Данные, полученные с сайта myheritage.com. [Бесплатное семейное дерево, Генеалогия, 2023], содержат следующие сведения о Григории Михайловиче Шихеле. Указана дата рождения 02 мая 1939 г. и дата смерти – 02 января 1995 г. Отец Григория – Михаил Аронович Шихель 1910 г.р.; мать – Екатерина Моисеевна Шихель (Блюмберг) 1908 г.р. Анализируя данные сайтов, можно установить, что, вероятно, у Григория Шихеля было два сына, исходя из того, что в профилях их партнеров фамилию супруги меняют на Шихель. Также на сайте содержится информация о том, что у Григория была сестра, в замужестве взявшая фамилию Савельева.

Результаты исследования

Проведенное исследование является одним из немногих на данный момент, опирающихся на архивы В. А. Сосноры. В этом смысле оно перекликается, в частности, с работой И. Е. Лоцилова, Т. В. Сосноры «Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.)» [Лоцилов, 2022], в которой также анализируются биографические и эпистолярные материалы, неизвестные ранее широкому кругу исследователей; а также со статьей К. Ичин «Виктор Соснора о числах», в которой материалом исследования является неопубликованная рукопись В. Сосноры [Ичин, 2019].

Изучение архивных материалов, включающих переписку В. А. Сосноры и дневниковые записи; сопоставление с историческими данными, биографией писателя и окружающих его людей позволяет заглянуть в творческую лабораторию автора, понять механизм рождения художественного произведения. Так, в результате проведенных исследований с большой долей вероятности удалось доказать, что герой рассказа «Человек и лошадь» имеет прототип, и его образ претерпевает существенные изменения под влиянием художественной задачи. Превращаясь в литературного героя, однокашник В. А. Сосноры меняет имя, возраст,

судьбу, таким образом, можно предположить, что не эти вещи являются для писателя наиболее важными. Тогда что же сохраняет В. А. Соснора? Во всех проанализированных материалах практически неизменным остается характер Шихеля. Автора явно привлекает его незаурядность, смелость, яркость и самобытность. Как и в других «исторических» произведениях, в рассказе «Человек и лошадь» В. А. Соснора предлагает читателю несколько равноправных трактовок произошедшего события. Есть начальная инвариантная точка (отрочество и юность героя), различные интерпретации дальнейшей судьбы (востребованный каскадер, несчастный любовник, спившийся неудачник, непонятный чужак), которые в свою очередь сходятся также в одну точку (самоубийство). В зависимости от того, какой вариант интерпретации судьбы героя читатель считает истинным, будут меняться и причины, приведшие к смерти, и сама трактовка суицида героя. Механизм трансформации исходного биографического материала в художественное произведение видится важным и для решения вопроса об автобиографическом мифе В. А. Сосноры, ставшего актуальным в последние годы [Зейферт, 2023].

Заключение

Проза В. А. Сосноры неоднородна, неслучайно она им самим разделена на два тома в последнем прижизненном издании отнюдь не по хронологическому принципу. Оставив на время разговор о первом томе, обратимся ко второму, названному «вторая проза». Для нее характерно соединение биографической или исторической основы, художественного вымысла с обилием допущений, предполагающих множественные варианты осмысления одних и тех же событий. При этом граница между фактами жизни, историческими материалами, предшествующими художественными произведениями в творческом мире писателя практически отсутствует. Произведениям, входящим во второй том прозы В. А. Сосноры, посвящен ряд литературоведческих исследований, однако объектом чаще всего выступают тексты, изначально опубликованные в сборнике «Власти и судьбы» [Балашов-Ескин, 2018; Биткинова, 2019а; Биткинова, 2019б], таким образом, данное исследование расширяет горизонт научного освоения прозаического наследия писателя.

Библиографический список

1. Арьев А. Ю. Арфография: О прозе Виктора Сосноры, опубликованной и неопубликованной // Соляное. Москва, 1993. № 3. С. 112–117.
2. Ащеулова И. В. Исторические повести В. Сосноры: проблема понимания и интерпретации текстов истории // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №1 (17). С. 46–60.
3. Балашов-Ескин К. М. Образ декабристов в повести В. А. Сосноры «Николай» // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. 2018. № 1. С. 52–56.
4. Бесплатное семейное дерево, Генеалогия. URL: myheritage.com (дата обращения 08.06.2023)
5. Биткинова В. В. «Державин до Державина» Виктора Сосноры: смысловый потенциал жанра и композиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. Вып. 13. № 4. С. 80–87.
6. Биткинова В. В. Поэтика портрета в исторической прозе Виктора Сосноры // XVIII век в истории, литературе, искусстве: сборник научных, учебных и методических материалов. Саратов : Издательский центр «Наука», 2019а. С. 101–105
7. Биткинова В. В. Поэтика портрета в исторической прозе Виктора Сосноры // Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сборник научных трудов. Выпуск 8. Саратов : «Саратовский источник», 2019б. С. 19–29.
8. Болнова Е. В. Мифологические и литературные источники повести В. Сосноры «Человек и лошадь» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 25–37.
9. Болнова Е. В. Сопоставительный анализ черного и окончателного вариантов рассказа В. А. Сосноры «Человек и лошадь» // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. № 4 (35). С. 15–23.
10. Гордин Я. Литературные варианты исторических событий – что это такое? // Соснора В. А. Вторая проза. Москва : Пальмира, 2018. 711 с.
11. Ельцова Е. История: Судьба ипподрома от империи к «незалежности» // Золотой Мустанг. 2017. № 7 (174). URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/history/8299.html> (дата обращения 08.06.2023).
12. Зейферт Е. И. Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 13 (881). С. 123–130.
13. Ичин К. Виктор Соснора о числах // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 281–288.
14. Кукулин И. <Предисловие> // Проза Марины Курсановой. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue8/kursanova.html> (дата обращения 08.06.2023).
15. Курсанова М. Свет не мигал в столетних залах. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1826> (дата обращения 08.06.2023).
16. Лоцилов И. Е., Соснора Т. В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 104–131.

17. Соснора В. А. Вторая проза. Москва : Пальмира, 2018. 711 с.

18. Соснора В. Официальный сайт. URL: <http://sosnora.ru/photo.shtml> (дата обращения 08.06.2023).

19. Соснора В. А. Письма Сосноры В.А. неустановленным лицам с обращением: «Марина», «Роман» // ЦГАЛИ СПб а. Ф. Р-824 (Соснора Виктор Александрович (1936–2019) – поэт, прозаик). Оп. 1. Д. 13.

20. Соснора В. А. Дневниковые записи на бытовые темы // ЦГАЛИ СПб б. Ф. Р-824 (Соснора Виктор Александрович (1936–2019) – поэт, прозаик). Оп. 1. Д. 6.

Reference list

1. Ar'ev A. Ju. Arfografija: O proze Viktora Sosnory, opublikovannoj i neopublikovannoj = Arfographia: On Victor Sosnora's prose, published and unpublished // Soglasie. Moskva, 1993. № 3. S. 112–117.

2. Ashheulova I. V. Istoricheskie povesti V. Sosnory: problema ponimaniya i interpretacii tekstov istorii = V. Sosnora's historical stories: the problem of understanding and interpreting history texts // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2012. №1 (17). S. 46–60.

3. Balashov-Eskin K. M. Obraz dekabristov v povesti V. A. Sosnory «Nikolaj» = The image of Decembrists in V. A. Sosnora's story «Nikolai» // Vestnik gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta. 2018. № 1. S. 52–56.

4. Besplatnoe semejnoe derevo, Genealogija = Free family tree, Genealogy. URL: myheritage.com (data obrashhenija 08.06.2023)

5. Bitkinova V. V. «Derzhavin do Derzhavina» Viktora Sosnory: smyslovoj potencial zhanra i kompozicii = «Derzhavin before Derzhavin» by Viktor Sosnora: semantic potential of genre and composition // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2013. Vyp. 13. № 4. S. 80–87.

6. Bitkinova V. V. Pojetika portreta v istoricheskoj proze Viktora Sosnory = Poetics of portrayal in Victor Sosnora's historical prose // XVIII vek v istorii, literature, iskusstve: sbornik nauchnyh, uchebnyh i metodicheskikh materialov. Saratov : Izdatel'skij centr «Nauka», 2019a. S. 101–105

7. Bitkinova V. V. Pojetika portreta v istoricheskoj proze Viktora Sosnory = Poetics of portrayal in Victor Sosnora's historical prose // Mezhdisciplinarnye svyazi pri izuchenii literatury: Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 8. Saratov : «Saratovskij istochnik», 2019b. S. 19–29.

8. Bolnova E. V. Mifologicheskie i literaturnye istochniki povesti V. Sosnory «Chelovek i loshad'» = Mythological and literary sources of V. Sosnora's story The Man and the Horse // Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal.

Nizhnij Novgorod : NNGU im. N. I. Lobachevskogo. 2021. № 4. S. 25–37.

9. Bolnova E. V. Sopostavitel'nyj analiz chernovogo i okonchatel'nogo variantov rasskaza V. A. Sosnory «Chelovek i loshad'» = Comparative analysis of the draft and final versions of V. A. Sosnora's story The Man and the Horse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl' : RIO JaGPU. 2023. № 4 (35). S. 15–23.

10. Gordin Ja. Literaturnye varianty istoricheskikh sobytij – chto jeto takoe? = Literary versions of historical events - what is it? // Sosnora V. A. Vtoraja proza. Moskva : Pal'mira, 2018. 711 s.

11. El'cova E. Istorija: Sud'ba ippodroma ot imperii k «nezalezhnosti» = History: Fate of the hippodrome from empire to «independence» // Zolotoj Mustang. 2017. № 7 (174). URL:

<http://www.goldmustang.ru/magazine/history/8299.html> (data obrashhenija 08.06.2023).

12. Zejfert E. I. Avtobiograficheskij mif Viktora Sosnory: k postanovke problemy = Victor Sosnora's autobiographical myth: towards setting the problem // Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 13 (881). S. 123–130.

13. Ichin K. Viktor Sosnora o chislah = Victor Sosnora on numbers // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 6 (160). S. 281–288.

14. Kukul'in I. <Predislovie> = <Foreword> // Proza Mariny Kursanovoj. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue8/kursanova.html> (data obrashhenija 08.06.2023).

15. Kursanova M. Svet ne migal v stoletoshnih zalah = The lights didn't flicker in hundred year old halls. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1826> (data obrashhenija 08.06.2023).

16. Loshhilov I. E., Sosnora T. V. Sibirskie pojeticheskie turne Viktora Sosnory (1960-e gg.) = Siberian poetic tours of Viktor Sosnora (1960s) // Literaturnyj fakt. 2022. № 2 (24). S. 104–131.

17. Sosnora V. A. Vtoraja proza = The second prose. Moskva : Pal'mira, 2018. 711 s.

18. Sosnora V. Oficial'nyj sajt = Official website. URL: <http://sosnora.ru/photo.shtml> (data obrashhenija 08.06.2023).

19. Sosnora V. A. Pis'ma Sosnory V.A. neustanovlennym licam s obrashheniem: «Marina», «Roman» = V. A. Sosnora's letters to unidentified persons with the address: «Marina», «Roman» // CGALI SPb a. F. R-824 (Sosnora Viktor Aleksandrovich (1936–2019) – pojet, prozaik). Op. 1. D. 13.

20. Sosnora V. A. Dnevnikovye zapisi na bytovyje teme = Diary entries on everyday topics // CGALI SPb b. F. R-824 (Sosnora Viktor Aleksandrovich (1936–2019) – pojet, prozaik). Op. 1. D. 6.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Русский язык

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-58

EDN: LFDXPT

Функциональное поле вопросительности в современных печатных СМИ

Аля Васильевна Канафьева^{1✉}, Ольга Эдуардовна Губина²

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

¹kanafeva.alya@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>

²o_gubina@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7627-863X>

Аннотация. Целью статьи является определение и характеристика парадигмы вопросительных конструкций, употребляемых в аналитических жанрах печатных СМИ. Частотность и целесообразность их употребления, коммуникативная детерминированность обосновывается их вопросительной формой, создаваемой интонацией, местоимёнными и партикулярными компонентами. Местоименными компонентами *кто, что, какой, зачем, почему* и др. фиксируются ключевые фактуальные вопросы темы публикации. В свою очередь, партикулярные компоненты *неужели, разве* и др. выражают разнообразные модально-оценочные смыслы вопросительных конструкций, авторскую позицию. Эта вопросительность является, с одной стороны, своеобразным риторическим приёмом, особым способом преподнесения авторской позиции по выдвигаемой проблеме, а с другой – эффективным средством воздействия на адресата, стимулируя его к формированию соответствующей позиции, определённых оценок и мнений. В статье освещаются вопросы базовых компонентов вопросительных конструкций, особенности их структуры и присущие той или иной модели оттенки смысла. Отмечается использование вопросительных конструкций в роли единиц заголовочного комплекса: заголовка, подзаголовка, лида, а также в содержании публикации; их участие в вопросно-ответных единствах. Обращается внимание на их полифункциональность в тексте проблемной статьи, их использование как единиц аргументации в рассуждении автора. Отмечаются фрагменты текста проблемной статьи, образованные только вопросительными конструкциями с аргументативной функцией, представляющими логическую цепь с дедуктивным или индуктивным способом изложения. Анализируется использование вопросительных конструкций и как особых знаков фиксации авторской позиции и авторской оценки, что особенно характерно для вопросительных блоков, отражающих логику рассуждений автора.

Ключевые слова: категория вопросительности; вопросительная конструкция; заголовочный комплекс; заголовок; подзаголовок; лид; язык СМИ; газетный дискурс

Для цитирования: Канафьева А. В., Губина О. Э. Функциональное поле вопросительности в современных печатных СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 58–65. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-58>. <https://elibrary.ru/LFDXPT>

Russian language

Original article

The functional field of the interrogative in modern print media

Alya V. Kanafieva^{1✉}, Olga E. Gubina²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of modern russian language named after prof. P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24.

²Postgraduate student at the department of modern russian language named after prof. P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24.

¹kanafeva.alya@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>

²o_gubina@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7627-863X>

Abstract. The article aims to define and characterize the paradigm of interrogative constructions used in the print media analytical genres. The frequency and appropriateness of their use, as well as their communicative determinism are justified by their interrogative form created by intonation, pronominal and particular components. The pronominal components *кто, что, какой, зачем, почему* etc. fix the key factual issues of the publication topic. In its turn, particular components *неужели, разве*, etc. express various modal-evaluative meanings of interrogative constructions and the author's position. This interrogativeness is, on the one hand, a peculiar rhetorical device, a special way of presenting the author's position on the problem raised, and, on the other hand, an effective means of influencing the addressee, stimulating them to form an appropriate position, certain assessments and opinions. The article presents the basic components of interrogative constructions, the specificity of their structure and the nuances of meaning inherent in a particular model. It analyzes the use of interrogative constructions as units of the heading complex: headline, subtitle, lead, as well as in the content of the publication, and their participation in question-answer units. The authors pay attention to their multifunctionality in the problem article, their use as units of argumentation in the author's reasoning. The article notes fragments of the text of a problem article formed only by interrogative constructions with an argumentative function, representing a logical chain with a deductive or inductive method of presentation. It analyzes the use of interrogative constructions as special signs of fixing the author's position and assessment, which is especially typical for interrogative blocks that reflect the logic of the author's reasoning.

Key words: category of the interrogative; interrogative construction; heading complex; headline; subtitle; lead; media language; newspaper discourse

For citation: Kanafieva A. V., Gubina O. E. The functional field of the interrogative in modern print media. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(3):58–65. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-58>. <https://elibrary.ru/LFDXPT>

Введение

Коммуникативные стратегии в газетном дискурсе СМИ реализуются, наряду с другими языковыми средствами, разнообразными структурно-семантическими типами вопросительных синтаксических конструкций. Вопросительная форма всегда привлекает внимание, побуждает к ответной реакции, к определению собственной позиции. Характеризуя средства когезии в газетных текстах, И. Р. Гальперин отмечает, что они «определены прагматической установкой этого типа коммуникации, а именно уложить возможно больше информации в возможно меньшее количество строк. Такая лапидарность текста приводит к необходимости избегать всяких формально-грамматических средств связи» [Гальперин, 2008, с. 74].

«Из-за вопросительной формы сообщение или побуждение приобретает эмоционально-экспрессивный характер: позволяет говорящему выразить утверждение, отрицание, позитивные (радость, восхищение, одобрение, умиление, гордость) или негативные (опасение, возмущение, негодование, сожаление, неодобрение, упрёк) эмоции и чувства, связанные с предметом речи, высказывания» [Канафьева, 2021, с. 68].

Вопросительные конструкции по-разному встраиваются в канву текста: используются как единицы заголовочных комплексов: заголовки, подзаголовки, лиды; фрагменты содержания публикации, часто заключающие её ключевые положения.

Особенности структурно-семантической организации, модально-оценочные значения вопросительных конструкций обуславливают и их прагматический потенциал. «Их функциями являются и коммуникативная (в них содержится сообщение), и суггестивная (они являются средством воздействия), и контактоустанавливающая (вопросительность формы стимулирует ответную реакцию), и эмоционально-экспрессивная (наряду с ядерными значениями отрицания или утверждения в них выражаются размышления, эмоции, оценки)» [Канафьева, 2021, с. 68–69].

Функции вопросительных конструкций как составных частей заголовочного комплекса: заголовок – подзаголовок – лид

Широкое распространение во всех жанрах печатных СМИ имеют вопросительные заголовки. Заголовочная позиция вопросительного предложения прогнозирует и содержание представляемого текста, и в определённой степени авторскую оценку.

Сформулированный заголовком вопрос обязывает автора дать на него ответ. Заголовочным вопросом нередко определяется авторская модальность: заголовок-предположение, заголовок-размышление, заголовок-подозрение, заголовок-осуждение. Например: *Пентагон подделал видео?* – персуазивный смысл заголовка требует аргументированного обоснования текстом статьи, которая тоже содержит вопросы как индуктивные звенья движения от общего к частному: *Вполне возможно, что американские специалисты пока-*

зали в итоге как раз нечто подобное с пропагандистскими целями. Чтобы доказать свою версию, своё толкование эпизода. **Иначе почему они целые сутки медлили быть с опубликованием данного ролика? Может быть, как раз потому, что программисты и дизайнеры работали над созданием нового ролика?** (Итоги и факты. 2023, № 13). Допущение, предположение, содержащееся в заголовке публикации, поддерживается и развивается вопросительными конструкциями в её тексте, представляющими аргументативное обоснование.

Вопросительно-местоимённые заголовки включают в себя суть выдвигаемой проблемы: *что, кто, зачем, почему* и др. Заголовки такого типа вызывают интерес, стимулируют адресата к ознакомлению с публикацией: **Что за оружие способно изменить баланс сил на планете и кто вынашивает планы по его массовому применению?** (Итоги и факты, 2023, № 13); **Чем закончится для Украины кошмар в Израиле?** (Аргументы недели. 2023, № 40). Часто они вводят читателя в актуальную, злободневную общественно-политическую внутреннюю или международную тему: **Что происходит на земле обетованной? Что происходит между ними?** – заголовок и подзаголовок статьи о конфликте Израиля и Палестины анонсируют её содержание, предвосхищая позицию автора публикации, пробуждая читательский интерес (Аргументы недели. 2023, № 40).

Заголовок может иметь двучленную структуру, образуемую сочетанием повествовательного предложения с констатацией факта и вопросительного, определяющего проблему публикации: **Спячка в холода. Как преодолеть?** (Аргументы недели, № 2, 2024); **Графический интеллект – компромиссное бытие или новое сознание?** (Литературная газета. 2024, № 3).

Вопросительные конструкции используются как логически связанные структурные единицы в триединстве: заголовок – подзаголовок – текст: **Когда мозг выходит на пенсию** – в заголовке обозначение проблемы вопросительно-местоимённой конструкцией, оформленной как повествовательное предложение без вопросительного знака; **Хотите жить до 100 лет? Начните действовать уже сейчас!** – в подзаголовке интригующий вопрос, развивающийся следующими за ним вопросительными конструкциями уже в тексте самой статьи, создающими ситуацию диалога автора и воображаемого читателя: **Как вы думаете, когда наш мозг «выходит на пенсию»? В 70, 80, а может, в 90 лет? А вот и нет! ... И**

самым первым признаком деменции, самым тревожным звонком, является... **Что бы Вы думали? Нарушение сна! ... Знакомо? Тогда знайте: Вы уже в зоне риска! ... Чтобы ружьё выстрелило, надо нажать спусковой крючок. У многих заболеваний он тоже есть. Например, нарушение сна может спровоцировать рост раковых клеток. Вы знали об этом? Как такое может быть?...** А значит, вероятность заболеть раком с каждым годом растёт. И, по словам специалистов, к 70 годам достигает своего пика. **Страшно? Не то слово!** (Комсомольская правда. 2023, № 2024/52–т).

В проблемной статье на злободневную политическую, экономическую, международную, социальную тему вопросительные конструкции заголовочного комплекса нередко образуют триединство. К примеру, в статье о негативных явлениях в образовательной среде и пагубных их последствиях вопросительный заголовок формулирует проблему: **Когда уходит детство?** – вопросительный подзаголовок конкретизирует её: **Почему современная молодежь не торопится взрослеть?** – вопросительный лид вводит в содержание: **Старшие спорят: это такое поколение или такая эпоха? Но простого ответа и быть не может** (Аргументы недели. 2023, № 50).

Вопросно-ответное единство

Вопросительные конструкции являются единицами вопросно-ответного единства: автор конструирует диалог с воображаемым читателем, часто не будучи уверен в его солидарности, желаемой реакции. На сформулированные вопросы он отвечает сам: **Что сказать, опять же не сильно развивая тему? Пожалуй, только: «Не жили богато, не надо бы и начинать»** (Аргументы недели. 2023, № 9). **Выросла целая прослойка паразитирующих компаний по правовому обеспечению миграции. Как мигранту получить какую-нибудь справку, если он не в состоянии писать по-русски? Никак, вот он и платит этим компаниям, которые прикармливаются местными чиновниками** (Аргументы недели. 2024, № 2). В риторике подобные структуры определяются как субъекция – условное разыгрывание речевого общения, «фигура, с помощью которой оратор вопрошает себя и отвечает на свои собственные вопросы или спрашивает слушателя, оставляя ответ за собой» [Грановская, 2004, с. 79].

Использование вопросно-ответных единств в аналитическом жанре статьи является способом достижения диалогизации текста – отличительной

черты современных медиатекстов вообще. Как отмечается исследователями языка СМИ, «диалогизация превращается в особый стилистический приём, цель которого – сознательное, преднамеренное воздействие на массового адресата, вовлечение его в обсуждение поставленной автором и часто важной для общества проблемы» [Зубова, Казеко, 2014, с. 12].

Прагматика вопросительных конструкций в тексте аналитического жанра статьи

Вопросительными конструкциями насыщен текст проблемных статей, в которых первостепенную роль играют факты и аргументы: *Тогда встанет ребром вопрос: а что ты реально умеешь делать, какой у тебя пробивной потенциал и как ты умеешь себя организовывать? При этом высшее образование стало адски дорогим. Так стоит ли вкладывать силы и средства в будущие долги?*

Но как это [независимость] возможно для застрявшего в детстве айдженера, который ходит по магазинам с родителями и не способен прочитать толстую книгу? ... Пойти по старинке учиться в университет, заодно расширив кругозор и обрести ценные коммуникационные навыки?

Все к этому настолько привыкли, что даже не задают себе страшного вопроса: а чем таким важным кормят недоросля в школе, если он через 12 лет ежедневного обучения не в состоянии ставить цели, подбирать инструменты, поддерживать самодисциплину, формировать кругозор, искать информацию? Может быть, его «грузят» не той информацией? Или не так ее подают? Или просто инфы слишком много, чтобы поместить ее в маленький человеческий мозг, который еще и склонен выталкивать все ненужное обратно? (Аргументы недели. 2022, № 48). В вопросительную форму заключены не только факты, но и предположения автора о причинах проблемной ситуации в образовании. «Сочетание социального и частного в образе автора помогает журналисту в полной мере осветить то или иное событие. Реципиенты воспринимают текст через особую призму восприятия автора, что в известной степени влияет на формирование позиции адресата [Губина, 2023, с. 95–96]. Автор, бе условно, имеет собственную позицию и оценку, но предпочитает завуалировать её в модально-персуазивные вопросы, образующие

вопросительно-риторический блок, завершающий публикацию. Такая композиция, представляющая собой аргументативную стратегию (фактологические и ценностные аргументы), тоже значима для стимулирования размышлений адресата над *страшным вопросом*.

Приведённый пример иллюстрирует и приём самоустранения, нередко упоминаемый среди речевых импликаций, под которыми «понимаются идеи, непосредственно не высказываемые в тексте, но выводимые из него на основе общих законов речевого общения» [Булыгина, Шмелёв, 1996, с. 64]. Каскад вопросов – это возможные, но чётко не определённые причины сложившейся в образовательной среде проблемной ситуации.

Вопросительными конструкциями, образующими логическую цепь от общего к частному, реализуется внутренняя программа автора: *16-летней девочке (статья о Грете Тунберг – А.К.) трудно объяснить, что какие бы государства ни подписались под Киотским протоколом, они особо не стараются его выполнять. Как с этим бороться? Объявлять санкции или устраивать новую «Бурю в пустыне»? Что будет тогда с мировым сотрудничеством и глобальной торговлей? Не угробит ли такой подход нашу планету быстрее парниковых газов?* (Аргументы недели. 2022, № 2) – дедуктивная связь вопросительных конструкций, при которой заключительная представляет собой предположение автора о нежелательной перспективе.

Авторское я особенно отчётливо проявляется в вопросительных конструкциях с разнообразными частицами, благодаря которым создаётся не только вопросительность формы, но и широкий и яркий спектр модальных и эмоциональных значений с их оттенками, нюансами, тонкостями. Частицы обладают специфической функцией в создании «скрытой семантики», «теневого высказывания», выходя «за пределы описываемой нормативной ситуации» [Николаева, 2000, с. 91].

Ярким модально-оценочным потенциалом обладают частицы *неужели* и *разве*. В вопросительных конструкциях с этими частицами модальные значения (предположения, недопустимости, невозможности, нецелесообразности) сочетаются с разнообразными эмоциональными оттенками значения, позитивными или негативными. В вопросительно-риторическом обрамлении предстаёт мир эмоций, оценок, отношений: назидание, возмущение, осуждение, протест, порицание и др.

В условной вопросительной форме с частицей *неужели* выражается авторское мнение, его пози-

ция и лишь отчасти расчёт на солидарность адресата. Их семантика в наиболее общем виде – это выражение несоответствия позиции автора иной версии или трактовке события, обличительно-оценочный пафос: *Конечно, и я не знаю, чем теперь закончится эта история, но смею, во всяком случае, надеяться, что археология на Охте будет сохранена и музеефицирована в гораздо большем объеме, нежели предполагалось до сих пор. Потому что президентская прямая речь не может не иметь прямого действия. Но после заседания Совета не могу отогнать неотступную мысль: неужели для того, чтобы благое дело стало реальностью, в России 2020 года необходимо личное вмешательство президента? Неужели никто, кроме него, не чувствует разницы между уникальным и обычным, не понимает ценности этого места, не видит для него лучшей судьбы, нежелать стать стройплощадкой? Ни в Минкультуры, ни в петербургской мэрии, ни в археологических инстанциях? Не может такого быть! Или может?* (Коммерсант. 2020, № 12). Задача автора статьи – обратить внимание аудитории на беспомощность чиновников всех рангов в решении вопросов, напрямую от них зависящих. «Неотступная мысль» автора оформлена рядом несобственно вопросительных предложений с частицей *неужели*. Как правило, оценочному суждению предшествует ряд фактов, которые подтверждают авторскую точку зрения. Несобственно вопросительные предложения подводят итог размышлениям, характеризуют описываемую раннее ситуацию как нечто абсурдное и не поддающееся логичному объяснению. Риторическое высказывание с частицей *неужели* имеет семантику утверждения уверенности автора в обратном: *Не может такого быть! Или может?*

Осуждающий пафос на фоне поиска причин катастрофических событий, приводящих к не менее катастрофическим результатам имеют вопросительные конструкции в следующем тексте: – *Плохо влияют нигилисты и ковид-диссиденты. Неужели так трудно носить маски! Неужели непонятно, что маска реально уменьшает вероятность заражения.* [Ведомости..., 2020, № 12]. Благодаря частице *неужели* в выделенных вопросительных конструкциях выражаются субъективно-модальные значения недоумения и осуждения. «Пропозиция с частицей *неужели* представляется говорящему невероятной» [Булыгина, Шмелёв, 1997, с. 270].

В приведённых выше вопросительных конструкциях с частицей *неужели* имеет место её по-

втор, что способствует усилению эмоционально-оценочной составляющей их семантики. «Наряду с полным повтором конструкция может расширяться также посредством перифрастического дублирования смысла», что «даёт говорящему более широкие возможности для коннотативных вариаций выражаемого содержания. Местоимённый вопрос-перифраз может вносить уточнение в общее содержание вопроса, он может продолжать, углублять, усиливать выраженные в нём мысли» [Волгина, 1986, с. 29].

Со значением частицы *неужели* перекликается значение частицы *разве*, однако их нельзя отождествлять: Содержание предложения с частицей *разве* противоречит положительным сведениям, которыми ранее располагал говорящий, а содержание предложения с частицей *неужели* – его гипотезам, которые он склонен выдвинуть, но об истинности которых у него нет положительных данных» [Булыгина, Шмелёв 1997, с. 275]. *Как ведут себя американцы во время отключения света и в темное время суток? Зачастую идут на улицу грабить магазины и прохожих. Разве кому-нибудь в России придет в голову подобное поведение?* (Аргументы недели. 2023, № 53.); *А без диалога разве можно что-то решить?* (Литературная газета. 2024, № 3) – в выделенных конструкциях с *разве* общее значение отрицания за счёт частицы приобретает большую степень категоричности.

Кроме наиболее активных *неужели* и *разве* необходимо отметить и другие вопросительно-модальные частицы: *ли, или (иль), что за, что если (а что если; ну, а если; ну, а коли (коль), не ли (ль)*. Их активность имеет непротиворечивое объяснение: они представляют экспрессивную условно вопросительную форму и выражают оттенки модального смысла. В.В. Виноградов отмечал, что отпечаток модальности присущ всем вопросительным словам: «Модальные значения вопросительных наречий и частиц сказываются в их яркой экспрессивной окраске» [Виноградов, 1947, с. 742].

В некоторых случаях утверждение какой-либо пропозиции (факта), неприемлемой для автора, влечёт за собой вопросы оценочно-императивной семантики с конструируемой перспективой: *Отток населения из сельской местности и малых городов в крупные центры – не только российская специфика. Это мировая тенденция – рост городских агломераций за счёт периферии. Означает ли это, что можно только наблюдать за процессом? И до каких пор? Пока всё население*

Российской Федерации не сконцентрируется в трёх агломерациях – Москва, Питер и черноморский Юг? Если и дальше молодёжь, активные специалисты будут «вымываться» из провинции, большинство регионов станут просто заброшенными территориями (Аргументы недели. 2023, № 40). Отмеченные вопросительные конструкции как эквиваленты повествовательных предложений могут быть представлены следующим образом: **Нельзя только наблюдать за процессом до тех пор, пока всё население Российской Федерации не сконцентрируется в трёх агломерациях – Москва, Питер и черноморский Юг.** Выбор именно вопросительной формы синтагм лежит в сфере авторских предпочтений. Он обусловлен намерением достичь максимальной степени суггестивности и как её результат – солидарности с авторской позицией массового адресата. Интересным представляется следующее размышление: «Чем руководствуется говорящий (пишущий), выбирая одну конструкцию из ряда возможных? Во-первых, знанием (обычно – интуитивным) тонких, подчас едва уловимых семантических различий между ними; во-вторых, представлением о том, какая из синонимических конструкций наиболее расположена к данной грамматической и структурно-семантической модификации. Выбор осуществляется в соответствии с коммуникативно-стилистическим заданием» [Цейтлин, 1976, с. 181].

Имея твёрдую собственную позицию в проблемном вопросе, автор преподносит её читателю именно в вопросительно-экспрессивной форме – особом речевом приёме: «Риторический вопрос естественно включается в стратегические аспекты рассуждения» [Грановская, 2004, с. 79].

Так, описывая сложившуюся ситуацию на рынке недвижимости, а именно ипотечное кредитование, автор публикации формулирует вопросы, заключительный из которых остаётся «открытым», без ответа, притом что авторская позиция предельно ясна: **Сколько россиян могут позволить себе платить 50–70 тыс. ежемесячно? Да так, чтобы не протянуть ноги от голода да ещё накормить детей? Общий бюджет семьи должен тогда быть (с одним ребёнком!) тысяча двести, а лучше двести пятьдесят. Много у нас таких семей?!** (Аргументы недели, 2024, № 2). Адресату ясен и эмоциональный настрой адресанта – возмущение. Как замечает В. И. Шаховский, «каждый говорящий выражает возмущение по-своему, то есть индивидуально, но в любом языке имеется определённый инвентарь кодовых

средств выражения данной эмоции, варьирующих модель её выражения в определённых пределах, за которыми она уже не воспринимается как модель возмущения» [Шаховский, 2008, с. 141].

Модальность недопущения с оттенком осуждения какой-либо ситуации в проспекции имеют вопросительные конструкции в следующем фрагменте: **России за бугром исторически принадлежит более 1230 особо ценных объектов на сотни миллиардов долларов. Кому достанется это богатство? Неужели откажемся от него, как в горбачёвские и ельцинские времена?!** (Аргументы недели. 2024, № 4) – позиция автора не имеет чёткого обозначения, но она вполне понятна адресату.

Таким образом, изложенные нами наблюдения за использованием вопросительных конструкций в аналитическом жанре статьи позволяют утверждать, что вопросительная форма позволяет пишущим завуалировать решение поставленной проблемы в вопросительную форму, выразив ею не столько решение проблемы, сколько субъективное отношение к ней и к возможным путям её преодоления.

Заключение

Вопросительные конструкции в языке современных аналитических жанров СМИ являются коммуникативно детерминированными единицами, представленными в богатом разнообразии структурно-семантических моделей и функций. Единицы функционального поля вопросительности используются как заголовки, подзаголовки, лид, включаются в структуру содержания публикации, образуя и типизованные, и редкие синтагмы.

Они подчинены коммуникативной стратегии убеждения массового адресата, отражая в известной степени и позицию автора в определённой им проблеме и в поиске её решения.

Вопросительные конструкции имеют сложный, многоплановый и многоликий, комплекс значений, объединяя рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное, что делает их эффективным средством воздействия на адресата, формирования у него соответствующих оценок и мнений. Несомненна их полифункциональность, хотя для современных публичных выступлений более всего характерны функция разоблачения и неразрывно связанная с ней эмотивно-аксиологическая.

Библиографический список

1. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Логос, 2003. 304 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград, 1947. 783 с.
4. Волгина Е. А. Некоторые структурные и функциональные свойства вопросительного предложения // Функциональная семантика синтаксических конструкций. Межвузовский сборник научных трудов. Москва, 1986. С. 25–30.
5. Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов. Москва : Альма Матер, 2008. С. 27–48.
6. Вомперский В. П. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публикации (проблемы теории и мастерства). тез. докл. на республикан. научн. конф. Алма-Ата, 1966. С. 82–85.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 6-е. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. 144 с.
8. Грановская Л. М. Риторика. Москва : Азбуковник, 2004. 218 с.
9. Губина О. Э. Использование несобственно вопросительных предложений в структуре газетно-публицистического текста // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К. А. (г. Москва, 27 февраля 2023 г.). Москва : ООО «Постатор», 2023. С. 95–98.
10. Дегальцева А. В. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2(38). С. 155–165.
11. Зубова С. В., Казеко Т. Н. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной газетной речи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (33). С. 11–17.
12. Канафьева А. В. Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 67–73.
13. Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (Перевод и лингвистический анализ). Москва, 1988. С. 54–59.
14. Лагузова Е. Н., Ушакова А. П. Синтаксические фразеологизмы со словом *хоть* как средство выражения речевой агрессии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 56–65.
15. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.
16. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 19. 2006. № 40. С. 158–166.
17. Милованова С. О. Газетный заголовок как средство актуализации смысла // Известия Тульского Государственного Университета. Гуманитарные Науки. 2010. №1. С. 368–372.
18. Николаева Т. М. От звука к тексту. Москва : Языки русской культуры, 2000. 680 с.
19. Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
20. Петрова Н. Е., Радибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2017. 160 с.
21. Цейтлин С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. Москва : Наука, 1976. С. 161–181.
22. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. Москва : Гнозис, 2008. 416 с.

Reference list

1. Bulygina T. V., Shmeljov A. D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale ruskoj grammatiki) = Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar). Moskva : Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1997. 576 s.
2. Valgina N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke = Active processes in the modern Russian language : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moskva : Logos, 2003. 304 s.
3. Vinogradov V. V. Russkij jazyk. (Grammaticeskoe uchenie o slove) = The Russian language. (The grammatical doctrine of the word). (Moskva; Leningrad, 1947. 783 s.
4. Volgina E. A. Nekotorye strukturnye i funkcional'nye svojstva voprositel'nogo predlozhenija = Some structural and functional features of the interrogative sentence // Funkcional'naja semantika sintaksicheskijh konstrukcij. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Moskva, 1986. S. 25–30.
5. Volodina M. N. Jazyk massovoj kommunikacii – osobyj jazyk social'nogo vzaimodejstvija = The language of mass communication as a special language of social interaction // Jazyk sredstv massovoj informacii: ucheb. posobie dlja vuzov. Moskva : Al'ma Mater, 2008. S. 27–48.
6. Vomperskij V. P. K izucheniju sintaksicheskijh struktury gazetnogo zagolovka = The language of mass communication as a special language of social interaction // Iskustvo publikacii (problemy teorij i masterstva). tez.dokl. na respublikan. nauchn. konf. Alma-Ata, 1966. S. 82–85.
7. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistic research. Izd. 6-e. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2008. 144 s.
8. Granovskaja L. M. Ritorika = Rhetoric. Moskva : Azbukovnik, 2004. 218 s.

9. Gubina O. Je. Ispol'zovanie nesobstvenno voprositel'nyh predlozhenij v strukture gazetno-publicisticheskogo teksta = Use of improper interrogative sentences in the structure of newspaper text // Russkij jazyk v slavjanskoj mezkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju so dnja rozhdenija d-ra filol. n., professora Vojlovoj K. A. (g. Moskva, 27 fevralja 2023 g.). Moskva : OOO «Postator», 2023. S. 95–98.
10. Degal'ceva A. V. Izmenenija v informacionnyh i analiticheskijh zhanrah sovremennyh SMI = Changes in information and analytical genres of modern mass media / A. V. Degal'ceva, O. B. Sirotinina // Zhanry rechi. 2023. T. 18, № 2(38). S. 155–165.
11. Zubova S. V., Kazeko T. N. Jekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii v sovremennoj gazetnoj rechi = Expressive syntactic constructions in modern newspaper speech // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2014. № 6 (33). S. 11–17.
12. Kanaf'eva A. V. Voprositel'nye modifikacii odnosostavnyh i dvusostavnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke = Interrogative modifications of mononuclear and two-member sentences in the modern Russian language // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2021. № 1 (24). S. 67–73.
13. Kobozeva I. M. O pervichnyh i vtorichnyh funkcijah voprositel'nyh predlozhenij = On the primary and secondary functions of interrogative sentences // Tekst v rechevoj dejatel'nosti (Perevod i lingvističeskij analiz). Moskva, 1988. S. 54–59.
14. Laguzova E. N., Ushakova A. P. Sintaksicheskie frazeologizmy so slovom hot' kak sredstvo vyrazhenija rechevoj agressii = Syntactic phraseological units with the word hot' as a means of expressing speech aggression // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2023. № 1 (32). S. 56–65.
15. Lazareva Je. A. Zagolovok v gazete = Newspaper headline. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1989. 96 s.
16. Lazareva Je. A. Zagolovochnyj kompleks teksta – sredstvo organizacii i optimizacii vosprijatija = The text heading complex – means of organizing and optimizing perception // Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. Vypusk 19. 2006. № 40. S. 158–166.
17. Milovanova S. O. Gazetnyj zagolovok kak sredstvo aktualizacii smysla = Newspaper headline as a means of meaning actualization // Izvestija Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki. 2010. №1. S. 368–372.
18. Nikolaeva T. M. Ot zvuka k tekstu = From sound to text. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 680 s.
19. Parshina O. N. Rossijskaja političeskaja rech': Teorija i praktika = Russian political speech: Theory and practice / pod red. O. B. Sirotininoj. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moskva : Izd-vo LKI, 2007. 232 s.
20. Petrova N. E., Raciburskaja L. V. Jazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agressii = Modern media language: speech aggression means : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2017. 160 s.
21. Cejtlin S. N. Sintaksicheskie modeli so znaczeniem psihičeskogo sostojanija i ih sinonimika = Syntactic models with the meaning of mental state and their synonyms. Moskva : Nauka, 1976. S. 161–181.
22. Shahovskij V. I. Lingvističeskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotions : monografija. Moskva : Gnozis, 2008. 416 s.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 25.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 811.161.1'42:070
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-66
EDN: LTGOVM

Реализация пространственной семантики в различных типах дискурса

Лариса Васильевна Селезнева^{1✉}, Полина Сергеевна Завтрикова²

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. Республика Беларусь, 246028, г. Гомель, ул. Советская, д. 104

¹loramuz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>

²tumanika1@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0127-2074>

Аннотация. В работе выявлена специфика употребления сочетаний слова *пространство* с притяжательными местоимениями в газетном, сетевом и художественном дискурсах. Приведена статистика частотности анализируемых сочетаний в разных типах текста. Описано представление семантики слова *пространство* в авторитетных толковых словарях русского языка. С опорой на данные Оксфордского онлайн-словаря выявлены новые развивающиеся значения исследуемого слова: 'свобода и время думать или делать то, что хочется'; 'место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели'; 'сфера деятельности, в которой действует человек или организация'.

Посредством семантического анализа контекстов Национального корпуса русского языка определены наиболее регулярно реализуемые значения слова *пространство*. Так, для газетного дискурса типично представление о пространстве как о 'неограниченной протяженности во всех измерениях, направлениях'. В сетевом дискурсе распространение получает значение 'место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели'. В художественном дискурсе чаще встречается описание «физического» пространства, то есть слово употребляется в одном из четырех классических словарных значений.

Установлено, что слово *пространство* в газетных текстах более регулярно сочетается с прилагательным, чем в сетевых и художественных текстах. Приведены типичные атрибутивные распространители исследуемого слова в трех дискурсах. Описаны закономерности употребления притяжательных местоимений в анализируемых контекстах Национального корпуса русского языка. Выявлено, что в газетном, сетевом и художественном дискурсах наиболее частотна сочетаемость слова *пространство* с местоимением *свой*, что отражает тенденцию распространенности данного притяжательного местоимения в текстах носителей русского языка.

Ключевые слова: пространство; газетный дискурс; сетевой дискурс; художественный дискурс; значение; притяжательное местоимение; Национальный корпус русского языка

Статья подготовлена в рамках прохождения стажировки InteRussia для молодых русистов на базе Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Для цитирования: Селезнева Л. В., Завтрикова П. С. Реализация пространственной семантики в различных типах дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 66–79. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-66>. <https://elibrary.ru/LTGOVM>

Original article

Implementation of spatial semantics in various types of discourse

Larisa V. Selezneva^{1✉}, Polina S. Zavtrikova²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of russian literature and intercultural communication, A. S. Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin st., 6

²Postgraduate student at the department of russian, general and slavic linguistics, F. Skorina Gomel state university. Republic of Belarus, 246028, Gomel, Sovetskaya st., 104

¹loramuz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>

²tumanika1@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0127-2074>

Abstract. The paper shows the specificity of using the word space in combination with possessive pronouns in newspaper, online and literary discourse. The statistics is given on the frequency of the analyzed combinations in different types of text. The authors describe the semantics of the word space in reputable explanatory dictionaries of the Russian language according to the data of the Oxford advanced learner's dictionary, there are some new developing meanings of the word space: 'freedom and time to think or do what one wants'; 'a place, particularly a room or building, that can be used for a specific purpose'; 'a sphere of activity in which a person or organization operates'.

The semantic analysis of the contexts in the Russian national corpus identifies the most regularly realized meanings of the word space. Thus, in newspaper discourse, it is typical to think of space as 'unlimited extent in all dimensions, directions'. In online discourse, the meaning 'a place, in particular a room or a building, which can be used for a specific purpose' becomes widespread. In literary discourse, the description of 'physical' space is more common, i.e. the word is used in one of the four classical dictionary meanings.

The authors have found that the word space is more often combined with an adjective in newspaper texts than in online and fiction texts, and give typical attributive distributors of the word in the three discourses. The article describes the patterns of using possessive pronouns in the analyzed contexts from the Russian national corpus; it shows that the most frequent combination of the word space with the pronoun *свой* is in the newspaper, online and literary discourse, which reflects the tendency of this possessive pronoun to be widespread in the texts of native Russian speakers.

Key words: space; newspaper discourse; online discourse; literary discourse; meaning; possessive pronoun; Russian national corpus

The article was prepared as part of the InteRussia internship for young Russian scholars at the State institute of Russian language named after A. S. Pushkina

For citation: Selezneva L. V., Zavtrikova P. S. Implementation of spatial semantics in various types of discourse. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):66–79. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-66>. <https://elibrary.ru/LTGOBM>

Введение

Пространство является одной из важнейших категорий познания мира и по-разному трактуется в различных научных и философских концепциях. Закономерен интерес лингвистов к репрезентации пространства и его характеристик в языке. М. Ю. Лотман писал о том, что «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [Лотман, 1996, с. 205]. Исследователи также подчеркивают особую значимость данной категории для носителей русского языка: «Склонность воспринимать и оценивать мир в пространственных категориях – очевидно, явление универсальное, но представляется возможным предположить, что это особенно характерно для русского менталитета» [Ермакова, 2000, с. 289].

Особое внимание к пространственным категориям объясняется и увеличением дискурсивной составляющей в лингвистических исследованиях. О. В. Мякшева утверждает, что «когнитивно-дискурсивная парадигма многократно усилила интерес к пространству, его роли в процессе познания и специфике языкового и речевого воплощения» [Мякшева, 2008, с. 3]. Современные исследователи регулярно описывают функционирование пространственных категорий в частных дискурсах, например, в устном [Рачёва, 2019], по-

литическом [Сегал, 2019], фольклорном [Соловьёва, 2019], учебном [Демидова, 2023].

Задачей данной работы является сравнительный анализ употребления слова *пространство* в газетном, сетевом и художественном дискурсах. Обращение к трем разным дискурсам поможет выявить особенности речевого поведения человека в конкретной языковой ситуации, ведь исследование дискурса позволяет не только познать когнитивные механизмы индивидуального и массового языкового сознания, но и обнаружить стратегические характеристики мотивированного общения, например, в сфере политики, права, бизнеса, культуры и спорта, установить аксиологические доминанты той или иной лингвокультурной общности и исторической эпохи» [Стефановская, 2019, с. 87].

Интерес к слову *пространство* обусловлен тем, что оно представляет собой ядерную номинацию лексико-семантического поля «Пространство», соответственно, изучение употребления этого слова в текстах покажет закономерности в осмыслении пространственных категорий носителями языка. Данная лексическая единица является полисемантом и даже на современном этапе развития языковой системы продолжает обретать новые значения. О высокой востребованности слова *пространство* свидетельствует также его позиция в списке «Частотного словаря современного русского языка» (795 место из более чем

20 000 систематизированных слов) [Ляшевская, Шаров, 2009].

Объектом изучения в настоящей работе являются сочетания слова *пространство* с притяжательными местоимениями. Мы рассматриваем общепринятый перечень притяжательных местоимений: *мой, твой, наши, ваши, свой, его, ее, их*. Описание характеристик употребления в разных текстах сочетаний *мое пространство, твое пространство* и т. д. поможет, во-первых, проследить некоторые общие механизмы «присвоения» пространства носителями языка и, во-вторых, понять, какое именно пространство может быть осмыслено как *мое* или *наше*, *свое* или *их* и насколько такие представления типичны для анализируемых дискурсов.

Взаимосвязь категорий пространства и посессивности не раз являлась предметом внимания ученых. Этимологическое родство данных категорий было описано В. Н. Топоровым: «Отношение притяжания предполагает включение R [объекта притяжания] в P [обладатель], некую близость, смежность, с одной стороны, и мыслимое противоположное отношение отчужденности, разъединенности, с другой. И в том и в другом случае субстратом является пространство» [Топоров, 1983, с. 99–100]. Е. В. Краснощёков определяет истоки формирования категории посессивности на базе пространственных отношений: «„близко” – сфера ‘Я’; в пределах видимости – сфера ‘ТЫ’ и „далеко” – сфера ‘ОН’» [Краснощёков, 2019, с. 6]. Вызывают интерес работы зарубежных лингвистов, в частности Дж. Лайонса [Lyons, 1967], Е. Кларк [Clark, 1978], А. Ченки [Cienki, 1989], Р. Фриза [Freeze, 1992], Б. Хайне [Heine, 1997], Ш. Тама [Tham, 2009], предлагающие разные точки зрения на взаимообусловленность категорий пространства и посессивности, а также на отражение этой взаимообусловленности в семантике и грамматике.

Цель исследования – выявить сходства и различия в использовании сочетаний слова *пространство* с притяжательными местоимениями в газетном, сетевом и художественном дискурсах. Предметом изучения становятся значения полисеманта *пространство*, атрибутивные характеристики пространства и особенности употребления притяжательных местоимений.

Методы исследования

В настоящей работе основными выступили методы наблюдения и описания, дискурсивного анализа и семантического анализа. Для выявления

закономерностей в употреблении исследуемых сочетаний применяются корпусный и статистический методы. Источником фактического материала послужили тексты Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Результаты исследования

Ресурсы НКРЯ позволили провести поиск по формуле «притяжательное местоимение + *пространство* (на расстоянии от 1 до 2)» в трех подкорпусах – газетном (газетный подкорпус центральных СМИ), сетевом (подкорпус социальных сетей) и художественном (подкорпус художественных текстов в основном корпусе НКРЯ). В результате были получены данные, приведенные в таблице 1:

Таблица 1

Статистика употребления сочетаний притяжательных местоимений со словом *пространство* в подкорпусах НКРЯ

	Газетный	Сетевой	Художественный
Количество контекстов с искомыми сочетаниями	2118	249	206
Количество текстов в подкорпусе	2 728 688	1 753 274	10 910
Количество слов в подкорпусе	815 141 029	157 899 671	150 820 022

Как видно из таблицы 1, газетный подкорпус лидирует по количеству контекстов, фиксирующих употребление анализируемых сочетаний (в том числе и в пропорциональном отношении, то есть частота употребления сочетаний в газетных текстах выше не только потому, что подкорпус самый большой). Для сетевого и художественного дискурсов исследуемые сочетания оказываются менее типичны. Понять причины таких количественных данных поможет анализ семантики слова *пространство* в каждом из трех дискурсов.

Представление семантики слова *пространство* в толковых словарях русского языка

Для начала обратимся к лексикографической практике. Все авторитетные толковые словари описывают слово *пространство* как полисемант и предлагают три или четыре лексических значения. Так, например, в «Толковом словаре русско-

го языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим три значения:

1) 'одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом';

2) 'протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами';

3) 'промежуток между чем-н., место, где что-н. вмещается' [Ожегов, Шведова, 1999].

«Малый академический словарь» под редакцией А. П. Евгеньевой предлагает четыре значения, включая одно устаревшее:

1) 'неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях)' || 'одна из основных всеобщих объективных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом';

2) 'место, способное вместить что-л.';

3) 'большой участок земной поверхности';

4) *устар.* 'промежуток (времени)' [Евгеньева, 1999].

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом словаре два первых значения объединены, а также, не считая устаревшего, появляется одно новое (относительно словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой) – 'большой участок земной поверхности'.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова фиксируются четыре значения слова *пространство*, практически идентичные формулировкам из словаря А. П. Евгеньевой, только здесь два первых значения приведены как самостоятельные (для наглядности проиллюстрируем значения словарными примерами):

1) 'одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом' – *движение материи в пространстве и во времени*;

2) 'неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях' – *бесконечное пространство; воздушное пространство; мировое пространство; космическое, межпланетное, безвоздушное пространство*;

3) 'место, способное вместить что-л.' – *свободное пространство между окном и дверью; разве поместится на таком пространстве; все пространство занял*;

4) 'большой участок земной поверхности' – *война охватила огромное пространство России; степные пространства неоглядны; корабли бороздят морские пространства* [Кузнецов, 2008].

Принципиальной разницы в описании семантики слова *пространство* разными толковыми словарями не наблюдается. Представлены четыре «физических» значения, то есть речь идет о реальном внешнем пространстве. Рассмотрим корпусные иллюстрации для определения того, каким образом пространство осмысливается носителями языка. Все ниже приведенные контексты взяты из Национального корпуса русского языка; информация о названии, авторстве и времени публикации будет дана в скобках.

Газетный дискурс

В газетных текстах наиболее регулярно реализуется значение 'неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях':

Факт инцидента признается обеими сторонами, однако каждая из них настаивает на том, что он произошел в ее воздушном пространстве (Коротко // Независимая газета, 11.08.1999);

И мюзикл «Граф Орлов», который, будем надеяться, триумфально пройдет по всем большим площадкам нашего мирового пространства, он как раз состоит из прекрасной истории (Радио «Комсомольская правда». Звезда мюзиклов Т. Дольникова: «Петь за столом – это для меня ад» // Комсомольская правда, 14.02.2013).

Частотным становится значение 'большой участок земной поверхности':

Япония – островное государство, омываемое теплыми водами Японского моря. Его пространство заселено разнообразными рыбами, ракообразными и моллюсками (Суши, саке и самурай // Аргументы и факты, 18.06.2002);

Россия всегда осваивала свое пространство слева направо, с запада на восток («Наше государство представляет собой кентавра» // Коммерсант, 06.12.2005).

Типично употребление слова *пространство* в значении 'место, способное вместить что-л.':

За счет изменения профиля и нового стиля подушек и спинок сидений заметно увеличилось его [салона] пространство, в результате более комфортно чувствуют себя и водитель, и пассажир (С. Юрьев. Русская красавица // Труд-7, 18.03.2004);

В танцевальных залах, в их гулких пространствах я слушал камерный оркестр под управлением дирижера Сергея Проскурина, почетного члена всевозможных музыкальных обществ Европы (Русский – значит одухотворенный // Известия, 14.12.2015).

Встречаются контексты, в которых речь идет о помещении, предназначенном для конкретной цели (работа, творчество, досуг, проведение выставок, мастер-классов и т. п.):

Детский лагерь в «Музеоне» 4 июня пригласит в свое творческое пространство детей 7–14 лет (Ю. Козленкова. В московских парках откроются круглогодичные детские центры // Известия, 27.05.2013);

Louis Vuitton открыл свое пространство в Булонском лесу в Париже – гигантское здание с масштабными выставками (Записал В. Крылов. «Электромобиль – это правильнее, чем Rolls-Royce» // lenta.ru, 10.12.2015).

Высокое распространение получает также не фиксируемое в толковых словарях русского языка значение слова *пространство*, близкое к одному из значений слов *среда*, *сфера*:

«Трансойл» – железнодорожная компания, достаточно знаковая и значимая в нашем экономическом пространстве («В юности я планировал быть шахматным арбитром» – А. Филатов // РБК Дейли, 14.05.2012);

Пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения, которые гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве («Ситуация не уникальная, это есть и в других странах» // Коммерсант, 16.01.2020).

Немногочисленно в газетном дискурсе представлены иллюстрации использования слова *пространство* для называния умозрительной, абстрактной сущности:

Продюсер Дэвид Снодин и режиссер Джулиан Джаррольд видят в «Преступлении и наказании» трагический миф, аура которого вовлекает в свое пространство молодых людей и в XXI веке (Достоевский по-английски // Известия, 18.06.2001);

А Общественная палата должна заниматься вопросами стратегического характера для страны, должна осуществлять контроль за защитой нашего нравственного пространства (Депутаты поручили Общественной палате контроль за СМИ // Коммерсант, 10.11.2005).

Отдельно можно выделить случаи, когда говорящий описывает чье-либо приватное пространство, причем как «физическое» (иллюстрация 1), так и «абстрактное» (иллюстрация 2); иногда оба этих значения так тесно взаимосвязаны, что трудно понять природу характеризуемого пространства (иллюстрации 3, 4):

(1) *Не могу пустить в свое пространство чужого человека, чтобы он выражал себя в моем доме* (И. Понаровская: «Мужчины меня боятся» // Аргументы и факты, 28.11.2002);

(2) *Шнуров объявил о своем разводе с супругой Матильдой в конце мая и попросил прессу не вторгаться в его личное пространство* (Раздел «Культура». Гнойный назвал причину расставания Шнурова и Матильды // gazeta.ru, 19.06.2018);

(3) *И если мы отправимся куда-то вдвоем, то я всю дорогу буду его терзать, заполняя все его пространство собой* (О. Кокорекина: «Люблю поспать до одиннадцати!» // Аргументы и факты, 19.11.2002);

(4) *Для меня важно, чтобы у меня было какое-то свое жизненное пространство, я имею в виду не только территорию физическую, а чтобы у меня была какая-то свобода действий* (А. Дмитриев. Фекла Толстая: толстовский характер – это же не пустой звук! // Труд-7, 13.07.2006).

В текстах НКРЯ находит отражение ценностное восприятие человеком своего личного пространства. Исключительно важной становится не только реальная территория, на которой происходят различные события, но и социальная, психологическая дистанция с другими людьми. Закономерно, что одно из значений слова *пространство* может включать сему ‘свобода’.

В подкорпусе центральных СМИ не зафиксировано употреблений слова *пространство* в значении ‘одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом’, что закономерно, поскольку размышления о пространстве как материи характерны для других речевых ситуаций и не входят в перечень наиболее актуальных общественно-политических тем.

Как показывает анализ корпусных контекстов, представления о пространстве в газетном дискурсе разнообразны. Чаще всего слово *пространство* обозначает либо ‘неограниченную протяженность во всех измерениях, направлениях’, либо ‘большой участок земной поверхности’, однако встречается и другая семантика.

В целом доля контекстов, повествующих о «физическом» пространстве, составляет около 80 %, что неудивительно, ведь работники СМИ в первую очередь должны донести до читателей (зрителей, слушателей) актуальную информацию о событиях в мире, в разных странах, в воздушном пространстве, в морском пространстве и т. д., а также поспособствовать формированию отношения к той или иной ситуации. Как пишет

Н. Н. Немич, «в современном обществе через средства массовой информации в значительной степени происходит формирование мировоззренческих приоритетов во внутривидеологической, общественной, институциональной жизни населения. <...> Тексты газет призваны решать две задачи: распространять информацию и воздействовать на общество» [Немич, 2020, с. 133].

Сетевой дискурс

Количество отобранных в подкорпусе социальных сетей контекстов (249 единиц) значительно уступает числу контекстов из подкорпуса центральных СМИ (2118 единиц), однако отмечается не меньшая семантическая вариативность слова *пространство*.

В сетевых текстах регулярно обсуждается индивидуальное пространство человека – иногда «физическое», но чаще «абстрактное»:

Пускать чужого человека в свою машину за деньги? Торговать своим личным пространством? Фи! (П. Иевлев. Радио Морзе. Авторский блог писателя Павла Иевлева. Заметки мизантропа (2017));

Отношения людей можно описать с помощью кругов Эйлера: у каждого есть свое субъективное пространство, а также некая общая сфера, частично затрагивающая субъектив каждого (В. Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж (2022)).

Особенно распространено понимание пространства как определенной внутренней или внешней свободы:

Каждому из нас нужно СВОЕ ПРОСТРАНСТВО, и даже в истинно любовных отношениях людям нужно оно, свое пространство (vk (29.10.2015));

В идеале у каждого из супруга должны быть свое личное пространство, друзья, хобби и дело жизни (Центр Психологии СЛОН (2019)).

Как известно, лексикографическая практика зачастую не успевает за естественным развитием языка. На примере газетных контекстов уже было показано, что семантика слова *пространство* гораздо шире четырех значений, фиксируемых в авторитетных русскоязычных толковых словарях. Стремление более четко определить актуальные направления развития семантики слова *пространство* обусловило обращение к Оксфордскому онлайн-словарю для анализа англоязычной словарной статьи существительного *space* (*пространство*).

«Oxford Advanced Learner's Dictionary» предлагает 11 значений слова *space*, в числе которых находим:

– ‘the freedom and the time to think or do what you want to’ (‘свобода и время думать или делать то, что хочется’; перевод наш – Л. В., П. З.);

– ‘a place, especially a room or a building, that can be used for a particular purpose’ (‘место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели’; перевод наш – Л. В., П. З.);

– ‘an area of business in which a person or an organization operates’ (‘сфера деятельности, в которой действует человек или организация’; перевод авторов статьи) [OALD].

Корпусный материал показывает, что эти три значения в последние десятилетия все чаще встречаются и в русскоязычной практике. Выше уже были приведены иллюстрации для значения ‘свобода и время думать или делать то, что хочется’ (как в газетном, так и в сетевом дискурсах). Активно реализуемое в текстах СМИ значение ‘сфера деятельности, в которой работает человек или организация’ нетипично для сетевых текстов.

Наиболее актуальным для слова *пространство* в подкорпусе социальных сетей становится значение ‘место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели’, фиксируемое в четверти анализируемых сетевых контекстов:

Завтра в 19:00, в нашем пространстве состоится встреча с психологами центра «Доверие» – Натальей Митяевой и Юлией Гинзбург, будем общаться на тему «Критика», вход для всех желающих свободный!! (vk (25.02.2016));

Когда я думала о том, каким я представляю свое творческое пространство, я всегда мысленно возвращалась к тому небольшому светлему магазинчику в Таиланде, где я побывала в прошлом году (Е. Покусаева. Катя Покусаева Стилист (13.04.2021)).

Это связано с тем, что подобные пространства развиваются как раз благодаря социальным сетям посредством публикации рекламы, привлечения целевой аудитории, проведения розыгрышей и т. п. В настоящее время все больше людей стремятся открыть собственный бизнес, арендуют помещения под творческие студии, салоны красоты, кулинарные мастер-классы и др. Вследствие этого в сознании носителей языка сближаются представления о реальном месте и о цели, для которой оно используется.

В сетевом дискурсе примерно четверть отобранных контекстов иллюстрирует употребление слова *пространство* в каком-либо из четырех классических «физических» словарных значений:

1) 'одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом':

В некотором смысле наше пространство иллюзорно, эфемерная картина, повисшая в тонком воздухе (vk (25.10.2015));

Порядка 10 ведущих Институтов Атомной физики, реакторов, лазерной техники перепроверяли друг друга, но все время приходили к одной, новой величине атома водорода. Если судить по Законам трехмерного Мира, то это невозможно, но, тем не менее – физика начала раскрывать свои изМЕРения. Это подтверждают астрофизики расчетами многомерности нашего Пространства (vk (27.02.2016));

2) 'неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях':

За что боролись, на то и напоролись: НАТО в лице Турции сбilo наш военный самолет за достаточно формальное нарушение ее воздушного пространства (vk (25.11.2015));

Приглашаются воронежцы для семейного отдыха совмещенного с субботником. Отличная возможность, не только сделать окружающий нас мир, наше пространство, нашу страну немного чище, но и быть / стать хорошим примером для вашего ребенка (Лентач Воронеж. Публикуем срочные новости, ЧП, ЧС и ДТП города (2022));

3) 'место, способное вместить что-л.':

Антитезой внешнему великолепию храма является камерность его внутреннего пространства (vk (13.05.2016));

А еще я советую навести чистоту и уют в своем пространстве, выкинуть лишний мусор, побыть наедине с собой и проветрить комнату (Э. Корнякова. Спорт (2022));

4) 'большой участок земной поверхности':

Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие (vk (15.05.2014));

Это нерушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей (vk (07.01.2016)).

Однако более чем в половине контекстов (около 55 %), отобранных в подкорпусе социальных сетей, речь идет об умозрительном, «абстрактном» пространстве, будь то виртуальное пространство, или внутреннее психологическое пространство, или пространство, ассоциируемое со свободой.

Разнообразие представлений о пространстве в сетевом дискурсе связано с тем, что виртуальный мир социальных сетей является в определенном смысле «зеркалом» реального мира во всем его многообразии. Как отмечают исследователи В. В. Катермина и Т. О. Илмаз-Леденева, «процесс общения в киберпространстве полифоничен, так как вмещает в себя множество разных типов речевой практики и дискурса» [Катермина, Илмаз-Леденева, 2019, с. 68].

Художественный дискурс

В художественном дискурсе наблюдается реализация ограниченного количества значений слова *пространство* в сочетании с притяжательными местоимениями. Фиксируется либо одно из четырех «физических» словарных значений (примерно две трети контекстов), либо переносное «абстрактное» значение (треть контекстов).

Обращает на себя внимание метафорический потенциал анализируемого слова. Когда речь ведется об умозрительных сущностях, пространство «присваивается», например, нравам (иллюстрация 1), уму человека (иллюстрация 2), художественным текстам (иллюстрация 3), эмоциям (иллюстрация 4):

(1) *Одним словом, чтоб получить настоящий высший взгляд на наши нравы с точки, дозволяющей окинуть все их пространство, необходимо нужно сесть на трубу самовара в ту минуту, когда он кипит на столе перед диваном и посреди комнаты* (О. Сенковский. Теория образованной беседы (1835));

(2) *Она говорила разную глупость, разыгрывала Сарториуса и чувствовала стыд, пробирающийся к ней в сердце из ее лгущего, пошлого ума, грустно сознающего свое постыдное пространство* (А. Платонов. Счастливая Москва (1936));

(3) *Бедная Вика в своем романном пространстве смутно ощущала, где должна была бы находиться в действительности; ее приводила в тоскливую ярость самая мысль о затхлой темноте университетского коридора, напоминавшего убогостью и запахами столовской тушеной капусты какую-то громадную коммуналку* (О. Славникова. Один в зеркале (1998));

(4) *И он грустно (как бы высоко-высоко пролетая над собственной скорбью и осматривая необъятные ее пространства... тощищу такую не перелететь), можно сказать, сверхгрустно, чувствуя в себе развинченную походку, в которой свирепел застрявший в тазу пинок, выдворился в полупустынный город* (В. Володин. Пыцца (кривые гримасы планиды) (2010)).

Около 10 % контекстов из художественных произведений посвящены внутреннему пространству человека и событиям в нем:

Один своей воображаемой клеткой дорожит безмерно, другой тяготеет, третий желает впустить в свое личное пространство своих избранных любимых и выставить тех, кто туда напрашивается (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2000));

Можно было бы называть ее немного инфантильной – и, проведя в ее голову две-три трубы с медийным рассолом, со временем удалось бы сузить ее внутреннее пространство до средних по бизнесу величин (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)).

Как уже было сказано, примерно две трети корпусных иллюстраций описывают «физическое» пространство. В фантастических текстах повествуется о пространствах разных планет, в текстах бытовой тематики чаще описываются конкретные помещения; вне зависимости от жанра писатели ведут речь о небесных, водных пространствах, о пространствах определенной местности или страны.

Приведем примеры реализации каждого словарного значения слова *пространство*:

1) ‘одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом’:

Хотя и не в одну сторону с тобой, рассуждая в вашем земном пространстве и вашем времени, но ты скоро меня догонишь, а тебя догонит тот, кто еще не родился: земля вертится, а время стоит в безмолвии: ему неоткуда и некуда идти (В. Шишков. Пейпус-озеро (1924));

Но что такое два-три месяца этой работы по сравнению с миллионами световых лет расстояний обычного спирально-светового пути в нашем пространстве! (И. Ефремов. Час быка (1968–1969));

2) ‘неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях’:

А вообще у меня еще много разнообразных географических соображений. Но о них – в другой раз. Если, разумеется, она, география наша, позволит нам еще встретиться в той же точке наших пространств (М. Мишин. География (1991));

Небо теперь было таким же желтым, как земля, потому что все его пространство заняло солнце (Е. Водолазкин. Лавр (2012));

3) ‘место, способное вместить что-л.’:

Из церкви пошли мы в Геркулесову залу, которая огромна своим пространством и великолепна украшением (Н. Карамзин. Письма русского путешественника (1793));

На кухне горел свет, наполняя ее розово-грязное пространство тусклым маревом (Н. Дежнев. В концертном исполнении (1993));

4) ‘большой участок земной поверхности’:

На всем же остальном своем громадном пространстве море светилось такой нежной, такой грустной голубиной августовского итиля, что невозможно было не вспомнить: «Белеет парус одинокий / В тумане моря голубом...» (В. Катаев. Белеет парус одинокий (1936));

Особенно слабы они в отношении Тихого океана, который, при необъятности своих пространств и слабой посещаемости кораблями, до настоящего времени представляет для нас почти совершенно неисследованную пустыню (Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939)).

Более современные значения слова *пространство* неохотно проникают в анализируемый дискурс, поскольку характеристика, например, общественно-политического пространства или пространства, которое используется для конкретной цели, редко актуальна в рамках художественного текста. Это можно назвать и причиной меньшего количества контекстов, фиксирующих употребление слова *пространство* в сочетании с притяжательными местоимениями.

Атрибутивные характеристики пространства

Корпусные контексты были также проанализированы на наличие при слове *пространство* атрибутивного распространителя. Количественные данные приведены в таблице 2:

Статистика использования атрибутивных распространителей при слове *пространство* в корпусных контекстах

	Газетный	Сетевой	Художественный
Количество контекстов с искомыми сочетаниями	2118	249	206
Количество контекстов с прилагательным при слове <i>пространство</i>	1752 (83%)	142 (57%)	85 (41%)
	Наиболее частотные прилагательные в каждом дискурсе		
	1120	58	9
	<i>воздушное</i>	<i>личное</i>	<i>жизненное</i>
	117	13	7
	<i>личное</i>	<i>рабочее</i>	<i>личное</i>
	57	10	3
	<i>жизненное</i>	<i>внутреннее</i>	<i>индивидуальное</i>
	41	5	3
	<i>информационное</i>	<i>творческое</i>	<i>необъятное</i>
	26	4	3
	<i>внутреннее</i>	<i>жизненное</i>	<i>трехмерное</i>
	21	4	3
	<i>экономическое</i>	<i>воздушное</i>	<i>частное</i>

Газетные тексты лидируют по частотности использования в них прилагательных, характеризующих пространство. Вероятно, это связано с тем, что ключевым коммуникативным намерением авторов данных текстов становится донесение до читателя информации о происходящих событиях, а атрибутивные распространители помогают конкретизировать денотат.

Как показывает статистика, более чем в половине контекстов, отобранных в подкорпусе центральных СМИ, повествуется о воздушном пространстве:

Турецкие власти заявили, что российский самолет пересек границу их воздушного пространства (Росрыболовство поддержало введение против Турции рыбного эмбарго // Известия, 27.11.2015);

Ранее 23 июля в Комитете начальников штабов Южной Кореи заявили, что один из российских самолетов дважды нарушил границу страны, оба раза находясь в ее воздушном пространстве по три минуты (Токио выразил протест России и Сеулу из-за инцидента с самолетами // lenta.ru, 23.07.2019).

Это закономерно, поскольку любое происшествие в зоне контролируемых государствами воздушных территорий становится объектом пристального внимания новостных информационных ресурсов и вызывает общественный резонанс.

В сетевом дискурсе атрибутивные распространители при слове *пространство* встречаются не так часто, как в газетном, однако все равно более чем в половине случаев. Лидирующую позицию занимает прилагательное *личный*:

Тогда мы способны подкреплять и ободрять друг друга, так как в этой уединенности рожда-

ется взаимное уважение, бережность к особенностям личности другого и чуткость к границам его личного пространства (vk (06.02.2016));

– Дорогая, я очень тебя люблю, но мой телефон / планшет / ноутбук – это мое личное пространство (А. Надежда. Психология (2018)).

В социальных сетях люди порой ощущают большую свободу самовыражения, чем в реальной жизни, поэтому охотнее рассуждают о личных границах и об особенностях своего внутреннего мира. Допустимо также суждение о том, что одной из главных ценностей современного сетевого дискурса является индивидуальность человека, вследствие чего личное пространство становится актуальной темой для обсуждения.

Менее регулярна атрибутивная характеристика пространства в художественном дискурсе. Возможно, авторы произведений реже определяют пространство через прилагательное из-за того, что в их арсенале есть много других средств выразительности, позволяющих создать целостный облик описываемого пространства.

Несмотря на то что в художественных текстах даже у самых частотных прилагательных малое количество вхождений, список этих прилагательных помогает выявить закономерности в репрезентации пространства. Для каждого из трех анализируемых дискурсов оказываются характерными представления о личном и о жизненном пространствах. В газетных и сетевых текстах ведется речь о внутреннем и о воздушном пространствах.

Помимо частотных, фиксируются и окказиональные характеристики пространства, например:

Этот уголок площади, по сравнению с остальным ее сонным пространством, выглядел уютно и живо (А. Грин. Синий каскад Теллури (1912));

– *Новые шалости нашего возлюбленного пространства*, – сказал, входя, Юрковский (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Страна багровых туч (1952–1957));

С помощью гибкой трубки врач может проникать и «путешествовать» по самым потаенным уголкам *вашего носового пространства* и видеть «картинку» на экране (Гайморит: жизнь без проколов // Аргументы и факты, 09.10.2002);

Приходи в *мое мягкое пространство*, там совсем не страшно (Ж. Климова. Музыка, преподавание (2022)).

Подобные употребления демонстрируют отсутствие жестких границ в восприятии пространства носителями языка.

Статика использования притяжательных местоимений в сочетании со словом *пространство*

В таблице 3 представлены количественные данные об использовании притяжательных местоимений в сочетании со словом *пространство*:

Таблица 3

Статистика частотности притяжательных местоимений в сочетании со словом *пространство* в текстах НКРЯ

	<i>мой</i>	<i>твой</i>	<i>наш</i>	<i>ваш</i>	<i>свой</i>	<i>его</i>	<i>ее</i>	<i>их</i>
Газетный дискурс	35	12	371	25	1101	160	299	115
Сетевой дискурс	22	12	59	21	91	25	9	10
Художественный дискурс	18	6	28	3	61	41	39	10

Как можно заметить, лидирует по числу вхождений во всех исследуемых дискурсах местоимение *свой*:

Приучившись использовать и беречь каждую частичку *своего скудного пространства* – земли, гор и воды, – швейцарцы перенесли эти навыки на обращение с деньгами и с временем, рационально обживая каждую минуту своей жизни (О. Новикова. Мужской роман (1999));

Чайный человек создает *свое чайное пространство* вокруг себя (vk (29.11.2015)).

Согласно ресурсам НКРЯ, *свой* – самое частотное притяжательное местоимение вообще в русском языке (1 714 111 вхождений в основном корпусе, на втором месте *его* с 1 105 854, далее *мой* (814 030) и *наш* (719 280) [НКРЯ]). «Активное использование возвратно-притяжательного местоимения по сравнению с собственно притяжательными можно объяснять разными причинами, среди которых не последнюю роль играет отсутствие маркера – указания на определенное лицо. Категория лица существенно ограничивает круг контекстов для собственно притяжательных местоимений» [Гусева, 2016, с. 9]. Е. В. Падучева обращала внимание на то, что местоимение *свой* «может иметь такие употребления, в которых оно приобретает тот или иной дополнительный компонент значения, накладывающийся на основные или даже вытесняющих их», например ‘собственный’, ‘особый’, ‘надлежащий’ и др. [Падучева, 1990, с. 80]. Это также является причиной боль-

шей распространенности данного местоимения в языке.

Второе место по частотности в газетном и сетевом дискурсах занимает притяжательное местоимение *наш* (371 и 59 вхождений соответственно). В текстах СМИ оно нередко помогает показать отличительные черты российской действительности (иллюстрация 1) или выполняет «патриотическую» функцию (иллюстрация 2):

(1) У них кабельные сети, а при наших *пространствах* выгодны только спутники (А. Прошкин: «Люди пойдут посмотреть на новую игрушку» // Известия, 26.11.2001);

(2) Тем не менее, Президент Беларуси уверен: «Будущее все же за нашим *постсоветским пространством*, здесь интеграция будет более мощной и глубокой» (Кто пользуется союзной собственностью? // Парламентская газета, 27.06.2013).

В сетевых текстах местоимение *наш* часто встречается при слове *пространство*, называющем место, используемое для конкретной цели, ведь администраторы подобных пространств стремятся создать ощущение «общности» с посетителями, поспособствовать их эмоциональному расположению:

А вы помните что *наше Творческое пространство* продолжает традицию бесплатных мест на наших обучающих программах и мы разыграем по 1 месту на КАЖДОМ мастер-классе Ильи Рашана? (vk (02.02.2016));

Сделать вас неотразимыми легко смогут профессионалы **нашего бьюти-пространства** (ALLURE эстетик центр. Бизнес, здоровье и медицина, красота (2019)).

В художественном дискурсе регулярны вхождения местоимений *его* и *ее* (41 и 39 иллюстраций соответственно). Интересно, что это связано не столько с тем, что в текстах речь идет о героях мужского и женского полов (хотя такие контексты встречаются), сколько с тем, что авторы литературных произведений часто описывают место действия, например, поле и его пространство, государство и его просторы, комнату и ее небольшие размеры:

В середине долины, занимая добрую треть ее пространства, находилось спокойное озеро необычайной синевы (Н. Чуковский. Танталэна (1925));

И по этому полю на всем его пространстве бежала пехота, преследуемая взрывами (Г. Бакланов. Июль 41 года (1964)).

Исследователь О. И. Соколова, изучающая сочетания притяжательных местоимений с одушевленными субстантивами, пишет, что «анализируемая группа местоимений, становясь маркерами пейоративной или мелиоративной окраски, может являться своего рода демаркационной линией между родственниками, друзьями, сослуживцами» [Соколова, 2019, с. 306]. Среди собранного фактического материала такая функция наиболее характерна для местоимения *мое*, когда говорящий присваивает пространство и отделяет себя от других людей и чужих пространств:

Музей – это мое пространство, а фестиваль – это формально городское пространство (М. Сафина, В. Ворсобиин. Марат Гельман: «Мы не лоббировали «Белые ночи»-2013, нас уговаривали» // Комсомольская правда, 20.06.2013);

Ей больше нет места в моем пространстве, я прогоняю ее, выметаю из дома (vk (16.04.2016)).

Наименее типично для газетного и художественного дискурсов использование сочетаний *твое пространство* и *ваши пространство* (менее 3 % вхождений). Здесь также прослеживается общезыковая тенденция редкого употребления местоимений второго лица в письменных текстах, ведь данные местоимения актуальны в основном для диалоговых форм общения:

– *Мой друг, я не требую вашего времени и вашего пространства* (М. Криницкий. Женщина в лиловом (1916));

*На эту претензию мама может ответить так: «Что если выделить для тебя **твое собственное пространство** в комнате?»* (Э. Таян. Гипноз как альтернатива ремню // lenta.ru, 18.10.2015).

В сетевом дискурсе меньшим числом вхождений характеризуются сочетания *ее пространство* (9 иллюстраций) и *их пространство* (10 иллюстраций). Местоимения *твое* и *ваши* употребляются несколько чаще, так как пользователи сети регулярно обращаются друг к другу, даже если не находятся в ситуации непосредственной диалоговой коммуникации:

*Никогда не позволяйте кому-то или чему-то, что угрожает Вам проникать в **ваши личное пространство*** (vk (31.01.2016));

*Осознавать, что у тебя есть границы, которые огораживают **твое психологическое пространство** и твои психологические права?* (Н. Астанина. Психология (2018)).

Можно заключить, что статистика использования притяжательных местоимений в сочетании со словом *пространство* в трех анализируемых дискурсах имеет много сходных черт, однако присутствует и дискурсивная специфика.

Заключение

На материале текстов Национального корпуса русского языка в работе выявлены сходства и различия в использовании сочетаний слова *пространство* с притяжательными местоимениями в газетном, сетевом и художественном дискурсах.

Наиболее типичными анализируемые сочетания оказываются для газетного дискурса (2118 вхождений). Более чем в половине контекстов из подкорпуса центральных СМИ речь ведется о воздушном пространстве какой-либо страны. Частотна реализация таких значений слова *пространство*, как ‘большой участок земной поверхности’, ‘место, способное вместить что-л.’ и ‘сфера деятельности, в которой действует человек или организация’.

Среди 249 контекстов из подкорпуса социальных сетей получает распространение значение ‘место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели’. Примерно в четверти случаев речь идет о «физическом» пространстве в классическом словарном понимании, а в 55 % случаев – об умозрительном, «абстрактном» пространстве (виртуальном, психологическом, внутреннем). Фиксируется также развитие еще одного значения исследуемого сло-

ва – ‘свобода и время думать или делать то, что хочется’.

В 206 контекстах из художественного подкорпуса слово *пространство* реализует наименьшее количество значений (одно из классических «физических» словарных (65 %) либо переносное «абстрактное» (34 %)), но при этом демонстрирует богатый метафорический потенциал. Использование слова *пространство* в одном из новых значений (‘свобода и время думать или делать то, что хочется’; ‘место, в частности комната или здание, которое может быть использовано для конкретной цели’; ‘сфера деятельности, в которой действует человек или организация’) для художественного дискурса нехарактерно.

Таким образом, сходство в реализации семантики слова *пространство* в разных типах текстов заключается в том, что в каждом дискурсе данное слово используется в четырех «физических» словарных значениях и в «абстрактном» переносном значении. Различается частотность реализации того или иного значения в зависимости от типа дискурса. Новые формирующиеся значения закрепляются в отдельных дискурсах.

Выявлено, что слово *пространство*, сочетаясь с притяжательным местоимением, регулярно имеет при себе еще и атрибутивный распространитель: в газетном дискурсе – в 83 % контекстов, в сетевом дискурсе – в 57 % контекстов, в художественном дискурсе – в 41 % контекстов. Частотными в разных типах текста становятся прилагательные *воздушное, личное, жизненное, внутреннее*. Встречаются и окказиональные характеристики.

Приведена статистика употребления притяжательных местоимений в сочетании со словом *пространство*. Наибольшее распространение в трех исследуемых дискурсах получает местоимений *свой*, наименьшее – *твой* и *ваш*. Данные закономерности отражают общезыковые тенденции частотности использования притяжательных местоимений.

Как показывает анализ корпусного материала, для каждого из трех дискурсов характерна специфика использования слова *пространство* в сочетании с притяжательными местоимениями. Это свидетельствует о том, что экстралингвистические факторы влияют на восприятие пространства носителями русского языка. Наблюдаются также некоторые общие черты, демонстрирующие типичные для любой ситуации механизмы осмысления пространственных категорий.

Библиографический список

1. Гусева Л. А. Притяжательные местоимения в языке СМИ // Культура. Литература. Язык : материалы конференции «Чтения Ушинского» / ред. М. Ю. Егоров. Ярославль : ЯГПУ, 2016. С. 8–12.
2. Демидова Е. В. К вопросу о репрезентантах концепта «пространство» в профессионально-ориентированных англоязычных текстах для обучения дизайну // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. № 16. Пятигорск : ПГУ, 2023. С. 106–112.
3. Евгеньева А. П. Словарь русского языка. В 4-х т. РАН, Институт лингвистических исследований. Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (дата обращения: 24.05.2024).
4. Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. Москва : Языки русской культуры, 2000. С. 289–298.
5. Катермина В. В., Илмаз-Леденева Т. О. Языковая личность в дискурсе социальных сетей // Вестник ЧГПУ им. Я. И. Яковлева. № 3 (103). Чебоксары : ЧГПУ им. Я. И. Яковлева, 2019. С. 64–70.
6. Краснощёков Е. В. Возникновение и развитие категории посессивности. Чебоксары : Среда, 2019. 84 с.
7. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург : Норинт ; Москва : Рипол классик, 2008. URL: <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov> (дата обращения: 24.05.2024).
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
9. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) : РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва : Азбуковник, 2009. 1087 с.
10. Мякшева О. В. Пространственная семантика: реализация языковых ресурсов в разных сферах и средах общения. Саратов, 2008. 50 с.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.05.2024).
12. Немич Н. Н. Экспрессивность и оценочность газетного дискурса: понятийный аспект // Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2020. С. 132–137.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений : РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва : Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (дата обращения: 24.05.2024).
14. Падучева Е. В. Местоимение *свой* и его неприятельные значения // Категория притяжательности

в славянских и балканских языках / ред. В. В. Иванов, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. Москва : Наука, 1983. С. 78–80.

15. Рачёва А. А. Когнитивные процессы, обуславливающие функционирование дейктических единиц с пространственной семантикой в устном дискурсе // Когнитивные исследования языка. № 37. Тамбов : РАЛК, 2019. С. 1004–1009.

16. Сегал Н. А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство – направление – движение). Краснодар, 2019. 40 с.

17. Соколова О. И. Стилистические функции притяжательных и указательных местоименных прилагательных при одушевленных субстантивах // Бюллетень науки и практики / ред. Е. С. Овечкина. Т. 5. № 2. Нижневартовск : Наука и практика, 2019. С. 304–310.

18. Соловьева Н. В. Реализация категории оппозиции в фольклорном дискурсе : : на материале английского и русского языков. Мытищи, 2019. 46 с.

19. Стефановская Е. И. Понятие «дискурса» в современной лингвистике: элементы понятийного поля научной категории // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций БГУ / ред. С. В. Воробьева. Минск : БГУ, 2019. С. 82–88.

20. Топоров В. Н. К генезису категории притяжательности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках / ред. В. В. Иванов, Т. Н. Молошная, Т. Н. Николаева. Москва : Наука, 1983. С. 99–117.

21. Cienki A. J. Spatial cognition and the semantics of prepositions in english, polish, and russian // Slavistische Beiträge. Band 237. München : Verlag Otto Sanger, 1989. 172 p.

22. Clark E. V. Locational: existential, locative and possessive constructions // Universals of Human Language. Vol. 4 : Syntax : ed. by J. H. Greenberg. Stanford : Stanford University Press, 1978. P. 85–126.

23. Freeze R. Existentials and other locatives // Language. Vol. 68, № 3. Washington : Linguistic Society of America, 1992. P. 553–595.

24. Heine B. Possession: cognitive sources, forces, and grammaticalization // Cambridge Studies in Linguistics : Possession. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 245–263.

25. Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences // Foundations of Language. Vol. 3, № 4. New York : Springer, 1967. P. 390–396.

26. space (noun) – Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/space_1 (дата обращения: 29.05.2024).

27. Tham S. W. A conceptual (re)interpretation of the Possessor-as-Location hypothesis. 2009. URL: <https://www1.wellesley.edu/sites/default/files/assets/depar>

tments/eall/files/stham-possloc.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

Reference list

1. Guseva L. A. Pritjazhatel'nye mestoimenija v jazyke SMI = Possessive pronouns in media language // Kul'tura. Literatura. Jazyk : materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo» / red. M. Ju. Egorov. Jaroslavl' : JaGPU, 2016. S. 8–12.

2. Demidova E. V. K voprosu o reprezentantah koncepta «prostranstvo» v professional'no-orientirovannyh anglojazychnyh tekstah dlja obuchenija dizajnu = On the issue of the concept «space» representation in professionally-oriented English texts for teaching design // Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. № 16. Pjatigorsk : PGU, 2023. S. 106–112.

3. Evgen'eva A. P. Slovar' russkogo jazyka. V 4-h t. RAN, Institut lingvisticheskij issledovanij = Dictionary of the Russian language. In 4 vol. RAS, Institute of Linguistic Research. Moskva : Russkij jazyk ; Poligrafresursy, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (data obrashhenija: 24.05.2024).

4. Ermakova O. P. Prostranstvennye metafory v russkom jazyke = Space metaphors in the Russian language // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / red. N. D. Arutjunova, I. B. Levontina. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 289–298.

5. Katermina V. V., Ilmaz-Ledeneva T. O. Jazykovaja lichnost' v diskurse social'nyh setej = Linguistic personality in social networks discourse // Vestnik ChGPU im. Ja. I. Jakovleva. № 3 (103). Cheboksary : ChGPU im. Ja. I. Jakovleva, 2019. S. 64–70.

6. Krasnoshhokov E. V. Voznikovenie i razvitie kategorii possessivnosti = The origin and evolution of the category of possessiveness. Cheboksary : Sreda, 2019. 84 s.

7. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Big explanatory dictionary of the Russian language. Sankt-Peterburg : Norint ; Moskva : Ripol klassik, 2008. URL: <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov> (data obrashhenija: 24.05.2024).

8. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhijh mirov. Che-lovek – tekst – semiosfera – istorija = Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.

9. Ljashevskaja O. N., Sharov S. A. Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka) : RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova = Frequency dictionary of the modern Russian language (based on the Russian National Corpus materials) : RAS. V.V. Vinogradov Russian Language Institute. Moskva : Azbukovnik, 2009. 1087 s.

10. Mjaksheva O. V. Prostranstvennaja semantika: realizacija jazykovyh resursov v raznyh sferah i sredah obshhenija = Spatial semantics: the realization of linguistic resources in different spheres and areas of communication. Saratov, 2008. 50 s.

11. Nacional'nyj korpus ruskogo jazyka = Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 21.05.2024).
12. Nemich N. N. Jekspressivnost' i ocenochnost' gazetnogo diskursa: ponjatijnyj aspekt = Expressiveness and assessment in newspaper discourse: conceptual aspect // Semantika. Funkcionirovanie. Tekst : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Kirov : Raduga-PRESS, 2020. S. 132–137.
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' ruskogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij : RAN. Institut ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova = Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions : RAS. V.V. Vinogradov Russian Language Institute. Moskva : Azbukovnik, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (data obrashhenija: 24.05.2024).
14. Paducheva E. V. Mestoimenie svoj i ego nepritjazhatel'nye znachenija = The pronoun svoj (own) and its non-possessive meanings // Kategorija pritzhatel'nosti v slavjanskih i balkanskih jazykah / red. V. V. Ivanov, T. N. Moloshnaja, T. M. Nikolaeva. Moskva : Nauka, 1983. S. 78–80.
15. Rachjova A. A. Kognitivnye processy, obuslovlivajushhie funkcionirovanie dejkticheskikh edinic s prostranstvennoj semantikoj v ustnom diskurse = Cognitive processes behind the functioning of deictic units with spatial semantics in oral discourse // Kognitivnye issledovanija jazyka. № 37. Tambov : RALK, 2019. S. 1004–1009.
16. Segal N. A. Kategorizacija mira v jazyke politiki (na materiale kognitivnyh dominant prostranstvo – napravlenie – dvizhenie) = Categorizing the world in the language of politics (space - direction - movement cognitive dominants). Krasnodar, 2019. 40 s.
17. Sokolova O. I. Stilisticheskie funkcionii pritzhatel'nyh i ukazatel'nyh mestoimennyh prilagatel'nyh pri odushevlennyh substantivah = Stylistic functions of possessive and indicative pronominal adjectives with animate substantives // B'ulleten' nauki i praktiki / red. E. S. Ovechkina. T. 5. № 2. Nizhnevartovsk : Nauka i praktika, 2019. S. 304–310.
18. Solov'eva N. V. Realizacija kategorii oppozicii v fol'klornom diskurse : na materiale anglijskogo i ruskogo jazykov = Realizing the category of opposition in folklore discourse in English and Russian. Mytishhi, 2019. 46 s.
19. Stefanovskaja E. I. Ponjatije «diskurs» v sovremennoj lingvistike: jelementy ponjatijnogo polja nauchnoj kategorii = The concept of «discourse» in modern linguistics: conceptual field elements of the scientific category // Jazykovaja lichnost' i jeffektivnaja kommunikacija v sovremenom polikul'turnom mire : materialy V Mezhdunarodnoj fakul'teta sociokul'turnyh kommunikacij BGU / red. S. V. Vorob'eva. Minsk : BGU, 2019. S. 82–88.
20. Toporov V. N. K genezisu kategorii pritzhatel'nosti = To the possessive category genesis // Kategorija pritzhatel'nosti v slavjanskih i balkanskih jazykah / red. V. V. Ivanov, T. N. Moloshnaja, T. N. Nikolaeva. Moskva : Nauka, 1983. S. 99–117.
21. Cienki A J. Spatial cognition and the semantics of prepositions in english, polish, and russian // Slavistische Beiträge. Band 237. München : Verlag Otto Sanger, 1989. 172 r.
22. Clark E. V. Locationals: existential, locative and possessive constructions // Universals of Human Language. Vol. 4 : Syntax : ed. by J. H. Greenberg. Stanford : Stanford University Press, 1978. P. 85–126.
23. Freeze R. Existentials and other locatives // Language. Vol. 68, № 3. Washington : Linguistic Society of America, 1992. P. 553–595.
24. Heine B. Possession: cognitive sources, forces, and grammaticalization // Cambridge Studies in Linguistics : Possession. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 245–263.
25. Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences // Foundations of Language. Vol. 3, № 4. New York :Springer, 1967. P. 390–396.
26. space (noun) – Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/space_1 (data obrashhenija: 29.05.2024).
27. Tham S. W. A conceptual (re)interpretation of the Possessor-as-Location hypothesis. 2009. URL: <https://www1.wellesley.edu/sites/default/files/assets/departments/eall/files/stham-possloc.pdf> (data obrashhenija: 01.06.2024).

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 21.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-80
EDN: MJEZSQ

Формирование граней концепта «женский труд» в публицистике Н. С. Лескова

Алина Павловна Баженова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
antipovaalina100190@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2628-2862>

Аннотация. В статье выполнен анализ концепта ЖЕНСКИЙ ТРУД и его контекстного окружения на материалах ранней публицистики Н. С. Лескова. Приводятся примеры из статей писателя, посвящённых «женскому вопросу», который входит в круг актуальных проблем середины XIX века. Концепт ЖЕНСКИЙ ТРУД рассматривается в рамках «женского вопроса» как комплекса социально значимых проблем, связанных с положением женщин в обществе, их освобождением и предоставлением равных прав с мужчинами. Методом контекстуального и семантического анализа в текстах Н. С. Лескова-публициста выявляются ключевые понятия, формирующие ядерный слой и информационное содержание концепта, а также уникальные компоненты его значения, формируемые интерпретационной частью. Основными вербализаторами концептуального значения в текстах публициста, по данным проведённого анализа, становятся девербативы, проявляющие грани концепта ЖЕНСКИЙ ТРУД в ментально-лингвальном комплексе Н. С. Лескова. Девербативы, обнаруживающие разную степень актуализации глагольного признака в связи с его «дефокусированием», становятся эффективными стилистическими средствами, манифестирующими интенцию автора. В исследовании также отмечается, что стилистически нейтральная лексика в текстах писателя приобретает экспрессивность и оценочность, что позволяет выявить и охарактеризовать авторскую позицию в отношении концепта и определить доминирующую коннотацию. Данные исследования согласуются с выводами учёных-лесковедов о взгляде писателя на роль и место женщины в современном публицисту обществе. Делается вывод, что Н. С. Лесков занимал решительную позицию в вопросе предоставления женщинам трудовых возможностей, настаивая на практическом применении женского труда.

Ключевые слова: концептосфера; концепт труд; девербативы; ментально-лингвальный комплекс; женский вопрос; женский труд; публицистика XIX века; идиостиль Лескова

Для цитирования: Баженова А. П. Формирование граней концепта «женский труд» в публицистике Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 80–86. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-80>. <https://elibrary.ru/MJEZSQ>

Original article

Formation of the concept «women's labor» in N. S. Leskov's journalism

Alina P. Bazhenova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of foreign languages, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24.
antipovaalina100190@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2628-2862>

Abstract. The article analyzes the concept of WOMEN'S LABOR and its contextual environment in N. S. Leskov's early journalism. Examples are given from the writer's articles devoted to the «women's issue», which is among the topical problems of the mid XIX century. The concept WOMEN'S LABOR is considered within the framework of the «women's issue» as a set of socially significant problems related to the social status of women, their liberation and giving them equal rights with men. The method of contextual and semantic analysis in N.S. Leskov's texts reveals the key concepts that form the nuclear layer and information content of the concept, as well as the unique components of its meaning formed by the interpretations. According to the analysis, the main verbalizers of conceptual meaning in the texts are deverbatives, which forms the concept WOMEN'S LABOUR in N. S. Leskov's mental-linguistic complex. Deverbatives, showing a different degree of actualizing the verb sign due to its «defocusing», become effective stylistic means manifesting the author's intention. The study also notes that stylistically neutral vocabulary in the writer's texts

becomes expressive and evaluative, which makes it possible to identify and characterize the author's position in relation to the concept and to determine the dominant connotation. The data of the study are in agreement with the conclusions of Leskov researchers about the writer's opinion on the role and place of women in the XIX century. The author concludes that N. S. Leskov was resolute in the issue of providing women with labor opportunities, and insisted on the practical use of women's labor.

Key words: concept sphere; concept labour; deverbatives; mental-linguistic complex; women's issue; women's labour; journalism in the XIX century; Leskov's idiosyncrasy

For citation: Bazhenova A. P. Formation of the concept «women's labor» in N. S. Leskov's journalism. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):80–86. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-80>. <https://elibrary.ru/MJEZSQ>

Введение

В российском обществе второй половины XIX века «женский вопрос» становится актуальной темой: сословный, правовой, социальный, профессиональный статусы женщины широко обсуждаются в печати. Дискуссии о роли и месте женщины в обществе вызывают изменения в языке и мировоззрении его носителей, позволяют формировать новые ассоциативные связи, расширяя когнитивные признаки концепта *женщина* в русском языковом сознании.

Н. С. Лесков в своем творчестве продолжил философско-диалектический концепт А. Н. Островского. Эмансипация женщин и их равноправие с мужчинами во всех сферах общественно-политической жизни – логичное продолжение тех решений, которые принимало правительство в конце 50-х–начале 60-х годов XIX века. К сожалению, решение этой проблемы было отложено и реализовано большевиками после революции 1917 года весьма специфическим образом.

Россия к концу 50-х годов XIX века находилась на перепутье. Ключевым являлся вопрос освобождения крестьян от крепостного рабства, и его отмена проходила в сложнейших политических условиях. Кроме того, все последующие за отменой Крепостного права реформы в первую очередь были ориентированы на мужское население и их права: земля выделялась на мужчин, земства формировались из мужчин. Женское образование существенно отличалось от мужского во всех аспектах. Даже после великих реформ оставался вопрос о роли женщины в русском обществе и перспективах ее личностного развития.

В общественно-политической жизни Российской империи роль женщины традиционно вслед за «Православием. Самодержавием. Народностью» сводилась к триаде «Церковь-кухня-дети», но к середине XIX века просвещение и проникновение западноевропейских идей поставило вопрос ребром. Сословный строй постепенно изживал себя, и чувство собственного достоинства подтал-

кивало женщин самых разных социальных страт к борьбе за свои права.

Тема борьбы женщин за свои права и личное достоинство становится сквозной в русской литературе XIX века. Начатая Н. М. Карамзиным, она продолжена А. Н. Островским, подхвачена Н. С. Лесковым и доведена до логического завершения Л. Н. Толстым: «Крейцера соната» и «Анна Каренина» доводят трагедию женского бесправия до апогея.

Н. С. Лесков в своих публицистических произведениях продолжил задавать российскому обществу вопросы, которые стали наиболее актуальными после крестьянской проблемы. Писатель пишет много статей на тему «женского вопроса», что отмечают исследователи его творчества: учёные анализируют оценочную и прагматическую семантику номинативных единиц, относящихся к «женскому вопросу» [Головачёва, 2009], выявляют аппозитивные словосочетания, именующие лиц женского пола [Алёшина, 2022a], рассматривают взгляды Н. С. Лескова на роль женщины в семье и обществе [Алёшина, 2016] и разбирают яркие разноплановые женские образы, созданные писателем [Алёшина, 2022b].

Н. С. Лесков в своих статьях не раз возвращается к вопросу о женской трудовой деятельности, отмечая необходимость развития достойных условий женского труда. Рассуждая о необходимости женского образования и получения женщинами практических профессиональных навыков, публицист в своих ранних статьях занимает позицию социолога и сравнивает европейскую, американскую и российскую точки зрения на этот вопрос. Образование, по мнению Н. С. Лескова, может облагородить человека, дать ему пищу для размышлений и излечить общество от многих болезней [Girfanova, 2015; Sperrle, 2002].

Интерес к творчеству русского писателя проявляется не только у отечественных лесковедов, но и у зарубежных исследователей. Прежде всего это связано с восприятием имени Н. С. Лескова как «антропонимического концепта в составе сле-

дующих компонентов, обуславливающих его содержание: 'русский писатель, классическая литература XIX века, реализм, реалистичность, глубокое проникновение в национальный характер и строй жизни разных слоев русского общества, русская культура, традиции, известность, мастерство, новаторство в генрике, поиски необычных форм повествования, ценность'» [Леденёва, 2023, с. 241].

Для западных читателей Лесков не входит в число известных русских авторов XIX века. Западные исследователи творчества писателя отмечают, что его неоднозначная литературная репутация страдала как по идеологическим, так и по литературным причинам [McLean, 1977]. Лесков придерживался позиции религиозного консерватизма, ему была не близка позиция революционных решений проблем в России, в отличие от многих его современников. Честные, моралистические, не лишённые здравого смысла, весьма «английские» взгляды (работа с мужем тетки, англичанином Шкоттом, оказала большое влияние на становление Лескова-писателя) шли вразрез как с «левыми», так и с «правыми» идеями русского общества XIX века. Его убеждения, которые он пронёс через всю свою жизнь, были предметом нападок и обвинений со стороны радикалов и критиков. Отношение к Лескову как к автору западные учёные сравнивают с литературной репутацией Редьярда Киплинга, который также страдал от нападок критиков на его творчество и политические идеи.

За пределами России на репутацию Лескова также оказывали влияние невероятные сложности, связанные с переводом его творчества. Широкий стилистический диапазон, в котором работал писатель, ставил серьёзную задачу в передаче тех эффектов, которых он достигал, на другой язык.

Таким образом, особенности идиостиля и идиолекта писателя являются источниками понимания и осмысления языковых, культурных, социальных, политических феноменов жизни русского общества середины XIX века в контексте тенденций мирового общественного развития.

Основная часть

В нашем исследовании мы проанализируем номинативное и ассоциативное поле концепта ТРУД с когнитивным признаком ЖЕНСКИЙ в публицистическом дискурсе Н. С. Лескова на примере раннего творчества писателя (1960-е гг). Изучение вербализаторов концептуального со-

держания позволит охарактеризовать общее понятийно-образное поле концепта и выявить его уникальные признаки, связанные с ролью и местом женщины в обществе, в текстах публициста.

Предмет исследования – адекватная актуализация концепта ТРУД. Методом исследования послужил контекстуальный и семантический анализ.

Концептуальная система представляет собой фундамент языковой картины мира. Концепты, являясь составными частями концептуальной системы, объективируются при помощи слов или сочетаний слов, в которых проявляются фрагменты языковой картины мира. В современной лингвистике концепт является объектом всестороннего изучения, однако учёные предлагают различные толкования его структуры (см. Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, В. В. Колесов, В. А. Маслова, М. В. Пименова, В. Н. Телия и др.) [Абильдинова, 2021]. З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают трехкомпонентную структуру концепта: базовый слой (ядро, образ), информационное содержание, интерпретационное поле [Попова, 2001]. Эта структура будет использоваться в нашем исследовании.

Концепт ТРУД как один из ключевых концептов национальной концептосферы русского языка является объемным и многокомпонентным, что отражается в толкованиях слова, приведённых в словарных статьях: «1. Работа, занятие, упражнение, дело; все, что требует усилий, старания и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все, что утомляет. 2. Последствие работы, старания, напряженья, сделанная вещь» [Толковый словарь живаго великорусского языка, 2014]. «1. Целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения. 2. Занятия, заботы» [Толковый словарь Ушакова, 2014]. «1. Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей. 2. Работа, занятие. 3. Усилие, направленное к достижению чего-н 4. Результат деятельности, работы, произведение» [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, 2014].

В словарных дефинициях актуализируются основные грани концепта ТРУД (*работа, занятие, напряжение, усилия, старание, целесообразная деятельность*), составляющие его информационное содержание. В русском языковом сознании концепт ТРУД понимается как полезная деятельность человека, направленная на созидание, создание как материальных, так и духовных ценно-

стей. Концепт ТРУД реализует своё значение в широком спектре ассоциативных связей и контекстов (физический, свободный, рабский, тяжёлый, умственный, творческий, домашний, крестьянский, научный, полезный и т. д.). Валентина Васильевна Леденёва в своей монографии, посвященной творчеству Н. С. Лескова, отмечает, что за словом *труд* в ментально-лингвальном комплексе автора как языковой личности устойчиво закреплены «положительно-оценочные семантические компоненты, опирающиеся на представление о результативном труде в русской языковой картине мира как о деле благородном, возвышающем человека в собственных и чужих глазах» [Леденёва, 2015, с. 152].

Адъектив *женский* имеет значение 'такой, как у женщины, характерный для женщины' [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, 2014]; «1. соотн. с сущ. женщина, связанный с ним. 2. Свойственный женщине, характерный для неё. 3. Характерный для особой женского пола. 4. Предназначенный для женщин, девушек, девочек. 5. Состоящий из женщин, девушек, девочек» [Толковый словарь Ефремовой, 2014].

В словарных статьях актуализирована сема 'принадлежности', которая входит в интерпретационную часть концепта **ЖЕНСКИЙ ТРУД**. Исследователи идиолекта Н. С. Лескова отмечают высокий стилистический потенциал имён прилагательных в публицистике писателя. Наиболее частотными в употреблении являются относительные прилагательные, выступающие в информативной функции, называющие профессиональную и рабочую принадлежность лиц [Мельникова, 2023].

Активное применение женского труда в XIX веке связано с развитием промышленности. Однако ситуация с условиями, в которых приходилось работать женщинам, была неудовлетворительной. Трудящиеся женщины страдали от различных «рабочих заболеваний», допускались угнетение работниц и эксплуатация труда, условия работы были крайне жесткими. Необходимость работать была зачастую вынужденной: женщинам нужно было содержать семью, поэтому им приходилось осваивать новые профессиональные роли. Таким образом, не только идеи женской эмансипации, но и финансовая необеспеченность становятся движущей силой «женского вопроса».

В статье «О женском отделении нашей типографии» (1863 г.) Лесков описывает возможность устройства женщин на достойную работу как экономически выгодное для государства предприя-

тие. Публицист предлагает улучшения в условиях работы и оплаты труда для женщин, упоминая, что «бесчисленное множество образованных женщин не может добиться ничтожного средства к существованию» [Лесков, 1998а, с. 764]: «Теперь дело уже действительно не в том, чтобы по-прежнему все еще говорить об „устройстве женского труда“, а в том, чтобы его „устроить“, и устроить его поскорее» [Лесков, 1998а, с. 763]. Эмфатический эффект, достигаемый повторением однокоренных слов (*устройство, устроить*), способствует экспликации авторской интенции и реализации воздействующей функции текста. «Мы выбрали для нашего опыта типографское дело потому, что это для журналистов и издателей едва ли не самый удобный путь к практическому приложению *женского труда*» [Лесков, 1998, с. 763]. Дериват-существительное *приложение* со значением процессуальности используется как средство выражения уплотнённой информации и в контексте с относительным прилагательным *практическое* расширяет смысловой объём концепта **ЖЕНСКИЙ ТРУД**.

Статья «Несколько слов ответа домашнему летописцу „Русского слова“ по поводу типографских наборщиц» (1863 г.) является ответом на ряд „нападков как на применение *женского труда* к типографскому искусству“. „Русское слово“ выбрало именно этот вопрос для своего нападка на нас, так как этим оно доставляет нам возможность, в одно время с личными объяснениями, сказать и несколько слов о *женском труде* в его применении к типографскому делу» [Лесков, 1998а, с. 775]. «Что же касается типографшиков, то мы встретили между ними гораздо большую готовность к применению в их заведениях *женского труда*, нежели мы могли предполагать» [Лесков, 1998а, с. 776]. «<...> вместо того, чтобы разглагольствовать <...> о достоинстве и равноправии женщин и о *женском труде* вообще, мы решились испытать практическое применение этого труда» [Лесков, 1998а, с. 775]. «<...> всем, следящим за различными применениями *женского труда*» [Лесков, 1998а, с. 776]. «<...> объявить себя изобретателями применения *женского труда* к типографскому делу?» [Лесков, 1998а, с. 776]. «<...> это все-таки не доказывало бы еще ничего против применения *женского труда* к типографскому искусству» [Лесков, 1998а, с. 778]. «<...> мы обещаем нашим читателям возвратиться на днях к одинаково интересному и важному вопросу о практическом применении *женского труда* к типографскому искусству» [Лесков, 1998а, с. 779].

Как показывают примеры, девербатив *применение* является наиболее частотным контекстным партнёром концепта **ЖЕНСКИЙ ТРУД**. Заключённая в существительном семантика действия создаёт у читателя устойчивый образ за счёт формирования ассоциативных связей на подсознательном уровне (ср. *приложение*). Вместе с контекстными партнёрами *интересный и важный вопрос* концепт **ЖЕНСКИЙ ТРУД** получает положительную оценку в ментально-лингвальном комплексе Н. С. Лескова, проявляя новые оттенки значения на уровне интерпретационного поля.

Публицист активно отстаивает идеи скорейшего устройства женского труда в типографиях, доказывая актуальность вопроса и рассматривая дальнейшие трудовые перспективы женщин в связи со стремительным технологическим развитием общества: «Между тем как мы открываем свои типографии для *женского труда*, Америка изобретает наборные машины, которые должны заменить человеческие руки. <...> *женский труд* должен будет искать новых исходов» [Лесков, 1998а, с. 778].

«Статья вторая и последняя» («Специалисты по женской части», 1867) продолжает размышления публициста о роли женщины в общественной жизни: «Что же касается до *женского труда*, то мы сказали уже, что мы нимало не враждебно смотрели на *женский труд*» [Лесков, 1998б, с. 615]. «Эти <...> нигилистки <...> старались прокричать, что мы враги женского освобождения, женского воспитания и *женского труда*» [Лесков, 1998б, с. 617].

Однородные члены предложения *женское освобождение, женское воспитание, женский труд* обладают высоким экспрессивно-стилистическим потенциалом: повторение адъектива *женский* создаёт особый эмоциональный фон, усиливая воздействующий эффект текста; формант *-(е)ние* (*воспитание, освобождение*) передаёт значение отвлечённого процессуального признака (ср. *приложение; применение*). Таким образом, именно отглагольные существительные, девербативы, становятся характерными компонентами композиционно-речевой структуры публицистического текста Лескова, формируя грани концепта **ЖЕНСКИЙ ТРУД**.

Слово – это совокупность словоформ с определённым грамматическим значением. В ходе коммуникации реализуется одна из форм слова, наиболее подходящая для решения поставленной в данной ситуации коммуникативной задачи.

Словоформы, представляющие речь, осуществляют когнитивную и коммуникативную функции. Когнитивная функция заключается в объективации и представлении содержания символа через слова (лексику) и языковые формы, проявляемые в дискурсе. Коммуникативная функция заключается в том, что языковой знак функционирует как форма дискурса.

Девербатив рассматривается учёными как особая форма глагольного слова, представляющая его частеречную семантику в непредикативной позиции. Особая форма глагола – результат его взаимодействия с другими частями речи в тексте и дискурсе.

Девербатив синтаксически соотносится с атрибутами глагольности, при этом лексический компонент предметности отсутствует (ср.: *устройство труда, приложение труда, применение труда*). Следовательно, функциональным полем девербативов становится текст, определённая коммуникативно-речевая ситуация. Существительное, обозначающее действие, безусловно, сохраняет семантическую связь с глаголом, реализуя значение процессуальности.

Семантика существительных конкретна, постоянна и устойчива, она привязана к реальности, в то время как глаголу свойственна семантическая недостаточность.

В текстах Лескова-публициста семантико-синтаксическое функционирование девербатива позволяет отглагольному существительному стать транслятором информации, передающей комплексные явления, события и ситуации (ср. *вопрос о применении женского труда, практическое приложение женского труда, враги женского освобождения*).

Проанализировав девербативы с суф. *-ни(е)/-ени(е)/-ани(е)* в публицистике Лескова, можно сделать вывод о том, что отглагольные существительные данного типа являются самыми частотными в представленных примерах. Это подтверждает их статус одного из самых продуктивных словообразовательных типов. Представленные имена действия характеризуются чистым транспозиционным процессуальным значением.

Важно отметить, что в стилистике девербативы являются эффективным стилистическим средством: одни и те же отглагольные существительные могут проявлять разные коннотации в зависимости от стиля и авторской интенции.

Окказионализмы, признаковые слова в идиолекте Лескова [Головачёва, 2018], также встречаются в публикациях писателя о женском труде. В

статье «С.-Петербург. 24 марта» (1869) автор рассуждает о профессиональных возможностях для женщин, используя окказионализм *продавальщицы*, являющийся ярким речевым микрообразом художественной партитуры писателя: «Коснувшись *женского труда*, находим уместным добавить, что наконец и в Гостином дворе <...> появились женщины продавальщицы»; «<...> торговля за прилавком, да еще особенно торговля женскими вещами, есть *труд* преимущественно *женский*» [Лесков, 1999, с. 587]. Феминитив *продавальщицы* становится ярким стилистическим средством, проявляющим многогранную языковую личность автора и подчёркивающим идею о применении женского труда в торговле.

Проведённый анализ показал, что **ЖЕНСКИЙ ТРУД** как особый феномен является значимым концептом в концептосфере публициста, получившим индивидуально-авторское осмысление в контексте социальных условий жизни середины XIX века. Развитие типографского дела и торговли значительно расширили возможности женщин к участию в жизни общества, достойному заработку и независимости. Наиболее частотные контекстные партнёры концепта **ЖЕНСКИЙ ТРУД** – отглагольные существительные, для которых свойственны номинативность и отвлечённость – *устройство, приложение, применение* с актуализированной семой ‘процесс’, ‘действие’.

Заключение

Соблюдение человеческого права в вопросах просвещения женщины и обеспечения возможности ее развития и финансовой независимости способствует эволюции социальных процессов, духовному развитию общества. Справедливость подобной трактовки исторически подтверждена появлением женщин в образовании, медицине, благотворительной деятельности, науке, искусстве [Феномен и концепт..., 2023]. **ЖЕНСКИЙ ТРУД** как социально значимое активное действие становится естественной необходимостью для русского общества XIX века.

Анализ публицистического дискурса позволяет убедиться в том, что Н. С. Лесков занимает решительную позицию по вопросу о роли женщины в современном ему обществе, стремится продвинуть вопрос применения **ЖЕНСКОГО ТРУДА** как достойного труда. Как писатель-реалист и как публицист-аналитик писатель старается гуманистически разобраться в сути вопроса. Для демонстрации объективности позиции Н. С. Лесков в текстах использует преимущественно нейтраль-

ную в стилистическом отношении лексику, которая тем не менее приобретает экспрессивность, эмоциональность и оценочность в отношении концепта **ЖЕНСКИЙ ТРУД**, ведь слово – это ядерная единица творческого арсенала писателя.

Библиографический список

1. Абильдинова Ж. Б. Концепт как лингвокогнитивное понятие / Ж. Б. Абильдинова, Б. Н. Карпец // Молодой ученый. 2021. № 12 (354). С. 272–276.
2. Алёшина Л. В. Вопрос о роли женщины в семье и обществе в письмах Н. С. Лескова // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72). 2016. С. 115–120.
3. Алёшина Л. В. Сложно-дефисные номинации лиц женского пола в идиостиле Н. С. Лескова // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (97). 2022а. С. 96–102.
4. Алёшина Л. В. Женские образы в путевых очерках Н. С. Лескова // Ученые записки Орловского государственного университета. № 2 (95). 2022б. С. 57–62.
5. Головачёва О. А. О языке и стиле произведений Н. С. Лескова, посвященных «женскому вопросу» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. № 2. 2009. С. 3–11.
6. Головачёва О. А. Окказионализмы – признаковые слова в идиолекте Н. С. Лескова: монография. Москва: ИНФРА-М, 2018. 129 с.
7. Леденёва В. В. Слово Лескова: монография. Москва: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
8. Леденёва В. В. Концепт <Лесков> в рефлексии китайских исследователей / В. В. Леденёва, Ю. Цзян // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. 2023. С. 237–244.
9. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 2. Произведения, 1862–1863. Москва: ТЕРРА, 1998а. 992 с.
10. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. Произведения, 1865–1867. Москва: ТЕРРА, 1998б. 832 с.
11. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 6. Произведения, 1866–1869. Москва: ТЕРРА, 1999. 816 с.
12. Мельникова А. А. Стилистический потенциал прилагательных в публицистике Н. С. Лескова // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы XII Национальной научно-практической конференции. Брянск, 2023. С. 91–96.
13. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
14. Толковый словарь живаго великорусского языка // Толковый словарь Даля онлайн: сайт. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 31.01.2024).
15. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова // Толковый словарь Ожегова онлайн: сайт. URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 31.01.2024).
16. Толковый словарь Ушакова // Толковый словарь Ушакова онлайн: сайт. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 31.01.2024).

17. Толковый словарь Ефремовой // Gufo.me: сайт. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 31.01.2024).
18. Феномен и концепт ЭМАНСИПАЦИЯ / А. П. Баженова, Т. П. Ковина, В. В. Леденёва, Э. Я. Фесенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14, № 1. 2023. С. 36–52.
19. Girfanova K. Reception of N.S. Leskov's Religious and Philosophical Worldview in English-speaking Critic / K. Girfanova, H. I. Cheremisina, G. Bobrova // XV International Conference «Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations». Tomsk, 2015. P. 410–415.
20. McLean H. Nikolai Leskov: the man and his art. Cambridge, Mass. and London : Harvard University Press. 1977. 780 p.
21. Sperrle I. C. The organic worldview of Nikolai Leskov. Evanston : Northwestern University Press. 2002. 288 p.
- Reference list**
1. Abil'dinova Zh. B. Koncept kak lingvokognitivnoe ponjatie = Concept as a linguistic-cognitive notion / Zh. B. Abil'dinova, B. N. Karpec // Molodoy uchenyj. 2021. № 12 (354). S. 272–276.
2. Aljoshina L. V. Vopros o roli zhenshhiny v sem'e i obshhestve v pis'mah N. S. Leskova = The issue of the woman's role in family and society in N.S. Leskov's letters // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3 (72). 2016. C. 115–120.
3. Aljoshina L. V. Slozhno-defisnye nominacii lic zhenskogo pola v idiostile N. S. Leskova = Complex hyphenated nominations of female persons in N. S. Leskov's idiostyle // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. №4 (97). 2022a. C. 96–102.
4. Aljoshina L. V. Zhenskie obrazy v putevyh ocherkah N. S. Leskova = Female characters in N.S. Leskov's travel essays // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2 (95). 2022b. C. 57–62.
5. Golovachjova O. A. O jazyke i stile proizvedenij N. S. Leskova, posvjashennyh «zhenskomu voprosu» = On language and style of Leskov's works devoted to “women's question” // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. № 2. 2009. S. 3–11.
6. Golovachjova O. A. Okkazionalizmy – priznakovyje slova v idiolekte N. S. Leskova = Occasional words as sign words in N. S. Leskov's idiolect. : monografija. Moskva : INFRA-M, 2018. 129 s.
7. Ledenjova V. V. Slovo Leskova = Leskov's word : monografija. Moskva : IJU MGOU, 2015. 260 s.
8. Ledenjova V. V. Koncept <Leskov> v refleksii kitajskih issledovatelej = Concept <Leskov> in Chinese researchers' reflection / V. V. Ledenjova, Ju. Czjan // Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovanija jazykovej kartiny mira. 2023. S. 237–244.
9. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij. V 30 t. T 2. Proizvedenija, 1862–1863 = Complete collection of works. In 30 vol. Vol. 2. Works, 1862-1863. Moskva : TERRA, 1998a. 992 s.
10. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij. V 30 t. T. 5. Proizvedenija, 1865–1867 = Complete collection of works. In 30 vol. Vol. 5. Works, 1865-1867. Moskva : TERRA, 1998b. 832 s.
11. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij. v 30 t. T. 6. Proizvedenija, 1866–1869 = Complete collection of works. In 30 vol. Vol. 6. Works, 1866-1869. Moskva : TERRA, 1999. 816 s.
12. Mel'nikova A. A. Stilisticheskij potencial prilagatel'nyh v publicistike N. S. Leskova = Stylistic potential of adjectives in N. S. Leskov's journalism // Aktual'nye problemy sovremennoj gumanitarnoj nauki. Materialy XII Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Brjansk, 2023. S. 91–96.
13. Popova Z. D. Oчерки po kognitivnoj lingvistike = Essays on cognitive linguistics : monografija / Z. D. Popova, I. A. Sternin. Voronezh : Istoki, 2001. 191 s.
14. Tolkovyj slovar' zhivago velikorusskogo jazyka = Explanatory dictionary of the living Russian language // Tolkovyj slovar' Dalja onlajn: sajt. URL: <http://slovardalja.net/> (data obrashhenija: 31.01.2024).
15. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka S. I. Ozhegova = Explanatory dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov // Tolkovyj slovar' Ozhegova onlajn: sajt. URL: <http://www.ozhegov.org/> (data obrashhenija: 31.01.2024).
16. Tolkovyj slovar' Ushakova = Ushakov explanatory dictionary // Tolkovyj slovar' Ushakova onlajn: sajt. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (data obrashhenija: 31.01.2024).
17. Tolkovyj slovar' Efremovoj = Efremova explanatory dictionary // Gufo.me: sajt. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (data obrashhenija: 31.01.2024).
18. Fenomen i koncept JeMANSIPACIJA = The phenomenon and concept of EMANCIPATION / A. P. Bazhenova, T. P. Kovina, V. V. Ledenjova, Je. Ja. Fesenko // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. T. 14, № 1. 2023. S. 36–52.
19. Girfanova K. Reception of N.S. Leskov's Religious and Philosophical Worldview in English-speaking Critic / K. Girfanova, H. I. Cheremisina, G. Bobrova // XV International Conference «Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations». Tomsk, 2015. R. 410–415.
20. McLean H. Nikolai Leskov: the man and his art. Cambridge, Mass. and London : Harvard University Press. 1977. 780 p.
21. Sperrle I. C. The organic worldview of Nikolai Leskov. Evanston : Northwestern University Press. 2002. 288 p.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 18.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-87
EDN: MJIGCO

Когнитивно-семиотический аспект глагольной лексики тактильной перцепции в якутском языке

Раиса Петровна Иванова

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Политехнический институт (филиал), Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. 678170, Республика Саха (Якутия), г. Мирный, ул. Тихонова, д. 5/1
raissal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы, выражающие тактильную перцепцию в якутском языке. Тактильное восприятие мира как самая первая и одна из основных форм познания человеком окружающего мира во всех языках имеет свои способы репрезентации. В настоящей статье исследуется якутская языковая картина мира, как в ней представлена глагольная лексика тактильной перцепции, какими когнитивно-семиотическими особенностями она обладает.

При помощи изучения словарных дефиниций Большого толкового словаря якутского языка и переводного онлайн-словаря sakhayula.ru описывается глагольная лексика, осуществляется её когнитивно-семиотическое моделирование при помощи контекстуального метода. Выводятся не только значения глаголов, но и их семиотические функции и культурные коды.

Лексико-семантическая группа глаголов тактильной перцепции представлена глаголами *таарый* ‘прикасаться, притрагиваться к кому-чему-л.’; *тыыт* ‘трогать, дотрагиваться, касаться кого-чего-л., прикасаться к кому-чему-л.’; *бигээ* ‘осозать, ощущать’, ‘распознавать что-л. на ощупь, вслепую’; *дабай* ‘дотрагиваться до кого-чего-л., прикасаться к кому-чему-л., коснуться’; *туппалаа*, *туппахтаа* ‘щупать руками’. Значения этих глаголов отличаются степенью активности субъекта, контролируемости, спонтанности, направленности действия. Все они употребляются в переносных смыслах и выражают различные сферы жизнедеятельности человека.

Глагольная лексика тактильной перцепции в якутском языке характеризуется динамичностью семантики и используется для обозначения тактильного восприятия / действия, в переносных смыслах – эмоциональной и интеллектуальной сферы, суеверий, запретов, культурных ценностей. Посредством тактильной лексики якутская языковая картина мира обозначает сложные психические процессы, включая чувства и эмоции, интеллектуальную деятельность, взаимоотношения между людьми, традиционный уклад жизни. Она отличается большей степенью иносказательности, так как в северной культуре не принято открыто выражать свои внутренние переживания, чувства и эмоции в связи с тем, что тактильные образы наиболее понятны и близки для этой культуры, лексика осязания активно используется для их метафорического выражения.

Ключевые слова: тактильное восприятие; осязание; познание; семиотика; эмоции; метафора; субъект перцепции; семантика; якутский язык

Для цитирования: Иванова Р. П. Когнитивно-семиотический аспект глагольной лексики тактильной перцепции в якутском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 87–98. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-87>. <https://elibrary.ru/MJIGCO>

Original article

Cognitive-semiotic aspect of the tactile perception verb lexicon in the yakut language

Raisa P. Ivanova

Candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of english philology, Polytechnic institute (branch), M. K. Ammosov North-Eastern federal university. 678170 Republic of Sakha (Yakutia), Mirny, Tikhonov st., 5/1
raissal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>

Abstract. The article examines yakut verbs expressing tactile perception. Tactile perception of the world being the first and one of the basic forms of human cognition has its own ways of representation in all languages. This article examines the Sakha linguistic worldview, how the verbs of tactile perception are represented in it, and what cognitive and semiotic features they possess.

The verb lexicon is described by studying the dictionary definitions of the Big yakut language explanatory dictionary and the online translation dictionary sakhatyla.ru, and its cognitive-semiotic modeling is done with the help of the contextual method. Not only the meanings of verbs, but also their semiotic functions and cultural codes are inferred. The lexical-semantic group of tactile perception verbs is represented by the verbs таарый 'to touch, to touch slightly someone or something'; тыыт 'to touch, reach out, feel someone or something'; бигээ 'to touch, feel', 'to recognize something by touch, without seeing'; даҕай 'to touch, feel'; туппалаа, туппахтаа 'to feel with one's hands'. The meanings of these verbs are different in the degree of the subject's activity, controllability, spontaneity, and action vector. They all are used in figurative senses and reflect various spheres of human activity.

The verbs of tactile perception in the yakut language are characterized by dynamic semantics and are used to denote tactile perception/action and in figurative senses – emotional and intellectual sphere, superstitions, prohibitions, cultural values. Through tactile vocabulary, the sakha linguistic worldview denotes complex mentality including feelings and emotions, intellectual activity, people's relations, and traditional way of life. It is characterized by a high degree of allegory, as in the northern culture it is not accepted to openly express their inner experiences, feelings and emotions, due to the fact that tactile images are the most understandable and close to this culture, the lexicon of touch is actively used for their metaphorical expression.

Key words: tactile perception; touch; cognition; semiotics; emotions; metaphor; subject of perception; semantics; Sakha (yakut) language

For citation: Ivanova R. P. Cognitive-semiotic aspect of the tactile perception verb lexicon in the yakut language. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):87–98. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-87>. <https://elibrary.ru/MJIGCO>

Введение

Осязание или тактильное восприятие мира – первая и одна из основных форм познания человеком окружающей среды. По мнению М. Эпштейна, «осязание и соприкосновение являются решающими факторами, определяющими строение нашего мира» [Эпштейн, 2006, с. 19]. В трактате «О душе» Аристотель утверждал, что именно развитость осязания ставит человека над всеми другими видами и обеспечивает ему превосходство в разуме [Аристотель, 2022].

Тактильное восприятие – способность чувствовать и воспринимать информацию через кожу и другие рецепторы на теле. Оно позволяет нам ощущать различные текстуры, формы, температуру, давление и другие физические свойства предметов и поверхностей, с которыми мы контактируем. Тактильное восприятие играет важную роль в нашей повседневной жизни, помогая нам ориентироваться в пространстве, взаимодействовать с окружающим миром, определять безопасность и комфортность среды.

Лексика тактильной перцепции не раз становилась объектом научных изысканий, в работах последних лет, например, взаимосвязь тактильного восприятия с эмоциональной сферой человека устанавливалась на материале русского языка [Борейко, 2008], семантическая модель тактильного восприятия рассматривалась в контексте

идиостилия [Крюкова, 2011], с точки зрения словообразовательного потенциала тактильные глаголы якутского языка изучались Е. П. Копыриной [Копырина, 2015], с позиции степени активности субъекта исследовалась в восточнославянских языках [Садыкова, 2016], лексика и сценарии тактильного восприятия изучались в аспекте создания тезауруса на материале русского языка [Варламов, 2019], семантическое поле лексики тактильного восприятия рассматривалось в рекламном дискурсе на материале английского языка [Диль, 2021], на материале немецкого языка разбиралась когнитивная модель глагола осязания tasten [Новикова, 2022], и др. В настоящей работе предлагается рассмотреть когнитивно-семиотические особенности глаголов тактильной перцепции на материале одного из тюркских языков – якутского. Якутский язык – язык якутов (самоназвание – народ Саха), проживающих на Северо-восточной части России, в республике Саха (Якутия).

Методы исследования

Посредством анализа словарных дефиниций Большого толкового словаря якутского языка и переводного онлайн словаря sakhatyla.ru описывается глагольная лексика, осуществляется её когнитивно-семиотическое моделирование при помощи контекстуального метода. Выводятся не только значения глаголов, но и их семиотические

функции и культурные коды. О когнитивно-семиотическом подходе к изучению перцептивной лексики см. наши предыдущие работы [Иванова, 2022, 2023].

Результаты исследования

Тактильная перцепция в культуре народа Саха имеет специфичные способы вербализации.

По данным Большого толкового словаря якутского языка (БТСЯЯ) тактильное восприятие выражается глаголами *таарый* ‘прикасаться, при-трагиваться к кому-чему-л.’; *тыыт* ‘трогать, до-трагиваться, касаться кого-чего-л., прикасаться к кому-чему-л.’; *бигээ* ‘осязать, ощущать’ (sakhatyla.ru), ‘распознавать что-л. на ощупь, вслепую’; *дабай* ‘дотрагиваться до кого-чего-л., прикасаться к кому-чему-л., коснуться’; *туппа-лаа*, ‘щупать руками’.

Глагол таарый

Анализ толковых и переводных словарей позволил нам выделить базовую лексему, номинирующую тактильное восприятие наиболее точно в якутском языке – *таарый*, так как она, по данным БТСЯЯ, обладает интегральным признаком ‘прикасаться’. Он выражает ненаправленный, неконтролируемый, кратковременный процесс тактильного восприятия. Согласно статье Е. П. Копыриной, Н. Н. Васильевой, именно он является словом-идентификатором лексико-семантической группы прикосновения [Копырина, 2015]. Обратимся к дефинициям в БТСЯЯ:

ТААРЫЙ (10 том, 84 85 страница).

1. Кими, тугу эрэ кыратык хамсат, дабайан ыл (букв. кого-то, что-то немного задень, дотронься). Прикасаться, притрагиваться к кому-чему-л.

Как видно из дефиниции, *таарый* определяется через *дабай*, так как они оба выражают неконтролируемый, произвольный акт тактильного восприятия.

Обратимся к примерам из того же словаря:

Оһоҕостоох дьахтар булт тэрилин таарыйыа да, атыллыа да суохтаах (Болот Боотур, БТСЯЯ, 10 том, 84 страница). (Беременная женщина не должна дотрагиваться или перешагивать через охотничьи снасти).

В якутской культуре беременная женщина считается связанной с иным миром, так как в ней зарождается жизнь, поэтому, если она нечаянно дотронется какой-либо охотничьей снасти или перешагнет её, то удача покинет её хозяйина.

Отрицательная форма причастия *таарыйыа суохтаах* ‘не должна притрагиваться’ с частицей *да* ‘ни’ описывают суеверие, сохранившееся с древних времен и выражают табу, связанное с произвольным тактильным действием. Данная форма причастия, по мнению Г. Г. Филиппова, появилась в период самостоятельного развития якутского языка и соответствует общетюркскому типу образования причастий [Филиппов, 2011].

«*Кими таарыйдабын аайы дьыгиннээн түһэн, адыс дикарка буолан эрэбин быһыылаах*», – *диэн кыыс бэйэтин сэмэлэнэ санаабыта* (Н. Лугинов, БТСЯЯ, 10 том, 84 страница). («Как только кто-нибудь дотронется, я сразу вздрагиваю, совсем в дикарку превратилась», – ругала себя девушка).

Речь идет о произвольном тактильном восприятии, так как описывается реакция девушки на тактильный стимул, которая неконтролируема (она даже ругает себя за это). Если обратить внимание на семиотику высказывания, данная реакция девушки указывает на то, что она стала дистанцироваться от общества (в дикарку превратилась) и стесняться людей. У нее появились трудности в социальном взаимодействии, об этом свидетельствует её интерпретация собственной реакции на тактильный стимул. В этой связи хотелось бы упомянуть идею о том, что осозательное восприятие может быть опосредовано субъективными ощущениями и находит отражение в экспрессивной окраске лексем, формирующейся за счет оценочного и эмоционального компонентов значения [Бубырева, 2011]. В культуре народа Саха прикосновение носит интимный характер – в социальном общении не принято касаться или притрагиваться к малознакомым людям.

«*Холбос*» [тэрилтэ аата] *киһитэ өттүгэр баар бэстилиэтин тарбахтарын төбөтүнэн таарыйан аһарда* (И. Никифоров, БТСЯЯ, 10 том, 84 страница). (Человек из «Холбоса» (название предприятия) кончиками пальцев дотронулся до висающего на бедре пистолета).

В приведенной ситуации глагол *таарый*, на первый взгляд, выражает произвольный акт тактильного восприятия, о чем свидетельствует форма причастия с послелогом *аас*, выражающий кратковременное, произвольное действие. Однако, если обратить внимание на ситуацию с семиотической точки зрения, данное действие служит знаком того, что будет применено оружие. Таким образом, тактильная лексика здесь

реализует когнитивно-семиотическую функцию предупреждения.

Рассмотрим второе значение *таарый*, зафиксированное в БТСЯЯ:

2. Атын соруктаах ханна эрэ ааһан иһэн сырыт, сылдыан аас (букв. с другой целью куда-то идя посети, зайди). Заехать, заглянуть мимоходом по пути куда-либо.

Это значение является переносным и обозначает спонтанное, случайное, непроизвольное действие, не напрямую относящееся к тактильному восприятию, но, метафорически основанное на нём. Человек, шедший по другим делам, заглядывает мимоходом куда-либо, без какого-либо планирования, спонтанно, только что так решив. В основе этого метафорического переноса лежит спонтанность и случайность прикосновения.

Мунньахха баран иһэн, бу обо тахсыбыт сурабын истэн, көрөөрү таарыйдым (А. Софронов, БТСЯЯ, 10 том, 85 страница). (По дороге на собрание, узнав, что ребенок выписался, я заглянул (букв. прикоснулся) к ним, чтобы его увидеть).

Интересно отметить, что если в якутском языке данное значение реализуется через тактильный предикат, то в русском языке – через зрительный (заглянуть). Как видно из примера, таарый в данной языковой ситуации означает спонтанное действие. Компонент спонтанности присутствует и в прямом значении *таарый* – прикасаться. Однако компонент непроизвольности опускается, так как действие хоть и спонтанное, но с волевым усилием (решил). Человек, который шел на собрание, узнав, что ребенок выписался из больницы, поменяв свои планы, решил заглянуть к нему.

Кытыл үрдүгэр ханнык эмэ томтор, үрдүк сир баар буоллар, кырса ону таарыйбакка ааспат (Н. Якутской, БТСЯЯ, 10 том, 84 страница). (Если только есть какой-нибудь пригорок, высокая местность на берегу, песец обязательно туда заглянет (букв. дотронется)).

Хищный зверёк в поисках добычи рыщет по пригоркам, так как там могут находиться мелкие животные. Если вдруг он приметит какую-либо возвышенность, он обязательно там проведет обыск. Здесь присутствует компонент спонтанности действия, кроме этого, пригорки для песца служат знаками-индексами, указывающими на возможное присутствие в них какой-либо живности. Поэтому исключить целенаправленность действия невозможно.

Третье значение *таарый* по БТСЯЯ:

3. Туох эмэ туһунан кэпсиир, сангарар түгэннэ сыһыаран атыны эт, ахтан аһар (букв. о чем-то рассказывая, говоря в этот момент что-то другое, скажи, вспомни). При разговоре коснуться кого-либо мимоходом, кстати.

В этом значении *таарый* относится к концептуальной сфере устной коммуникации, при которой говорящий спонтанно перескакивает с одной темы на другую, мимоходом упоминает что-то:

Сүөһү иттиитин таарыйдахха, тыа хаһаайыстыбатын бу ордук хаалыылаах салаатыгар кэнники сылларга боччумнаах сыбарыйылар табыстылар (БТСЯЯ, 10 том, 85 страница). (Что касается скотоводства, то в этом отсталом направлении сельского хозяйства в последние годы произошли положительные изменения).

При переводе на русский мы сохранили тактильную метафору *таарыйдахха* (если коснуться) – что касается. Другими словами, в русском языке тактильный предикат также может использоваться в значении ‘упоминуть мимоходом’, ‘кстати’. О способности тактильной лексики к различного рода метафорическим переносам обсуждается в ряде работ по лингвистике [Цзоянь Лю, 2019; Астапкина, 2023; Юрина, 2023].

Четвертое значение глагола *таарый* по БТСЯЯ относится к выражению эмоциональной сферы человека:

4. көсп. киһи дууһатын тыгытар, санаатын долгутар гына санар, эт (букв. человеческую душу трогая, мысли волнуя говори, скажи). перен. взволновать, задеть кого-либо за живое словами, упрёками.

Таарый в данном значении определяется через *тыгыт*, выражая в своем переносном значении эмоциональную сферу человека. Рассмотрим пример:

Катя уһуннук бодоруһан, эрин ханнык уйан миэстэтин таарыйан хамсатарын [тылын иһитиннэрэрин, үлэлэтэрин] билэр (Далан, БТСЯЯ, 10 том, 85 страница). (В результате долгой совместной жизни Катя знает, как задеть чувства мужа, чтобы он начал действовать [начал слушаться, начал работать]).

Глагол *таарый* в форме причастия в данном контексте выражает манипулятивное действие женщины, которая за долгую совместную жизнь прекрасно изучила слабые места своего мужа и знает, как заставить его что-то сделать, вызывая в нем определенные эмоции, задевая его чувства.

Айдар Быстахов тыллара барыларын таарыйда, сорох сөбүлээн, сорох утаран күйгүөрэ түстүлэр (Н. Лугинов, БТСЯЯ, 10 том, 85 страница). (Слова Айдара Быстахова взволновали всех, кому понравилось, кто возразил – все зашумели).

Слова способны вызвать сильные эмоции у людей. *Таарый* выражает здесь процесс каузации эмоций (необязательно положительных). В отличие от русского глагола ‘тронуть’ в фигуральном значении, в котором присутствует сема жалости и сочувствия, в якутском языке тактильный предикат таарый может относиться к любым эмоциям: отрицательным и положительным. Основным компонентом значения здесь является каузация эмоций. Сдвиг в значении эксплицируется множественным объектом тактильного восприятия (барыларын – всех), так как, во-первых, слова не могут в буквально смысле кого-либо трогать; во-вторых, всех одновременно тактильно осязать невозможно. Следовательно, *таарый* здесь теряет сему собственно тактильного восприятия и относится к выражению каузации эмоций.

Балагыай сэмэлээһинэ кинини эмиз улаханнык таарыйбыта (Д. Таас, БТСЯЯ, 10 том, 85 страница). (Упреки Пелагеи его тоже сильно задела).

Каузаторм эмоций здесь явились упреки. *Таарый* здесь реализует валентность на личностный объект, но он не множественный. При выявлении значения, таким образом, следует обращать внимание на каузатора – если он не предметный, например, это слова или упреки, следовательно, имеет место быть сдвиг в значении в сторону эмоциональной сферы человека.

Таким образом, таарый обладает широкими возможностями вербализации тактильного действия и не только: он может выражать также эмоциональную и ментальную сферы человека, имеет семы неконтролируемости, кратковременности, спонтанности, каузативности.

Глагол *тыыт*

Следующим глаголом, приближенным к ядру, является *тыыт*, так как он обладает нейтральным значением и относится к разговорному стилю, он широко используется в различных типах дискурса.

В БТСЯЯ приводятся четыре дефиниции с пометой о принадлежности к разговорному стилю:

ТЫЫТ (11 том, 438 439 страница).

1. Кими, тугу эмэ таарый, дабай, тут, таарыйан, дабайан тутан көр. Трогать, дотрагиваться, касаться кого-чего-л., прикасаться к кому-чему-л.

Первая дефиниция глагола *тыыт* выдает сразу нескольких членов ЛСГ глаголов тактильного восприятия – *таарый* ‘прикасаться’, *дабай* ‘осязать’, *тут* ‘держат что-либо в руках’, следовательно, обладает широким и нейтральным значением и может выражать как касание, так и осязание.

Обратимся к примерам из БТСЯЯ:

Мантан бэттэх Маайыс билбэтин мээне тыыппат буолбут (Суорун Омоллоон, БТСЯЯ, 11 том, 438 страница). (С тех пор Майя без надобности не трогает незнакомые вещи).

Объектом тактильного восприятия в приведенной ситуации является материальная сущность, семантика глагола реализована в значении направленного контролируемого процесса тактильного действия. Отрицательная форма глагола *тыыт* в приведенной ситуации выражает осторожность, связанную с предыдущим опытом.

В следующем примере из поэтического дискурса наблюдается сдвиг в значении глагола:

Этэллэрэ: «Тыытыман букатын Көтөр кынаттаах уйатын» (Баал Хабырыыс, БТСЯЯ, 11 том, 438 страница). (Говорили нам: «Нельзя трогать Гнёзда пернатых»).

В толковании глагола *тыыт* в онлайн-словаре <https://sakhatyla.ru/> имеется помета, что этот глагол обычно употребляется в отрицательной форме и отрицательных оборотах: тыытыма! не трогай! В контекстной ситуации значение глагола *тыыт* усложняется и приобретает смысл ‘разрушать’, ‘терebить’, ‘беспокоить’ (гнездо птиц).

В целом, глагол *тыыт*, благодаря широте своего значения, в контекстах способен развивать совершенные разные смыслы, особо не относящиеся собственно к тактильности:

Чаччыгыныардар ол эмэгэттэртэн куттанан, аны отону тыыппат буолбуттара (И. Федосеев, БТСЯЯ, 11 том, 438 страница). (Дрозды, опасаясь тех истуканов, перестали трогать ягоды).

В контекстной ситуации, глагол *тыыт* развивает смысл ‘есть’, ‘клевать’, ‘употреблять в пищу’. Этот сдвиг в значении обеспечивается посредством объекта – ягод, которые, как следует из контекста, дрозды употребляют в пищу.

Второе, зафиксированное в БТСЯЯ значение, является переносным:

2. кэпс. Кими, тугу эмэ аймаа, сүпсүгүрт. Разг. Беспокоить, тревожить кого-л.

[Кымырдабастарга:] Чэ, үлэһиттэр, кытаатын, эйэлээх куораккытын тутунун, аны мин эһигини тыытыам суоҕа (Суорун Омоллоон, БТСЯЯ, том 11, 439 страница). ([Муравьям:] Ну что же, работяги, давайте, стройте свой мирный городок, я вас больше не побеспокою (букв. не буду трогать)).

Тыыт в отрицательной форме будущего реализует в приведенном выше примере модальное значение и номинирует обещание.

Өлбүттэри тыытыман, түөһүмэн, Сүгүн сытыарын, кэбиһин! (Баал Хабырыыс, БТСЯЯ, том 11, 439 страница). (Не трогайте умерших, не тревожьте, Дайте им спокойно полежать, умоляю!)

В поэтическом дискурсе контекстная ситуация позволяет раскрыть глаголу *тыыт* в отрицательной императивной форме смысл – ‘не говорите плохо, не ворошите прошлые грехи умерших’, выполняя функцию сложного знака. В якутской культуре, как и во многих других, не принято говорить плохо об усопших.

«Олорорум иһин төлөбүрү ылабыт, атыныгар миһигин мэхэйдээмэн, букатын тыытыман», – диэбиттиһи тимир-тамыр туттара («Чолбон», БТСЯЯ, том 11, 439 страница). («За то что живу у вас, берёте плату, в остальном, не мешайте мне, вообще не трогайте» – как будто бы говоря, смотрел железным взглядом.

Здесь *тыыт* в отрицательной форме императива употреблено в переносном смысле и обозначает ‘не лезьте в мои дела, не контролируйте мою жизнь’, выражая негативное эмоциональное состояние человека, его раздражение и неприязнь.

Третье значение по БТСЯЯ относится к социальным взаимоотношениям:

3. кэпс. Кими эмэ күүс өтүгүнэн күөмчүлээ. разг. Применять грубую силу в отношении кого-л.

«Бэрин, тыытыахпыт суоҕа!» – дии-дии Полянскэй чугаһаан тиийбитигэр, бандьыт уонча хаамыттан охторбута (Амма Аччыгыйа, БТСЯЯ, 11 том, 438 страница). («Сдавайся, мы не тронем тебя!» – сказал Полянский и приблизился к бандиту, но тот уложил его выстрелом с расстояния десять шагов).

Это значение *тыыт* соответствует русскому глаголу *трогать*, где он также имеет переносное значение ‘применять физическую силу, бить’. Оно в основном используется в отрицательном форме:

Бу күһүн эн сынныман диэн бирикээстэбитин иһин, төрүт тыытпакка аҕаллыбыт (Эрилик Эристин, БТСЯЯ, 11 том,

438 страница). (Этой осенью ты же приказал не бить его, поэтому мы привезли его, даже пальцем не притронувшись).

Глагол *тыыт* в форме деепричастия в отрицательной форме *тыытпакка* в предложении употреблено в переносном смысле: выполняя приказ главного, исполнители не применяли грубой физической силы в отношении задержанного. Употребление с этим глаголом наречия *төрүт* ‘совсем, вообще’ усиливает эмоциональную окраску и показывает, что им это стоило больших усилий.

Сир үрдүгэр өрүү суобаһын үрдүктүк тутар күүстээх харамайга барытыгар сокуон биһир: сытан биэрбитти тыытпааттар (В. Титов, БТСЯЯ, 11 том, 439 страница). (На земле для существ с чистой совестью закон един: нельзя бить (букв. трогать) лежачего).

В приведенной ситуации *тыыт* так же употреблено в значении физического насилия, и снова в отрицательной форме, в третьем лице множественного числа, так как высказывание имеет обобщённый смысл и относится ко всем живым существам вообще.

Четвертое значение *тыыт* в БТСЯЯ относится к выражению эмоций и чувств:

4. көсп. Долгут, аймаа, күүрт. перенос. Задевать, трогать, волновать.

Это значение совпадает как с русским ‘трогать’, так и английским touch, в которых глагол тактильной перцепции развивает аналогичное значение, относящееся к эмоциональной сфере.

Михаил Сергеевич кэпсээнэ Айта санаатын тыыттаҕа (Далан, БТСЯЯ, там же). Рассказ Михаила Сергеевича тронул сердце Айты (букв. тронул мысли Айты).

При переводе на русский мы применили адаптацию, так как локализация эмоций в русской языковой картине мира находится в сердце. В якутской языковой картине мира эмоции могут локализовываться как в сердце, так и в голове, мыслях. Также можно предположить, что объектом здесь является абстрактное понятие – мысли, потому что рассказ, возможно, заставил девушку задуматься, кроме того, что вызвал у неё эмоции. Форма глагола *тыыттаҕа* имеет модальную окраску и выражает неуверенное знание (возможно, тронул).

Кэрэ муусука киһи сүрэхин тыытар, уйадытар, ардыгар көтөбөр, өрүкүтэр даҕаны! (Н. Габышев, БТСЯЯ, 11 том, 439 страница). (Прекрасная музыка трогает сердце, заставляет грустить, а иногда, радоваться и вдохновляться).

Здесь локализация эмоций в русском и якутском языке совпадает, поэтому объектом выступает слово *сүрэх* ‘сердце’ в притяжательной форме, единственном числе, третьем лице *сүрээбин*. Следующий за *тыытар* (наст. время, ед. число, 3 лицо) ряд однородных глаголов, относящихся к эмоциональной сфере, демонстрирует, что и *тыыт* в данном контексте выражает эмоциональное состояние человека.

Сурук миигин сүрдээбин тыыптыта (П. Аввакумов, БТСЯЯ, 11 том, 439 страница). (Письмо глубоко тронуло меня).

Валентность на объект в данном предложении не реализована, а она могла бы показать, к какой сфере относится в контекстуальной ситуации смысл глагола *тыыт*, однако, персонифицированный предметный субъект *сурук* ‘письмо’ и наречие с усилением *сүрдээбин* ‘сильно, очень’ (мы перевели как глубоко) позволяет выявить переносное значение, относящееся к эмоциям.

Таким образом, *тыыт*, как и многие другие перцептивные глаголы, обладает широким значением, выражающим не только восприятие, но и другие психические процессы, такие как чувства, мышление и эмоции.

Глагол *бигээ*

Следующим глаголом, выражающим тактильное восприятие в якутском языке, является глагол *бигээ*, обладающий семей ‘осязать’ по данным переводного онлайн-словаря *sakhatyly.ru*. В связи с чем, в первом приближении мы даже отнесли его к базовой лексеме, однако более подробное изучение его семантической структуры позволило отнести его если не к периферийной, то к приядерной зоне.

В БТСЯЯ (2 том, 286 страница), находим следующее толкование: *бигээ* – таһыттан көстүбэти илиин эбэтэр атабын иминэн туппахтаан эбэтэр үктэнэн көрөн бил (букв. снаружи невидное руками или ногами наощупь трогая или наступая попробуй узнать), распознать что-л. на ощупь, вслепую.

Судя по дефиниции, *бигээ* означает направленный, осознаваемый процесс тактильного восприятия, подразумевающий активное действие субъекта для получения тактильной информации, что уже позволяет нам убрать его из списка базовых единиц, так как при тактильном восприятии субъект должен быть инактивным.

Семантика глагола *бигээ* свидетельствует о том, что в якутском языке тактильный рецептор не ограничивается руками или ладонями. Существует ряд примеров, где осязующим органом являются ступни или пятки:

Кини Тогойкин суолун чэрин уллунабынан бигэээн, мүччү-халты үктэнэн хааман истэ (Амма Аччыгыя, БТСЯЯ, 2 том, 286 страница). (Он шел, кое-как, нащупывая ступнями отпечатки следов Тогойкина) (здесь и далее перевод автора статьи).

Процесс осязательного действия выражается глаголом *бигээ*, а рецептором, при помощи которого он осуществляется, являются ступни.

Атах иминэн бигэээн тууһу буллулар. (У. Нуолур, БТСЯЯ, 2 том, 286 страница). (Соль находят, нащупывая её ступнями).

В контекстной ситуации описывается процесс добычи соли, её ищут наощупь, ступая ногами.

Анализ языковой эмпирики показывает, что в якутском языке уточняется рецептор осязания, так как он может быть разнообразным. Например, осязание руками не является инвариантным, это доказывает обязательное указание Инструмента (рецептора – чем) процесса осязания, в том числе рук:

Онтон аны утуйар танас анныгар, карабин саа сытарың илиитинэн бигэээн көрдө. (Н. Заболоцкай, БТСЯЯ, 2 том, 286 страница). (А потом под постельным бельем он нащупал руками находящийся там карабин).

Валентность на Инструмент (рецептор), таким образом, является обязательной в семантической структуре предложения с глаголом *бигээ*.

Подробно «словообразовательное гнездо» данного глагола описано в работе Е. П. Копыриной, где она рассматривает производные от этого глагола в контексте словообразовательных моделей [Копырина, 2015].

Глагол *дабай*

Следующей лексической единицей, выражающей тактильное восприятие, является глагол *дабай* – касаться кого-чего-л., прикасаться к кому-чему-л., дотрагиваться до кого-чего-л.; соприкасаться с кем-чем-л..

В БТСЯЯ (3 том, стр. 79, 80) *дабай* имеет несколько толкований:

Кратковременный процесс осязания: 1. кими-тугу эмэ таарый, таарыйан ыл. дотрагиваться до кого-чего-л., прикасаться к кому-чему-л., коснуться.

[Сааша] дьуоһу илиитинэн дабайаат, төттөрү сулбу охсон ылар, күлэн сатарытар (БТСЯЯ, 3

том, стр. 79). ([Саша], дотронувшись до ежа рукой, быстро ее убирает, громко смеется).

Субъект тактильного восприятия (Саша) осуществляет направленное, контролируемое, кратковременное тактильное действие. Здесь *дабай* относится исключительно с тактильному действию. Однако в некоторых контекстах глагол развивает и другие значения.

Таня сөрүүн ытыһын Михаил Иванович сүүһүгэр дабайда (Н. Лугинов, БТСЯЯ, 79 страница). (Таня прикоснулась своей прохладной ладонью ко лбу Михаила Ивановича / Михаил Иванович приложил ко лбу прохладную ладонь Тани).

Синтаксическая структура предложения допускает двусмысленность: с одной стороны, Агенсом может быть Таня, которая осуществляет активный направленный процесс тактильного восприятия, чтобы проверить, допустим, наличие высокой температуры у Михаила Ивановича. С другой стороны, Агенсом может быть и Михаил Иванович, который использовал прохладную руку Маши для охлаждения своего лба. К сожалению, более широкий контекст не удалось восстановить, так как предложение взято из словаря БТСЯЯ. Но приведенная языковая ситуация демонстрирует, что лексема может употребляться как в значении ‘прикоснуться’, так и ‘приложить’. Исследователи А. А. Варламов и др. рассматривают ситуацию тактильного восприятия в двух проекциях: активное тактильное восприятие, когда человек прикасается к чему-либо, и пассивное, когда он испытывает прикосновения кого-либо или чего-либо [Варламов, 2019], об активности и пассивности субъекта тактильного восприятия упоминается также в работе Е. В. Новиковой и Н. Н. Евтуговой [Новикова, 2022, с. 69]. Глагол *дабай* способен выражать обе ситуации.

[Маша] сиргэ тайанан олорор-илиитинэн Александр харытын сып-сылааһынан дабайда (М. Дюбордуурап, БТСЯЯ, 3 том, 79 страница). ([Маша] коснулась руки (предплечья) Александра теплой-претеплой рукой, которой она опёрлась о землю).

В вышеприведенном примере значение тактильного восприятия уходит на второй план, а лексема *дабай* приобретает дополнительный смысл, относящийся к взаимоотношению между людьми, выражению эмоций. Прилагательное с усилением *сып-сылаас* (теплый-претеплый) придает эмоциональной окраски и наблюдается семантическое развитие глагола в сторону эмоций, например, может выражать зарождение теп-

лых, нежных чувств. Взаимосвязь тактильного восприятия с эмоциональной сферой человека отмечалась многими исследователями, в том числе Т. С. Борейко [Борейко, 2008].

Второе значение, зафиксированное в словаре, имеет пространственный параметр:

2. Тугу эмэ туохха эмэ чугаһат, сыһыары тут. Приближать, прикладывать что-л. к чему-л.

Глагол *дабай* может выражать очень близкое расстояние между двумя предметами, которые почти соприкасаются:

Дьэргэли халампааһы хараһар дабайан көрбүтэ (П. Филиппов, БТСЯЯ, 3 том, 79 страница). (Джержели (имя) посмотрел в бинокль, приложив его к глазу).

В следующем примере из художественного дискурса также описывается близкое расстояние между предметами, но глагол *дабай* здесь не выражает собственно тактильное действие, а указывает на эмоциональное состояние девушки – касание кончиком платка глаз – показывает её внутреннее состояние грусти и тоски:

Даайыс уйадыйбычча баанан олорор былаатын уһугун хараһар дабайан ылла (Н. Заболоцкай, БТСЯЯ, 3 том, 79 страница). Даша из-за подступающих слез коснулась кончиком платка глаз.

Тесная связь между разными видами восприятия проявляется в языковой синестезии [Симоненко, 2022; Борисова, 2023], при которой перцептивная лексика одного вида восприятия выражает другой вид. Обратимся к примеру:

Сиидэргэ, атаһын төбөтүнэн чөмөлдүүйэн тиийэн, тымныы сиигэ чалбарыйа турар аанна, күлгээһын дабайан иһиллээтэ. (А. Сыромятникова, БТСЯЯ, 3 том, 79 страница). (Сидорка на цыпочках подошел к холодной мокрой двери и, приложив ухо, прислушался).

Описанное в приведенной семиотической ситуации тактильное действие – приложить ухо к двери (букв. коснуться ухом двери), выражает слуховое восприятие – слушать, подслушивать. Выражение тактильных ощущений через лексику слухового восприятия описывалось, например, на материале японского [Hanada, 2023] и турецкого языков [Nalbantoğlu, 2024].

Глагол *дабай* также широко развивает переносные значения, зафиксированные в БТСЯЯ:

3. көсп. Ким эмэ интэриэһин таарый. перен. Затрагивать чьи-л. интересы, пройти по чьему-л. адресу.

[Кириштикэбэр] аан бастаан дириэктэри хаарыйыам, местком бэрэссэдээтэлин да дабайыам (Н. Габышев, БТСЯЯ, 3 том, 80 страница). ([В своей критике] я, прежде всего, упомяну директора, но и коснусь председателя месткома).

Дабай здесь выражает умственную деятельность, развивая значение ‘критиковать, выразить свое мнение’.

В БТСЯЯ зафиксировано также переносное значение ‘зажечь’, ‘поджечь’, судя по всему, это значение у глагола появилось по аналогии тому, как внезапно огонь загорается от прикосновения спички или другого источника огня:

4. Умат. Поджигать, зажигать (БТСЯЯ, 3 том, 80 страница).

Охоноос -- окко тугу эрэ ыһан баран, испиискэни дабайан кэбистэ (Амма Аччыгыһа, БТСЯЯ, 3 том, 80 страница). (Афанасий – что-то распылил на траву и поджег её (букв. коснулся спичкой)).

Из дословного перевода видно, что это значение основано на прикосновении спички с объектом поджога. Глагол дабай в форме деепричастия в сочетании с вспомогательным глаголом кэбис в форме только что прошедшего времени выражает законченность и внезапность действия.

Огдооччуйа эмээхсин испиискэтин уотун кыраһыын кутуллубут сиригэр дабайар (Н. Якутская, БТСЯЯ, 3 том, 80 страница). (Старушка Евдокия поджигает спичкой места, облитые керасином).

Дабай в форме третьего лица настоящего времени дабайар в предложении выше также реализует переносное значение, развитое от внутренней формы ‘касаться’, так как описывает ситуацию, в которой субъект касается зажженной спичкой облитой керасином поверхности, поджигая её.

Дабай, таким образом, относится к глаголам тактильной перцепции и может употребляться в конструкциях как с активным, так и пассивным субъектом. В переносных значениях обозначает чувства и эмоции, развивает синестетические метафоры осязание – слух. Обладает пространственными характеристиками, выражающими близкое расстояние.

Глагол туппалаа

Еще одним глаголом, выражающим тактильное восприятие, является глагол туппалаа – он был зафиксирован в переводном словаре

sakhatyla.ru. В БТСЯЯ словарная статья отсылает к глаголу туппабалаа, но его мы не находим, однако имеются примеры употребления туппалаа в БТСЯЯ (11 том, 151 страница). Туппалаа согласно sakhatyla.ru обладает значением ‘щупать руками’. В нем приводится пример:

Ыһаммыт таһаһы туппалаан көрдө. Перевод в словаре: Она пощупала развешанное бельё (чтобы проверить, высохло или нет).

Судя по словарной статье, он выражает целенаправленное тактильное действие, осуществляемое для изучения свойств предмета (высохло или нет).

Изучим примеры из БТСЯЯ:

Абамсыйбыт киһи ырбаахы бүтэй уол быччынҥын туппалаан көрдө (Софр. Данилов, БТСЯЯ, 11 том, 151 страница). (Пожилой человек через рубашку пощупал мышцы парня).

Здесь также туппалаа выражает направленное, контролируемое тактильное действие, нацеленное на изучение свойств тактильного объекта. Как отмечает И. В. Садыкова, глаголы тактильного восприятия выражают различные степени активности субъекта [Садыкова, 2016]. В семантике глагола туппалаа степень активности субъекта высока.

В некоторых случаях туппалаа может выражать не целенаправленное, а рутинное, повторяющееся действие в форме деепричастия в сочетании с глаголом состояния:

Ньирэй чочоруспут муостарын туппалыы олоordo (А. Фёдоров, БТСЯЯ, 11 том, 151 страница). (Он сидел, щупая молодые рога теленка).

В форме деепричастия в комбинации с глаголом состояния оlor «сидеть» у туппалаа теряется целенаправленность, появляется повторяемость, неосознанность, монотонность действия. В данной ситуации туппалаа больше выражает состояние задумчивости, ухода в мысли.

Еще один похожий пример из БТСЯЯ:

Офонньор саһата суох тарбахтарын ибигир-этэн, биинтэни туппалыы олоordo. И. Федосеев. Молча, старик сидел и щупал бинты дрожащими руками.

В контекстуальной ситуации глагол туппалаа может выражать состояние шока. В ней старик, в состоянии шока сидит и выполняет повторяющееся действие – щупает бинты дрожащими руками.

Дополнительно приведем пример из современной прозы, взятой из газеты Эдэр саас:

Булаат долгуйан, хараһыттан уу-хаар баһа-баһа, өссө да сылаас көтөрү туппалыы, имэрийэ, эбирдээх түүтүн көннөрө олоordo: «Рябушка, мин

эйигин билбэтим диш...» (Ксенофонов, 2024). У Булата от волнения потекли слезы, он сидел, щупая, глядя, поправляя рябые перья все еще теплой птицы: «Рябушка, прости, я тебя не узнал...».

Это отрывок из короткого рассказа, в нем повествуется о мальчике, который приручил рябчика и через некоторое время отпустил его на волю. Осенью на охоте он случайно пристреливает своего друга. Осознав, что это его рябчик, он в состоянии шока и недоумения сидит, поглаживая и щупая его. Таким образом, глагол тактильного восприятия *туппалаа*, также может выражать эмоциональное состояние человека в своем переносном значении.

Такой перенос из одной концептуальной сферы в другую, особенно из восприятия к эмоциям, является системным явлением и описывался многими учеными в области лингвистики [Борейко, 2008; Бубырева, 2011; Астапкина, 2023].

Заключение

Глаголы тактильной перцепции в якутском языке обладают некоторыми специфичными способами языковой концептуализации и категоризации.

Базовым среди них является глагол *таарый*, обладающий интегральной семой 'касаться' и обозначающий неконтролируемый, непроизвольный акт тактильного восприятия с инактивным субъектом. В контекстах он способен развивать семиотические смыслы, относящиеся к суевериям, предупреждению, спонтанным решениям, манипулятивным действиям и каузации эмоций.

Глагол *тыыт*, относящийся к приядерной зоне, способен выражать и касание, и осязание. Субъект тактильной перцепции поэтому может быть как активным, так и инактивным. Контексты с ним отличаются высоким семиотическим потенциалом и выражают осторожность, связанную с предыдущим опытом, обещание, традиции, различные эмоциональные состояния (раздражение, неприязнь), применение силы.

Бигээ относится к осязанию и обозначает направленный, контролируемый процесс тактильного действия. В конструкциях с ним степень активности субъекта высокая, а также обязательным является указание инструмента перцептивного действия, так как в якутском языке осязание относится не только к рукам и ладони, но и к другим частям тела, таким как ступни и пятки.

Даҕай близок по своему значению с *тыыт* и также употребляется для обозначения как касания, так и осязания. Субъект может быть, в зависимости от контекста, как активным, так и пас-

сивным. Развивает семиотические смыслы, относящиеся к эмоциональной сфере человека, выражающие близкое расстояние и реализует синестетические переносы в сторону слуховой перцепции.

Туппалаа выражает исключительно направленный процесс тактильной перцепции и используется в конструкциях с активным субъектом. На когнитивно-семиотическом уровне выражает ответственную деятельность и отрицательные эмоции.

Все глаголы тактильной перцепции в якутском языке способны выражать эмоциональную и интеллектуальную сферу и содержать культурные коды.

Библиографический список

1. Аристотель. О душе. Neoclassic. 2022. 416 с.
2. Астапкина Е. С. Прилагательные тактильного восприятия как источник метафоризации // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. 2023. № 2 (273). С. 66–72. doi: 10.52065/2520-6729-2023-273-2-10.
3. Борейко Т. С. Взаимосвязь тактильного восприятия с эмоциональной сферой человека // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 56–58.
4. Борисова И. В. Современные тенденции употребления синестетических конструкций в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах // Мир науки, культуры, образования. № 5 (102). 2023. С. 251–254. doi:10.24412/1991-5497-2023-5102-251-254
5. БТСЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3 (Буква И). С. 767–770.
6. Бубырева Ж. А. Когнитивные основы номинаций осязательного восприятия: на материале русского, французского, английского языков. Белгород, 2011. 23 с.
7. Варламов А. А., Иняшкин С. Г. и др. Лексика и сценарии тактильного восприятия в аспекте создания исследовательского тезауруса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языковедение. 2019. Т. 18. № 1. С. 47–61. doi: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.4
8. Диль А. В., Голикова И. А. Семантическое поле лексики тактильного восприятия в англоязычных рекламных текстах // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2021;(1). С. 38–42.
9. Иванова Р. П., Афанасьева Е. Н., Павлова Г. Г. Когнитивно-семиотический анализ лексики вкусового восприятия (на материале якутского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7-2. С. 127–129.
10. Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л. Когнитивно-семиотический анализ лексики зрительной перцепции

в якутском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (224). С. 45–51.

11. Копырина Е. П. Словообразовательное гнездо с вершиной бигээ ‘ощупывать, осязать’ в якутском языке // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2015. № 1 (91). С. 60–62.

12. Копырина Е. П., Васильева Н. Н. Словообразовательное гнездо с вершиной-полисемантом в якутском языке (на примере глагола таарый ‘прикасаться, прирагиваться’) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 97–100.

13. Крюкова Л. Б., Двизова А. В. Семантическая модель тактильного восприятия и ее реализация в поэзии Б. Пастернака // Вестник Томского государственного университета. № 352. 2011. С. 22–26.

14. Ксенофонтов М. «Мин эйигин билбэтим дии...» (Кэпсээн) [Я тебя не узнал...(рассказ)]. URL: <https://edersaas.ru/min-ejigin-bilbetim-dii-kepseen/> (дата обращения 15.04.2024).

15. Новикова Е. В., Евтугова Н. Н. Моделирование семантических структур тактильного восприятия на примере немецкого глагола tasten // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 5. 2022. С. 66–77. doi: 10.18384/2310-712X-2022-5-66-77

16. Садыкова И. В. Лексика тактильной перцепции в восточнославянских языках // Русин. № 3 (45). 2016. С. 49–67. doi:10.17223/18572685/45/5

17. Симоненко М. А. Языковая синестезия = метафора»: аксиома или лингвистическая гипотеза? // Этнопсихоллингвистика. № 3 (10). 2022. С. 76–89.

18. Филиппов Г. Г. Отношение якутских причастий -ар / -бат к причастиям -ар / -мае тюркских языков // Проблемы востоковедения. 2011. № 1 (51). С. 54–59.

19. Цзоянь Лю. Метафоризация лексических единиц с семантикой осязательного восприятия в русском и китайском языках // Отечественная филология. № 1. 2019. С. 26–40.

20. Эпштейн М. Н. Хаптика. Человек осязающий // Философия тела / Тульчинский Г.Л. Тело свободы. Санкт-Петербург : Алетей, 2006. С. 16–38.

21. Юрина Е. А., Шлотгауэр Е. А. Русская тактильная метафора в аспекте эмотивности (на материале лексико-фразеологического поля «гладить») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Том 22. № 1. 2023. С. 81–96.

22. Hanada Mitsuhiro. Tactile dimensions of fabrics expressed by Japanese onomatopoeic words and phonemic features related to fabric luxuriousness and pleasantness // Frontiers in Language Sciences. 2. 1075055. 2023. doi:10.3389/flang.2023.1075055.

23. Nalbantoğlu Hamza, Hazır Beyza, Dövençioğlu Dicle. Selectively manipulating softness perception of materials through sound symbolism. Frontiers in Psychology. 14. 1323873. 2024. doi:10.3389/fpsyg.2023.1323873.

24. Sakhatyala.ru. Якутский словарь онлайн. URL: <https://sakhatyala.ru/> (дата обращения: 05.04.2024).

Reference list

1. Aristotel'. O dushe = on the soul. Neoclassic. 2022. 416 s.

2. Astapkina E. S. Prilagatel'nye taktil'nogo vosprijatija kak istochnik metaforizacii = Tactile adjectives as a source of metaphorization // Trudy BGTU. Ser. 4, Print- i mediatehnologii. 2023. № 2 (273). S. 66–72. doi: 10.52065/2520-6729-2023-273-2-10.

3. Borejko T. S. Vzaimosvjaz' taktil'nogo vosprijatija s jemocional'noj sferoj cheloveka = Interrelation of tactile perception with human emotional sphere // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. Tambov : Gramota, 2008. № 2 (9): v 3-h ch. Ch. I. С. 56–58.

4. Borisova I. V. Sovremennye tendencii upotreblenija sinesteticheskikh konstrukcij v anglojazыchnoj i russkojazыchnoj lingvokul'turah = Modern trends in using synesthetic constructions in English- and Russian-speaking linguocultures // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. № 5 (102). 2023. S. 251–254. doi:10.24412/1991-5497-2023-5102-251-254

5. BTSJaJa – Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Big explanatory dictionary of the Yakut language = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta / Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanit. issled.; pod obshh. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) P. A. Slepčova. Novosibirsk : Nauka, 2004. T. 3 (Bukva I). S. 767–770.

6. Bubyreva Zh. A. Kognitivnye osnovy nominacij osjazatel'nogo vosprijatija: na materiale russkogo, francuzskogo, anglijskogo jazykov = Cognitive bases of tactile perception nominations: in the Russian, French, and English languages. Belgorod, 2011. 23 s.

7. Varlamov A. A., Injashkin S. G. i dr. Leksika i scenarii taktil'nogo vosprijatija v aspekte sozdanija issledovatel'skogo tezaurusa = Lexicon and tactile perception scenarios in terms of creating a research thesaurus // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie. 2019. T. 18. № 1. S. 47–61. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.4>

8. Dil' A. V., Golikova I. A. Semanticheskoe pole leksiki taktil'nogo vosprijatija v anglojazыchnyh reklamnyh tekstah = Semantic field of tactile perception lexicon in English advertising texts // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tehnologij upravlenija i jekonomiki. 2021;(1). S. 38–42.

9. Ivanova R. P., Afanas'eva E. N., Pavlova G. G. Kognitivno-semioticheskij analiz leksiki vkusovogo vosprijatija (na materiale jakutskogo jazyka) = Cognitive-semiotic analysis of the taste perception lexicon (based on the Yakut language) // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. 2023. № 7-2. S. 127–129.

10. Ivanova R. P., Verhoturova T. L. Kognitivno-semioticheskij analiz leksiki zritel'noj percepcii v jakutskom jazyke = Cognitive-semiotic analysis of the visual perception lexicon in the Yakut language // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 6 (224). S. 45–51.

11. Kopyrina E. P. Slovoobrazovatel'noe gnezdo s veršinoj bigjeje 'oshhupyvat', osjazat' v jakutskom jazyke = Word-formation cluster with the apex bigjeje 'to feel, touch' in the Yakut language // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. Tambov : Gramota, 2015. № 1 (91). С. 60–62.
12. Kopyrina E. P., Vasil'eva N. N. Slovoobrazovatel'noe gnezdo s veršinoj-polisemantom v jakutskom jazyke (na primere glagola taaryj 'prikasat'sja, pritragevat'sja') = Word-formation cluster with the apex-polysemant in the Yakut language (about the verb taaryj 'to feel, touch') // *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, 2015. № 8 (50): v 3-h ch. Ch. III. С. 97–100.
13. Krjukova L. B., Dvizova A. V. Semantičeskaja model' taktil'nogo vosprijatija i ee realizacija v poezii B. Pasternaka = Semantic model of tactile perception and its realization in B. Pasternak's poetry // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 352. 2011. S. 22–26.
14. Ksenofontov M. «Min jejigin bilbetim dii...» (Kjepsjejen) [Ja tebja ne uzna... (rasskaz)]. URL: <https://edersaas.ru/min-ejigin-bilbetim-dii-kepseen/> (data obrashhenija 15.04.2024).
15. Novikova E. V., Evtugova N. N. Modelirovanie semantičeskikh struktur taktil'nogo vosprijatija na primere nemeckogo glagola tasten = Modeling semantic structures of tactile perception on the example of the German verb tasten // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: Lingvistika. № 5. 2022. S. 66–77. doi: 10.18384/2310-712X-2022-5-66-77
16. Sadykova I. V. Leksika taktil'noj percepcii v vostočnoslavjanskih jazykah = Tactile perception lexicon in East Slavic languages // *Rusin*. № 3 (45). 2016. S. 49–67. doi:10.17223/18572685/45/5
17. Simonenko M. A. Jazykovaja sinesteziija = metafora»: aksioma ili lingvičeskaja gipoteza? = 'Linguistic synesthesia = metaphor': axiom or linguistic hypothesis? // *Jetnopsiholingvistika*. № 3 (10). 2022. S. 76–89.
18. Filippov G. G. Otnošenje jakutskih prichastij -ar / -bat k prichastijam -ar / -mae tjurkskih jazykov = Relation of Yakut participles -ar / -bat to participles -ar / -mae of Turkic languages // *Problemy vostokovedenija*. 2011. № 1 (51). S. 54–59.
19. Czojan' Lju. Metaforizacija leksičeskikh edinic s semantikoj osjazatel'nogo vosprijatija v ruskom i kitajskom jazykah = Metaphorization of lexical units with tactile perception semantics in the Russian and Chinese languages // *Otečestvennaja filologija*. № 1. 2019. S. 26–40.
20. Jepshtejn M. N. Haptika. Chelovek osjazajushhij = Haptics. The tactile man // *Filosofija tela / Tul'činskij GL. Telo svobody*. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2006. S. 16–38.
21. Jurina E. A., Shlotgaujer E. A. Russkaja taktil'naja metafora v aspekte jemotivnosti (na materiale leksiko-frazeologičeskogo polja «gladit'») = Russian tactile metaphor in terms of emotiveness (based on the lexical-phraseological field «to iron») // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija 2. Jazykoznanie. Tom 22. № 1. 2023. S. 81–96.
22. Hanada Mitsuhiko. Tactile dimensions of fabrics expressed by Japanese onomatopoeic words and phonemic features related to fabric luxuriousness and pleasantness // *Frontiers in Language Sciences*. 2. 1075055. 2023. doi:10.3389/flang.2023.1075055.
23. Nalbantoğlu Hamza, Hazır Beyza, Dövençioğlu Dicle. Selectively manipulating softness perception of materials through sound symbolism. *Frontiers in Psychology*. 14. 1323873. 2024. doi:10.3389/fpsyg.2023.1323873.
24. Sakhatyla.ru. Jakutskij slovar' onlajn. URL: <https://sakhatyla.ru/> (data obrashhenija: 05.04.2024).

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 25.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 81-139
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-99
EDN: NEDENN

Лингвоэвокационное исследование диалогичности и антидиалогичности в педагогической межперсонажной коммуникации: на материале современной российской художественной прозы

Элеонора Владимировна Малыгина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева. 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 8
krig.blits@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5893-2706>

Аннотация. В статье анализируется коммуникация между учителями и учениками в современной российской художественной прозе. Для этого применяется подход лингвоэвокационного учения, предложенного А. А. Чувакиным, а также современные методы изучения профессиональной коммуникации. Основная цель исследования заключается в выявлении языковых и неязыковых средств, которые используются в ситуациях знакомства учителя с учениками, объяснения нового материала и проведения личных бесед.

В статье уделяется особое внимание изучению принципов диалогичности и антидиалогичности в коммуникации между педагогами и учениками. Анализируется, как данные принципы воплощаются в текстах современной художественной прозы и какие модели межперсонажного взаимодействия формируются в процессе общения. Изучение этих особенностей имеет важное значение для филологического анализа проблемы коммуникации в педагогике.

Полученные результаты исследования могут применяться на практике в образовательных учреждениях с целью улучшения педагогической коммуникации и развития профессиональных навыков общения. Изучение различных языковых стратегий и техник, используемых авторами в художественных текстах, может помочь педагогам в совершенствовании своих коммуникативных навыков и повышении эффективности обучения.

Таким образом, данная статья является значимым вкладом в изучение проблемы педагогической коммуникации, анализирующим языковые и неязыковые средства, используемые во взаимодействии учителей и учеников в различных контекстах. Результаты и выводы исследования могут быть полезными для практического применения в образовательной сфере и помощи педагогам в развитии своих коммуникативных навыков с учениками. Исследование коммуникации между учителями и учениками является важным аспектом современной педагогики.

Ключевые слова: лингвоэвокационное исследование; диалогичность; антидиалогичность; современная российская проза; педагогическая межперсонажная коммуникация; методы изучения; проблемы коммуникации в педагогике; образовательная сфера

Для цитирования: Малыгина Э. В. Лингвоэвокационное исследование диалогичности и антидиалогичности в педагогической межперсонажной коммуникации: на материале современной российской художественной прозы // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 99–110. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-99>. <https://elibrary.ru/NEDENN>

Original article

Linguo-evocative study of dialogicity and anti-dialogueism in pedagogical interpersonal communication: based on the material of modern russian fiction

Eleonora V. Malygina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, Military logistics academy named after army general A. V. Khrulev. 199034, St. Petersburg, Makarov emb, 8
krig.blits@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5893-2706>

Abstract. The article analyses communication between teachers and students in contemporary russian fiction prose. To achieve this, the research applies the approach of A. A. Chuvakin's linguo-evocative doctrine as well as modern methods of studying professional communication. The main aim of the article is to find the linguistic and non-linguistic means used in situations of teacher-pupil acquaintance, explanation of new material and personal conversations.

© Малыгина Э. В., 2024

The author pays special attention to studying the principles of dialogism and anti-dialogism in teacher-student communication, and analyzes how these principles are realized in modern fiction prose texts as well as what models of interpersonal interaction are formed in communication. Studying these features is important for philological analysis of communication in pedagogy.

The results of the study can be used in educational institutions in order to improve pedagogical communication and develop professional communication skills. Studying various linguistic strategies and techniques used by fiction writers can help educators to improve their communicative skills and enhance their teaching efficiency.

This article therefore is a significant contribution to studying the issues of pedagogical communication, analyzing linguistic and non-linguistic means of teacher-student interaction in different contexts. The results and conclusions of the study can be useful for practical use in the field of education and help teachers to develop their communication skills with students. The study of teacher-student communication is an important aspect of modern pedagogy.

Key words: linguo-evocative research; dialogism; anti-dialogism; modern russian prose; pedagogical interpersonal communication; research methods; communication problems in pedagogy; educational sphere

For citation: Malygina E. V. Linguo-evocative study of dialogicity and anti-dialogueism in pedagogical interpersonal communication: based on the material of modern russian fiction. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):99–110. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-99>. <https://elibrary.ru/NEDENN>

Введение

Современная коммуникативная система в эпоху глобализации новейших технологий, ускоряющих процесс обработки и передачи информации, характеризуется таким количественным показателем, как скорость. Однако без других качественных характеристик (ориентированность на человека, достижение понимания Другого, умение моделировать собственную мировоззренческую позицию на обсуждаемый предмет, достигать приращения смыслов в ходе беседы и др.) общение перестало бы иметь всякий смысл.

Данная статья продолжает проблематику исследований принципа диалогичности в воспроизведенной межперсонажной коммуникации [Чувакин, 2020; Чувакин, Малыгина, 2018], которая выступает своеобразным конструктом авторских представлений о системе отношений людей в процессе общения.

Категория диалогичности, рассмотренная наряду с такими понятиями, как многоязычие, эвокативность и интерпретативность, сопряжена с «выяснением ценностных и смысловых позиций друг друга. Диалог – это особая организация коммуникативных отношений, предполагающая равенство сторон коммуникации», которое, например, по И. М. Дзялошинскому, обеспечивается способностью собеседника «воспринимать другого как человека, имеющего право на собственное мнение» [Чувакин, Малыгина, 2018, с. 81]; умением «видеть в адресате (собеседнике или аудитории) не пассивный объект, а активный субъект равноправного речевого взаимодействия» [Сквородников, 2011, с. 114].

Обеспечение «равенства сторон коммуникации» может вызывать сложности в силу наличия

«вертикального» характера организации межличностных статусно-ролевых отношений в профессиональной коммуникации. Процессы педагогической коммуникации иллюстрируют неравнозначность статусов учителя и ученика в системной иерархии. Также любое коммуникативное поведение «в большинстве случаев определяется и ограничивается нашими эмоциональными мирами, то есть психическими или психофизическими „мотивами поведения”» (перевод автора статьи) [Müller-Reimann, 2018, s. 7], что определяет комплексный и личностно ориентированный подход учителя к механизму формирования общения с обучающимися. Антидиалогичность понимается нами как такая характеристика коммуникации, при которой блокируется возможность трансляции смыслов в силу того, что один из коммуникантов выступает в роли субъекта, а второй наделяется статусом объекта взаимодействия.

Материал и методы исследования

Проблема построения общения учителя и ученика в аспекте ее диалогичности либо антидиалогичности находит осмысление в текстах произведений многих современных российских авторов: Л. Улицкой, С. Кузнецова, Е. Некрасовой, Д. Дюцук, И. Грековой, А. Иванова, Э. Кочергина и др.

Материалом настоящего исследования служат фрагменты текстов произведений современной российской прозы, в которых показаны разные ситуации взаимодействия субъектов педагогической коммуникации [Гринева, 2017].

Важным условием создания диалогичности в педагогической коммуникации является поддержание субъект-субъектного общения, организованного в жанре сотрудничества и предусматри-

вающего право собеседника на собственное мнение.

Мы убеждены, что в речевой коммуникативной практике всегда имеет место корректировка выстраивания диалогичности в соответствии с ситуацией.

Так, исследователем М. Ю. Олешковым предложена следующая классификация дидактических (педагогических) ситуаций: «по форме отношения (деловая-личная, официальная-неофициальная, формальная-неформальная); по этапам, частям урока (ситуация ознакомления с учебным материалом, тренировки, контроля и оценки способов действия, контроля и оценки освоенного знания способов действия); по динамике сотрудничества (ситуация вхождения, работы с партнерами, выхода из сотрудничества, его завершения); по характеру учебного взаимодействия (ситуация сотрудничества, соперничества, конфликта, конфронтации); по характеру решаемых учебных задач (нейтральная – проблемная)» [Олешков, 2008, с. 184].

Поднимая проблему диалогичности, не следует упускать из фокуса внимания ее связь с параметром эффективности коммуникации, которая детерминирует с позиции говорящего умение грамотно кодировать сообщение, а с позиции слушающего – «не только декодировать поступившую информацию, но и раскрыть авторские стратегии, учесть фоновые знания, ситуации общения и структуры дискурса...» [Андреева, 2021, с. 7]. Соответственно категория диалогичности никогда не выступает в качестве блокирующего принципа, она предполагает динамику транслирования смыслов в коммуникативном пространстве взаимодействующих субъектов.

Задача статьи заключается в рассмотрении особенности организации моделей педагогической коммуникации, в которых авторами текстов малой прозы воспроизводится диалогический и антидиалогический характер взаимодействия учителя и ученика.

При этом мы исходим из понимания эвокативной природы языка (речи). Эвокация представляет собой «специфическую деятельность Человека Говорящего, содержанием которой является целенаправленная, эстетически значимая, творчески протекающая реализация репрезентативной функции языка посредством знаковых последовательностей (текстов) в актах коммуникативной деятельности говорящего (автора) и слушающего (читателя)» [Чувакин, 2020, с. 132]. Эвокация имеет «четырёхзвенную структуру: от объекта и

средств эвокации – через процесс – к продукту. Выбор объекта эвокации определяется инициатором акта коммуникации; это может быть и фрагмент действительности (реальной, вымышленной, мнимой), и фрагмент коммуникации (любой разновидности)» [Чувакин, Малыгина, 2018, с. 83].

В методологии лингвистической теории эвокации различают два плана художественного моделирования: первичный и вторичный. Первичный создается языковыми знаками в тексте произведения. План вторичного моделирования – «авторская художественная модель мира и человека» [Чувакин, Малыгина, 2016, с. 88], которая воссоздается в представлениях читателя.

Это наблюдение позволяет установить значимую роль эвокационного приема, которому подчинены процессы воспроизведения (план первичного моделирования) и интерпретации (план вторичного моделирования) фрагментов речевой коммуникативной ситуации в тексте.

Объектом эвокации настоящего исследования являются диалогические и антидиалогические ситуации профессионального педагогического взаимодействия учителя и учеников в системе школьного образования [Чернышева, 2017]. Продукт эвокации – принципы диалогичности и антидиалогичности межперсонажного педагогического взаимодействия, воспроизведенные авторами текстов прозы с помощью средств языковой и неязыковой (коммуникативной) природы.

Результаты и обсуждение

Обратимся к моделям коммуникации, охватывающим как форму и характер отношения участников, так и этапы либо динамику их сотрудничества. В содержательно-смысловой структуре текстового пространства нами выделены некоторые ситуации, в которых воспроизводятся диалогичность и антидиалогичность в межперсонажной педагогической коммуникации: ситуация знакомства, ситуация объяснения нового материала, ситуация личной индивидуальной беседы ученика и учителя. Построения анализа текстового материала выполним с учетом базовых понятий теории коммуникативного акта, предложенных Б. Ю. Городецким (коммуниканты, обстоятельства общения, коммуникативные замыслы, коммуникативные процессы, коммуникативный текст) [Матюшкина, 2018].

СИТУАЦИЯ ЗНАКОМСТВА учителя с учениками. Данный тип ситуации базируется на фактической функции речи, которая, по нашему мнению, выступает не фреймовой, а ключевой в

структуре построения диалога. Модели общения присущи различия в коммуникативных намерениях учителя и ученика: коммуникативное намерение учителя – установить контакт с учениками, коммуникативное намерение учеников – оценить возможность построения контакта с учителем с опорой на коммуникативную стратегию «свой – не свой». Диалогичность строится на умении включить в текст общий языковой код из разных коммуникативных систем персонажей [Медведева, 2016].

В произведении Э. Кочергина «Дети моста лейтенанта Шмидта» моделируется следующий тип взаимодействия учеников и нового учителя: *«Литературно-трамвайные уроки начинались с того, что один из нас – по очереди – непременно опаздывал. Только Трамвай, то есть училка, своими толстыми короткими ручками открывала классный журнал, как вдруг дверь резко распахивалась и в класс, как на подножку, вскакивал опоздавший школяр. Училка, пугаясь, спрашивала:*

– Что такое? В чем дело? Откуда ты взялся?

– Извините, я вышел из-за угла, смотрю – а он уже набирает скорость, и мне пришлось вскочить, чтоб не опоздать к вам.

– Что за чепуха? Ничего не понимаю! Куда вы хотели вскочить?

– Ой, виноват, виноват ...

Она либо выгоняла опоздавшего, либо впускала – по-разному. „Вскакивание на подножку“ происходило обязательно, в каждом классе и на ее уроке....

Поначалу училка пробовала сопротивляться, жаловалась завучу по общеобразовательке Замбрыжкой – Замбре. Не помогало. Мы так же вежливо и уважительно к ее персоне продолжали „ехать в трамвае“» Дети моста Лейтенанта Шмидта [Кочергин, 2022, с. 66–68].

В представленном фрагменте в ответную реплику *«Извините, я вышел из-за угла, смотрю – а он уже набирает скорость, и мне пришлось вскочить, чтоб не опоздать к вам»* встраиваются единицы особого языка (кода), принятого в описываемом автором ученическом коллективе. Лексема *«трамвай»*, кодовые словосочетания *«вскочить на подножку»* и *«ехать на трамвае»* обозначают речевую субкультуру учеников и являются маркерами оценки собеседника по принципу *«свой-чужой»*. В эвоцируемой автором ответной реплике учителя (Трамвая) *«Что за чепуха? Ничего не понимаю! Куда вы хотели вскочить?»* содержится оценочность содержательной информации вошедшего в класс ученика, сопряженная с

блокированием смыслового развития дальнейшего коммуникативного акта и уходом в эгоцентрический речевой акт (*«Ничего не понимаю!»*). Посредством фразы *«Ничего не понимаю»* декодируется неспособность адресанта быть ориентированным на адресата. Поэтому ответная реплика-самообвинение ученика *«Ой, виноват, виноват ...»* на фразу учителя *«Куда вы хотели вскочить?»* является стандартным речевым оборотом, принятым в ученическом коллективе для выхода из общения. Посредством данного высказывания воспроизводится погашение учеником возможной конфликтной коммуникации и прекращение обсуждения какой-либо проблемной ситуации с преподавателем. Неспособность учителя достичь фактического общения с учениками создается в тексте с помощью таких глагольных лексем, как *«сопротивляться, жаловаться завучу»*. Данные предикаты выступают маркерами следующего перлокутивного эффекта межперсонажного общения: неудачного знакомства участников педагогического общения, непринятия ученическим коллективом учителя (Трамвая) [Федоров, 2017].

В романе Юлии Лим «Раздолбай» показан процесс установления контакта учителя и учеников в ходе знакомства:

– Здравствуйте, ребята, – говорит учительница. – Меня зовут Лимонова Светлана Александровна, и я ваш новый классный руководитель.

– А вы ниче такая, – присвистывает кто-то. Парни гогочут...

– Давайте познакомимся, – учительница сдержанно улыбается. – Я начну переключку. Пожалуйста, поднимайтесь, когда услышите свою фамилию, мне будет легче вас запомнить. Кусаинов Дархан... Лисов Роман... Соболева Яна.

– Здравствуйте, добро пожаловать! – Та встает, показывает учительнице сердечко из пальцев и широко улыбается... – Надеюсь, Вам понравится с нами работать! – щебечет Яна.

– Спасибо, я тоже на это рассчитываю, – улыбается учительница. – Полосков Егор... Ремизова Самара, – голос Светланы Александровны звучит громче.

– Ну, – встав, Самара скрещивает руки на груди и всем видом выказала неуважение.

Учительница игнорирует ее, продолжая:

– Сухудян Зара, – еще одна новенькая с темными глубокими глазами, вьющимися темнокаштановыми волосами. – Ухтабова Неля.... Ее нет? – спрашивает учительница.

– Вот она, спит, – отвечает кто-то.

– *Не буду ее будить*, – говорит учительница [Лим, 2021, с. 51–53].

Изображаемую автором модель коммуникативного поведения персонажей отличает наличие многоязычных компонентов, посредством которых воспроизводится диалогичность взаимодействия персонажей и активизируется фактическая функция речевого общения.

В вербальных репликах учеников показаны ответные реакции на вопросы либо уточнения учителя, либо оценивание его («*А вы ниче такая...*»). В невербальных компонентах коммуникации воспроизводится доброжелательное либо категоричное недоброжелательное отношение учеников к Светлане Александровне (*показывает учительнице сердечко из пальцев и широко улыбается, либо скрещивает руки на груди и всем видом выказывает неуважение*).

Оценочность в речевом слое учеников позволяет автору наделить транзакцию элементами провокативного характера, затрудняющими установление контакта.

Высказывания в речевой партии учителя направлены на соблюдение регламента занятия (*Давайте познакомимся*), запрос информации (*Ухтабова Неля.... Ее нет?*), активное реагирование на знакомство с новыми учениками («*Спасибо, я тоже на это рассчитываю*», – *улыбается учительница*) либо нестандартные ситуации (*недоброжелательность, либо сон ученика*) на уроке. Невербальные компоненты в коммуникативном поведении преподавателя выступают способом регулирования процесса знакомства с классом, в частности погашения возможного конфликта. В изображаемой транзакции используются следующие коммуникативные средства и приемы избегания конфликтности и построения конгруэнтного взаимодействия учителя с учениками: сдержанная улыбка на «*сердечко из пальцев*», смена темы и модальности общения (переключение фокуса внимания обучающихся с оценочных суждений на речекоммуникативные действия), игнорирование неуважения, построение нестандартной ответной реакции на сон ученицы (*Не буду ее будить*). Эти элементы коммуникативно-речевой структуры текстового фрагмента позволяют автору романа проиллюстрировать способность учителя достигать реализации регулятивной функции речи в ходе построения диалогического общения с классом [Чеботарева, 2018].

Представленные фрагменты ситуации знакомства учителя с классом в произведениях Э. Кочергина и Ю. Лим иллюстрируют разные коммуника-

тивные эффекты. Построение диалогичности базируется на умении учителя усматривать и применять коммуникативные (языковые и неязыковые) средства, сформированные в установленном коллективе, как способе достижения контакта с учениками. Игнорирование преподавателем кодовых единиц коммуникации, принятых в классе, является фактором существенно ее (коммуникацию) ослабляющим.

СИТУАЦИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ НОВОГО МАТЕРИАЛА. Центральное место в данной ситуации принадлежит информативной функции речи. Коммуникативное намерение учителя – выбор способа трансляции новой информации, проверка качества знания учеников и оценивание его (знания). Коммуникативное намерение ученика – принятие участия в тематической беседе либо выход из нее. Регулятивная роль в коммуникации принадлежит учителю, который выступает ментором в процессе транслирования новых знаний.

Рассмотрим варианты диалогических и антидиалогических моделей, воспроизведенных в текстах прозаических произведений.

Для иллюстрации этой ситуации обратимся к романам О. Камаевой и А. Иванова, в которых представлены ситуации манипулятивного общения, способствующего поддержанию диалогичности либо ослабляющие ее.

В романе О. Камаевой «Елка, или дневник учительницы...» воспроизводится следующая учебная ситуация, которая намеренно моделируется учительницей с целью активизации мыслительной деятельности учеников:

Все думала о той мамаше у песочницы и сегодня не удержалась, провела на уроке маленький эксперимент:

– *Конечно, это надо было показать вам еще полтора месяца назад, но лучше поздно, чем никогда.*

Интрига сработала, и желающие нашлись быстро. Яковлева встала спиной к доске, Зайцев – метрах в двух от нее, спиной к классу.

– *Закройте глаза!* – *скомандовала я. – И не подглядывайте!*

Класс замер. Оба добровольца послушно закрыли глаза, и я вытащила из пакета мяч. Обычный резиновый мячик, в экстренном порядке арендованный у Лины. Подняла его так, что он оказался между ребятами на уровне глаз.

– *А теперь откройте! Что вы видите?*

– *Мяч!* – *тут же выпалила Марина. Для нее это главное – быть первой.*

– *Детский мячик. Красный. Размеры называть*

или не... – обстоятельство вперед Мишки родилась.

– С чего это красный? Синий! – перебила его Марина.

– Нет, красный, – повторил Зайцев.

Она заглянула с его стороны и согласно кивнула:

– Красный... Но с...

– Подожди, — перебила я. – Теперь к остальным вопрос: кто прав?

– Зайцев! «Он же сказал «красный», не Яковлева», – выкрикнул кто-то, даже не задумавшись. Скорее всего, из мужской солидарности. К тому же большинство в классе тоже видело только этот цвет.

Я обрадовалась: могли ведь и не попасть на крючок. Но виду не показала.

– Разве? Вы внимательно посмотрите, – и повертела мяч в руках.

Увидели даже больше, чем я рассчитывала. Когда замолчали, сказала:

– Вот так и с историей. Один оценивает событие со своей стороны, второй – со своей, и не каждый, как Марина, пытается увидеть его целиком. Кому лень, кому наплевать... Пальцем не пошевелит, но свое твердит. Поэтому, прежде чем высказать мнение, сделайте усилие. Покрутите мяч! Но имейте в виду: чем ближе вы будете подходить и дольше вглядываться, тем больше нюансов найдете, тем сложнее будет сделать вывод. Поэтому посмотрели – опять отойдите, иначе так на пятнах и заикнитесь. Занятие трудное, хлопотное, но необходимое; если, конечно, вы действительно хотите понять, как было на самом деле.

За свои парты ребята возвращались в полной тишине. По-моему, класс здорово зацепило.

Зато я теперь точно знаю, с чего буду начинать уроки в новых классах! [Камаева, 2013, с. 45–46].

В изображаемом фрагменте показана ситуация педагогического эксперимента, который позволяет учителю развить у обучающихся аналитические мыслительные навыки.

Коммуникативное позиционирование учителя воспроизводится с помощью побудительных высказываний (*Закройте глаза! – скомандовала я. – И не подглядывайте! // А теперь откройте!*).

Информативная функция речевого взаимодействия учителя и учеников моделируется спектром речевых тактик: создание интриги, побуждение к действиям, конструирование некоторой обсужда-

емой абстрактной ситуации, опрос, дискуссия, оценка.

Диалогическое взаимодействие учеников друг с другом строится по принципу состязательности (*Мяч! – тут же выпалила Марина. Для нее это главное – быть первой*) и отстаивания собственного видения предмета (*Нет, красный, – повторил Зайцев*).

Для реализации коммуникативного намерения учительницы автор использует нарушение формального способа взаимодействия в педагогической коммуникации по типу «вопрос-ответ». Учитель перебивает высказывание ученика и предлагает остальным участникам принять обоснованное решение (*Подожди, – перебила я. – Теперь к остальным вопрос: кто прав?*).

Прием «мозгового штурма», эвоцируемый автором романа в речевой партии учителя, выступает способом активизации диалогичности в учебной ситуации.

Изображаемую модель общения отличает партнерский стиль общения учителя и ученика, посредством которого у обучающихся активизируется возможность «занять лидирующее положение в группе сверстников, повысить самооценку, удовлетворенность отношениями в коллективе» [Максимова, 2012, с. 56].

Регулятивная роль учителя в коммуникации показана в несобственно-прямой речи посредством таких предикатов, как «интрига сработала», «не подать виду», «попасть на крючок», «здорово зацепить». Данные предикаты позволяют автору романа маркировать этапы саморефлексии коммуникативного взаимодействия с позиции преподавателя и соответствие хода беседы с классом коммуникативному намерению учителя.

Обобщающее высказывание учителя представлено в рематической позиции текстового фрагмента как коммуникативно сильного компонента («*Вот так и с историей. Один оценивает событие со своей стороны, второй – со своей, и не каждый, как Марина, пытается увидеть его целиком...*»). Успешный характер проведенного взаимодействия в ходе педагогического эксперимента транслируется посредством пропозиции качественной характеристики «*За свои парты ребята возвращались в полной тишине*». Сочетание «*полная тишина*» выступает коммуникативным средством принятия точки зрения преподавателя для возможности ее (пере) осмысления.

В романе А. Иванова «Географ глобус пропил» «крючки» для преподавателя создаются ученика-

ми посредством следующих тактик: изменение темы общения, отказ от коммуникации, давление на преподавателя, провокация. Регулятивной функцией в воспроизводимом текстовом фрагменте наделяются ученики, что лишает педагогическую коммуникацию диалогического характера.

– Дураков на сказки ловят, – под хохот класса пояснил он. – Итак, записываем тему урока: «Исторически сложившиеся экономические регионы России».

Изнывая и сетуя, девятый «бэ» склонился над тетрадями.

– А вы, Виктор Сергеевич, сами-то бывали там, про где нам рассказываете? – недоверчиво спросил Чебыкин.

– Кое-где бывал.

– А на этом Чёрном море, про которое пишем, бывали?

– Чёрное море большое, – резонно заметил Служкин.

Девятиклассники начали выкрикивать названия черноморских городов, в которые затесались Юрмала и почему-то Красноярск.

– Виктор Сергеевич, а свозите нас всем классом куда-нибудь на юг! – попросил неугомонный Чебыкин. – Вы же географ!

– Не-ет, братцы, – отказался Служкин. – Юг нам сейчас не по карману...

– Ну, куда по карману, – согласился девятый «бэ». – В поход какой-нибудь... Вы ведь наверняка в походы ходите?

– Бывает, – кивнул Служкин.

– А сколько килограммов рюкзак вы можете поднять? – расширив глаза, спросила Пospelова.

– Ну, килограммов триста, – небрежно ответил Служкин.

– А в какие походы вы ходите? – поинтересовался дотошный и обстоятельный Бармин по кличке Борман. – Пешком, в горы или по речке?

– Люблю по речкам сплавать.

– У нас физичка тоже в походы ходит, – сообщил Тютин. – Она обещала нас сводить, только не сводила.

– Виктор Сергеевич, сводите нас в поход!.. – нестройно и умоляюще заныли девятиклассники. – Сводите, Виктор Сергеевич!.. Ну пожалуйста! Сводите!.. Пока тепло, на речку!..

– А школа? – озадачился Служкин.

– Да нас отпустят! Только рады будут избавиться!..

– Ну, я подумаю... – неуверенно согласился Служкин.

– Нет! – отчаянно закричал девятый «бэ». – Физичка тоже подумала! Вы точно обещайте! Мы вам всю географию выучим! Мы весь поход писать будем молча, как у Розы Борисовны! Только обещайте!

– Давайте об этом после уроков поговорим, – пошёл на компромисс Служкин. – Мне же надо вам ещё новый материал рассказать...

– Не хотим! Не хотим географию! – орали со всех сторон. – Расскажите нам лучше про походы, в которые вы ходили!.. [Иванов, 2021, с. 57–59].

Особенностью представленного фрагмента является выстраивание модели взаимодействия учителя (Служкина) и девятого «бэ» на блокировании регулятивной и контролирующей функции учителя классом. Коммуникативное намерение учителя видится читателем в том, чтобы провести урок-объяснение нового материала по теме «Исторически сложившиеся экономические регионы России». Однако учебная цель трансформируется в беседу о совершенных походах.

Переключение внимания учителя с регламентированного ситуацией урока общения на неформальное взаимодействие воссоздается автором романа в динамической последовательности. В речевые партии учеников встраивается цепочка следующих тематических блоков: путешествие на Юг (на Черное море) – идея сводить в поход – масса походного рюкзака – типы походов – невыполненное обещание физички – просьба сводить в поход – требование организовать поход.

Внимание читателя привлекает трансформация коммуникативного (речевого и неречевого) поведения учителя и класса.

В речевом слое девятого «бэ» воспроизводится усиление подавляющего воздействия на преподавателя посредством изменения стилистически нейтрального взаимодействия на эмоционально-экспрессивное: попросил неугомонный Чебыкин // настойчиво и умоляюще заныли // орали со всех сторон. Для воссоздания ситуации сгущения воздействия коллективного воздействия класса на учителя автор использует переход от индивидуальной номинации адресата взаимодействия (Чебыкин, Пospelова, Борман) ко множественному адресату (девяятиклассники, все, девятый «бэ»).

Средством эмоционального давления учеников на учителя в текстовом фрагменте выступают также предикаты со значением неречевого взаимодействия. Если в начале полилога речевая манера учеников характеризовалась лексемами нейтрального стиля «спросил», «резонно заметил», «попросил», то в финальной его части пока-

заны эмоционально-экспрессивные *«отчаянно закричали»* и просторечные лексемы *«орали»*.

В речевых партиях учеников воспроизводится речевая манипуляция, направленная на переход от учебного взаимодействия к межличностному. В реплике ученика моделируется провокативная тактика (*«А вы, Виктор Сергеевич, сами-то бывали там, про где нам рассказываете?»*), в которой семантизируются разные ситуативные смыслы: проблема профессионализма учителя, его навыки как путешественника, наличие у Служкина практического и жизненного опыта и т. д.

Посредством фразы *«Вы же географ!»* создается апелляция к профессиональной компетенции учителя. С ее помощью моделируется следующий ожидаемый коммуникативный эффект от учителя: продемонстрировать практические навыки применять теорию в жизни.

В высказываниях *«Физичка тоже подумала! Вы точно обещайте!»* эвоцируется ответственность преподавателя за возможность оправдать ожидания класса, подтвердить обязательное выполнение данного слова.

В высказывании *«Мы вам всю географию выучим! Мы весь поход писать будем молча, как у Розы Борисовны!»* иллюстрируются компромиссные способы, выдвигаемые классом, для организации учебного процесса по предмету и поддержанию дисциплины.

Если в репликах учеников воспроизводится усиление эмоционально-экспрессивного воздействия класса на учителя, то в речевом слое учителя показана потеря регулятивной и контролирующей функции.

Автор изображает смену коммуникативного и речевого поведения учителя.

В начале занятия дается отказ на запрос сводить в поход. Затем вводится предикат *«кивнуть»* (согласиться с высказыванием). На следующий вопрос учитель *небрежно отвечает*, далее следуют конкретизированные ответы на вопросы. Новой просьбой Служкин *«озадачивается»*, после *неуверенно соглашается* и идет на компромисс, реализуя коммуникативное намерение девятого «бэ».

Коммуникативно слабая позиция в данном фрагменте оказывается у учителя, что приводит к ослаблению диалогичности в связи с манипулятивным характером изображаемой педагогической коммуникации, в которой затрудняется процесс установления «ценностных позиций» друг друга.

Таким образом, представленные текстовые фрагменты иллюстрируют как усиление, так и потерю учителем регулятивной функции в ситуации объяснения нового материала. Использование элементов манипулятивного дискурса на занятии обеспечивает поддержание диалогичности тогда, когда они позволяют выяснить смысловую и ценностную позицию участника коммуникации и исключают воздействие на него с целью насильственного изменения точки зрения на обсуждаемый вопрос.

СИТУАЦИЯ ЛИЧНОЙ БЕСЕДЫ. В данном случае диалогичность базируется на эмотивной функции речи. Коммуникативное намерение учителя – создание доверительного общения с учениками, коммуникативное намерение ученика – участие в доверительной беседе либо избегание ее. Для данной ситуации характерен перевод вертикальных отношений учителя и ученика в горизонтальные, активизация социальной равнозначности субъектов общения. Этот эффект достигается посредством реализации тактики поддержки учителем обучающегося.

Рассмотрим два текстовых фрагмента, особенностью которых является сведение к минимуму эксплицитных высказываний учениц в общении с учителем.

В произведении Д. Доцук *«Поход к двум водопадам»* представлена ситуация индивидуального занятия учителя Ирины Борисовны и ученицы Веры. Значительное место в художественно-речевой структуре текста принадлежит несобственно-прямой речи, которая раскрывает не столько сюжетную канву, сколько эмоциональное восприятие учебного процесса героиней и ее саморефлексию.

«За обедом мы с Ириной Борисовной как раз обсуждали первую главу. Она показала мне свои пометки: кое-где проскакивали повторы, некоторые предложения были тяжеловаты, и смысл терялся под завалом слов. Такие вещи Ирина Борисовна видела сразу, как будто они были выделены маркером.»

«Мы стали разбивать длинные предложения на короткие, убирать лишние слова, думать, как сказать по-другому, по-новому. Ирина Борисовна могла бы сама написать не одну книгу, но ей больше нравилось редактировать. При доме-музее Веры Варламовой она этим и занималась – редактировала журнал «Серебряные чернила». В библиотеке я перечитала все выпуски, там печатали действительно хорошие рассказы настоя-

щих писателей, и я втайне мечтала, что когда-нибудь тоже окажусь на этих страницах.

– Вот видишь, уже есть крепкие, уверенные фразы!

Я уловила, что сейчас будет какое-то «но», и заранее расстроилась. Наверное, что-то было не так с сюжетом (если уж совсем честно, история Маргариты сильно напоминала рассказ «Ведьма» Варламовой).

Ирина Борисовна все прочитала по глазам, чуть склонила голову набок и ободряюще улыбнулась:

– Вер, это совершенно естественно – следовать за теми, кто тебя вдохновляет. Я сама в школе и в институте только и делала, что писала продолжения повестей Варламовой. Это, кстати, отличное упражнение, чтобы набить руку! А еще можно взять известный сюжет и переиначить на свой лад.

Я кивнула, не поднимая глаз:

– Да, понятно, я перепису.

– Давай попробуем вместе? Смотри: а что, если главной героиней сделать не бедную девушку, а саму ведьму? Как ведьма себя поведет?

Я сразу загорелась этой историей [Доцук, 2021, с. 29].

Формально диалог персонажей строится из вербальных и невербальных компонентов коммуникации. Эмотивная функция взаимодействия дополняется прогностической. Героиня Вера выстраивает продолжение беседы, анализируя прагматику фразы учителя:

– Вот видишь, уже есть крепкие, уверенные фразы!

Я уловила, что сейчас будет какое-то «но», и заранее расстроилась.

В речевой партии автора-повествователя дается описание реактивного действия учителя на эмоциональный стимул ученицы (Ирина Борисовна все прочитала по глазам, чуть склонила голову набок и ободряюще улыбнулась).

Первым этапом построения доверительного отношения является умение учителя оценить эмоциональную реакцию ученицы и оказать ей невербальную поддержку (ободряюще улыбнуться).

Следующим этапом данного процесса выступает реплика, содержание которой строится на акцентуации статусного равенства учителя и ученицы, а, следовательно, признания ценностной значимости Ириной Борисовной личности Веры:

– Вер, это совершенно естественно – следовать за теми, кто тебя вдохновляет. Я сама в школе и в институте только и делала, что писа-

ла продолжения повестей Варламовой. Это, кстати, отличное упражнение, чтобы набить руку! А еще можно взять известный сюжет и переиначить на свой лад.

В данном высказывании Ирина Борисовна обозначает собственную ученическую позицию с отсылкой к случаям школьной жизни (Я сама в школе и в институте только и делала, что писала продолжения повестей Варламовой). Этот прием позволяет выровнять социальное неравенство персонажей, перевести вертикальные отношения в горизонтальные.

Активизация эмоционально-доверительного диалога преподавателя и ученицы создается посредством высказываний со значением совместного действия в речевом слое Ирины Борисовны:

Давай попробуем вместе? Смотри: а что, если главной героиней сделать не бедную девушку, а саму ведьму? Как ведьма себя поведет?

Я сразу загорелась этой историей.

Внимание читателя привлекает фраза «...а что, если», открывающая возможность самостоятельного действия адресата, выбора им потенциальных вариантов сюжета без оказания давления на него. Посредством этого высказывания автор романа моделирует погашение императивности воздействия Ирины Борисовны на Веру.

Фраза «Я сразу загорелась этой историей» в несобственно-прямой речи Веры становится текстовым маркером успешного построения диалогических отношений учителя и ученицы.

В романе Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» описывается сцена, в которой происходит нарушение доверительного взаимодействия Кати и Вероники Евгеньевны. В изображаемой ситуации (общения после занятий) эмотивный компонент коммуникации приобретает характер негативной стилистической окрашенности:

Классная села, сложила локти на подоконник, пошуршала в кармане кофты, поднесла к своему блестяще-розовому рту сигарету и чиркнула спичкой. Катя заворожено смотрела на дым и даже перестала плакать.

– Не волнуйся. Тебе будет гораздо комфортнее учиться среди детей твоего уровня. Еще отличницей станешь, – выпустила Вероника Евгеньевна изо рта вместе с овалом дыма.

Катя закашлялась от напавшего на нее облака. Вероника Евгеньевна сделала вид, что пытается отвести сигарету в сторону.

– А так...ну ты же видишь, какие ребята у нас учатся: дети учителей, инженеров, художников, врачей, бизнесменов. Особенные ребята, с

особенным воспитанием. В моих классах всегда так было. И здесь недопустимо так относиться к учебе, как относишься ты. Хотя я понимаю, что это не отношение, а скорее твои способности.

Катя не могла собрать воедино значение слышимых слов, они вываливались изо рта буквенным фаршем...

– Думаешь, я не знаю про Ларин телефон?... Это хорошо еще, что Ларин папа много зарабатывает, и это для них не проблема. А если бы твоим родителям пришлось выплачивать стоимость такого телефона?

Катя с трудом разбирала слова, но осознала, что Ларин разбитый телефон наконец нагнал ее, и по-настоящему зарыдала [Некрасова, 2019, с. 119–120].

Формально ситуация индивидуальной беседы создается наличием ее двух участников (Кати и классной) и топосом классной комнаты.

В данном взаимодействии диалогичность разрушается посредством коммуникативного давления учительницы на ученицу, которое воспроизводится посредством следующих тактик: выкуривание сигареты, прямое указание на социальный статус семьи ученицы, упрек, обесценивание.

Сигаретный дым показан в романе как агрессивный ольфакторный инструмент, посредством которого изображается пренебрежительное отношение учительницы к ученице, ее здоровью и возрасту: Катя закашлялась от напавшего на нее облака. Вероника Евгеньевна сделала вид, что пытается отвести сигарету в сторону.

В речевую партию Вероники Евгеньевны автор включает оценочные высказывания, денотатом которых выступает факт низкого уровня умственных способностей Кати («И здесь недопустимо так относиться к учебе, как относишься ты. Хотя я понимаю, что это не отношение, а скорее твои способности...»).

В высказываниях, адресованных ученице, встречается повтор местоимения второго лица (Тебе будет гораздо комфортнее учиться среди детей твоего уровня). Особенностью фразы является то, что в ней автором не конкретизируется объем понятия «твой уровень», однако перлокутивным эффектом фразы является обособление Веры от остальных учеников класса. В реплике учительницы формулируется прямая оценочность ученицы без использования лексем, смягчающих категоричность посылки.

Одним из средств коммуникативного подавления ученицы учительницей выступает характери-

зация социального статуса семьи девочки. В реплику Вероники Евгеньевны вводится скрытый сравнительный оборот, выраженный противительной синтаксической конструкцией (Это хорошо еще, что Ларин папа много зарабатывает, и это для них не проблема. А если бы твоим родителям пришлось выплачивать стоимость такого телефона?). Параметром социального статуса ученицы выступает факт платежеспособности родителей. Что лишает данную модель общения возможности оптимизации. Отношение «учитель-ученик» детерминированы не ориентированностью учителя на возможность раскрыть личностный потенциал обучающегося, достичь эмоциональной глубины понимания, а фактором макроситуации (уровнем дохода родителей).

В структуре художественно-речевой организации текста внимание читателя привлекает отсутствие вербальных высказываний, принадлежащих речевой партии Кати. Диалог строится на эксплицитных высказываниях Вероники Евгеньевны и невербальных реакциях ученицы (заворожено смотрела на дым, закашлялась, с трудом разбирала слова). Пропозиция со значением эмоционального состояния «по-настоящему зарыдала» в финале взаимодействия персонажей является итоговой невербальной реактивной репликой ученицы на общение с учителем. Осведомленность учителя о сломанном Катей телефоне, невозможность девочки получить поддержку преподавателя, открытая характеристика ее невысоких интеллектуальных данных и отсылка к низкой платежеспособности семьи ставят ученицу в эмоционально и коммуникативно незащитную (объектную, зависимую) позицию.

Иллюстрации двух ситуаций индивидуальной беседы учителя и ученицы сопряжены с важностью эмотивного компонента коммуникации как инструмента построения либо разрушения диалогичности в педагогическом межперсонажном взаимодействии.

Заключение

Представленное лингвоэвокационное исследование фрагментов текстов современных прозы позволяет подвести некоторые итоги.

Во-первых, рассмотренные нами ситуации системы профессиональной педагогической коммуникации (продукт эвокации) сопряжены с актуализацией ведущих коммуникативных функций, определяющих построение диалогического и антидиалогического характера взаимодействий учителя и ученика: ситуация знакомства (фатическая

функция), ситуация объяснения нового материала (информативная функция), ситуация личной беседы (эмотивная функция).

Во-вторых, воспроизведение диалогичности и антидиалогичности в профессиональной педагогической коммуникации создается не только средствами эвокации, имеющими языковую природу (план первичного моделирования), но и неязыковыми (коммуникативными) средствами, раскрывающими разные тактики героев (оценка учителя с позиции «свой-чужой», умение педагога сохранить роль ментора в транслировании новых знаний, способность преподавателя оказать эмоциональную поддержку обучающемуся).

В-третьих, представленные принципы диалогичности и антидиалогичности выступают смыслообразующими компонентами, на которых строится проблематика произведений (план вторичного моделирования). Изображенные ситуации межперсонажной педагогической коммуникации позволяют читателю усмотреть понимание авторами современной прозы механизмов речекommunikативной действительности, в которой либо утверждается, либо утрачивается ценность личности ребенка и преподавателя. Что открывает необходимость более глубокого и детального осмысления проблемы построения «равенства сторон коммуникации» в условиях педагогического общения на современном этапе развития общества.

Библиографический список

1. Андреева С. В. Вспомогательные единицы общения как один из ведущих факторов эффективности / неэффективности коммуникации // Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения : монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Издательский Центр «Наука», 2021. С. 7–20.
2. Гринева И. С. Лингвокогнитивные механизмы антидиалогичности в педагогической коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10. С. 91–96.
3. Доцук Д. Поход к двум водопадам. Москва : Детская литература, 2021. 169 с.
4. Иванов А. Географ глобус пропил. Москва : Альпина-нон-фикшн, 2021. 399 с.
5. Камаева О. Ёлка. Из школы с любовью, или дневник учительницы. Москва : АСТ, 2013. 250 с.
6. Кочергин Э. Дети моста лейтенанта Шмидта. Москва : Вита-Нова, 2022. 240 с.
7. Лим Ю. Раздолбай. Москва : АСТ, 2021. 288 с.
8. Максимова А. А. Основы педагогической коммуникации : учебно-методическое пособие. Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2012. 170 с.

9. Малыгина Э. В. Диалогичность как принцип профессионального педагогического общения учителя и ученика: на материале текстов современной российской художественной прозы // Риторика и речекommunikативные дисциплины: Сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике (2-4 февраля 2024). Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 287–296.

10. Матюшкина Е. И. Лингвокультурные аспекты границ диалогичности и антидиалогичности в педагогической коммуникации // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 52–58.

11. Медведева Л. Л. Диалогичность и антидиалогичность в межкультурной педагогической коммуникации // Вестник аграрного университета. 2016. № 1. С. 111–116.

12. Некрасова Е. Калечина-Малечина. Москва : АСТ, 2019. 279 с.

13. Олешков М. Ю. Дидактическая коммуникативная ситуация: проблема моделирования // Мир образования – образование в мире. 2008. № 1. С. 182–194.

14. Федоров В. К. Коммуникативная стратегия антидиалогичности в педагогическом взаимодействии // Наука и практика. Молодой ученый. 2017. № 19. С. 181–185.

15. Чеботарева О. В. Лингвистические средства передачи диалогичности и антидиалогичности в педагогической коммуникации // Наука и образование: проблемы и перспективы. 2018. Вып. 12. С. 168–173.

16. Чернышева Л. Л. Прагматические аспекты антидиалогичности в педагогической коммуникации // Новое слово в науке – Ломоносовские чтения: сб. ст. Москва, 2017. С. 97–105.

17. Чувакин А. А., Малыгина Э. В. Внутритекстовая коммуникация в малой прозе В. М. Шукшина: эвокационное исследование кризисной коммуникации в рассказе «Генерал Малафейкин» // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 84–103.

18. Чувакин А. А., Малыгина Э. В. К построению филологической теории коммуникации: статья третья // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. С. 77–88.

19. Чувакин А. А. Филолого-коммуникативные исследования: избранные труды. Москва : ФЛИНТА, 2020. 860 с.

20. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. Москва : ФЛИНТА, 2011. 480 с.

21. Erwin Müller-Reimann. Anwendungsorientierte Kommunikations- und Argumentationstechniken. Göttingen : Cuvillier Verlag, 2018. 102 s.

Reference list

1. Andreeva S. V. Vspomogatel'nye edinicy obshhenija kak odin iz vedushhih faktorov jeffektivnosti / nejeffektivnosti kommunikacii = Auxiliary units in communication as a leading factor of communicative effectiveness /

ineffectiveness // *Jeftektivnost' kommunikacii: vlijanie sfer obshhenija na faktory ee dostizhenija* : monografija / pod red. O. B. Sirotininoj. Saratov : OOO Izdatel'skij Centr «Nauka», 2021. S. 7–20.

2. Grineva I. S. *Lingvokognitivnye mehanizmy antialogichnosti v pedagogicheskoj kommunikacii = Linguistic-cognitive mechanisms of antialogue in pedagogical communication* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 10. S. 91–96.

3. Docuk D. *Pohod k dvum vodopadam = Hiking to the two waterfalls*. Moskva : Detskaja literatura, 2021. 169 s.

4. Ivanov A. *Geograf globus propil = The geographer drank his globe away*. Moskva : Al'pina-non-fikshn, 2021. 399 s.

5. Kamaeva O. *Jolka. Iz shkoly s ljubov'ju, ili dnevnik uchitel'nicy = The Christmas tree. From school with love, or a teacher's diary*. Moskva : AST, 2013. 250 s.

6. Kochergin Je. *Deti mosta lejtenanta Shmidta = The children of Lieutenant Schmidt's Bridge*. Moskva : Vita-Nova, 2022. 240 s.

7. Lim Ju. *Razdolbaj = The slacker*. Moskva : AST, 2021. 288 s.

8. Maksimova A. A. *Osnovy pedagogicheskoj kommunikacii = Basic pedagogical communication : uchebno-metodicheskoe posobie*. Orsk : Izdatel'stvo Orskogo gumanitarno-tehnologicheskogo instituta (filiala) OGU, 2012. 170 s.

9. Malygina Je. V. *Dialogichnost' kak princip professional'nogo pedagogicheskogo obshhenija uchitelja i uchenika: na materiale tekstov sovremennoj rossijskoj hudozhestvennoj prozy = Dialogue as a principle of professional pedagogical teacher-student communication: based on the texts of modern Russian literary texts* // *Ritorika i rechekomunikativnye discipliny: Sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po ritorike (2-4 fevralja 2024)*. Moskva : Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2022. S. 287–296.

10. Matjushkina E. I. *Lingvokul'turnye aspekty granic dialogichnosti i antialogichnosti v pedagogicheskoj kommunikacii = Linguocultural aspects of the dialogue and anti-dialogue boundaries in pedagogical communication* // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. № 4. S. 52–58.

11. Medvedeva L. L. *Dialogichnost' i antialogichnost' v mezhkul'turnoj pedagogicheskoj kommunikacii = Dialogue and anti-dialogue in intercultural pedagogical communication* // *Vestnik agrarnogo universiteta*. 2016. № 1. S. 111–116.

12. Nekrasova E. *Kalechina-Malechina = Kalechina-Maechina*. Moskva : AST, 2019. 279 s.

13. Oleshkov M. Ju. *Didakticheskaja kommunikativnaja situacija: problema modelirovanija = Didactic communicative situation: modeling problems* // *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 2008. № 1. S. 182–194.

14. Fedorov V. K. *Kommunikativnaja strategija antialogichnosti v pedagogicheskom vzaimodejstvii = Anti-dialogue communicative strategy in pedagogical interaction* // *Nauka i praktika. Molodoy uchenyj*. 2017. № 19. S. 181–185.

15. Chebotareva O. V. *Lingvisticheskie sredstva peredachi dialogichnosti i antialogichnosti v pedagogicheskoj kommunikacii = Linguistic means of conveying dialogue and anti-dialogue in pedagogical communication* // *Nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy*. 2018. Vyp. 12. S. 168–173.

16. Chernysheva L. L. *Pragmaticheskie aspekty antialogichnosti v pedagogicheskoj kommunikacii = Pragmatic aspects of anti-dialogue in pedagogical communication* // *Novoe slovo v nauke – Lomonosovskie chtenija: sb. st. Moskva*, 2017. S. 97–105.

17. Chuvakin A. A., Malygina Je. V. *Vnutritektstovaja kommunikacija v maloj proze V. M. Shukshina: jevokacionnoe issledovanie krizisnoj kommunikacii v rasskaze «General Malafejkin» = Intratextual communication in V. M. Shukshin's short prose: evocative study of crisis communication in the story “General Malafeykin”* // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2016. № 1. S. 84–103.

18. Chuvakin A. A., Malygina Je. V. *K postroeniju filologicheskoj teorii kommunikacii: stat'ja tret'ja = Towards constructing a philological theory of communication: article three* // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2018. № 1. S. 77–88.

19. Chuvakin A. A. *Filologo-kommunikativnye issledovaniya: izbrannye trudy = Philological and communicative studies: selected works*. Moskva : FLINTA, 2020. 860 s.

20. *Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety = Encyclopedic reference dictionary. Expressive means of the Russian language and speech errors and mistakes* / pod red. A. P. Skovorodnikova. 3-e izd., stereotip. Moskva : FLINTA, 2011. 480 s.

21. Erwin Müller-Reimann. *Anwendungsorientierte Kommunikations- und Argumentationstechniken*. Göttingen : CuvillierVerlag, 2018. 102 s.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 17.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-111
EDN: NUFVKU

Механизмы образной концептуализации действительности в онтогенезе речевой способности ребенка

Надежда Анатольевна Чернявская

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34
chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования и функционирования механизмов образной репрезентации действительности в детской речи. Установлено, что в онтогенезе речевой способности ребенка метафора является ранней когнитивной процедурой, играющей ведущую роль в процессах категоризации и концептуализации явлений окружающего мира. В результате анализа детских метафорических высказываний выделено несколько этапов в динамике процесса образной концептуализации действительности и ведущих механизмов, сопровождающих каждый этап. Ранний этап когнитивного и речевого развития детей (в возрасте до 3-х лет) демонстрирует появление условных метафорических номинаций, основанных на механизмах генерализации, замещения и имитации. На втором этапе (в возрасте 3–4-х лет) активизируются аналоговые возможности детского мышления, формируется система собственно метафорических моделей. В силу синкретизма и аффективности детского восприятия в этот период в речи ребенка преобладают окказиональные метафорические проекции, основанные на механизмах синестезии и гиперболизации. Старшие дошкольники (в возрасте 5–7 лет) приобретают способность к аналитической деятельности и структурированию реалий окружающего мира, задействуя механизмы сегментации и профилирования. Школьники в возрасте от 7 лет демонстрируют умение свободно оперировать образом, отвлеченным от предмета, и овладение конвенциональными нормами метафоризации. В этот период формируются две ментальные стратегии образной репрезентации действительности: экспрессивно-изобразительная, свойственная эстетико-ориентированному, поэтическому мышлению, и рационально-игровая, отличающая социоориентированное, прагматическое мышление. Можно утверждать, что в ходе онтогенеза мысль ребенка движется от генерализованных обобщений к отражению дифференциальных признаков реалий, от неосознаваемых метафорических номинаций к управляемым процессам образной репрезентации и осознанной языковой игре, от эмпирического опыта к постижению абстрактных феноменов.

Ключевые слова: образная концептуализация; мышление; когнитивный механизм; метафора; метафорическая модель; онтогенез; детская речь

Для цитирования: Чернявская Н. А. Механизмы образной концептуализации действительности в онтогенезе речевой способности ребенка // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 111–119. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-111>. <https://elibrary.ru/NUFBKU>

Original article

Mechanisms of figurative conceptualization of reality in the ontogeny of children's speech ability

Nadezhda A. Chernyavskaya

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34
chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

Abstract. The article examines the formation and functioning of mechanisms for figurative representation of reality in children's speech. It has been established that in the ontogeny of a child's speech ability, metaphor is an early cognitive procedure that plays a leading role in categorizing and conceptualizing the phenomena of the surrounding world. Having analyzed children's metaphorical utterances, the author identified several stages in the dynamic process of figurative conceptualization of reality and the leading mechanisms involved in each stage. The early stage of

© Чернявская Н. А., 2024

children's cognitive and speech development (up to 3 years of age) is marked by the emergence of conditional metaphorical nominations based on the mechanisms of generalization, substitution, and imitation. At the second stage (3–4 years of age) the analog possibilities of children's thinking are activated, and a system of metaphorical models is formed. Due to the syncretism and affectivity of the child's perception during this period, the child's speech is dominated by occasional metaphorical projections based on the mechanisms of synesthesia and hyperbole. Older preschoolers (aged 5–7 years) acquire the ability to analyze and structure the realities of the world around them, using segmentation and profiling mechanisms. Schoolchildren aged 7 and older demonstrate the ability to operate freely with images abstracted from the subject and the mastery of conventional metaphorization norms. This period sees the formation of two mental strategies for figurative representation of reality: expressive-imaginative, characteristic of aesthetically-oriented, poetic thinking, and rational-playing, characteristic of socially-oriented, pragmatic thinking. It is quite possible that in the course of ontogeny the child's thought moves from generalized summaries to the reflection of differential attributes of realities, from unconscious metaphorical nominations to controlled processes of figurative representation and conscious language game, from empirical experience to the comprehension of abstract phenomena.

Key words: figurative conceptualization; thinking; cognitive mechanism; metaphor; metaphorical model; ontogeny; children's speech

For citation: Chernyavskaya N. A. Mechanisms of figurative conceptualization of reality in the ontogeny of children's speech ability. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):111–119. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-111>. <https://elibrary.ru/NUFBKU>

Введение

Интерпретация процессов образной концептуализации действительности относится к актуальным вопросам современного гуманитарного знания. Когнитивная лингвистика обнаружила принципиально новую природу метафоры и метонимии, что привело к кардинальному переосмыслению их сущности – от понимания этих единиц как стилистических ресурсов языка (тропов) и видов лексической многозначности к признанию базовыми механизмами мышления [Лакофф, Джонсон, 2004; Алексеева, Мишланова, 2022; Баранов, 2014; Будаев, 2020; Илюхина, 2022; Кульчицкая, 2013; Песина, Солончак, 2022; Чернейко, 2021; Чудинов, 2020]: «Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [Будаев, 2020, с. 20]. В основе метафоры лежит ментальная проекция познаваемого объекта на уже известный говорящему, освоенный предмет эмпирического опыта: «Метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии», сопровождаемой эмоциональным напряжением [МакКормак, 1990, с. 363]. Привлекаемые элементы освоенной сферы-источника «структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень» [Будаев, 2020, с. 86] и определяют стратегии взаимодействия с ней. Метафора предстает универсальным способом опосредованного мышления о мире – способом освоения окружающей реальности и вербализации полученного знания,

выстраивания индивидуальной картины мира, инструментом регуляции человеческой деятельности и поведения.

Особую значимость изучение процессов метафоризации приобретает в аспекте становления когнитивной и коммуникативной компетенции человеческой личности. Уникальным объектом для анализа зарождающихся механизмов моделирования осваиваемой действительности является феномен детской речи. «Анализ лингвокогнитивного потенциала в онтогенезе позволяет в динамике проследить те процессы, которые в дискурсивной деятельности взрослого свернуты и не всегда доступны для наблюдения» [Самигулина, 2023, с. 81].

Цель настоящей работы – изучение формирования и функционирования механизмов образной концептуализации действительности в речи детей в возрасте от года до 12 лет.

Материал и методы исследования

Источником фактического материала послужили данные словарей детской речи [Гридина, 2012; Харченко, 2002; Харченко, 2012], опубликованных и неопубликованных дневниковых записей родителей [Гвоздев, 1981], сетевых ресурсов [Говорят дети; Солнышко: детский портал], а также спонтанные высказывания детей, зафиксированные автором. Материал собирался методом сплошной выборки. Общее количество исследуемого материала составило около 2 тысяч метафорических контекстов.

В работе использованы методы когнитивно-дискурсивного, дескриптивного, интерпретационного анализа, метод моделирования.

Результаты исследования

Согласно концепции Ж. Пиаже, способность к образной репрезентации действительности формируется уже на стадии сенсомоторного интеллекта – в возрасте до двух лет [Пиаже, 1969]. По мнению большинства физиологов и психолингвистов, в когнитивной деятельности младших дошкольников безусловно доминирует правополушарное мышление – конкретное, эмоционально-образное, синтетическое, диффузное [Симерницкая, 1978; Леутин, Николаева, 2008; Реброва, Чернышева, 2004; Ротенберг, 2009; Самигулина, 2023]. «Полноценным» образным номинациям генетически предшествуют лексические сверхгенерализации и игровые переименования, в основе которых лежат ментальные механизмы обобщения и аналогии. Аналогия – самая ранняя ментальная операция, благодаря которой формируются первичные модели реальности. По словам А. М. Шахнаровича, «первое, что мы невольно делаем, когда встречаемся с чем-то новым или малознакомым, – пытаемся подвести новое под известное» [Шахнарович, 1991, с. 186]. Не владея информацией об объективных свойствах множества явлений и процессов окружающего мира и их взаимосвязях, дети предпринимают попытки назвать и объяснить их на основе сходства с уже знакомыми, доступными реалиями.

Лексико-семантическая сверхгенерализация – наименование разных предметов одной лексемой – порождается явным лексическим дефицитом, вместе с тем она возникает благодаря сходству или пространственно-временной смежности наблюдаемых объектов. Многочисленные примеры детской сверхгенерализации подтверждают улавливание ребенком внешнего сходства разных предметов, близости или подобия реализуемых ими функций, особенностей взаиморасположения в пространстве, но вместе с тем неразличение в силу возраста их дифференциальных признаков и свидетельствуют о формировании механизмов образной концептуализации действительности. Так, дети в возрасте от полутора до трёх лет словом *гол* обозначают мяч, ворота, стадион, футболистов, игру; словом *кот* называют кошку, любое животное семейства кошачьих, изделие из пушистого меха (шубу, варежки, воротник), кошачьи принадлежности (чашки, игрушки, когтеточку, домик, лоток), кошачьи следы, царапины на теле; словом *лошадка* обозначают лошадь, корову, оленя, носорога; словом *муравей* называют любое насекомое; словом *роза* – любой цветок; словом *лужа* – любой водоем; словом *тапки* или *ботинки* – любую обувь и т. п. Для обозначения подоб-

ных номинаций Л. С. Выготский вводит понятие «синкретический образ» [Выготский, 1984, с. 90], выступающий инструментом комплексного, диффузного мышления.

Детские высказывания, содержащие лексические генерализации, отражают «сверхнаивную» концептуализацию действительности – с точки зрения взрослых носителей языка, безусловно комичную: *Мама, смотри, гусь в окно глядит!* (2) – о воробье на карнизе окна; *Сейчас будем картошку феном пылесосить* (2,5) – взбивать миксером пюре; *Фу, какой пыль!* (2,5) – о тумане; *О, свинка!* (3) – о динозавре; *Смотри, какая селедка!* (3) – о дельфине; *Это кошка и ее личинки* (3) – о родившихся котятках; *Мамочка, умоляю тебя, купи мне вот этого красивого, большого петуха!* (3,3) – о павлине; *В телевизоре червяк съел оленя!* (3,5) – впечатлен сюжетом программы «В мире животных», где удав проглотил козленка. Расширение денотативной сферы применения лексических единиц возникает благодаря обобщению наблюдаемого сходства эмпирических или функциональных признаков окружающих ребенка объектов.

В отличие от генерализаций, игровые переименования носят преднамеренный характер. В процессе игровой деятельности дети способны использовать любой предмет в символической функции – замещая иной предмет, а также отождествляя самого себя или другого человека с неодушевленным объектом или живым существом: *Я прыгаю бабочкой. Крылышком махаю, вот так* (2,4) – прыгает с возвышения; *Это моё седло, я на лошадке катаюсь* (3,5) – пытается передвигаться по полу, сидя на подушке; *Смотри, я построил замок! Я там король* (3); *Папа, я зайчик, а ты лиса, беги за мной!* (4); *Я курочка. Хочешь, мама, чтоб много яичек родилось?* (4,10). С возрастом, приобретением опыта и развитием воображения игровые переименования усложняются. Мама везет ребенка на санках: *Мама, ты лошадь, а я в карете еду* (4,5); *Давай играть, что я твой пингвиний сын и мне нужно глубоко нырять!* (5); Накладывает в ведро речной песок: *Только сегодня в нашем магазине отличная лечебная грязь! Покупайте грязь! Вода в подарок!* (5); *Я фея, дарю тфелыки, хорошие сны, а ещё зубы забрать могу, если выпали* (6); *Я полицейский! Садись в тюрьму и думай о своем поведении!* (6); Во дворе 7-летний мальчик раздает указания детям помладше: *Играть будем в машину. Я – машина, ты – левое переднее колесо, ты – правое, ты – заднее, и ты – ещё одно заднее* (7); На прогулке в детском саду девочка бросается на

живот в снег с грязью с криком: **Боевые черепахи, за мной!** (6) – следом падают ещё три «черепахи».

Показательно, что во многих случаях подобные детские высказывания отражают закономерный (хотя и не всегда отчетливо улавливаемый) переход от игровых переименований к мотивированному метафорическому переносу: *А ты волк. У тебя зубы большие* (2,7) – отцу во время игры; *А я ветер! Я веду корабль* (4,7); *Это мы называем дракончик* (6,6) – зажигает несколько спичек сразу; *Макает оладьи в сметану: Ой, помогите! Меня болото засасывает!* (6,1); Дети колот грецкие орехи и разговаривают от их имени: *Кто меня разобьет, тот будет есть мой мозг!* (7).

Если сверхгенерализации демонстрируют принадлежность к одной и той же концептуальной области, то игровые переименования и метафорические номинации отражают осмысление реалии одной понятийной сферы в логике другой сферы.

Наряду с речетворчеством при освоении логики переноса ребенок нередко прибегает к имитации речи взрослых носителей языка. Довольно рано дети начинают употреблять явно заимствованные из инпута клишированные высказывания, содержащие стертый перенос: *Дождь (или снег) идет; Солнышко спряталось (село, зашло, взошло); Звезды горят; Зима пришла; Душа болит; Терпение лопнуло; Молоко убежало; Гора игрушек* и т. п. Как пишет Е. А. Барляева, «не освоить метафору нельзя – язык настойчиво навязывает человеку метафору» [Барляева, 2008, с. 165]. При зарождении способности к метарефлексии ребенок пытается прояснить мотивацию переносного словоупотребления, задавая уточняющие вопросы или высказывая сомнения: В.: *Видишь, бабочка сидит. Р.: А где ее стульчик?* (2); *Как же молоко может убежать, ведь у него ног нет?* (2,7); *А почему на голове хвостик?* (3,4). В раннем возрасте дети нередко противоречат взрослым, демонстрируя буквальное понимание переносного значения: В.: *У тебя книга вверх ногами. Р.: Здесь нет ни одной ноги!* (2); В.: *Настя, посмотри, снег идет!* Р.: *Это Настя идет, а снег лежит!* (2); В.: *У меня ноги гудят. Р.: Я послушал, они не гудят* (3).

В связи с многочисленными фактами, свидетельствующими о непонимании маленькими детьми значения образных номинаций, способность дошкольников к осознанному метафорическому переносу ставится под сомнение. Ряд исследователей (С. Л. Рубинштейн, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева, К. Ф. Седов) опираются на принципиальное положение Л. С. Выготского, согласно которому «метафоры в собственном смысле слова еще не существует у ребенка. Метафоры являются для него действительным сбли-

жением впечатлений» [Выготский, 1984, с. 101]. По утверждению К. Ф. Седова, детские метафоры «напоминают магические образы первобытных людей: говоря метафорами, маленький человек не осознает наличие в его словоупотреблениях двух значений» [Седов, 2008, с. 87]; первые элементарные способы метафорического мышления появляются у детей только к концу дошкольного возраста [Седов, 2008, с. 89]. Другие ученые (А. Н. Гвоздев, Т. А. Гридина, В. К. Харченко, М. Б. Елисеева) утверждают, что метафорический механизм начинает функционировать уже на ранних этапах онтогенеза – с двухлетнего возраста. А. Н. Гвоздев подчеркивает: «сам ребенок уже осознает возможность переноса значения и пользуется этой возможностью с целью известной выразительности» [Гвоздев, 1990, с. 60]. Словари детской речи В. К. Харченко, основанные на богатейшем фактическом материале, содержат множество примеров неосознанных и преднамеренных метафорических переносов [Харченко, 2002; Харченко, 2012]. По убеждению Н. М. Голевой, детским высказываниям свойствен тропеический симбиоз: они «сопровождаются обилием образных средств, часто наслаивающихся одно на другое» [Голева, 2021, с. 84]. В зарубежной онтолингвистике данную проблему решают путем своеобразного компромисса – дифференцируя процессы производства и понимания метафоры [Pearson, 1990]: дети продуцируют метафорические номинации с самого раннего возраста, но понимать метафоры они не способны [Gentner, 1988].

На наш взгляд, в онтогенезе речевого развития ребенка метафора уже на самых ранних этапах выступает как важнейший когнитивный инструмент освоения и интерпретации действительности.

Дети начинают употреблять первые условно метафорические высказывания приблизительно с 1 года 11 месяцев: *Суну в карман* (1,11) – о варенье, в которую сует руку; *Я летаю* (2,1) – качаясь на качелях; *Мама, смотри, собака-медведь!* (2,5) – о большой лохматой собаке; *Это такая ложка. Он ест так* (2,5) – о ковше экскаватора; *Блинчик вспотел* (2,5) – о каплях воды; *Смотри-те, молоко!* (3) – о снеге; *Тучка – это домик, там живёт дождик* (3); *На меня ветер дышит* (3,2); *Дождик мне плюнул в лицо* (3). Хотя ребенком освоены прямые значения используемых лексических единиц, остается не вполне ясным, метафора перед нами или буквальное наделение одних предметов свойствами других. Вместе с тем очевидно, что сознание ребенка устанавливает в данных случаях не тождество, а именно подобие предметов, принадлежащих разным концептуаль-

ным сферам. Рассматриваемые контексты отражают действие механизма произвольной образной аналогии и зарождение способности сопоставлять разные объекты действительности.

Первоначально ребенком улавливается сходство формы или функции эмпирически наблюдаемых реалий: Листок ландыша называет **рыбка**, падающие с деревьев листья – **бабочками** (2); *Я себе нос **накормил** яблоком* (2,5) – испачкал; *Листья покатались, и стала длинная **змея** из листьев* (2,7); *Снег летит* (3,5) – о тополином пухе; *Ого, самолёт небо **царапает*** (4) – видит след от реактивного самолета. Подтверждают действие собственно метафорического механизма в детской речи, по нашим наблюдениям, следующие признаки: сближение реалий разных концептуальных сфер; наличие в лексиконе ребенка прямой номинации характеризуемого объекта и освоенность прямого значения слова-образа; констатация не тождества, а подобия реалий; понимание условности уподобления, сопровождаемое особой, выразительной интонацией и/или комментарием, свидетельствующим об осознании переноса даже в раннем возрасте.

К 4–5 годам складывается система основных метафорических моделей: антропоморфная, натурморфная, артефактная метафоры, первоначально направленные на сравнение и осмысление предметных, сенсорно воспринимаемых сущностей. Среди выявленных нами моделей преобладает антропоморфная, однако это преобладание оказалось незначительным.

Антропоморфная метафора основана на изначально присущем ребенку анимизму мышления – тотальном одушевлении всего окружающего. «Антропоморфичность мышления свойственна человеку с тех пор, как он начинает осознавать себя человеком, и особенно ярко проявляется в детстве, затрагивая системные свойства мышления как инструмент „приручения” природных объектов и явлений» [Песина, Вторушина, 2022, с. 47]. Наделяя неодушевленные объекты и явления физиологическими, ментальными, деятельностными человеческими качествами, детское сознание фиксирует визуальную, звуковую, функциональную общность элементов вещного, человеческого и природного мира: *Наша машина **спотыкается*** (3,5) – о езде по неровной дороге; *Кастрюля **сердится*** (4) – о кипящей кастрюле; *Телевизор **заснул*** (4) – о неработающем телевизоре; *Мама, посмотри, как луна **похудела!*** (4,5); *Небо красное. Всё, **заболело!*** (4); *Баранка – это **подруга** бублика* (4,5); *Какой **грустный** бантик...* (4,8) – о банте, который не удается пышно и красиво завязать; *Смотрите, машины-**близнецы*** (5) – об одинаковых машинах; *Пазлы **тренируют***

ум (6); *Ура! Мы **предводители** пробки!* (7) – едет в машине, которая первой остановилась на светофоре. Самые продуктивные детские образы – семьи, организма, движения, состояния сна, разноаспектных проявлений социального взаимодействия (*лечить, учить, тренировать, играть, побеждать, нападать, ссориться, дружить* и др.). Социоморфная метафора в речи детей безусловно преобладает над образными репрезентантами физиологической и эмоциональной сферы.

Антропоморфизм детского мышления проявляется и в активном продуцировании артефактных и натурморфных метафор.

В составе натурморфной модели в речи детей доминирует зооморфная метафора. При этом метафорическую характеристику получает не только человек, но и неодушевленный объект: *У нас дома **ежик** растет* (4) – о кактусе; *Нет, я эти толстые, как **гусеница**, не люблю. Я люблю тоненькие, маленькие **червячки!*** (4) – о макаронных изделиях; Ребенок требует мясо и отказывается от зелени: *Ты ешь свои **витамины**, а мы с бабулей **хищники*** (4,5); Девочку просят поиграть с 9-месячной сестренкой, которая ползает по полу: *Нет, я хочу в бабочку играть, а она еще **гусеница*** (6); *Эта машина **зимующая**, а у папы – **перелетная*** (5) – смотрит на засыпанную снегом машину; *Этот карандаш такой **бесполезный**, как **уставшая лошадь!*** (6) – неудовлетворенная собственным рисунком, девочка задумчиво разглядывает карандаш; *Мама, я есть хочу, как **бык** после бегов!* (9); *Бродим по школе, как **олени** по тундре* (10) – о кабинетной системе. В речи детей школьного возраста зооморфизмы приобретают символическую функцию, отражая усвоение общенациональных эталонов образной номинации: *Когда дождь, и **черепаха** становится **гепардом!*** (8,5) – о вынужденном беге во время дождя; *Не такой уж он и **динозавр!*** (11) – о пожилом враче.

Самыми частотными в исследуемом материале оказались образы змеи (как эталона длины и гибкости), медведя (в первую очередь эталона лени), собаки, ежа; из частей тела животных важны для детей *крылья* и *когти* (в силу значимости их функций – перемещения, нападения, защиты); среди действий животных актуальны *ползать* и *летать*: первое – как самый ранний и типичный для ребенка способ перемещения; второе – напротив – как недоступный и желаемый способ.

Нередки детские ассоциации с объектами неживой природы: *Если пойдешь в этих домах, так и не пройдешь. Там **тайга** домов!* (4); *Надо быть **солнышком**, радоваться всему, а ты **тучка!*** (4,5) – обращается к старшей сестре; *Я сегодня в **снегу** буду спать: одеяло же белое!* (4,9); *Такая красивая внутри, белая! Мне кажется, я ем **небо***

(5,2) – о груше; *Сейчас будет песочный водопад* (5,3); *Как можно пить такую горячую смолу!* (6,7) – о крепком чае; *И ходит она, как будто океан бурлит* (6,9) – о недовольной, ворчливой соседке. Наиболее актуальным в детской речи оказался образ воды, чаще всего привлекаемый для выражения признаков динамичности и интенсивности процессов и представленный широким кругом репрезентантов: *огонь потек, полился; льется время; кровь течет струей, целое море птиц; океан добра; волны облаков; не суп, а болото; не волосы, а водопад.*

Менее частотной оказалась фитоморфная метафора: *Ой, какая луна! Как арбуз! А бывает как банан* (3,5); *Надо собрать букет сосуллек* (4); *Кактус* (5) – о царапающемся котенке; *Когда солнце вышло – все небо красное, а само солнце как апельсин!* (8,1).

Артефактная метафора – закономерное порождение детского эгоцентрического мышления с присущим ему артификализмом (термин Ж. Пиаже) – убеждением в том, что окружающая реальность, в том числе явления природы, создана людьми. Неслучайно самым частотным репрезентантом этой модели стал глагол *включить*, используемый по отношению к самому широкому кругу объектов, включая натурфакты и – позже – абстрактные феномены: *включи солнце, луну, небо, день, ночь, глазки, праздник, смекалку, воображение.* В рамках артефактной модели для современных детей частотны метафора механизма и цифровая метафора: *Я дрожу, как холодильник* (5,2) – после купания в речке; *Пусть лук растет большой. Как фонтан* (7,9) – о посаженном зеленом луке; *Я просыпаюсь, как гоночная машина, – быстро!* (5); *Я бегаю, как вентилятор: от меня холодный воздух идет* (5,7); *Ей надо надеть костюм танка!* (6) – при обсуждении новогоднего костюма младшей сестры намекает на ее характер; *Андрюха, как увидел черешню, набросился на нее и начал молотить, как комбайн* (10,5); *Сейчас загрузится* (4,5) – в ожидании лифта; *Я завис* (4,5) – задумался; *Мама, скачай мне воды!* (4) – налей; *Мама, активируй мне капюшон!* (5,5) – вытащи из-под воротника; *Дед побежал из леса вслед за зайцем, потому что заяц – его навигатор* (7). Широко распространена и пищевая метафора, нередко функционирующая в форме прямого сравнения: *Корки нету – один мякиш остался* (4) – о книге без обложки; *Какая погода молочная!* (4) – о тумане; *Сыро, как в мясе* (5) – о сырой, дождливой погоде; *У меня глаза коричневые, как котлета* (5); *Что ты глаза вытаращил? Как манная каша они у тебя, размазанные* (5,9).

Приведенные примеры отражают образное переосмысление конкретных, предметных сущно-

стей с опорой на их сенсорно воспринимаемые признаки – визуальные, аудиальные, кинестетические (обонятельные, вкусовые, тактильные). Часто детский мотивирующий признак с точки зрения узуса является периферийным, случайным, что порождает неожиданные, окказиональные ассоциации: *книга – хлеб* (общий смысловой признак – мягкость), *глаза – котлета* (цвет), *погода – мясо* (сенсорный дискомфорт); *ребенок – холодильник* (непроизвольные мелкие колебательные движения), *ребенок – вентилятор* (высокая скорость и круговая траектория перемещения), *ребенок – гусеница* (способ перемещения и условное сходство внешнего облика) и др. Ряд смысловых параллелей сопровождает и общность эмоционально-аффективных реакций ребенка, порождая гиперболизацию привлекаемого образа (*лук – фонтан, карандаш – лошадь, груша – небо, кошка – дельтаплан, человек – океан, ребенок – гоночная машина, экскаватор, комбайн*).

К старшему дошкольному возрасту, наряду с непреднамеренными образными аналогиями, в детской речи появляются преднамеренные, осознанные метафоры, экспрессивно характеризующие объекты внешнего и внутреннего мира, а также сложные абстрактные процессы и явления, сущность которых возможно познать при помощи лишь метафорических репрезентаций: *Мама, а сон – он как ветер?* (5); *Папа, а эхо – это тень голоса?* (5); *Расползлись мои мечты, как черные змеи* (10,8); *Три года промчатся, словно голубой конь* (11). Показательно, что в основе подобных метафор лежат уже не эмпирически воспринимаемые признаки соотносимых реалий, а их ассоциативная близость в памяти ребенка. В отличие от ранних образных репрезентаций, обращает на себя внимание умозрительный характер мотивации и усложнение структуры образа.

Мы обнаружили, что в речи старших дошкольников формируется, с одной стороны, эстетическая метафора, выступающая репрезентантом и инструментом поэтического мышления: *Танцуют капельки, как фонтанчик. Как будто наперегонки бегают. Брызги будто фейерверк* (6,6); *Музыки много вокруг... музыка ветра, музыка дождя, музыка улицы, музыка шуршащей бумаги... как услышишь, сразу танцуй и ты станешь счастливой!* (7); *Какое классическое сегодня небо!.. Экспрессия – да и только!* (7); *Печаль красоты* (7,3) – о мелодии; *Лунное настроение* (6,5). Рождаемый образ в этом случае, как правило, оригинален, отличается семантической емкостью, многоплановостью.

С другой стороны, рационально-прагматическое отношение к действительности посредством социоморфной метафоры порождает

во многом стереотипный, семантически одномерный образ, хотя и нередко трансформированный, но основанный на логике узуальных, регулярно воспроизводимых метафорических моделей: *Зима никак не хочет уходить, с весной борется* (5); *Добро побеждает зло, а иногда ничья!* (5); *Мама, ты пилот! Ты у нас семьей управляешь* (6); *Мама велела ходить в шарфе. А я вчера в нем даже заснула. Перевыполняю план!* (5,11); *Все птицы улетели на юг, а голуби забастовали* (~7).

По-видимому, есть основания уже на этом этапе онтогенеза дифференцировать две ментальные стратегии метафорической репрезентации действительности: экспрессивно-изобразительную, свойственную эстетико-ориентированному, поэтическому мышлению, и рационально-игровую, отличающую социоориентированное, прагматическое мышление.

И в том и в другом случае дети обнаруживают высокий уровень когнитивного и коммуникативного развития: способность к определению содержания абстрактных реалий, осознанному экспериментированию с семантикой языкового знака и языковой игре. Многие детские метафорические высказывания носят афористичный характер: *Я с ленью борюсь... И каждый раз проигрываю!* (6); *Войну приносит ветер вражды* (6); *Человек без жены что дерево без гусеницы!* (7); *Когда ты счастлива – ты полна жизнью* (9); *Лень – это уснувшее трудолюбие* (11).

Заключение

Таким образом, анализ детских метафорических высказываний позволяет выделить несколько этапов в динамике процесса образной концептуализации действительности и ведущих механизмов, сопровождающих каждый этап. Ранний этап когнитивного и речевого развития детей (в возрасте до 3-х лет) демонстрирует появление условных метафорических номинаций, основанных на механизмах генерализации, замещения и имитации. На втором этапе (в возрасте 3–4-х лет) активизируются аналоговые возможности детского мышления, начинает формироваться система собственно метафорических моделей. Вместе тем восприятие ребенка в этот период отличается синкретизмом, диффузностью, аффективностью. В речи преобладают окказиональные метафорические проекции, основанные на механизмах синестезии и гиперболизации.

В старшем дошкольном возрасте (в возрасте 5–7 лет) дети приобретают способность к аналитической деятельности и структурированию реалий окружающего мира, задействуя механизмы сегментации и профилирования. В этот период обна-

руживается умение структурировать объекты, вычленять их общий мотивационный признак, который может совпадать или не совпадать с узуальным – в зависимости от уровня когнитивной, социокультурной и коммуникативной компетентности ребенка.

Школьники в возрасте от 7 лет демонстрируют способность свободно оперировать образом, отвлеченным от предмета, и овладение конвенциональными нормами метафоризации. В их речи игровые переименования и окказиональные метафоры постепенно уступают место осознанной языковой игре. Структура образа усложняется. Формируются две ментальные стратегии образной репрезентации действительности: экспрессивно-изобразительная, свойственная эстетико-ориентированному, поэтическому мышлению, и рационально-игровая, отличающая социоориентированное, прагматическое мышление.

В ходе онтогенеза мысль ребенка движется от генерализованных обобщений к отражению дифференциальных признаков реалий, от неосознаваемых метафорических номинаций к управляемым процессам образной репрезентации и осознанной языковой игре, от эмпирического опыта к постижению абстрактных феноменов.

В целом, формированию способности к образной репрезентации действительности, с одной стороны, способствует игра и детское воображение, фантазирование, произвольное наделение одного предмета свойствами другого, отождествление принципиально разных реалий. С другой стороны, нельзя исключать влияние инпута, предлагающего детям устойчивые образные модели, представляющие собой готовые универсальные когнитивные схемы, некую матрицу для осмысления нового, неизвестного или слишком сложно-го явления в логике уже знакомой реалии.

Нет оснований сомневаться в том, что метафора является ранней ментальной процедурой, играющей ведущую роль в процессах категоризации и концептуализации явлений окружающего мира. В онтогенезе речевой способности ребенка она реализует как номинативную функцию, компенсируя недостаточный уровень языкового развития подрастающей личности, так и когнитивную, выступая в качестве инструмента эмоционально-экспрессивного освоения и интерпретации действительности.

Библиографический список

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Жизненный цикл метафоры // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 192–196.
2. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

3. Барляева Е. А. Метафора как реализация символа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3. Ч. II. С. 161–166.
4. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. 464 с.
5. Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. Москва : Педагогика, 1984. 432 с.
6. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 324 с.
7. Гвоздев А. Н. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка. Куйбышев : Изд-во Саратовского ун-та (Куйб. филиал), 1990. 104 с.
8. Говорят дети. URL: <http://old.det.org.ru/> (дата обращения 05.04.2024).
9. Голева Н. М. Комплексная тропеическая природа детских умозаключений // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 81–90.
10. Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2012. 202 с.
11. Илюхина Н. А. Дискурсивный аспект генезиса когнитивной метафоры // Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2022. С. 20–27.
12. Кульчицкая Л. В. Когнитивная метафора – концептуальная метафора – метафорическая модель: онтологический статус понятий // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15. № 1(77). С. 117–124.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. Леутин В. П., Николаева Е. И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность. Санкт-Петербург : Речь, 2008. 368 с.
15. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. Москва : Прогресс, 1990. С. 358–386.
16. Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Антропоморфизм в обиходной картине мира // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 46–51.
17. Песина С. А., Солончак Т. Ю. Классификация метафор с позиций удаления от первоначального смысла и типа интеллекта // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4(51). С. 255–259.
18. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа и ребенка. Логика и психология. Москва : Просвещение, 1969. 659 с.
19. Реброва Н. П., Чернышева М. П. Межполушарная асимметрия мозга человека и психические процессы. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 96 с.
20. Ротенберг В. С. Межполушарная асимметрия, ее функция и онтогенез // Руководство по функциональной межполушарной асимметрии. Москва : Научный мир, 2009. Гл. 6. С. 164–184.
21. Самигулина Ф. Г. Специфика речемыслительной деятельности в онтогенезе: психо- и социолингвистический аспекты // Проблемы онтолингвистики – 2023: вариативность речевого онтогенеза. Санкт-Петербург : ООО «Издательство ВВМ», 2023. С. 80–84.
22. Седов К. Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека. Москва : Лабиринт, 2008. 320 с.
23. Симерницкая Э. Г. Доминантность полушарий. Москва : Изд-во МГУ, 1978. 95 с.
24. Солнышко: детский портал. URL: https://solnet.ee/sol/013/h_000 (дата обращения 05.04.2024).
25. Харченко В. К. Корпус детских высказываний. Москва : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2012. 520 с.
26. Харченко В. К. Словарь современного детского языка. В 2-х т. Белгород : Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2002.
27. Чернейко Л. О. Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 63. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, МАКС Пресс, 2021. С. 40–61.
28. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивная парадигма в современной политической метафорологии // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 142–145.
29. Шахнарович А. М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. Москва : Наука, 1991. С. 185–220.
30. Gentner D. Metaphor as structural mapping: The relational shift // Child Development. 1988. № 59. P. 47–59.
31. Pearson B. The comprehension of metaphor by preschool children // Journal of Child Language. 1990. № 1. JCL 17. P. 185–203.

Reference list

1. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Zhiznennyj cikl metafory = The life cycle of a metaphor // Kognitivnye issledovaniya jazyka. 2022. № 4 (51). S. 192–196.
2. Baranov A. N. Deskriptornaja teorija metafory = Descriptive theory of metaphor. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 632 s.
3. Barljaeva E. A. Metafora kak realizacija simvola = Metaphor as a symbol realization // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2008. Vyp. 3. Ch. II. S. 161–166.
4. Budaev Je. V. Sopostavitel'naja politicheskaja metafologija = Comparative political metaphor studies. Sankt-Peterburg : Naukoemkie tehnologii, 2020. 464 s.
5. Vygotskij L. S. Sbranie sochinenij. V 6 t. T. 4. Detskaja psihologija = Collected works. In 6 vols. Vol. 4. Children's psychology / pod red. D. B. Jel'konina. Moskva : Pedagogika, 1984. 432 s.
6. Gvozdev A. N. Ot pervyh slov do pervogo klassa. Dnevnik nauchnyh nabljudenij = From first words to the first form. The diary of scientific observations. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1981. 324 s.
7. Gvozdev A. N. Razvitie slovarnogo zapasa v pervye gody zhizni rebenka = Evolution of vocabulary in the child's first years. Kujbyshev : Izd-vo Saratovskogo un-ta (Kujb. filial), 1990. 104 s.

8. Govorjat deti = Children speak. URL: <http://old.det.org.ru/> (data obrashhenija 05.04.2024).
9. Goleva N. M. Kompleksnaja tropeicheskaja priroda detskih umozakljuchenij = The complex tropaeic nature of children's inferences // Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija. 2021. T. 7. № 3. S. 81–90.
10. Gridina T. A. Ob#jasnitel'nyj slovar' detskih innovacij = Explanatory dictionary of children's innovations. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2012. 202 s.
11. Ijuhina N. A. Diskursivnyj aspekt genezisa kognitivnoj metafory = A discursive aspect of the cognitive metaphor genesis // Jazyk – tekst – diskurs: diskursivnoe izmenenie jazykovyh processov. Samara : Samarskaja gumanitarnaja akademija, 2022. S. 20–27.
12. Kul'chickaja L. V. Kognitivnaja metafora – konceptual'naja metafora – metaforicheskaja model': ontologicheskij status ponjatij = Cognitive metaphor - conceptual metaphor - metaphorical model: ontological status of concepts // Lichnost'. Kul'tura. Obshestvo. 2013. T. 15. № 1(77). S. 117–124.
13. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by. Moskva : Editorial URSS, 2004. 256 s.
14. Leutin V. P., Nikolaeva E. I. Funkcional'naja asimmetrija mozga: mify i dejstvitel'nost' = Functional brain asymmetry: myths and reality. Sankt-Peterburg : Rech', 2008. 368 s.
15. MakKormak Je. Kognitivnaja teorija metafory = Cognitive theory of metaphor // Teorija metafory / pod red. N. D. Arutjunovoj i M. A. Zhurinskoj. Moskva : Progress, 1990. S. 358–386.
16. Pesina S. A., Vtorushina Ju. L. Antropomorfizm v obihodnoj kartine mira = Anthropomorphism in everyday worldview // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija. 2022. T. 6. № 4. S. 46–51.
17. Pesina S. A., Solonchak T. Ju. Klassifikacija metafor s pozicij udalenija ot pervonachal'nogo smysla i tipa intellekta = Classification of metaphors in terms of distance from the original meaning and the type of intellect // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2022. № 4(51). S. 255–259.
18. Piazhe Zh. Izbrannye psihologicheskie trudy. Psihologija intellekta. Genezis chisla i rebenka. Logika i psihologija = Selected psychological works. Psychology of the intellect. The genesis of number and the child. Logic and psychology. Moskva : Prosveshhenie, 1969. 659 s.
19. Rebrova N. P., Chernysheva M. P. Mezhpolutsharnaja asimmetrija mozga cheloveka i psihicheskie processy = Interhemispheric asymmetry of the human brain and mental processes. Sankt-Peterburg : Rech', 2004. 96 s.
20. Rotenberg V. S. Mezhpolutsharnaja asimmetrija, ee funkcija i ontogenez = Interhemispheric asymmetry, its function and ontogeny // Rukovodstvo po funkcional'noj mezhpolutsharnoj asimmetrii. Moskva : Nauchnyj mir, 2009. Gl. 6. S. 164–184.
21. Samigulina F. G. Specifika rechemyslitel'noj dejatel'nosti v ontogeneze: psiho- i sociolingvisticheskie aspekty = Specific speech-thought activity in ontogenesis: psycho- and sociolinguistic aspects // Problemy ontolingvistiki – 2023: variativnost' rechevogo ontogeneza. Sankt-Peterburg : OOO «Izdatel'stvo VVM», 2023. S. 80–84.
22. Sedov K. F. Ontopsiholingvistika: stanovlenie kommunikativnoj kompetencii cheloveka = Ontopsycholinguistics: the development of human communicative competence. Moskva : Labirint, 2008. 320 s.
23. Simernickaja Je. G. Dominantnost' polusharij = Hemispheric dominance. Moskva : Izd-vo MGU, 1978. 95 s.
24. Solnyshko: detskij portal = The Sun: children's portal. URL: https://solnet.ee/sol/013/h_000 (data obrashhenija 05.04.2024).
25. Harchenko V. K. Korpus detskih vyskazyvanij = Children's phrases corpus. Moskva : Izd-vo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, 2012. 520 s.
26. Harchenko V. K. Slovar' sovremennogo detskogo jazyka = Dictionary of modern children's language. V 2-h t. Belgorod : Izd-vo Belgorodskogo gos. un-ta, 2002.
27. Chernejko L. O. Jazykovaja metafora i metaforicheskoe myshlenie = Linguistic metaphor and metaphorical thinking // Jazyk, soznanie, kommunikacija. Vyp. 63. Moskva : MGU im. M. V. Lomonosova, MAKS Press, 2021. S. 40–61.
28. Chudinov A. P. Kognitivno-diskursivnaja paradigma v sovremennoj politicheskoy metaforologii = The cognitive-discursive paradigm in contemporary political metaphor studies // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2020. № 2 (41). S. 142–145.
29. Shahnarovich A. M. K probleme jazykovoj sposobnosti (mehanizma) = Toward the problem of linguistic ability (mechanism) // Chelovecheskij faktor v jazyke: jazyk i porozhdenie rechi. Moskva : Nauka, 1991. S. 185–220.
30. Gentner D. Metaphor as structural mapping: The relational shift // Child Development. 1988. № 59. P. 47–59.
31. Pearson B. The comprehension of metaphor by preschool children // Journal of Child Language. 1990. № 1. JCL 17. P. 185–203.

Статья поступила в редакцию 19.05.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 19.05.2024; approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-120
EDN: NVPAPR

Денотативный и психолингвистический аспекты значения слов, обозначающих морально-этические понятия

Василиса Валерьевна Матюшина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2, Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации. 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
vas-matyushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-6398>

Аннотация. Изучение концептуальных понятий в психолингвистике осуществляется в основном посредством проведения ассоциативных экспериментов. В данном исследовании предпринята попытка сравнения денотативного и психолингвистического аспектов значения понятий.

Определение объема каждого аспекта значения – денотативного и психолингвистического – в концептуальном понятии. Компонентно-дефиниционный анализ применен для выявления денотативного аспекта значения, психолингвистический аспект значения определяется в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Как известно, денотат представляет собой общее логическое понятие, тогда как психологически реальное значение слова есть объемное значение понятия, включающее в себя разнообразные когнитивные и эмоциональные элементы. Для иллюстрации в работе взят пример понятия *справедливость*. Для анализа взяты словарные статьи из юридических, социологических, политических и философских словарей русского языка, а также данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов МГИМО. Толковые словари и энциклопедии делают акцент на дефинициях понятия *справедливость*, трактуя его как морально-категорию или категорию, относящуюся к области права. В свободном ассоциативном эксперименте концепт справедливость выступал как стимул, на который следовало дать реакцию. В ходе ассоциативного эксперимента выяснилось, что такие компоненты значения понятия *справедливость* как *этика* и *совесть*, присутствующие в дефинициях толковых и энциклопедических словарей, полностью отсутствуют среди реакций на стимул справедливость. Участники ассоциативного эксперимента скорее готовы искать *справедливость* в судебно-правовой сфере, о чем свидетельствует большинство данных на стимул реакций. Ожидаемый результат полностью подтвержден исследовательской практикой: психолингвистическое значение исследуемого понятия шире по объему и наполненности, чем денотативное значение, поскольку включает еще эмоционально-оценочные компоненты, выступающие в роли ассоциаций на определенную денотативную оболочку слова-понятия.

Ключевые слова: денотат; значение; концепт; ассоциация; языковое сознание; компонентно-дефиниционный анализ; ассоциативный эксперимент; оценка

Для цитирования: Матюшина В. В. Денотативный и психолингвистический аспекты значения слов, обозначающих морально-этические понятия // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 120–126. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-120>. <https://elibrary.ru/NVPAPR>

Original article

Denotative and psycholinguistic aspects of the words denoting moral and ethical concepts

Vasilisa V. Matyushina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the english language No. 2, Moscow state institute of international relations, MFA of the Russian Federation. 119454, Moscow, Vernadsky ave. 76
vas-matyushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-6398>

Abstract. Studying conceptual notions in psycholinguistics is done mainly through associative experiments. This study attempts to compare the denotative and psycholinguistic aspects of concept meanings.

The article aims to determine the scope of each aspect of meaning – denotative and psycholinguistic – in a concept.

The method of component-definition analysis is applied to reveal the denotative aspect of meaning, while the psycholinguistic aspect is determined in the course of free associative experiments.

© Матюшина В. В., 2024

It is common knowledge that the denotation is a general logical concept, whereas the actual psychological meaning of a word is a comprehensive concept meaning that includes a variety of cognitive and emotional elements. For the analysis, the author has chosen the concept justice studying dictionary entries from legal, sociological, political and philosophical dictionaries of the Russian language, as well as the data of a free associative experiment held with MGIMO students. Explanatory dictionaries and encyclopedias emphasize definitions of the concept justice, describing it as a moral category or a category belonging to the field of law. In the free associative experiment, the concept justice acted as a stimulus to be responded to. The associative experiment shows that such components of the meaning of justice as ethics and conscience, found in explanatory and encyclopedic dictionaries, are totally missing in the reactions to the stimulus justice. The participants in the associative experiment are more willing to seek justice in the judicial-legal sphere, as indicated by the majority of the responses given to the stimulus.

In conclusion, the expected result is fully confirmed by the research practice: the psycholinguistic meaning of the concept justice is much broader than the denotative meaning, because it includes emotional-evaluative components acting as associations to a certain denotative frame of the word-concept.

Key words: denotation; meaning; concept; association; linguistic consciousness; component-definition analysis; associative experiment; evaluation

For citation: Matyushina V. V. Denotative and psycholinguistic aspects of the words denoting moral and ethical concepts. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):120–126. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-120>. <https://elibrary.ru/NVPAPR>

Введение. В настоящее время одним из наиболее продуктивных и актуальных векторов семантических исследований является психолингвистический подход, где, в свою очередь, ассоциативный эксперимент остается основным методом изучения концептуальных понятий. Сразу оговоримся и сделаем поправку на то, что автор употребляет термины **слово, понятие, концепт** как синонимы, поскольку рамки статьи не позволяют уточнить безусловно осознаваемые автором терминологические различия.

В данной статье рассматривается научная проблема естественного и одновременного существования двух аспектов значения слов (концептуальных понятий). Во-первых, денотативного аспекта значения, трактуемого как логическое, общее для всех пользователей языка и заключенное в символическую, знаковую, оболочку слова, понятие. Во-вторых, психолингвистического аспекта значения слова, представленного как совокупность всех компонентов языка, то есть такого значения, которое выявляется исключительно экспериментальным путем и включает в себя различные когнитивные и эмоциональные элементы, которые по своей сути участвуют в составлении объемного содержания значения концепта и его оформлении в языковом сознании носителей языка.

Проблемы семантики всегда носили междисциплинарный и межпарадигмальный характер. Семантические проблемы сформировались и развиваются на стыке структурной, когнитивной, коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии и психолингвистики.

Вопрос о том, какой аспект значения концептов – денотативный или психолингвистический – наиболее важен для полного понимания семанти-

ки концепта, безусловно, является одним из наиболее спорных и сложных вопросов в лингвистике и психолингвистике. Сложность и важность этой проблемы обусловлены еще и тем, что для построения полной и адекватной концептуальной картины мира в сознании человека необходимы оба аспекта значения – денотативный и психолингвистический.

Цель статьи – определить соотношение денотативного и психолингвистического аспектов значения слов, обозначающих морально-этические понятия.

Методы исследования. 1) компонентно-дефиниционный анализ понятий из словарных статей в толковых словарях; 2) прямой ассоциативный эксперимент.

Гипотеза. Психолингвистическое значение понятия шире по объему и наполненности, чем денотативное значение.

Теоретическая и практическая значимость статьи зиждется на постулате о том, что результаты исследования, описанные в статье, представляют практическую и научную ценность для лингвистов, психолингвистов, педагогов, переводчиков и политиков.

Понятие денотата. Исходя из заявленной цели статьи, прежде всего, стоит указать на то, что подразумевается под денотативным аспектом значения понятия или слова. Под денотацией обычно понимается объект, обозначаемый определенным словом, то есть установленная и сложившаяся языковая единица (слово) может служить обозначением многих объектов действительности, которые все выражаются и маркируются как одна языковая единица с одинаковым значением..

Таким образом, денотативное значение – это «понятийное ядро значения, то есть «объективный» («номинативный», «внешнеситуационный», «когнитивный», «репрезентативный», «фактический», «диктальный», «предметно-реляционный») компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т. п. оттенков» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 129].

Психолингвистическое значение слова. В свою очередь, психолингвистическое значение слова – это так называемое «психологически реальное», по определению А. А. Леонтьева (1977), значение слова. Давайте разберемся, что подразумевается под «психологически реальным значением слова». Ученые-психолингвисты (А. А. Залевская, И. А. Стернин, А. А. Леонтьев) давно признали тот факт, что психологически реальное значение слова является фактом языкового сознания. Этот факт основан на положении о том, что значения слова в сознании носителя языка и в лексикографических и энциклопедических источниках не совпадают по объему компонентов и количеству вариантов значений.

Соответственно, психологически реальное значение слова представлено в индивидуальном сознании носителя языка, где присутствуют все семантические, прагматические, коннотативные, эмоционально-смысловые оттенки денотативного значения, общие для всех носителей языка. Все эти компоненты и оттенки связаны с определенной звуковой оболочкой денотата.

Другими словами, если мы упорядочим и свяжем воедино все компоненты значения, выявленные в ходе экспериментов, мы получим психолингвистическое, или психологически реальное, значение слова. И. А. Стернин формулирует это следующим образом применительно к психолингвистическому значению слова, которое понимается как «упорядоченное единство всех семантические компоненты, которые действительно связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин, 2010, с. 58].

Метод компонентно-дефиниционного анализа. Для выявления денотативного аспекта значения в лингвистике был использован хорошо известный метод компонентно-дефиниционного анализа. В этом анализе содержание слов из толковых словарей делится на спектр определенных компонентов (sem), из анализа всех sem выводится общий знаменатель, объединяющий все компоненты значения. Именно так анализируются сло-

варные определение и выявляются определенные семантические особенности, которые составляют денотативное значение.

Свободный ассоциативный эксперимент. Для выявления психолингвистического аспекта значения слова однозначно эффективен ассоциативный эксперимент, при этом этот эксперимент также является основным методом изучения языкового сознания носителей языка. Сознание носителей языка выступает местом формирования психологически реального значения слова. Как отмечает В. Е. Гольдин, используя материал ассоциативных экспериментов, можно «установить предсказуемые направления ассоциативных связей между стимулами и реакциями и таким образом приблизиться к пониманию принципов организации образа мира в сознании носителей языка» [Концептуальные переменные образа мира, 2010, с. 97].

Из этого следует, что основная цель ассоциативного эксперимента направлена на выявление индивидуального компонента содержания в определенном слове (понятии). В ходе такого эксперимента исследуются реакции, данные на словестимулы. Именно по этим стимулам можно судить о наличии определенных смысловых связей слов в сознании индивида.

Данные ассоциативного эксперимента раскрывают психологически реальное значение слова, то есть значение, которое действительно существует в сознании индивида, значение, которое индивид формирует и осознает внутри себя, наделяя это значение всеми оттенками своего жизненного опыта и чувств, связанных с этой звуковой оболочкой слова.

По мнению Н. И. Кургановой, «специфика значения живого слова раскрывается посредством моделирования структурных параметров его смыслового поля» [Курганова, 2019, с. 32]. Вследствие этого, ассоциация – это не просто ментальный образ, соотношенный со звуковой оболочкой (денотатом), это психологический механизм, запускающий процессы формирования психолингвистических значений в языковом сознании индивидов. Воспринимаемое слово в цепочке «стимул-реакция» приводит в движение образы, которые в результате участвуют в создании психолингвистических значений, которые в дальнейшем участвуют в формировании концептуальной картины мира в индивидуальном сознании.

Результаты компонентно-дефиниционного анализа. Итак, чтобы проиллюстрировать и подтвердить, каковы денотативные и психолингви-

стические аспекты значения слов, обозначающих морально-этические концепты, и как они функционируют, было решено взять концепт *справедливость* в качестве примера и анализа.

В результате компонентно-дефиниционного анализа денотативных определений, содержащихся в словарных статьях юридических, социологических, политических и философских словарей, были произведены обзор и обработка словарных определений с целью описания структурных компонентов значения понятия *справедливость*.

В современных энциклопедических словарях *справедливость* определяется как «категория **морально-правового** и социально-политического сознания, понятие о должном, содержащее требование **соответствия** между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием» [Большая энциклопедия, 2006] «понятие надлежащего **соответствия** между заслугами человека и теми хорошими и дурными событиями, которые случились или выпали на его долю» [Большой Российский энциклопедический словарь, 2003], «**моральный и политико-правовой** принцип, устанавливающий меру **соотношений** между людьми, а также между общественными институтами и гражданами, справедливость основывается на идее **равенства**» [Российская социологическая энциклопедия, 1998], «общая **нравственная** санкция совместной жизни людей, рассмотренной по преимуществу под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей» [Краткая Российская энциклопедия, 2003], «**нравственный** принцип, означающий наказание за зло и воздаяние за добро; принцип справедливости лежит в основе **права**» [Социологическая энциклопедия, 2003], «понятие о должном, содержащее в себе требование **соответствия** между практической ролью различных индивидов (социальных слоев, групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, трудом и вознаграждением, заслугами и их общественным признанием, преступлением и наказанием» [Политическая энциклопедия, 1999], «в гражданском праве – **правовой** принцип, который характеризует внутреннее свойство и качество права и выражает его социальную сущность. Справедливость определяет **баланс** между интересами личности и общества, личности и государства, интересами участников правовых отношений и отражает идеи **равенства**

и свободы» [Тихомирова, Тихомиров, 1999]. *Справедливость* может выступать в следующих формах: 1) она может выступать как морально-нравственная основа общественного устройства; 2) может рассматриваться как политико-правовой принцип государственного устройства; 3) функционировать в качестве баланса, поддерживающего и уравнивающего социальное положение и отношения в обществе; 4) законность проявляется через идеи равенства.

Далее на основе анализа предложенных выше дефиниций был выделен ряд семантических компонентов денотативного содержания понятия *справедливость*, выделенные семантические компоненты представлены ниже:

- мораль;
- право;
- нравственность;
- равенство.

В авторитетных лексикографических источниках русского языка *справедливость* определяется как «**беспристрастное отношение** к кому-либо, чему-либо» [Словарь русского языка, 1984], «**соответствие** человеческих отношений, законов, порядков **морально-этическим, правовым** нормам, требованиям» [Словарь современного русского литературного языка, 1963], «**правильный, сделанный законно, по правде, по совести, по правоте, истинность, правильность**» [Толковый словарь русского языка, 2000].

При анализе дефиниций понятия *справедливость* выделяются следующие семы:

- беспристрастность;
- мораль;
- этика;
- право;
- правильность;
- законность;
- правда;
- совесть;
- правота;
- истинность.

Далее, сравнивая семы, выявленные при анализе энциклопедических и лексикографических источников русского языка, мы приходим к выводу о наличии определенных расхождений в представлениях об исследуемом понятии, отраженных в означенных источниках, но в то же время и о наличии видимого сходства, что находит свое отражение в нижеприведенной таблице.

Таблица 1

**Сопоставительный анализ семантических
компонентов содержания понятия
справедливость, репрезентированных в
энциклопедических и лексикографических
источниках русского языка**

Энциклопедические источники русского языка	Лексикографические источники русского языка
мораль	мораль
право	право
нравственность	-
равенство	-
-	беспристрастность
-	этика
-	правильность
-	законность
-	правда
-	совесть
-	Правота
-	истинность

Из таблицы заметно, что в лексикографических источниках понятие *справедливость* понимается гораздо шире, чем в энциклопедических. Филологические источники включают наряду с понятиями морали и права также и нравственно-этический аспект феномена *справедливость*, выраженный через такие номинанты как **этика, совесть**.

Таким образом, все выявленные семы можно условно назвать синонимичными, а также отметить примерное соответствие между денотативным определением понятия *справедливость* в энциклопедических и лексикографических источниках. Во всех вышеупомянутых источниках денотат *справедливость* понимается как нечто моральное, нравственное, беспристрастное, правильное, по совести, с обязательным компонентом законности.

Напомним, что данное исследование ставило своей задачей также и рассмотрение значения с точки зрения психолингвистических методов его изучения, одним из которых является метод свободных ассоциаций.

Итак, объектом изучения в данной работе выступает понятие, или концепт *справедливость*, который выступает как стимул в свободном ассоциативном эксперименте.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента. В исследовательскую группу вошли студенты МГИМО разных курсов, возраста и по-

ла. В исследовании приняли участие 100 человек студентов. Было предложено дать свободные ассоциации на слово-стимул *справедливость*. Всего было дано 230 разных ассоциаций.

Справедливость – суд (11); честность (8); наказание (4); равенство (3); сила (2); судья (2); честь (2); заслуга (2); невиновен; единый; доверие; правосудие; неизвестность; защита; восстановить; нет; Бог; месть; равноправие; правильно; норма; добро; успех; альтруизм; власть; мера; преступление; оценка; решение; несправедливость; скудно; закон; долг; важность; молот; весы; добропорядочность; вознаграждение; порядочность; истина; мораль; мир; уважение; мужество; воин; мужчина; брат; семья; правило; сказки; отсутствие неравенства; добросовестность; почти не существует; ум; довольство; юриспруденция; отсутствие; хорошо; друг; мама; понятие; относительно; законность; здоровый; мудрость; благородство; цель; правда. **230:68:17:82.**

Самыми частотными ассоциациями, которые встречаются во всех возрастных и гендерных группах являются следующие ассоциации: *суд, честность, наказание, равенство, сила, судья, честь, заслуга*.

Сразу хочется отметить не очень большие точки пересечения значений между денотатами из толковых и лексикографических источников и реакциями на стимул *справедливость* из свободного ассоциативного эксперимента. Общие для всех словарные дефиниции **мораль, право** единичны в ассоциативном эксперименте, и только реакция **равенство**, которая встречается в виде денотата в словарях, дается испытуемыми также и в ассоциативном эксперименте. В индивидуальном языковом сознании в ходе свободного ассоциативного эксперимента отсутствуют такие реакции на стимул *справедливость* как **этика, совесть**, которые используются при описании денотата *справедливость* в словарных статьях лексикографических источников.

При более внимательном разборе реакций из ассоциативного эксперимента можно выделить целое ассоциативное поле «судебное разбирательство» с такими реакциями как **защита, невиновен, преступление, решение**. Учитывая вместе с тем достаточно большое количество реакций **суд** и **наказание**, предположим, что понятие *справедливость* присутствует в индивидуальном языковом сознании как концепт-ассоциат, связанный с поисками и наличием справедливости в судебно-правовой сфере.

Остальные реакции распределяются в основном по следующим категориям: конституционно-законодательная сфера (**равенство, закон** соответственно); сфера семейных отношений (**мама, брат, семья**); морально-этическая сфера (**добро, альтруизм, добропорядочность, порядочность, уважение, добросовестность, благородство, правда, мудрость**). Безусловно присутствует оценочность суждений о концепте (**важность, хорошо, мера, норма, здравый**).

В связи с наличием скептических по своей сути или отрицательных оценок понятия *справедливость* (**сказки, почти не существует** соответственно) предположим, что в индивидуальном языковом сознании сложился образ данного концепта как некоего недостижимого идеала.

Очень интересно отметить, что реакция **весы**, данная на стимул *справедливость*, может свидетельствовать о присутствии целого образа Богини правосудия Фемиды в индивидуальном языковом сознании, что говорит о том, что образы в индивидуальном языковом сознании могут приобретать характер объемных целостных картин, вероятно, произведших большое впечатление на испытуемых.

Заключение. Подводя итоги исследования, хочется подчеркнуть, что **цели**, поставленные в начале работы, и заявленная **гипотеза** полностью подтверждены в результате компонентно-дефиниционного анализа словарных статей и проведения свободного ассоциативного эксперимента. Определено соотношение денотативного и психолингвистического аспектов значения понятия *справедливость*. Психолингвистическое значение исследуемого понятия *справедливость* шире по объему и наполненности, чем денотативное значение, поскольку включает еще эмоционально-оценочные компоненты, выступающие в роли ассоциаций на определенную денотативную оболочку слова-понятия.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия в 62 т. Том 51. Москва : «Терра», 2006. 605 с.
2. Большой Российский энциклопедический словарь. Москва : Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. 1890 с.
3. Бутакова Л. О. Город как психолингвистический феномен: региональный аспект // Этнопсихолингвистика. 2023. № 3 (14).
4. Горячев В. В. О роли ассоциаций в отечественных исследованиях мышления // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 6.
5. Гольдин В. Е. Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). Вып. № 9(16). Москва : Изд-во РГГУ, 2010. С. 97–101.
6. Еремкина Е. С. Концепт «предатель» в национальном сознании носителей русского и китайского языков (по данным ассоциативного эксперимента) / Е. С. Еремкина, Е. Б. Трофимова // Научный диалог. 2019. № 5.
7. Заварзина В. А. Ассоциативное поле «Россия» в сознании русскоговорящих иностранцев: сопоставительный аспект // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания : материалы Всероссийского научно-практического Форума, Воронеж, 06–22 апреля 2023 года / под ред. Г. А. Заварзиной. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2023. С. 175–180.
8. Залевская А. А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб.ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой. Москва, 2000. С. 35–54.
9. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3. С. 24–37.
10. Краткая Российская энциклопедия. В 3 т. // сост. В. М. Карев. Москва : «Большая Российская энциклопедия», ОНИКС 21 век, 2003.
11. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. Москва, 1977. С. 5–16.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва : «Советская энциклопедия», 1990. 685 с.
13. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина в 4 т. Т. 2. Москва : Мысль, 2001. 480 с.
14. Политическая энциклопедия. В 2 т. // гл. ред. Г. Ю. Семигин. Москва : «Мысль», 1999.
15. Российская социологическая энциклопедия // под ред. Г. В. Осипова. Москва : НОРМА-ИНФРА, 1998. 660 с.
16. Словарь русского языка. В 4 т. Москва : Изд-во «Русский язык», 1984.
17. Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. / гл. ред. В. И. Чернышев. Москва – Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1963.
18. Социологическая энциклопедия. В 2 т. Москва : «Мысль», 2003.
19. Стернин И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2. С. 57–63.
20. Тихомирова Л. В., Тихомиров Л. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. Л. Ю. Тихомирова. Москва, 1999. 526 с.
21. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Астрель АСТ, 2000.
22. Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-meso-macro // Journal of Evolutionary Economics. 2004. Vol. 14. No. 4. P. 263–279.

Reference list

1. Bol'shaja jenciklopedija v 62 t. Tom 51 = The Big Encyclopedia in 62 vols. Volume 51. Moskva : «Terra», 2006. 605 s.
2. Bol'shoj Rossijskij jenciklopedičeskij slovar' = The Big Russian Encyclopedic Dictionary. Moskva : Izd-vo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 2003. 1890 s.
3. Butakova L. O. Gorod kak psiholingvističeskij fenomen: regional'nyj aspekt = The city as a psycholinguistic phenomenon: regional aspect // *Jetnopsiholingvistika*. 2023. № 3 (14).
4. Gorjachev V. V. O roli asociacij v otečestvennyh issledovanijah myšlenija = On the role of associations in Russian studies of thinking // *Mir nauki. Pedagogika i psihologija*. 2021. T. 9. № 6.
5. Gol'din V. E. Konceptual'nye peremennye obraza mira po dannym asociativnyh slovar'ej = Conceptual variables of the world image according to associative dictionaries data // *Komp'juternaja lingvistika i intelektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (Bekasovo, 26-30 maja 2010 g.)*. Vyp. № 9(16). Moskva : Izd-vo RGGU, 2010. S. 97–101.
6. Eremkina E. S. Koncept «predatel'» v nacional'nom soznanii nositelej russkogo i kitajskogo jazykov (po dannym asociativnogo jeksperimenta) = The concept «traitor» in the national consciousness of Russian and Chinese speakers (according to the associative experiment) / E. S. Eremkina, E. B. Trofimova // *Nauchnyj dialog*. 2019. № 5.
7. Zavarzina V. A. Asociativnoe pole «Rossija» v soznanii russkogovorjashchih inostrancev: sopostavitel'nyj aspekt = Associative field “Russia” in the consciousness of Russian-speaking foreigners: a comparative aspect // *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnyh nauk i metodiki ih prepodavanija : materialy Vserossijskogo nauchno-praktičeskogo Foruma, Voronezh, 06–22 apr'elja 2023 goda / pod red. G. A. Zavarzinoj*. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2023. S. 175–180.
8. Zalevskaja A. A. Znachenie slova i vozmožnosti ego opisanija = The meaning of word and the possibilities of its description // *Jazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie: Sb.st. / pod red. N. V. Ufimcevoj*. Moskva, 2000. S. 35–54.
9. Kurganova N. I. Asociativnyj jeksperiment kak metod issledovanija znachenija živogo slova = Associative experiment as a method of investigating the meaning of a living word // *Voprosy psiholingvistiki*. 2019. № 3. S. 24–37.
10. Kratkaja Rossijskaja jenciklopedija. V 3 tt. = Concise Russian Encyclopedia. In 3 vol. // sost. V. M. Karev. Moskva : «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», ONIKS 21 vek, 2003.
11. Leont'ev A. A. Obshhie svedenija ob asociacijah i asociativnyh normah = General information on associations and associative norms // *Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka / pod red. A. A. Leont'eva*. Moskva, 1977. S. 5–16.
12. Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary / gl. red. V. N. Jarceva. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1990. 685 s.
13. Novaja filosofskaja jenciklopedija = New Encyclopedia of Philosophy / pod red. V. S. Stepina v 4 t. T. 2. Moskva : Mysl', 2001. 480 s.
14. Političeskaja jenciklopedija = Encyclopedia of Politics. V 2 tt. // gl. red. G. Ju. Semigin. Moskva : «Mysl'», 1999.
15. Rossijskaja sociologičeskaja jenciklopedija = Russian Sociology Encyclopedia // pod red. G. V. Osipova. Moskva : NORMA-INFRA, 1998. 660 s.
16. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language. V 4 t. Moskva : Izd-vo «Russkij jazyk», 1984.
17. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. V 20 t. = Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 20 vol. / gl. red. V. I. Chernyshev. Moskva – Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963.
18. Sociologičeskaja jenciklopedija = Sociology Encyclopedia. V 2 t. Moskva : «Mysl'», 2003.
19. Sternin I. A. K razrabotke psiholingvističeskogo tolkovogo slovarja = Toward designing a psycholinguistic explanatory dictionary // *Voprosy psiholingvistiki*. 2010. № 2. S. 57–63.
20. Tihomirova L. V., Tihomirov L. Ju. Juridičeskaja jenciklopedija = Legal Encyclopedia / pod red. L. Ju. Tihomirova. Moskva, 1999. 526 s.
21. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. V 4 tt. = Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vols. / pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Astrel' AST, 2000.
22. Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-meso-macro // *Journal of Evolutionary Economics*. 2004. Vol. 14. No. 4. P. 263–279.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 17.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 8.37, 811.16
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-127
EDN: PDNWFR

Словацкие фреквентативные наречия с формантом *-krát* в ракурсе сочетаемости

Дарья Юрьевна Ващенко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук. 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
daranis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1628-3861>

Аннотация. В статье анализируются словацкие темпоральные фреквентативные наречия с формантом *-krát*: *viackrát*, *mnohokrát*, *veľakrát* и *častokrát*. Исследование выполнено на материале Словацкого национального корпуса. В первой части рассматриваются данные о сочетаемости данных наречий на основании мер ассоциации *minimal sensitivity*, *logDice* и *MI_log_f*. Показатели мер ассоциации демонстрируют высокое число сходжений между *mnohokrát*, *veľakrát* и *častokrát*: для них, но не для *viackrát*, свойственны сочетания с фреквентативными глаголами; с некоторыми лексемами, называющими различные ошибки, трудности – при этом в большей степени ассоциации с «трудностями и несправедливостями» свойственны для *mnohokrát* и *častokrát*, которые имеют крайне мало эксклюзивных коллокатов. Только для *veľakrát* характерны сочетания с экзистенциальными глаголами; с наречиями, обозначающими предельную множественность. Значительное число эксклюзивных коллокаций наблюдается у *viackrát*: это лексика, эксплицирующая повторяемость; многочисленные речевые глаголы; некоторые частицы с темпоральным значением. Во второй части статьи рассматриваются случаи взаимной сочетаемости наречий с формантом *-krát*, когда они употребляются в пределах одного контекста. Выявляются ситуации, когда рассматриваемые наречия могут быть взаимозаменяемы, это происходит при обозначении двух и более ситуаций, которые либо противопоставлены друг другу, либо одна включает в себя другую. Вместе с тем, *mnohokrát* часто употребляется в значении ‘очень’ или ‘гораздо, намного’; при совместном употреблении *mnohokrát*, *častokrát* и *veľakrát* первые два тяготеют к маркировке ситуаций в прошлом, тогда как третье наречие – к обозначению ситуаций в будущем. *Viackrát*, как правило, имеет более конкретное количественное наполнение, нежели остальные наречия с данным формантом. Все это позволяет говорить о том, что в современном языке данные адвербы обнаруживают тенденцию к семантизации.

Ключевые слова: словацкий язык; сочетаемость; фреквентативность; темпоральные наречия; корпусная лингвистика; синонимия; семантика

Для цитирования: Ващенко Д. Ю. Словацкие фреквентативные наречия с формантом *-krát* в ракурсе сочетаемости // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 127–138. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-127>. <https://elibrary.ru/PDNWFR>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Slovak frequentative adverbs with the formant *-krát* in terms of combinability

Daria Yu. Vashchenko

Candidate of philological sciences, senior researcher, Institute of slavonic studies of Russian academy of sciences. 119334, Moscow, Leninsky prospect, 32-A
daranis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1628-3861>

Abstract. The article examines the slovak temporal frequentative adverbs with the formant *-krát*: *viackrát*, *mnohokrát*, *veľakrát* and *častokrát*. The study is based on the material of the Slovak national corpus. The first part looks at the data on the compatibility of these adverbs based on the measures of association *minimal sensitivity*, *logDice* and

MI_log_f. The association measures indicate a high number of similarities between *mnohokrát*, *veľakrát* and *častokrát*: they, but not *viackrát*, are characterized by combinations with frequentative verbs; with some lexemes naming various errors, difficulties – the associations with «difficulties and injustices» are more characteristic of *mnohokrát* and *častokrát*, which have very few unique collocates. Only *veľakrát* is characterized by combinations with existential verbs, with adverbs denoting finite plurality. A large number of exclusive collocations are observed in *viackrát*: these are words expressing repetition; numerous speech verbs; some particles with temporal meaning. The second part of the article examines the cases of mutual compatibility of adverbs with the formant *-krát* used within the same context. The author identifies situations when the adverbs in question can be interchangeable, this occurs when denoting two or more situations that are either contrasted or one includes the other. At the same time, *mnohokrát* is often used in the sense of 'very' or 'much, by far'; when *mnohokrát*, *častokrát* and *veľakrát* are used together, the first two tend to mark situations in the past, while the third adverb tends to denote situations in the future. *Viackrát* tends to have a more concrete quantitative content than other adverbs with this formant.

Key words: slovak language; compatibility; frequentative; temporal adverbs; korpus linguistics; synonymy; semantics

For citation: Vashchenko D. Yu. Slovak frequentative adverbs with the formant *-krát* in terms of combinability. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):127–138. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-127>. <https://elibrary.ru/PDNWFR>

1. Введение

Объект анализа

Предметом рассмотрения в статье будут являться словацкие наречия, относящиеся к семантической группе с общим значением «часто», которое предполагает повторяемость ситуации, при этом число подобных повторений представляется говорящему высоким. В словацком языке, согласно данным толковых и синонимических словарей, сюда относятся следующие лексемы, частотность которых мы приводим согласно её убыванию в Национальном корпусе словацкого языка (Slovenský národný korpus, далее SNK): *často* насчитывает 514 790 вхождений (312,08 на миллион), *neraz* – 63 807 (38,68 на миллион), у *viackrát* будет 43 153 вхождений (26,16 на миллион), у *mnohokrát* 16 333 (9,90 на миллион), у *veľakrát* 13 851 (8,40 на миллион), и у *častokrát* 9 964 (6,04 на миллион). Для сравнения приведем частотность словацких фреквентативных наречий в корпусе Araneum Slovacum Majus (далее AS) [Benko 2014], который по объему сопоставим с SNK, однако базируется на текстах из интернета и, соответственно, отражает не литературный, а обиходно-разговорный узус. Здесь *často* представлено 541 348 вхождениями (433,10 на миллион), у *neraz* 31 123 вхождений (24,90 на миллион), у *viackrát* представлено 26 409 (21,10 на миллион), у *mnohokrát* 19 776 (15,80 на миллион), у *veľakrát* 15 679 (12,50 на миллион), наконец, у *častokrát* 17 671 (14,10 на миллион).

Фреквентативные наречия в современной русистике

На русском материале различия между наречиями группы «часто» рассматривались главным образом в ракурсе актуального членения предложения. В работах М. В. Всеволодовой, Е. В. Куликовой и Ф. И. Панкова [Всеволодова, Куликова 2009], [Всеволодова, Панков, 2009], [Всеволодова, 2016] говорится о невозможности рематической позиции наречия *зачастую*, в отличие от адверба *часто*. Е. В. Степанычева пишет также о семантических различиях между *часто* и *зачастую*, которые, с ее точки зрения, состоят в семантической асимметрии наречий и в более узком значении *зачастую*, которое, кроме того, неспособно обозначать градуируемые признаки [Степанычева, 2010, с. 72–73]. В работе Е. С. Яковлевой, которая содержит много ценных наблюдений касательно темпоральной лексики с неопределенно-кванторным значением, говорится о наличии модальной отмеченности у наречий вида *частенько*, *подчас*, *зачастую*, и об отсутствии таковой у наречия *часто* [Яковлева, 1994, с. 299–300]. В любом случае, здесь проводятся семантические различия между центром семантической группы и ее ближней периферией, но не внутри самой ближней периферии. На славянском языковом материале темпоральная лексика, в том числе интересующие нас семантические аспекты, на сегодняшний день наиболее полно анализируется в работах М. М. Кондратенко [Кондратенко, 2013; Кондратенко, 2015].

Словацкие фреквентативные наречия по данным словарей

В данном случае будут рассмотрены четыре словацких темпоральных фреквентативных наречия с формантом *-krát*: *mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát* и *častokrát*. Они закрывают некоторое общее семантическое пространство; вместе с тем существование в языке сразу нескольких структурно однотипных лексем, примерно сопоставимых по частотности, закономерно ставит вопрос о характере различий между ними. В толковых и синонимических словарях они трактуются в качестве абсолютных синонимов. Далее мы приводим данные трех основных словарей: *Krátky slovník slovenského jazyka* (Краткий словарь словацкого языка, далее KSSJ), который единственный из всех словацких лексикографических изданий имеет кодификационный статус; *Slovník súčasného slovenského jazyka* (Словарь современного словацкого языка, далее SSSJ), которое на данный момент является наиболее полным толковым словарём словацкого языка: словарь находится в процессе разработки, поэтому часть лексем по понятным причинам будут нами в данном случае не охвачены; и *Synonymický slovník slovenčiny* (Синонимический словарь словацкого языка, далее SSS), который часто содержит очень точные толкования интересующих нас лексем. В статье мы не будем приводить данные более раннего словаря, *Slovník slovenského jazyka* (Словарь словацкого языка) соответствующие определения лексем в нём, как правило, лаконичнее, нежели в трёх указанных справочных изданиях. Наречие *mnohokrát* в KSSJ вводится через синонимы «*mnohokrát... veľa ráz, veľakrát*», *viackrát* – через *niekoľkokrát, niekoľko ráz*, а вот для *veľakrát* уже приводится более развернутое толкование: «*veľakrát... во многих случаях, mnoho ráz, mnohokrát*» (здесь и далее переводы принадлежат автору статьи). В SSSJ для *mnohokrát* постулируются два значения, указано, что данное наречие: «1. Выражает кратность действия, состояния, признака в большом численно не определенном количестве... 2. Близко по значению к наречиям *v mnohých prípadoch, neraz, často*» (наречия *veľakrát, viackrát* в SSSJ пока что не представлены: соответствующий том находится в процессе подготовки). У *mnohokrát* в [SSS] выделяются два значения, в то время как у *veľakrát* и *viackrát* – только одно: «*mnohokrát* 1. р. *veľakrát, viackrát* 1, *často* 2. р. *oveľa* (намного)»; «*veľakrát* выражает кратность в большом количестве, повторение в большом количестве, во многих случаях»; «*viackrát* выражает неопреде-

ленную кратность действия, состояния; выражает повторяемость действия, состояния в неопределённом количестве случаев». Для *viackrát* мы видим следующие толкования. KSSJ выделяет у лексемы два значения: «1. больше, несколько раз; 2. больше, уже». SSS дает для наречия следующее определение: «*viackrát... выражает кратность действия, состояния в неопределённом количестве; выражает повторяемость действия, состояния в неопределённом количестве случаев*». *Častokrát*, согласно SSSJ, имеет два значения, фреквентативное и экзистенциальное, ср. толкование: «1. много раз... 2. во многих случаях, иногда... В SSS наречие вводится через синонимы *mnohokrát, často, veľa ráz, veľakrát*.

Методика анализа, общее

Далее речь пойдет только о возможной семантической специфике наречий; социолингвистические параметры, которые также могут быть хотя бы частично выявлены на корпусной основе, остаются за рамками работы. Мы будем устанавливать семантические различия между словацкими адвербами с *-krát* в первую очередь на базе их сочетаемостных характеристик. В первом разделе мы рассмотрим показатели относительной сочетаемости, нас будет интересовать, в какой мере значимые коллокации для *mnohokrát, veľakrát, viackrát* и *častokrát* перекрывают друг друга либо же демонстрируют эксклюзивность. Во второй части исследования мы проанализируем случаи совместной встречаемости наречий с целью установления их взаимозаменяемости / невзаимозаменяемости, и тяготения к определенным типам контекстов.

2. Сочетаемость наречий с формантом *-krát* по данным мер ассоциации

Использование мер ассоциации для установления квазисинонимии

Практика работы с близкими синонимами показывает, что часто речь может идти не столько об ограничениях на сочетаемость, сколько о понятийных зонах, к которым тяготеет та или иная лексема. В связи с этим одним из оптимальных методов корпусного анализа с подобными словами является применение мер ассоциации, когда выявляются лексемы, к употреблению вместе с которыми тяготеет выбранная, что свидетельствует об актуализации соответствующих сем в ее значении. Меры ассоциации отличаются от пока-

зателей абсолютной сочетаемости тем, что в данном случае учитывается частотность обеих лексем, имеющих соотносительную пару (подробнее о них см., напр. [Stefanowitsch, 2020, с. 225]), соответственно в зависимости от формулы расчета соотношения частотности различаются меры ассоциации, которые могут быть применимы в зависимости от целей конкретного исследования: оптимальным, по всей видимости, является комплексное применение мер ассоциации, что и будет сделано в данной статье. В данном разделе нашей целью будет, во-первых, установление «смысловых областей», к которым тяготеет то или иное из рассматриваемых наречий, и, во-вторых, выявление у данных адвербов областей пересечения между списками коллокаций.

Из всех мер ассоциации, доступных в рамках обслуживающей AS (и SNK) программы NoSketchEngine, мы применяем следующие три: 1) *minimal sensitivity* (далее MS; некоторым ее недостатком является тот факт, что для невысокочастотных лексем списки коллокаций, обладающих сколь-нибудь значимым индексом меры, могут быть невелики); 2) *logDice*, наиболее часто используемую в корпусно ориентированных исследованиях (мера вводится в работе П. Рыхлого [Rychlý, 2008], который, в свою очередь, опирается на труд Л. Дайса [Dice, 1945]; на словацком материале она используется напр., в таких работах, как [Ološtiak, Ivanová, 2015, с. 228] [Majchráková, 2018], [Stojková, 2014], [Šimková, 2014]. 3) *MI_log_f*, которая позволяет отслеживать тяготение к абстрактной лексике, что может помочь в установлении тонких оттенков значения – в целом о мерах ассоциации ср. напр. в [Stefanowitsch, 2020]. Списки коллокаций были ранжированы по каждой из выбранных мер, далее отбирались первые 60 слов в порядке убывания показателей. Здесь же упомянем «зоны морфологической сочетаемости» для каждого из наречий. Так, у *mnohokrát* и *častokrát* в рамках списка из 60 ассоциаций значительно ниже процент глагольной лексики, нежели у *vel'akrát* и *viackrát* – ср. напр. у Ф. И. Панкова о том, что привербальная позиция является прототипической для наречий [Панков, 2008, с. 7].

Mnohokrát насчитывает по 18 / 20 / 17 глаголов для MS / *logDice* / *MI_log_f* соответственно; в случае с *častokrát* соотношение выглядит как 19 / 16 / 16. Для сравнения: у *vel'akrát* число собственно глагольных коллокатов составляет 33 / 35 / 24, у *viackrát* 34 / 33 / 29. Далее мы будем рассматри-

вать коллокаты вне зависимости от их грамматических характеристик.

При сравнении списков коллокаций у четырех рассматриваемых наречий часть ассоциаций распределяется на три либо на два наречия с формантом *-krát*, причём эксклюзивных зон сочетаемости для каждого наречия оказывается не так много, поэтому сперва мы рассмотрим «групповые» ассоциации, а затем индивидуальные. Среди коллокаций, относящихся к нескольким наречиям, выделяются следующие:

Сочетания, характерные для *mnohokrát*, *vel'akrát*, *častokrát*, но не для *viackrát*

Сюда относятся:

1. Коллокации с глаголом *stávať* ‘случаться, становиться’. При этом *stávať* имеет крайне высокие ранги у всех трех наречий: *častokrát* (1–2), *mnohokrát* (2–7), *vel'akrát* (4–6); *bývať* ранжируется выше у *častokrát* (2–4), несколько ниже у *mnohokrát* (5–15) и находится в середине списка у *vel'akrát* (19–31). Сюда же можно отнести сочетания с *mávať* ‘периодически иметь’, которое является эксклюзивным для *častokrát*, и *stretávať* (*sa*) ‘время от времени встречать, встречаться’, которое опять-таки находится в верхних строках у *častokrát* и в середине таблиц коллокаций у *mnohokrát* и *vel'akrát*.

2. Сходная ситуация представлена у ментальных глаголов, составляющих обширную по составу группу коллокаций. Глагол *uviedomovať* ‘осознавать’ находится в первой десятке ассоциаций у *mnohokrát* и *častokrát*, у *vel'akrát* ранги колеблются от 9 до 21; *zabúdať* ‘забывать’ относится к числу «сильных» ассоциаций для *častokrát*, и «средних» для *mnohokrát* и *vel'akrát*. В свою очередь, глаголы *zamýšľať* (*sa*) ‘задумывать, задумываться’, *osvedčiť* (*sa*) ‘свидетельствовать, убеждаться’ входят в верхнюю часть списка для *vel'akrát*. У *mnohokrát* и *vel'akrát* в средней части списков находятся также глаголы *presvedčiť* (*sa*) ‘убедиться, понять’ и *vedieť* ‘знать’. Глагол *rozmyšľať* ‘раздумывать, размышлять’ представлен только у *vel'akrát*.

3. Обширной группой ассоциаций для *mnohokrát*, *vel'akrát*, *častokrát* является группа, эксплицирующая различные ошибки, трудности. У *častokrát* в данном случае рейтинги несколько выше для следующих лексем: *podceňovaný* ‘недооцененный’, *podceňovať* ‘недооценивать, пренебрегать’, *nesprávne* ‘неправильно’ (лексема *nesprávny* ‘неправильный’ является эксклюзивной для *častokrát*). Прилагательное *nezmyselný* ‘бес-

смысленный’ и наречие *zbytočne* ‘излишне, напрасно’ имеют несколько более высокие рейтинги для *mnohokrát*. К этой же группе ассоциаций можно отнести дискурсивное слово *bohužiaľ* ‘к сожалению’, которое находится в средней части списков у всех трех наречий.

Коллокации, характерные только для *mnohokrát* и *veľakrát*

1. Из обширной «группы трудностей» только для двух этих наречий являются общими сочетания со следующими лексемами: *sklamany* ‘разочарованный’, *sklamať* ‘разочаровать’, *zlyhať* ‘обмануть, солгать’; их ранги у двух наречий являются сопоставимыми.

2. Значимыми, на наш взгляд, здесь являются сочетания с такими лексемами, как *zažiť* ‘пережить, испытать’, которое более характерно для *veľakrát*, и *človek* ‘человек’, последняя выявляется только у *MI_log_f*, однако у обоих наречий имеет в таблице достаточный высокий ранг 13.

3. Перцептивные глаголы *počuť* ‘слышать, услышать’, *zaznieť* ‘звучать, прозвучать’, *vidieť* ‘видеть’ также появляются в списках коллокаций у обоих наречий, они имеют на порядок более высокие рейтинги у *veľakrát*.

4. Общими для двух наречий являются сочетания с союзом *keď* ‘когда’, и с частицами *ale* ‘но’ – обе коллокации присутствуют только в списках *MI_log* и имеют более высокие ранги у *veľakrát*. Для *mnohokrát* ранги оказываются выше у лексем *veľmi* ‘очень’ и *predtým* ‘прежде, раньше’.

Коллокации, общие для *mnohokrát* и *častokrát*

Наречия *mnohokrát* и *častokrát* объединяют следующие коллокации: *žiaľ* ‘жаль, жалость’, которые имеют у них примерно одинаковый ранг в среднем 12–17; прилагательное *náročný* ‘трудный, тяжелый’, *zložitý* ‘трудный, сложный’, *komplikovaný* ‘трудный, запутанный’, ранги которых сопоставимы. Кроме того, для *častokrát* характерны сочетания с рядом слов, обозначающих трудности (здесь они формально не дублируют коллокации *mnohokrát*, однако относятся к той же «понятийной зоне»): *nepochopiteľný* ‘непонятный’, *nemožný* ‘невозможный’, *predrážený* ‘раздраженный’, *nepravdivý* ‘неправдивый’, *zbytočný* ‘излишний’, *mylne* ‘ошибочно’.

Следующая группа коллокаций выявляется только у конкретных наречий – уникальных коллокаций для *častokrát* практически не представлено, поэтому далее мы их не рассматриваем.

Меры ассоциации, *mnohokrát*

Так, для *mnohokrát* выделяется не так много эксклюзивных коллокаций, которые имеют здесь средние ранги (примерно от 25 до 45). Скорее можно говорить о том, что данное наречие имеет большее в сравнении с остальными, число ассоциаций, эксплицирующих ошибки, трудности, ср. сочетания данного наречия с прилагательными *nekvalitný* ‘некачественный’, *kritizovaný* ‘критикуемый’, *nedocenený* ‘неоцененный’, а также с лексемами, обозначающими разнообразные трудности: *ťažký* ‘тяжелый, трудный’, *ťažko* ‘тяжело, трудно’, *nelahký* ‘нелёгкий’, *bolestivý* ‘болезненный’.

Коллокации, *veľakrát*

Для *veľakrát* выделяется определенное число коллокатов, которые имеют у данного наречия высокие позиции в списках – эти лексемы могут быть следующими:

1. Сочетания с наречиями, выражающими предельную множественность: *nekonečne* ‘бесконечно’ (ранги 10–12), *nespočetne* ‘бесконечно, бесчисленно’ – данный коллокат имеет у *veľakrát* ранг 1 в списках по данным всех трёх использованных мер; у *mnohokrát* данное наречие появляется, однако имеет ранг 21–56.

2. Преимущественно для *veľakrát* характерны коллокации с экзистенциальными глаголами *byť* ‘быть’, *stať* ‘стать’.

3. Эксклюзивными для *veľakrát* являются некоторые речевые глаголы: *rozprávať* ‘рассказывать, разговаривать’, *povedať* ‘сказать’, *zasmiať (sa)* ‘засмеяться’, *pýtať (sa)* ‘спрашивать’.

Большое количество эксклюзивных коллокатов имеет наречие *viackrát*

1. Так, высокие показатели для данного наречия с *-krát* имеют глаголы и причастия, эксплицирующие повторяемость, часть из них имеет у данного наречия высокие ранги в списках коллокатов: *opakovať (sa)* ‘повторять, повторяться’ (ранги 1–2), *zopakovať (sa)* ‘повторить, повториться’ (ранги 1–4), *opakovane* ‘повторно, неоднократно’. Сюда же можно отнести сочетания с частицей *zakaždým* ‘каждый раз’.

2. Обширную группу ассоциаций для *viackrát* составляет группа «речевая лексика» (преимущественно глагольная): *čítať* ‘читать’, *prečítať* ‘прочитать’, *hovoríť* ‘говорить’, *zdôrazniť* ‘подчеркнуть’, *zdôrazňovať* ‘подчеркивать’, *písať* ‘писать’, *výjadriť* ‘выразить’, *spomínať*

‘упоминать’, *vysloviť* ‘высказать’, *spomenúť* ‘упомануть’, *spomenutý* ‘упоманутый’, *spomínaný* ‘упоминаемый’.

3. Далее мы рассмотрим случаи совместной встречаемости *mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát* и *častokrát*, когда они фигурируют в пределах общего контекста. В данной работе примеры взяты только из AS, поскольку на материале SNK мы предпринимали похожее исследование, хотя и в сильно редуцированном объеме (рассматривалось только совместное употребление *mnohokrát* и *veľakrát*) [Ващенко, 2023]. В поисковой строке корпусного меню мы задавали следующую команду вида: (meet [lemma=«*mnohokrát*»] [lemma=«*veľakrát*»] -6 6) – и далее попарно вносили туда четыре рассматриваемых наречия.

Здесь выявляются контексты, где наречия демонстрируют свою взаимозаменяемость, и контексты, закрепленные за конкретными наречиями.

Так, наречия с *-krát* взаимозаменяемы, когда они маркируют разные, чаще всего противопоставленные друг другу ситуации. Ср. в (1) герой путешествовал то по горам, то по долинам, в (2) обозначаются разные события в истории конкретного храма, в (3) называются разные:

(1) Putoval dlhé roky po cestách. Po zákopoch a vrchoch, *mnohokrát* bol hore, *veľakrát* dole a díval sa na hory pred sebou, ktoré išiel zdolať / Он много лет бродил по дорогам. По долам и горам, *много раз* он был на вершине, *много раз* в низине и любовался оттуда горами, которые собирался покорить.

(2) Kostol *viackrát* vyhorel, *mnohokrát* ho prestavovali a opravovali. Dodnes je úpravy možné vidieť na viacerých slohoch / Костел *много раз* горел, *много раз* его перестраивали и ремонтировали. До сих пор следы перестройки можно найти во многих местах.

В следующих примерах сперва называются две принципиально различающиеся ситуации, маркированные *mnohokrát* и *viackrát*, которым противопоставлена третья, называющая результат подобных действий (делают X, делают Y, но все равно все получается / ничего не получается). В (5) противопоставлены две ситуации, маркированные *častokrát* и *mnohokrát* (дети могут разозлить, но могут и порадовать родителей):

(3) *Mnohokrát* to nevyjde, *viackrát* to nevyjde ako vyjde, ale myslím si, že sú to odborníci a svoju robotu si robia dobre... / *Много раз* не получается, *часто* получается так как получается, но думаю, что это профессионалы и свое дело делают прекрасно...

(4) Stretli sme sa *viackrát*, *mnohokrát* sme si telefonovali, ale k podpisu zmluvy zatiaľ neprišlo / Мы *часто* встречались, *много раз* общались по телефону, но до подписания договора так и не дошло.

(5) Hoci deti *častokrát* dokážu poriadne vytočiť, tak *mnohokrát* naopak zas vedia vyčarovať neskutočný úsmev na tvárach nás dospelákov / Хотя дети *часто* могут реально вывести из себя, *много раз* наоборот, они нас умеют вызвать неподдельную улыбку на лицах нас, взрослых.

При этом *mnohokrát* все же тяготеет к постпозиции, то есть к маркировке последней из обозначаемых ситуаций. Помимо уже приведенных выше, ср. (6) и (7), где представлено по два примера с *veľakrát* на один «контрпример» с *mnohokrát*.

(6) Má mnoho podôb, mnoho definícií, mnoho prejavov, mnoho tvári. *Veľakrát* poteší, *veľakrát* zarmúti, *mnohokrát* zraní. Dáva silu vstať, ale dokáže aj človeka jeho posledných síl zbaviť. / У него много форм, много определений, много воплощений, много лиц. *Часто* он радуется, *часто* печалит, *часто* ранит. Он дает силы встать, но может и человека лишить последних сил.

(7) Človek je omylný tvor, *veľakrát* spadne, *veľakrát* sa pomýli, ale *mnohokrát* mu to vyjde. / Человеку свойственно ошибаться, *часто* он падает, *часто* ошибается, но *часто* все может обойтись.

Выявляются контексты, где второе наречие обозначает «расширяющую» ситуацию, то есть дополнительную к основной, обозначенной первым наречием. В (8) говорится не только о бездействии, но и о вреде, в (9) сначала обозначается сам факт успеха, а затем приводится пример наиболее значительного успеха, сходным образом в (10) называются не только реалии, о которых не знают турагентства, но и те, что незнакомы даже местным жителям, в (11) во второй фразе приводится пример обидных высказываний, наиболее болезненных для спортсмена.

(8) Tak by urobili viac a s menšou námahou jedným skutkom ako s tisícimi, zaslúžiac to svojou modlitbou a čerpajúc v nej duchovnú silu. Lebo inak všetko je len plieskanie a robenie trochu viac ako nič a *mnohokrát* nič a ešte *veľakrát* aj škody. / Так бы они одним поступком сделали больше и с меньшим напряжением, чем тысячью, заслужив это своей молитвой и черпая в ней духовную силу. Поскольку иначе все это лишь шум и немного больше, чем ничего и *много раз* ничего и еще *не раз* одни убытки.

(9) Úspechy sme mali *mnohokrát*, podarilo sa nám *viackrát* bojovať aj s naftovými autami... / Нам

много раз удавалось добиться успеха, много раз мы боролись с нефтяными гигантами...

(10) Na rozdiel od všetkých ostatných touroperátorov my Vám ukazujeme SKUTOČNÚ tvár Jamajky – v talóne máme množstvo nekomerčných, neturistických atrakcií, kde belochov nestretnete ako je rok dlhý a o ktorých cestovky **častokrát** vôbec netušia (a **mnohokrát** o nich netušia dokonca ani samotní Jamajčania!) / В отличие от всех остальных туроператоров мы вам покажем НАСТОЯЩЕЕ лицо Ямайки – в списке у нас множество некоммерческих, нетуристических авантур, где белого человека вы за версту не встретите, и о которых турфирмы **часто** не подозревают (**нопой** о них не подозревают даже сами жители Ямайки!).

(11) Rozhodcovia sú **mnohokrát** terčom urážok športovej verejnosti, **častokrát** neodôvodnenej kritiky v médiách. / Судьи **часто** бывают триггером обид в среде спортивной общественности, **часто** неоправданной критики в прессе.

Далее рассмотрим случаи, где наречия с *-krát* употребляются совместно с иными темпоральными адвербами. В этих случаях **mnohokrát** опять-таки тяготеет к постпозиции. Так, в (12) сначала называется общая ситуация (*často*), затем говорится о конкретных задачах, стоящих перед руководителем, основное умение вводится через *veľakrát*, а дополнительное – через **mnohokrát**. В (13) через *často* маркируется сам факт постановки пьесы, затем актриса говорит о своем личном отношении к этому, причем более обязательное вводится через *veľakrát*, менее обязательное – через **mnohokrát**.

(12) Musí **často** vedieť zodpovedne posúdiť dopad svojich budúcich rozhodnutí, snažiť sa nájsť spôsob ako rozlíšiť a zabezpečiť čo občania požadujú a čo obec skutočne potrebuje. Nájsť tú správnu cestu si **veľakrát** vyžaduje použiť kompromis a **mnohokrát** aj pri osobnom styku umenie presvedčiť človeka o správnosti tej, ktorej veci... / Он должен **часто** уметь со всей строгостью предсказать последствия своих будущих решений, стремиться найти способ как отделить лишнее и гарантировать то, что хотят жители и что в селе действительно необходимо. Найти ту самую дорогу **часто** предполагает компромисс и **много раз** при личных контактах умение убедить человека о верности тех или иных решений...

(13) Marica sa hráva **často**, na mnohých javiskách. Ja osobne som ju videla **viackrát** a **mnohokrát** som v nej aj hrala. Ale snažím sa nájsť svoju cestu / Марицу ставят **часто**, на многих сценах. Лично я видела ее

много раз и **много раз** играла в ней. Но я стремлюсь найти собственный путь.

В следующем примере мы видим «нарастание конкретности» и реализацию некоторого общего настроения героини – сначала говорится о её готовности принять смерть (*vždy*), затем – о том, как она сообщает об этом окружающим (*veľakrát*), наконец, **mnohokrát** вводит позицию её родственников, описывающих конкретные случаи её поведения.

(14) Babička síce nič o tejto diagnóze nevedela, napriek tomu rákala s tým, že s každým dňom sa približuje jej prechod na druhú stranu. **Vždy** bola pripravená na smrť, „cvičila“ sa v tom **veľakrát**. **Mnohokrát** sme všetci, v nemocnici alebo doma, stáli v pozore, pretože sa jej zdalo, že tá chvíľa prišla a že už zomiera / Бабушка меж тем ничего не знала об этом диагнозе, несмотря на это, она осознавала, что с каждым днем приближается ее переход на ту сторону. Она **всегда** была готова к смерти, «упражнялась» в этом **много раз**. **Часто** мы все, в больнице или дома, были в напряжении, поскольку ей казалось, что час настал и она умирает.

Случаи, когда наречия закреплены за определенным значением / определенным типом контекста, могут быть следующими:

1. **Mnohokrát** / **viackrát** обозначают повторение в прошлом, тогда как *veľakrát* – в будущем, контекст имеет вид «были / делали X **mnohokrát**, **viackrát** и будут делать то же самое *veľakrát*», в данном случае принципиальна идентичность или сходность обозначаемых действий, ср. (15) «писали и будем писать», (16) «трагические случаи были и будут», (17) «недостатки в блоге были и будут», (18) «читала и буду читать».

(15) Na letnú sezónu sa pripravuje aj rekreačný areál Duchonka. O jej zašlej sláve sme písali **mnohokrát** a určite ešte **veľakrát** sa bude polemizovať i nad jej budúcnosťou / К летнему сезону готовится дом отдыха Духонка. О его прошлом славе мы уже писали **много раз** и наверняка еще **не раз** будем дискутировать о его будущности.

(16) A potom príbeh končí tak ako skončil v knihe, skončil určite už **mnohokrát** viac a ešte aj **veľakrát** skončí tak isto tragicky / И потом ситуация кончалась так, как она кончилась в книге, причем кончалась уже **гораздо** чаще и еще **не раз** кончится так же трагично.

(17) Tieto tiene už boli na mojom blogu **viackrát** a pravdepodobne ešte aj **veľakrát** budú, ale hovorte si čo chcete sú to tie najlepšie tiene na svete. Эти тени уже появлялись в моем блоге **много раз** и навер-

няка еще **много раз** появятся, но говорите что хотите, это лучшие тени в мире.

(18) Klasika s neopakovateľnou atmosférou života v drsných podmienkach severského vidieka [...] Čítala som **viackrát** a určite ešte **veľakrát** budem / Классика с неповторимой атмосферой жизни в суровых условиях северной провинции [...] Я читала **много раз** и наверняка еще **много раз** буду.

2. *Mnohokrát* называет общую ситуацию, тогда как *veľakrát* / *častokrát* – ее подтверждение, реализацию на конкретных примерах. В (19) сначала говорящий утверждает сам факт многократного достижения успеха вопреки трудностям (*mnohokrát*), затем приводит конкретные примеры подобных трудностей (два раза *veľakrát*). В (20) сначала утверждается сам факт встречи говорящего с таким, на его взгляд, заблуждением, как гомеопатия, а затем рассказывается, что конкретно он при таких встречах делал.

(19) Ak človek chce, je trepezlivý, tolerantný, nejde cez mŕtvoly [...] obvykle sa do svojho cieľa dostane. Verím tomu, mne sa to v mojom živote **mnohokrát** potvrdilo. **Veľakrát** to bolo na hodenie uteráka do ringu, **veľakrát** som na svojej ceste prehrával, ale šiel som ďalej, vydržal. Nakoniec som sa vždy dočkal odmeny / Если человек хочет, он терпеливый, толерантный, не шагает по трупам [...] он обычно своей цели достигает. Я верю в это, поскольку в моей жизни это **неоднократно** подтверждалась. **Много раз** доходило до того, что на ринг швыряли полотенце, **много раз** я проигрывал на этом пути, но я всегда шел дальше, и выдержал. В конце концов я **всегда** дожидался справедливости.

(20) Ja si osobne myslím, že veľmi dobre viem, o čom hovorím, pretože som sa s tým zlom **mnohokrát** stretol. **Veľakrát** som ľuďi rozväzoval zo závislosti na homeopatii a konkrétnych démonoch s tým spojených, ale aj následkov, ktoré toto liečenie prináša / Лично я думаю, что очень хорошо знаю, о чем говорю, поскольку я с этим злом **много раз** сталкивался. **Много раз** я спасал людей от их зависимости от гомеопатии и от конкретных демонов, с этим связанных, а также от результатов, которые приносит подобное лечение.

В (21) говорится об экономии (*mnohokrát*), а затем пример подобных действий вводится эксплицитно, через *napríklad* ‘например’, сама «показательная» ситуация маркируется посредством *častokrát*.

(21) Blog má ešte aj ďalšiu obrovskú výhodu. Ak už aj nejaké obdobie nevyprodukuje žiaden zárobok, tak dokáže veľa peňazí ušetriť. Na mojich cestách som ho využil už **mnohokrát**. Napríklad sa **častokrát**

práve vďaka nemu podarí vybáťrovat' zaujímavá spolupráca / У блага есть еще одно громадное преимущество. Если в какой-то период я останусь без денег, здесь я могу много сэкономить. В моих путешествиях я уже пользовался этим **много раз**. Например, **часто** именно благодаря нему получалось наладить интересное сотрудничество.

В (22) употреблены сразу три наречия – *viackrát*, *mnohokrát* и *častokrát*. Сначала через *viackrát* вводится исходная ситуация (человек юридически должен где-то танцевать), затем посредством *mnohokrát* – ее конкретная реализация (обычно все стесняются), а после через *častokrát* – причины подобного (танцевать надо учиться).

(22) Ono sa to nezdá, ale bežný človek musí počas života **viackrát** predviesť svoje tanečné umenie. Či už sú to svadby, oslavy narodenín, výročí, ale aj pri ďalších príležitostiach. No a vtedy **mnohokrát** nastávajú trapasy, pretože ľudia **častokrát** zistia, že nevedia tancovať / На первый взгляд странно, но обычному человеку в течение жизни приходится **много раз** демонстрировать свои танцевальные навыки. На свадьбах, днях рождения, годовщинах, и по любому другому поводу. И в этот момент **часто** наступает паника, поскольку люди **часто** понимают, что не умеют танцевать.

3. Употребление *mnohokrát* в значении ‘очень’, когда значение интенсивности повторений трансформируется в значение перманентной, то есть постоянной характеристики объекта. Ср. в (23) по факту речь о наиболее интимных частях тела, в (24) – о самых неэффективных мерах, в (25) – об очень сложной жизни (*mnohokrát*), в (26) – об абсолютно неправильном понимании.

(23) Priblížme si teraz dennodennú realitu a tou je fyzická nahota. Pri ošetrovaní je nutné **veľakrát** odhaľovať ľudské telo, odkrývanie **mnohokrát** intímnych miest, kedy sa stretávame so studom / Приблизимся к повседневной реальности, каковой является физическая нагота. При осмотре человеку **часто** необходимо обнажать свое дело, открывать **самые** интимные места, которые связаны со стыдом.

(24) Chceme, aby pochopili, že nemajú všetci bežať za loptou, ale rozdelením hráčov podľa úloh na útočníkov a obrancov, ako je to možno **veľakrát** vidieť na turnajoch, je **mnohokrát** kontraproduktívne / Мы хотим, чтобы поняли, что все не должны бегать за мячом, но разделение по функциям на нападающих и защитников, как это **часто** видно на турнирах, **весьма** контрпродуктивно.

(25) Napísal som už veľa textov na rôzne témy a situácie a je jasné, že tak ako k životu patrí násilie a bolesť, tak k nemu patrí aj tá svetlejšia stránka, ktorá nás **veľakrát** pri tomto **mnohokrát** zamotanom živote udržiava / Я написал уже много текстов про разные темы и ситуации, и уже ясно, что также, как частью жизни является насилие и боль, ее частью является и самая светлая сторона, которая нас **часто** при этой **страшно** сложной жизни удерживает.

(26) Ekekučná amnestia **častokrát** je **mnohokrát** zle chápaná. Nám nejde o to, aby sa odpísali nejaké dlhy, nám primárne ide o to, aby ľudia dostali šancu fungovať / Экзекутивную амнистию **часто весьма** неверно трактуют. Речь не о том, чтобы списать какие-то долги, а в первую очередь о том, чтобы люди получили шанс нормально работать.

В следующем примере **mnohokrát** употреблено в значении ‘гораздо’, ‘намного более’:

(27) Žijeme v časoch, kedy už ratolesti ovládajú moderné technológie **mnohokrát** lepšie ako ich rodičia. **Veľakrát** sa ale stretávame s tým, že deti trávajú na počítači čas **nie vždy** práve najvhodnejším spôsobom / Мы живем в эпоху, когда отпрыски владеют современными технологиями **гораздо** лучше, чем предки. Впрочем, мы **часто** встречаемся с тем, что дети проводят время за компьютером **не всегда** самым подходящим способом.

4. Случаи, где **viackrát** тяготеет к более конкретному количественному наполнению, чем другое наречие / другие наречия в том же контексте.

Так, в ряде высказываний представлены уточняющие конструкции типа **viackrát za deň**, **viackrát denne**. В (28) сначала через **veľakrát** называется общая ситуация (ребенок часто сталкивается с тем, что не стоит распускать язык), а затем через **viackrát** уточняется, насколько часто ребенок с этим сталкивается.

(28) **Veľakrát** potrebuje dieťa **viackrát za deň** znášať dôsledky svojho „ostrého jazyka“, kým sa naučí používať akceptovateľné slová / **Часто** ребенку нужно **по много раз** за день сталкиваться с результатами своего «острого языка», пока он не научится использовать более приемлемые слова.

Сходным образом в (29) сперва говорится об общей частотности ситуации (часто = **mnohokrát**), а затем о наиболее интенсивном ее проявлении (очень часто = много раз в день = **viackrát**).

(29) Kvôli vode milióny žien a dievčat (a výrazne menej mužov a chlapcov) v subsaharskej Afrike podnikajú pravidelne, **mnohokrát** aj **viackrát** za deň, cesty dlhšie ako polhodinu, aby priniesli **vždy** približne 20 litrov vody na konzumáciu či pranie... /

Из-за воды миллионам женщин и девушек (и гораздо меньше мужчин и мальчиков) в Южной Сахаре приходится регулярно, **часто по много раз** за день, проделывать путь дольше получаса, чтобы принести **всегда** около 20 литров воды для питья или стирки...

В (30) представлена сходная градация по интенсивности – от более редкого к более частому – с тем отличием, что более редкая ситуация здесь маркирована экзистенциальным адвербом **občas** ‘иногда’. Второй фреквентатив, **veľakrát**, маркирует здесь ситуацию, параллельную названной (часто звонила и при этом часто плакала).

(30) Tak som získala duchovnú podporu cez telefón. Počas celého tehotenstva som jej volávala – spočiatku len **občas**, neskôr aj **viackrát** denne. **Veľakrát** som si pritom poplakala... / Так я нашла духовную поддержку по телефону. В течение всей беременности я ей звонила – поначалу лишь **изредка**, потом по **несколько раз** на день. **Часто** я при этом плакала.

В (31) градация, напротив, идет от более частотному (всегда = **vždy**) к менее частотному (часто = **mnohokrát**) с уточнением, насколько часто (**viackrát**).

(31) Takáto bolesť vzniká rýchlo, temer v sekunde [...]; **niekedy** vzniká samovoľne, bez vyvolávajúcej príčiny. **Vždy** je nečakaná; **mnohokrát** sa objaví **viackrát** denne, vo dne aj v noci / Такая боль появляется быстро, практически за секунду [...]; **иногда** она возникает самопроизвольно, без очевидной причины. **Всегда** она является неожиданной; **часто** она мучает по **много раз** за сутки, днем и ночью.

В другой группе контекстов сравниваются две ситуации, **viackrát** маркирует более интенсивную. Так, подобное может иметь место в случае противопоставления двух ситуаций – ср. в (32) представлено противопоставление можно / нельзя, отрицаемое маркируется как более частотное, и здесь стоит **viackrát**. В (33) противопоставляется игра с фаворитами лиги / с более слабыми соперниками (чаще, **viackrát**).

(32) A dá sa napríklad zistiť, kto stojí za vírusom? **Veľakrát** sa dá, no **ešte viackrát** nedá / А можно, к примеру, понять, кто стоит за вирусом? **Часто** можно, но еще **чаще** нельзя.

(33) Všetci si veľmi dobre uvedomujeme, že každý zápas bude veľmi ťažký. [...] S favoritmi súťaže sme sa **veľakrát** nestretli, naopak, **viackrát** sme hrali so Žilinou či Popradom. / Все мы прекрасно осознаем, что каждый матч будет очень тяжелым. [...] С фаворитами соревнования мы

нечасто сталкивались (*часто не* сталкивались), напротив, *скорее* мы играли против Жилины или Попрада.

В контексте может существовать градация «более частотное / менее частотное» здесь в наших примерах представлена конструкция *ešte viacrát* ‘еще чаще’. Ср. в (34) речь не о противопоставлении, но о некоторых вариантах одного и того же положения дел (сложностей в управлении), в (35) о разных факторах, определяющих победу.

(34) *Odvtedy som sa naučil, že s rozhodnutím žiť ako vodca je spojených aj veľa problémov. Veľakrát som zlyhal a ešte viacrát mi veci vyšli trochu inak, ako som to pôvodne plánoval.* С тех пор я понял, что решение быть лидером ведет за собой множество проблем. Я *много раз* ошибался, а *еще чаще* ситуация развивалась иначе, чем я исходно планировал.

(35) *Funkčne mám v sebe potenciál aj na ďalšiu sezónu, ale v biatlone veľakrát rozhoduje hlava. A ešte viacrát šťastie /* Функционально у меня есть потенциал еще для одного сезона, но в биатлоне *часто* решает голова. И еще *чаще* удача.

В (36) через *mnohokrát* вводится общая тенденция, не зависящая от говорящего, а через *viackrát* – ее собственные действия (сама писала, звонила).

(36) *Nedodržia sa, vodiči rýchlosť mnohokrát ignorujú. Už som viackrát písala aj telefonovala na dopravnú políciu, aby tu častejšie vykonávali kontrolu dodržiavania rýchlosti.* / Оно не соблюдается, водители *часто* игнорируют ограничение скорости. Я уже *много раз* писала и звонила в дорожную полицию, чтобы те чаще контролировали соблюдение ограничений.

В (37) идет «наведение точности»: сначала через *veľakrát* говорится о множественности визитов, затем *viackrát* обозначает тот факт, что эти визиты можно перечислить, наконец числительное *trikrát* конкретизирует конкретное количество визитов.

(37) *Ján Pavol II. bol aj pápež, ktorý bol veľakrát na Slovensku, teda viackrát na Slovensku, dokonca až trikrát /* Иоанн Павел II был папой, который *много раз* посещал Словакию, точнее, *несколько раз* посещал Словакию, точнее, три *раза*.

Наконец в (38), напротив, идет снижение конкретности от перечислимости, которую маркирует *viackrát*, к бесконечности, которую в свою очередь обозначает *veľakrát*.

(38) *Myšlienka, že človek v nás dokáže umrieť na viacrát (nekonečne veľakrát) a o to bolestnejšie, ma*

oslovila. / Мысль, что человек в нас может умирать *несколько раз* (бесконечно *много раз*), и оттого большее, запала мне в душу.

Заключение

Мы видим, что показатели мер ассоциации показывают высокое число схождений между *mnohokrát*, *veľakrát* и *častokrát*: для них, но не для *viackrát*, свойственны сочетания с фреквентативными глаголами; с некоторыми лексемами, называющими различные ошибки, трудности – в большей степени ассоциации с «трудностями и несправедливостями» свойственны для *mnohokrát* и *častokrát*, которые по отдельности имеют крайне мало «собственных» коллокаций. Только для *veľakrát* характерны сочетания с экзистенциальными глаголами; с наречиями, обозначающими предельную множественность. Значительное число эксклюзивных коллокаций наблюдается у *viackrát*: это лексика, эксплицирующая повторяемость; речевые глаголы; некоторые частицы с темпоральным значением.

Данные совместной встречаемости словацких наречий с *-krát* демонстрируют, что наблюдается тенденция к их семантизации. Так, *mnohokrát* развивает в словацком языке интенсифицирующие значения ‘очень’ и ‘намного, гораздо’; *viackrát* склонно к более конкретной количественной квантификации. Кроме того, *mnohokrát* и *častokrát* в случае совместного употребления наречий тяготеют к маркировке плана прошедшего в высказывании, тогда как *veľakrát* – к обозначению плана будущего.

Библиографический список

1. Ващенко Д. Ю. Словацкие темпоральные наречия *mnohokrát* и *veľakrát*, специфика лексического значения по данным сочетаемости // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2023. Т. 20. Вып. 1. С. 20–39.
2. Всеволодова М. В., Куликова Е. В. Грамматика словосочетаний в контексте функциональнокоммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 4. С. 67–88.
3. Всеволодова М. В., Панков Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая. Коммуникативная парадигма слова // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 1. С. 9–33.
4. Всеволодова М. В. Язык как система и проблемы объективной грамматики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 3. С. 7–37.
5. Кондратенко М. М. О семантических параллелях и заимствованиях в немецких и славянских диа-

лектах // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 133–136.

6. Кондратенко М. М. Семантическая структура народной хрономимии в славянских и немецких говорах // Славяноведение. 2015. № 6. С. 37–44.

7. Панков Ф. И. К вопросу о парадигматике неизменяемых классов слов // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2008. № 2. С. 5–15.

8. Степанычева Е. М. К вопросу о грамматиколексикографическом описании русских кванторных наречий (лингводидактический аспект) // Серия 9. Филология. 2010. № 5. С. 69–79.

9. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. Гнозис, 1994. 344 с.

10. Benko V. Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora // Text, Speech and Dialogue: 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014: Proceedings / P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pálek, eds. Cham [et al.]: Springer, 2014. P. 257–264. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html (дата обращения: 22.04.2024).

11. Dice, L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species. *Ecology* 26(3) (1945), P. 297–302.

12. Ološtiak M., Ivanová M. Teoreticko-metodologické, nominačné a typologické otázky viacslovných pomenovaní // Viacslovné pomenovania v slovenčine / Ed. M. Ološtiak. Prešov. 2015. S. 129–238.

13. Rychlý P. A lexicographer-friendly association score // *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008*, P. 6–9.

14. Stefanowitsch A. Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin. 2020. 510 p.

15. KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka, Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., red., 4 vyd., Bratislava, Veda. 2003, 985 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 14.03.2024).

16. SSSJ – Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A – G, Buzássyová K., Jarošová A., eds., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006, 1134 s.; 3, M – N, Jarošová A., ed., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2015. 1100 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 16.03.2024).

17. SSS – Synonymický slovník slovenčiny. Red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2004. 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 16.03.2024).

18. Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 20.04.2024).

19. Stojková V., Šimková M., Majchráková D., Gajdošová K. Detecting Time Expressions for Bulgarian and Slovak Language from Electronic Text Corpora //

Procedia – Social and Behavioral Sciences. The Proceedings of 5th World Conference on Learning, Teaching and Educational Leadership. Ed. Cigdem Hursen. Elsevier Ltd 2015. S. 257–260.

20. Šimková M. Náboženské texty a terminológia v Slovenskom národnom korpuse // *Stručný katolícky teologický slovník. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie*. Ed. Ján Ďurica, rec. Ladislav Csontos, Józef Kulisz. Trnava. Dobrá kniha. 2015. S. 77–98.

Reference list

1. Vashhenko D. Ju. Slovačkie temporal'nye narechija mnohokrát i veľakrát, specifika leksicheskogo znachenija po dannym sochetaemosti = Slovak temporal adverbs mnohokrát and veľakrát, specificity of lexical meaning according to combinability data // *Vestnik SPbGU. Jazyk i literatura*. 2023. T. 20. Vyp. 1. S. 20–39.

2. Vsevolodova M. V., Kulikova E. V. Grammatika slovosochetanj v kontekste funkcional'no-kommunitivnoj lingvodidaktičeskoj modeli jazyka = Grammar of word combinations in terms of functional-communicative linguodidactic language model // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija*. 2009. № 4 S. 67–88.

3. Vsevolodova M. V., Pankov F. I. K voprosu o kategorial'nom haraktere aktual'nogo chlenenija i ego roli v russkom vyskazyvanii. Stat'ja vtoraia. Kommunikativnaja paradigma slova = Toward the question of the actual division categorical character and its role in Russian speech. Article two. Word communicative paradigm // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija*. 2009. № 1. S. 9–33

4. Vsevolodova M. V. Jazyk kak sistema i problemy ob'ektivnoj grammatiki = Language as a system and the problems of objective grammar // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija*. 2016. № 3. S. 7–37.

5. Kondratenko M. M. O semanticheskikh paralleljah i zaimstvovanijah v nemeckih i slavjanskikh dialektah = On semantic parallels and borrowings in German and Slavic dialects // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2013. № 3. Т. I (Gumanitarnye nauki). S. 133–136.

6. Kondratenko M. M. Semanticheskaja struktura narodnoj hrononimii v slavjanskikh i nemeckih govorah = Semantic structure of folk chrononyms in Slavic and German dialects // *Slavjanovedenie*. 2015. № 6. S. 37–44.

7. Pankov F. I. K voprosu o paradigmatiche neizmenjaemyh klassov slov = On the paradigmatics of immutable word classes // *Vestnik RUDN. Serija Lingvistika*. 2008. № 2. S. 5–15.

8. Stepanycheva E. M. K voprosu o grammatiko-leksikograficheskom opisani russkih kvantornyh narechij (lingvodidaktičeskij aspekt) = To the question of grammatical-lexicographic description of Russian quantor dialects (linguodidactic aspect) // *Serija 9. Filologija*. 2010. № 5. S. 69–79.

9. Jakovleva E. S. Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija) = Fragments of the Russian linguistic world picture (space, time and perception models). Moskva : Gnozis, 1994. 344 s.

10. Benko V. Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora // Text, Speech and Dialogue: 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014: Proceedings / P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pálek, eds. Cham [et al.]: Springer, 2014. P. 257–264. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html (data obrashhenija: 22.04.2024).
11. Dice, L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species. *Ecology* 26(3) (1945), P. 297–302.
12. Ološtiak M., Ivanová M. Teoreticko-metodologické, nominačné a typologické otázky viacslavných pomenovaní // Viacslovné pomenovania v slovenčine / Ed. M. Ološtiak. Prešov. 2015. S. 129–238.
13. Rychlý P. A lexicographer-friendly association score // Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008, P. 6–9.
14. Stefanowitsch A. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin. 2020. 510 p.
15. KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka, Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., red., 4 vyd., Bratislava, Veda. 2003, 985 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (data obrashhenija: 14.03.2024).
16. SSSJ – Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A – G, Buzássyová K., Jarošová A., eds., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006, 1134 s.; 3, M – N, Jarošová A., ed., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2015. 1100 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (data obrashhenija: 16.03.2024).
17. SSS – Synonymický slovník slovenčiny. Red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2004. 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (data obrashhenija: 16.03.2024).
18. Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (data obrashhenija: 20.04.2024).
19. Stojková V., Šimková M., Majchráková D., Gajdošová K. Detecting Time Expressions for Bulgarian and Slovak Language from Electronic Text Corpora // *Procedia – Social and Behavioral Sciences. The Proceedings of 5th World Conference on Learning, Teaching and Educational Leadership*. Ed. Cigdem Hursen. Elsevier Ltd 2015. S. 257–260.
20. Šimková M. Náboženské texty a terminológia v Slovenskom národnom korpuse // *Stručný katolícky teologický slovník. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie*. Ed. Ján Ďurica, rec. Ladislav Csontos, Józef Kulisz. Trnava. Dobrá kniha. 2015. S. 77–98.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 16.05.2024; approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 811.112
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-139
EDN: PUBMIE

Автоматическое извлечение ключевых терминов из корпуса научных статей в SCP

Татьяна Сергеевна Падерина

Младший научный сотрудник, Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 134
jana-pad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6242>

Аннотация. Настоящая статья посвящена изложению теоретических и прикладных принципов работы по автоматическому извлечению терминов из научных текстов. Работа выполняется в рамках государственного задания по теме «Лингвосомиотическая гетерогенность научной картины мира: теоретическое и лингводидактическое описание». Цель исследования заключается в извлечении терминов из подготовленного корпуса научных текстов. Основной задачей на данном этапе исследования было выявить конкорданс определенной терминологии, то есть обозначить список всех употреблений заданного языкового выражения при помощи приложений для автоматической обработки текстов (АОТ). Практическим материалом являются научные статьи по направлению «Науки о Земле». Извлечение терминов при помощи автоматических систем является перспективным направлением современной прикладной лингвистики, так как существенно упрощает и ускоряет процесс создания терминосистем для узкоспециализированных предметных областей и для междисциплинарных направлений, которые находятся на стыке нескольких наук и требует определенного терминологического аппарата. Оценка рабочего процесса извлечения, проведенная с использованием большого набора данных, показала хорошую производительность для большинства типов данных. В этой статье мы описываем общую архитектуру рабочего процесса и предоставляем подробную информацию о реализации отдельных этапов. В результате проделанной работы отмечаем, что полностью перейти на автоматическую обработку текстов на данный момент весьма проблематично, так как полученные результаты не всегда являются точными и могут содержать ошибки. Перспектива исследования связана с адаптацией существующих моделей под определенные научные направления, создание цифровой языковой модели определенных терминосистем и её обучение.

Ключевые слова: терминология; извлечение терминов; автоматическая обработка текстов; термины-кандидаты; языковая модель; научная коммуникация

Для цитирования: Падерина Т. С. Автоматическое извлечение ключевых терминов из корпуса научных статей в SCP // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 139–144. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-139>. <https://elibrary.ru/PUBMIE>

Original article

Automatic extraction of key terms from the scientific articles corpus in SCP

Tatiana S. Paderina

Junior researcher, Irkutsk scientific center, Siberian branch of Russian academy of sciences. 664033, Irkutsk, Lermontov st., 134
jana-pad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6242>

Abstract. This article focuses on presenting theoretical and applied principles of automatic term extraction from scientific texts. The work is carried out within the framework of the state assignment on «Linguosemiotic heterogeneity of the scientific worldview: theoretical and linguodidactic description». The study aims at extracting terms from a prepared corpus of scientific texts. The main task at this stage of the study is to identify the concordance of certain terminology, i.e. to list all uses of a given linguistic expression by means of automatic text processing (ATP) applications. The practical material is scientific articles on Earth Sciences. Term extraction by means of automatic systems is a promising direction in modern applied linguistics, as it significantly simplifies and accelerates the process of creating term systems for highly specialized subject areas as well as for interdisciplinary areas at the intersection of several sciences, and requires a certain terminological apparatus. Assessment of the extraction workflow using a large

dataset shows good performance for most data types. In this paper, the author outlines the overall architecture of the workflow and provides detailed information on implementing particular steps. As a result of the work done, we note that it is very problematic to completely switch to automatic text processing at the moment, as the results obtained are not always accurate and may contain errors. The research prospect is related to adapting existing models for certain scientific areas, creating a digital linguistic model of certain term systems and training it.

Key words: terminology; term extraction; automatic text processing; term candidates; language model; scientific communication

For citation: Paderina T. S. Automatic extraction of key terms from the scientific articles corpus in SCP. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):139–144. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-139>. <https://elibrary.ru/PUBMIE>

Введение

Академический дискурс является важным каналом коммуникации в научном мире. Отслеживание последних научных открытий и достижений, результаты которых обычно публикуются в журналах или материалах конференций, является важнейшим аспектом исследовательской работы. Игнорирование этой задачи может привести к дефициту знаний, связанных с последними открытиями и научными тенденциями, что, в свою очередь, ведет к снижению качества собственного исследования, значительно усложняет оценку результатов и ограничивает возможность поиска новых интересных областей исследований, методов и задач. К сожалению, изучение научной литературы и, в частности, ознакомление с последними научными открытиями является сложным и чрезвычайно трудоемким процессом. Основная причина – огромный и постоянно растущий объем научной информации, а также тот факт, что публикации в основном доступны в виде неструктурированного текста.

Извлечение данных из статей и других документов является хорошо изученной проблемой. Более старые подходы предполагали, что на входе будут отсканированные документы, и были подготовлены для выполнения полной оцифровки из растровых изображений. В настоящее время приходится иметь дело с растущим количеством электронных документов, которые не требуют индивидуального распознавания символов.

Актуальность разработки и усовершенствования методов сбора, хранения и обработки информации с использованием автоматических программ подтверждается также стремительным развитием науки и применением цифровых технологий для работы с большими объемами данных. В рамках нашей профессиональной деятельности мы исследуем интерфейсы, которые могут значительно облегчить работу исследователям с научными текстами. Эти интерфейсы помогут найти статьи, соответствующие требуемому профилю, быстро просмотреть их для получения полного

понимания содержания, осуществить поиск ключевых слов и интегрировать полученные знания в свои собственные исследовательские работы.

Теоретической базой нашего исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей: изучение извлечения терминов на основе статистических показателей отмечаем в работах V. Stoykova, R. Stankovic, S. Pal и др. [Stoykova, Stankovic, 2019; Das, Pal, et al., 2013]; на основе правил – W. Sha, T. Quirchmayer и др. [Sha, Hua, 2021; Quirchmayer, Paech, et al., 2018]; метод машинного обучения освещен в работах таких исследователей как Е. П. Бручес, Т. В. Батура, М. Conrado, Ю. И. Бутенко, В. Э. Рогачева, К. Zhou и др. [Бручес, Батура, 2021; Бутенко, 2022; Рогачева, 2017; Conrado, 2013; Zhou, 2022; Schapire, 2000].

В качестве материала исследования для извлечения терминов был использован корпус статей за 2017–2022 гг. по направлению подготовки «Науки о Земле» из журналов *Landslides*, *Natural Hazards and Earth System Sciences*, *Journal of Geophysical research: Earth Surface*, *Geophysical Research Letters* и другие.

Принцип отбора тестов обусловлен задачами Государственного задания, которая выполняет лаборатория и более детально был описан ранее в нашей статье [Падерина, 2023]. Тексты, отобранные для корпуса написаны с соблюдением норм академического дискурса, опубликованы в журналах с высоким импакт-фактором (Scopus (Q1), Web of Science (WoS)), написаны на английском языке. Такие требования к текстам обеспечивают отбор контента, наиболее соответствующего требованиям письменной научной коммуникации.

Результаты исследования

Раньше любая цифровая модель обучалась для решения конкретной задачи на основе предшествующих данных. Например, чтобы научить систему предсказывать погоду, нужно было собрать большую выборку прецедентов. Языковая модель строится аналогичным образом. Она способна «подсказать» слово в определенном контексте. В

последние годы языковые модели генерируют тексты вполне осмысленно.

Для автоматического сбора, анализа и извлечения данных из различных источников может применяться различный программный инструментарий и платформы. Среди наиболее популярных систем отметим следующие:

– GATE (General Architecture for Text Engineering) – одна из самых старых, открытая инструментальная система, предназначенная для обработки естественного языка (NLP – natural language processing) и информационного поиска с открытым исходным кодом. Она предоставляет набор инструментов, ресурсов и API (Application Programming Interface) для создания и оценки различных текстовых и лингвистических приложений. GATE позволяет работать с большими текстовыми корпусами, анализировать и извлекать информацию из них, а также создавать новые модели и алгоритмы для NLP. Система поддерживает различные языки и кодировки, а также включает в себя множество предобученных моделей и алгоритмов.

– NLTK (Natural Language Toolkit) – это открытый исходный код, который предоставляет инструменты для работы с текстом на естественном языке. Он включает в себя модули для токенизации, стемминга, лемматизации, синтаксического анализа, классификации текста и других задач.

– spaCy – это гибкая платформа для обработки текста на естественном языке с открытым исходным кодом. Она поддерживает несколько языков и имеет обширную библиотеку инструментов для различных задач, включая извлечение сущностей, анализ тональности, морфологический анализ и многое другое.

– Simple Concordance Program (SCP) – многофункциональная программа, которая позволяет извлекать термины, словосочетания, задавать число слов словосочетаниях и т. д. К преимуществам данной программы относится возможность подключить stop-list (артикли, предлоги, общие слова, названия стран и т. д.). Программа извлекает термины в список, которые после этого можно отредактировать в ручном режиме. Программа может обрабатывать тексты на английском, французском, немецком, греческом, русском языках и т. д.

В нашем исследовании мы обратились к последней платформе (Simple Concordance Program (SCP)), так как она находится в свободном доступе и оптимально соответствует нашим задачам. Процесс обучения языковой модели долгосрочный и требует тщательной поэтапной подготовки.

Вся работа в рамках нашего исследования была разделена на три ключевых этапа: первый этап был посвящен теоретико-методологическому описанию поставленной проблемы и изучение актуальности исследований в данном направлении. Актуальность подтверждается в том числе активным развитием цифровых аспектов прикладной лингвистики и открытием новых исследовательских лабораторий по изучению возможностей и развития искусственного интеллекта. Второй этап – подготовка корпусов текстов по направлениям заявленных в выполняемом нами государственном задании, отбор терминов-кандидатов для языковой модели, формирование лингвистических шаблонов. Третий этап – создание цифровой языковой модели, обучение этой модели и апробация.

В рамках проведенного исследования отбор терминов-кандидатов был рассмотрен на текстах, написанных на английском языке. Интерес обусловлен практическим применением полученной языковой модели в процессе подготовки аспирантов к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку и для использования данной модели в их дальнейшей профессиональной деятельности (написание текстов для зарубежных журналов). Под языковой моделью мы понимаем статистическую модель, которая умеет прогнозировать вероятность последовательности слов в заданном тексте или предложении. Главная цель такой языковой модели состоит в том, чтобы понять и зафиксировать вероятностные связи между словами в языке и обучить подсказывать следующее слово (сочетание) на основе предыдущих. Для того, чтобы модель могла генерировать продолжение текста, необходимо ее «обучить» на достаточно большом объеме текстов, написанных на естественном языке.

Для подготовки корпуса научных текстов мы использовали приложение Semantic Scholar (<https://www.semanticscholar.org/>). По научному направлению «Науки о Земле» для первоначального этапа обучения модели нами было отобрано 17 оригинальных статей и 1 монография. Общий объем выборки составил 35 печатных листов.

Одна из основных сложностей работы с терминосистемами заключается в том, что без учета контекста достаточно трудно определить, является ли данное слово или словосочетание термином. Более того, в различных контекстах одно и то же выражение может быть обозначено как термин, и как обычное слово / словосочетание: например, *классификация, поток, язык, модель, классификатор и т.д.*

Извлечение терминов выполнялось в три этапа:

1 этап. Анализ научного текста и извлечение списка терминов-кандидатов (слова, словосочетания), которые будут соответствовать лексико-синтаксическим шаблонам;

2 этап. Фильтрация извлеченных терминов-кандидатов с помощью определенного списка стоп-слов (stop-word-list);

3 этап. Упорядочивание терминов-кандидатов по релевантности предметной области [Падерина, 2023].

Так как процесс обработки текстов трудоемкий, кропотливый и требующий определённого времени, в данной статье представлен пример работы с статьей *Debris flow behavior during the September 2013 rainstorm event in the Colorado Front Range, USA* [Schaefer, Santi, Duron, 2021]. В ходе работы по извлечению терминов мы выделили ключевые слова, которые обозначили как термины-кандидаты: *avulsion, debris-flaw, hazard, landslides, slope*.

После подготовки корпуса текстов мы использовали приложение Simple Concordance Program (далее SCP) для манипулирования данными. Для того, чтобы структурировать информацию при помощи системной программой SCP нам необходимо было преобразовать отобранный файл в реляционную форму. Программа предполагает работу либо с текстовыми документами с кодировкой ANSI, либо XML разметка, в нашем случае мы выбрали текстовый документ с кодировкой ANSI и загрузили его в систему. Система автоматически определила 1329 слов для поиска во встроенном словаре, поэтому мы обозначили для программы пять ключевых слов из списка терминов-кандидатов, которые был определен заранее (на предварительном этапе) (Рисунок 1).

Рисунок 1. Отбор терминов-кандидатов в приложении SCP

Как мы видим, программный интерфейс позволяет добавить дополнительные поля для систематизации терминов-кандидатов (частота, длина, шаблон). Результат поиска по заданным ключевым словам показал нам частоту употребления: *avulsion* – 88 упоминаний, *debris-flaw* – 45, *hazard* – 9, *landslides* – 17 и термин-кандидат *slope* – 47.

Список найденных примеров вхождения нужного токена в минимальном контексте был пред-

ставлен в формате KWIC (Key Word in Context – ключевое слово в контексте). В режиме KWIC в каждом примере выделено центральное слово. Слова, расположенные левее (L) и правее (R) этого слова, формируют его левый и правый контекст (Рисунок 2).

Рисунок 2. Пример конкорданса для терминов-кандидатов

Изучение слов и их окружения (контекст) представляет интерес для нашего исследования, так как контекст позволяет рассмотреть разницу между терминами, которые на первый взгляд в переводе на русский язык могут быть синонимами

Так например, «Универсальный русско-английский словарь» [Универсальный русско-английский словарь] дает практически одинаковые определения для терминов *debris-flow* и *landslides* и обозначает их как «обвал, оползень, оползание, сель», в то время как в специализированном словаре по геологии мы видим уточнение этих понятий, *debris-flow* авторы словаря рассматривают как «течение/поток осколков, обломков, обломочного материала» [Тимофеев, 1988, с. 124, 179], в то время как для термина *landslides* они дают определение «оползень; обвал» [Тимофеев, 1988, с. 239].

Изучение терминов в контексте позволит рассмотреть эту разницу и обучить языковую модель предлагать наиболее подходящий вариант при переводе.

Заключение

Проведя работу по извлечению терминов-кандидатов, мы отмечаем, что, несмотря на кажущееся разнообразие существующих программных цифровых продуктов для автоматической работы с текстами (первые прикладные исследования по извлечению информации из специализированных текстов относятся к началу 80-х годов XX века), задача автоматического извлечения терминов из научных текстов остается актуальной [Дементьева и др., 2022; Большакова и др., 2021; Grishman, 2010; Aggarwal, 2012; Kowsari, 2019; Шейко, 2023].

Это обусловлено рядом причин, среди которых можно выделить сложность и многоаспектность задачи работы с терминологией, разнообразие типов документов и языков, необходимость учета контекста и междисциплинарных связей. Решение

данной проблемы требует совместных усилий специалистов из разных областей, включая лингвистику, информатику, математику и т. д. Одним из перспективных направлений в этой области является использование искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа и обработки естественного языка. Современные алгоритмы и методы машинного обучения позволяют создавать более точные и эффективные системы автоматической обработки текстов, способные обрабатывать большие объемы данных и извлекать из них ценную информацию. Однако, несмотря на значительные достижения в данной сфере, существует ряд ограничений, которые требуют дальнейшего исследования и разработки. К таким проблемам относятся:

- сложность и многоаспектность задач анализа текстов;
- неполнота и неоднозначность информации в текстах;
- необходимость учета контекста и семантических связей между словами и фразами;
- проблемы с интерпретацией результатов и оценкой качества работы алгоритмов.

В рамках нашего исследования на основании отобранных терминов-кандидатов производится создание и обучение языковой модели, которая позволит не только выделять термины, которые уже содержатся в подготовленном словаре, но и находить новые паттерны (новые слова и фразы), а также генерировать связный текст (предложения) по определённому научному направлению.

Библиографический список

1. Дементьева Я. Ю., Бручес Е. П., Батура Т. В. Извлечение терминов из текстов научных статей // Программные продукты и системы / Software & Systems. 2022. Т. 35. № 4. С. 689–697. DOI: 10.15827/0236-235X.140.689-697
2. Большакова Е. И., Семак В. В. Комбинирование методов для извлечения терминов из научно-технического текста // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2021. № 25:4. С. 239–242.
3. Бручес Е. П., Батура Т. В. Метод автоматического извлечения терминов из научных статей на основе слабо контролируемого обучения // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2021. Т. 19. № 2. С. 5–16. DOI 10.25205/1818-7900-2021-19-2-5-16
4. Бутенко Ю. И., Николаева Н. С., Карцева Е. Ю. Структурные модели англоязычных терминов для автоматической обработки корпусов научно-технических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 80–95. DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-1-80-95.
5. Падерина Т. С. Методы извлечения терминов в научных текстах (на материале статей по направлению науки о земле) // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6(3). С. 388–396. DOI /10.26907/2658-3321.2023.6.3.388
6. Рогачева В. Э. Методы извлечения терминологических единиц из корпуса сопоставимых текстов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 118–122.
7. Тимофеев П. П., Алексеев М. Н., Софиано Т. А. Англо-русский геологический словарь: Ок. 52 000 терминов / под ред. П. П. Тимофеева, М. Н. Алексеева. Москва, 1988б. 541 с.
8. Универсальный русско-английский словарь. URL: https://universal_ru_en.academic.ru/ (дата обращения: 30.04.2024).
9. Шейко А. М. Инструменты прикладной лингвистики в контроле качества перевода // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6. № 2. С. 282–293. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293.
10. Aggarwal C.C., Zhai C. (2012). A Survey of Text Classification Algorithms. In: Mining Text Data. 2012. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3223-4_6
11. Conrado M., Pardo T., Rezende S. O. A machine learning approach to automatic term extraction using a rich feature set // Proc. NAACL. 2013. P. 16–23.
12. Das B., Pal S., Mondal S., Dalui D., Shome S.K. Automatic keyword extraction from any text document using N-gram rigid collocation // IJSCE. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 238–242.
13. Grishman R. Information Extraction. In: The Handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing. A. Clark, C. Fox, and S. Lappin (Eds), WileyBlackwell, 2010. P. 515–530.
14. Kowsari K, Jafari Meimandi K, Heidarysafa M, Mendu S, Barnes L, Brown D. Text Classification Algorithms: A Survey // Information. 2019. Vol. 10 (4):150. <https://doi.org/10.3390/info10040150>
15. Quirchmayr T., Paech B., Kohl R. et al. Semi-automatic rule-based domain terminology and software feature-relevant information extraction from natural language user manuals // Empirical Software Engineering. 2018. Vol. 23. No. 6. P. 3630–3683. DOI: 10.1007/s10664-018-9597-6.
16. Schaefer L. N., Santi P. M., Duron T. C. Debris flow behavior during the September 2013 rainstorm event in the Colorado Front Range, USA // Landslides. 2021. Vol. 18(5). P. 1585–1595. doi:10.1007/s10346-020-01590-5
17. Sha W., Hua B., Linqi S. A Pattern and POS auto-learning method for terminology extraction from scientific text // Data and Information Management. 2021. Vol. 5. No. 3. P. 329–335. DOI: 10.2478/dim-2021-0005.
18. Schapire R.E., Singer Y. BoosTexter: A Boosting-based System for Text Categorization. // Machine Learning. 2000. Vol. 39. Pp. 135–168. <https://doi.org/10.1023/A:1007649029923>
19. Stoykova V., Stankovic R. Using query expansion for cross-lingual mathematical terminology extraction. In:

AISC. 2019. P. 154–164. DOI: 10.1007/978-3-319-91189-2_16.

20. Zhou K., Li Y., Li Q. Distantly supervised named entity recognition via confidence-based multi-class positive and unlabeled learning. Proc. LX Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2022. Vol. 1. P. 7198–7211.

Reference list

1. Dement'eva Ja. Ju., Bruches E. P., Batura T. V. Izvlechenie terminov iz tekstov nauchnyh statej = Extracting terms from texts of scientific articles // Programmnye produkty i sistemy/Software & Systems. 2022. T. 35. № 4. S. 689–697. DOI: 10.15827/0236-235X.140.689-697

2. Bol'shakova E. I., Semak V. V. Kombinirovanie metodov dlja izvlechenija terminov iz nauchno-tehnicheskogo teksta = Combining methods for extracting terms from scientific technical texts // Intellektual'nye sistemy. Teorija i prilozhenija. 2021. № 25:4. S. 239–242.

3. Bruches E. P., Batura T. V. Metod avtomaticheskogo izvlechenija terminov iz nauchnyh statej na osnove slabo kontroliruemogo obuchenija = A method for automatically extracting terms from scientific articles based on low-control training // Vestnik NGU. Serija: Informacionnye tehnologii. 2021. T. 19. № 2. S. 5–16. DOI 10.25205/1818-7900-2021-19-2-5-16

4. Butenko Ju. I., Nikolaeva N. S., Karceva E. Ju. Strukturnye modeli anglojazychnyh terminov dlja avtomaticheskoy obrabotki korpusov nauchno-tehnicheskikh tekstov = Structural models of English terms for automatic processing of scientific and technical text corpuses // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2022. T. 13. № 1. S. 80–95. DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-1-80-95.

5. Paderina T. S. Metody izvlechenija terminov v nauchnyh tekstah (na materiale statej po napravleniju nauki o zemle) = Methods of extracting terms from scientific texts (based on articles in the field of earth science) // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2023. T. 6(3). S. 388–396. DOI /10.26907/2658-3321.2023.6.3.388

6. Rogacheva, V. Je. Metody izvlechenija terminologicheskikh edinic iz korpusa sopostavimyh tekstov = Methods for extracting terminological units from a corpus of comparable texts // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2017. № 2. S. 118–122.

7. Timofeev P. P., Alekseev M. N., Sofiano T. A. Anglo-russkij geologicheskij slovar': Ok. 52 000 terminov = English-Russian dictionary of geology: about 52 000 terms / pod red. P. P. Timofeeva, M. N. Alekseeva. Moskva, 1988b. 541 s.

8. Universal'nyj russko-anglijskij slovar'. = Universal Russian-English dictionary. URL:

https://universal_ru_en.academic.ru/ (data obrashhenija: 30.04.2024).

9. Shejko A. M. Instrumenty prikladnoj lingvistiki v kontrole kachestva perevoda = Applied linguistics tools in translation quality control // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2023. T. 6. № 2. S. 282–293. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293.

10. Aggarwal C.C., Zhai C. (2012). A Survey of Text Classification Algorithms. In: Mining Text Data. 2012. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3223-4_6

11. Conrado M., Pardo T., Rezende S. O. A machine learning approach to automatic term extraction using a rich feature set // Proc. NAACL. 2013. R. 16–23.

12. Das B., Pal S., Mondal S., Dalui D., Shome S.K. Automatic keyword extraction from any text document using N-gram rigid collocation // IJSCE. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 238–242.

13. Grishman R. Information Extraction. In: The Handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing. A. Clark, C. Fox, and S. Lappin (Eds), WileyBlackwell, 2010. R. 515–530.

14. Kowsari K, Jafari Meimandi K, Heidarysafa M, Mendu S, Barnes L, Brown D. Text Classification Algorithms: A Survey.// Information. 2019. Vol. 10 (4):150. <https://doi.org/10.3390/info10040150>

15. Quirchmayr T., Paech B., Kohl R. et al. Semi-automatic rule-based domain terminology and software feature-relevant information extraction from natural language user manuals // Empirical Software Engineering. 2018. Vol. 23. No. 6. P. 3630–3683. DOI: 10.1007/s10664-018-9597-6.

16. Schaefer L. N., Santi P. M., Duron T. C. Debris flow behavior during the September 2013 rainstorm event in the Colorado Front Range, USA // Landslides. 2021. Vol. 18(5). P. 1585–1595. doi:10.1007/s10346-020-01590-5

17. Sha W., Hua B., Linqi S. A Pattern and POS auto-learning method for terminology extraction from scientific text // Data and Information Management. 2021. Vol. 5. No. 3. P. 329–335. DOI: 10.2478/dim-2021-0005.

18. Schapire R.E., Singer Y. BoosTexter: A Boosting-based System for Text Categorization. // Machine Learning. 2000. Vol. 39. Pp. 135–168. <https://doi.org/10.1023/A:1007649029923>

19. Stoykova V., Stankovic R. Using query expansion for cross-lingual mathematical terminology extraction. In: AISC. 2019. P. 154–164. DOI: 10.1007/978-3-319-91189-2_16.

20. Zhou K., Li Y., Li Q. Distantly supervised named entity recognition via confidence-based multi-class positive and unlabeled learning. Proc. LX Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2022. Vol. 1. P. 7198–7211.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 14.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 811.1/.8
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-145
EDN: QZJQTC

«Возможные миры» оценки: к проблеме эмотивной коммуникации

Алексей Андреевич Штеба

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27
alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Аннотация. Современное развитие эмотивной лингвистики как самостоятельного направления исследований подчеркивает необходимость определения новых подходов к анализу коммуникативной специфики репрезентации эмотивности. Классический подход к категоризации эмотивов на три группы (аффективы, коннотативы и потенциативы) не позволяет объяснить всё разнообразие эмотивной семантики и функционирования эмотивов. Предлагается выделить отдельный самостоятельный класс внутри эмотивности, обозначаемый как нечеткая эмотивность. В данную группу эмотивов отнесено всё множество случаев коммуникативного выражения эмотивности, которое не соответствует обозначенной выше трехчастной модели категоризации эмотивов. Любая субъективная оценка условна, конвенционально делится на два типа (положительная и отрицательная). При этом нейтральная оценка также наделена положительным и отрицательным потенциалом в зависимости от специфики расположения конвенционально нейтрального слова с положительным или отрицательным эмотивом (на фоне второго элемента пары нейтральная оценка будет восприниматься как положительная или отрицательная). В современных коммуникативных реальностях всё чаще строятся небинарные оценочные шкалы, элементы которых не являются полными антонимами. В итоге, оценочный полюс на подобных шкалах смещается в сторону плюса или минуса. Воздействующий эффект таких нечетких оценочных шкал обусловлен созданием эффекта обманутого ожидания и новизны. Адресат взаимодействует с направленным в его адрес эмотивом-стимулом, сочетает его с окружением слова в тексте, собственным опытом, социальным и пр. контекстом. Нечеткая эмотивность дестабилизирует языковую семантику и одновременно увеличивает, усложняет систему, делает ее более совершенной и адаптивной к внешним условиям.

Ключевые слова: небинарные оценочные шкалы; валентность; эмотивная валентность; феноменологическая валентность; нейтральная оценка; эмотивность; нечеткая эмотивность

Для цитирования: Штеба А. А. «Возможные миры» оценки: к проблеме эмотивной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 145–151. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-145>. <https://elibrary.ru/QZJQTC>

Original article

«Possible worlds» of assessment: to the problem of emotive communication

Alexei A. Shteba

Candidate of philological sciences, associate professor, department of romance philology, Volgograd state social-pedagogical university. 400066, Volgograd, Lenin ave. 27
alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Abstract. The modern development of emotive linguistics as an independent research area emphasizes the need to identify new approaches to analyzing the communicative specificity of expressing emotiveness. The classical approach to categorizing emotives into three groups (affectives, connotatives and potentiatives) does not explain the whole variety of emotive semantics and emotive functioning. The author suggests singling out an independent class within emotiveness, to be labeled as vague emotiveness. This group of emotives includes the whole set of emotive communicative expressions that do not correspond to the above mentioned three-part model of emotive categorization. Any subjective evaluation is conditional, and is commonly divided into two types (positive and negative). At the same time, neutral evaluation also has positive and negative potential depending on the specific position of a conventionally neutral word with a positive or negative emotive (the neutral evaluation will be viewed as positive or negative against

the background of the second element of the pair). Contemporary communicative realities tend to construct more non-binary evaluative scales whose elements are not complete antonyms. As a result, the evaluative pole on such scales shifts to the plus or minus side. The influence of such vague evaluative scales is due to the effect of deceived expectations and novelty. The addressee interacts with the emotive stimulus directed to them, associates it with the lexical environment of the word, their own experience, social and other contexts. Vague emotiveness destabilizes linguistic semantics and at the same time increases, complicates the system, makes it more perfect and adaptive to external conditions.

Key words: non-binary evaluation scales; valence; emotive valence; phenomenological valence; neutral evaluation; emotiveness; vague emotiveness

For citation: Shteba A. A. «Possible worlds» of assessment: to the problem of emotive communication. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):145–151. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-145>. <https://elibrary.ru/QZIQTC>

Введение

Значение всегда производно от коммуникативного намерения [Звегинцев, 1973, с. 41], поскольку в коммуникации речевой знак не может быть сведен к набору дискретных функций, за пределами которых остаются безграничные смысловые потенции слова, актуализируемые в речи, а также взаимосвязь синтагматических и парадигматических связей слова, соотношение слова как знака с иными окружающими его актуально и потенциально семиотическими образованиями.

Коммуникация способствует реализации смысловых потенций слова, поскольку, среди прочих, она обладает такими характеристиками, как пластичность, уникальность и смежность [Логиновская, Черникова, 2022, с. 68], то есть пластичность коммуникации заключается в предоставлении смыслу возможности вступать в неограниченное множество ассоциативных связей, уникальность – неповторимость коммуникативного потенциала на основе языкового опыта (при этом уникальность языкового опыта для каждого отдельного «оператора» коммуникации), смежность – создание многослойных отношений одного и того же объекта с безграничным окружением.

Обзор научной литературы

В своем спецкурсе В. И. Жельвис выделяет постулат об амби-, поливалентности эмоций и средств их выражения, когда сложный состав эмоций обуславливает неоднозначность мотивной составляющей слов, эксплицирующих эмоциональные переживания / состояния. Основой указанного спецкурса выступила инвективная лексика, по причине чего особое внимание уделяется эмотивным модуляциям слов: потенциальные константно возникающие смыслы слова в контексте являются постоянным свойством семантики. В.И. Жельвис отмечает, что представление эмоций в виде шкалы или «непрерывной ленты», на

которой осуществляется плавный переход от эмоций одного знака к противоположно оценочным эмоциональным переживаниям, недостаточно.

Беглый обзор активных эмоциональных состояний, к примеру, любви и ненависти, подтверждает обозначенные выше сомнения относительно возможности линейной организации эмоционального, когда одно и то же состояние (любовь и ненависть) предполагает необходимость сближения с адресатом, но стремление к этой интимности характеризуется противоположной оценочностью, а одно и то же эмоциональное состояние способно неограниченно преобразовываться, нюансироваться. Также актуализация слова в широком контексте может приводить к гашению оценочной составляющей, то есть у слова открывается новая валентность через сочетание с контекстом как знаком, а эмоции переливаются одна в другую.

Методология исследования.

Наш опыт всегда меняется и постоянно зависит от конкретной ситуации, поскольку быть человеком предполагает перманентное нахождение в некоторой ситуации, некотором контексте, некотором мире. Взаимодействие объекта со средой представляет коэволюцию, при которой закономерности среды не предзаданы заранее, а эантируются (порождаются) в результате сопряжения (порождение смысла из фона понимания) [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 167, 283, 356].

Например, в прозе Ж. Батая невозможное выражается в том числе в смешении эмоциональных переживаний:

Ужас, вперемешку с несчастной любовью, ясностью.

Нейтральное превращается в коннотативное, где эмотивная семантика актуализируется, как правило, через противоречия, невозможное:

От страха, что Б. покинет меня, оставит одного и большого желанием сгинуть, как помойный

отброс, у меня в конце концов сильно поднимается настроение.

<...>

Счастлив, словно метла, которой размахивают в воздухе.

<...>

я живу – погрязнув в тревоге, – и я боюсь смерти,

потому что недостаточно люблю жизнь

В единое целое оформляются амбивалентные единицы, что создает, если не оксюморонимы, то амбивалентные композиты:

Я злосчастен, одинок, убог.

Конвенциональная оценочность, напротив, меняет свой знак, что обусловлено скоплением внутри текстовых фрагментов формально противоречивых понятий:

В тот миг желание (тревога, неизменный спутник дружбы) исполнялось настолько чудесно, что я приходил в отчаяние.

<...>

Как сладок страх!

В исследовании З. Я. Кармановой анализируется понятие феноменологической валентности [Карманова, 2022, с. 196–199]. Данный тип валентностей предполагает особенности функционирования представления о слове в сознании, в рамках которого (представления) бесконечная смысловая заряженность слова – следствие подлинной специфики языка: даже нарушение валентностного (сочетаемостного) потенциала выступает показателем не только неразвитости у человека чувства языка, но обладает значимым прагматическим потенциалом как интенциональное нарушение нормы в стилистических целях.

Широкое понимание валентности находим у Г. Г. Шпета, указывавшего, что слово «ход», равно как и слова «пароход», «белый пароход», «большой белый пароход», «явижубольшой белый пароход» и пр., выступают отдельными словами, поскольку синтаксическая связь слов суть тоже слово; «речь, книга, литература, язык всего мира, вся культура – слово» [Шпет, 1989, с. 381]. Организация словаря хаотична, а изолированные слова всегда представляют собой обрывки мыслей, только контекст может превратить смысл в органическое бытие [Шпет, 1989, с. 416–417]. К примеру, при определении эмотивности некоторой единицы значимым являются как ее минимальная дистрибуция, так и широкий вертикальный контекст, что дает возможность осуществлять комплексный анализ сочетания слова и условий экстралингвистической ситуации, слова и челове-

ка, использующего данную лексическую единицу, слова и эпохи, создавшей его, так как при увеличении степени абстракции языковых единиц смысловой компонент в их семантической сфере становится более значимым [Новиков, 1990, с. 33].

Выраженность эмоционального компонента вариативна, но коммуникация невозможна без эмоциональной составляющей. Эмоции мотивируют сознание и направляют человека в осуществляемой им деятельности. Попытки классифицировать модели эмоционального реагирования внутри коммуникативных ситуаций разной тональности распространяются только на частотные коммуникативные шаги внутри ситуации общения. Эмотивная компонента гибка, флуктуативна, подвижна, эмоциональные реакции на идентичный стимул гетерогенны даже со стороны одного и того же агента.

Результаты исследования

В ходе исследования проблемы нечеткой эмотивности наше внимание привлекает явление нестандартных (небинарных) оценочных шкал. Крайние полюса построения оценочных шкал имеют условно предзаданный антонимический характер, но строгие ограничения отсутствуют. Подобные небинарные оценочные шкалы обусловлены безграничным смысловым потенциалом слов, когда любая лексическая единица, актуализируемая в определенном контексте, может становиться синонимом или антонимом относительно некоторой «точки отсчета». Гадание на ромашке в русской культуре имеет либо два полюса (любит – не любит), либо преобразуется в более детальную оценочную шкалу, когда оценочные полюсы остаются неизменными. Во французском языке данная оппозиция любви-не любви более развернута: *je t'aime* (я тебя люблю) – *un peu* (немного) – *beaucoup* (сильно) – *à la folie* (безумно) – *pas du tout* (вообще нет). Интересно также, что нейтральная оценка является амбивалентной, поскольку оценочный потенциал нуля активизирует сокращение двух полюсов оценочной шкалы до одного, к примеру, нейтральное поведение относительно вежливого и нейтральное поведение применительно к пренебрежительному.

Небинарные оценочные шкалы создают эффект обманутого ожидания, поскольку реципиент должен вытеснить устойчивую конвенциональную пару и заменить ее на авторский подход к оппозиции. Субъект оценки выходит за пределы «оценочного стереотипа» (по Е. М. Вольф), что

каузирует удивление реципиента и сопровождается эффектом новизны. Структура оценочной шкалы включает в себя объективную и субъективную стороны оценки, то есть отношение субъекта к объекту оценки и оцениваемые свойства объекта [Вольф, 2002, с. 47–48]. Цитируемый ученый указывает на сложную структуру оценочной шкалы, признаки которой могут двигаться по направлению интенсификации или деинтенсификации, аффективности. Кроме того, оценочная шкала может обладать крайними точками для признака или быть их лишена [Вольф, 2002, с. 49]. Феномен невыраженной оценочности заключается в том, что конкретизация только одного направления шкалы оценок (плохо-очень плохо-отвратительно и пр.) приводит к убыванию противоположного направления на шкале оценки. Между полюсами хорошо и плохо находится нейтральная позиция (тяготеющая к минусу), но и этот условный нуль может оказаться в оценочной зоне в одном из «возможных миров» (!).

Распространенным являлось мнение о существовании в языке слов, безразличных для оценки [Вольф, 2002, с. 16]. Данное понятие соотносится с внешнеэстетическим или эстетически безразличным, не вызывающим ни положительной, ни отрицательной эстетической реакции [Шпет, 1989, с. 432]. Действительно, некоторые лексические единицы на уровне конвенции лишены явной оценочной составляющей, поскольку узувально они не выступают объектом оценки. И. В. Арнольд соглашается с перечисленными положениями и выделяет два вида эмоциональности: узувальную иokkaзиональную [Арнольд, 2004, с. 154]. Непреодолимой границы (*une cloison étanche*) между объективной (дескриптивной) и субъективной (оценочной) сторонами прилагательного быть не должно, взаимодействие объективного и субъективного соответствует зонам, предполагающим последовательное пересечение, наложение, включение, чтобы вместить амбивалентное, неопределенное, нечеткое в свою парадигму [Jamrozik, 1988, p. 88].

Категориальным признаком оценочной шкалы выступает ее недискретность и континуальность, поскольку степень признака всегда может повышаться или снижаться. В данном аспекте значимым является понятие размытой или нечеткой переменной (*fuzzy variable*), поскольку расположение некоторого объекта на оценочной шкале всегда более или менее условно в зависимости от субъекта оценки

Эффект обманутого ожидания применяется при создании названий фильмов, вероятно, для повышения аттрактивной функции конечного продукта. К примеру, в названии художественного фильма «*Между светом и тенью*» (2002, реж. А. Будённый) оппозиция задается противопоставлением света и тени, что нарушает появление ожидаемого члена для пары, а именно темнота для света. В семантике слова тень имеется смысловой компонент темный, плохо освещенный, что позволяет создать оппозицию по признаку свет и темнота с преобразованием ожидаемой антонимической к свету лексической единицы. Аналогичным образом земля заменяется на тайгу и песок в названиях следующих фильмов: «*Между небом и тайгой*» (2021, реж. Я. Юровицкий), «*Между небом и песком*» (2017, реж. В. Кондаков), а утро – на день («*Между ночью и днем*» (1975, реж. Хорст Э. Брандт):

ЗЕМЛЯ – Верхний слой земной коры; почва, грунт.

ТАЙГА – Полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки.

ПЕСОК – обширные пространства, покрытые песком.

УТРО – название времени суток от окончания ночи до наступления дня; начало дня, первые часы дня.

ДЕНЬ – часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера

В данных небинарных оппозициях появление второго элемента является неожиданным. Обратная форма построения также возможна, к примеру, «*Между субботой и воскресеньем*» (1991, реж. А. Салбиев), где оппозиция к субботе невозможна, а воскресенье как показатель завершения недели может контрастировать с понедельником – началом недели.

Названия фильмов, в которых небинарные оппозиции оформлены через номинации эмоций, являются крайне редкими. Примером последних является художественный фильм «*Between Love & Goodbye*» (2008, реж. К. Андреас), в названии которого ненависть (*hatred*) вытесняется и заменяется на неконвенциональное в ситуации оппозиции к любви прощание. Имплицируемое противопоставление любви как сближения и ненависти как отторжения (форма прощания) сохраняется. Слово ненависть, являющееся мощным эмоциогенным элементом, вытесняется на нормативную для фатической коммуникации форму прощания, что может указывать на внутреннее стремление к ми-

тигации, позитивизации общения (в духе Ст. Пинкера, настаивающего на том, что насилия в мире стало меньше).

Принципиальных ограничений на сочетаемость для создания небинарных оценочных шкал не имеется, но наличие в семантике слов антонимических компонентов прослеживается в большинстве рассмотренных примеров.

Эффект обманутого ожидания возникает по причине того, что актуализация в речи одного из элементов пары полных антонимов предполагает второй элемент пары [см.: Львов, 1999]. Последнее подтверждается данными ассоциативных словарей, в которых, к примеру, среди наиболее частотных реакций на стимул любовь выступает ненависть. Неполным антонимам характерны такие особенности, как отличия в смысловых и эмоциональных оттенках, разница в сферах употребления [Лихачева, 2015, с. 24]. Неполные антонимы рассматриваются как контекстуальные. Им свойственна меньшая конвенциональность, они основаны на индивидуальном употреблении слов, более выразительны и экспрессивны [Эрцикова, 2019, с. 23].

В контексте обозначенной проблемы значимым является метод семантического дифференциала, который направлен на выявление дополнительных эмоционально-смысловых созначений (*connotative meaning*) слов, эмоциональные и смысловые компоненты размещаются респондентами на многомерной шкале. Преимущественно этот метод определяет ассоциации, мотивацию, эмоции, отношение, сопровождаемые актуализацией некоторого понятия. Изначально применяемый в психологии данный метод значительно расширил сферу использования. К примеру, проблеме определения отношения к русскому языку у иностранных студентов с использованием метода семантического дифференциала посвящена работа [Новиков, Новикова, 2021]; исследование [Dalton, Maute, et al., 2008] направлено на выявление отношения потенциального потребителя к запаху. Конвенциональная шкала семантического дифференциала включает 7 точек (–3; 0; +3), расположенных между двумя полюсами противоположных по семантике прилагательных и нейтральную точку на шкале [Ploder, 2015, p. 569]. С помощью данного метода формулируется психологическое значение через установление степени соответствия/несоответствия между различными понятиями [Aros M. Narváez, 2009, p. 427].

Извлеченные приемом направленной выборки из Национального корпуса русского языка приме-

ры показывают, что в художественной литературе квазиантонимия используется для создания стилистического эффекта, к примеру:

Выбор между любовью и равнодушием всегда будет сделан в пользу равнодушия, так диктует инстинкт самосохранения (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая).

Если нужно выбирать между любовью и сытной трапезой, то Хуч предпочтет гастрономические удовольствия (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

Но ведь ты согласишься, любезный читатель, не правда ли, что между любовью и предательством существует определенная иерархия (И. А. Бродский. Коллекционный экземпляр).

При категоризации смешанной эмоции особую функционально-прагматическую значимость имеет позиция второго элемента пары (в смешанной эмоции любви и ненависти фокус внимания ориентирован на отрицательное эмоциональное переживание, в смешанной эмоции ненависти и любви – на преодоление отрицательного эмоционального переживания). Неслучайным кажется расположение во всех трех выше указанных примерах в постпозицию к любви небинарных антонимов: равнодушие, предательство и трапеза, два элемента из которых относятся к тематической группе эмоциональных состояний. Оппозиция любви и трапезы ситуативно модифицирует любовь из номинации эмоционального переживания в гипероним нематериального, духовного, которому противостоит материальное, плотское.

Заключение

Все, что мы испытываем, имеет определенный чувственный тон, и все ощущения можно классифицировать как приятные, неприятные или нейтральные <...>. Наши чувства и ощущения имеют отношение к нашему «я», и в моменты сильных переживаний мы воспринимаем их как себя [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 177]. Однако эмоция является мотивационной основой сознания [Шаховский 2006], индивидуальные эмоциональные переживания порождают новые смыслы, становятся источником общечеловеческого опыта [Ионова, 2010, с. 10], любая деятельность, в том числе речевая, является эмоционально маркированной. Соответственно каждый конститутивный элемент речевой деятельности потенциально эмоционален, но оценочный знак, активность эмоции, стоящей за формой ее языковой номинации, дескрипции, экспликации, является неопределенной, нечеткой. Одна и та же деятельность может

стимулироваться различными мотивами, одни и те же мотивы могут иметь отличное эмоциональное основание. Поэтому и нейтральная оценка на условной шкале эмотивности потенциально поливалентна, когда скрытая эмотивность нейтральной оценки может актуализироваться через валентностные связи нуля с узким и широким, к примеру, историческим, культурным, контекстом, коммуникативной ситуацией, говорящим и пр.

Вынесенное в заглавие выражение «возможные миры» можно понимать как ситуацию выхода говорящего за пределы конвенции, накладывающей ограничения на коммуникативное поведение и предопределяющее использование определенных не только речевых, но и языковых средств. Поэтому «возможный мир» есть не искусственный конструкт, а коммуникативная действительность, которая предоставляет субъекту арсенал безграничных возможностей для оформления актуального коммуникативного намерения. При этом кажущийся хаос, в качестве примера которого рассмотрено функционирование небинарных оценочных шкал, конструктивен и расширяет действительное пространство коммуникации.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 6-е изд. Москва : Флинта: Наука, 2004. 384 с.
2. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт; пер. с англ. К. Тулуповой. Москва : Фонд «Сохрани Тибет», 2023. 456 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия : учебное пособие. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990. 81 с.
5. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. Москва : Издательство Московского университета, 1973. 246 с.
6. Ионова С. В. Эмоции в новой коммуникативной реальности // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. монография / отв. ред. В. И. Шаховский, И. В. Крюкова, Е. А. Сорокина. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2010. С. 7–20.
7. Львов М. Р. Опыт систематизации лексических антонимов // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1999. С. 307–311.
8. Карманова З. Я. Принципы феноменологической лингвистики : монография. Калуга : ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2022. 400 с.
9. Лихачева О. Н. Особенности градуальных антонимов в русском и английском языках // Электронный

сетевой политематический журнал «Научные труды КУБГТУ». № 9. 2015. С. 17–28.

10. Логиновская Ю. В., Черникова И. В. Язык как творческий инструмент сознания // Язык и культура. 2022. № 60. С. 57–81.
11. Новиков А. И. Семантические расстояния в языке и тексте. Москва : Наука, 1990. 135 с.
12. Новиков А. Л., Новикова И. А. Семантический дифференциал как метод изучения отношения к родному и русскому языкам в контексте межкультурной адаптации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1175–1188.
13. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. Санкт-Петербург, 1993. 290 с.
14. Шаховский В. И. Эмоции – мотивационная основа сознания // Вопросы психолингвистики. № 4. 2006. С. 64–69.
15. Шпет Г. Г. Сочинения. Москва : Изд-во «Правда», 1989. 603 с.
16. Эрцикова Г. А. Неполные и контекстуальные антонимы в произведениях Н. В. Игнатъева // Ежегодник финно-угорских исследований. № 1. Т. 13. 2019. С. 20–25.
17. Aros M. Narváez G. The semantic differential for the discipline of design: a tool for the product evaluation // Selected Proceedings from the 13th International Congress on Project Engineering, 2009. P. 422–433.
18. Dalton P., Maute Ch., Oshida A., Hikishi S., Izumi Y. The Use of Semantic Differential Scaling to Define the Multi-Dimensional Representation of Odors // Journal of Sensory Studies Volume 23, Issue 4. 2008. P. 485–497.
19. Jamrozik E. De la subjectivité dans le lexique // Langages. № 89. 1988. P. 87–96.
20. Ploder A., Eder A. Semantic Differential // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Science / Editor: James D. Wright. 2nd Edition. 2015. P. 563–571.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk = Stylistics. The modern English language : uchebnik dlja vuzov. 6-e izd. Moskva : Flinta: Nauka, 2004. 384 s.
2. Varela F., Tompson Je., Rosh Je. Otelesnennyj um. Kognitivnaja nauka i chelovecheskij opyt = The bodily mind. Cognitive science and human experience / per. s angl. K. Tulupovoj. Moskva : Fond «Sohrani Tibet», 2023. 456 s.
3. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = The functional semantics of evaluation. Izd. 2-e, dop. Moskva : Editorial URSS, 2002. 280 s.
4. Zhel'vis V. I. Jemotivnyj aspekt rechi. Psiholingvisticheseskaja interpretacija rechevogo vozdejstvija = Speech emotive aspect. Psycholinguistic interpretation of speech impact : uchebnoe posobie. Jaroslavl' : JaGPI im. K.D. Ushinskogo, 1990. 81 s.

5. Zvegincev V. A. Jazyk i lingvisticheskaja teorija = Language and linguistic theory. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1973. 246 s.
6. Ionova S. V. Jemocii v novoj kommunikativnoj real'nosti = Emotions in the new communicative reality // Chelovek v kommunikacii: motivy, strategii i taktiki: kol. monografija / otv. red. V. I. Shahovskij, I. V. Krjukova, E. A. Sorokina. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2010. S. 7–20.
7. L'vov M. R. Opyt sistematizacii leksicheskikh antonimov = Practice in systematizing lexical antonyms // Aktual'nye problemy leksikologii i leksikografii. Perm', 1999. S. 307–311.
8. Karmanova Z. Ja. Principy fenomenologicheskogo lingvistiki = Principles of phenomenological linguistics : monografija. Kaluga : IP Strel'cov I.A. (Izd-vo «Jejdos»), 2022. 400 s.
9. Lihacheva O. N. Osobennosti gradual'nyh antonimov v russkom i anglijskom jazykah = Specifics of gradual antonyms in the Russian and English languages // Elektronnyj setevoj politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KUBGTU». № 9. 2015. S. 17–28.
10. Loginovskaja Ju. V., Chernikova I. V. Jazyk kak tvorcheskij instrument soznaniya = Language as a creative tool of the mind // Jazyk i kul'tura. 2022. № 60. S. 57–81.
11. Novikov A. I. Semanticheskie rasstojaniya v jazyke i tekste = Semantic distances in language and text. Moskva : Nauka, 1990. 135 s.
12. Novikov A. L., Novikova I. A. Semanticheskij differencial kak metod izuchenija otnoshenija k rodnomu i russkomu jazykam v kontekste mezhkul'turnoj adaptacii = Semantic differential as a method of studying attitudes towards native and Russian languages in terms of intercultural adaptation // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12. № 4. S. 1175–1188.
13. Novikov L. A. Antonimija v russkom jazyke: semanticheskij analiz protivopozhnosti v leksike = Antonymy in the Russian language: semantic analysis of the opposite in vocabulary. Sankt-Peterburg, 1993. 290 s.
14. Shahovskij V. I. Jemocii – motivacionnaja osnova soznaniya = Emotions as a motivational basis of the mind // Voprosy psiholingvistiki. № 4. 2006. S. 64–69.
15. Shpet G. G. Sochinenija = Works. Moskva : Izd-vo «Pravda», 1989. 603 s.
16. Jercikova G. A. Nepolnye i kontekstual'nye antonimy v proizvedenijah N. V. Ignat'eva = Incomplete and contextual antonyms in N. V. Ignatiev's works // Ezhгодnik finno-ugorskih issledovanij. № 1. T. 13. 2019. S. 20–25.
17. Aros M., Narváez G. The semantic differential for the discipline of design: a tool for the product evaluation // Selected Proceedings from the 13th International Congress on Project Engineering, 2009. R. 422–433.
18. Dalton P., Maute Ch., Oshida A., Hikishi S., Izumi Y. The Use of Semantic Differential Scaling to Define the Multi-Dimensional Representation of Odors // Journal of Sensory Studies Volume 23, Issue 4. 2008. P. 485–497.
19. Jamrozik E. De la subjectivité dans le lexique // Langages. № 89. 1988. R. 87–96.
20. Ploder A., Eder A. Semantic Differential // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Science / Editor: James D. Wright. 2nd Edition. 2015. P. 563–571.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 25.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 801.651

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-152

EDN: RASMFG

Специфика эвфонии рождественской сказки Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король»

Ирина Алексеевна Шипова

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка, Московский педагогический государственный университет. 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1
schipowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6179-6960>

Аннотация. Статья посвящена анализу фоностилистических приемов в одном из самых известных текстов Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», что обусловлено их частотностью в нем и их разнообразием, влияющим на образность произведения и его воздействие на читателя-слушателя. Целью исследования является определение специфики эвфонии в анализируемом тексте, обусловленной особенностями жанра детской литературной сказки, с одной стороны, и эпохой ее создания, и своеобразием идиостиля автора, с другой. В результате анализа были сделаны следующие выводы: писатель использовал разнообразные элементы ономапии в виде звукоподражательных междометий как конвенционального типа, так и собственные окказионализмы, которые стали частью словарного состава тех языков, на которые сказка была переведена. Широкое использование звуко-символических элементов позволило автору придать тексту яркую наглядность. Буквенные сочетания, воспринимаемые зрительно и акустически, позволяют слышать текст внутренним слухом. В процессе повествования Гофман представляет два мира: мир людей, достоверно передающий быт немецкой семьи в первой четверти XIX века, где фоностилистические приемы почти не представлены, и волшебный мир, в котором ожившие куклы вступают в противоборство с мышами. И те, и другие описаны как некое подобие человеческого общества с той же монархической системой управления и правилами почитания и подчинения. Звукопись в этом мире позволяет при чтении текста «слышать» бой часов, стрельбу из пушек, ритмически ощущать передвижение персонажей в пространстве описываемой истории. Такая образность и акустическое правдоподобие создаются благодаря умению писателя передать звуки живой и неживой природы, стирая грань между ними. Яркие фоностилистические приемы способствуют эффекту эмоционального воздействия на реципиента, усиливают художественную выразительность и формируют образы героев благодаря искусству звуко-символической номинации.

Ключевые слова: фоностилистический прием; ономапия; звуко-символизм; аллитерация; ассонанс; анафора; эпифора; геминация; гомеотелевт

Для цитирования: Шипова И. А. Специфика эвфонии рождественской сказки Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 152–162. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-152>. <https://elibrary.ru/RASMFG>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

The specificity of the euphony of E. T. A.'s christmas tale Hoffmann «The Nutcracker and the Mouse King»

Irina A. Shipova

Doctor of philological sciences, professor at the department of the german language, Moscow pedagogical state university. 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1
schipowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6179-6960>

Abstract. The article analyzes phonostylistic techniques in one of the most famous E. T. A. Hoffmann's texts «The Nutcracker and the Mouse King», which is explained by their frequent use and their diversity, affecting the imagery of the work and its impact on the reader-listener. The aim of the study is to determine the specificity of euphony in the literary text, caused by the genre features of a children's fairy tale, on the one hand, and the time of its creation, and the writer's original idiosyncrasy, on the other hand. As a result of the analysis the following conclusions were made: the writer used various elements of onomatopoeia in the form of onomatopoeic interjections of both conventional type and his own occasional words, which became part of the vocabulary in the languages the tale was translated into. The extensive use of sound-symbolic elements helped the writer to make the text vividly illustrative. Letter combinations, perceived both visually and acoustically, make it possible to hear the text with your inner ear. In the course of the narrative, Hoffmann shows two worlds: the world of people, accurately depicting the everyday life of a German family in the first quarter of XIX century, with hardly any phonostylistic techniques, and a magical world in which dolls come to life and confront mice. Both are described as a kind of human society with the same governing monarchical system and rules of reverence and subordination. Sounds in this world allow the reader to «hear» the clocks chiming, cannons firing, to feel the movement of characters in the space of the story. Such imagery and acoustic verisimilitude are created by the writer's skills in conveying the sounds of animate and inanimate nature, blurring the line between them. Vivid phonostylistic techniques contribute to the effect of emotional impact on the recipient, enhance artistic expressiveness and form the characters' images thanks to the art of sound-symbolic nomination.

Key words: phonostylistic technique; onomatopoeia; sound symbolism; alliteration; assonance; anaphora; epiphora; gemination; homeoethelict

For citation: Shipova I. A. The specificity of the euphony of E. T. A.'s christmas tale Hoffmann «The Nutcracker and the Mouse King». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):152–162. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-152>. <https://elibrary.ru/RASMFG>

Введение

В лингвистических исследованиях последних десятилетий фоностилистика уделяется мало внимания, что обусловлено приоритетами нового времени. Однако нельзя забывать, что в художественном тексте, который никогда не потеряет своей актуальности, фоностилистика играет важную роль, поскольку в ней в значительной степени реализуется одна из важнейших и самых загадочных функций искусства литературного творчества – эстетическая [Kotin, 2011, с. 235].

Способность текста передавать звуковую сторону изображаемого нельзя недооценивать, а то, что произведений, способных в полной мере ее реализовать, не так и много, мотивирует исследовать их тщательно и всесторонне. Такие свойства наиболее ярко проявляются в жанрах детской литературы, которые ориентированы на особенности детского восприятия [Орлова, 2017, с. 695]. Эвфония как насыщение текста фоностилистикскими приемами в виде подбора выразительных звуко сочетаний определяет особенности формальной стороны данных жанров и вписывается в систему литературных конвенций, принятых в соответствующей литературной или фольклорной традиции [Орлова, 2017, с. 695].

При восприятии письменного текста, в котором слова приобретают функциональную специфичность акустической мотивированности, подключается дополнительный канал получения ин-

формации в виде звукообразов. Такой текст можно рассматривать как один из вариантов мультикодовости, если трактовать её в широком смысле слова как явление, в котором происходит сочетание стандартного речевого кода с элементами субкодов, выделяющихся на общем фоне текста, воспринимаемых не только визуально в виде слов, но и акустически, поскольку они озвучиваются внутренним слухом. С точки зрения психолингвистики в этом случае слово в тексте воспринимается и как чистый звук, и как чистая буква [Журавлев, 1991, с. 12], то есть в двух модальностях: аудиальной и визуальной.

При чтении звуковые комплексы порождают ряд образных ассоциаций и обеспечивают так называемое «выдвижение» на фоне немаркированных элементов текста [Арнольд, 2009, с. 62–63]. Ю. М. Лотман указывал на то, что таким образом эти явления становятся структурно активными [Лотман, 1996, с. 71], а значит, отражающими важные для содержания произведения смыслы через художественно-литературный характер речи с использованием словообразовательных возможностей языка на уровне фонетической стороны выражения. Таким образом, они взаимодействуют не только с семантико-прагматическими, но и с синтаксическими и жанровыми параметрами текста [Орлова, 2017, с. 695].

Литературная сказка – тип текста, в котором фоностилистикские приемы выступают не как случайное явление, а как некая специализирован-

ная система, имеющая ряд функциональных признаков. Реализация ритмических особенностей эвфонии в текстах сказок определяет своеобразие стратегий эмотивного, художественного и функционального воздействия [Сюй, Агеева, 2020, с. 135]. Они несут в себе не только потенциал яркой языковой выразительности, но и свой функциональный смысл, что делает их одним из типичных приемов жанра. Такие элементы определяют эвфонию художественной речи в целом и отражают соответствующую настроению сообщения фонетическую организацию высказываний [Арнольд, 2009, с. 75].

Хотя в этой области исследования отечественными и зарубежными лингвистами накоплен большой опыт, анализ текста конкретного произведения всегда представляет интерес, поскольку с его помощью определяются и имеющиеся в нем фоностилистические средства, и достигаемый с их помощью прагматический эффект. В данной публикации мы рассматриваем известный текст Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», чтобы всесторонне показать, каковы особенности его звукописи как фонетической игры и в чем смысл её использования.

Методы исследования

При анализе фоностилистических приемов названного текста были использованы методы, позволяющие определить компонентный и контекстуальный состав элементов фоностилистики. Описательный метод позволил представить материал как средство воздействия на реципиента, обладающий прагматическим потенциалом вызывать ассоциативные ряды для порождения особых смыслов повествования. Описательный метод дал возможность отразить специфику идиостиля автора в плане звукописи в соответствии с эпохой создания произведения и творческого метода писателя. Метод лингвистической интерпретации, несмотря на некоторую субъективность в подходе к анализируемому материалу, вскрывает специфику фоностилистических элементов, порождающих впечатление звучащего текста, чтение которого актуализирует восприятие отдельных фрагментов текста как целостного комплекса звукообразов.

Результаты исследования

Традиционно фоностилистические средства принято подразделять на звукоподражательные и звуко-символические. Первые связаны непосред-

ственно со звукоподражанием (ономатопеей), вторые передают признаки объекта с помощью фонетических средств, создавая нужный автору мелодический эффект [Баймухаметова и др., 2019, с. 448]. И те, и другие явления наблюдаются в тексте Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», что делает его ярким, насыщенным выразительными образами и экспрессией при передаче происходящих событий и переживаемых чувств.

В немецкоязычной художественной литературе текст известного произведения Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» (1816) занимает особое место. Он представляет собой некоторое смешение жанров: с одной стороны, перед нами литературная сказка, но с другой – художественная проза с дополнительным комментарием «рассказ». Эта история производит впечатление как на детей, для которых она, в первую очередь, предназначена, так и на взрослых [Макаревич, 2021, с. 580]. И то, что до сих пор варианты все новых её интерпретаций в виде спектаклей, фильмов, мультфильмов и просто картин и картинок появляются, однозначное тому подтверждение.

В Германии литературная сказка получила особое распространение в эпоху немецкого романтизма в конце XVIII и примерно в первой четверти XIX вв., о чем свидетельствуют произведения такого рода в творчестве немецких писателей В. Гауффа, Йоз. Эйхендорфа, Л. Тика, и др. Представители этого направления сосредоточили свое внимание на природе, которая получает в их произведениях фантастическую окраску, с одной стороны, но требует правдоподобия и естественности в ее описании, с другой. Поэтому сказочное и волшебное в их текстах соединяется с реально-бытовым [Курдина, 2021, с. 16].

Романтики активно изучали народное творчество, в котором был представлен особый мир простого человека, нашедшего свое отражение в жанре сказки. Памятником немецкой народной сказки стал вышедший в этот период сборник «Детских и домашних сказок» братьев Гримм (1812–1815), и поскольку большинство из них имело схожие элементы, они были выделены в отдельный поджанр немецкой литературной сказки [Бободжанова, 2020, с. 113], называемый «гриммовским жанром» («Gattung Grimm») [Силин, 2021, с. 113].

Один из видных представителей романтического направления, прекрасно владевший приемами создания сказочной атмосферы в прозе, был Эрнст Теодор Амадей Гофман. Он владел искус-

ством эвфонии, что можно наблюдать во многих его текстах, но знаменитой рождественской сказке принадлежит в этом смысле особая роль.

При чтении сказки «Щелкунчик и мышинный король» бросается в глаза большое количество фоностилистических элементов, характеризующих ее звукопись как своеобразный комплекс средств, усиливающих звуковую образность речи [Шипова, 2023, с. 109]. Читатель невольно обращает свое внимание на появление различных буквенных сочетаний, обозначающих повторяющиеся, перекликающиеся или контрастирующие друг с другом звуки, так как они, так или иначе, выделяются на общем фоне письма.

Ономатопы в сказке, как правило, передают различные звуки действий живой и неживой природы, например, имитируют бой часов, плеск воды, движение бегущих ног, стрельбу и т. п. Обычно это традиционные звукоподражательные междометия, которые могут быть как конвенционально используемыми в национально-культурном языковом сообществе (*bum bum; hopp hopp; kling klang*), так и окказионализмы – квазилексемы, морфологический статус которых плохо осозан для носителя языка [Орлова, 2017, с. 698], но благодаря контексту повествования он становится однозначным (*klirr – klirr; purr purr – rum rum*).

Звукосимволические средства часто также воспринимаются как звукоподражательные, хотя это обусловлено не целью звукоподражания, а наличием в них таких звукобуквенных сочетаний, которые вызывают определенные акустические ассоциации. Это, к примеру, глаголы движения (*trottieren – топтать при ходьбе, galoppieren – скакать, двигаться галопом*), передачи определенных видов речи (*wispern – шushукачь, flüstern – шептать, rascheln – шелестеть / шептать*), воспроизведения звуков (*schnurren – жужжать / мурлыкать, Kichern – хихиканье, piepen / quieken – тицать*) и т. п.

Рассказ-сказку Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» можно «слышать», даже не читая его вслух, поскольку фоностилистические средства способствуют здесь созданию звукообразов и выступают стилиобразующим признаком жанра. Подтверждением этому служит то, что Гофман, часто использующий в своих произведениях обращение – читатель (*Leser*), в этой сказке вводит вариацию – читатель / слушатель: *Ich wende mich an dich selbst, sehr geneigter Leser oder Zuhörer* (Здесь я обращаюсь к тебе, мой благосклонный читатель или слушатель...), которую использует трижды. Пять раз обращение «читатель» игнори-

руется вовсе, и автор остается со своим «слушателем». С одной стороны, эту номинацию можно объяснить спецификой аудитории – это дети, не умеющие читать, но с другой стороны, каждый раз, когда используется слово слушатель, автор включает в текст звукоподражательные элементы, давая понять, что звук важен как значимый элемент повествования.

Благодаря богатству фоностилистических приемов перед читателем возникают целые картины, воспроизводимые в звуках и звукообразах. В тексте Гофмана этот эффект усиливается еще и ритмическим рисунком, благодаря которому звуковое оформление способствует образованию и развитию особого прозаического ритма, «обогащенного взаимодействием чувственного и образного начал» [Бойчук, 2019, с. 9].

Как всё у Э.Т.А. Гофмана, рождественская сказка воспринимается неоднозначно: в ней изображены два мира, в одном из которых живут обычные люди своей повседневной жизнью, а в другом описывается волшебный мир кукол, где они оживают, а слова в нем становятся звучащими.

Предвестником волшебных событий, происходящих с героиней сказки семилетней Мари Штальбаум и ее куклами, становятся настенные часы, будто бы говорящие человеческими голосами или жужжащие и хрипящие что-то неопределенное:

(1) *da fing es an leise – leise zu wispern und zu flüstern und zu rascheln ringsherum, ... Die Wanduhr schnurrte dazwischen lauter und lauter, aber sie konnte nicht schlagen. ... Und stärker schnurrte es mit vernehmlichen Worten: «Uhr, Uhre, Uhre, Uhren, müsst alle nur leise schnurren, leise schnurren. – Mausekönig hat ja wohl ein feines Ohr – purr purr – pum pum singt nur, singt ihm altes Liedlein vor – purr purr – pum pum schlag an, Glöcklein, schlag an, bald ist es um ihn getan!» Und pum pum ging es ganz dumpf und heiser zwölfmal!* [Hoffmann] – (...как вдруг... началось тихое-тихое шushуканье, перешептыванье и шуршанье. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать. ... А часы хрипели громче и громче, ...: «Тик-и-так, тик-и-так! Не хрипите громко так! Слышит все король мышинный. Трик-и-трак, бум-бум! Ну, часы, напей старинный! Трик-и-трак, бум-бум! Ну, пробей, пробей, звонок: королю подходит срок!» И... «бим-бом, бим-бом!» – часы глухо и хрипло пробили двенадцать ударов) [Гофман].

Мелодичное слово **Uhr** (часы) в (1) благодаря четырехкратному вариативному повтору, произ-

водит эффект мерно работающего механизма, создаваемого с помощью ассонанса звука [u:] (**Uhr, Uhre, Uhre, Uhren**). Повторы слов с ассонансом [u] и аллитерацией [p], [r] и [m] в (**purr purr – pum pum**), а также аллитерации [l] в (*lauter und lauter*), [l] и [ʃ] в (*leise schnurren, leise schnurren*) имитируют шепот, то ли убаюкивая девочку, то ли ее пугая.

Подаренный Мари на Рождество Щелкунчик – кукла, способная разгрызть самые крепкие орехи, ломается из-за дурного обращения с ней брата девочки Фрица. Поздним вечером она укладывает любимца в кровать своей самой красивой куклы Клерхен, и в полночь, не успев уйти к себе в спальню, Мари становится свидетельницей и участницей битвы кукол во главе со Щелкунчиком против мышей, которыми руководит мышинный король.

Так автор передает появление мышей, звук движения маленьких лапок и рассыпающейся стены:

(2) Aber da ging ein tolles Kichern und Gepfeife los rundumher, und bald *trottierte* und lief es hinter den Wänden wie mit tausend kleinen Füßchen und tausend kleine *Lichterchen* blickten aus den Ritzen der Dielen. ... Bald ging es **trott – trott – hopp hopp** in der Stube umher – *immer lichtere und dichtere* Haufen Mäuse *galoppierten* hin und her... *dicht dicht* vor ihren Füßen sprühte es wie von unterirdischer Gewalt getrieben, Sand und Kalk und *zerbröckelte* Mauersteine hervor [Hoffmann]. (Но тут отовсюду послышалось странное хихиканье и писк, и за стеной пошла беготня и топот, будто от тысячи крошечных лапок, и тысячи крошечных огонечков глянули сквозь щели в полу. ... Вскоре по всей комнате пошло: топ-топ, хоп-хоп! Все ярче светились глаза мышей, все несметнее становились их полчища; ... к самым ногам ее, словно от подземного толчка, дождем посыпались песок, известка и осколки кирпича...) [Гофман].

Кроме ономотопеи (**purr purr – pum pum; trott – trott – hopp hopp**) и звукоимитивности слов *schnurren, zerbröckeln* и др. писатель использует и средства звукописи: аллитерацию, ассонанс, анафору, эпифору, разного рода звуковые повторы и рифмы, которые мы наблюдаем в примерах (1) и (2).

В (2) ассонанс создается с помощью повторов гласного [o] в группах звукоподражательных слов – **trott** и **hopp** и геминации – контактного повтора слов, слогов и звуков [Хазагеров, 2009, с. 242]: **trott – trott – hopp hopp, dicht dicht**. Щелевой звук [ç] в двух диминутивах (*Füßchen; Lichtchen*) способствуют нарастанию напряжения, создают особый текстуритм при яркой образности описываемого.

Кроме того, в (2) возникает редупликация как дублирование звукового комплекса для выражения интенсивности действия, актуализирующая в данном случае корреляцию между формой и содержанием обозначаемого [Федяева, 2008, с. 470]. Это фонеморфологическое явление рассматривается как распространенный способ звукоподражания во многих языках мира [Körtvélyessy, 2024], который обладает ярким стилистическим потенциалом, что иллюстрируется не только в (2), но и в других примерах.

Отметим, что в этом тексте Гофман часто мастерски использует гомеотелевт – синтаксическую фигуру, являющуюся одним из видов повтора и представляющую собой эстетически мотивированный ряд однородных членов предложения, то есть набор слов одной грамматической категории с одинаковыми окончаниями и/или суффиксами [Толстоус, 2009, с. 226].

Фрагмент (3) представляет еще один вариант ономотопов, созданных Гофманом с помощью имитации звука бьющегося стекла и эпифоры – повтора части предложения в конце следующих друг за другом групп слов [Нефедова, 2008, с. 56]:

(3) Vor Angst und Grauen hatte Marien das Herz schon so *gepocht*, ... da ging es **klirr – klirr – prr** und in Scherben fiel die Glasscheibe des Schrankes herab, die sie mit dem Ellbogen eingestoßen. Sie fühlte wohl in dem Augenblick einen recht stechenden Schmerz am linken Arm, ... *Dicht hinter Marien fing es an im Schrank auf seltsame Weise zu rumoren und ganz feine Stimmchen fingen an: «Aufgewacht – aufgewacht – wolln zur Schlacht – noch diese Nacht – aufgewacht – auf zur Schlacht»*. – ... Mit einemmal erhob sich jetzt Nussknacker, ..., indem er laut rief: **«Knack – knack – knack – dummes Mausepack – dummer toller Schnack – Mausepack – Knack – Knack – Mausepack – Krick und Krack – wahrer Schnack»** [Hoffmann]. (От ужаса у Мари уже и раньше так колотилось сердце ... но тут вдруг раздалось: клик-кляк-хрр!.. – и посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В ту же минуту она почувствовала жгучую боль в левой руке ... У Мари за спиной, в шкафу, поднялся странный шум, и зазвенели тоненькие головочки: «Стройся, взвод! Стройся, взвод! В бой вперед! Полночь бьет! Стройся, взвод! В бой вперед! ... Вдруг поднялся Щелкунчик, ...громко крикнул: «Щелк-шелк-шелк, глупый мыший полк! То-то будет толк, мыший полк! Щёлк-щёлк,

мыший полк – прёт из щёлок – выйдет толк!) [Гофман].

Эпифоры (*Aufgewacht – aufgewacht / Schlacht / Nacht / – aufgewacht – auf zur Schlacht*) перекликаются со звукоподражательным междометьем **knack** и звукосимволическим существительным **Schnack** (щелчок). Очевидно, что кроме эпифор здесь подключается и гомеотелев как способ акустического изображения Щелкунчика – быстрого и отважного воина. Его образ нарисован с помощью звукового ряда, перекликающегося с его именем: **Nussknacker**.

В результате реципиент ощущает тот ритм текста, который, будучи созданным с помощью однородных членов предложения, сопровождающихся интонацией перечисления нескольких синтаксических элементов [Бойчук, Джонсон, 2019, с. 115], влияет на образность описания, порождает напряжение в ожидании того, как будет развиваться действие.

Далее наглядно представлена битва мышей и кукол в (4) и (5), в которой важную роль играют пушки Фрица, стреляющие «круглыми пряничками». Автор варьирует звук, имитирующий падающие снаряды: это междометия **bum bum** и существительные **Pum – Pum – Pum** и **Prr – Prr, Prr**.

Заметим, что вопрос частеречной грамматической характеристики звукоподражательных элементов в принципе сложен, поскольку ономотопея, по словам Х. Виссеманна, возникает внезапно из ничего, ее звуковой образ непонятно как связан с исторической традицией, не имеет сходства с тем, что встречалось ранее, и сложно определить, как она подражает какому-то звуку или шуму, но такие слова воспринимаются и «переживаются» как звук или шум [ср. Wissemann, 1954, s. 8].

(4) ...und bald ging es **bum bum** ... Vorzüglich tat ihnen aber eine schwere Batterie viel Schaden, die auf Mamas Fußbank aufgefahen war und **Pum – Pum – Pum**, immer hintereinander fort Pfeffernüsse unter die Mäuse schoss, ... Die Mäuse kamen aber doch immer näher und überrannten sogar einige Kanonen, aber da ging es **Prr – Prr, Prr**, und vor Rauch und Staub konnte Marie kaum sehen, was nun geschah [Hoffmann]. (Все пушки Фрица) ... пошли бухать: бум-бум!.. ... Но больше всего вреда нанесла мышам тяжелая батарея, въехавшая на мамину скамеечку для ног и – бум-бум! – непрерывно обстреливавшая неприятеля круглыми пряничками, от которых полегло немало мышей... Однако мыши все наступали и даже захватили несколько пушек; но тут поднялся шум и

грохот – трр-трр! – и из-за дыма и пыли Мари с трудом могла разобрать, что происходит [Гофман].

Во фрагменте (5) к звукоподражанию междометий **Prr – Puff** и **Bum, Burum** добавляется существительное **Schnetterdeng**, не имеющее конкретного денотата. Это слово используется только для передачи грохота стрельбы из пушек. В немецкоязычной литературе 19 в. оно появляется в некоторых текстах (например, *Narren-Turney* – 1843 [Pretsch, 1995, s. 37]), а в переводе воспроизводит русский ономотоп «трах-тарарах».

(5) Das ging – **Prr – Prr – Puff, Piff – Schnetterdeng – Schnetterdeng – Bum, Burum, Bum – Burum – Bum** – durcheinander und dabei quiekten und schrien Mauskönig und Mäuse, und dann hörte man wieder Nussknackers gewaltige Stimme, wie er nützliche Befehle austeilte und sah ihn, wie er über die im Feuer stehenden Bataillone hinwegschritt! [Hoffmann]. (Раз за разом бухали пушки: прр-прр!.. Др-др!.. Трах-тарарах-трах-тарарах!.. Бум-бурум-бум-бурум-бум!.. И тут же пищали и визжали мышиный король и мыши, а потом снова раздавался грозный и могучий голос Щелкунчика, командовавшего сражением. И было видно, как сам он обходит под огнем свои батальоны) [Гофман].

Звукопись остается средством наглядности и в продолжении истории: битва проиграна куклами, потому что их силы не могут противостоять бесчисленным мышам, Мари удается распугать их, кинув в мышиного короля башмачком, но разбив стекло шкафа с игрушками и поранив левую руку, девочка теряет сознание и не знает, что происходило дальше.

Имитация того, как падает на пол разбитое стекло, изображается звукоподражательными междометиями **klirr – klirr – prr** во фрагменте (3). Аллитерация согласных звуков [к], [г] и [л] и ассонанс краткого [л] живо передают звук разлетающихся осколков. При этом стирается грань между живым и неживым, сферы предметности и одушевленности как бы сливаются воедино. Так, крестный Дроссельмейер, мастер на все руки и мистификатор, сделавший Щелкунчика, время от времени меняет свой облик и становится похожим на марионетку, что пугает девочку.

(6) Aber der Pate Droselmeier schnitt sehr seltsame Gesichter, und sprach mit *schnarrender*, eintöniger Stimme: «Perpendikel musste *schnurren* – picken – wollte sich nicht schicken – **Uhren – Uhren – Uhren**perpendikel müssen *schnurren* – leise *schnurren* – schlagen Glocken laut **kling klang – Hink und**

Honk, und Honk und Hank – Puppenmädel sei nicht bang! – schlagen Glöcklein, ist geschlagen, Mausekönig fortzujagen, kommt die Eul im schnellen Flug – **Pak und Pik, und Pik und Puk** – Glöcklein **bim bim** – Uhren – **schnurr schnurr** – Perpendikel müssen *schnurren* – picken wollte sich nicht schicken – **Schnarr und schnurr, und pirr und purr!**» [Hoffmann]. (Но крестный скорчил странную мину и заговорил трескучим, монотонным голосом: «Ходит маятник со скрипом. Меньше стука – вот в чем штука. Трик-и-трак! Всегда и впредь должен маятник скрипеть, песни петь. А когда пробьет звонок: бим-и-бом! – подходит срок. Не пугайся, мой дружок. Бьют часы и в срок и кстати, на погибель мышшей рати, а потом слетит сова. Раз-и-два и раз-и-два! Бьют часы, коль срок им выпал. Ходит маятник со скрипом. Меньше стука – вот в чем штука. Тик-и-так и трик-и-трак!») [Гофман].

Фрагмент (6) иллюстрирует не только способность Гофмана создавать удивительную игру звукообразов, к нему добавляется рифма, завораживающая, убаюкивающая мелодия колдовства, которым владеет загадочный крестный.

Существительное *Perpendikel* (маятник) в (6) воспринимается как звуко-символическое, и оно входит в немецкоязычный словарный состав. Однако в тексте сказки возникают слова, подобные ему по своему звучанию. Это креативные «изобретения» автора, которым тоже свойственен особый Гофмановский звуко-символизм. Такими можно назвать окказионализмы, появляющиеся в дополнении к истории Мари – сказке, рассказанной Дроссельмейером. Это некий прием текста в тексте, который вносит ясность в причины противостояния двух царств – кукольного и мышшиного: несчастная королева Мышильда (*Frau Mauserinks*) потеряла почти всех своих родичей, потому что вместе с ними ела сало, предназначенное для королевского пира. В отместку она заколдовала принцессу Перлипат (*Perlifat*), сделав ее уродливой. Спасти положение может орех Кракатук (*Nuss Krakatuk*), преодолеть твердость которого дано только юноше, обладающему исключительными качествами.

Удивительные номинации, созданные благодаря особому таланту Э.Т.А. Гофмана слушать и слышать слова, представляют читателю-слушателю образы странной мышшиной королевы *Mauserinks*, имя которой не предвещает опасности или агрессии, непоследовательной и капризной принцессы *Perlifat*, где в сочетании согласных уже слышится противоречие, и наконец, ореха

Nuss Krakatuk, который не поддается никаким усилиям его разбить, потому что само его название символизирует его твердость из-за трехкратного [k]. Эти окказионализмы вошли в языки разных стран и стали их частью через сказку о Щелкунчике. Хотя они не имеют акустического денотата, они несут в себе ту образность, которая заставляет услышать и увидеть изображаемое.

Орех Кракатук найден в Нюрнберге:

(7) Während dieser Erzählung hatte Christoph Zacharias oftmals mit den Fingern *geschnippt* – ... – mit der Zunge *geschnalzt* – dann gerufen – **Hm hm – I – Ei – O** – das wäre der Teufel! – Endlich warf er Mütze und Perücke in die Höhe, umhalste den Vetter mit Heftigkeit und rief: ‚Vetter – Vetter! Ihr seid *geborgen, geborgen* seid Ihr, sag ich, denn alles müsste mich trügen, oder ich besitze selbst die **Nuss Krakatuk** [Hoffmann]. ‘Во время рассказа Кристоф Захариус не раз прищелкивал пальцами, ... причмокивал губами и приговаривал: «Гм, гм! Эге! Вот так штука!» Наконец он подбросил к потолку колпак вместе с париком, горячо обнял двоюродного брата и воскликнул: «Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я! Слушайте: или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!» [Гофман].

В примере (7) мы находим цепь восклицаний – междометий **Hm hm – I – Ei – O**, они всегда и во всех текстах выражают эмоциональное состояние говорящего. В основе их использования лежит сходство звуковой реакции человека на удивление, восторг, радость или отчаяние. Гофман следует здесь традиции своего времени, поскольку в эпоху немецкого романтизма междометия были необъемлемой частью любого повествования, в содержании которого описывались чувства и переживания людей. Особенность этого примера в цепочке из пяти междометий, что порождает эффект возрастания эмоционального напряжения.

Как мы знаем, племянник крестного, молодой Дроссельмейер смог расколоть орех, расколдовал Перлипат, но стал по воле Мышильды Щелкунчиком и таким же безобразным, какой некогда была принцесса. Щелкунчик убивает мышшину королеву. Сцена смерти Мышильды (8) сопровождается ономотопами-междометиями: **hi hi – pi pi**. Этот писк мыши вызывает сострадание, чему способствуют также диминутивы *Söhnlein* – *Nussknackerlein*, которые рифмуются, создавая впечатление взаимосвязи двух противоборствующих сторон. Добавим, что согласно С. Швайгер, А. Барбаресси и др. [Schwaiger, 2019, s. 150] уменьшительные суф-

фиксы при присоединении к существительному производят прагматический эффект восприятия предмета или существа как чего-либо маленького и милого (*kleines und niedliches X*).

(8) Aber indem Frau Mauserinks von der Todesnot erfasst wurde, da *piepte* und *quiekte* sie ganz erbärmlich: ‚O Krakatuk, harte **Nuss** an der ich nun sterben **muss** – **hi hi** – **pipi** fein Nussknacker ein wirst auch bald des Todes sein – **Söhnlein** mit den sieben Kronen, wird’s dem Nussknacker lohnen, wird die Mutter rächen fein, an dir du klein Nussknackerlein – o Leben so frisch und rot, von dir scheid ich, o Todesnot! – **Quiek** [Hoffmann]. («О твердый, твердый Кракатук, мне не уйти от смертных мук! Хи-хи... Пи-пи... Но, Щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец: мой сынок, король мышиный, не простит моей кончины – отомстит тебе за мать мышья рать. О жизнь, была ты светла – и смерть за мною пришла... Квик!») [Гофман].

Заключительный возглас королевы мышей **Quiek** (писк) завершает ее речь обращением к жизни и смерти, которое наполнено драматическим пафосом, более уместным в высказывании человека и дополняемым междометиями «О!». При этом возникает комический эффект, потому что «злая и коварная» Мышильда благодаря искусной фонетической игре становится беспомощной и преисполненной отчаяния, но в виде невыразительного возгласа **Quiek**, то есть безобидного писка.

В заключительной части истории Щелкунчик в образе прекрасного молодого человека ведет девочку в кукольное царство, она видит чудесные картины волшебной жизни, также наполненной таинственными звуками. И здесь автор снова проявляет всю свою изобретательность, заставляя комариков, рыбок, лебедей и золотую птицу производить звуки, похожие на пение в унисон, о красоте вод с розовыми волнами, где царствует прекрасная фея.

(9) Die beiden goldschuppigen Delphine erhoben ihre Nüstern und spritzten kristallene Strahlen hoch in die Höhe, und wie die in flimmernden und funkelnenden Bogen niederfielen, da war es, als sängen zwei holde feine Silberstimmchen: «Wer schwimmt auf rosigem See? – die *Fee!* *Mücklein!* **bim bim** *Fischlein*, **sim sim** – *Schwäne!* **Schwa schwa**, Goldvogel! **tra rah**, Wellenströme – rührt euch, *klinget*, *singet*, *wehet*, *spähet* – *Feelein*, *Feelein* kommt gezogen; Rosenwogen, *wühlet*, *kühlet*, *spület*, *spült hinan* – hinan!» [Hoffmann]. (Золоточешуйчатые дельфины подняли морды и принялись выбрасывать хрустальные струи высоко вверх, а когда эти струи

ниспадали с вышины сверкающими и искрящимися дугами, чудилось, будто поют два прелестных, нежно-серебристых голоса: «Кто озером плывет? Фея вод! Комарики, ду-ду-ду! Рыбки, плеск-плеск! Лебеди, блеск-блеск! Чудо-птичка, тра-ла-ла! Волны, пойте, вея, млея, – к нам плывет по розам фея; струйка резвая, взметнись – к солнцу, ввысь!») [Гофман].

Все звукоподражательные элементы в фрагменте (9) (**bim bim**; **sim sim**; **Schwa schwa**; **tra rah**) гармонизированы параллелизмом двух групп глагольных сказуемых, которые объединяет мелодичность одинаковой формы императива 2 л. мн. ч.: *klinget*, *singet*, *wehet*, *spähet* / *wühlet*, *kühlet*, *spület*. Излюбленный гомеотелев Гофманна (здесь: архаично звучащий суффикс императивной формы -et) создает звуко-символизм, вызывающий ассоциации с волнообразным движением по воде.

Картина дополняется контрастным изображением арапчат в (10), которые трясут своими зонтиками с характерным звуком **Klapp und klapp und klapp und klapp, auf und ab**.

(10) ... – Aber die zwölf kleinen Mohren, ...schüttelten ihre Sonnenschirme so sehr, dass die Dattelblätter, aus denen sie geformt waren, durcheinander *knitterten und knatterten*, und dabei stampften sie mit den Füßen einen ganz seltsamen Takt, und sangen: «**Klapp und klapp und klapp und klapp, auf und ab** – Mohrenreigen darf nicht schweigen; rührt euch Fische – rührt euch Schwäne, dröhne Muschelwagen, dröhne, **klapp und klapp und klapp und klapp und auf und ab!**» [Hoffmann]. (Но двенадцать арапчат ...так трясли своими зонтиками, что листья финиковых пальм, из которых те были сплетены, мялись и гнулись, а арапчата отбивали ногами какой-то неведомый такт и пели: «Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп! Мы по водам хороводом! Птички, рыбки – на прогулку, вслед за раковиной гулкой! Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп!») [Гофман].

Предлоги **auf** и **ab** в (10) естественно вписываются в ряд звукоподражательных междометий, дополняя их семантикой своего значения (здесь: вперед – назад). В результате мир кукольной страны не только описывается, он еще и звучит на разные лады, возбуждая фантазию читающих / слушающих сказку Э.Т.А. Гофмана.

Реальность и фантазия переплетаются в истории, и вот Мари просыпается утором в своей постели:

(11) **Prr** – **Puff** ging es! – Marie fiel herab aus unermesslicher Höhe. – Das war ein Ruck! – Aber

gleich schlug sie auch die Augen auf [Hoffmann]. (Та-ра-ра-бух! – и Мари упала с невероятной высоты. Вот это был толчок! Но Мари тут же открыла глаза) [Гофман].

(12) Bei Tische knackte der Artige für die ganze Gesellschaft Nüsse auf, die härtesten widerstanden ihm nicht, mit der rechten Hand steckte er sie in den Mund, mit der linken zog er den Zopf an – **Krak** – zerfiel die Nuss in Stücke! [Hoffmann]. (За столом любезный юноша щелкал всей компании орешки. Самые твердые были ему нипочем; правой рукой он совал их в рот, левой дергал себя за косу, и – щелк! – скорлупа разлеталась на мелкие кусочки) [Гофман].

Финал сказки символичен, Мари падает с высоты своих фантазий с соответствующим звуком **Prr – Puff** (11), а юноша Дроссельмейр продолжает колоть орехи с все тем же звуком **Krak**. Сказка и закончилась, и не закончилась, миры: человеческий и кукольный – сошлись в реальности и не сошлись. Но интерпретировать содержание и смысл этого в тексте не входит в задачи данного исследования. В первую очередь, это опыт обобщения фоностилистических приемов в сказке Гофмана, позволяющих сделать текст ярким, наглядным, образным и уникальным, единственным в своем роде.

Все сказанное является свидетельством того, что эстетика Гофмана, заключенная в мастерстве его идиостилия, демонстрирует также глубокую связь с философией искусства, которое предстает удивительным феноменом, вызывающем в субъекте восприятия ... «томление по некоей иной, более высокой и более духовной жизни, чем жизнь обычного человека» [Бычков 2023].

Заключение

Обобщая все сказанное об удивительном тексте Гофмана, который можно слышать, отметим, что в использовании в нем фоностилистических приемов просматриваются определенные закономерности. Во-первых, рассказ-сказка очерчивает границы двух миров. В той части текста, где описывается мир людей, изображение отличается достоверностью описания жизни средней немецкой семьи начала XIX века. В этих сценах почти не просматриваются фоностилистические приемы. Они возникают в той части повествования, где дано описание мира кукол и царства мышей. То, что реальная девочка оказывается участницей сказочных событий, задает новые правила рассказа: действие передается в динамике, их можно

«услышать», вещи говорят с помощью звукописи, картинки благодаря этому оживают.

Во-вторых, два мира противопоставлены друг другу, хотя границы перехода из одного в другой размыты.

В-третьих, фоностилистические приемы позволяют Гофману очертить характеры своих героев: Щелкунчик – храбрый, энергичный и сильный, его звук – К. Принцесса Перлипат склонна к перепадам настроения, непоследовательна и противоречива, что вскрывает сочетание пяти согласных в ее имени и контактное расположение звуков [r] и [l].

В-четвертых, загадочный крестный Дроссельмейер – фигура, переходящая из одного мира в другой. Поэтому его звуковой портрет временами ничем не отличается от того, как говорят другие взрослые, а временами состоит из монотонных словосочетаний, где ассонанс [u:] переходит в мелодию скороговорок и заклинаний, что маркирует границу перехода из реальности в сказку.

В-пятых, мир мышей и кукол ярко очерчен, каждый своими звуками, что позволяет читателю независимо от возраста наглядно их себе представить.

Благодаря этим особенностям текст созданного Э.Т.А. Гофманом шедевра можно не только прочесть, но и услышать, и основная роль в этом принадлежит фоностилистическим средствам.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. 9-е изд. Москва : Флинта : Наука, 2009. 384 с.
2. Баймухаметова К. И. Фоностилистические языковые средства как способ звуковой организации английского и русского художественного текста / К. И. Баймухаметова, Т. И. Галеева, С. Х. Казиахмедова, Е. А. Янова // Вестник удмуртского университета. Серия: История и филология, 2019. Т. 29. Вып. 3. С. 447–460.
3. Бободжанова Л. К. Особенности национально-культурной адаптации сказок братьев Grimm при переводе на русский язык // Litera. 2020. С. 111–120.
4. Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка) : монография. Ярославль : Канцлер, 2019. 232 с.
5. Бойчук Е. И. Специфика ритмической структуры испанских прозаических текстов / Е. И. Бойчук, М. А. Джонсон // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. №2 (17) С. 119–129.
6. Бычков В. В. Эстетические воззрения Э.Т.А. Гофмана // Философия и культура. 2023. № 2.
7. Гофман Э. Т. А. Щелкунчик и мышиный король. URL:

https://nukadeti.ru/skazki/shhelkunchik_i_myshinyj_korol (дата обращения: 25.12.2023).

8. Журавлев А. П. Звук и смысл. Москва : Просвещение, 1991. 160 с.

9. Курдина Ж. В. История зарубежной литературы XIX века: романтизм : учебное пособие / Ж. В. Курдина, Г. И. Модина. 3-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2021. 206 с.

10. Макаревич Ф. С. Позиционирование сочинений Э. Т. А. Гофмана в современной России на материале коллективных сборников // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Вып. 22. Сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых учёных (15–17 апреля 2021 г.). С. 578–581.

11. Лотман М. Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

12. Нефедова Л. А. Фоностилика современного немецкого языка : курс лекций. Москва : МАКС Пресс, 2008. 156 с.

13. Орлова О. Ю. Фоностилистика игра в текстах литературной сказки: Семиотический аспект // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва, 2017. С. 694–702.

14. Сүй Ц. Дискурсивная типология сказки (на примере сборника русских сказок А. Н. Афанасьева) / Ц. Сүй, Ю. В. Агеев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2020. №2. С. 134–139.

15. Силин С. А. Значение сказок братьев Гримм в изучении немецкого фольклора // Актуальные проблемы культуры современной русской речи : материалы XV Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Армавир, 14 апреля 2021 года). С. 112–115.

16. Толстоус Н. В. Семантическая характеристика гомеотелевта (на материале французской поэзии XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2009 (97). С. 225–231.

17. Федяева Е. В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества // Известия РГПУ им. А.М. Герцена. Санкт-Петербург, 2008. № 33 (73). С. 469–472.

18. Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. Москва : Флинта: Наука, 2009. 431 с.

19. Шипова И. А. Звукопись как средство создания образности в литературной сказке (на материале немецкого языка) // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сборник материалов V Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 9–10 марта 2023 г. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 109–112.

20. Hoffmann E. T. A. Nußknacker und Mausekönig. URL: <https://www.rulit.me/books/nu-read-265716-1.html> (дата обращения: 25.12.2023).

21. Körtvélyessy L., Štekauer P. Onomatopoeia in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2024. 1151 p.

22. Kotin M. L. Zu den Quellen der ästhetischen Sprachfunktion // Die Sprache in Aktion. Pragmatik. Sprechakte. Diskurs. Kotin M., Kotorova E. (Hg) Heidelberg : Uni-Vlg. 2011. S. 235–243.

23. Pretsch P. Geöffnetes Narren-Turney: Geschichte der Karlsruher Fastnacht im Spiegel gesellschaftlicher und politischer Entwicklungen. Karlsruhe : Badania Verlag, 1995. 208 S.

24. Schwaiger S. Diminutivvariation in österreichischen elektronischen Korpora / S. Schwaiger, A. Barbaresi, K. Korecky-Kröll, Jutta & Wolfgang Ransmayr, U. Dressler // Schriften zur deutschen Sprache in Österreich. Band 45. Dimensions of Linguistic Space: Variation – Multilingualism – Conceptualisations Dimensionen des sprachlichen Raums: Variation – Mehrsprachigkeit – Konzeptualisierung. Berlin Bern Bruxelles New York Oxford Warszawa Wien : Peter Lang, 2019. S. 147–164.

25. Wissemann H. Untersuchungen zur Onomatopöie – sprachwissenschaftliche Versuche / H. Wissemann, H; 1. Teil, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1954. S. 241.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk = Stylistics. The modern English language : ucheb. dlja vuzov. 9-e izd. Moskva : Flinta : Nauka, 2009. 384 s.

2. Bajmuhametova K. I. Fonostilisticheskie jazykovye sredstva kak sposob zvukovoj organizacii anglijskogo i russkogo hudozhestvennogo teksta = Phonostylistic linguistic means as a way of sound organization of English and Russian literary text / K. I. Bajmuhametova, T. I. Galeeva, S. H. Kaziahmedova, E. A. Janova // Vestnik udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i filologija, 2019. T. 29. Vyp. 3. S. 447–460.

3. Bobodzhanova L. K. Osobennosti nacional'no-kul'turnoj adaptacii skazok brat'ev Grimm pri perevode na russkij jazyk = Specifics of national-cultural adaptation of Grimm Brothers' fairy tales in translation into Russian language // Litera. 2020. S. 111–120.

4. Bojchuk E. I. Analiz ritma prozy (na materiale francuzskogo jazyka) = Analyzing the rhythm of prose (on the material of the French language) : monografija. Jaroslavl' : Kancler, 2019. 232 s.

5. Bojchuk E. I. Specifika ritmicheskoj struktury ispanskih prozaicheskikh tekstov = Specific rhythmic structure of Spanish prose texts / E. I. Bojchuk, M. A. Dzhonson // Verhnevzhskij filologičeskij vestnik. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. No2 (17) S. 119–129.

6. Bychkov V. V. Jesteticheskie vozzrenija Je.T.A. Gofmana = E.T.A. Hoffmann's aesthetic views // Filosofija i kul'tura. 2023. № 2.

7. Gofman Je. T. A. Shhelkunchik i myshinyj korol' = The Nutcracker and the Mouse King. URL: https://nukadeti.ru/skazki/shhelkunchik_i_myshinyj_korol (дата obrashhenija: 25.12.2023).

8. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl = Sound and sense*. Moskva : Prosveshhenie, 1991. 160 s.
9. Kurdina Zh. V. *Istorija zarubezhnoj literatury XIX veka: romantizm = The history of the XIX century foreign literature: Romanticism : uchebnoe posobie / Zh. V. Kurdina, G. I. Modina. 3-e izd., ster.* Moskva : FLINTA, 2021. 206 s.
10. Makarevich F. S. *Pozicionirovanie sochinenij Je. T. A. Gofmana v sovremennoj Rossii na materiale kolektivnyh sbornikov = Positioning of E. T. A. Hoffmann's works in modern Russia on the material of collective editions / Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedenija. Vyp. 22. Sbornik materialov VIII (XXII) Mezhduнародной nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchjonyh (15–17 aprelja 2021 g.).* S. 578–581.
11. Lotman M. Ju. *Vnutri mysljashhij mirov. Che-lovek – tekst – semiosfera – istorija = Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history.* Moskva : «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 464 s.
12. Nefedova L. A. *Fonostilistika sovremenного nemeckogo jazyka = Phonostylistics of the modern German language : kurs lekcij.* Moskva : MAKS Press, 2008. 156 s.
13. Orlova O. Ju. *Fonostilisticheskaja igra v tekstah literaturnoj skazki: Semioticheskij aspekt = Phonostylistic play in literary fairy tales: Semiotic aspect // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika.* Moskva, 2017. S. 694–702.
14. Sjuj C. *Diskursivnaja tipologija skazki (na primere sbornika russkih skazok A. N. Afanas'eva) = Discursive typology of the fairy tale (based on the collection of Russian fairy tales by A. N. Afanasyev) / C. Sjuj, Ju. V. Ageev // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov : Gramota, 2020. №2. S. 134–139.
15. Silin S. A. *Znachenie skazok brat'ev Grimm v izuchenii nemeckogo fol'klora = The importance of the Grimm Brothers' fairy tales for studying German folklore // Aktual'nye problemy kul'tury sovremennoj russkoj rechi : materialy XV Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhduнародnym uchastiem (g. Armavir, 14 aprelja 2021 goda).* S. 112–115.
16. Tolstous N. V. *Semanticheskaja harakteristika go-meotelevta (na materiale francuzskoj poezii XX veka) = Semantic characterization of homeothelict (in French poetry of the XX century) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. Sankt-Peterburg, 2009 (97).* S. 225–231.
17. Fedjaeva E. V. *Reduplikacija kak odno iz sredstv reprezentacii neopredelennogo kolichestva = Reduplication as a means of representing an indefinite quantity // Izvestija RGPU im. A.M. Gercena. Sankt-Peterburg, 2008. № 33 (73).* S. 469–472.
18. Hazagerov G. G. *Ritoricheskij slovar' = Rhetorical Dictionary.* Moskva : Flinta: Nauka, 2009. 431 s.
19. Shipova I. A. *Zvukopis' kak sredstvo sozdanija obraznosti v literaturnoj skazke (na materiale nemeckogo jazyka) = Sound as a means of creating imagery in a literary fairy tale (based on the German language) // Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni: sbornik materialov V Vserossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii s mezhduнародnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 9-10 marta 2023 g. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2023.* S. 109–112.
20. Hoffmann E. T. A. *Nußknacker und Mausekönig.* URL: <https://www.rulit.me/books/nu-read-265716-1.html> (data obrashhenija: 25.12.2023).
21. Körtvélyessy L., Štekauer P. *Onomatopoeia in the World's Languages: A Comparative Handbook.* Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2024. 1151 p.
22. Kotin M. L. *Zu den Quellen der ästhetischen Sprachfunktion // Die Sprache in Aktion. Pragmatik. Sprechakte. Diskurs.* Kotin M., Kotorova E. (Hg) Heidelberg : Uni-Vlg. 2011. S. 235–243.
23. Pretsch P. *Geöffnetes Narren-Turney: Geschichte der Karlsruher Fastnacht im Spiegel gesellschaftlicher und politischer Entwicklungen.* Karlsruhe : Badania Verlag, 1995. 208 S.
24. Schwaiger S. *Diminutivvariation in österreichischen elektronischen Korpora / S. Schwaiger, A. Barbaresi, K. Korecky-Kröll, Jutta & Wolfgang Ransmayr, U. Dressler // Schriften zur deutschen Sprache in Österreich. Band 45. Dimensions of Linguistic Space: Variation – Multilingualism – Conceptualisations Dimensionen des sprachlichen Raums: Variation – Mehrsprachigkeit – Konzeptualisierung.* Berlin Bern Bruxelles New York Oxford Warszawa Wien : Peter Lang, 2019. S. 147–164.
25. Wissemann H. *Untersuchungen zur Onomatopöie – sprachwissenschaftliche Versuche / H. Wissemann, H; 1. Teil,* Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1954. S. 241.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 20.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 811.11-112.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-163
EDN: WNSDEN

Прецедентный афоризм как символ эпохи: об эонимических выражениях в немецкоязычном дискурсе

Екатерина Олеговна Туманова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры юриспруденции, Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова. 107045, г. Москва, ул. Сретенка, д. 28
ekaterina.msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-280X>

Аннотация. Данная научная статья посвящена описанию прецедентных афоризмов, являющихся «символами эпохи» в немецкоязычном политическом дискурсе. Рассматриваемые языковые единицы автор предлагает именовать по аналогии с «эонимом» (новым лингвистическим термином, введенным автором ранее) «эонимическими выражениями». В отличие от эонимов, которыми в большинстве своем становятся слова и словосочетания, эонимические выражения представляют собой завершённые фразовые единства из разряда предвыборных слоганов, лозунгов различных движений, цитат известных деятелей в сфере политики, крылатых выражений, названий песен или литературных произведений. Для реализации поставленных в научной работе задач были использованы описательный и сравнительно-исторический методы, лингвокультурологический и дискурс-анализ. Метод сплошной выборки позволил определить корпус эонимических выражений, характеризующих развитие политической ситуации в мире и Германии, включенных Обществом немецкого языка в городе Висбаден в социолингвистический рейтинг «Слова года», ежегодно формируемый экспертным жюри. Исследователь даёт лингвокультурологическую характеристику немецкоязычных эонимических выражений, отсылающих к предвыборной кампании Б. Обамы или являющихся ироничным описанием офшорных схем в Панаме. Автор обосновывает гипотезу о том, что изучение эонимических выражений позволит сформировать представление о контексте эпохи и выделить наиболее значимые события, ставшие частью «коммуникативного сознания» немецкоязычной лингвообщности. В заключении автор приходит к выводу о том, что эонимические выражения представляют собой языковую рефлексию важнейших социально-политических прецедентов и могут служить инструментом манипуляции при формировании национального коммуникативного сознания и выполнять агональную функцию. Представленные в научной статье результаты анализа актуальны при составлении лингвокультурологических словарей и проведении детального анализа политического дискурса Германии.

Ключевые слова: ключевые слова; ключевые слова текущего момента; эонимы; эонимические выражения; квазиафоризм; прецедентный афоризм; политический дискурс; языковая рефлексия; хронотоп; лингвокультурология

Для цитирования: Туманова Е. О. Прецедентный афоризм как символ эпохи: об эонимических выражениях в немецкоязычном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 163–173. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-163>. <https://elibrary.ru/WNSDEN>

Original article

Precedent aphorism as a symbol of the epoch: on eonymic expressions in german-language discourse

Ekaterina O. Tumanova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of law, Moscow metropolitan governance Yury Luzhkov university. 107045, Moscow, Sretenka st. 28
ekaterina.msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-280X>

Abstract. This research describes precedent aphorisms that are «symbols of the epoch» in german political discourse. The author suggests naming the linguistic units under review «eonymic expressions» by analogy with «eonym» (a new linguistic term which had been introduced by the author before). Unlike eonyms, which are mostly words and word combinations, eonymic expressions are complete phrasal unities from the category of election slogans, slogans of various movements, quotations of famous political figures, popular expressions, names of songs or literary

© Туманова Е. О., 2024

works. In order to realize the tasks of the research, the author used descriptive and comparative-historical methods as well as linguocultural and discourse analysis. The method of continuous sampling made it possible to determine the corpus of eonymic expressions characterizing the development of the political situation in the world and in Germany, included by the Wiesbaden German Language Society in the sociolinguistic rating «Words of the Year», formed annually by the expert jury. The article provides linguocultural characterization of eonymic expressions in German referring to B. Obama's election campaign or ironic descriptions of offshore schemes in Panama. The author substantiates the hypothesis that studying eonymic expressions will help to form an understanding of the epoch and highlight the most significant events that have become part of the «communicative consciousness» of the German-speaking linguistic community. The author concludes that eonymic expressions represent a linguistic reflection of the most important socio-political precedents and can serve as a tool for manipulation in shaping the national communicative consciousness and perform an agonal function. The results of the analysis presented in the scientific article are important for working on linguocultural dictionaries and conducting a detailed analysis of German political discourse.

Key words: keywords; current keywords; eonyms; eonymic expressions; quasi-aphorism; precedent aphorism; political discourse; linguistic reflection; chronotope; linguoculturology

For citation: Tumanova E. O. Precedent aphorism as a symbol of the epoch: on eonymic expressions in German-language discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):163–173. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-163>. <https://elibrary.ru/WNSDEN>

Введение

Стремление сохранить и передать информацию об истории народа является базовым параметром возникновения и развития социокультурной идентичности языковой общности. Прошлое предстает в виде образов, которые создаются в символическом поле исторического воображения настоящего [Постникова, 2014, с. 216]. Результатом данного процесса становится формирование «коммуникативной памяти» (термин Я. Ассмана).

Коммуникативные прецеденты, имеющие особое значение для коммуникативного сознания отдельного языкового общества, возникают посредством языковой рефлексии происходящей исторической действительности, а выстраивание их во временной парадигме позволяет определить контекст эпохи [Туманова, 2015]. В ряде исследований изучение контекста эпохи ведется в рамках когнитивного анализа, что дает возможность определить ключевые концепты, значимые для культуры и истории лингвообщности.

Основу концепта всегда составляет прецедентный текст, который следует трактовать как «социопсихическое образование», которое отличают многомерность и ценностная значимость. При выдвижении гипотезы о том, что описание эпохи возможно путем определения ключевых слов, зафиксированных в прецедентных текстах немецкоязычного политического дискурса, особую значимость имел тот факт, что «прецедентные тексты непременно вписаны в идеологический контекст эпохи» [Слышкин, 2000, с. 30]. Исследование и описание прецедентных текстов дает возможность воссоздать социально-исторический контекст отдельного временного периода, в котором

становится возможным методом сплошной выборки и лингвокультурологического анализа выделить маркеры, характеризующие эпохальные исторические ситуации, явления, и подвергающиеся трансформации в дальнейшем развитии общества и народа. Функцию маркеров исторической эпохи или значимых событий реализуют лексические единицы, которым свойственны особая актуальность, частотное употребление в речи носителей языка и общественная значимость для отдельного временного отрезка [Мельник, 2017, с. 34].

Для описания лексических единиц, являющихся результатом языковой рефлексии значимых исторических событий, в научных исследованиях используется ряд обозначений с синонимическим значением: ключевые слова, ключевые слова эпохи, ключевые термины, ключевые слова текущего момента, слова-ключи, слова-свидетели, слова-символы, слова-хронофакты.

«Ключевые слова» в самом широком смысле типичны для характеристики художественных произведений или отдельных дискурсивных типов. Их следует рассматривать как «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» лексемы [Вежицкая, 2001, с. 282]. «Слова-ключи» [Сахарный, 1988], как и «ключевые термины» [Schumann, 1979], хранят в себе смысл целого текстового сообщения. Если выстроить из них общую парадигму, то возможно получить представление не только об общем контексте послания, но и воссоздать содержание всего текста. «Слова-свидетели» предназначены для понимания группы коррелирующих между собой понятий в политическом дискурсе [Vachem, 1979, с. 63]. Описательный термин «ключевые слова

текущего момента» трактуется как некая часть словаря, в которой содержатся «понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно – в парламенте и в очереди, на радио и в печати» [Шмелева, 1993, с. 33]. Связанные с определенным явлением, событием, социально-политическим фактом и относящиеся к отдельному временному промежутку слова и выражения могут именоваться «словами-хронофактами» [Фомина, 1995, с. 208]. Ограничение временными рамками данных слов позволяет соотносить их со знаками эпохи.

Ключевые слова современной истории Германии – «Zeitgeistwörter» С. Г. Катаева описывает как лексические единицы, выражающие «дух времени», которые аккумулируют в себе «накопленный исторический опыт и идентифицируют национально-культурный код языкового сообщества» [Катаева, 2011, с. 282].

Регулярность обращения лингвистов к проблемам языковой рефлексии исторического момента свидетельствует об актуальности данной темы, а также отсутствии единой теоретической базы, позволяющей объединить имеющиеся знания и предложить общие универсальные концепции по исследованию слов, отражающих эпоху, в частности, и контекста всей эпохи, в целом. С целью единого подхода к исследованию лексических единиц, отражающих значимые события в политическом, социальном или экономическом национальном дискурсе, целесообразно на современном этапе предложить новый термин, соответствующий их дефиниции – «эонимы». Данный термин был образован нами от древнегреческих слов αἰών – эпоха, век, жизненный путь человека и ὄνομα – имя, название [Туманова, 2023, с. 175]. Таким образом, под эонимами мы понимаем слова, которые хранят в себе отпечаток истории, отражают текущий момент или характеризуют значимое (историческое, политическое, социальное, культурное и т. п.) событие.

Рефлексия определенного временного периода может быть представлена не только лексическими единицами (словами и словосочетаниями), но и синтаксическими единицами (предложениями). Синтаксические единицы, являющиеся особыми прецедентными фразовыми единствами, служащими для воссоздания «образа эпохи», мы предлагаем именовать «эонимическими выражениями». К данной группе в первую очередь относятся прецедентные афоризмы, под которыми мы понимаем единицы, реализующие в дискурсе функцию прецедентных текстов. К их особенностям принадлежит максимальный уровень экспрессив-

ного воздействия на реципиента посредством расширения границы формулируемой мысли.

Целью настоящей статьи стало описание эонимических выражений, ставших символами определенных социально-политических событий, вызвавших общественный резонанс в Германии. Объектом проведенного исследования выступили эонимические выражения, отобранные методом сплошной выборки из лингвистических рейтингов «Слова года», ежегодно публикуемых Обществом немецкого языка в Германии. Предметом стало изучение языковой рефлексии «запечатленных» в отобранных эонимических выражениях исторической ситуации в рамках двух подходов: лингвокультурологического и социолингвистического. Обозначенная цель требовала обращения к собственно лингвистическому анализу, применению описательного, сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов. Для составления более подробного представления о функционировании отобранных эонимических выражений в дискурсе применялись также методы корпусного анализа.

База исследования

Материалом исследования послужили отобранные шесть исходных эонимических выражений и около 100 примеров их употребления в политическом дискурсе и дискурсе массмедиа как в исходном, так и трансформированном виде в качестве прецедентных текстов. Корпус эонимических выражений, имеющих синтаксическую структуру простых предложений, был сформирован методом сплошной выборки из рейтинговых списков слов года, опубликованных на официальном сайте Общества немецкого языка в Висбадене [GfdS]. Данный корпус охватывает период с 1998 по 2016 годы. Дискурс-анализ отобранных эонимов был осуществлен посредством изучения и сопоставления лексикографических данных репрезентативного корпуса немецкого языка Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [DWDS], а также публикаций в немецкоязычной прессе.

В своем абсолютном большинстве афоризмы выполняют функцию отражения мировосприятия одного конкретного автора. Изучая афористические высказывания выдающихся деятелей одной лингвокультурной общности, исследователь составляет подробное представление об особенностях картины мира данного народа, описывая характерные черты менталитета народа.

В работе Е. Иванова представлено распределение афоризмов на прецедентные (паремии, крыла-

тые выражения и прочие устойчивые фразы) и unprecedentedные (афоризмы, образованные на продуктивных синтаксических моделях свободными сочетаниями слов) [Иванов, 2005, с. 463].

Прецедентными афоризмами называются те единицы, которые выполняют в различных дискурсах функцию прецедентных текстов. Особенностью прецедентных афоризмов считается высокая степень экспрессивного воздействия на адресата сообщения за счет расширения границы формулируемой мысли, что проявляется при обращении к ним в различных коммуникативных ситуациях. Данная группа афоризмов способна наделять обобщенным, более глубоким философским смыслом частные суждения, связанные с конкретными ситуациями.

Прецедентному тексту свойственен определенный культурный авторитет, который призван вызывать к себе уважение (в ряде случаев и поклонение) у носителей языка, что позволяет ему реализовывать функцию убеждения коммуникативного партнера в своей правоте, т.е. прецедентный текст является апелляцией к текстовому концепту и выполняет персуазивную функцию. Выступая в роли аргумента внетекстовых аспектов, прецедентный текст воспринимается не как слова конкретного автора, а «как артефакт культуры, созданный и существующий при определенных обстоятельствах» [Слышкин, 2000, с. 94]. Неожиданное для собеседника обращение к известной фразе в конкретной речевой ситуации способствует достижению положительного эффекта, который служит оживлению общения и добавляет оригинальность в манеру изложения материала.

Содержащиеся в дискурсе прецедентные тексты, в том числе афоризмы, придают ему особую культурную ценность за счет создания и развития ярких ассоциативных связей между адресантом и адресатом, что приводит к оптимизации коммуникативного процесса и позволяет произвести впечатление хорошо эрудированного и образованного культурного человека.

К прецедентным афоризмам, таким образом, относятся общеупотребительные изречения, известные большинству носителей языка и значимые для культуры данного народа.

Л. А. Нефедова отмечает, что прецедентный текст, содержащий некое знание, некую информацию, является подтекстом для многих афоризмов [Нефедова, 2005, с. 87]. Знание прецедентных текстов принято считать показателем принадлежности как к данной эпохе, так и ее культуре. Незнание прецедентного текста, по мнению

Ю. Н. Караулова, воспринимается как предпосылка отторженности от этой культуры [Караулов, 1986, с. 105–106].

При исследовании прецедентных текстов в речи наблюдается их многообразие, которое заключается в различных объемах, формах, содержании и происхождении. В прецедентных текстах отражается национальная языковая картина мира, а также фиксируются культурные и социальные ценности лингвокультурной общности. Целью обращения к афоризмам в речи в качестве прецедентных текстов является стремление убедить реципиента в истинности и объективности своих слов, тем самым достигая успеха в коммуникативном воздействии.

Несмотря на то, что прецедентные тексты не имеют фиксированного положения в речи, чаще всего они размещаются либо в самом начале, либо в самом конце сообщения. В публицистическом дискурсе заголовки и начало статьи обладают характером «тематических выражений» [Ван Дейк, Кинч, 1989, с. 59–60]. Содержащаяся в них информация должна легко быть декодирована. Афоризм, расположенный в начале дискурса, служит созданию опоры для последующего рассуждения и побуждению к изучению, истолкованию цитаты в аспекте темы публикации. Находящийся в заключении дискурса афоризм способен подтвердить изложенные идеи и предположения, а также обобщить представленную информацию.

При функционировании в дискурсе в качестве прецедентных текстов афоризмы участвуют в создании других афоризмов с указанием на источник или маркерами для указания на предложенную вариацию [Нефедова, 2005, с. 86–87].

Языковой афоризм может быть охарактеризован как «прецедентный интекст», то есть текст, восходящий к тексту-источнику и создающий прецедент, который может одновременно являться фрагментом текста-источника [Саксонова, 2001, с. 3]. Трансформированный афоризм также обозначается термином «квазиафоризм», указывающим на видоизменение формы и преобразование содержания и функции исходного изречения.

Обращение в политическом дискурсе к афористическим высказываниям в их изначальной или трансформированной форме позволяют адресанту вербализовать собственную картину мира посредством обращения к сформированным в коммуникативной памяти общества этическим и нравственным идеалам и социальным нормам. Данные манипулятивные апелляции придают личности

говорящего особую значимость и позволяют завоевать авторитет.

Квазиафоризмы трактуются людические трансформации, или как результат языковых экспериментов с мудрыми изречениями. Помимо базовых функций (номинативной, персуазивной, людической) квазиафоризмы реализуют следующие функции:

- парольную функцию – установление контакта и подтверждения принадлежности автора и адресата к одной социальной общности;

- дискуссионную функцию – оспаривание основного постулата, содержащегося в прецедентном тексте;

- дискредитирующую функцию – подрыв авторитета другого лица;

- репрезентативную функцию – выделение говорящего среди группы индивидуумов [Власова, 2003, с. 22].

Эффективность, как и частота использования языковых афоризмов в дискурсе объясняется возможностью сочетать стандарт с узнаваемостью и новизной, экспрессию с лаконичностью. Исходные афоризмы выступают неким «трафаретом» для многочисленных трансформаций. Частотное копирование указывает на широкое распространение и престижность языковой формулы, а также эффективность модели, лежащей в ее основе, то есть того самого «трафарета» для трансформаций.

Политические выступления характеризуются отличной подготовкой содержательной стороны и структуры, строящихся на обращении к базовым культурным понятиям и ценностям общества, отражении нравственных идеалов современных избирателей. Речам выдающихся деятелей, завоевывающих поддержку широких слоев населения, свойственна особая сила выразительности и красота повествования, достигаемая посредством вкрапления в нее ярких и запоминающихся речевых формул и конструкций, особое место среди которых занимают афоризмы. В афористическом фонде хранятся накопленный тысячелетиями опыт и мудрость поколений.

Описывая типологию политической афористики по характеру референции, Е. И. Шейгал предлагает различать следующие группы:

- универсальные высказывания с неограниченной сферой референции (афоризм, максима, пословица);

- высказывания с частотной референцией (лозунг, девиз, заголовок, программное заявление, памятная фраза), связанные с определенным событием, социальной общностью или отдельным

политиком и подчеркивающие историческую ценность данного события;

- фразы-символы, отсылающие нас к конкретной прецедентной ситуации, представляющие собой обобщающие знаки метонимического характера и имеющие как частную, так и общую референцию [Шейгал, 2000, с. 169–170].

Эонимические выражения, таким образом, принадлежат к группе афористических высказываний с частотной референцией в политическом дискурсе, так как являются апеллятивами к значимым событиям и реалиям в истории отдельной лингвокультурной общности, с одной стороны, и всего мирового сообщества, с другой стороны.

Результаты исследования

Ключевую роль в создании красочных и оригинальных высказываний, для которых характерно глубинное содержание и высокая степень эмоционального воздействия, среди различных фигур речи выполняет феномен языковой игры [Туманова, 2013, с. 277]. Языковая игра подразумевает свободный и креативный подход к формулировке своих мыслей, при котором, как правило, нарушается языковая норма, позволяя автору проявить индивидуальные творческие способности.

Т. В. Шмелева называет реализацию языковой игры одним из основополагающих признаков ключевых слова текущего момента (в предложенной нами терминологии – эонимов и эонимических выражений) [Шмелева, 1993, с. 38]. Эонимические выражения представляют собой результат языковой игры, или «словотворчества» носителей языка. Авторы вложили в их языковую форму и содержание определенную долю юмора, иронии или даже сарказма.

На десятой строчке лингвистического рейтинга 2008 года оказывается эонимическое выражение на английском языке *Yes, we can*, являющееся также вербализацией «мы-образа».

В социолингвистических исследованиях представлены два основных направления развития понятия «социального стереотипа»: стереотип как этническое предубеждение, некий предрассудок по отношению к иному этносу и иной культуре и стереотип как отражение «я-образа» на индивидуальном уровне и «мы-образа» – на групповом [Прохоров, 2009, с.165]. На индивидуальном уровне стереотипы реализуют когнитивную и ценностно-защитную функции, на групповом уровне – идеологизирующую и идентифицирующую. С одной стороны, стереотипы служат формированию и сохранению групповой идеологии, с

другой стороны, их задачей является создание и сохранение образа «мы-группы» в положительном свете [Шихирев, 1985, с. 109–111; Прохоров, 2009, с. 165]. Однако, разграничение групповой и индивидуальной идентичности затруднительно, так как для каждого индивидуума характерна сверхдетерминированность [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 85]. «Мы-образ» рассматривается в данном исследовании как совокупное понятие, сочетающее в себе групповую и индивидуальную идентичность лингвокультурной общности.

В преддверии президентских выборов в США кандидат на праймериз Демократической партии Барак Обама выступил 8 января 2008 года с речью в Нью-Гэмпшире, в которой впервые в этой избирательной кампании использовал броскую и позитивно заряженную формулу *Yes, we can!* Обращение будущего президента призывало голосовать за перемены – а значит, и за него.

Однако истоки этого лозунга лежат не в предвыборной кампании Обамы, а восходят к рабочему движению Сезара Чавеса (César Chávez) и Долорес Уэрты (Dolores Huerta). Ими был в 1972 году основан профсоюз сельскохозяйственных рабочих, боевым призывом этого движения стал лозунг «*Si, se puede!*». Б. Обама впервые использовал этот лозунг в своей предвыборной кампании в Сенат в штате Иллинойс в 2004 г. Фактическим лозунгом его предвыборной кампании в 2008 году был девиз «*Change we can believe in*» (рус. Изменения, в которые мы можем верить), который обрел лаконичную и меткую форму *Yes, we can.*

Эонимическое выражение закрепилось в коллективной памяти и впоследствии многократно цитировалось в Германии, как в исходной, так и трансформированной форме. Так, например, газета Express, сообщая о назначении нового менеджера футбольной команды «Шальке», использовала апелляцию к эонимическому выражению в заголовке «*Yes, we Kahn*» (Express 20.03.2009), а газета Bild, рассказывая о новом президенте США, призывала к дискуссии в заголовке «*Can he es wirklich?»* (Bild 29.04.2009). Через несколько месяцев Bild прокомментировала телевизионную дуэль между кандидатами на пост федерального канцлера ФРГ Ф.-В. Штайнмайером и А. Меркель, обратившись к трансформированному лозунгу «*Yes, we gähn*» (Bild 14.09.2009). Газета Hamburger Abendblatt отозвалась на участие четырех школьников из Нижней Саксонии в конкурсе на Международном кинофестивале в Каннах на юге Франции квазиафоризмом «*Yes, we Can-nes*» (Hamburger Abendblatt 13.05.2009). Zeit сообщила

о политике Обамы в области безопасности словами «*Yes, we can kill*» (Die Zeit 07.01.2010), а Süddeutsche Zeitung прокомментировала его первоначальные трудности с замещением важных государственных должностей выражением «*No, we cannot*» (Süddeutsche Zeitung 17.05.2010). В том же году жители Дюссельдорфа с эйфорией начали карнавальным сезон под девизом песни «*Jeck – we can*».

В этой связи газета Frankfurter Allgemeine предположила, что Обама вдохновлялся не только движением фермерских рабочих 1970-х годов, но и британским детским сериалом «Боб-строитель» (англ. Bob the Builder), в котором на вопрос «*Can we fix it?»* звучит дружеский положительный ответ «*Yes, we can*», в немецкой версии сериала – «*Jo, wir schaffen das!*» (Frankfurter Allgemeine 12.10.2015).

В рекламном дискурсе прослеживаются регулярные апелляции к выражению, ставшему значимым для всего мирового общества. Например, авиакомпания Airberlin в 2016 году подготовила рекламную кампанию под лозунгом «*Yes, we fly*». Сам Обама вновь обратился к своему знаменитому предвыборному слогану в эмоциональной прощальной речи в 2017 году к американскому народу, перечислив свои достижения за период нахождения на посту президента, в следующей формулировке: «*Yes, we can. Yes, we did. Yes, we can*» (рус. Да, мы можем. Да, мы сделали это. Да, мы можем).

В подобных выражения происходит семантическое замещение автодолженствования на долженствования, то есть говоря «мы», адресант имеет в виду следующее: «вы должны понимать, а я уже понимаю», что приводит к возвышению позиции говорящего и восприятию его как «ментального лидера» [Дементьев, 2023, с. 14].

Одним из первых эонимических выражений, отмеченных в лингвистическом рейтинге, является афоризм «*Ich habe fertig!*» (рус. Я закончил). Выражение, включенное жюри Общества немецкого языка в Висбадене в список слов 1998 года, заняло четвертую строчку. Оно пришло в политический и медиа дискурс из мира спорта. Нетипичная для немецкой грамматики конструкция быстро прижилась в политической и повседневной коммуникации. Партия СДПГ использовала выражение в предвыборной кампании Гельмута Коля в Бундестаг. Организация Гринпис, участники забастовки на автомобильных заводах Opel написали его на своих транспарантах, выпускников школ можно было встретить на улицах в

футболках с этой надписью, а юмористы использовали его как прецедентный текст в бесчисленных скетчах.

В ряде исследований спортивного дискурса отмечаются языковые ситуации нарушения логики и правил синтаксиса и грамматики, однако, популярные среди спортивных фанатов и комментаторов атипичные высказывания практически никогда не покидали своего узуса, в отличие от выражения итальянского тренера, работавшего в тот период на мюнхенский футбольный клуб «Бавария». На трехминутной пресс-конференции 10 марта 1998 года Джованни Трапаттони язвительным восклицанием «Ich habe fertig!», по факту дословным переводом с итальянского фразы «ho finito» (рус. я закончил), завершил публичную ругань своей команды.

Тренер Трапаттони, как мастер убеждения и прекрасный оратор на итальянском языке, своей речью мог мотивировать игроков и всю команду к достижению высоких результатов только с помощью слов и своего эмоционального интеллекта. При работе с немецким клубом «Бавария» в качестве тренера он восполнял недостаток знаний немецкого языка активной жестикуляцией. Зрителям пресс-конференции было ясно, что тренер выражает открытую критику команды: их поведение в цитате «Diese Spieler beklagen mehr als spielen», чрезмерную самоуверенность во фразе «Strunz! ... Was erlauben Strunz!», отсутствие самоотдачи у столь высоко оплачиваемых спортсменов в высказывании «In diese Spiel es waren zwei, drei oder vier Spieler, die waren schwach wie eine Flasche leer!». Однако внимание публики больше всего привлек эмоциональный вздох, с которым футбольный тренер произнес ставшую крылатой фразу. Как писали в статьях, это был тот самый вздох, который вырывается «у усталых ораторов, измученных спортсменов, обеспокоенных менеджеров и перегруженных политиков» (нем. Seufzer, der sich erschöpften Rednern, ausgelegten Sportlern, besorgten Managern und überforderten Politikern entringt) (Frankfurter Rundschau, 20.03.1999).

Посредством высказывания «Und das ist (auch) gut so!», ставшим словом, а точнее – предложением на 12 строчке рейтинга 2001 года социал-демократ Клаус Воверайт признался в своей гомосексуальности во время избирательной кампании на пост бургомистра Берлина. С намерением не дать разоблачить себя оппонентам, К. Воверайт прилюдно сообщил о своей нетрадиционной ориентации, не подозревая, что вторая часть его фра-

зы «Ich bin schwul – und das ist auch gut so!» вскоре станет «sprachlichen Gassenhauer» (рус. лингвистическим хитом) (FAZ, 21.08.2001). Именно вторая часть афоризма получила самое широкое распространение в немецкоязычном дискурсе, характеризуя не только принадлежность к сексуальным меньшинствам. К декабрю многие уже не могли его слышать, «weil keine Party und kein Leitartikel mehr ohne den Gut-so-Satz zu Ende geht» (рус. потому что ни одна вечеринка или редакционная статья не заканчивается без этой «и так хорошо» – фразы) (Frankfurter Rundschau, 29.12.2001).

Девятую строчку списка слов 2011 года занимает высказывание Филиппа Реслера «Ab jetzt wird geliefert!» (рус. Отныне мы будем добиваться результатов!). Энимическое выражение изначально представляло собой обещание Реслера членам Свободной демократической партии Германии во время своей инаугурационной речи на посту ее председателя. Либеральная партия в тот период находилась в кризисном положении после ухода Гидо Вестервелле, их рейтинги в опросах населения продолжали падать, достигнув отрицательной отметки в 3,5 %, и перспектив для улучшения ситуации практически не было. Реслер стал новой надеждой СвДП, занимая пост федерального председателя партии, федерального министра экономики и технологий и позднее вице-канцлера.

Восклицательный знак в конце энимического выражения придает ему особую интонацию, похожую на обещание. Благодаря своей универсальной формулировке, высказывание неоднократно в последующие годы подвергалось ироническому восприятию, в том числе, употреблялось в прямом значении как прецедентный текст. 8 апреля 2014 года газета Berliner Zeitung сообщила о том, что железнодорожная отрасль пообещала в будущем поставлять заказанные поезда во время после многочисленных задержек в прошлом, в статье под заголовком «Neue ICE-Züge. Ab jetzt wird geliefert» (рус. Новые поезда ICE. Начало поставок уже сегодня) (Berliner Zeitung, 08.04.2014). Один мюнхенский ресторан рекламировал в Интернете свою бесплатную службу доставки: «Ab jetzt wird geliefert: Mo-Fr 11.30-16.30 Uhr» (рус. Отныне мы доставляем: Пн-Пт 11.30-16.30).

Несмотря на популярность высказывания Реслера, свое политическое обещание он не смог выполнить, за что его политические действия подвергались критике в дискурсе масс медиа «Es war ein großes Versprechen, ein Satz, der ihn seitdem verfolgt. Es hagelte Wahlniederlagen – und gibt bis jetzt kaum Aussicht auf Besserung» (Spiegel,

12.11.2011). Заявление Реслера в первую очередь привлекло внимание к проекту о снижении налогов, однако, «министр финансов Вольфганг Шойбле сохраняет спокойствие: Он ничего не заказывал» (*нем.* Finanzminister Wolfgang Schäuble gibt sich gelassen: Er hatte nichts bestellt) (FAZ 25.05.2011).

В прессе отмечалось, что несвоевременная реакция Реслера на финансовый кризис и кризис евро свидетельствовала о потере актуальности его политических изречений. Уже в конце 2011 года, задолго до того, как партия СвДП не смогла преодолеть пятипроцентный барьер на федеральных выборах 2013 года, обещание ее лидера было следующим образом трансформировано и обращено против него: «Ab jetzt sind sie geliefert – nämlich die verbliebenen Köpfe der FDP-Führung» (Frankfurter Neue Presse, 19.12.2011.)

Вторую строчку лингвистического рейтинга 2015 года занимает высказывание на французском языке «Je suis Charlie» (*рус.* Я – Шарли). Графический дизайнер Йоахим Ронсан опубликовал этот французский слоган 7 января 2015 года в социальной сети, используя бело-серый шрифт на черном фоне, в ответ на новость о гибели нескольких человек, в том числе членов редакции сатирического издания Charlie Hebdo, в результате террористического акта.

Лозунг в своей исходной форме «Je suis Charlie» стал главным девизом демонстраций солидарности на улицах и в Интернете, во Франции и по всему миру. Французский лозунг, как и его переводы на множество других языков, распространились в основном в сети Интернет, где часто использовались в качестве хэштегов. Очень быстро эонимическое высказывание было коммерциализировано, например, в ходе продаж футболок с соответствующей надписью.

В статье, опубликованной через несколько дней после того, как сообщение в социальной сети стало «вирусным», Ронсан пояснил, что рассматривал выражение как синонимичное лозунгам «Je suis libre» (*рус.* Я свободен) и «Je n'ai pas peur» (*рус.* Я не боюсь) (Libération, 13.01.2015). Автор прецедентного афоризма упоминает языковые модели, которые вдохновили его на создание лозунга. К ним относятся крылатая фраза «I am Spartacus» из фильма «Спартак» Стэнли Кубрика, выражение солидарности Дж. Кеннеди «Ich bin ein Berliner» и лозунг «We are all Americans», который объединил людей после террористических атак 11 сентября 2001 года (Huffington Post, 05.01.2016).

По мере распространения эонимического выражения возрастал интерес к истолкованию заложенной в его языковой форме сентенции. В одних случаях лозунг воспринимался как выражение солидарности с жертвами террористического акта, призыва к защите свободы прессы, усилению антитеррористических мер. В других случаях встречались негативные реакции на появление лозунга, которые объяснялись тривиализацией страданий (Süddeutsche Zeitung, 15.01.2015). В последующие годы эонимическое выражение трансформировалось в знак солидарности с жертвами других терактов: «Je suis Bruxelles», «Je suis Istanbul», «Je suis Paris». Лозунг также вошел в поп-культуру: в эпизоде американского сериала «Симпсоны», который вышел в эфир 11 февраля 2015 года, героиня Мэгги Симпсон держит флаг с надписью «Je suis Charlie».

Таким образом, лозунг, ставший эонимическим выражением, охарактеризовавшим 2015 год, представляет собой закрепленный в мировом культурном сообществе символ свободы и борьбы с любыми проявлениями терроризма, продолжает употребляться в различных вариантах как напоминание о страшной трагедии.

Эонимическое выражение на десятом месте рейтинга слов 2016 года «Oh, wie schön ist Panama» является, с одной стороны, заглавием популярной детской книги писателя и иллюстратора Хорста Эккерта, более известного как Янош, с другой стороны, иронично описывает схему офшоров в Панаме. Аллюзия на глобальное налоговое дело связана с так называемыми «Панамскими документами» (*нем.* Panama Papers), которые принадлежат панамской офшорной юридической компании Mossack Fonseca & Co.

В 2015 году газета Süddeutsche Zeitung получила от анонимного осведомителя конфиденциальные документы, обнаруженные при масштабной утечке данных. В сотрудничестве с International Consortium of Investigative Journalists (ICI) был проведен подробный анализ данных, результаты которого 3 апреля 2016 года одновременно были опубликованы 109 газетам, включая Süddeutsche Zeitung, в 76 странах мира. В общей сложности аудиту подверглись около 11,5 миллионов электронных писем, документов, договоров купли-продажи за период с 1977 по 2016 год (Süddeutsche Zeitung, 03.04.2016). В документах были найдены свидетельства не только реализации легальных стратегий ухода от налогов, но и о масштабных налоговых преступлениях и случаях отмывания денег.

9 мая 2016 года ICI опубликовал список, содержащий более 300 000 букмекерских компаний и их посредников – клиентов Mossack Fonseca & Co. по всему миру, среди которых спортсмены, боссы мафии, ведущие политики. Глава исландского правительства Гуннлаугссон после обнародования информации был вынужден уйти в отставку. В списке фигурировали и несколько известных деятелей Германии. Финансовое разоблачение вызвало дискуссии о «налоговых оазисах» (нем. *Steuerparadiesen*) и компаниях «почтовых ящиках» (нем. *Briefkastenfirmen*) во многих странах.

Единственная связь между всемирным налоговым скандалом и детской книгой – это топоним *Panama*. Как только дело получило широкую огласку, появились первые карикатуры. Сатирический журнал *Extra 3* опубликовал рисунок-изображение звезды футбола Лионеля Месси, бывшего президента Украины Петра Порошенко и короля Саудовской Аравии Салмана на пути в Панаму. Сатирический журнал *Der Postillon* также опубликовал карикатуру, где главные герои детской книги Яноша Тигр и Бар изображены преступниками.

«Панамская» аллюзия получила распространение далеко за пределами дискурса масс-медиа. Насмешкам и пародиям подвергалась не только детская книга Яноша, не менее популярными в повседневной коммуникации были шутки о качестве детских подгузников: «Panama Pampers ist es ja auch wirklich nur ein Buchstabe. Ein User erklärte, warum viele Eltern das Produkt ihren Kindern nicht mehr zumuten: Da sickert zu viel durch» (*Hufington Post*, 04.04.2016).

Заключение

Проведенный лингвокультурологический анализ эонимических выражений из ежегодного рейтинга Общества немецкого языка «Слово года» позволяет охарактеризовать результаты исследования следующим образом:

Во-первых, общее число эонимических выражений, являющихся цельными фразовыми единствами по сравнению с эонимами, выраженными словами и словосочетаниями, гораздо меньше, однако они представляют исследовательский интерес для ученых, изучающих афористику, дискурс массмедиа, лингвокультурологию, политическую лингвистику, так как в равной степени характеризуют значимые исторические события.

Во-вторых, сферой-источником эонимических выражений, в первую очередь, является полити-

ческий дискурс. Высказывания и предвыборные слоганы политиков многократно цитируются и тиражируются в прессе, интернете, печатаются на плакатах, листовках и других агитационных материалах. Столь сильная популярность приводит и к трансформациям исходных изречений. В одних случаях они выступают прецедентными текстами, привлекающими своей отчасти знакомой формулировкой внимание, как, например, предвыборный лозунг Б. Обамы. В других ситуациях квази-афоризмы выражают насмешку конкурентов или становятся реакцией на невыполненные обещания, как высказывание Ф. Реслера. К прочим сферам-источникам эонимических выражений в рейтинге «Слово года» принадлежат мир спорта, а также трагические события, связанные с действиями террористических организаций, вызывающие волну поддержку жертвам и осуждения мировым сообществом применения террористических методов.

В-третьих, популярность и широкое употребление эонимических выражений в исходном виде, так и их трансформаций, носит эпизодический характер, что подчеркивает уникальность данного класса языковых единиц, способных отражать «дух времени» и фиксировать в своей форме момент истории.

Исследование подтвердило гипотезу о том, что описание и изучение эонимических выражений требует комплексного подхода, который позволит воссоздать парадигму языковых единиц, порожденных значимыми мировыми событиями или ситуацией внутри страны.

Эонимические выражения дают возможность охарактеризовать отдельный временной период в истории страны, а дискурс-анализ – отразить настроения лингвокультурной общности и передать ее реакции на происходящую в тот момент действительность.

Библиографический список

1. Ван Дейк Т. А. Макростратегии // Язык. Познавание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк, В. Кинч. Москва : Прогресс, 1989. С. 41–67.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Власова Ю. П. Феномен квазипословицы (*faux proverbe*) в свете лингвостилистики // Риторика в свете современной лингвистики. Тезисы докладов. Смоленск : СГПУ, 2003. С. 20–22.
4. Дементьев В. В. «Мы должны понимать...»: ментальные императивы в речи участников «патриотических» политических ток-шоу // Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101). С. 12–20.

5. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Д. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. 352 с.
6. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. Москва : Русский язык, 1986. С. 105–126.
7. Катаева С. Г. Слова, выражающие «дух времени», как индикаторы немецкой истории // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 8. Москва : Языки славянской культуры, 2011. С. 282–288.
8. Мельник Ю. А. Языковые маркеры Новейшего времени (на материале социолингвистических проектов «Слово года») // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 109. 2017. № 11 (407). С. 34–42.
9. Нефедова Л. А. Прецедентные тексты современных немецких афоризмов (на материале книги заметок и афоризмов Элмара Шенкеля) // Филологические науки. 2005. № 4. С. 84–93.
10. Постникова А. А. Прецеденты Наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции: от «Аустерлица» до «бистро» // Политическая лингвистика. № 3 (49). Екатеринбург, 2014. С. 216–223.
11. Прохоров Ю. Е. Действительность: Текст. Дискурс : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2009. 224 с.
12. Саксонова Ю. Ю. Прецедентный интекст; проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе : на материале английского, немецкого и русского языков. Екатеринбург, 2001. 133 с.
13. Сахарный Л. В. Расположение ключевых слов в структуре развернутого текста (к изучению деривационных механизмов компрессии текста) // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). Пермь : Пермский политехнический ун-т, 1988. С. 27–29.
14. Слышкин Г. Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. Москва : Academia, 2000. 288 с.
15. Туманова Е. О. Реализация языковой игры в немецкоязычных энимах (на примере глагольных единиц) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 174–181. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_174
16. Туманова Е. О. Афоризм как речевой жанр: этапы становления и развития (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 175–179.
17. Туманова Е. О. Языковая репрезентация стилистической фигуры противопоставления в немецкоязычных афоризмах // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 277–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-stilisticheskoy-figury-protivopostavleniya-v-nemetskoyazychnyh-aforizmah> (дата обращения: 18.06.2023).
18. Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. Волгоград, 1995. С. 207–215.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография. Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
20. Шихирев П. Н. Современная социальная психология в Западной Европе. Москва : Наука, 1985. 175 с.
21. Шмелёва Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
22. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München : Oldenburg, 1979. 186 s.
23. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute (DWDS). URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 23.01.2024).
24. Gesellschaft für die deutsche Sprache. Wort des Jahres (GfdS). URL: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (дата обращения: 12.01.2024).
25. Ивану Я. Аб другасным спосабе дэрывацы непрэцэдэнтных афарызмаў // Грани слова. Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. Москва : ЭЛПИС, 2005.
26. Schumann J. Politischer Konflikt und sprachliche Kommunikation. Frankfurt. M. : Haag und Herchen, 1979. 265 s.

Reference list

1. Van Dejk T. A. Makrostrategii = Macrostrategies // Jazyk. Poznanie. Komunikacija / T. A. Van Dejk, V. Kinch. Moskva : Progress, 1989. S. 41–67.
2. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevyh slov = Understanding cultures through key words. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 288 s.
3. Vlasova Ju. P. Fenomen kvaziposlovicy (faux proverbe) v svete lingvostilistiki = The phenomenon of quasi proverb (faux proverb) in terms of linguostylistics // Ritorika v svete sovremennoj lingvistiki. Tezisy dokladov. Smolensk : SGPU, 2003. S. 20–22.
4. Dement'ev V. V. «My dolzhny ponimat'...»: mental'nye imperativy v rechi uchastnikov «patrioticheskikh» politicheskikh tok-shou = «We must understand...»: mental imperatives in the speech of participants in «patriotic» political talk shows // Politicheskaja lingvistika. 2023. № 5 (101). S. 12–20.
5. Jorgensen M. V., Fillips L. D. Diskurs-analiz. Teoriya i metod = Discourse analysis. Theory and method. Har'kov : Izd-vo «Gumanitarnyj Centr», 2008. 352 s.
6. Karaulov Ju. N. Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii jazykovoj lichnosti = The role of precedent texts in the structure and functioning of linguistic personality // Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury: doklady sovetskoj delegacii na VI Kongresse MAPRJaL. Moskva : Russkij jazyk, 1986. S. 105–126.
7. Kataeva S. G. Slova, vyrazhajushhie «duh vremeni», kak indikatory nemeckoj istorii = Words ex-

pressing the «spirit of the time» as indicators of German history // Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov. T. 8. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2011. S. 282–288.

8. Mel'nik Ju. A. Jazykovye markery Novejshego vremeni (na materiale sociolingvističeskikh proektov «Slovo goda») = Language markers of the Modern Times (the case of sociolinguistic projects «Word of the Year») // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologičeskie nauki. Vyp. 109. 2017. № 11 (407). S. 34–42.

9. Nefedova L. A. Precedentnye teksty sovremennyh nemeckih aforizmov (na materiale knigi zametok i aforizmov Jelmara Shenkelja) = Precedent texts of modern German aphorisms (on the book of notes and aphorisms by Elmar Schenkel) // Filologičeskie nauki. 2005. № 4. S. 84–93.

10. Postnikova A. A. Precedenty Napoleonovskoj jepohi v kommunikativnoj pamjati sovremennoj Francii: ot «Austerlica» do «bistro» = Precedents of the Napoleonic period in the communicative memory of contemporary France: from «Austerlitz» to «bistro» // Politicheskaja lingvistika. № 3 (49). Ekaterinburg, 2014. S. 216–223.

11. Prohorov Ju. E. Dejstvitel'nost': Tekst. Diskurs = Reality: Text. Discourse : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2009. 224 s.

12. Saksonova Ju. Ju. Precedentnyj intekst; problema mezh#jazykovoj jekvivalentnosti v hudozhestvennom perevode: na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov = Precedent intext; the problem of interlingual equivalence in literary translation: on the material of English, German and Russian languages. Ekaterinburg, 2001. 133 s

13. Saharnyj L. V. Raspolozhenie ključevykh slov v strukture razvernutoho teksta (k izucheniju derivacionnyh mehanizmov kompressii teksta) = Keyword arrangement in the structure of expanded text (towards studying derivational mechanisms of text compression) // Derivacija v rečevoj dejatel'nosti (Obshhie voprosy. Tekst. Semantika). Perm' : Permskij politehnicheskij un-t, 1988. S. 27–29.

14. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse = From text to symbol: Linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moskva : Academia, 2000. 288 s.

15. Tumanova E. O. Realizacija jazykovoj igry v nemeckojazyčnyh jeonimah (na primere glagol'nyh edinic) = Realization of language play in German eonyms (the case of verb units) // Verhnevoldzhskij filologičeskij

vestnik. 2023. № 3 (34). S. 174–181. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_174

16. Tumanova E. O. Aforizm kak rečevoj zhanr: jetapy stanovlenija i razvitija (na materiale nemeckogo jazyka) = Aphorism as a speech genre: stages of formation and development (on the material of the German language) // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2015. № 1 (43): v 2-h ch. Ch. I. C. 175–179.

17. Tumanova E. O. Jazykovaja reprezentacija stilističeskoj figury protivopostavlenija v nemeckojazyčnyh aforizmah = Linguistic representation of the opposition stylistic figure in German aphorisms // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2013. № 5 (21). S. 277–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-stilističeskoj-figury-protivopostavlenija-v-nemetskoyazyčnyh-aforizmah> (data obrashhenija: 18.06.2023).

18. Fomina Z. E. Slova-hronofakty v jazyke politicheskikh tekstov = Words-chronofacts in the language of political texts // Jazyk i jemocii. Volgograd, 1995. S. 207–215.

19. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = The semiotics of political discourse : monografija. Volgograd : Peremena, 2000. 368 s.

20. Shihirev P. N. Sovremennaja social'naja psihologija v Zapadnoj Evrope = Contemporary social psychology in Western Europe. Moskva : Nauka, 1985. 175 s.

21. Shmeljova T. V. Ključevye slova tekushhego momenta = Key words of the current moment // Collegium. 1993. № 1. S. 33–41.

22. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München : Oldenburg, 1979. 186 s.

23. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute (DWDS). URL: <https://www.dwds.de> (data obrashhenija: 23.01.2024).

24. Gesellschaft für die deutsche Sprache. Wort des Jahres (GfdS). URL: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (data obrashhenija: 12.01.2024).

25. Ivanou Ja. Ab drugasnym sposabe djerivac'i neprjecjedjentyh afaryzmau // Grani slova. Sbornik nauchnyh statej k 65-letiju prof. V. M. Mokienko. Moskva : JeLPIS, 2005.

26. Schumann J. Politischer Konflikt und sprachliche Kommunikation. Frankfurt. M. : Haag und Herchen, 1979. 265 s.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 21.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 8:81
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-174
EDN: WREMLM

Лингвокультурологические особенности репрезентации американского мультипликационного дискурса

Юлия Владимировна Горохова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. 300026, г. Тула, просп. Ленина, д. 125, кор. 4
mirada91@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0564-3086>

Аннотация. Мультипликация является частью поликодовой дискурсивной среды с определенными лингвокультурологическими особенностями, в то время как мультипликационный дискурс рассматривается как коммуникативно-социальный феномен поликодового и мультимодального характеров, содержащий в себе определенный шифр нации с характерными для него культурными, историческими, языковыми и другими чертами. Исследование мультипликационного дискурса показывает, что данный феномен является сложной, открытой, нефиксированной и динамичной системой, ориентированной на разную аудиторию в зависимости от авторского целеполагания, реализованного за счет широкого функционального спектра. Мультипликационный дискурс, как и любая система, обладает уровневой иерархией, направленной на хранение, развитие, передачу и обмен культурным компонентом. В мультипликационном дискурсе сосуществуют три уровня – визуальный, аудиосопровождение и текстуальный. Реализация синергии каждого уровня демонстрирует взаимозависимость и взаимосвязанность функционирования двух структурных компонентов – лингвистического и экстралингвистического. В процессе анализа американского мультипликационного дискурса было выявлено, что для такого явления характерны определенные тематические категории, которые репрезентируют ценностные аспекты культурологического компонента. Отдельно прослеживается интересная тенденция, что каждая тематическая категория репрезентирована согласно конкретным типам героев. Были выделены лингвостилистические особенности исследуемого феномена. Для выявления лингвокультурологической специфики американского мультипликационного дискурса предпринимается попытка разработать алгоритм анализа, апробация которого позволяет сделать несколько важных выводов: во-первых, несоответствие идейного содержания для возрастной категории, во-вторых, имплицитно выдвигается идеология феминизма, в-третьих, прослеживается наличие стереотипа о «self-made» личности. Отмечается, что американский мультипликационный дискурс формирует модель действительности с ее конкретными ценностями и мировоззрением.

Ключевые слова: мультипликационный дискурс; уровни мультипликационного дискурса; лингвостилистические особенности мультипликационного дискурса; лингвокультурологические особенности мультипликационного дискурса; концепт; информационный и образный компоненты концепта; интерпретационный компонент; стереотип; концептуальная метафора

Для цитирования: Горохова Ю. В. Лингвокультурологические особенности репрезентации американского мультипликационного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 174–182. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-174>. <https://elibrary.ru/WREMLM>

Original article

Linguistic and cultural features of the representation of american cartoon discourse

Yulia V. Gorokhova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of english philology, Tula state Lev Tolstoy pedagogical university. 300026, Tula, Lenin ave., 125, bld. 4
mirada91@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0564-3086>

Abstract. Studying language as a communicative reality is currently one of the most highly demanded areas. Discourse is presented as a linguistic communication endowed with specific cultural and situational markers. This interpretation of the discourse makes it possible to identify a large number of different types, depending on the

communicative situation. Animation is a part of a polycode discursive environment with certain linguistic and cultural features, while animated discourse is considered as a communicative and social phenomenon of polycode and multimodal characters, containing a certain cipher of the nation with its cultural, historical, linguistic and other features. The analysis of american animated discourse helps to determine the totality of values, worldviews, ideologies, characteristic features of the collective image of a linguistic and cultural personality, as well as to identify the author's world modeling of the surrounding reality through verbal and non-verbal components of the above-mentioned phenomenon. The study of animated discourse shows that this phenomenon is a complex, open, unfixed and dynamic system aimed at different audiences depending on the author's goal-setting, implemented through a wide functional spectrum. Animated discourse, like any system, has a level hierarchy aimed at storing, developing, transmitting and exchanging a cultural component. Three levels coexist in animated discourse – visual, audio accompaniment and textual. The implementation of the synergy at each level demonstrates the interdependence and interconnectedness of the functioning of two structural components – linguistic and extralinguistic. While analyzing American animated discourse, it has been revealed that this phenomenon is characterized by certain thematic categories that represent the value aspects of the cultural component. Apart from that, there is an interesting tendency that each thematic category is represented according to specific types of characters. Moreover, the author has singled out certain linguistic and stylistic features of the phenomenon. In order to identify linguistic and cultural characteristics of the american animated discourse, an attempt is made to develop an algorithm of analysis, whose approbation leads to several important conclusions. Firstly, there is a discrepancy in the ideological content for the age category. Secondly, the ideology of feminism is implicitly put forward. Thirdly, there is a stereotype of a «self-made» personality. It is noted that the American animated discourse forms a model of reality with its specific values and worldview.

Key words: animated discourse; levels of animated discourse; linguistic and stylistic features of animated discourse; linguistic and cultural features of animated discourse; concept; informative and image components of concept; interpretative component; stereotype; conceptual metaphor

For citation: Gorokhova Yu. V. Linguistic and cultural features of the representation of american cartoon discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):174–182. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-174>. <https://elibrary.ru/WREMLM>

Введение

Мультипликация всегда пользовалась спросом среди детской и взрослой аудиторий одинаково, поскольку в ней всецело отражаются ценности, идеология, мировоззрение того или иного народа. Однако это лишь одна из причин постоянного интереса к культуре мультипликационных фильмов. Другая же не менее значимая причина состоит в влиянии данного дискурса на подрастающее молодое поколение, поскольку данный дискурс репрезентирует вопросы современного мира, а также формирует его «менталитет». Следовательно, мультипликационная индустрия является как своеобразным зеркалом мира, так и главной движущей силой воспитания молодого поколения.

Безусловно, мультипликационный дискурс обладает большим функциональным спектром. К первостепенным функциям можно отнести: развивающую, обучающую, образовательную, воспитательную, развлекательную. Вышеуказанные функции позволяют говорить о наличии в этом дискурсе таких ценностей как моральные, духовные, идеологические, социальные.

Информационная составляющая мультипликационного дискурса представлена сквозь призму авторского (создателей) видения и мышления. Таким образом, появляется картина мира, воплощенная посредством мультипликации.

Наш интерес вызывает изучение американского мультипликационного дискурса, поскольку это позволит определить идеологию американского континента, проанализировать его культуру и ценности, транслирующиеся сквозь призму вышеуказанного дискурса. Результаты исследования имеют значимость для развития межкультурной коммуникации, а также для расширения познаний в области лингвокультурологии и дискурсологии. Вышеперечисленное определяет *актуальность* данной работы.

В связи с вышеуказанным необходимо обозначить, что *основным терминологическим аппаратом нашего исследования* являются понятие мультипликационный дискурс, лингвостилистические особенности американского мультипликационного дискурса, лингвокультурологическая специфика американского мультипликационного дискурса, концепт.

Объектом нашего исследования являются характерные черты мультипликационного дискурса, в то время как *предметом исследования* выступает анализ особенностей американского мультипликационного дискурса.

Цель нашей работы заключается в выявлении и анализе особенностей американского мультипликационного дискурса.

Для достижения поставленной цели реализуются следующие задачи:

✓ Охарактеризовать мультипликационный дискурс, а также обозначить лингвостилистические и тематические особенности американского мультипликационного дискурса;

✓ Разработать алгоритм анализа американского мультипликационного дискурса для проведения исследовательской деятельности и апробировать его.

Методы исследования

Для реализации поставленной выше цели и задач используются следующие *методы исследования*: концептуальный анализ, метод когнитивной интерпретации, лексический анализ, стилистический анализ, контекстуальный анализ, культурологический анализ, метод дефиниционного анализа, контекстуальный анализ, лингвостилистический анализ.

Теоретическую базу исследования составили работы следующих авторов: Е. Е. Анисимовой, Ю. Хабермаса, Н. Б. Мечковской, Г. Г. Слышкина, М. А. Ефремовой, Е. А. Попова, А. А. Бернацкой, У. В. Дидика. Работы ученых посвящены изучению природы мультипликационного дискурса, рассмотрению его основных свойств и особенностей.

Материалом нашего исследования являются мультфильм «Wish» («Заветное желание»), снятый компанией Уолта Диснея в 2023 году, а также мультипликационный фильм «Hotel Transylvania. Transformation» («Монстры на каникулах. Трансформация»), вышедший на экраны кинотеатров в 2022 году. Оба анимационных фильма вызвали противоречивые отзывы во многих странах, что обусловило их популярность в СМИ.

Целевой аудиторией вышеупомянутых анимационных фильмов, безусловно, является молодежь, а транслирующиеся ценности, идеи и взгляды создателей детского кино формируют детское мировоззрение и закладывают ключевые базовые ценности, которые в дальнейшем станут характерной чертой подрастающего поколения. Выше-сказанное обусловило выбор не только темы, но и материала исследования.

Исследование и результаты

Термин «мультипликационный дискурс» обладает достаточно большим количеством интерпретаций, что обусловлено различными подходами к определению его сущности. Каждая из трактовок позволяет выделить его характерные черты. В связи с этим рассмотрим несколько дефиниций,

наиболее четко характеризующих специфику исследуемого феномена.

Е. Г. Нешкова рассматривает мультипликационный дискурс как самостоятельную организованную художественную действительность, отличающуюся смешением жанров, комбинацией трехмерной анимации и графики [Нешкова, 2017]. Данное определение выдвигает на первый план несколько аспектов. Во-первых, подчеркивается такое свойство как организованность. Во-вторых, идет речь о репрезентации авторского восприятия действительности.

Исходя из позиции ученого Ю. Хабермаса, мультипликационный дискурс является дискурсом самовыражения авторов-создателей, главной целью которого становится реализация своего посыла в массы (зрительскую аудиторию) [Хабермас, 2000, с. 54]. Такая интерпретация подчеркивает мысль о наличии функциональной составляющей у этого вида дискурса.

Н. Б. Мечковская полагает, что мультипликационный дискурс представляет собой семиотическую систему, нацеленную на передачу информации, опыта, эмоционального состояния, выработку нового знания, реализацию эмоционально-чувственной оценки сообщения сквозь призму его художественности [Мечковская, 2004]. Такое прочтение дискурса раскрывает несколько ключевых аспектов. Во-первых, подчеркивается, что данный дискурс является знаковой системой. Во-вторых, расширяется функциональный спектр.

Однако знаковым моментом в интерпретации мультипликационного дискурса становится идея о корреляции лингвистической и нелингвистической систем [Слышкин, 2004]. Согласно точке зрения Г. Г. Слышкина, характерной чертой мультипликационного дискурса является призыв к умению адресата декодировать мир [Слышкин, 2004].

Изучение различных интерпретаций понятия «мультипликационный дискурс» позволяет обозначить несколько важных его аспектов:

✓ Существует при наличии коммуникатора и реципиента;

✓ Репрезентирует огромное количество художественных образов, передающих идеи [Попов, 2011];

✓ Представляет собой совокупность вербальной и изобразительной составляющих, которые функционируют созависимо друг от друга [Анисимова, 2003, с. 15];

✓ Осуществляет функционирование семиотических кодов (аудиальных, визуальных, культурных, эстетических);

✓ Обладает поликодовой природой, так как демонстрирует текстовую гетерогенность [Бернацкая, 2000, с. 108];

✓ Характеризуется интертекстуальностью, обусловленной симбиозом кинематографических музыкальных, телевизионных, изобразительных, литературных, религиозных, литературных и других видов текстов [Иванова, 2001];

✓ Присутствует двоякая идеологическая устремленность в связи с ориентацией как на детскую, так и взрослую аудитории, следовательно, социализация и развлечение выходят на первый план [Дидик, 2013];

✓ Имеет мультимодальный характер [Горностаева, 2024].

Учитывая вышеуказанные черты, присущие мультипликационному дискурсу, можно говорить о том, что исследуемый дискурс является поликодовым и мультимодальным коммуникативно-социальным феноменом, формирующим универсальные знания об окружающей действительности, а также способным отражать национально-специфические образы той или иной культуры.

Мультипликационный дискурс, как и языковая система, содержит определенные уровни передачи информации с лингвокультурологической позиции. Существует визуальный уровень, содержащий какие-то изображения местоположений, демонстрирующий культурные элементы народов. Все это служит культурным фоном для реализации событий мультипликационного фильма. Уровень аудиосопровождения является неотъемлемым компонентом элемента культуры, поскольку национальные мелодии, песни, иностранные речи несут экстраинформацию о культуре народа. При этом взаимосвязь аудио- и видеокomпонентов позволяет спровоцировать образование эмоционально-ассоциативных связей в процессе просмотра фильма, которые в дальнейшем формируют культурный концепт [Kendall]. Уровень текста мультипликационного дискурса направлен на кодирование определенных образов, архетипов и стереотипов. Именно в интертекстуальной природе этого дискурса выделяется культурная составляющая народа. Различные упоминания реалий, отсылки к сказкам, событиям, цитаты из художественных произведений формируют определенный семиотический код мультипликационного дискурса с его культурно-маркированной спецификой.

Одной из задач нашего исследования является рассмотрение тематических и лингвостилистических особенностей американского мультипликационного дискурса. Так, исходя из тематического моделирования американского мультипликационного дискурса, в его основу входят следующие типы героев:

✓ Супергерои;

✓ Семья;

✓ Роботы;

✓ Мистические существа [The best movies of 2023 (Электронный ресурс); Disney. The official home for all things Disney (Электронный ресурс)].

Обращаясь к лингвостилистической специфике американского мультипликационного дискурса, можно выделить следующие его особенности:

✓ Наличие идиом (safe and sound);

✓ Присутствие эпитетов (wonderful, perilous, marvelous);

✓ Использование междометий (uh, oh, whoa);

✓ Употребление фразовых глаголов (check out, freak out, pop out);

✓ Применение модальных глаголов (have to, can);

✓ Употребление сокращений (gonna, wanna, gotta);

✓ Наличие простых предложений (I'll do it for you);

✓ Использование безличных предложений (it's...);

✓ Употребление сленга (fellas);

✓ Наличие двойного отрицания (I can't do nothing);

✓ Присутствие неличных форм глагола (calculating, grabbing, screaming)

✓ Наличие сравнений (life is like a challenge);

✓ Применение метафор (don't let your fears cloud feelings) [Online platform for animated films «Hotel Transylvania. Transformation» («Монстры на каникулах. Трансформация»)].

Таким образом, лингвостилистическая составляющая американского мультипликационного дискурса, в основном, представлена на лексическом и грамматическом уровнях. Принимая во внимание стилистическую составляющую, необходимо отметить наличие большого количества эпитетов, сравнений и метафор, а также тенденцию к использованию разговорного стиля (сленг, сокращения, простые предложения). Таким образом, лингвостилистическая специфика формирует каркас исследуемого дискурса с содержательными и эмоционально-образными составляющими.

Анализ лингвокультурологических особенностей американского мультипликационного дискурса состоит из нескольких этапов.

Любой дискурс состоит из концептов, которые репрезентируются в нем. Следовательно, анализ дискурса невозможен без рассмотрения концептов. Таким образом, в процессе анализа дискурса изучаются дискурсообразующие концепты, которые лежат в основе изучаемого явления (дискурса).

Концепт обладает сложной структурой в связи с его динамической ролью при осуществлении мышления. Другими словами, концепт представляется живой ментальной системой, которая постоянно функционирует, актуализируется в разных сферах и хранит определенный культурный код. В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения ученых З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые полагают, что структура концепта состоит из базового слоя, информационного содержания и интерпретационного поля [Попова, Стернин, 2003].

Именно на данной концепции строится наш алгоритм анализа американского мультипликационного дискурса. На первом этапе анализа изучается информационное содержание концепта. Чаще всего такое содержание определяется за счет отличительных (дифференцирующих) признаков, заключенных в словарной дефиниции. На втором этапе анализа рассматривается базовый слой концепта, то есть рассматривается чувственный образ. Чувственный образ также многогранен, поскольку формируется посредством перцептивных когнитивных признаков, образных признаков, образованных посредством метафорических вербализаций. На третьем этапе исследуется интерпретационное поле, состоящее из структурированных предикаций, фиксирующих отдельные концептуальные признаки, реализующиеся в конкретной культуре, исходя из содержания концепта. Таким образом, интерпретационное поле представляет собой периферию концепта [Попова, Стернин, 2002].

Возвращаясь к нашему материалу исследования, а именно мультипликационному фильму «Wish», следует подчеркнуть, что главная идея зашифрована в названии фильма согласно стилистическому принципу выдвигания. Именно название несет основную авторскую мысль. Следовательно, концепт «wish» (желание) является базовым. Наш анализ будет строиться на изучении репрезентации данного концепта в соответ-

ствии с его информационным компонентом, образным и интерпретационным полем.

Для выявления дифференцирующих признаков информационного компонента концепта «wish» необходимо обратиться к анализу словарной дефиниции. Словарная дефиниция обладает следующим содержанием:

✓ To want to do smth (verb) (хотеть что-то сделать);

✓ To hope or express hope for another person's success or happiness or pleasure on a particular occasion(verb) (надеяться или выразить надежду на успех, счастье или удовольствие другого человека по определенному случаю);

✓ To hope that something you want will be made real because of good luck or magical powers(verb) (Надеяться, что то, чего вы хотите, осуществится благодаря удаче или магическим силам) [Oxford dictionary; Cambridge dictionary];

✓ to want something to happen or to be true even though it is unlikely or impossible (verb) (хотеть, чтобы что-то произошло или было правдой, даже если это маловероятно или невозможно);

✓ to think very hard that you want something, especially something that can only be achieved by good luck or magic (verb) (очень сильно думать о том, что вы чего-то хотите, особенно о том, чего можно достичь только с помощью удачи или волшебства);

✓ an attempt to make something happen by thinking hard about it, especially in stories when it often happens by magic (noun) (попытка заставить что-то произойти, хорошенько подумав об этом, особенно в историях, когда это часто происходит по волшебству);

✓ a desire or a feeling that you want to do something or have something (noun) (желание или чувство, что вы хотите что-то сделать или иметь что-то);

✓ a thing that you want to have or to happen (noun) (вещь, которую вы хотите иметь или которая должна произойти) [Oxford dictionary; Cambridge dictionary].

Рассматривая содержание словарной дефиниции, можно выделить несколько дифференцирующих признаков концепта «wish»: to hope, to want to do (to happen), a desire, a feeling. Таким образом, отличительная черта информационного компонента концепта «wish» заключается в порыве чтобы что-то произошло, однако не все имеет место для реализации (impossible). Безусловно, в основе информационного компонента изучаемого концепта лежит результат внутреннего стремления к

чему-то. Информационный компонент вышеупомянутого концепта репрезентирован с превалированием положительных языковых элементов, представленных глаголами эмоционального состояния (to hope, to want).

Следующий шаг анализа заключается в исследовании образного компонента концепта «wish», который материализуется за счет метафорических проявлений, отражающихся в языке.

Так, ядро концепта «wish» представлено вербализацией следующей концептуальной метафорой:

✓ Wish is who you are (желание – это то, что ты представляешь собой).

Обращаясь к репрезентации концептуальной метафоры «Wish is who you are», можно выделить несколько лексических единиц согласно конкретным признакам:

1. Языковые единицы, характеризующие концепт «wish»: dangerous (опасный), powerful (мощный), passionate (страстный);

2. Языковые единицы, описывающие последствия концепта «wish»: to destroy (разрушать), to create (созидать);

3. Языковые единицы, связанные с описанием концепта «you»: beautiful (красивая о женском поле), handsome (красивый о мужском поле), mature (взрослый), star (звезда).

Рассматривая вышеуказанные ядерные признаки концептуальной метафоры, необходимо выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, желания обладают двумя основными свойствами – разрушать / созидать. Во-вторых, концепт «you» содержит в себе информацию о поле за счет языковых единиц beautiful и handsome. Так, для описания главной героини используется понятие «beautiful», а для короля «handsome». Таким образом, физическая характеристика и свойства выходят на первый план и составляют ядро концептуальной метафоры, которое базируется на мысли, что желание либо разрушает, либо созидает, а значит человек является либо разрушителем, либо созидателем.

Следующий шаг анализа заключается в рассмотрении периферии репрезентированной концептуальной метафоры «Wish is who you are».

Периферию концептуальной метафоры можно также разделить согласно конкретным признакам языковых единиц. Отдельно отметим, что периферия дифференцирует характерные черты женского пола и мужского пола;

1. Единицы, характеризующие женский пол: strength (сила), talent (талант), can do (можешь

сделать), have to finish (должна закончить), have to stop evil (должна остановить зло);

2. Единицы, описывающие мужской пол: young (молодой), magnificent (великолепный), self-authorised (самопровозглашенный), command (приказ), vicious (порочный / злой);

3. Единицы с использованием стилистического сравнения для обозначения концепта «you»: star (звезда);

4. Единицы, указывающие на правила поведения для мужского пола: challenge accepted (вызов принят), learn to give up (учиться сдаваться), betray (предать);

5. Единицы, связанные с внутренними переживаниями женского пола: doomed (обреченная), fight (сражение), feel connected (чувствовать связь), figure out (выяснить), deceived (обманутая);

6. Единицы, обозначающие мужского отношения к женскому полу: sew the dress (шить платье), clean up mess (убирать беспорядок).

Исходя из языковых единиц, входящих в периферию концептуальной метафоры, можно выделить несколько важных аспектов. Во-первых, в описании женского пола применяется только положительная характеристика, которая связана с внутренней силой воли. Во-вторых, ярко подчеркивается женская роль, заключающаяся в уюте, креативности, рукоделии, согласно мужскому мнению. Не менее важным моментом является и детализация женского внутреннего состояния deceived, doomed, fight. Так, первые две языковые единицы выражают чувства женщины, испытываемые из-за общества. Последняя же языковая единица демонстрирует ответную реакцию женского пола в сторону общества. Перечисленные единицы характеризуются негативной эмоциональной окраской. Визуализация же мужского пола, с одной стороны, обладает положительной коннотацией (young, magnificent); с другой стороны, присутствует крайне негативные нотки (vicious, self-authorised). Последняя языковая единица и вовсе несет в себе и женское отношение к мужчине и некий риторический вопрос: «Кто сказал, что мужчина главный?». Таким образом, в периферии концептуальной метафоры имплицитно прослеживается идеология феминизма. Более того в финале мультфильма позицию лидера занимает женщина, то есть не король, а королева правит миром, и мы видим, что все жители счастливы.

Отдельного внимания заслуживает сравнение человека со звездой (star). Известно, что данное понятие обладает несколькими значениями:

✓ a very famous, successful, and important person, especially a performer such as a musician, actor, or sports player (очень известный, успешный и важный человек, особенно исполнитель, такой как музыкант, актер или спортсмен);

✓ any planet or other object in the sky thought of in astrology as influencing a person's luck (любая планета или другой объект на небе, рассматриваемый в астрологии как влияющий на удачу человека);

✓ a very large ball of burning gas in space that is usually seen from the earth as a point of light in the sky at night (очень большой шар горящего газа в космосе, который обычно виден с земли ночью как светящаяся точка в небе);

✓ If a film, play, etc. stars someone, or if someone stars in a film, play, etc., they are the main actor in it (Если в фильме, пьесе и т. д. кто-то играет главную роль, то он является главным

действующим лицом в нем) [Oxford dictionary, Cambridge dictionary].

Исходя из денотативного и коннотативного значений, понятие «звезда» может быть одушевленным, если мы говорим об известной личности, а может быть неодушевленной, если речь идет о небесном теле. Безусловно, авторское сравнение подразумевает, что цель человека в жизни – достичь успеха. А само понятие «wish» соотносится с понятием «aim».

Не менее яркой является и репрезентация еще одной концептуальной метафоры, отражающей американское видение мира «Life is not a fairytale» (Жизнь – это не сказка).

Для анализа данной концептуальной метафоры можно использовать теорию концептуальной интеграции, которая позволит обозначить ее основные идеи [Fauconnier, Turner, 2006].

Общее пространство	Первое исходное пространство	Второе исходное пространство	Смешанное пространство
Период времени, данный людям	Совокупность явлений, существование, действительность	Отсутствие чудес, проблемы, переживания, борьба	Реальность без прикрас; мир без веры и надежды в чудо, где существует борьба за свои права и жестокость

Таким образом, создатели лишают детский мир чуда, опровергая любую возможность его существования. Они сразу вводят детей в взрослый мир, отдаляя их от детства. Более того, заранее программируется негативное отношение к такой жизни. Вербализованная концептуальная метафора содержит такие понятия как *do or die*, *sink or swim* (сделай или умри, тони или плыви). Следовательно, эти понятия закладывают правила жизни для американского подрастающего поколения, где каждый должен вести борьбу за лучшую жизнь. Именно данные взгляды лежат в основе лингвокультурологической специфики американского мультипликационного фильма.

Отдельно отметим, что в процессе анализа мультипликационного фильма выявлено, что в русской версии мультфильма его название переводится не как желание, а *заветное желание*, что позволяет в другом свете интерпретировать одну из идей. Желаний может быть много, они могут быть разные. В оригинальном фильме желание приравнивается к цели, а заветное желание приравнивается к мечте, в связи с этим меняется коннотативное значение, появляется возвышенный тон в русской версии перевода.

Заключение

Таким образом, следует отметить, что американский мультипликационный дискурс направлен далеко не на детскую аудиторию, поскольку в нем затрагиваются серьезные темы. Так, в процессе анализа лингвокультурологической специфики американского мультипликационного дискурса на материале анимационного фильма «Wish» выявлено, что детям закладывают красивый, самодовольный образ мужчины, лишённого способности любить или творить добро, а образ женщины приравнивается к роли воительницы за добро. Ее внешний облик красивый, стройный, но главной ее особенностью является желание бороться за правду. В результате формируются стереотипные образы о роли женщины и мужчине в мире, где главенство отдается женскому полу. Не менее важное место в исследуемом дискурсе занимает идея важности быть успешным, идти за своей целью, которая интерпретируется как желание.

Отдельное внимание заслуживает идея, заложенная в концептуальной метафоре «Life is not a fairytale», заключающаяся не просто в отрицании сказки, а в демонстрации реальности с настоящи-

ми проблемами. Следовательно, несмотря на то, что создатели придумывают мир для героев, они наделяют его реальными чертами.

Подводя итог проведенному анализу особенностей американского мультипликационного дискурса, обозначим основные выводы. Во-первых, лингвостилистические особенности наиболее ярко представлены на лексическом и грамматическом уровнях. Наблюдается тенденция к упрощению речи и использованию разговорного стиля. Лингвокультурологические особенности репрезентированы посредством оппозиции категорий мужского пола и женского пола. Так, женский прототип рисуется положительным и принимается за некий идеал, а мужской образ является противоположностью женскому образу. Мужской прототип содержит явное противопоставление внешности и внутреннего мира. Внешность абсолютно безукоризненная, в то время как внутренний мир лишен способности любить, творить добро, сочувствовать. Таким образом проявляется идеология феминизма. Во-вторых, образ окружающего мира воссоздается без прикрас, обладает реалистичным характером. Более того, главным ценностным аспектом выступает успешность личности в мире, то есть материальная составляющая. В-третьих, прослеживается отсылка к стереотипу «self-made man» (человек, который сделал себя сам).

Таким образом, можно сказать, что американский мультипликационный дискурс репрезентирует некую модель действительности сквозь призму его авторского восприятия, отражая особенности окружающего мира, его ценности и мировоззрение. При этом следует отметить, что сформированная модель действительности основывается на стереотипных образах, в которых проявляются идеологические взгляды.

Библиографический список

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учебное пособие. Москва : Академия, 2003. 128 с.
2. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение. Специализированный вестник. 2000. № 3. С. 104–110.
3. Горностаева Ю. А. Мультимодальная репрезентация Дня мертвых в мексиканском мультипликационном дискурсе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 2. С. 69–80.
4. Дидик У. В. Мультфильмы в детском дискурсе // Вестник Актюбинского университета им. С. Байшева. 2013. URL: <https://articlekz.com/article/12254> (дата обращения: 10.01.2024)
5. Иванова Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах. Волгоград, 2001. 16 с.
6. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : курс лекций. 3-е изд., испр. Москва : Академия, 2008. 432 с.
7. Нешкова Е. Г. Функциональные особенности мультипликационного дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2017. № 4. С. 152–155.
8. Онлайн платформа для просмотра мультипликационного фильма с субтитрами. URL: <https://ww1.m4uhd.tv/watch-movie-hotel-transylvania-transformania-2022-263595.html> (дата обращения: 20.02.2024)
9. Онлайн платформа для просмотра мультипликационного фильма с субтитрами. URL: <https://ww1.m4uhd.tv/watch-movie-wish-2023-281109.html> (дата обращения: 20.02.2024)
10. Попов Е. А. Современный этап эволюции средств выразительности анимационных произведений. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 2. 2011.
11. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2001. 191 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальное сознание: вопр. теории и методологии: науч. изд.: [монография] / [Бабушкин А. П. и др.; Науч. ред.: З. Д. Попова, И. А. Стернин]; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, Воронеж. гос. ун-т, Моск. обществ. науч. фонд, Ин-т перспектив. рос. исслед. им. Кеннана (США) при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Катрин Т. МакАртуров (США). Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. 313 с.
13. Рейтинг лучших американских анимационных фильмов. Top Animated Movies of 2023. URL: <https://www.ranker.com/list/best-animated-movies-2023/jason-bancroft> (дата обращения: 20.02.2024)
14. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. Москва : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
15. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / под ред. Д. В. Складнева. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 377 с.
16. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.
17. Kendall R. A. Music in film and animation: experimental semiotics applied to visual, sound and musical structures // Proc. SPIE 7527, Human Vision and Electronic Imaging XV. 752703 (22 February 2010). URL: <https://doi.org/10.1117/12.849097>
18. Oxford dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wish_2;

https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wish_1 (дата обращения: 10.01.2024)

19. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/star> (дата обращения: 10.01.2024)

20. Disney. The official home for all things Disney. URL: <https://movies.disney.com/wish> (дата обращения: 10.05.2024)

Reference list

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov) = Text linguistics and cross-cultural communication (based on creolized texts) : uchebnoe posobie. Moskva : Akademija, 2003. 128 s.

2. Bernackaja A. A. K probleme «kreolizacii» teksta: istorija i sovremennoe sostojanie = Towards the problem of text «creolization»: history and current status // *Reshevoe obshhenie. Specializirovannyj vestnik*. 2000. № 3. S. 104–110.

3. Gornostaeva Ju. A. Mul'timodal'naja reprezentacija Dnja mertvyh v meksikanskom mul'tiplikacionnom diskurse = Multimodal representation of the Day of the Dead in Mexican animated discourse // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2024. T. 24. № 2. S. 69–80.

4. Didik U. V. Mul'tfil'my v detskom diskurse = Cartoons in children's discourse // *Vestnik Aktjubinskogo universiteta im. S. Baisheva*. 2013. URL: <https://articlekz.com/article/12254> (дата обрashhenija: 10.01.2024)

5. Ivanova E. B. Intertekstual'nye svyazi v hudozhestvennyh fil'mah = Intertextual links in feature films. Volgograd, 2001. 16 s.

6. Mechkovskaja N. B. Semiotika: Jazyk. Priroda. Kul'tura = Semiotics: Language. Nature. Culture kurs lekcij. 3-e izd., ispr. Moskva : Akademija, 2008. 432 s.

7. Neshkova E. G. Funkcional'nye osobennosti mul'tiplikacionnogo diskursa = Functional specifics of animated discourse // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija*. 2017. № 4. S. 152–155.

8. Onlajn platforma dlja prosmotra mul'tiplikacionnogo fil'ma s subtitrami = An online platform to watch animated movies with subtitles. URL: <https://ww1.m4uhd.tv/watch-movie-hotel-transylvania-transformania-2022-263595.html> (дата обрashhenija: 20.02.2024)

9. Onlajn platforma dlja prosmotra mul'tiplikacionnogo fil'ma s subtitrami = An online platform to watch animated movies with subtitles. URL:

<https://ww1.m4uhd.tv/watch-movie-wish-2023-281109.html> (дата обрashhenija: 20.02.2024)

10. Popov E. A. Sovremennyj jetap jevoljucii sredstv vyrazitel'nosti animacionnyh proizvedenij = The modern evolution stage of expressive means in animation works // *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. № 2. 2011.

11. Popova Z. D. Oчерки po kognitivnoj lingvistike = Essays on cognitive linguistics / Z. D. Popova, I. A. Sternin. Voronezh, 2001. 191 s.

12. Popova Z. D., Sternin I. A. Jazyk i nacional'noe soznanie: vopr. teorii i metodologii = Language and national identity: theory and methodology issues : [monografija] / [Babushkin A. P. i dr.; Nauch. red.: Z. D. Popova, I. A. Sternin]; Voronezh. mezhregion. in-t obshhestv. nauk, Voronezh. gos. un-t, Mosk. obshhestv. nauch. fond, In-t perspektiv. ros. issled. im. Kennana (SShA) pri podderzhke Korporacii Karnegi v N'ju-Jorke (SShA) i Fonda Dzhona D. i Katrin T. MakArturov (SShA). Voronezh : Voronezh. gos. un-t, 2002. 313 s.

13. Rejting luchshih amerikanskih animacionnyh fil'mov = Best American animated movies ranking. Top Animated Movies of 2023. URL: <https://www.ranker.com/list/best-animated-movies-2023/jason-bancroft> (дата обрashhenija: 20.02.2024)

14. Slyshkin G. G. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) = Cinematext (experience of linguocultural analysis) / G. G. Slyshkin, M. A. Efremova. Moskva : Vodolej Publishers, 2004. 153 s.

15. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie = Moral consciousness and communicative action / pod red. D. V. Skljadneva. Sankt-Peterburg : Nauka, 2000. 377 s.

16. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // *Cognitive linguistics: basic readings* / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.

17. Kendall R. A. Music in film and animation: experimental semiotics applied to visual, sound and musical structures // *Proc. SPIE 7527, Human Vision and Electronic Imaging XV. 752703* (22 February 2010). URL: <https://doi.org/10.1117/12.849097>

18. Oxford dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wish_2; https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wish_1 (дата обрashhenija: 10.01.2024)

19. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/star> (дата обрashhenija: 10.01.2024)

20. Disney. The official home for all things Disney. URL: <https://movies.disney.com/wish> (дата обрashhenija: 10.05.2024)

Статья поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 22.05.2024; approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 81'373.49
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-183
EDN: WWRMRD

Лингвистические особенности немецкоязычного этнического анекдота

Людмила Александровна Тюкина

Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, Ярославский государственный технический университет. 150023, г. Ярославль, Московский проспект, д. 88.
lyukina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5676-2325>

Аннотация. Цель исследования – выявление лингвистических особенностей в этническом юморе немцев на примере анекдота. В статье исследуются анекдоты, представляющие собой юмористический диалогический дискурс. Методом сплошной выборки собрана база немецкоязычных анекдотов о восточных фризах. Для данного исследования отобраны все анекдоты, в которых упоминаются жители Восточной Фризии. Лингвистическое исследование проводится на корпусе анекдотов, представленных в письменной форме на трех немецкоязычных сайтах. Автор дает экскурс в историю возникновения анекдота о жителях Восточной Фризии, а также приводит короткую историческую справку об этой местности. Анекдоты о жителях Восточной Фризии впервые появились в 70-е годы прошлого века, однако и сейчас не теряют своей популярности. Для проведения анализа нами были использованы следующие методы: описательный метод, метод дефиниционного анализа, метод контекстуального анализа значений лексических единиц, метод интерпретативного семантического анализа контекстов, приемы классификации и систематизации. Все собранные анекдоты были подвергнуты лингвистическому анализу по отдельным его аспектам. Относительно немецкоязычных этнических анекдотов о восточных фризах были выделены некоторые общие особенности, например, преобладание разговорного стиля, краткость и емкость текста анекдота, использование юмора и иронии. В данных анекдотах часто используются различные виды языковой игры, каламбуры, омофоны и омографы, довольно часто используются метафоры и сравнения. Отличительной чертой анекдотов о восточных фризах является также частое использование диалектных слов. Делается вывод о том, что анекдоты о восточных фризах, как правило, имеют два типа структур: анекдот типа «вопрос – ответ», как правило начинающийся с вопросительного слова Warum, и анекдот с интродуктивной строкой, знакомящей слушателя с ситуацией, описываемой в анекдоте. По тематике восточнофризский анекдот охватывает огромное множество тем: анекдоты о фризах-фермерах, анекдоты о женщинах, о коровах, о пьянстве и о многом другом.

Ключевые слова: юмористический диалогический дискурс; анекдот; этнический анекдот; этнический стереотип; Восточная Фризия; интродукция; лингвистические особенности; юмор; ирония; игра слов

Для цитирования: Тюкина Л. А. Лингвистические особенности немецкоязычного этнического анекдота // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 183–190. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-183>. <https://elibrary.ru/WWRMRD>

Original article

Linguistic specificity of german ethnic humor

Lyudmila A. Tyukina

Candidate of philological sciences, head of the foreign languages department, Yaroslavl state technical university. 150023, Yaroslavl, Moskovsky prospect, 88.
lyukina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5676-2325>

Abstract. The research aims to identify linguistic features in german ethnic humor using jokes as an example. The article analyzes jokes, which are humorous dialogic discourse. Using a continuous sampling method, the author has collected a database of german jokes about the East Frisians. All jokes mentioning East Frisians have been chosen for the research. The linguistic study is carried out on the corpus of jokes in written form available on three german-language websites. The author outlines the origin of the joke about the inhabitants of East Frisia, and gives a short historical account of the area. Jokes about the East Frisians first appeared in the 70s of the past century, but are still popular today. To conduct the analysis the following methods were used: a descriptive method, a definitional analysis

method, a method of contextual analysis of lexical units, a method of interpretive contextual semantic analysis, as well as classification and systematization techniques. All the collected jokes underwent linguistic analysis according to certain aspects. In relation to German ethnic jokes about the East Frisians, some common features have been identified, such as the dominance of a colloquial style, the concise but capacious text, and the use of humor and irony. These jokes often use various word plays, puns, homophones and homographs, metaphors and comparisons. A distinctive feature of the jokes about Eastern Frisians is also the frequent use of dialect words. The author concludes that East Frisian jokes tend to have two types of structures: a question-answer type, usually beginning with the question word *Warum*, and a joke with an introductory line informing the listener about the situation described in the joke. In terms of subject matter, East Frisian jokes cover a huge variety of topics: jokes about Frisian farmers, jokes about women, cows, drinking, and more.

Key words: humorous dialogical discourse; joke; ethnic joke; ethnic stereotype; East Frisia; introduction; linguistic features; humor; irony; word play

For citation: Tyukina L. A. Linguistic specificity of German ethnic humor. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):183–190. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-183>. <https://elibrary.ru/WWRMRD>

Введение

Юмор каждой страны своеобразен; шутки и анекдоты на языке той страны, где эта шутка или анекдот зародились, требуют, как минимум, хорошего знания языка и наличия фоновых знаний о стране. Как говорил английский публицист Пол Баркер (Paul Barker), слова которого цитирует в своей работе Ричард Дж. Александер (Richard J. Alexander), «But how can you understand a country without knowing what makes it laugh?» [Alexander, 1997, p. 159] // «Как можно понять страну, не понимая, что заставляет жителей этой страны смеяться?» (перевод наш – Л. Т.). Так, без хороших знаний языка и экстралингвистических знаний практически невозможно понять так называемые языковые анекдоты, то есть анекдоты, в основе которых лежит игра слов. Однако, на наш взгляд, наряду с языковыми анекдотами сложно понять и некоторые этнические анекдоты, не обладая знаниями о соответствующих реалиях. По словам Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева, «среди представлений о мире, характерных для той или иной культуры, важное место занимают представления о своем и о других народах – так называемые этнические стереотипы» [Шмелева, Шмелев, 2014, с. 167]. Если проанализировать немецкоязычные анекдоты, то обнаружим, что в немецкой лингвокультуре существует довольно большой блок этнических анекдотов о жителях Восточной Фризии. Этнический анекдот настолько своеобразен, что фраза «В каждой шутке есть доля шутки» подходит для него как нельзя лучше. Нельзя сказать, что на базе этнического анекдота можно изучить характер той или иной народности, но определенно можно говорить о том, что этнический анекдот подсвечивает некоторые особенности этнических групп.

Термин «анекдот» обычно используется как определение чего-то веселого, юмористического

и, казалось бы, не располагает к тому, чтобы проводить научные изыскания, тем не менее, феномен анекдота, шутки интересовал крупных ученых, таких как С. С. Аверинцев, Л. П. Гроссман, Ю. М. Лотман, Л. Н. Столович, З. Фрейд, В. Б. Шкловский [Каган, 2002]. В настоящее время этому уникальному явлению уделяют свое внимание известные лингвисты Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев, В. В. Химик, В. И. Карасик, Н. Д. Миловская и др., в зарубежной лингвистике эту тему исследуют Бернгард Марфурт (Bernhard Marfurt), Хельга Коттхоф (Helga Kotthoff), Виктор Раскин (Victor Raskin). Анекдот отражает нашу действительность, реагируя на события, происходящие в жизни. Как правило, анекдот живет, пока он актуален, затем он либо остается в памяти того поколения, которое его породило, либо исчезает совсем. Однако, существует группа анекдотов, которые не теряют своей актуальности, оставаясь достаточно современными и отражая ту или иную форму нашей реальности. Причем это утверждение можно считать верным для многих лингвокультур. Определенные стереотипы порождают целые группы анекдотов, число которых зачастую переваливает за несколько сотен. Анекдоты о периферийных группах и стереотипах – обычное дело, и если вы оказались не в том месте и не в то время, имеете не тот цвет волос или водите не ту машину, вы окажетесь в самом центре целевой группы для насмешек, шуток и создания анекдотов. Анекдот дает большие возможности для дискурсивного анализа. Дискурс в широком смысле является комплексным коммуникативным событием. Определение исследуемого феномена вслед за широко известными работами по дискурсу и дискурс-анализу [Арутюнова, 1998; Борботько, 1981; Карасик, 2000; Макаров, 2003] дал в своей работе «Дискурс как сложный коммуникативный феномен» В. Н. Бабаян, характеризуя *дискурс* как «1. связный текст, сопряженный речевой ситуаци-

ей; 2. целостную коммуникативную (речевую) единицу; 3. устный или письменный вид текста (речевое произведение), обращенный к слушателю / читателю; 4. монолог-диалог; 5. адресованное сообщение; 6. семантически связанную последовательность предложений-высказываний (реплик)» [Бабаян, 2006, с. 129]. Объектом нашего исследования является анекдот как представитель юмористического дискурса, поэтому приведем определение В. И. Карасика, согласно которому **юмористический дискурс** – это «текст, погруженный в ситуацию смехового общения». Ситуация смехового общения с точки зрения коммуникации, по В. И. Карасику, характеризуется такими признаками, как намерение участников избежать серьезного разговора, придать общению юмористическую тональность, наличие сложившихся моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре [Карасик, 2000, с. 252]. Юмористический дискурс родственен игре, поэтому он считается одним из типов дискурса, которые наиболее востребованы человеком. Юмористический дискурс органично вписывается в деятельность человека на всех этапах развития общества. Если проанализировать дискурсивную систему любого языка, то становится понятным, что юмористический дискурс является компонентом игрового дискурса, к другим его элементам относятся пародийный и развлекательный дискурсы [Карасик, 2004; Воркачев, 2016, с. 26]. Однако при исследовании в общей теоретической основе типичных свойств современного юмористического дискурса следует учитывать национальный дискурсивный фактор. Это особенно важно, поскольку в современной лингвистике существует множество исследований, в которых предпринята попытка выяснить природу того или иного национального дискурса [Мельникова, 2022, с. 104].

Методы исследования

В настоящей работе автор статьи предпринимает попытку выявить лингвистические особенности анекдотов немецкоязычной лингвокультуры с точки зрения этнического аспекта, а именно анализируя анекдоты о восточных фризах. Представляется, что данные анекдоты наиболее хорошо коррелируют с тематикой этнического анекдота. Поскольку предполагается сравнительно-сопоставительный анализ данных анекдотов, то для проведения анализа нами были использованы следующие методы: описательный метод, метод дефиниционного анализа, метод контекстуального анализа значений лексических единиц, метод

интерпретативного семантического анализа контекстов, приемы классификации и систематизации, а также методы обработки и приемы формализованного представления результатов.

Методом сплошной выборки с сайтов анекдотов было отобрано 230 этнических анекдотов о жителях Восточной Фризии на немецком языке. Для анализа анекдотов были использованы сайты *deecsee.de*, *witze.net* и *spitzenwitze.de*. Кроме этого, были проанализированы и другие немецкоязычные сайты анекдотов, но, как показал сравнительный анализ, содержание анекдотов данной тематики на всех сайтах приблизительно одинаково, поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно собирать корпус для исследования с большого количества разных сайтов. Цель данной статьи – определить лингвистические особенности в анекдотах на данную тематику в обозначенной лингвокультуре.

В прошлых работах мы уже анализировали немецкоязычный этнический анекдот, но выборка касалась представителей всех национальностей и этнических групп, и пришли к выводу, что «42 % всех этнических немецкоязычных анекдотов посвящено фризам – жителям Восточной Фризии. На долю анекдотов, в которых упоминаются оссиз и вессиз, приходится 11 %. Анекдоты о баварцах – 6 %, замыкают эту «тройку» анекдоты о швабах (3 %) и немцах (2 %). Среди гетеростеротипных анекдотов особое место занимают анекдоты о русских (8 %) и турках (9 %). 19 % всех оставшихся этнических анекдотов делят между собой представители прочих национальностей: поляки, австрийцы, турки, американцы, итальянцы» [Тюкина, Бабаян, 2023, с. 94–95]. То есть жители Восточной Фризии пользуются в Германии особой популярностью для создания комического.

Для начала проанализируем, почему именно про жителей Восточной Фризии шутят в Германии. Именно анекдоты об этой этнической группе приходят в голову, когда речь заходит об этническом анекдоте. В Германии существует большое количество разных этнических групп, например, есть такие этнические малые группы как фризы, сорбы, синти и рома, но анекдоты сочиняют именно про восточных фризов.

Обратимся к истории этой народности. Строго говоря, даже сам житель Восточной Фризии сейчас является редкостью. То же самое можно сказать и об языке этой народности. Существует восточнофризский диалект, но в нем нет определения этноса «фриз» в женском роде. В Восточной Фризии в ее исторических политических границах – то есть без учета Йевера и Ольденбургской

земли на востоке Восточно-Фризского полуострова – сегодня проживает около 466000 человек. По сравнению с общим населением Германии, составляющим на данный период около 84 миллионов человек, это означает, что примерно 0,5 процента всех немцев – восточнофризцы. Восточная Фризия уже давно не существует как политическая единица. После распада Пруссии, британской оккупационной зоны и «правительственного округа Аурих» она тихо исчезла в 1978 году как самостоятельное политическое образование в Нижней Саксонии. Три восточнофризских района и один независимый город объединились с районами Ольденбург и Оснабрюк и образовали административный район Везер-Эмс. Сегодня и его уже не существует. Концепция «Regierungsbezirk» была отменена правительством земли Ганновер в пользу более компактного управления. С 2014 года вся территория официально называется «Западная Нижняя Саксония» и находится в ведении единого государственного уполномоченного в Ольденбурге. Несмотря на то, что, казалось бы, восточные фризы остались без своей земли, их самобытность имеет много общего с этническими корнями и традициями. Административные реформы приходят и уходят, но Восточная Фризия остается. Остфризское земельное управление в Аурихе заботится о том, чтобы история, язык и культура оставались в памяти людей. Фризы очень свободный народ, очень патриотичный, любящий свою малую Родину. Восточная Фризия стала символом всего региона, два больших дорожных знака на автострадах A28 и A31 указывают при въезде в страну: внимание, здесь начинается «Земля свободных» [<https://ostfrieslandreloaded.com>].

Об анекдотах, высмеивающих те или иные черты характера восточных фризов, написано довольно много, пожалуй, самая обширная публикация принадлежит Виарду Рэвелингу (Wiard Raveling). Виард Равелинг, сам уроженец Восточной Фризии, будучи учителем гимназии в Вестерстедде в Аммерланде, стал свидетелем того, как восточнофризская шутка была создана школьной газетой «Der Trompeter», и написал часто упоминаемую работу «История восточнофризских анекдотов» (Die Geschichte der Ostfriesenwitze) [Raveling, 1993; Raveling, 2018]. Волна анекдотов о фризах появилась еще в 70-е годы прошлого века, прошло уже более 50 лет, а анекдоты об этой небольшой этнической группе продолжают появляться. Стоит отметить, что большинство из этих анекдотов не отличается остротой шутки, очень

часто они похожи просто на насмешку. Судя по анекдотам, вряд ли найдется народ, подверженный стольким предрассудкам, как восточнофризцы. О них говорят, что они упрямые, неразговорчивы или просто глупы. Одним из любимейших и известнейших комиков, родившимся в Восточной Фризии, считается Отто Герхард Валькес (Otto Gerhard Waalkes), которого восточнофризцы считают своим национальным героем, поскольку он доказал, что его народ умеет шутить над собой. Однако основоположником восточнофризских анекдотов считается Борвин Банделоу, создавший первые анекдоты еще в подростковом возрасте, а впоследствии ставший психиатром. Согласно легенде, именно шутки Б. Бандерлоу вызвали в 1968 году лавину юмора: Б. Банделоу считается изобретателем восточнофризской шутки. Будучи подростком, Б. Бандерлоу работал в газете «Trompeter» и отвечал за специальный раздел, посвященный особенностям региона Восточная Фризия. Он сочинял анекдоты о восточных фризах такого плана:

(1) «*Warum haben Ostfriesen ein kurzes und ein langes Bein?*» Antwort: «*Weil sie immer am Deich entlanglaufen*» // «*Почему у жителей Восточной Фризии одна нога короткая, а другая длинная?*» Antwort: «*Потому что они всегда ходят вдоль дамбы*» [www.spiegel.de].

В чем «соль» этого анекдота-вопроса? Его довольно сложно понять и еще сложнее посмеяться, поскольку многие анекдоты о восточных фризах построены именно на таком бессмысленном высмеивании, как в этом случае: предполагается, что короткой ногой фризы идут по дамбе, поскольку она возвышается над землей, а длинной ногой по земле. Стоит также отметить, что в этом анекдоте встречаются сразу все особенности восточнофризского анекдота: 1) композиционное строение анекдота обычно именно такое: вопрос – ответ; 2) если не обладать экстралингвистическими знаниями или не поискать корни этого анекдота, он не может быть понят сразу; 3) житель Восточной Фризии обязательно выставляется не очень умным. При этом всё тот же Б. Бандерлоу рассказывал со сцены и анекдоты, которые, наоборот, показывают превосходство восточных фризов над баварцами, например,

(2) «*The East Frisians and the Bavarians are playing football. Suddenly a train goes past nearby and whistles. The East Frisians think the game has ended and go home! (pause) Half an hour later the Bavarians score the first goal!*» [https://en.wikipedia.org/wiki/East_Frisian_jokes] //

«Восточные фризы и баварцы играют в футбол. Вдруг рядом проезжает поезд и начинает гудеть. Восточные фризы подумали, что игра закончилась, и разошлись по домам! (пауза) Через полчаса баварцы забивают первый гол!» (перевод наш – Л. Т.).

Стоит отметить, что если встречается анекдот про восточных фризов, преуспевающих в чем-то больше, чем другие, то «оппонентом» в этом анекдоте почти всегда выступает баварец. Данный анекдот, с одной стороны, высмеивает глупость жителей Восточной Фризии, но, с другой стороны, он подчеркивает, что баварцы еще глупее, при этом автор анекдота утрирует, что баварцы не умеют играть в футбол.

По другой версии, которая принадлежит газете «The New York Times», анекдоты о восточных фризах начали распространяться, когда западно-германская армия разместила там гарнизон несколько лет назад, но сначала шутки рассказывали только в армейских кругах [www.nytimes.com].

Анекдоты про восточных фризов затрагивают все стороны их жизни. Приведем примеры:

(3) *Ein ostfriesischer Bauer kommt freudestrahlend vom Markt heim: «Stellt euch vor, ich habe mein Schwein für 3.000 € verkauft!!» – «Toll! Hast du Bargeld oder einen Scheck bekommen?» – «Keines von beiden. Zwei Hühner je 1.500 €!»* [deecce.de] // Фермер из Восточной Фризии возвращается домой с рынка, сияя от радости: «Представляете, я продал свою свинью за 3000 евро!!!» – «Отлично! Ты получил наличные или чек?» – «Ни то, ни другое. Две курицы по 1500 евро каждая!» (перевод наш – Л. Т.).

Это также типичный анекдот про восточнофризских фермеров, показывающий, что они глупы.

(4) *Zwei Ostfriesen gehen in einen Schuhladen und fragen nach Krokodillederschuh. Da diese viel zu teuer sind, beschließen sie, selbst an den Nil zu fahren und ein Krokodil zu schießen. Gesagt – getan, sie stehen im Nil und schießen ein Kroko nach dem Anderen. Nach dem 15. Kroko, das sie auf den Uferstreifen werfen, sagt der Eine zu dem Anderen: «Also eins knall' ich noch ab, aber wenn das auch keine Schuhe anhat, dann fahr' ich wieder nach Hause!»* [deecce.de] // Два жителя Восточной Фризии заходят в обувной магазин и просят обувь из крокодила. Поскольку ботинки слишком дороги, они решают сами пойти на Нил и застрелить крокодила. Не успев ничего сказать, они уже стоят в Ниле и стреляют в одного крокодила за другим. После 15-го крокодила, которого они выбрасыва-

ют на берег, один из них говорит другому: «Я застрелю еще одного, но если на нем не будет обуви, я вернусь домой!» (перевод наш – Л. Т.).

(5) *Ein Ostfrieser zum Psychiater: «Herr Doktor, ich höre immer Stimmen, sehe aber keine Personen». – «Ja, und wann haben sie das?» – «Immer wenn ich telefoniere»* [witz.net] // Житель Восточной Фризии приходит к психиатру: «Доктор, я постоянно слышу голоса, но не вижу людей». – «Да, и когда это у вас бывает?» – «Всякий раз, когда я разговариваю по телефону» (перевод наш – Л. Т.).

Оба эти анекдота (4), (5) также не требуют объяснения, поскольку в них нет ни игры слов, ни лингвострановедческой информации, высмеивается опять же глупость восточных фризов.

Есть среди анекдотов о восточных фризах и небольшое количество анекдотов из разряда полинациональных, начало которых почти всегда начинается одинаково: немец, русский и поляк; американец, француз и русский и т. д. Приведем пример такого анекдота:

(6) *Ein Amerikaner, ein Engländer und ein Ostfrieser streiten sich, wer denn den besten Gummi herstellen kann. Der Engländer: «Bei uns in England ist ein Arbeiter von der Brücke gefallen. Seine Hosen-träger, mit denen er oben hängen blieb, waren allerdings so elastisch, dass er sanft und ohne Verletzungen den Boden erreichte». Der Amerikaner: «Bei uns in USA gab es damals einen Fensterputzer, der aus dem 137. Stock eines Hochhauses gefallen ist. Während dem Flug kaute er gemächlich seinen Kaugummi, klebte ihn anschließend an die Hauswand und landete so auch weich und ohne Probleme auf der Erde». Sagt der Ostfrieser: «Neulich ist unser Hein aufn Leuchtturm gestiegen, hat sich zu weit aus dem Fenster gebeugt und ist mit lautem Knall auf der Erde aufgeschlagen». Fragen die anderen beiden: «Na und?» – «Tja», sagt der Ostfrieser, «Hein war auch auf der Stelle tot, aber die Gummistiefel: Wie neu!»* [witz.net] // Американец, англичанин и житель Восточной Фризии спорят о том, кто может сделать лучшую резину. Англичанин: «У нас, в Англии, один рабочий упал с моста. Но его подтяжки, которыми он застрял наверху, были настолько эластичными, что он мягко и без травм добрался до земли». Американец: «У нас, в США, в то время был мойщик окон, который упал со 137-го этажа небоскреба. Во время полета он неторопливо жевал жвачку, затем прилепил ее к стене здания и таким образом также мягко и без проблем приземлился на землю». Житель Восточной Фризии: «На днях наш Хайн забрался на маяк,

слишком сильно высунулся из окна и с громким стуком упал на землю». Двое других спрашивают: «И что?» – «Ну, – говорит представитель Восточной Фризии, – Хайн тоже умер на месте, но резиновые сапоги как новые!» (перевод наш – Л. Т.).

Несмотря на то, что этот анекдот (6) можно отнести к разряду черного юмора, он один из немногих, где можно улыбнуться. При этом здесь высмеивается не только глупость фризов, но и надменность, и желание превосходства американцев и англичан.

Самыми сложными для понимания считаются так называемые языковые или лингвистические анекдоты, поскольку в тексте анекдота используется языковая игра с использованием разных значений слов, что нередко приводит к непониманию юмора в анекдоте. Приведем примеры языкового анекдота:

(7) «*Warum holen die Ostfriesen immer so viel Schlick aus dem Meer? – Sie wollen daraus elektrischen Strom machen, sobald sie ein Kilo Watt beisammen haben*» [witze.net] // «Почему жители Восточной Фризии всегда берут так много ила из моря? – Они хотят превратить его в электричество, как только у них появится килограмм ватт». (перевод наш – Л. Т.).

(8) «*Was macht man in Ostfriesland, wenn der Strom ausfällt? – Man geht ins Watt und holt sich ein paar Kilo*» [spitzenwitze.de] // «Что делают в Восточной Фризии, когда отключают электричество? – Они идут на залив и приносят пару килограмм ватт. (перевод наш – Л. Т.).

Данные анекдоты (7), (8) построены на игре слов, поэтому их можно смело отнести к разряду языковых (или лингвистических). Игра слов здесь строится на использовании слова Watt. Согласно словарю Academic.ru данное слово имеет два значения: 1) **Watt** I n -(e)s u -en, -en u -e, б.ч. pl ватты, ваттены; береговая полоса (Северного моря), затопляемая во время прилива; 2) **Watt** II n -s, = (знак W) физ. ватт (единица измерения мощности) [https://translate.academic.ru/Watt/de/ru/]. В данном случае в анекдотах используется первое значение лексемы Watt – береговая полоса, которая считается очень плодородной почвой, но в анекдотах используется его второе, всем известное значение – единица измерения мощности. Второе значение используется всё с той же целью – показать глупость восточных фризов.

По справедливому мнению А. В. Коняева, «очень специфичен юмор, построенный на разнице немецких диалектов. Жаль, что эти семантиче-

ские игры, будучи переведенными на русский язык, теряют «соль» и суть, и вообще, немецкий юмор проигрывает в переводе, так как передать фонетические курьезы, к сожалению, невозможно» [Коняев, 2016, с. 45].

Завершим подборку анекдотов о восточных фризах еще одним анекдотом:

(9) «*Was ist, wenn der letzte Ostfrieser stirbt? – Dann sind die Polizisten wieder die dümsten*» [spitzenwitze.de] // «Что будет, если умрет последний представитель восточных фризов? – Тогда самыми глупыми снова станут полицейские (перевод наш – Л. Т.).

Все собранные анекдоты были подвергнуты лингвистическому анализу, однако не в комплексном подходе, а по отдельным аспектам. Лингвистические особенности анекдотов могут быть разными в зависимости от страны, региона, эпохи и других факторов. Относительно немецкоязычных этнических анекдотов о восточных фризах можно выделить несколько общих особенностей:

1. Преобладание разговорного стиля. 86 % всех анекдотов о жителях Восточной Фризии содержат в себе элементы разговорной лексики. Анекдоты легкие для понимания и восприятия, поскольку в них часто используется живая и непринужденная речь. Стоит отметить, что речь здесь не идет о лингвистических анекдотах, построенных на игре слов. В некоторых анекдотах встретился неформальный стиль общения.

2. Краткость и емкость. Большая часть этнических анекдотов о данной народности (73 %) состоит из двух фраз – вопрос и ответ. Анекдоты о восточных фризах обычно имеют короткую форму и содержат в себе основную идею или сюжет, что позволяет читателю или слушателю быстро понять суть.

3. Использование юмора и иронии. Данным анекдотам свойственны остроумные высказывания, шутки, ирония и игра слов. Это делает текст анекдота более интересным и забавным. В данных анекдотах часто используются различные средства достижения комического эффекта: игра слов и каламбуры (54 %), доведение до абсурда (8 %), ирония и сарказм (18 %), омофоны и омографы (12 %), что добавляет тексту остроумия и юмора. Принцип обманутого ожидания и скриптовые оппозиции встречаются гораздо реже, 3 % и 5 % соответственно.

4. Метафоры и сравнения. В анекдотах о восточных фризах часто используются яркие образы и сравнения.

5. Диалект. 30 % всех анекдотов о восточных фризах содержат диалектные слова, что приводит к сложностям в восприятии и понимании.

Проанализировав все анекдоты о восточных фризах, можно сделать вывод о том, что они приняли на себя главный удар – именно их представляют в анекдотах самыми глупыми и доверчивыми.

Результаты исследования

Таким образом, можем заключить, что анекдоты о восточных фризах, как правило, имеют два типа структур: 1) анекдот типа «вопрос – ответ», как правило начинающийся с вопросительного слова *Warum*; 2) анекдот с интродуктивной строкой, знакомящей слушателя с ситуацией, описываемой в анекдоте. Интересно отметить, что среди данных анекдотов не встречается анекдотов монологических, все анекдоты написаны в формате диалога. Если рассматривать тематику восточнофризского анекдота, то можно говорить о том, что особняком стоят анекдоты о фризах-фермерах, составляя примерно треть от общего числа анекдотов о фризах. Две трети анекдотов затрагивают огромное количество тематик, которое довольно сложно классифицировать: это анекдоты и о женщинах, и о коровах, и о пьянстве, и о многом другом. Если анализировать данные анекдоты с точки зрения участников анекдота, то можно с уверенностью сказать, что в 85 % участники – мужчины, женщины в таких анекдотах встречаются редко. Анализ немецкоязычных анекдотов о восточных фризах позволил выявить следующее: к лексическим особенностям анекдотов относится наличие большого количества общеупотребительных слов, часто встречаются имена собственные, анекдоты изобилуют эмоционально-оценочной лексикой. В качестве наиболее ярких лексических особенностей анекдотов в данных анекдотах можно выделить игру слов, поскольку в анализируемом корпусе встречаются анекдоты, построенные на каламбурах, многозначности.

Выводы

Анализ анекдотов немецкоязычной лингвокультуры показал, что интерес к этническому анекдоту практически не уменьшается. Несмотря

на то, что жанр анекдота считается уже не таким популярным, как раньше, в интернете постоянно появляются все новые и новые анекдоты на разную тематику, в том числе генерируются анекдоты о жителях Восточной Фризии.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
2. Бабаян В. Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 4. С. 127–129.
3. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный : Чеченский государственный университет, 1981. 113 с.
4. Воркачев С. Г. Игры разума: интеллект в юмористическом дискурсе // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 26–51.
5. Каган М. С. Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 5–16. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/aneddot-kak-fenomen-kultury-vstupitelnyy-doklad> (дата обращения: 06.07.2021)
6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 2000. С. 5–20.
7. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс // Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». Москва : ГНОЗИС, 2004.
8. Коняев А. В. Особенности немецкого юмора на примере анекдотов про восточных фризов / А. В. Коняев, А. С. Шамыков // Этнос. Культура. Молодежь : сборник материалов XIX межвузовской научной студенческой конференции, Смоленск, 14 апреля 2016 г. Смоленск : Областное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования Смоленский государственный институт искусств, 2016. С. 42–46.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
10. Мельникова К. А. Различные типы дискурса в современном языкознании : монография / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2022. 160 с.
11. Тюкина Л. А. Этнический юмор как репрезентация языковой картины мира (на примере немецкоязычного анекдота) / Л. А. Тюкина, В. Н. Бабаян // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. № 49. С. 78–98.
12. Шмелева Е. Я. Этнические стереотипы в русских анекдотах / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев // Отечественные записки. 2014. № 4(61). С. 167–177.
13. Alexander, Richard J. Aspects of Verbal Humour in English. Tübingen : G. Narr Verlag. 1997. 236 p.

14. Deecce.de. URL: <https://deecce.de/fun/witze-jokes/ostfriesenwitze/> (дата обращения: 13.08.2023).
15. Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/1971/08/08/archives/east-frisia-jokes-a-fad-in-germany-areas-people-seem-to-enjoy.html> (дата обращения: 13.08.2023).
16. Ostfrieslandreloaded.com. URL: <https://ostfrieslandreloaded.com/2019/01/22/ein-stueck-heimatkunde-was-ist-die-dna-ostfrieslands-2/> (дата обращения 25.02.2024).
17. Raveling Wiard. Die Geschichte der Ostfriesenwitze. Verlag Schuster Leer, 1993.
18. Raveling Wiard. Der Ostfriesenwitz wird 50 Jahre alt. 31.12.2018. URL: <https://www.faz.net/-hry-9gi4t> (дата обращения: 20.08.2021).
19. Spiegel.de. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/erfindung-der-ostfriesenwitze-a-948675.html> (дата обращения: 13.12.2023).
20. Spitzenwitze.de. URL: <https://www.spitzenwitze.de/> (дата обращения: 03.08.2023).
21. Witze.net. URL: <http://witze.net> (дата обращения: 22.05.2023).

Reference list

1. Arutjunova N. D. Diskurs = Discourse // Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. S. 136–137.
2. Babajan V. N. Diskurs kak slozhnyj kommunikativnyj fenomen = Discourse as a complex communicative phenomenon // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2006. T. 12. № 4. S. 127–129.
3. Borbot'ko V. G. Jelementy teorii diskursa = The discourse theory elements. Groznyj : Chechenskij gosudarstvennyj universitet, 1981. 113 s.
4. Vorkachev S. G. Igry razuma: intellekt v jumoristicheskom diskurse = Mind games: intellect in humorous discourse // Lingvokulturologija. 2016. № 10. S. 26–51.
5. Kagan M. S. Anekdot kak fenomen kul'tury. Vstupitel'nyj doklad = Joke as a cultural phenomenon. Introductory report // Materialy kruglogo stola 16 nojabrja 2002 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2002. С. 5–16. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/anedkot-kak-fenomen-kul'tury-vstupitelnyy-doklad> (дата obrashhenija: 06.07.2021)
6. Karasik V. I. O tipah diskursa = On discourse types // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs : sbornik nauchnyh trudov / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. Volgograd : Izdatel'stvo VGPU «Peremena», 2000. S. 5–20.
7. Karasik V. I. Jazykovoju krug : lichnost', koncepty, diskurs = Linguistic circle: personality, concepts, dis-

course // Nauch.-issled. lab. «Aksiol. Lingvistika». Moskva : GNOZIS, 2004.

8. Konjaev A. V. Osobennosti nemeckogo jumora na primere anekdotov pro vostochnyh frizov = Specifics of German humor in case of jokes about the East Frisians / A. V. Konjaev, A. S. Shamykov // Jetnos. Kul'tura. Molodezh' : sbornik materialov XIX mezhvuzovskoj nauchnoj studencheskoj konferencii, Smolensk, 14 aprelja 2016 goda. Smolensk : Oblastnoe gosudarstvennoe obrazovatel'noe bjudzhetnoe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovanija Smolenskij gosudarstvennyj institut iskusstv, 2016. S. 42–46.

9. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa = The basic discourse theory. Moskva : ITDGC «Gnozis», 2003. 280 s.

10. Mel'nikova K. A. Razlichnye tipy diskursa v sovremennom jazykoznanii = Different types of discourse in modern linguistics : monografija / K. A. Mel'nikova, L. A. Tjukina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2022. 160 s.

11. Tjukina L. A. Jetniceskij jumor kak reprezentacija jazykovoju kartiny mira (na primere nemeckojazychnogo anekdota) = Ethnic humor as a representation of the linguistic worldview (based on the German joke) / L. A. Tjukina, V. N. Babajan // Voprosy prikladnoj lingvistiki. 2023. № 49. S. 78–98.

12. Shmeleva E. Ja. Jetniceskie stereotipy v russkikh anekdotah = Ethnic stereotypes in Russian jokes / E. Ja. Shmeleva, A. D. Shmelev // Otechestvennye zapiski. 2014. № 4(61). S. 167–177.

13. Alexander, Richard J. Aspects of Verbal Humour in English. Thübingen : G. Narr Verlag. 1997. 236 p.

14. Deecce.de. URL: <https://deecce.de/fun/witze-jokes/ostfriesenwitze/> (дата obrashhenija: 13.08.2023).

15. Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/1971/08/08/archives/east-frisia-jokes-a-fad-in-germany-areas-people-seem-to-enjoy.html> (дата obrashhenija: 13.08.2023).

16. Ostfrieslandreloaded.com. URL: <https://ostfrieslandreloaded.com/2019/01/22/ein-stueck-heimatkunde-was-ist-die-dna-ostfrieslands-2/> (дата obrashhenija 25.02.2024).

17. Raveling Wiard. Die Geschichte der Ostfriesenwitze. Verlag Schuster Leer, 1993.

18. Raveling Wiard. Der Ostfriesenwitz wird 50 Jahre alt. 31.12.2018. URL: <https://www.faz.net/-hry-9gi4t> (дата obrashhenija: 20.08.2021).

19. Spiegel.de. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/erfindung-der-ostfriesenwitze-a-948675.html> (дата obrashhenija: 13.12.2023).

20. Spitzenwitze.de. URL: <https://www.spitzenwitze.de/> (дата obrashhenija: 03.08.2023).

21. Witze.net. URL: <http://witze.net> (дата obrashhenija: 22.05.2023).

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 18.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 81'373.49

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-191

EDN: RSGZDA

История французского артикля: о причинах появления артикля во французском языке

Лидия Анатольевна Становая

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
lida_stan@mail.ru, orcid.org/0000-0002-1702-4506

Аннотация. В статье рассматриваются причины появления французского артикля, предложенные в русле: 1. наиболее известной и широко распространённой теории «компенсации» – артикль необходим для компенсации разрушенных латинских именных флексий. Поскольку формирование и эволюция французского и других романских языков происходит в русле прогрессивного аналитического развития, то эту компенсаторную роль выполняет артикль как служебный элемент, функционально эквивалентный латинским флексиям. 2. теории экстенсии Г. Гийома – артикль необходим для выражения недискретной экстенсии (объема понятия) имени. В безартиклевых языках экстенсия имени выражается при помощи числа, а в артиклевых языках – при помощи числа и артикля. Когда одной системы числа становится недостаточно для выражения экстенсии имени, тогда формируется новая система артикля. Категория числа становится предназначенной для выражения дискретной, считаемой экстенсии, а категория артикля – для выражения недискретной экстенсии, чуждой для категории числа. 3. теории глоттогенеза Г. Гийома – артикль необходим для трансформации слова-предложения в слово. Трансформация слова-предложения в слово необходима для окончательной категоризации слова как единицы языка и предложения (фразы) как единицы речи в индоевропейских языках как языках словесного типа. Для этого необходимо «высвобождение лица», то есть выделение граммы (грамматического форманта), выражающей грамматическое лицо, из корпуса имени и глагола. Грамматическое лицо находит свое эксплицитное выражение в артикле как грамме лица существительного, вынесенной в препозицию за пределы именной формы.

Ключевые слова: романское языкознание; психосистематика; историческая грамматика; история французского языка; имя; артикль; лицо; число; падеж

Для цитирования: Становая Л. А. История французского артикля: о причинах появления артикля во французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 191–201. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-191>. <https://elibrary.ru/RSGZDA>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

History of the french article: about the reasons for the appearance of the article in french

Lidia A. Stanovaya

Doctor of philological sciences, professor, head of the department of romance philology, Herzen state pedagogical university of Russia. 191186, St. Petersburg, Moika river emb, 48
lida_stan@mail.ru, orcid.org/0000-0002-1702-4506

Abstract. The article considers the reasons for the appearance of the french article in keeping with: 1. the most famous and widespread theory of «compensation» – the article is necessary to compensate for the lost Latin nominative inflection. Since the formation and evolution of french and other romance languages takes place in line with the progressive analytic development, this compensatory role is played by the article as a functional element equivalent to Latin inflections. 2. G. Guillaume's theory of extension – the article is necessary to express the non-discrete extension (scope of the concept) of a noun. In non-article languages, the noun extension is expressed by a number, and in article

languages, it is expressed by a number and an article. When the number system becomes insufficient to express the noun extension, then a new article system is formed. The number category begins to express discrete, countable extension, and the article category begins to express non-discrete extension, which is alien to the number category. 3. G. Guillaume's theory of glottogenesis – the article is necessary for transforming a word-sentence into a word. The transformation of a word-sentence into a word is necessary for the final categorization of a word as a unit of language and a sentence (phrase) as a unit of speech in indo-european languages as verbal languages. To do this, it is necessary to «liberate the person», i.e., to separate the grammeme (grammatical formant) expressing the grammar person from the corpus of the noun and verb. The grammar person finds its explicit expression in the article as a grammeme of the noun's person, placed in a preposition outside the nominal form.

Key words: romance linguistics; psychosystematics; historical grammar; history of the french language; nominal declension; article; person; number; case

For citation: Stanovaya L. A. History of the french article: about the reasons for the appearance of the article in french. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2024;(3):191–201. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-191>. <https://elibrary.ru/RSGZDA>

«Мир, с которым мы вступаем в контакт в лингвистике, – это внутренний мир, это мир мысли, формируемый в нас нашими представлениями».

Г. Гийом (1992, с. 20).

Введение

Артикль, как известно, не является языковой универсалией: согласно данным Всемирного Атласа Лингвистических структур (WALS), в 198 современных языках мира нет никакого артикля, в 377 языках есть определенный артикль, в 238 языках – неопределенный [WALS, карты 37A; 38A].

Таким образом, появление во французском и других романских языках артикля, отсутствующего в латинском языке, не может быть объяснено антропологически: ни «образованием новых форм мышления», вызванных переходом «от феодальной социально-экономической формации к формации капиталистической» [Сергиевский, 1938, с. 281–282]; ни общим когнитивным развитием жителей романизованных провинций в период формирования романских языков, обуславливающим «усиление абстрактности и логической связности мышления» и «усиление аналитической способности» в «процессе становления аналитического строя» [Генидзе, 2009, с. 17–18].

Отсутствие артикля во многих современных языках в очередной раз доказывает, что при изучении языковой эволюции нельзя использовать модные, но фактологически ошибочные теории. Так, идея о связи между изменениями базиса и надстройки, идеологически важная в 30-х годах XX века, оказывается лишь курьезным фактом в истории языкознания. Развитие абстрактного мышления относится к значительно более ранним этапам филогенеза человека, нежели периоды предистории и истории французского языка, а

потому не может служить причиной ни появления артикля как служебного слова, элемента аналитической формы существительного, ни аналитического развития французского языка в целом. Важно подчеркнуть, что эволюция любого языка обусловлена внутренними языковыми законами и что ни артиклевые или безартиклевые языки, ни типологически разные языки в целом никак не связаны с более или менее развитым абстрактным и аналитическим мышлением людей, говорящих на этих языках.

Между тем, известно, что в истории французского языка появление артикля и других служебных слов всегда связывается с развитием аналитизма (подробнее см.: [Становая, 2020; Brunot, 1966, p. 93; Vuridant, 2000, p. 759–761; и др.]. Однако, конкретные причины появления артикля, как и в целом причины развития аналитизма в процессе формирования и эволюции французского языка, остаются по-прежнему дискуссионными.

Учитывая вышесказанное, критический анализ имеющихся мнений относительно причин появления французского артикля и истории его эволюции представляется необходимым и актуальным.

Результаты исследования

1. Теория «компенсации». История определенного и неопределенного артикля начинается в старофранцузском языке с самого первого французского рукописного текста «Кантилена (Секвенция) о Св. Евлалии» (рукопись Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 150), выполненного в конце IX века, или около 900 г. Уже в этом тексте зафиксированы формы определенного и неопределенного артиклей, например: *li dō Inimi, li rex pagiens, lo feule, lo suon element, lef malf consellierf,*

lef empedementz, La polle, La domnizelle, Ad une spede, и др.

История размышлений и рассуждений о французском артикле точно так же начинается в старофранцузский период, когда средневековые ученые обращают внимание на роль артикля в понимании синтаксической функции существительного в предложении и определении понятия, выраженного существительным.

Так, Роберт Килуордби (Robert Kilwardby, 1215–1275 гг.) отметил, что именно артикль указывает на синтаксическую функцию существительного и позволяет понять общий смысл предложения:

«Prima igitur notitia fit per primam impositionem dictionis. Sed quia ab hac dictione est significatio confusa respectu consignificationum et ordinationum diversorum, adduntur ei articuli ad demonstrandum secundam notitiam circa ipsam secundum predictum modum. Hec patent manifeste in gallico quod distinguit articulos. Si enim dicatur «maistre», adhuc confusum est respectu casuum et respectu diversorum ordinum in oratione. Si enim dicitur «li maistres», determinatur ei nominativus et determinatur ei ratio ordinationis, ut ab eo potest sic egredi actus, quod patet dicendum «li maistres lit». Si autem dicatur «le maistre», determinatur ei accusativus et ratio ordinationis, ut recipiat actum sic: «Je voi le maistre» [Цит. по: Lusignan, 1987, р. 27]. – Первое понимание осуществляется при первом предъявлении высказывания. Но так как смысл этого высказывания запутан из-за различных сознания и употреблений, то к нему добавляются артикли, чтобы уточнить второе понимание в соответствии с вышеуказанным разъяснением. Это очевидно во французском языке, который различает артикли. Ибо, если сказать «maistre», это будет неясно относительно падежей и возможных употреблений в речи. Если же сказать «li maistres», сразу же указывается именительный падеж, и определяется смысл его употребления, чтобы обозначить того, от кого исходит действие, так что ясно, когда говорят «li maistres lit». Однако если сказать «le maistre», то указывается винительный падеж, и определяется смысл его употребления, чтобы обозначить того, кто получает действие, так что ясно, когда говорят: «Je voi le maistre» (здесь и далее – перевод наш Л. С.).

Важно отметить, во-первых, роль французского артикля в уточнении понимания понятия, выраженного существительным – эта функция артикля в дальнейшем будет определяться грамматистами как актуализирующая, детерминативная,

референтная и др., связанная с процессами актуализации и детерминации существительного (подробнее см.: [Скрелина, Становая, 2012, глава VI]); во-вторых, роль французского артикля в выражении падежных значений в связи с отсутствием именного склонения во французском языке – эта функция артикля в дальнейшем послужит историкам языка для объяснения причины появления артикля, а грамматистам – для формулирования теории «аналитического» склонения, то есть склонения, образованного при помощи артиклей и предлогов (подробнее см.: [Становая, 2021]); в-третьих, разные формы артикля (*li, le*) и существительного (*maistres, maistre*), подтверждающие наличие двухпадежного именного склонения в старофранцузском языке, а соответственно, опровергающие мнение самого Р. Килуордби, доказывающего, что только артикль указывает на падеж и на синтаксическую функцию существительного – это наглядное противоречие в очередной раз объясняет причины длительных споров историков французского языка о старофранцузском именном склонении (подробнее см.: [Становая, 2021]).

В дальнейшем многие средневековые ученые будут связывать наличие артикля с отсутствием у существительного иных средств выражения падежных значений. Например, Рауль Бретонец (Raoul le Breton) прямо напишет: *«Ideo aliqui articuli sunt inventi ad diligendum casus»* [Цит. по: Lusignan, 1987, р. 27] – Именно поэтому артикли были придуманы для различения падежей.

Так была создана хронологически первая теория, объясняющая причины появления артикля во французском языке: с исчезновением латинского склонения и, соответственно, латинских падежных флексий, французскому существительному необходимо новое средство выражения падежного значения, то есть артикль. Все последующие трактаты XIII–XV веков окончательно закрепят эту непосредственную связь между латинским склонением и французским артиклем.

Так, учитель XIII века, переведший на старофранцузский язык латинский текст трактата Доната «Ars Minor», созданного в середине IV века и широко используемого во Франции для обучения латинскому языку до XVI века включительно, объясняет шестипадежное латинское склонение при помощи определенного артикля *le* и предлогов:

«Le nominatif dit le mestre, le génitif du mestre, le datif au mestre, l'accusatif le mestre, le vocatif o tu mestre, l'ablatif par le mestre, o le mestre et sanz le mestre et du mestre» [Colombo Timelli, 1996,

р. 146] – Именительный падеж *le mestre*, родительный *du mestre*, дательный *au mestre*, винительный *le mestre*, звательный *o tu mestre*, предложный *par le mestre, o le mestre* и *sanz le mestre* и *du mestre*.

«Французский Донат» Дж. Бартона (*Donait françois <...> de Johan Barton*) в рукописи начала XV века полностью повторяет это описание латинского склонения:

«<...> *le est signe du nominatif ou du accusatif, du est signe de le genitif ou de ablatif et au est signe du datif. Mais le vocatif ne a point de signe <...> exemple des touz les cases. Nominatif: le m., g. du m., d. au m., a. le m., v. m., a. du m. et en pulier (sic! – Л. С.) n. les maistres*» [Stengel, 1879, p. 28]. – *le* это знак именительного или винительного падежа, *du* это знак родительного или предложного, а *au* это знак дательного падежа. Но звательный падеж не имеет никакого знака <...> вот пример всех падежей. Именительный: *le m.*, род. *du m.*, дат. *au m.*, вин. *le m.*, зват. *m.*, предл. *du m.* и во множественном числе *les maistres*.

Точно так же делает и автор одной из первых французских грамматик Жак Дюбуа, или Сильвиус (*Jacques Dubois, Jacobus Sylvius*):

«*Nominativo hic magister, le maître. Genitivo magistri de, & du maître. Dativo magistro a, & au maître. Accusatiuo magistrum, le maître. Vocatiuo o magister, o maître. <...>*» [Dubois, 1531, p. 96]. – Именительный *hic magister, le maître*. Родительный *magistri de, & du maître*. Дательный *magistro a, & au maître*. Винительный *magistrum, le maître*. Звательный *o magister, o maître*.

Следует обратить внимание на то, что во всех трактатах употреблено одно и то же существительное *maistre, mestre*. Сейчас это называли бы плагиатом, а раньше это было свидетельством научной эрудиции автора, преемственности научных знаний и традиций. В полном соответствии с этими давними сложившимися знаниями и традициями выполнены и первые работы по истории французского языка.

Так, Фр. Рейнуар в 1816 г. отметил «деградацию» латинского языка, в котором, начиная с VI века, различие между подлежащими и дополнениями, с одной стороны, прямыми и косвенными дополнениями, с другой, оказалось утраченным в связи с разрушением окончаний у существительных и прилагательных. Необходимость выражения этого различия вызвала употребление указательных местоимений *ille* и *ipse* в «испорченном латинском языке» (*la langue latine corrompue*) и создание

артиклей для замещения склонения в новом «романском» языке [Raynouard, 1816, p. 40–50].

В дальнейшем традиционная идея о связи между исчезновением падежной флексии и появлением артикля получила научное обоснование в виде наиболее известной и широко распространённой теории так называемой «компенсации». Суть ее заключается в следующем. В связи с фонетическим или, по Ф. Брюно, психологическим [Brunot, 1966, p. 93], разрушением именных падежных флексий возникает необходимость их компенсации, а поскольку формирование и эволюция французского и других романских языков происходит в русле прогрессивного аналитического развития, то эту компенсаторную роль начинают выполнять различные слова, постепенно превращающиеся в служебные элементы, функционально эквивалентные латинским флексиям. Так аналитическая конструкция существительного с бывшим указательным местоимением или числительным становится способом выражения не только прежних падежных значений, но и других грамматических значений имени.

Авторы новой «Большой исторической грамматики французского языка» называют «компенсацию» (*effet de compensation*) внутренней причиной языковых изменений и указывают, что «атрофия» противопоставления грамматических значений при помощи «суффиксов» сопровождается «параллельным» развитием препозитивных грамматических «морфем», например, артиклей [GGHF, 2020, с. 21, 33; 619].

Согласно данным Всемирного Атласа Лингвистических структур (WALS), между отсутствием именного склонения и наличием артиклей есть некоторая, но не столь однозначная связь. Падежное склонение присутствует в 161 языке и отсутствует в 100 языках [WALS, карта 49A]. Действительно, во многих языках есть склонение, и нет артиклей, например, среди славянских языков, это – русский, белорусский, чешский и др., но в болгарском – нет склонения, и есть артикль, а в польском – есть и склонение, и артикли. Такая же картина и в других языковых группах, например, среди германских языков в голландском (Dutch) есть склонение, и нет артиклей, а в английском, немецком, шведском, исландском есть и склонение, и артикль.

В романских языках, кроме румынского, нет именного склонения, и есть артикль. В румынском языке имена не склоняются, но склоняются артикли – постпозитивный определенный, соединенный с существительным в цельноформлен-

ную форму, и препозитивный неопределенный с неизменяемым существительным в раздельно-оформленной форме, например: именительный-винительный *omul bun, un om bun*; родительный-дательный *omului bun, unui om bun*.

Получается, что функция артикля как компенсатора падежной флексии не подтверждается материалом разных языков – есть языки, в том числе романские, в которых подобный взгляд на артикль оправдан, но есть языки, в которых именное склонение сосуществует с артиклями.

Конечно, можно сделать вывод, что в разных языках артикли имеют разные функции, однако и в этом случае остаются вопросы. Прежде всего, главный – зачем разрушать латинское именное склонение, чтобы затем придумывать артикль? В теории «компенсации» ответа на этот вопрос нет. К тому же, нельзя согласиться с тем, что именно фонетические или психологические изменения стали причиной такой фундаментальной перестройки грамматической системы как разрушение именного склонения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С нашей точки зрения, здесь иной порядок причинно-следственных отношений: разрушение именных флексий обусловлено не фонетическими изменениями или «психологической» сложностью самого понятия падежа или синкретичной падежной флексии, включающей значения рода, числа и падежа, а общей перестройкой грамматической системы, ведущей к постепенному исчезновению именного склонения, а следовательно, и к исчезновению падежной флексии. Известно, что общее разрушение именного склонения началось уже в архаической латыни, однако причины этой глобальной грамматической перестройки в теории «компенсации» обычно не рассматриваются, а только констатируется факт изменения типологических характеристик языков, например: латинский синтетический → романские аналитические; или: индоевропейские агглютинативные → латинский флективный → романские изолирующие.

2. Теория психосистематики. Обратимся к другому объяснению, представленному в теории психосистематики, где артикль понимается как «третье лицо имени существительного, лицо кардинальное, неизменяемое по рангу» и «выделенное из существительного, превратившееся в отдельную морфему и получившее в то же время нагрузку указывать изменения экстенсии имени в речи, частью которой имя становится при переходе из языка» [Скрелина, 2009, с. 309–310].

Г. Гийом связал формирование системы артикля с разделением прежде единой системы числа (подробно см.: [Скрелина, 2009; Скрелина, Становая, 2012; Guillaume, 1985; 1991; Lowe, 2007]).

Г. Гийом обратил внимание на экстенсию имени (*l'extension nominale*) в языке и речи, то есть «понятие объема имени в языке как потенциальной возможности расширения или сужения этого объема при употреблении имени в речи» [Скрелина, 2009, с. 329], и способы выражения этой языковой константы (*une constante linguistique*) в разных языках [Guillaume, 1985, p. 173–181].

Так, в одних языках экстенсия имени выражается при помощи числа, в других – при помощи числа и артикля. Появление артикля свидетельствует о том, что в определенный момент одной системы числа становится недостаточно для выполнения этой задачи. Соответственно, из системы числа выделяется новая, необходимая для этого система артикля. Подтверждением такому развитию служит сходство механизмов категории артикля и категории числа: и в том, и в другом случае мысль движется от всеобщего к частному – механизм партикуляризации, и далее от частного к всеобщему – механизм генерализации. Единственная разница состоит в том, что крайним ограничением с обеих сторон – справа и слева – для артикля является всеобщее (*universel*), а для числа – множественное (*pluriel*). См. рис. 1 и рис 2.

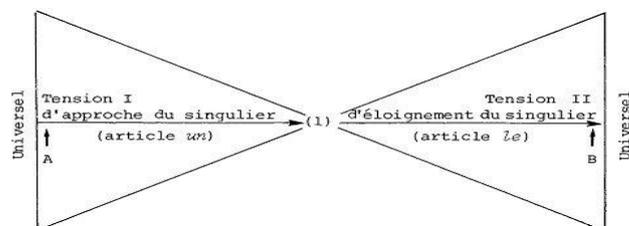

Рисунок 1. Система артикля [Guillaume, 1985, p. 173–181]

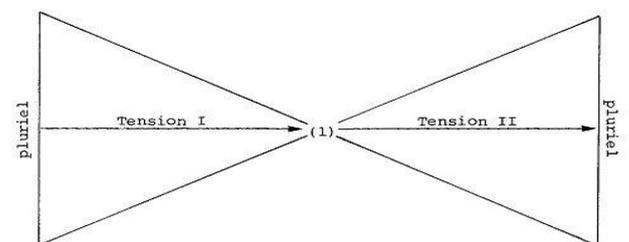

Рисунок 2. Система числа [Guillaume, 1985, p. 173–181]

Если соединить обе схемы Г. Гийома, то есть числа и артикля, окажется, что всеобщему у артикля соответствует множественное у числа. Разница связана с различием дискретности

(discontinuu) и недискретности (continuu). Всеобщее по определению является недискретным. Множественное число по определению является дискретным. Чтобы образовать множественное число, необходимо сначала произвести дискретность, то есть выделить единицу из недискретного всеобщего, а затем из этих выделенных, уже дискретных единиц сформировать дискретное множественное число. Чтобы показать это различие множественного числа, называемого Г. Гийомом одинаково (pluriel), Л. М. Скредина использовала понятия внешней и внутренней множественности, обозначаемых ею как множественность (внутренняя, недискретная) и множественное число (внешняя, дискретная множественность). См. рис. 3.

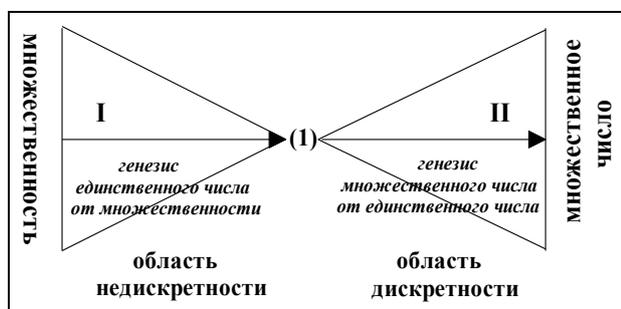

Рисунок 3. Внешняя и внутренняя множественность [Скредина, Становая, 2012, с. 181]

Таким образом, во французском и других языках, создавших артикль, прежде единая система числа была разделена: категория числа оказалась предназначенной для выражения дискретной, считаемой экстенсии, а категория артикля – для выражения недискретной экстенсии, чуждой для категории числа. Однако, как отметил сам Г. Гийом, практической нужды в этом разделении не было: в безартиклевых языках экстенсия имени по-прежнему выражается при помощи числа, а в артиклевых языках две экстенсии (числа и артикля) накладываются друг на друга.

Теория Г. Гийома интересна прежде всего потому, что позволяет задуматься над тем, как организованы категории числа и артикля в разных языках – возможно, именно в этом кроется причина сосуществования склонения и артикля в одних и тех же языках. Однако, поскольку разделение единой системы числа на две – числа и артикля – является необязательным, вопрос о появлении артикля во французском языке остается открытым.

3. Артикль как результат «высвобождения лица» из корпуса имени. Мы связали появление артикля с трансформацией слова-предложения в

слово и необходимым для этого «высвобождением лица» из корпуса имени. Мы заключили, что артикль – это препозитивная граммема лица, выделенная из формы существительного и вынесенная за ее пределы для того, чтобы существительное перестало быть словом-предложением и стало словом-именем [Становая, 2013; 2020; Stanovaia, 2018].

Согласно Г. Гийому [Скредина, 2009; Guillaume, 1982; 2005; и др.], индоевропейские языки как языки словесного типа в процессе своего формирования и эволюции продвигались от 1 начального пространственно-временного ареала, вокабулой, то есть языковой единицей, которой является слово-предложение, ко 2 срединному, гипотетическому, с его вокабулой – псевдо-лексическое слово, и далее к 3 конечному с его вокабулой – лексическое слово. Слово-предложение (mot-phrase) как многосложное цельнофразовое образование стало основой для дальнейшего формирования сначала гипотетического псевдо-лексического слова (mot pseudo-lexical), а затем и лексического слова (mot lexical).

Таким образом, хронологическая последовательность формирования и эволюции индоевропейских языков может быть представлена как прогрессивное движение от слова-предложения к лексическому слову. Однако, с формированием лексического слова слово-предложение не прекращает своего существования, поскольку и в латинском языке, и во многих современных индоевропейских языках есть структуры, по-прежнему являющиеся словами-предложениями, то есть одновременно и словами, и предложениями.

Таковы в латинском языке, например: ‘Venit – Приходит’; ‘Nox – Ночь’. В одном случае латинская глагольная форма ‘Venit – Приходит’ может быть односоставным глагольным, определенно-личным предложением, но в другом случае, например: ‘Petrus venit – Петр приходит’ она же может быть словом, то есть личной глагольной формой сказуемого, употребленной с подлежащим. Также латинское существительное ‘Nox – Ночь’ может быть односоставным субстантивным, назывным предложением, а в другом случае, например: ‘Nox tranquilla est – Ночь (есть) тихая’ – словом, то есть существительным в именительном падеже, употребленным со сказуемым как подлежащее. В современном французском языке это уже невозможно: форма ‘venit > vient – приходит’ может быть только словом, то есть личной глагольной формой сказуемого, а предложение может быть только двусоставным ‘Il vient –

Он приходит', то есть состоящим из сказуемого *vient* и подлежащего 'Il – Он'. Также форма '*Nox* > *nuit* – ночь' может быть только словом, а односоставным предложением будет '*La nuit* – Ночь', то есть сочетание существительного '*nuit* – ночь' с артиклем '*La*'.

Очевидно, что во французском языке, в отличие от латинского и русского, глагол и существительное (*vient*, *nuit*) может быть только словом, единицей языка, для актуализации которого, то есть для дальнейшего перехода в речь, необходим дополнительный элемент – личное местоимение для глагольной формы или артикль для именной – грамматический формант (граммема), который представляет собой эксплицитное грамматическое выражение лица, субъекта, вынесенный в препозицию за пределы глагольной и именной формы. Как отметила Л. М. Скредина: «Артикль выступает реализацией лица, инкорпорированного в существительном: это экзо-семантическая эксплицитность лица. В диахронической перспективе (или ретроспективе) такое развитие свидетельствует о высвобождении лица из корпуса имени, подобное тому высвобождению, которое наблюдается в глаголе относительно порядковых лиц» [Скредина 2009, с. 310–311].

Таким образом, появление артикля как препозитивной граммемы лица было необходимо для того, чтобы существительное, точно так же, как и глагол, перестало быть словом-предложением и стало только словом. Такая трансформация слова-предложения необходима для окончательной категоризации слова как единицы языка и предложения (фразы) как единицы речи, и, следовательно, для окончательного разделения языка и речи как двух пространственных областей речевой деятельности, объединяемых в акте речевой деятельности, но разъединяемых «пространством *оперативного времени*», являющегося «границей между областью построенного (язык) и областью строящегося (речь)» [Скредина, 2009, с. 22 (выделение автора – Л. С.)]. Как полагал Г. Гийом [Guillaume, 1982, p. 29], именно в этом разделении языка и речи заключается конечная цель прогрессивного развития языка в исторической перспективе.

Столь важная роль лица в языковой эволюции обусловлена тем, что лицо всегда присутствует зримо или незримо как логическое, мыслимое и как грамматическое, выраженное морфемами (граммемами), внутренними, то есть включенными в состав слова, и внешними, то есть находящимися за его пределами. Анализируя граммати-

ческие способы выражения лица, Г. Гийом приходит к заключению о «вездесущем» 3 лице единственного числа '*il*' – он как объективном, логическом лице. Это лицо присутствует только в существительном как мыслимое, идеальное представление, образ существа, предмета, понятия в широком смысле слова.

Для объяснения принципиального отличия лица существительного Г. Гийом употребляет термины, используемые во французской грамматике для числительных: '*personne cardinale*' – количественное лицо, постоянное, всегда 3-е, неизменяемое по рангу, называемое также логическим лицом и лицом универсума (*personne d'univers*), имплицитно или эксплицитно присутствующим в языке и речи vs '*personne ordinale*' – порядковое лицо, изменяемое по рангу (1-ое, 2-ое, 3-е). Л. М. Скредина для обозначения лица существительного выбирает термин «кардинальное» (от лат. *cardo*, *-inis* 'ось, центр, точка вращения') в значении 'главное, осевое, основное', составляющее основу имени, его ось, центр. Кардинальное лицо существительного является имплицитным, инкорпорированным в единую семантическую и морфологическую основу слова, «сжатую» в единое целое таким образом, «что мы не чувствуем кардинальное лицо, не выделяем его как опору морфологии существительного» [Скредина, 2009, с. 307–309]. Подробнее см.: [Скредина, 2009; Guillaume, 1991; 1999; Lowe, 2007].

Между тем именно это главное, количественное, кардинальное, но имплицитное лицо составляет то содержательное, семантическое отличие существительного как номинативной единицы и как лексико-грамматического класса слов, на которое обычно указывают грамматисты, говоря о предметности, субстанции, сущности и т. д. Важно, что кардинальное лицо служит внутренней опорой инцидентности (процесса и механизма соотношения лексико-грамматических частей слова) при формировании существительного как слова, определяемого по совокупности категорий имени: рода, числа, экстенсии, функции (падежа). Поскольку слово является единицей языка, то все указанные категориальные значения имени оказываются языковыми, морфологическими, включенными во внутреннюю структуру слова, определяющими его как лексико-грамматический класс в процессе морфогенеза. Учитывая «сжатость», целостность семантической и морфологической частей имени, необходимость в дополнительных – внешних – показателях грамматических значений имени становится очевидным, а их упо-

ребление в речи в виде артикля, предлогов, других детерминативов имени – понятным.

Существительное отличается от других частей речи не только внутренней инцидентностью, но и внутренней двойственностью лица (*la dualité intérieure de la personne de substantif*), обусловленной соединением семантемы, несущей определенный объем понятия, и кардинального лица, которому инцидентна семантема и которое становится опорой экстенсии [Guillaume, 1999, p. 129–130]. Поскольку определение экстенсии семантемы происходит в процессе актуализации, то артикль становится эксплицитной поддержкой экстенсии в речи. Об этом уже шла речь выше.

Получается, что одно кардинальное лицо остается внутри имени, а другое кардинальное лицо выделяется из существительного и получает свое выражение в виде артикля, указывающего на изменения экстенсии имени в речи, то есть при актуализации, переходе языковой единицы в речевую. Однако, актуализация существительного не ограничена только уточнением его экстенсии: в речи существительное прежде всего становится членом предложения, то есть язык – существительное → речь – подлежащее (дополнение и др.). А для этого существительное должно быть в той морфологической, прежде всего падежной, форме, которая необходима для его последующего речевого употребления как члена предложения. Следовательно, для того, чтобы стать членом предложения, существительному нужна морфема, выражающая грамматическое значение функции (падежа). Но, как известно, эксплицитные морфологические показатели функции (падежа) отсутствуют у французского существительного: в процессе формирования и эволюции французского языка все латинские падежные формы слились в единую – форму синтетического падежа, объединяющего субъектное, объектное и атрибутивное значение, которое уточняется при переходе из языка в речь. Значит ли это, что мы снова возвращаемся к связи между отсутствием во французском языке именного склонения и наличием артикля как компенсатора падежной флексии? Нет, здесь дело совсем в другом.

Как уже говорилось выше, сохранение внутри существительного и глагола граммы лица, связанной с выражением синтаксических функций и общей организацией предложения, означает сохранение слова-предложения. Поэтому грамматическое логическое лицо ‘il – он’ выделяется из корпуса имени и глагола, получая свое выражение в артикле и личном местоимении, которые этимоло-

логически идентичны – это одно и то же указательное местоимение *ille*.

Семантическое кардинальное логическое лицо, имплицитное, остается во внутренней структуре существительного и служит внутренней опорой инцидентности при его формировании как языковой единицы, слова. Грамматическое кардинальное логическое лицо покидает внутреннюю структуру существительного и находит свое эксплицитное выражение в артикле, который становится внешней, препозитивной морфемой (граммемой) лица при актуализации существительного в речи как члена предложения, «знаком перевода имени из языка, где оно находилось в потенции как виртуальность, в речь, где оно находится в реализации как актуальное» [Скрелина, Становая, 2012, с. 192].

Чтобы вычленив и вынести за пределы именной формы грамму лица, необходимо убрать падежную, в латинском языке синкретичную, флексию, оставив только лексему (семантему). На это были направлены известные в истории французского языка фонетические изменения – редукция конечных и послеударных гласных, оглушение конечных согласных, ведущие к разрушению флексий и потере различия форм существительных по числу и падежу, например: *rosā, rosae, rosam, rosā > rose; lupi, lupo, lupum, lupō > loup*, и др. На формирование новой препозитивной граммы лица в виде артикля были направлены процессы десемантизации указательного местоимения *ille* и числительного *unus* до состояния граммы и грамматизации словосочетаний ‘артикль + имя’ до состояния аналитической формы имени (подробнее см.: [Становая, 2013; 2020]).

Заключение

Критический анализ имеющихся мнений относительно причин появления французского артикля показал следующее.

1. Теория «компенсации». Хронологически первой и наиболее распространенной в истории французского языка является теория так называемой «компенсации». Суть ее заключается в следующем. В связи с фонетическим или психологическим разрушением именных падежных флексий возникает необходимость их компенсации, а поскольку формирование и эволюция французского и других романских языков происходит в русле прогрессивного аналитического развития, то эту компенсаторную роль начинают выполнять различные слова, постепенно превращающиеся в служебные элементы, функционально эквива-

лентные латинским флексиям. Таким образом, артикль необходим как компенсатор разрушенных падежных флексий имени. Однако данные Всемирного Атласа Лингвистических структур (WALS) не подтверждают наличия столь однозначной связи между отсутствием в языке именного склонения и наличием артикля.

2. Теория экстенсии. Г. Гийом, основатель психосистематики, связал формирование системы артикля со способами выражения экстенсии имени в языке и речи: в безартиклевых языках экстенсия имени выражается при помощи числа, а в артиклевых языках – при помощи числа и артикля. Появление артикля свидетельствует о том, что в определенный момент одной системы числа становится недостаточно для выполнения этой задачи, поэтому во французском и других языках, создавших артикль, прежде единая система числа была разделена: категория числа оказалась предназначенной для выражения дискретной, считаваемой экстенсии, а категория артикля – для выражения недискретной экстенсии, чуждой для категории числа. Однако, как отметил сам Г. Гийом, практической нужды в этом разделении не было, а потому вопрос о необходимости появления артикля во французском языке остается открытым.

3. Артикль как результат «высвобождения лица» из корпуса имени. Мы связали появление артикля как препозитивной граммы лица, т.е. грамматического форманта, выражающего грамматическое лицо, с окончательным исчезновением во французском языке слова-предложения и необходимым для этого «высвобождением лица» из корпуса имени. Согласно теории глоттогенеза, разработанной Г. Гийомом, при сохранении слова-предложения сохраняется определенная интерференция языка и речи: как слово, слово-предложение является единицей языка, но как предложение, слово-предложение является единицей речи. Соответственно, для окончательной категоризации слова как единицы языка и предложения (фразы) как единицы речи, и, следовательно, для окончательного разделения языка и речи, необходимо, чтобы существительное, точно так же, как и глагол, перестало быть словом-предложением и стало только словом. Поэтому грамматическое лицо покидает внутреннюю структуру существительного и находит свое эксплицитное выражение в артикле как граммеме лица, вынесенной в препозицию за пределы именной формы. Семантическое лицо остается во внутренней структуре существительного и служит

внутренней опорой инцидентности при его формировании как языковой единицы.

Библиографический список

1. Генидзе Н. К. Аналитизм в синхронии и диахронии: на материале германских языков. Санкт-Петербург, 2009. 19 с.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / пер. с фр. П. А. Скредина; общ. ред., послесловие и комментарии Л. М. Скредина. Москва : Прогресс. Культура, 1992. 218 с.
3. Сергиевский М. В. История французского языка. Москва : Уч.-пед. изд-во, 1938. 288 с.
4. Скредина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. Москва : Высшая школа, 2009. 367 с.
5. Скредина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 386 с.
6. Становая Л. А. От слова-предложения к слову, или: о развитии аналитизма французского языка // Человек и его Язык: Материалы юбилейной XVI Международной конференции научной Школы-Семинара имени Л. М. Скредина. Санкт-Петербург, 25-27 сентября 2013 г. Санкт-Петербург : ИТД «Скифия», 2013. С. 76–81.
7. Становая Л. А. Особенности аналитического и синтетического развития французского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 198. С. 26–35.
8. Становая Л. А. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7. № 4. С. 112–134.
9. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. I. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1966 (2e tirage 1973). 597 p.
10. Buridant Cl. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris : SEDES, 2000. 800 p.
11. Colombo Timelli M. Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe-XVe siècles). Firenze : la Nuova Italia Editrice, 1996. 244 p.
12. Dubois J. Jacobi Sylvii Ambiani In linguam gallicam isagōge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus. Paris : R. Estienne, 1531. 10 s.n., 159 p.
13. GGHF – Grande Grammaire Historique du Français. Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). Vol. 1-2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 p.
14. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956-1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publ. sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec – Lille : Presses de l'Université Laval; Presses Universitaires de Lille, 1982. 310 p.
15. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1945-1946. Série C. Grammaire particulière du français et grammaire générale (I). Volume 6. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec

Lille : Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1985. 333 p.

16. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1944-1945. Série A et B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (III) et Sémantèmes, morphèmes et systèmes. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Volume 11. Québec-Lille: Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1991. 297 p.

17. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1942-1943. Série B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (I). Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et R. Lowe. Volume 16. Québec-Paris : Presses universitaires de l'Université Laval; Klincksieck, 1999. 424 p.

18. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941-1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues. Volume 17. Publ. sous la dir. de R. Lowe. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2005. 495 p.

19. Lusignan S. Parler vulgairement. Les intellectuels et la langue française aux XIIIe et XIVe siècles. 2-ème éd. Paris – Montréal : Librairie philosophique J. Vrin; Les Presses de l'Université de Montréal, 1987. 204 p.

20. Lowe R. Introduction à la psychomécanique du langage. I. Psychosystématique du nom. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2007. 570 p.

21. Raynouard Fr.-J.-M. Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue. Paris : Firmin Didot, 1816. 105 p.

22. Stanovaia L. A. L'évolution analytique de la langue française dans le cadre de la théorie de la glossogénie de Gustave Guillaume // Studii de știință și cultură. Volumul XIV, Nr. 4, decembrie 2018. P. 43-52.

23. Stengel E. Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache. // Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur. 1879 (1). P. 1-40.

24. WALS – The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/37>, 38, 49, Accessed on 2024-04-20.)

Reference list

1. Genidze N. K. Analitizm v sinhronii i diahronii: na materiale germanskih jazykov = Analyticism in synchrony and diachrony: using data from Germanic languages. Sankt-Peterburg, 2009. 19 s.

2. Gijom G. Principy teoreticheskoj lingvistiki = Principles of theoretical linguistics / per. s fr. P. A. Skrelina; obshh. red., posleslovie i komentarii L. M. Skrelinoj. Moskva : Progress. Kul'tura, 1992. 218 s.

3. Sergievskij M. V. Istorija francuzskogo jazyka = The history of the French language. Moskva : Uch.-ped. izd-vo, 1938. 288 s.

4. Skrelina L. M. Shkola Gijoma: psihosistematika = Guillaume's school: psychosystematics. Moskva : Vysshaja shkola, 2009. 367 s.

5. Skrelina L. M., Stanovaja L. A. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka = Theoretical grammar of the French language. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2012. 386 s.

6. Stanovaja L. A. Ot slova-predlozhenija k slovu, ili: o razvitii analitizma francuzskogo jazyka = From word-sentence to word, or: on the development of French analyticism // Chelovek i ego Jazyk: Materialy jubilejnoj XVI Mezhdunarodnoj konferencii nauchnoj Shkoly-Seminara imeni L. M. Skrelinoj. Sankt-Peterburg, 25-27 sentjabrja 2013 g. Sankt-Peterburg : ITD «Skifija», 2013. S. 76-81.

7. Stanovaja L. A. Osobennosti analiticheskogo i sinteticheskogo razvitija francuzskogo jazyka = Specifics of analytical and synthetic development of the French language // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2020. № 198. S. 26-35.

8. Stanovaja L. A. Starofrancuzskoe imennoe sklonenie – real'nost' ili iljuzija? = Old French nominative declension - reality or illusion? // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. 2021. Vyp. 7. № 4. S. 112-134.

9. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1966 (2e tirage 1973). 597 p.

10. Buridant Cl. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris : SEDES, 2000. 800 p.

11. Colombo Timelli M. Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe-XVe siècles). Firenze : la Nuova Italia Editrice, 1996. 244 p.

12. Dubois J. Jacobi Sylvii Ambiani In linguam gallicam isagōge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus. Paris : R. Estienne, 1531. 10 s.n., 159 p.

13. GGHF – Grande Grammaire Historique du Français. Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). Vol. 1-2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 r.

14. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956-1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publ. sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec – Lille : Presses de l'Université Laval; Presses Universitaires de Lille, 1982. 310 p.

15. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1945-1946. Série C. Grammaire particulière du français et grammaire générale (I). Volume 6. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec-Lille : Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1985. 333 p.

16. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1944-1945. Série A et B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (III) et Sémantèmes, morphèmes et systèmes. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Volume 11. Québec-Lille: Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1991. 297 p.

17. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1942-1943. Série B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (I). Publ. sous la

dir. de R. Valin, W. Hirtle et R. Lowe. Volume 16. Québec-Paris : Presses universitaires de l'Université Laval; Klincksieck, 1999. 424 p.

18. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941–1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues. Volume 17. Publ. sous la dir. de R. Lowe. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2005. 495 p.

19. Lusignan S. Parler vulgairement. Les intellectuels et la langue française aux XIIIe et XIVe siècles. 2-ème éd. Paris – Montréal : Librairie philosophique J. Vrin; Les Presses de l'Université de Montréal, 1987. 204 p.

20. Lowe R. Introduction à la psychomécanique du langage. I. Psychosystématique du nom. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2007. 570 p.

21. Raynouard Fr.-J.-M. Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue. Paris : Firmin Didot, 1816. 105 r.

22. Stanovaia L. A. L'évolution analytique de la langue française dans le cadre de la théorie de la glosogénie de Gustave Guillaume // Studii de știință și cultură. Volumul XIV, Nr. 4, decembrie 2018. R. 43–52.

23. Stengel E. Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache. // Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur. 1879 (1). P. 1–40.

24. WALS – The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/37, 38, 49>, Accessed on 2024-04-20.)

Статья поступила в редакцию 19.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 19.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 81-22; 81-25
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-202
EDN: SYOYVT

Неологизмы школьного сленга в территориальном варианте французского языка республики Кот-д'Ивуар

Елена Игоревна Бойчук

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
elena-boychouk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>

Аннотация. В статье представлен анализ использования неологизмов аргю нуши в территориальном варианте французского языка республики Кот-д'Ивуар на материале диалогов учащихся колледжей и лицеев. Для обозначения лексического пласта, который характеризует язык данной возрастной категории, как правило используются термины молодежный или подростковый сленг; однако в более узком понимании специфики языка учащихся с нашей точки целесообразно рассматривать понятие школьного сленга. В материале, на котором основано исследование, присутствуют тексты диалогов и полилогов, произносимых во время уроков с участием учителя. Данный пласт лексики представляет особый интерес, поскольку те трудности в освоении стандартного французского языка, с которыми сталкиваются школьники, приводят к более активному использованию аргю нуши как сочетанию французского, местных языков диула и бауле, а также заимствований из английского и испанского языков. Особая школьная терминология – это чаще всего неологизмы, в основе которых наблюдается слияние перечисленных языков; кроме того, это особые формы для обозначения учебных дисциплин, именовании учителей, преподающих ту или иную дисциплину; это лексика, связанная с прогулами занятий, отметками, поведением и т. д. Целью данного исследования является определение специфических черт образования неологизмов школьного сленга, который основан на языке (аргю) нуши, плотно вошедшем не только в молодежную культуру, но и в политику, рекламу, СМИ. Основным методом исследования является лексико-семантический анализ неологизмов аргю нуши, связанных с обучением в школе и лицее. Основными результатами исследования стали наблюдения о нарушениях структуры стандартного французского языка, о количественном соотношении лексем аргю нуши и заимствованной лексики в диалогах между учащимися или между преподавателем и учениками.

Ключевые слова: сленг; аргю нуши; Абиджан; школьники; учащиеся колледжей и лицеев; молодежный сленг; Кот-д'Ивуар; неологизм

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2024 год от Минпросвещения РФ по теме «Исследование моделей и практик подготовки педагогических кадров в странах Западной Африки (Кот-д'Ивуар, Гана)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000)

Для цитирования: Бойчук Е. И. Неологизмы школьного сленга в территориальном варианте французского языка республики Кот-д'Ивуар // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 202–211. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-202>. <https://elibrary.ru/SYOYVT>

Original article

School slang neologisms in the territorial variant of the french language in the Republic of Côte d'Ivoire

Elena I. Boichuk

Doctor of philological sciences, associate professor at the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.
elena-boychouk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>

Abstract. The article analyzes the use of argot nouchi neologisms in the French territorial variant of the Côte d'Ivoire Republic on the basis of college and lyceum students' dialogues. To denote the lexical layer that characterizes the language of this age group, the terms youth or teenage slang are usually used, but from the author's point of view,

though, it is more appropriate to consider the concept of school slang. The material the study is based on includes texts of dialogues and polylogues spoken during lessons involving the teacher. This layer of vocabulary is of particular interest, since the difficulties in mastering standard French that schoolchildren face lead to more active use of argot nouchi as a combination of french, the local languages of Dioula and Baulé, as well as borrowings from english and spanish. Special school terminology is mostly neologisms, which are based on the fusion of the above-mentioned languages. In addition, there are special forms for naming academic disciplines, teachers of particular disciplines, vocabulary related to truancy, marks, behavior, etc. The purpose of the study is to identify the specific features of forming neologisms in school slang which is based on the language (argot) nushi, integrated not only into youth culture, but also into politics, advertising, and the media. The main research method is the lexical-semantic analysis of argot nouchi neologisms associated with studying at school and lyceum. The main results of the study were observations about the structure of sentences, more precisely about violations of the structure in contrast to the standard French language, about the quantitative ratio of argot nouchi lexemes and borrowed vocabulary in dialogues between students or between teachers and students.

Key words: slang; argot nouchi; Abidjan; schoolchildren; college and lyceum students; youth slang; Côte d'Ivoire; neologism

The article was prepared within the framework of the State assignment to the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky for the 2024 pedagogical year from the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic «Research of models and practice of training in African countries (Cote D'Ivoire, Ghana)» (registry entry number 720000F.99.1.BN62AB84000)

For citation: Boichuk E. I. School slang neologisms in the territorial variant of the french language in the Republic of Côte d'Ivoire. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):202–211. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-202>. <https://elibrary.ru/SYOYVT>

Введение

Школьный сленг представляет собой определенный лексический пласт, характеризующийся постоянно изменяющимся уникальным словарным составом, ставшим популярным среди учащихся. В определенной степени школьный сленг можно назвать разновидностью молодежного сленга, однако он имеет ряд особенностей, связанных со спецификой формирования языковой картины мира подростка, учащегося в школе, колледже или лицее.

В большинстве случаев исследования речи подростков и молодежи сводятся к описанию молодежного жаргона, в то время как другим аспектам речи представителей данного возраста уделяется недостаточное внимание. С точки зрения Н. В. Аниськиной, это отчасти связано с тем, что многие лингвисты считают речь школьников объектом изучения методистов-практиков, в связи с чем особенности формирования языковой личности в школьные годы, уровень развития языковой способности и языковой компетенции школьников остаются практически не изученными [Аниськина, 2001]. А ведь именно в школьном сленге находит отражение языковая картина мира школьника, при этом сленг выполняет номинативную, коммуникативную, мировоззренческую, эмоционально-экспрессивную и эвфемистическую функции [Аниськина, 2001].

Школьный сленг отличается высокой степенью словотворчества и метафоричности, а также

доминированием репрезентативной функции в первую очередь, а затем уже коммуникативной [Поливанов, 1931, с. 158–159]. Кроме того, школьное арго характеризует его людическая направленность. Игровой принцип реализуется в массивной, гипертрофированной англизированной «системной» сленга, которая служит как бы коллективной маской, приемом карнализации. Это такой же регулярный игровой прием, как те, на которых строятся французский *verlan* или английский *rhyming slang* [Bachman, Basier, 1984; Fauchard, 1981].

Сленг учащихся колледжей и лицеев республики Кот-д'Ивуар имеет те же особенности, которые были представлены выше. Специфика заключается в том, что языковая картина мира ивуарийских подростков формируется на основе тесного взаимодействия различных слоев населения внутри учебных заведений, объединения представителей разных сообществ, разных народов республики, говорящих каждый на своем языке, но имеющих один общий официальный язык – французский. Безусловно, выходом из этой ситуации является арго нуши.

Сленговое значение нуши делает его языковым кодом, средством социальной идентификации. В настоящее время нуши, на котором говорит не только мало образованная часть населения, плохо владеющая французским языком, или молодежь, составляющая более 70 % населения Кот-д'Ивуара, пользуется большой привилегией как на национальном, так и на международном

уровне. Нуши используется в процессе коммуникации в политике и в средствах массовой информации для повышения степени восприятия передаваемой информации.

Можно сказать, что нуши больше не является сленгом, скорее он представляет собой инструмент признания языковой независимости ивуарийцев, а возникновение нуши является следствием естественной адаптации классического французского языка, ведущей к рождению местной языковой разновидности, что тесно связано с демократизацией образования и ростом интенсивности урбанизации. Это приводит к ускоренному распространению французского языка при одновременном снижении среднего уровня владения им.

Изначально язык нуши считался языком мелких бандитов, но постепенно он распространился на большинство социальных слоев и впоследствии стал языком популярной ивуарийской комедии и даже языка ивуарийской музыки. Важным вектором распространения нуши стало его соединение с музыкой зуглу, культурным и музыкальным феноменом, появившимся в конце 1980-х годов. Нуши начали популяризоваться в конце 1980-х – начале 1990-х годов благодаря рэп-группам, таким как группа RAS, Les Young system и т. д.

Обзор исследований, направленных на изучение средств создания неологизмов в аргю нуши

В последние годы количество работ по изучению нуши увеличилось, что в основном объясняется все возрастающей степенью распространения сленга не только на территории Республики Кот-д'Ивуар, но и за ее пределами.

Большую часть исследований провели европейские и африканские лингвисты, в том числе Г.А. Кади [Kadi, 2017 г.], Нью-Джерси Куаку [Kouacou, 2015, 2016, 2020]. К. Дж. М. Куаме [Kouamé, 2012], С. Лафаж [Lafage, 2002–2003], Ж. Н. Куадио [Kouadio, 1990, 2015 г.], А. Н. Куасси [Kouassi, 2005], М. Вау [Vahou, 2019], Ж. Топпе [Toppé, 2017] и другие.

В ранее опубликованной статье нами был представлен довольно подробный обзор работ перечисленных авторов [Бойчук, Косогорова, 2023].

В данном обзоре мы представим работы, направленные на изучение вопросов неологии в языке нуши, а также раскроем особенности упо-

требления неологизмов в ивуарийском школьном сленге.

В языке нуши существуют различные процессы словообразования, которые позволяют ему адаптироваться к повседневным реалиям ивуарийцев. Средства и методы создания неологизмов весьма разнообразны и существуют как на уровне формы, так и на уровне содержания. Например, исследования Н'горана Жака Куаку и Алиды Мунсеу Хумеги сосредоточены на таких средствах, как полисемия и деривация [Kouacou N'Goran, 2015; Kouacou N'Goran, 2019; Kouacou N'Goran, 2023].

В своем исследовании Дональд Джиле отмечает, что нуши характеризуется большим разнообразием форм образования неологизмов [Djilé, 2020]. Он говорит о тенденции, придаваемой новой форме нуши, лексический субстрат которой является чисто словообразовательным: «*pouchi brodé*», и которая благодаря своему загадочному характеру имеет определенную известность и элитарный статус [Djilé, 2020].

В своей статье «Морфологические процессы неологии в корпусе песен зуглу на французском языке» Томас Чиггфри сосредоточил внимание на морфологических процессах образования новых слов на материале песен зуглу. Тексты этого музыкального стиля свидетельствуют о социальных реалиях, с которыми сталкивается ивуарийская молодежь, и иногда несут политические или даже протестные послания в юмористической форме. Они выступают за идеал справедливости и мира, дают жизненные советы, защищают важность любви, дружбы и братства.

Автор подчеркивает многообразие средств создания неологизмов, среди которых мы видим усечение (*fanatique-fan, Youpougon – Yop*), часто сопровождающееся суффиксацией (*matériel – matos, Nathalie – Natou*), префиксацией (*caler – décaler, penser – dépenser*), аббревиатуры (*M.S.T. – Maladies Sexuellement Transmissibles est transformé en Moyenne Sexuellement Transmissible*), аббревиатура, которая перенесена в школьный контекст и означает практику сексуальных отношений с учителем для получения хорошей оценки) [Tschiggfrey, 1995].

Катя Плоог в своем исследовании обнаруживает развитие синонимии как средства образования неологизмов (*djague, go, gnan, produit, stéki, daye* для «*filles / copines*»). Автор перечисляет такие лексические средства образования неологизмов, как аффиксация, композиция, редуплика-

ция, апокопа, афереза. К этому добавляется ре-семантизация французских терминов посредством метафоры или метонимии, путем расширения, сужения или смещения значения [Ploog, 2009]. Например: mouiller : а) coucher avec une fille : *Le prof a mouillé la go (Le professeur a couché avec la fille)*, б) avoir peur : *Tu mouilles de lui (Tu as peur de lui)*, в) dénoncer, trahir : *Ton gars m'a mouillé (Ton ami m'a trahi)* [Ploog, 2009, p. 187].

Жильбер Топпе в своей статье «Нуши в средствах массовой информации Кот-д'Ивуара» отмечает, что данный язык постоянно развивается посредством слов, созданных внутри него самого, и приводит примеры *gaou (plouc)* – (деревенщина) et *agbólô (costaud)* – (сильный), которые являются относительно недавними неологизмами [Торре, 2017]. Автор приводит диалог между водителем маршрутки по кличке «Гбака», его учеником и полицейским, с помощью которого показывает, что нуши – это форма речи, для которой характерны короткие высказывания с включением лексики, заимствованной из английского, французского и ивуарийского языков и также языков западноафриканского субрегиона [Vahou, 2019].

Ивуарийский лингвист НГоран Жак Куаку ставит множество вопросов о морфологии антропонимов и топонимов в нуши, в том числе вопрос о том, существуют ли неологические процессы, которые управляют их функционированием или формированием? [Kouacou N'Goran, 2015; Kouacou N'Goran, 2019]. Автор находит ответ и приводит следующие средства создания неологизмов:

- сопоставление терминов с перестройкой их фонетико-морфологической структуры (Abou nèguè – составлено из малинкейских терминов Abou, имя собственное, и nèguè - железо);
- производные суффиксами -i, -eur и -o (*Franki* от имени собственного «*Franck*», *Lucki* от *Luc*, *Achille* – *Achilo*, *Camille* – *Camso*);
- элиминация последних звуков или слогов в нуши (*Barth*, сокращение имени *Barthélémy*, *Coul*, сокращение от *Coulibaly*);
- афереза (*Bino* – сокращение от *Bambino*);
- редупликация (*Atchilolo* [acilolo] получено от *Achile*, *Jojo*, имя собственное, удвоенное от *Joel*);
- воссоздание имен собственных (*Tonio* от *Antoine*, *Jacquilolo* ou *Djaquilolo* от *Jacques*) [Kouacou N'Goran, 2015; Kouacou N'Goran, 2019].

В своих трудах Мвата Мусанджи Нгалассо [Liagro, 2020, p. 225] утверждает, что нуши очень открыт для заимствований, с большой легкостью интегрирующих элементы различного происхождения. Обратим внимание на следующий стих: *Tu l'as sri et tu l'as dja*; *sri*, слово нуши, заимствовано из языка dioula или malinké (торговый язык Кот-д'Ивуара). Этот предмет имеет значение глагола «догнать или поймать». В отличие от *sri*, лексема *dja* представляет собой неологизм, придуманный пользователями этого языка. Оно означает «убить» (*tuer* или *assassiner*). Таким образом, выражения *sri* и *dja* в контексте означают «поймать и убить».

Слово нуши *djonanko*, также заимствованное от malinké (dioula), является составным словом, включающим: *djonan*, что означает «быстро», и *ko*, что означает «дело». По словам автора исследования, Мартина Ригеля, элементы, объединенные в сложное слово, образуют новое смысловое единство, значение которого выходит за рамки значения простого слова. Таким образом, данная лексема обозначает действие, «выполняемое быстро». В следующем примере: *C' pa la peine koi ! / Tro malo toi! / Poukoi t'es com sa mèm ?* лексема *malo*, заимствована из французского языка и получена путем усечения. Таким образом, *malo* — это сокращение прилагательного *malhonnête*. Лексема нуши сохраняет здесь то же значение, что и основа слова. В контексте автор примера осуждает *malhonnêteté excessive*.

Синтаксический параллелизм, по мнению Антуана Липу [Lipou, 2001, с. 127], проявляется в заимствовании структур африканских языков во французский язык в процессе перевода. Например, *Qui sème du maïs récolte du maïs* [Lipou, 2001, p.28]. *Tes sœurs et toi avez su et pu / (...)/ Manger nos vies / Accoucher la Mort / Accoucher de la mort* [Lipou, 2001, p.28].

Синтаксис первого предложения напоминает фразу *Qui sème le vent récolte la tempête*. Эта французская максима может означать: «Когда мы создаем беспорядок, это может привести к еще большему беспорядку». С этого момента, в понимании автора, «беспорядок — лишь следствие беспорядка». Другими словами, «вы пожинаете то, что посеяли». Что касается примеров *manger nos vies, accoucher la mort u accoucher de la mort*, то все они имеют одно и то же значение *tuer*.

Язык нуши, имея в основе французский язык, все-таки имеет большой процент включений из

ивуарийских языков (dioula, baoulé, bété, attié, dida и т. д.). Слово *awoulaba* – это термин, взятый из языка baoulé, обозначающее грудастую африканскую женщину. Пример взят из популярной песни: *bôthô, awoulaba... ki nèt pa sa?* (Пара ягодич, красивая девушка... Кому это не нравится?). Другой пример: *Une gnanhi ki è enjaillée dè krèkrèros* означает взрослая женщина или пума по-французски, которая любит гулять с молодыми людьми. Нуши в первую очередь является языком молодежи, что отражает самовосприятие молодых людей, как «модных, крутых». Например, учащийся, работающий за пределами Кот-д’Ивуара в течение учебного года, будет стараться узнавать о последних модных выражениях, чтобы его не называли *gaou* (деревенщина).

Нуши развивается, адаптируется и заимствует новые слова. Самое известное заимствование происходит из английского *enjoyment*, которое в нуши приобрело форму *enjaillage* с тем же значением. Слово *enjaillage* внесено в обновленные французские словари [Jeune Afrique, 2024].

До 2016 года на нуши говорили в так называемой его форме *palestine*, которая характеризуется таким построением предложений со словами или именами, которое делает предложение непонятным для окружающих. Чтобы понять смысл сказанного, нужно выявить начальные слоги слов и раскрыть их смысл. Например: *tu me vois* будет произнесено как *tu me voiture; je te parle d’Audrey ou de Serge* – как *ye te palestine d’Audrey ou ye te palestine de Serge; je suis avec toi – je suicide avec toiture*. Из примера видно, что в ивуарийском французском форма личного местоимения *je* произносится как *ye*.

В исследовании, проведенном И. В. Скуратовым, А. С. Кондратьевой, подчеркивается специфика переосмысления новообразований в ивуарийском варианте французского языка. Авторы отмечают высокую степень переосмысления частей речи (имен существительных и глаголов), характерную эвфемизацию и расширение значения для имен существительных и выделяют определенные наиболее частотные типы переосмысления [Скуратов, Кондратьева, 2021, с. 262].

Исследование деривационных механизмов и определение наиболее активных полей французского арго показало, что самыми популярными деривационными механизмами во французском языке являются метафоризация, заимствование,

идиоматизация, суффиксация, кодирование «верлен», усечение, метонимизация, а наиболее популярными полями арго французской молодежи стали «Пьянство / наркомания», «Криминал», «Глупость / безумие», «Человек», «Красота / безобразии», «Учебный процесс» [Ухова, 2012].

Анализ школьного сленга ивуарийских учащихся колледжей и лицеев

Рассмотрим несколько фрагментов диалогов учащихся колледжей и лицеев и определим включенность в речь школьников лексем из арго нуши, заимствований из других языков, отследим синтаксическое построение предложений, а также отметим те грамматические нарушения, которые сопровождают речь учащихся.

Отрывок 1. Диалог двух учеников.

A – *Est-ce que tu sais qu’on a fait un bingoulade dense (une sortie merveilleuse)?*

B : *Anh!*

A : *Ra! ((déformation de regarde) : regarde!) on a brêqué les gos (draguer une fille), elles ont accepté. Donc samedi-là non, on devait bingouler (sortir) en boîte. Quand les pei gos (déformation de petit) (jeunes filles) sont arrivées, le mogo (homme, individu, ami) a commencé à mouiller (avoir peur).*

B : *Qui ça, ton voise (voisin(e))?*

A : *Oueh, donc j’ai mis dans son comprendo (lui faire comprendre). J’ai dit à la djague (une jeune fille) que c’est mon mogo (homme, individu, ami) là qui est fan d’elle. Mais... la gnan (jeune fille) est mal jolie (très jolie)! Son dindinli fait peur (son regard est captivant, séduisant). Elle a un gros boda (fesses). Avant d’entrer en boîte, on a pris un tékéche (déformation de taxi) et on est parti se gâter un peu (boire de l’alcool). J’ai dit à mon gars de bloh (faire le malin, se vanter). On s’est envoyé (utiliser (ici = boire) dans les Guinness, on a fallé (fumer), même les gos (jeunes filles). Maintenant, on bourrait les gos (jeunes filles). Mon mogo a dit il doit monter à Bingue (aller en Europe, France) l’année prochaine. Moi, j’ai placé (mentir à quelqu’un) aussi ma go (jeune fille) que j’ai passé mes vacances au Froid (Europe, France). Il a dit qu’il est le neveu de l’ancien ministre X. Moi j’ai dit que si je gamme (réussir) mon examen, on va me filer (donner, offrir) une coché (voiture), ou bien? Quand mon mogo (homme, individu, ami) a dédja le pierre (faire sortir l’argent) pour payer, elles ont pris dose (être séduit(e), attiré(e)), elles ont encaissé (être marqué(e), être fasciné(e)).*

B : *Où il y a eu ça?*

A : C'est un **gba** (affaire). Elles étaient un peu **mélangées** (être éméché (e)), on a **béhou** (partir) en boîte maintenant. On a **lové** en boîte hein, tu peux rien. Les **gos** (jeunes filles), elles sont trop **enchoquetées** (être dynamique, vif), elles sont trop **yêrê** (ouvrir les yeux, tirer profit de quelqu'un, le tromper). (Ahua Mouchi Blaise : L'argott des lycéens d'Abidjan, Mémoire de Maîtrise, Université de Cocody-Abidjan. 1995–1996).

В данном диалоге между двумя учениками насчитывается 30 слов и выражений нуши (dense, pei (< petit), mouiller, voise (< voisin), fan, mal jolie, tékéche (< taxi), se gâter, gars, s'est envoyé, monter, placé, Froid, gammer, filer, pierre, ra (< regarde), dose, encaissé, mélangées); 6 слов из языка диоула (go, mogo, dindinli, boda, dédja, yêrê), 3 заимствования из английского языка (brêqué (< to break), lové (< to love), 2 из испанского (comprendo, coché), одно слово из языка баулэ (bloh) ; 6 слов неизвестного на данный момент происхождения (bingoulade/bingouler, djague, fallé, Bingue, gba, béhou) [Kouadio, 2006, p. 184].

Отрывок 2:

E 1 : Taper sur gueule là, taper sur gueule là, il faut taper sur gueule là.

E 2 : Elle dit que?

E 3 : Elle dit **met dans kroiba** (un pot pour bébé (généralement pour leurs toilettes).

E 2 : On dit tu mets **bangui dans seridaga** (vin de palme dans une bouilloire pour ablution).

E 1 : Moi, je suis pas habituée au **Bangui** (vin de palme) oh. Donc, tu es Baoulé 100 % non donc tu es un grand **gnoleur** (buveur).

В данном отрывке помимо употреблений неологизмов в сленге нуши, мы отмечаем некоторые «несовершенства» французского языка, в частности специфическую конструкцию вопросительного предложения *Elle dit que?*, а точнее формы вопросительного местоимения. Также отсутствие артикля (*Taper sur gueule*) и первой части отрицания, как и в разговорном французском языке (*je suis pas habituée*).

Отрывок 3:

E 1 : Il est bien habillé.

E 2 : Mais c'est sac là.

E 3 : Mais faut voir sac là.

E 4 : Mais c'est sac-là qui fait qu'il est bien habillé.

E 1 : On lui a donné l'argent de sac là, il a bouffé.

E 2 : Il a bouffé.

E 4 : L'argent de sac là, il a bouffé.

E 2 : Il dit c'est ça qui fait qu'il est bien habillé.

E 2 : Tu me regardes.

E 5 : Je n'aime pas ça.

E 2 : Ce qu'on n'aime pas on donne ça à chien.

E 5 : Faut pas faire je vais te parler mal.

E 2 : Faut parler tu vas voir, j'ai **dadi** (frapper) bouche là tu vas voir... Faut parler.

E 6 : Toi là, on dirait qu'il va te **boter** (battre).

E 2 : Pourquoi, elle n'a qu'à envoyer son **calmeur**, son **calmeur** (celui qui a forte influence sur quelqu'un ou quelque chose) n'a qu'à venir.

E 3 : Ils ont **bloqué** tes chaussures (confisquer), c'est resté chez éducateur, tu n'as pas dit tu es prêt. Nous là nos chaussures restent on s'en va prendre.

E 6 : **Omo** (homonyme) je cherche je vois pas où ça y est?

E 3 : Tu as joué bidé.

E 2 : On a pas cours le soir on a qu'à rester un peu.

E 7 : Donc, nous on a mangé à 8 heures quoi.

E 1 : Eh, mon Dieu !

E 7 : Tu dis quoi, Dieu a fait quoi ? Il dit quoi même ? Toi Noëlle, il faut me provoquer. Depuis tu es en train de parler je n'ai pas parlé.

E 3 : On rentre pas, il y a pas classe.

E 1 : Elle **gbaye** (rater) jamais cours celle-là.

E 2 : C'est normal toi t'a quel professeur de français qui gbaye cours ?

E 8 : Français gbaye pas cours comme ça deh (Le professeur de français ne rate jamais un cours!)

E 2 : Elle parle de quoi même. C'est ECM (Education civique et morale) qui gbaye.

E 8 : Tu sais avec qui tu parles ?

E 2 : Si je parlais avec Kabato, j'ai des gardes de corps partout, si tu fais, ils vont t'enceinter.

E 1 : Je la dois 100f et puis elle me doit 200f

E 8 : Toi, tu es un **noussi** (nouchi).

E 1 : Toi Zeba là, je vais t'enterrer vivant

E 3 : Il faut dire vivante.

E 7 : Allons

E 6 : Où?

E 7 : A la maison

E 6 : On habite dans même cours là ou bien?

E 7 : Toi, tu es fou.

E 6 : Si tu es fâchée vient **tomber sur moi** (me ruer de coups ou d'insultes).

(Разговор группы школьников, сидящих во дворе школы в отсутствии учителя, болтая обо всем подряд. Запись разговора. 29 апреля 2015, в Лицее Lycée Moderne Yorougon Andokoi).

Данный полилог также характеризуют ошибки в синтаксическом построении предложений, в

частности частое употребление междометия *là* в конце предложений (*Mais c'est sac là*), отсутствие подлежащего выраженного личным местоимением (*Mais faut voir sac là*), а также отсутствие в данных примерах артиклей перед существительным, отсутствие прямого дополнения *le* (*Faut pas faire*), отсутствие предлога *de* после отрицания (*il y a pas classe*), неправильная форма местоимения (прямое вместо косвенного) (*Je la dois 100f*), замещение сочетания *Le professeur de français* формой *Français*.

Преподаватели также являются участниками образования неологизмов в рамках аргю нуши. Обороты и высказывания, которые они употребляют свидетельствуют об активном присутствии аргю в школе.

Отрывок 4: Диалог преподавателя и ученика P et E :

P : *Prenez ce qui est au tableau.*

E : *Ah monsieur, ils ont sonné kè (utiliser pour insister sur quelque chose)!*

P : *Copiez d'abord avant d'aller paumer (prendre de gros coups (en mangeant), manger avec appétit) le garba (attiéké).*

Отрывок 5:

P : *Quand est-ce qu'on parle de synonymie dans une phrase?*

E : *On appelle synonyme les mots qui sont même choses.*

P : *C'est quoi ça ? Si tu n'as rien à dire tu te tais.*

Отрывок 6:

E : *Monsieur, le devoir de la dernière fois-là était trop caillou (dur) même, c'est pourquoi beaucoup ont flashé (échouer). Pardonnez annulez sinon ça va casser trop notre moyenne.*

P : *Quand on vous dit de bosser vous pensez que c'est amusement. Pendant que vos amis faisaient décapé (se concentrer) vous étiez en train de showfer (faire la fête) maintenant vous pleurez [Kouamé, 2013, p. 176-177].*

Проведенный анализ показывает, что учащиеся испытывают определенные трудности с выражением мыслей на стандартном французском языке. Это заставляет их искать способы выражения своих мыслей в другом формате, в частности в языке нуши, в упрощенных синтаксических формах. Существующее изначально как средство общения людей из неблагополучной среды (хулиганов, бандитов, преступников определенных кварталов Абиджана и других крупных городов

Кот-д'Ивуара) аргю нуши стал средством коммуникации школьников и студентов.

Заключение

Нуши, безусловно, основан на французском языке, но включает в себя заимствования из английского, испанского языков, а также всех местных языков, на которых разговаривает население Кот-д'Ивуара. Необходимо отметить доминирующую позицию языков *dioula* и *baoulé*, как наиболее представленных этнических сообществ.

Наиболее распространенными средствами образования неологизмов в аргю нуши, в том числе аргю школьников, студентов, преподавателей, являются заимствования (*soutra* (из *dioula aider*), *blo* (из *baoulé exagérer, se vanter*), *c'est blo* (*c'est exagéré*), *enjailler* (из английского *enjoy - s'amuser*), ресемантизация (переосмысление) некоторых французских слов, которые становятся полисемичными (*Elle l'a drap en classe* (*Elle l'a insulté devant la classe*); *Je suis en drap de ça* (*je suis au courant de ça*); *Ya pas drap* (*Pas de problème*), собственно неологизация внутри аргю нуши (*gnoleur* (*buveur d'alcool*) *la kraya* (*la faim*), *être tchass* (*être fauché*), *tchapa* (*parler, raconter*), *gbaher* (*sécher les cours*).

На грамматическом уровне особенности касаются морфологии глагола, отрицания, а также употребления артикля с именами существительными. Что касается последнего случая, то здесь сохраняется специфика французского языка: существительные в большинстве случаев сопровождаются артиклем в заимствованных словах: *un bloblo* (*un mensonge pour plaire*, из языка *baoulé blo – exagérer, se vanter*), *le woro-woro* (*Le taxi à prix et trajet fixes*, из языка *dioula woro-woro – 30 francs-30 francs*), *j'ai un djéz pour toi* (*j'ai une bonne affaire pour toi*), хотя, как показал анализ корпуса диалогов школьников, артикль довольно часто опускается.

Заимствованные глаголы редко принимают грамматическую форму в соответствии с французской глагольной системой и часто остаются без изменения: *C'est les po qui vont venir te gnou* (*Ce sont les policiers qui vont venir te prendre*); *C'est pour toi qui va gban* (*C'est toi qui va avoir des ennuis*).

Отрицательные частицы имеют ту же позицию, что и во французском языке, однако часто первая часть отрицания опускается и идет расхождение с семантикой отрицательных частиц и

местоимений в языке оригинале: например, слово *fohi / fohi (rien)*, заимствованное из языка dioula, заменяет *rien* в арго нуши. При этом в dioula оно употребляется с отрицательной глагольной морфемой и не несет отрицательного смысла:

Dioula : *fohi tè (Il n'y a rien)*

Nouchi : *Il y a fohi (Il n'y a rien) Il y a fohi, prends les deux môgôs-là (Il n'y a aucun problème, prends les deux passagers)* [Chonou, 2021].

Как мы видим, для языка нуши не существует каких-то определенных четких грамматических правил. Это язык-игра, предназначенная для развлечения, кодировки, для того, чтобы подчеркнуть свою идентичность, свой идиолект. Использование многочисленных заимствований из местных ивуарийских языков, из других европейских языков, а также неологизмы самого нуши демонстрирует гармонию, существующую между различными народностями республики, культуру, открытую для других культур. Именно благодаря этому различные сообщества Кот-д'Ивуара могут легко общаться друг с другом.

Библиографический список

1. Аниськина Н. В. Семантика слов школьного сленга // Семантика языковых единиц разных уровней: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Н. Р. Рогоза. Иваново, 2001. С. 140–147.
2. Бойчук Е. И., Косогорова Х. Г. Фонетические и лексико-грамматические особенности слов нуши французского происхождения под влиянием языкового многообразия Кот-д'Ивуара // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35) С. 196–204.
3. Поливанов Е. Д. Стук по блату // За марксистское языкознание. Москва, 1931.
4. Скуратов И. В., Кондратьева А. С. Анализ пересмысленных лексических единиц в территориальном варианте французского языка Республики Кот-д'Ивуар // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 252–264. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_252
5. Ухова П. С. Механизмы формирования лексического состава сленга русской и французской студенческой молодежи: сопоставительный анализ // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 130–136.
6. Ahua Mouchi Blaise : L'argott des lycéens d'Abidjan, Mémoire de Maîtrise, Université de Cocody-Abidjan. 1995–1996.
7. Bachman C., Basier L. Le verlan: argott d'école ou langue des keums? // Mots., P., 1984. № 8.
8. Chonou H. Le nouchi : une identité ivoirienne Université Félix Houphouët-Boigny de Cocody, Abidjan (Côte d'Ivoire) URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/118855> (дата обращения: 12.06.2024).
9. Djilé D. Le nouchi brodé: aspects lexicaux et implications sociométriques // KOSSONOU, DODO et YOUANT (Coord.), Les parlers urbains africains au prisme du plurilinguisme : description sociolinguistique, tome 2, Actes du colloque Le nouchi, notre français? Parlers urbains africains : pratiques, marges et territoires linguistiques (francophonie, anglophonie), 2020. P. 225–238.
10. Fauchard J. Rhyming slang: la rime et la frime // Etudes anglaises. P., 1981. 34. N 3.
11. Féral C. de Nouchi abidjanais. Le nom des langues III. Le nom des langues en Afrique subsaharienne: pratiques, dénominations, catégorisations, 2009. P. 153–190.
12. Jeune Afrique, Côte d'Ivoire: savez-vous parler nouchi? jeuneafrique.com, 8 janvier 2015. URL: <https://www.jeuneafrique.com/158134/societe/parlez-vous-nouchi/> (дата обращения 22.05. 2024).
13. Kadi G.-A. Le champ littéraire africain depuis 1960 : Romans, écrivains et sociétés ivoiriens, Paris, Éditions L'Harmattan, coll. «Palinure», 2010. 264 p.
14. Kouacou N'Goran J. La néologie formelle et sémantique en nouchi : cas de la dérivation et la polysémie, Alida Munseu Houmega // Les parlers urbains africains au prisme du plurilinguisme : description sociolinguistique. 2019. P. 229–245.
15. Kouacou N'Goran J. Le nouchi en Côte d'Ivoire. Description d'une variété de français en pleine évolution, thèse de doctorat, Université Félix Houphouët-Boigny, Abidjan, 2015. 522 p.
16. Kouacou N'Goran J. Neologie formelle des anthroponymes et toponymes en nouchi : structures et typologie // revues de l'ACAREF. Université Félix Houphouët-Boigny. 2023. P. 243–225.
17. Kouadio N'Guessan J. Le nouchi abidjanais, naissance d'un argott ou mode linguistique passagère? Gouaini/Thiam (éds.), des Langues et des villes, 1990. P. 373–383.
18. Kouamé J. M. Les variétés du français : entre création et hybridation // La langue française dans le monde 2014. 2014. Nathan, Paris. 576 p.
19. Kouassi Ayewa N. Mots et contextes en FPI et en nouchi, Actes des 7ème Journées scientifiques AUF-LTT, 2005. P. 5.
20. Lafage S. L'argott des jeunes Ivoiriens, marque d'appropriation du français ? // Langue française. 1991. № 90. P. 95–105.
21. Liagro Rabé Ch. Koudjrouzèa yayayé : Pour un plaidoyer électoral, Abidjan, Les éditions d'Avenir, 2020. P. 5–16.
22. Lipou A. Normes et pratiques scripturales africaines. Diversité culturelle et linguistique : Quelles normes pour le français? AUF, 2001. P. 115–135.
23. Ngalasso M. M. Langages, littératures et écritures africaines, Recherches et travaux, 1984. n° 27. P. 12–40.

24. Ploog K. La socio-indexicalité dans les catégorisations langagières: la dynamique autour du La socio-indexicalité dans les catégorisations langagières : la dynamique autour du nouchi abidjanais. Carole de Féral. Le nom des langues III. Le nom des langues en Afrique subsaharienne: pratiques, dénominations, catégorisations. Naming Languages in Sub-Saharan Africa : Practices, Names, Categorisations, Peeters. 2009. P. 153–190.

25. Riegel, M. & al. Grammaire méthodique du français, 7e édition. Paris : PUF, 2018.

26. Toppé G. Le nouchi dans les médias en Côte d'Ivoire // Langues & Usages : n°1. 2017. Université Alassane Ouattara, Bouaké. P. 136–149.

27. Tschiggfrey Th. Procédés morphologiques de néologie dans un corpus de chansons zouglou en français // LINX. 1995. № 33. P. 71–78.

28. Vahou M. La Côte d'Ivoire et ses langues françaises: conflit entre le standard et le nouchi, Plurilinguisme/OEP, 1er janvier 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/346401566_La_Cote_d'Ivoire_et_ses_langues_francaises_conflit_entre_le_standard_et_le_nouchi (дата обращения: 22.05.2024).

Reference list

1. Anis'kina N. V. Semantika slov shkol'nogo slenga = Semantics of school slang words / Semantika jazykovykh edinic raznykh urovnej: Mezhevuz. sb.nauch.trudov / otv. red. N. R. Rogoza. Ivanovo, 2001. S. 140–147.

2. Bojchuk E. I., Kosogorova H. G. Foneticheskie i leksiko-grammaticheskie osobennosti slov nushi francuzskogo proishozhdenija pod vlijaniem jazykovogo mnogoobrazija Kot-d'Ivuara = Phonetic and lexical-grammatical features of Nouchi French words under the influence of linguistic diversity in Côte d'Ivoire // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2023. № 4 (35) S. 196–204.

3. Polivanov E. D. Stuk po blatu = A knock on the quiet // Za marksistskoe jazykoznanie. Moskva, 1931.

4. Skuratov I. V., Kondrat'eva A. S. Analiz pereosmyslennykh leksičeskikh edinic v territorial'nom variante francuzskogo jazyka Respubliki Kot-d'Ivuara = Analysis of reinterpreted lexical units in the territorial French variant of the Republic of Côte d'Ivoire // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. Vyp. 13 (855). S. 252–264. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_252

5. Uhova P. S. Mehanizmy formirovanija leksičeskogo sostava slenga russkoj i francuzskoj studenčeskoj molodezhi: sopostavitel'nyj analiz = Mechanisms of forming vocabulary of Russian and French student slang: a comparative analysis // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2012. № 3. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 130–136.

6. Ahua Mouchi Blaise : L'argott des lycéens d'Abidjan, Mémoire de Maîtrise, Université de Cocody-Abidjan. 1995–1996.

7. Bachman S., Basier L. Le verlan: argott d'école ou langue des keums? // Mots., P., 1984. № 8.

8. Chounou H. Le nouchi : une identité ivoirienne Université Félix Houphouët-Boigny de Cocody, Abidjan (Côte d'Ivoire) URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/118855> (data obrashhenija: 12.06.2024).

9. Djilé D. Le nouchi brodé: aspects lexicaux et implications sicionumériques // KOSSONOU, DODO et YOUANT (Coord.), Les parlers urbains africains au prisme du plurilinguisme : description sociolinguistique, tome 2, Actes du colloque Le nouchi, notre français? Parlers urbains africains : pratiques, marges et territoires linguistiques (francophonie, anglophonie), 2020. P. 225–238.

10. Fauchard J. Rhyming slang: la rime et la frime // Etudes anglaises. P., 1981. 34. N 3.

11. Féral C. de Nouchi abidjanais. Le nom des langues III. Le nom des langues en Afrique subsaharienne: pratiques, dénominations, catégorisations, 2009. P. 153–190.

12. Jeune Afrique, Côte d'Ivoire: savez-vous parler nouchi? jeuneafrique.com, 8 janvier 2015. URL: <https://www.jeuneafrique.com/158134/societe/parlez-vous-nouchi/> (data obrashhenija 22.05. 2024).

13. Kadi G.-A. Le champ littéraire africain depuis 1960 : Romans, écrivains et sociétés ivoiriens, Paris, Éditions L'Harmattan, coll. «Palinure», 2010. 264 p.

14. Kouacou N'Goran J. La néologie formelle et sémantique en nouchi : cas de la dérivation et la polysémie, Alida Munseu Houmega // Les parlers urbains africains au prisme du plurilinguisme : description sociolinguistique. 2019. P. 229–245.

15. Kouacou N'Goran J. Le nouchi en Côte d'Ivoire. Description d'une variété de français en pleine évolution, thèse de doctorat, Université Félix Houphouët-Boigny, Abidjan, 2015. 522 p.

16. Kouacou N'Goran J. Neologie formelle des anthroponymes et toponymes en nouchi : structures et typologie // revues de l'ACAREF. Université Félix Houphouët-Boigny. 2023. P. 243–225.

17. Kouadio N'Guessan J. Le nouchi abidjanais, naissance d'un argott ou mode linguistique passagère? Gouaini/Thiam (éds.), des Langues et des villes, 1990. P. 373–383.

18. Kouamé J. M. Les variétés du français : entre création et hybridation // La langue française dans le monde 2014. 2014. Nathan, Paris. 576 p.

19. Kouassi Ayewa N. Mots et contextes en FPI et en nouchi, Actes des 7ème Journées scientifiques AUF-LTT, 2005. P. 5.

20. Lafage S. L'argott des jeunes Ivoiriens, marque d'appropriation du français ? // Langue française. 1991. № 90. P. 95–105.

21. Liagro Rabé Ch. Koudjrouzèa yayayé : Pour un plaidoyer électoral, Abidjan, Les éditions d'Avenir, 2020. P. 5–16.

22. Lipou A. Normes et pratiques scripturales africaines. Diversité culturelle et linguistique : Quelles normes pour le français? AUF, 2001. P. 115–135.
23. Ngalasso M. M. Langages, littératures et écritures africaines, Recherches et travaux, 1984. n° 27. P. 12–40.
24. Ploog K. La socio-indexicalité dans les catégorisations langagières: la dynamique autour du La socio-indexicalité dans les catégorisations langagières : la dynamique autour du nouchi abidjanais. Carole de Féral. Le nom des langues III. Le nom des langues en Afrique subsaharienne: pratiques, dénominations, catégorisations. Naming Languages in Sub-Saharan Africa : Practices, Names, Categorisations, Peeters. 2009. P. 153–190.
25. Riegel, M. & al. Grammaire méthodique du français, 7e édition. Paris : PUF, 2018.
26. Toppé G. Le nouchi dans les médias en Côte d'Ivoire // Langues & Usages : n°1. 2017. Université Alassane Ouattara, Bouaké. P. 136–149.
27. Tschiggfrey Th. Procédés morphologiques de néologie dans un corpus de chansons zouglo en français // LINX. 1995. № 33. P. 71–78.
28. Vahou M. La Côte d'Ivoire et ses langues françaises: conflit entre le standard et le nouchi, Plurilinguisme/OEP, 1er janvier 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/346401566_La_Cote_d'Ivoire_et_ses_langues_francaises_conflit_entre_le_standard_et_le_nouchi (data obrashhenija: 22.05.2024).

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 23.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 81-112.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-212
EDN: SYQUEST

Зоонимические номинации в ранних средневековых фабль

Екатерина Михайловна Дорогайкина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева. 660037, г. Красноярск, проспект им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31

katya.dorogaykina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4435-341X>

Аннотация. Принимая во внимание литературную ситуацию французского Средневековья, характеризующуюся у ученых как «жанровая обусловленность текста», в статье предметом рассмотрения являются лексико-грамматические и стилистические (жанровые) особенности наименования животных в одном из малых жанров литературы периода становления французского письменного литературного языка XI–XIII веков – фавль. В статье объектом для исследования является лексико-семантический класс зоонимов в диахроническом тексте. Диахронический текст рассматривается в качестве особого типа текста как источника зоонимов. Для сравнительного и семиотического анализа в статье представлены два жанра средневекового периода, репрезентативные в историческом художественном наследии: старофранцузские фавлио – небольшие рассказы в стихах как типичный жанр малых форм французского Средневековья и фавль – *fable convenue* (согласованная басня) – как специфический жанр средневековой французской литературы. Целью статьи определяется выявление специфики зоонимической лексики на материале литературных текстов в жанре фавль. В статье приводятся сходства и различия номинативных единиц зоонимической направленности выявленные в ходе исследования двух жанров (фавль и фавлио). На основе комплексной методики структурно-грамматического и лексико-семантического анализа, релевантной для диахронических исследований, выявляются структурные модели зоонимаций в жанре фавль, выраженные знаменательными частями речи, исследуется их лексико-семантическая природа, обращается внимание на стилистические особенности выделенных моделей. Посредством анализа рассмотрены различия лингвистических особенностей номинативных структур – зоонимов, определены способы их языкового оформления. Представляется их лексическая, грамматическая и символическая характеристика. Анализ произведений двух жанров показал их подобие по художественному замыслу и различие по грамматической форме и функциям.

Исследование остается перспективным в области истории и теории французской литературы, лингвокультурологии, как французского языка в целом, так и в частных дисциплинах – французской стилистики, лексикологии, исторической грамматики.

Ключевые слова: жанрово-центрический подход; литература Средневековья; диахронический текст; фавль; фавлио; зоонимы; номинативный аспект; символическое значение

Для цитирования: Дорогайкина Е. М. Зоонимические номинации в ранних средневековых фавль // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 212–222. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-212>. <https://elibrary.ru/SYQUEST>

Original article

Zoonimic nominations in early medieval fables

Ekaterina M. Dorogaikina

Candidate of philological sciences, associate professor, foreign languages department, Siberian state university of science and technology named after academician M. F. Reshetnev. 660037, Krasnoyarsk, «Krasnoyarsky Rabochiy» newspaper ave, 31

katya.dorogaykina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4435-341X>

Abstract. Taking into account the literary situation in the french Middle Ages, which scholars characterize as «genre conditionality of the text», the article focuses on lexical, grammatical and stylistic (genre) specifics of animal naming in one of the small literary genres – fable – of the period when the french written literary language was formed in the XI–

XIII centuries The object of the study is the lexical-semantic class of zoonyms in diachronic text. Diachronic text is considered as a special type of text, a source of zoonyms. For comparative and semiometric analysis, the article deals with two genres of the medieval period, representative in the historical artistic heritage: Old French fabliaux – small stories in verse, as a typical genre of small forms in french Middle Ages and fable convenue as a specific genre of medieval french literature. The aim of the article is to show the specificity of zoonimic lexicon in literary texts of the fable genre. The article presents similarities and differences of zoonimic nominations identified in the course of studying two genres (fable and fabliaux). Based on the complex methodology of structural-grammatical and lexical-semantic analysis, relevant for diachronic studies, the author describes structural models of zoonominations in the fable genre, expressed by autosemantic parts of speech, investigates their lexical-semantic nature, and pays attention to certain stylistic features of the selected models. The analysis shows linguistic differences of nominative structures – zoonyms – and determines the ways of their linguistic formation. Their lexical, grammatical and symbolic characteristics are presented. The analysis of the two genres shows their similarity in artistic intent and difference in grammatical form and functions. The study is promising for the history and theory of French literature, linguoculturology both of the French language as a whole and in such disciplines as French stylistics, lexicology, and historical grammar.

Key words: genre-centric approach; medieval literature; diachronic text; fable; fabliau; zoonyms; nominative aspect; symbolic meaning

For citation: Dorogaikina E. M. Zoonimic nominations in early medieval fables. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):212–222. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-212>. <https://elibrary.ru/SYQUST>

Введение

Предметом нашего интереса является изучение одного из малых жанров литературы французского Средневековья, который в истории французского языка имеет важное значение, так как является начальным этапом формирования национального письменно-литературного языка Франции.

О жанровых системах, жанрах и необходимости жанрового изучения в современных трудах отмечают такие ученые, как А. Д. Михайлов, Л. М. Скредина, Л. А. Становая, Ж.-М. Шеффер, Н. С. Болотнова, Т. Г. Игнатьева. В данных работах речь идет о роли жанра в оформлении средневекового литературного текста в сравнении с новой литературой, особое внимание обращается на жанровую специфику текстовой ситуации в период раннего Средневековья.

Системный анализ теории жанра диахронической литературы остается неразработанным, при это, определяем **целью** статьи – дать характеристику литературоведческой, культурологической и лингвистической специфики литературных текстов жанра фавль, его сходства и различия со смежным ему жанром фаблио с помощью изучения номинативных единиц зоонимической направленности. Предлагается рассмотреть зоонимы на грамматическом, семантическом и стилистическом уровне, их функционирование в художественном тексте указанных жанров. В ситуации изучения диахронических структур большую роль играют символические коннотации, наполняя семантическое значение номинаций отсылка-

ми к экстралингвистической реальности изучаемого периода.

В задачи статьи входит провести системный семиотрический (фактуально-смысловой) анализ лексем «фавль» и «фаблио», рассмотреть композиционные признаки жанра фавль, его определения, исторические и авторские аспекты происхождения текстов в старофранцузский период, а также механизмы реализации лингвистических особенностей зоонимов, взятых из текстов фавль, как представителей диахронического письменного дискурса. В средние века жанр имел важное значение для создания произведения, предлагаемые тексты дают возможность ознакомиться с французским языком на определенном этапе его исторического развития.

Актуальность исследования объясняется интересом современного языкознания к проблемам жанра в истории языка, неполной разработанностью подходов к старофранцузским текстам, недостаточной изученности класса зоонимов в диахронической перспективе. Обращение к зоонимическому компоненту текста объясняется тем, что животное нередко находится во взаимоотношениях с человеком, представляет сферу интересов материальной, культурной, социальной и символической истории любого языка.

Вопрос теории жанра имеет давнюю традицию. Общеизвестно, что романисты признают двойственность систем и различные варианты языка в диахронии. Вслед за Л. М. Скрединой, мы принимаем вариативность языковых форм, в том числе для жанровых диасистем [Скредина, 2024; Становая, 2019]. В этой связи интересной представляется точка зрения А. Е. Лукиной (2020 г.,

2022 г., 2023 г.), которая косвенно связывает жанр с вопросами изучения различных видов диасистемной вариативности в истории языка. Исследователь определяет вопросы жанра произведения в рамках диафазических (термин Д. М. Зиминой) вторичных видов вариативности языковых форм в литературных произведениях, представленных в скриптах X–XII веков. Согласно Д. М. Зиминой и А. Е. Лукиной, диафазические системы ситуалектны, то есть представляют совокупность различных вариантов языка, классифицированных с точки зрения стилистических слоев и уровней. Вариативность языковых форм играет роль языковой системы, она представлена на каждом уровне языка и влияет на диахронические исследования со стороны интерпретации изменений языковых форм во времени [Зиминая, 2016; Лукина, 2022]. Положения данной теории интересны для нас с точки зрения реализации вопроса синонимичности жанров фавль и фавблио.

В ходе исследования жанра фавблио нас заинтересовал вопрос о сходствах и различиях двух жанров в вопросах стилистики и композиции, определениях и названиях, а также схожести лексического состава изучаемых нами номинативных единиц (зоонимов), рассматриваемых с точки зрения грамматического, лексико-семантического и символического наполнения [Дорогайкина, 2023].

Особый вид текста – диахронический

Прежде чем обратиться непосредственно к жанру фавль, нужно отметить, что важным моментом является тот факт, что изучаемый диахронический текст имеет свою особую специфику. В ходе исследования для изучения теории художественного диахронического текста мы опирались на концепцию старофранцузского текста, изложенную в трудах ученого Т. Г. Игнатъевой (2001, 2013а, 2019) в рамках семиотического подхода к художественному тексту, при котором текст рассматривается как знак с формальной, функциональной и содержательной сторон. Данная теория отвечает общефилософским сущностным основаниям и применима ко всем уровням языка.

Текст является языковой универсалией и не имеет четкого определения вне границ определенной науки или ее аспекта. Дефиниция понятия такого порядка предполагает выявление его субстанциональных (сущностных), онтологических (связанных, свойственных) признаков, таких как принадлежность к плану языка или речи, величина, единицы его составляющие, функционирование специфических категорий текста.

Т. Г. Игнатъева определяет диахронический старофранцузский текст как целостную со стороны содержания и формы единицу уровня коммуникации, равную письменному литературному памятнику, представляющему из себя «текстотип эпохи» [Игнатъева, 2019, с. 44]. Литературный художественный текст является феноменом, достаточно широко распространенным в культурном наследии изучаемой эпохи, наиболее многопланово репрезентирует идеологию и культуру периода. Автор поднимает вопрос о проблеме сущности жанра как языковой категории, его жанрообразующих факторах. Жанр проявляется в качестве исторически закрепленного в сознании народа средства художественного отражения действительности в слове, реализованный в типологическом ряду литературных произведений, каждое из которых представляет из себя диалектическое единство формы и содержания [Игнатъева, 2012, 2013б].

Опираясь на вышеизложенную теорию, мы принимаем понятие «архетип культуры» как концептуальный стереотип, модель, выступающую в индивидуальной концептуальной системе человека, которая проявляется в образовании специфической конвенциональной картины мира. Имеется в виду ментальный уровень, на котором через систему представлений человека о мире осуществляется речемыслительное конструирование языка. Архетипы культуры выступают «концептуальными мерками», с которыми человек соотносит свое социальное бытие как с идеальными моделями, где зафиксированы релевантные, социально значимые элементы, наработки общего социального опыта, служащие ориентиром для его повседневной жизни [Игнатъева, 2013, с. 162].

В виде знакового архетипа жанр привносит некий «эстетический потенциал» для художественного преобразования бытового языка в литературный язык. Потенциал формируется через архетипы (модели) культуры, которые имеет общество на той или иной ступени своего развития. Так, Поль Зюмтор подтверждает тот факт, что приметы произведений, которые предсказуемы как жанровые, в самой общей форме предсказывают типичные жанровые ожидания читателей, а жанры при этом обозначают места коллективного процесса интерпретации [Zumtor, 1980, с. 47]. Описанная модель объективирует обобщенный, идеальный, абстрактный образец, аналог действительности, к которой она стремится. Жанровые ожидания читателя есть ожидания отражения идеальных моделей (или архетипов культуры),

сформированных в обществе на данном этапе его развития.

Примером к такому объяснению может послужить возникновение жанра фаблю, ранее описываемого нами с литературоведческой и лингвистической стороны [Дорогайкина, 2015, 2023], для которого известны место действия (чаще город), действия и поступки определённого круга участников (виллана, священника или дамы), описания ряда предсказуемых действий и стереотипного поведения, другие сопутствующие данному жанру детали. Место действия – город – неотъемлемая часть жизни средневекового человека, возникший для торговли и увеселения, укрепившийся в то время как самостоятельный элемент, который порождает особое описание его собственной культуры. Таким образом, в фаблю описывается круг отношений и нравственных качеств людей, предполагаемых как релевантные для представителей городского населения. Центром жизни и источником вдохновения становится городская площадь. Описывается происходящее в городе, на площади или рядом событие, досуг и быт людей, их непростые отношения. Для читателя очевидно наличие в таком жанре слов обращения героев друг к другу, названий бытовых предметов и действий, обычаев, географических, топографических названий и других вещей, отражающих народную тематику того времени, в том числе и интересующую нас зоонимическую лексику.

Жанр фаблю становится представителем народной культуры, выражающей себя в так называемом «третьем сословии» (термин В. Ф. Шишмарева) [Шишмарев, 1955а, с. 17], свидетельствующей о появлении новых настроений в городском обществе с приходом новых экономических изменений, усилением городской торговли и укреплением ряда городов Пикардии, например, Артуа в XIV веке. Так, актуализация данного жанра возможна как типологический ряд литературных текстов произведений периода, времени развития жанровой системы, в рамках которой формировался французский литературный язык.

Семиотрический анализ лексем «фабль» и «фаблио»

Проводя лингвистический анализ в виде семиотрии (термин Е. Ф. Серебренниковой, который означает объективацию эволюции слов с целью выведения их обобщенных сущностных смыслов, значимой фактологии связанных слов [Лингвистика и аксиология ... , с. 41]) *fable* и *fabliau*, мы опираемся на данные лексических словарей старофран-

цузского периода Р. Г. Д'Отрива, В. Ф. Шишмарева, А. Ж. Греймаса, Ф. Годфруа и современный Larousse Lexis. Знаменитый словарь середины прошлого века Р. Г. Д'Отрива не отмечает первичного слова *fable* как такового. Мы находим варианты существительного мужского рода *fabel*, *fabel* (маленькая сказка, фаблю), глагол *fabloier* – говорить, вести диалог, рассказывать, а также существительное для обозначения человека, который рассказывает истории или является их автором – *fablëor* [Hauterive, 1947, с. 275]. Отечественный историк языка В. Ф. Шишмарев считает лексему *fable* (от лат. *fabŭla*) первичной по отношению к *fabliau*, представляя в виде связи между ними слова *fabel* или *fablette*, которые переводится также, как и слово *fabliau* – небольшой рассказ, рассказик или фаблю. Автор словаря также отмечает глагол *fablioier* – (от лат. *fabler*) – рассказывать, сказывать [Шишмарев, 1955б, с. 110]. В XXI веке словарь А. Ж. Греймаса среди представленных словарных единиц сохраняет слово *fable*, глагол *fabler* (с вариантом *fabloier*), существительное-персону *fableor* и демонстрирует в качестве перевода к старому *fabliau* лексему *fabel* – маленькая сказка, сказка в стихах. Мы видим, что слово *fabliau* исчезает из единиц словаря, участвуя только в дефиниции к *fabel* со ссылкой на известного автора фаблю Жана Боделя XII века [Greimas, 1966, с. 257]. В современном языке сохраняются такие словарные единицы как *fable*, *fablier* (рассказчик, автор фабль), *fabliau*. С XVI века известно *fabuliste* (композитор фабль), а также глагол *fabuler* (замещать истину мифом), существительные *fabulation* (мифомания), *fabulateur* / *fabulatrice* (мифоман / мифоманка), прилагательное *fabuleux* / *fabuleuse*, характеризующее что-то воображаемое или химерическое, известно также наречие *fabuleusement* (экстремально, колоссально) [Larousse Lexis, 1998, с. 712]. Следует полагать, что, согласно принципам репрезентивности и фрактальности семиотрии, в конечном итоге в дефинициях старофранцузского слова *fable* возникает идея мистификации и мифотворчества, устанавливается смысл признака некоего мифа, привносящего значение необычности и выдуманности всем производным словам. Лексема *fable* становится синонимом к слову *сказка*, вариант *fabliau* с указаниями на конкретный век и автора закрепляется исключительно для обозначения одноименного малого жанра старофранцузского периода.

Фаблио как типичный жанр средневековой французской литературы

Рассматривая определения жанра фаблио, мы видим различные варианты его обозначения. В науке, начиная с конца XX века (конгресса в Неаполе в 1974 г.), отмечается особая трудность в составлении определений для жанров средневековой литературы, также как в составлении их перечней, в особенности для некрупных жанров.

Определения, которые давались жанрам либо очень многословны, либо очень коротки, тем самым открывают двери в корпус жанра для других произведений, например, для фаблио – сказам или бурлескным лэ. Так, определения жанра фабльо (фаблио) в научной литературе следующие. Во-первых, забавные истории, их название происходит от ассоциации с латинскими баснями (fable). Сходство состоит в фабульности, то есть сочиненности (сказочности) текста. Фаблио – универсальный жанр литературы французских городов [Шишмарев 1955а, с. 17; Bédier, 1969]. Во-вторых, это маленький рассказ в стихах, происходящий от жонглера-повествователя, имеющий целью развлекать и смешить [Штейн, 1988, с. 29–31, 33; Bédier, цит. по Михайлов, 2014, с. 30].

А. Л. Штейн видит в фаблио произведение «отличным от других стилем», в котором встречаются «примитивные и бедные рифмы», случаются занятные эпизоды, описывающие жизненные факты. Ученый подчеркивает наличие индивидуальной манеры создателей фаблио с истинно французской веселостью, чувством юмора, трезвостью и близостью к жизни. По мнению ученого, фаблио имеют свою идейную направленность, обличающую пороки буржуазии городов, распущенные нравы попов, привольную жизнь людей, тунеядство монахов, распущенность женщин и т. д. Однако, по словам А. Л. Штейн, жанр фаблио не проповедует цинизм и безнравственность, в них всегда отчетливо выражено моралитэ (заключительное нравоучение) [Штейн, 1988, с. 36–37].

Считается, что в жанре фаблио авторы создали целую галерею портретов представителей средневекового общества: хитрый поп и монах, ловкий клирик-семинарист, жестокий и ищущий способа выгодно жениться рыцарь, глуповатый муж-горожанин и его злая, изобретательная жена, простодушный, но не лишенный лукавства виллан (житель деревни). Неожиданные повороты сюжетов фаблио раскрывают типические черты французского средневекового общества. Некоторые фаблио содержат с себе маленькую комедию или

из анекдота рождают новую, основанную на забавном каламбуре или ловком ответе, новеллу.

А. А. Смирнов считает фаблио наиболее популярным из всех жанров городской литературы. Выражение «Смех присущ человеку» является в определенной мере мировоззрением эпохи Средневековья. Характер этого смеха может быть различным. Первую группу фаблио ученый считает простейшей, основанной на юморе, комизме, игре слов. Их единственная цель – насмешить слушателя. Во вторую группу фаблио входят рассказы с сюжетами, в которых смех имеет определенную направленность, соответствующую эпохе. Мораль в них сводится к высмеиванию глупости, доверчивости, к прославлению расчетливости, ловкой сметливости, развитости ума. Разнообразие типов фаблио объясняется с одной стороны их развитием и полуторавековым существованием (с конца XII до начала XIV века), с другой стороны – специфичностью и сложностью породившей и воспринимавшей этот жанр социальной среды [Смирнов, 1946, с. 138–140].

Большинство фаблио имеют доказанное французское, галло-римское или восточное происхождение. Сюжетные сходства в них объясняются аналогичными общественно-бытовыми условиями, тождественными схемами влагаемой в них морали. Фаблио оказывают влияние на всю последующую европейскую литературу, в том числе пробудив новый интерес к животному миру и породив разносторонние научные исследования.

Известно мнение Мишеля Пастуро о том, что сюжеты о животных считались в науке бесполезными и маргинальными. Только лишь некоторые филологи принимали такой специфический материал к рассмотрению, относились к животным с интересом, таким образом осмыслили новые символические идеи [Пастуро, 2013, с. 25–27]. Со временем ситуация изменилась. Материалы о животных, в особенности в контексте взаимоотношений с человеком в различных сферах, представляют интерес для филологической науки и истории.

С точки зрения композиционного анализа фаблио вполне традиционны. Характерно их написание «восьмисложником», парными рифмами, без разбивки на строфы. Данная композиционная форма, сложившаяся в середине XII века, считается исторической. Таким же образом построены рыцарские романы, басни (фабль), бретонские лэ, бестиарии о животных, произведения в жанре агиографии (жития святых), стихотворные хроники и аллегорические поэмы, знаменитый «Роман о

Лисе» и другие произведения. Единичными исключениями считаются самые ранние фаблю. Речь идет о фаблю «Ришэ», «Священник в ларе для сала», «Бочонок», сохранившихся в рукописях 1350 года.

В качестве неотъемлемого свойства в фаблю отмечается постоянный элемент жанра – поучение или моралите (мораль). Моралите четко интегрируется в тему произведения эксплицитно или имплицитно, с помощью поговорки или веселого вывода. Элемент моралите считается авторским новаторством эпохи, входит в структуру повествования как важное структурно-композиционное явление. Случается, что моралите встречается и в других жанрах, например, в развязках сказок. Как обязательный фрагмент структуры текста моралите отдельно оформляется в стихотворном виде.

Ученый Л. Г. Викулова говорит о моралите с точки зрения прагматической ценности произведений. По ее мнению, прагматика моралите состоит в том, чтобы повлиять на нравственность, выразить новые требования к моральным нормам эпохи. Моралите выступает как речевой способ регуляции действий человека, переключает внимание на действительность. Так, согласно Л. Г. Викуловой, прагматика композиционного построения произведения с введением моралите проводит связь с читателем, адресантом текста. В авторских моралите таким образом сформулированы запреты и нравственные требования времени [Викулова, 2001, с. 87–91].

Фабль как специфический жанр средневековой французской литературы

Жанр фавль, известный также как *fable convenue* (согласованная басня) – небывлица, выдумка, признаваемая по взаимному соглашению за истину менее изучен для старофранцузского периода, нежели жанр фаблю. Известные авторы, писавшие о фавль и давшие определения данному жанру времени формирования французского письменного-литературного языка – В. Ф. Шишмарев, Л. Харф Ланкнер (L. Harf-Lancner), М. Буты (M. Bouty), а также, уже для более позднего периода, известны «лафонтенисты» – З. А. Венгерова, Б. М. Томашевский, Г. Н. Ермоленко, Е. В. Казак, М. Ю. Осокин, Т. В. Саськова, К. А. Чекалов. Перевод басен принадлежит известным русским баснописцам: И. А. Крылову, И. И. Дмитриеву, А. Е. Измайлову, И. И. Хемницеру и другим авторам.

Общеизвестно, что как самостоятельный жанр басня впервые оформилась в Древней Греции. Прародителем этого жанра считается Эзоп, а

настоящими мастерами фавль – греко-римские поэты Федр и Бабрий. Структурному анализу басен Федра и Бабрия посвящена монография М. Л. Гаспарова «Античная литературная басня» (1971 г.). Согласно М. Л. Гаспарову, литературная басня – это художественная поэтическая обработка традиционных фольклорных сюжетов. Научная монография М. Л. Гаспарова представляет историю становления жанра басни, освещает традиции и тенденции жанра, его эмоциональное и идейное содержание [Гаспаров, 1971].

Fable, fablel, fablette (conte) происходят от латинского *fābŭla* – рассказ или басня, слово также имеет связь со значениями *paroles* (слова) и *discours* (речь). [Шишмарев, 1955а, с. 110]. Известен также со времен старофранцузского периода глагол *fabloier* (*fabler* = *raconter*) – рассказывать, сказывать, тоже приближенные к латинскому *fābŭlare* и к *fābŭla*.

Словарь произведений и тем французской литературы Мишеля Буты (*Dictionnaire des œuvres et des thèmes de la littérature française*, M. Bouty, 1972 г.), рассматривая фавль как произведения Ж. де Лафонтена, определяет данный жанр как своеобразное «переложение мудрости», передающий читателям «благоразумный реализм с нюансом беззаботности», представляющий одновременно вечные недостатки человека и талант рассказчика [Bouty, 1972, с. 109].

Упоминание басни, а точнее слова *fabula* К. Б. Кислин связывает с именем Макробия (Амвросий Феодосий Макробий, лат. *Ambrosius Theodosius Macrobius*) – древнеримского писателя, филолога, философа-неоплатоника (V век н. э.) и Фульгенция (Фабий Планциад Фульгенций, лат. *Fabius Planciades Fulgentius*), мифографа, писателя, историка и грамматика второй половины V – первой трети VI века, жившего и работавшего на территории Вандальского государства. Говоря об античной мифологии, Макробий применяет слово *fabula* (сказка/басня), определяя тем самым особое отношение к материалу, который он описывал. Само слово *fabula* становится общеупотребимым в Средневековье, используется по отношению к мифам и сказкам. Сказки Макробий подразделяет на те, которые развлекают, и на те, в которых содержится мораль. Отсылка к добродетели и морализации средневековых сюжетов является важным моментом для литературы этого времени. Мифограф Фульгенций повлиял на средневековых авторов в части морализации античных басен. Он не просто констатировал полезность аллегорического прочтения мифа, повсе-

местно предлагал моральную интерпретацию той или иной истории [Кислин, 2022].

В 1990 г. в университете Val-de Marne в Париже профессор Лоран Харф Ланкнер, публикует сборник лэ Марии Французской (*Les Lais de Marie de France*), в который также входят и фавль ее же авторства. Речь идет об известных фавль Волк и Ягненок (*Le loup et L'Agneau*), «Ворона и Лисица» (*Le Corbeau et le Renard*) со знакомыми всем сюжетами, известная среди сказок Матрона Эфесская (*La Matrone d'Ephèse*, популярный сюжет Средневековья и Нового времени о неверной вдове), опубликованная в сборнике *Die Fabeln der Marie de France* (1898 г.), а также произведение «Чистилище Святого Патрика» (*L'espurgatoire saint Patrice*, легенда о пещере, представляющей собой вход в другой мир) – перевод Марии Французской известного латинского текста *Tractatus de Purgatorio sancti Patricii* авторства Анри де Солтре (*Henri de Saltrey*). Как известно, средневековая поэтесса и сочинительница произведений агиографического жанра также переводила и адаптировала сказки и басни из сборника «Исопет» (*Ysopet*) со староанглийского [Harf-Lancner, 1990, с. 7–8, 341].

Известна подробная монография Ауриели Гайар «Басни, мифы, сказки: эстетика басни и фавлио» (*Aurelie Gaillard, «Fables, mythes, contes: l'esthétique de la fable et du fabliaux (1660–1724)»*). А. Гайар говорит о том, что термин «басня» имел широкое значение. Под этим словом понимали мифы, сказки, собственно басни. В таких произведениях описываются дворцы, особняки, сады и эстакады. Книги, содержащие фавль, чаще всего иллюстрированы. Фавль упоминается в так называемом «споре Древних и Новых», становится «историей заблуждений человеческого разума», ее статус меняется, а вместе с ней меняются и критерии, по которым басня определялась. Согласно А. Гайар, басня – это «речь, придуманная для воспитания нравов с помощью инструкций, замаскированных под аллегории действия» [Gaillard, 1996, с. 87]. Это было изобретение, которое с помощью вуали, маски, маскировки или даже загадки (тайны) преследовало дидактическую цель: воспитывать нравы. Помимо определений, речь в монографии А. Гайар идет об идее жанра, часто об истине и лжи, именно в этом начинают определяться категории мифа (Великая басня), апологета и сказки. Виды басен определялись как разумные, моральные или смешанные, соответствовали различию между типами действующих лиц, включали людей или богов, жи-

вотных, смешивали персонажей мифологических (разумного рода) и эзоповых (морального или смешанного рода). Таким образом, работа А. Гайар раскрывает жанр фавль во многих аспектах и со всеми последствиями, историческими и теоретическими. Подчеркивается, что оба жанра, фавль (басня) и фавлио немало критиковались [Gaillard, 1996].

Структурно-грамматический и лексический анализ зоономинаций в жанре фавль

Обратимся к анализу отобранного материала. Сравнительный анализ проводится в номинативном аспекте на лексико-семантической группе зоонимов. Также используется термин «зоономинация», как процесс называния, происходящий из традиционного «зооним», то есть слово, употребляемое для обозначения животных в устном или письменном дискурсе. Выбор данного термина для данной статьи обусловлен его признанием как в отечественной науке (Нерознак, 1987; Суперанская, 1973, 2012; Подольская, 1978), так и в работах по лексикологии и грамматике французского языка. Под зоонимами (или зоономинациями) мы представляем группу имен существительных выступающих в качестве зоопозитических номинаций в тексте. Зоонимы репрезентируют языковые средства, семантической стороной которых являются образы животных. Для исследования мы пользуемся **методикой** структурно-грамматического анализа Т. Г. Игнатьевой, в соответствие с которой весь корпус примеров зоонимов при рассмотрении делится на однословные, двухсловные и многословные номинативы. Основными критериями при анализе определены состав зоономинатива (количество знаменательных слов и их морфологическая форма), местоположение элементов, характер смысловых и синтаксических отношений между элементами, лексико-семантическое наполнение номинативов [Игнатьева, 2013, с. 14]. Рассмотрению подлежат зоонимы, выраженные знаменательными словами.

Так, методом сплошной выборки проанализирован корпус языкового материала, в текстах трех фавль Марии Французской, известных в старофранцузский период совместно со знаменитыми лэ ее авторства. Это такие фавль эзопической традиции как *Del lou et de l'aiguel* (*Le loup et l'agneau*, «О волке и ягненке»), *Del corp e del gupil* (*Le corbeau et le renard*, «О вороне и лисе»). Рассмотрен также текст произведения *L'Espurgatoire seint Patrice* (*Le Purgatoire de Saint Patrick*, «Чистилище Святого Патрика»), содержащий единичные при-

меры зоономинаций. Предметом анализа являются структурно-грамматические, лексико-семантические, символические и социокультурные особенности номинаций животных в выбранных текстах. Стоит подчеркнуть, что количество найденных нами зоонимов в жанре фабль мало. Это связано с небольшим объемом текстов фабль (около 2000 печатных знаков), а также главной трудностью – нахождением приемлемых изданий текстов фабль старофранцузского периода (речь идет о дипломатических изданиях). Все примеры разделены на однословные (80 % примеров номинаций), двухсловные (12 %), многословные (8 %). Каждое словоупотребление отдельно учитывается.

Анализ номинаций показал, что среди зоонимов в фабль в основном встречаются имена нарицательные – названия животных, выраженные прямыми зоонимами: *li lous* (волк), *l'aignel* (ягненок), *un cors* (ворон), *li gupiz* (лиса), *de serpenz* (змеи), *scrapolz* (жабы); имена нарицательные со значениями титулатуры, косвенно называющие животных – героев фабль для обращения: *sire* (сеньор); имена прилагательные, в составе двухсловных и многословных номинаций, участвующие в характеристике животных: *l'aignel petit* (маленький ягненок), *li lous mult contrarions* (очень озлобленный волк), *serpenz ardanz* (пламенный змей), *scrapolz granz* (большая жаба).

Зоонимы-имена нарицательные встречаются в прямом и в косвенном падежах, в функциях дополнения или подлежащего. Присутствует маркировка ряда номинаций флексией – *s* (или ее формой *z*). В 75 % случаев в фабль употребляется определенный артикль *li* для номинаций прямого падежа. В текстах данного жанра при употреблении детерминативов наблюдается достаточное разнообразие артиклей. Нам встретились следующие детерминативы: *li* – определенный артикль мужского рода прямого падежа, *le* – определённый артикль мужского рода, форма косвенного падежа, *uns* – неопределенный артикль мужского рода прямого падежа, *sis* – характерная некоторым скриптам безударная форма притяжательного местоимения прямого падежа (*ego*), *tel* – известная единая родовая форма неопределенного местоимения (*такой, таков, этот, тот*) [Скрелина, Становая, 2024, с. 120, 165, 182, 199].

С точки зрения культурологической семантики и символики интерес представляют зоонимы из текста *L'Espurgatoire saint Patrice*. Представленные зоонимы *serpenz* (змеи) и *scrapolz* (жабы) относятся к названиям земноводных и пресмыкающихся, имеющих символическое значение с древнейших

времен. В западноевропейской, азиатской и японской культурах как жабы, так и змеи воплощали нечто холодное, влажное, ужасное и вредное. Жабы выступали спутницами грешников и ведьм, напоминали о смерти и отвращении. Известно, что змеи обладают целым спектром негативных символических значений во всем мире начиная от символа начала жизни, до ее конца в образах чудовищ западного фольклора и змееподобных гибридов восточных культур [Орёл, 2008, с. 447–460]. В нашем случае в тексте *L'Espurgatoire* устрашающая символика номинаций подтверждается прилагательными *ardanz* (пламенный) и *granz* (большая), то есть эпитетами, с помощью которых автор Мария Французская усиливает негативные коннотации значения данных зоонимов. Отметим, что лексический словарь языка старофранцузского периода Федерика Годфруа переводит однокоренную лексему *ardant* как *feu d'enfer*, то есть *пламя ада* [Godefroy, 2003, с. 42].

Заключение

Композиционный анализ произведений двух жанров показал их схожесть по основному художественному замыслу. Сюжеты фабль и фаблио демонстрируют житейскую ситуацию на конкретных примерах и ставят целью научить читателя определенной морали. Совпадают и композиционные планы текста: у двух жанров есть введение, сюжетная линия, репрезентация героев, всегда определяется место действия. В каждом жанре присутствует такой элемент, как моралите – краткий вывод-наставление, расположенный в конце произведения. Тексты данных жанров написаны по правилам «исторической» формы, сложившейся в середине XII века – восьмисложником (*rime en octosyllabe*) с парными рифмами, без разбивки на строфы, то есть размером, выступавшим в эту эпоху функциональным эквивалентом прозы.

Среди фаблио известны композиционные включения. Среди них примером считается фаблио «Ришё» (1170–1180 гг.), а также фаблио о священнике («Священник, которого посадили в ларь из-под сала»). Они не отвечают классическим стихотворным размерам, а представляют другой лирический метр. Так, фаблио могут обладать различными стихотворными размерами по отношению к фабль и к другим фаблио. Ученые констатировали факт того, что для фаблио не характерен строгий жанровый канон: тексты значительно отличаются тематическим и сюжетным разнообразием, разница в их объеме может достигать тысячи и более стихов.

Термин «фаблио» обладал достаточно широкой семантикой. Фаблио считаются протожанровыми произведениями для определенного культурного слоя людей в определенную эпоху, выполняющие конкретные цели. Фаблио исчезли к середине XIV века в период оформления прозы на народном языке. Их культурная функция состояла в пародийном изображении куртуазной жизни людей города в определенный момент времени. Фаблио как жанр произведений, предназначенных для устной рецитации, остались репрезентативными только для эпохи Средневековья.

Жанр фавль, напротив, не исчез в последующих периодах и сохранился до нашего времени. В XVII веке знаменитый французский поэт и баснописец Жан де Лафонтен (1621–1695) переосмыслил жанр басни и ввел на него моду. К этому жанру обращались бродячие поэты труверы и трубадуры, придворные поэтессы, католические монахи и врачи, простые горожане и преподаватели университетов, итальянские художники, филологи, архитекторы и так далее. Басенная традиция (традиция фавль) передавалась сквозь Средние века до эпохи Возрождения.

Можно сделать вывод, что среди зоонимов в фавль в качестве номинативных структур встречаются имена нарицательные – названия животных, выраженные прямыми номинациями. В предложении зоонимы встречаются как в прямом, так и в косвенном падеже, в функциях подлежащего и дополнения, наблюдается разнообразие в употреблении детерминативов. С точки зрения культурологической семантики и символики интерес представляют зоонимы из текста *L'Espurgatoire saint Patrice* («Чистилище Святого Патрика»). Устрашающая символика номинаций подтверждается эпитетами, с помощью которых автор Мария Французская усиливает негативные коннотации, возникающие в ходе чтения фавль.

Говоря о перспективах исследования, отметим, что актуальным представляется изучение фавль в среднефранцузский период, а также обращение к другим жанрам и периодам в ходе эволюции французского языка. Изучение текста в истории языка, номинативный аспект и значения языковых категорий, сложные комбинаторные связи внутри определенных лексико-семантических групп, способы словесного выражения и лексико-грамматические возможности как в настоящем, так и в будущем являются интересной темой для изучения.

Библиографический список

1. Викулова Л. Г. Волшебная французская литературная сказка конца XVII – конца XVIII века: прагматингвистический аспект. Иркутск : ИГЛУ, 2001. 286 с.
2. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня : (Федр и Бабрий) / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1971. 280 с.
3. Дорогайкина Е. М. Зоонимы в диахроническом тексте // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2015. № 2(32). С. 236.
4. Дорогайкина Е. М. Лингвоконцептуальный анализ зоонимических репрезентаций во французском художественном тексте XII–XIII веков : монография / СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2023. 152 с.
5. Зимица Д. М. Социолекты в австрийском национальном варианте современного немецкого языка / Д. М. Зимица, А. А. Оладышкина // Молодой ученый. 2016. № 11 (115). С. 1694–1696. URL: <https://moluch.ru/archive/115/31226/> (дата обращения: 15.08.2023).
6. Игнатъева Т. Г. Номинация персонажей в старофранцузском художественном тексте. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013. 184 с.
7. Игнатъева Т. Г. Литературный жанр в лингвистическом освещении // Вестник ИГЛУ. 2013б. № 1(22). С. 161–164.
8. Игнатъева Т. Г. Куртуазная любовь как семиотический феномен средневековой культуры // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 3. С. 241–244.
9. Игнатъева Т. Г. Лингвокультурологический анализ текста: диахронический и синхронический аспекты / Т. Г. Игнатъева, И. П. Селезнева. Изд. 2, перераб. и доп. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2020. 236 с.
10. Кислин К. Б. Средневековая рецепция античной мифологии: опыт систематизации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 4. С. 35–47.
11. Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Ю. А. Ладыгин [и др.]. Москва : Тезаурус, 2011. 352 с.
12. Лукина А. Е. Виды диасистемной вариативности в истории французского языка // Человек и его Язык : Материалы XX юбилейной Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скрябиной, Санкт-Петербург, 14–16 сентября 2022 года. Санкт-Петербург : Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2022. С. 92–96.
13. Михайлов А. Д. Старофранцузская городская повесть фаблио и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры / отв. ред. Е. М. Мелетинский. Изд. 3-е. Москва : ЛЕНАНД, 2014. 352 с.

14. Орёл В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. 584 с.
15. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / пер. с франц. Е. Решетниковой. Санкт-Петербург : Александрия, 2013. 448 с.
16. Смирнов А. А. Городская литература с конца XII в. до Столетней войны // История французской литературы. Москва; Ленинград, 1946. Т. 1. С. 138–140.
17. Скредина Л. М. История французского языка : учебник для вузов / Л. М. Скредина, Л. А. Становая. 3-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 463 с. (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/535972> (дата обращения: 18.06.2024).
18. Становая Л. А. Франсийский как камень преткновения в истории французского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 3. С. 164–199.
19. Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка IX–XV вв. Москва; Ленинград : АН СССР, 1955а. 557 с.
20. Шишмарев В. Ф. Словарь старофранцузского языка к книге для чтения по истории французского языка. Москва; Ленинград : Издательство АН СССР, 1955б. 275 с.
21. Штейн А. Л. История французской литературы : учебное пособие для студентов педагогических институтов / А. Л. Штейн, М. Н. Черневич, М. А. Яхонтова. 2-е изд. дораб. Москва : Просвещение, 1988. 336 с.
22. Bédier J. Les Fabliaux: Etudes de littérature populaire et d'histoire littéraire du Moyen Age = Басни: исследования популярной литературы и истории литературы Средневековья. Paris : Bordas, 1969. 320 p.
23. Bouty M. Dictionnaire des œuvres et des thèmes de la littérature française = Словарь произведений и тем французской литературы. Paris : Librairie Hachette, 1972. 352 p.
24. Gaillard A. Fables, mythes, contes. L'esthétique de la fable et du fabuleux (1660–1724) = Басни, мифы, сказки. Эстетика басни и сказочного (1660–1724). Paris : Champion, 1996. 488 p.
25. Godefroy F. Lexique de l'Ancien Français = Древнефранцузский лексикон // Champion Classiques-Honoré. Paris : Champion Editeur, 2003. 591 p.
26. Greimas A. I. Sémantique structurale. Recherche de méthode = Структурная семантика. Поиск метода. Paris : Larousse, 1966. 262 p.
27. Dictionnaire de la langue Française Larousse Lexis = Словарь французского языка Larousse Lexis / J.-P. Mével, dir. Jean Dubois. Paris Cedex 06, 1998. 2109 p.
28. Harf-Lancner L. Lais de Marie de France = Лэ Марии Французской / Laurence Harf-Lancier. Paris : Librairie Générale Française, 1990. 352 p.
29. Hauterive R. G. Dictionnaire d'ancien français. Moyen âge et Renaissance = Старофранцузский словарь. Средневековье и Ренессанс. Paris : Librairie Larousse, 1947. 630 p.
30. Zumtor P. Parler du Moyen Age. Paris : Les Éditions de Minuit, 1980. 108 p.

Reference list

- Vikulova L. G. Volshebnaja francuzskaja literaturnaja skazka konca XVII – konca XVIII veka: pragmalingvističeskij aspekt = French literary fairy tale of the late XVII - late XVIII centuries: a pragmalinguistic aspect. Irkutsk : IGLU, 2001. 286 s.
- Gasparov M. L. Antichnaja literaturnaja basnja : (Fedr i Babrij) = Ancient literary fable : (Phaedrus and Babrius) / AN SSSR, Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo. Moskva : Nauka, 1971. 280 s.
- Dorogajkina E. M. Zoonimy v diahroničeskom tekste = Zoonyms in diachronic text // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva (Vestnik KGPU). 2015. № 2(32). S. 236.
- Dorogajkina E. M. Lingvokonceptual'nyj analiz zoonimičeskijh reprezentacij vo francuzskom hudozhestvennom tekste XII-XIII vekov = Linguistic conceptual analysis of zoonomical representations in the French literary text in the XII-XIII centuries : monografija / SibGU im. M. F. Reshetneva. Krasnojarsk, 2023. 152 s.
- Zimina D. M. Sociolekty v avstrijskom nacional'nom variante sovremennogo nemeckogo jazyka = Sociolects in the Austrian national variant of modern German / D. M. Zimina, A. A. Oladyshkina // Molodoj učenyyj. 2016. № 11 (115). S. 1694–1696. URL: <https://moluch.ru/archive/115/31226/> (data obrashhenija: 15.08.2023).
- Ignat'eva T. G. Nominacija personazhej v starofrancuzskom hudozhestvennom tekste = Character nomination in Old French literary text. Krasnojarsk : Krasnojarskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. V.P. Astaf'eva, 2013. 184 s.
- Ignat'eva T. G. Literaturnyj zhanr v lingvističeskom osvешhenii = Literary genre in the light of linguistics // Vestnik IGLU. 2013b. № 1(22). S. 161–164.
- Ignat'eva T. G. Kurtuaznaja ljubov' kak semiotičeskij fenomen srednevekovoj kul'tury = Courtois love as a semiotic phenomenon of medieval culture // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva. 2012. № 3. S. 241–244.
- Ignat'eva T. G. Lingvokulturoloģičeskij analiz teksta: diahroničeskij i sinhroničeskij aspekty = Linguocultural text analysis: diachronic and synchronic aspects / T. G. Ignat'eva, I. P. Selezneva. Izd. 2, pererab. i dop. Krasnojarsk : Krasnojarskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. V. P. Astaf'eva, 2020. 236 s.
- Kislin K. B. Srednevekovaja recepcija antichnoj mifologii: opyt sistematizacii = Medieval reception of ancient mythology: the experience of systematization // Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija. 2022. T. 8. № 4. S. 35–47.
- Lingvistika i aksiologija. Jetnosemiometrija cenostnyh smyslov = Linguistics and axiology. Ethnosemiometry of value meanings / E. F. Serebrennikova, N. P. Antip'ev, Ju. A. Ladygin [i dr.]. Moskva : Tezaurus, 2011. 352 s.

12. Lukina A. E. Vidy diasistemnoj variativnosti v istorii francuzskogo jazyka = Types of diasystemic variation in the history of the French language // Chelovek i ego Jazyk : Materialy XX jubilejnoj Mezhdunarodnoj konferencii Shkoly-Seminara imeni L. M. Skrelinoj, Sankt-Peterburg, 14–16 sentjabrja 2022 goda. Sankt-Peterburg : Izdatel'sko-Torgovyj Dom «SKIFIJA», 2022. S. 92–96.
13. Mihajlov A. D. Starofrancuzskaja gorodskaja povest' fablio i voprosy specifiky srednevekovoj parodii i satiry = The Old French urban narrative fablio and the issues of medieval parody and satire specificity / otv. red. E. M. Meletinskij. Izd. 3-e. Moskva : LENAND, 2014. 352 s.
14. Orjol V. E. Kul'tura, simvoly i zhivotnyj mir = Culture, symbols and the animal world. Har'kov : Gumanitarnyj Centr, 2008. 584 s.
15. Pasturo M. Simvolicheseskaja istorija evropejskogo Srednevekov'ja = The symbolic history of European Middle Ages / per. s franc. E. Reshetnikovoj. Sankt-Peterburg : Aleksandrija, 2013. 448 s.
16. Smirnov A. A. Gorodskaja literatura s konca XII v. do Stoletnej vojny = Urban literature from the late XII century to the Hundred Years' War // Istorija francuzskoj literatury. Moskva; Leningrad, 1946. T. 1. S. 138–140.
17. Skrelina L. M. Istorija francuzskogo jazyka = History of the French language : uchebnik dlja vuzov / L. M. Skrelina, L. A. Stanovaja. 3-e izd. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2024. 463 s. (Vysshee obrazovanie) // Obrazovatel'naja platforma Jurajt [sajt]. URL: <https://urait.ru/bcode/535972> (data obrashhenija: 18.06.2024).
18. Stanovaja L. A. Fransijskij kak kamen' pretkovenija v istorii francuzskogo jazyka = Francisian as a stumbling block in the history of the French language // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. 2019. T. 5. № 3. S. 164–199.
19. Shishmarev V. F. Kniga dlja chtenija po istorii francuzskogo jazyka IX–XV vv. = A reading book on the history of the IX–XV centuries French language. Moskva; Leningrad : AN SSSR, 1955a. 557 s.
20. Shishmarev V. F. Slovar' starofrancuzskogo jazyka k knige dlja chtenija po istorii francuzskogo jazyka = Glossary of Old French to the reading book on the history of the French language. Moskva; Leningrad : Izdatel'stvo AN SSSR, 1955b. 275 s.
21. Shtejn A. L. Istorija francuzskoj literatury = History of French literature : uchebnoe posobie dlja studentov pedagogicheskikh institutov / A. L. Shtejn, M. N. Chernevich, M. A. Jahontova. 2-e izd. dorab. Moskva : Prosveshhenie, 1988. 336 s.
22. Bédier J. Les Fabliaux: Etudes de littérature populaire et d'histoire littéraire du Moyen Age = Basni: issledovanija populjarnoj literatury i istorii literatury Srednevekov'ja. Paris : Bordas, 1969. 320 r.
23. Bouty M. Dictionnaire des œuvres et des thèmes de la littérature française = Slovar' proizvedenij i tem francuzskoj literatury. Paris : Librairie Hachette, 1972. 352 p.
24. Gaillard A. Fables, mythes, contes. L'esthétique de la fable et du fabuleux (1660–1724) = Basni, mify, skazki. Jestetika basni i skazochnogo (1660–1724). Paris : Champion, 1996. 488 p.
25. Godefroy F. Lexique de l'Ancien Français = Drevnefrancuzskij leksikon // Champion Classiques-Honoré. Paris : Champion Editeur, 2003. 591 p.
26. Greimas A. I. Sémantique structurale. Recherche de méthode = Strukturnaja semantika. Poisk metoda. Paris : Larousse, 1966. 262 p.
27. Dictionnaire de la langue Française Larousse Lexis = Slovar' francuzskogo jazyka Larousse Lexis / J.-P. Mével, dir. Jean Dubois. Paris Cedex 06, 1998. 2109 p.
28. Harf-Lancner L. Lais de Marie de France = Lje Marii Francuzskoj / Laurence Harf-Lancier. Paris : Librairie Générale Française, 1990. 352 p.
29. Hauterive R. G. Dictionnaire d'ancien français. Moyen âge et Renaissance = Starofrancuzskij slovar'. Srednevekov'e i Renessans. Paris : Librairie Larousse, 1947. 630 p.
30. Zumtor P. Parler du Moyen Age. Paris : Les Éditions de Minuit, 1980. 108 p.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 23.05.2024; approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-223

EDN: ZNLRQT

Динамика информационно-коммуникационных процессов и их влияние на социокультурные институты

Анна Владимировна Комарова

Кандидат философских наук, преподаватель кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы. 119602, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82

janeiro25@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5377-2119>

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние социокультурных институтов и происходящие с ними изменения теоретико-культурными и социологическими методами. Материалами послужили научные работы и социологические опросы по указанной проблематике.

Предпринята попытка соотнести динамику и направления развития социокультурных институтов с социокультурными тенденциями, происходящими в стране и мире. Определено, что важными факторами, меняющими аксиологические и этические основания социокультурных преобразований, выступают сетевые коммуникации и цифровая модель развития общества. Социокультурные практики (коллективные и индивидуальные) все больше зависят от интернет-реальности, контролирующей информационные потоки, и предлагаемых ею возможностей.

Установлено, что эволюция социокультурных институтов активно влияет на формирование ценностно-смысловых установок в обществе и коллективную идентичность. Важной составляющей трансформации социокультурных институтов являются глобальные информационно-коммуникационные процессы, происходящие в общественном пространстве (реальном и виртуальном).

Выявлено, что современные социокультурные институты обладают неустойчивостью и подвергаются глобальной перестройке, что приводит к значительным изменениям, а порой и разрушению национально-культурной идентичности. Социокультурный процесс в настоящее время столкнулся с принципиально разными форматами взаимодействия: навязывания (подавления) и межкультурного диалога.

Результатом исследования является вывод, что современные социокультурные изменения отражаются на существовании социокультурных институтов, что в свою очередь отражается на конкретном человеке и обществе в целом. Эти аспекты требуют своевременного изучения и создания механизмов регулирования / защиты культурно-информационного пространства как отдельного социокультурного института общества, так и государства.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; коллективная идентичность; коммуникации; культурно-национальная политика; социокультурный институт; субкультура; цифровая цивилизация; ценности

Для цитирования: Комарова А. В. Динамика информационно-коммуникационных процессов и их влияние на социокультурные институты // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 223–233. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-223>. <https://elibrary.ru/ZNLRQT>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Dynamics of information and communication processes and their impact on sociocultural institutions

Anna V. Komarova

Candidate of philosophical sciences, lecturer at the UNESCO department, Institute of public administration, Russian academy of national economy and public administration. 119602, Moscow, Vernadsky ave., 82
janeiro25@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5377-2119>

Abstract. The article examines the current state and the changes taking place with sociocultural institutions using theoretical-cultural and sociological methods. The materials for the study are scientific papers and sociological surveys on the issue.

An attempt is made to correlate the dynamics and guidelines for the development of sociocultural institutions with the sociocultural trends taking place in the country and worldwide. The article shows that network communications and the digital model of social development are important factors that change the axiological and ethical foundations of sociocultural transformations. Sociocultural practices (collective and individual) are increasingly dependent on the Internet reality that controls information flows and the opportunities it offers.

The author has found that the evolution of sociocultural institutions has an impact on forming value-semantic attitudes and collective identity in the society. Global information and communication processes in social space (real and virtual) are an important component in the transformation of socio-cultural institutions. Today sociocultural institutions are unstable and are under global restructuring, which leads to significant changes and sometimes destruction of national and cultural identity. The current sociocultural process is faced with fundamentally different interaction formats: imposition (suppression) and intercultural dialogue.

The study concludes that modern sociocultural changes affect the current sociocultural institutions, which in turn affects every individual and the whole society. These aspects require urgent studying and working out mechanisms for regulating/protecting the information-cultural space as a specific sociocultural institution of society and the state.

Key words: information and communication technologies; collective identity; communications; cultural and national policy; sociocultural institution; subculture; digital civilization; values

For citation: Komarova A. V. Dynamics of information and communication processes and their impact on sociocultural institutions. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):223–233. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-223>. <https://elibrary.ru/ZNLRQT>

Введение

В современных условиях, когда формируется «новая реальность» с новыми образцами поведения и чужими смыслами, актуальность исследований социокультурных институтов вызвана тем, что они не стали исключением в динамике социокультурных изменений и подвергаются структурной перестройке, особенно под влиянием новых технологий и смены парадигмы социальных коммуникаций. Социокультурные институты, выступая своего рода референтными ориентирами, требуют постоянного осмысления для преодоления неустойчивости коллективных идентичностей. Особое внимание уделено информационному пространству, где в настоящее время происходит навязывание деструктивных идеологических установок, компрометация историко-культурных и традиционных духовно-нравственных ценностей, нивелирование культурной самобытности.

Определяя роль социокультурных институтов в формировании коллективных идентичностей, обратим внимание на социокультурные институты, влияющие на сохранение и развитие культуры, а также служащие социализации личности. Это связано с тем, что социокультурные тенденции непосредственно влияют на идеологические механизмы и поведенческие нормы, а порой формируют их, подменяя устоявшиеся ценности и традиции коллективной общности, проживающей на одной территории, что порождает сначала напряженность, а в дальнейшем кризис коллективных идентичностей и конфликт традиций и инновационных явлений [Астафьева, 2018, с. 521].

В качестве центральной категории социокультурного анализа, транслирующей социокультурные тенденции, актуальные явления и процессы, будем использовать «социальный институт».

Под социальным институтом будем понимать устойчивые формы организации для осуществле-

ния совместной деятельности людей, обеспечивающих функционирование общественной жизни, оказывающих воздействие на систему социальных, культурных связей и отношений, а также служащие для социализации личности [Кравец].

Институционализированные сообщества как социальные системы являются неотъемлемой частью человеческого общества. Такие сообщества складываются исторически и сложны для исследования, так как внутри таких сообществ существуют различные формы коммуникации, утверждаются нормы и правила, регулирующие их существование и деятельность, формируется особый способ воспроизводства сообщества как части общественной жизни, кроме того часть из таких сообществ закрыта.

Такие сообщества управляются не только внутри интересами и потребностями составляющих их индивидов, но и потребностями общества, в котором они существуют. Так дифференциация интересов и потребностей общества и социальных групп сначала порождает социальные конфликты, а в дальнейшем нарушает стабильность общества. И напротив, солидаризация интересов общества и социальных групп создает предпосылки для осознания группой и / или человеком собственной принадлежности к определённому социуму.

Социальные институты как объект исследования, их виды и функции в обществе можно найти в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей. Исследовать институт как самостоятельный объект научного анализа стали впервые представители экономического институционализма (Т. Веблен, У. Гамильтон, Д. Коммонс и др.). Основателем институционального направления является Т. Веблен.

В настоящее время существует множество исследовательских подходов к трактовке непосредственно дефиниции «институт»: нормативный (В. Вольчик, С. Елисеева, В. Карпичев, Дж. Коммонс, Д. Норт Д.), информационный (М. Кастельс, В. Тамбовцев, В. Широнин), эволюционный (Г. Шмоллер), транзакционный (Н. Симченко, С. Солодовников, В. Щербин), организационный (О. Фаворо), функциональный (Б. Малиновский, Т. Парсонс, А. Радклифф-Браун, Н. Симченко), социологический (Т. Алферова, М. Вебер, Т. Веблен, Т. Парсонс), контрактный (Т. Алферова). При этом необходимо отметить, что рассмотрение термина «институт» в чистом виде с одной позиции встречается редко.

Непосредственно «социальный институт» как общественное явление рассмотрен в работах социологов XIX–XX вв. (М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, Г. Спенсер, Л. Уорд и др.).

Из работ, затрагивающих «социальный институт» с точки зрения социологии, выделим труды: П. Бергера, П. Бурдьё, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Лукмана, Р. Мертон, Ч. Миллса, Т. Парсонса, Щепаньского Я. Среди отечественных работ отметим труды: В. Добренкова, М. Глотова, А. Кравченко, Р. Рывкиной, Л. Седова, А. Эфендиева и др.

Основателем институционального изучения культуры принято считать Б. Малиновского, позже Т. Парсонс и К. Гирц изучали институциональные составляющие культуры, в отечественной науке обратим внимание на работы М. Кагана, А. Флиера.

Социальные институты в современном обществе рассмотрены в работах: Д. Белла, М. Кастельса, Н. Лумана, М. Маклюэна, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера. Трансформации российского общества, его структурных элементов, в частности социальных институтов, посвящены работы З. Голенковой, В. Добренкова, В. Радаева, Г. Осипова и др.

В настоящее время принято разделять социальные институты на следующие группы:

- экономические;
- политические;
- воспроизводства и родства;
- социокультурные и воспитательные;
- религиозные.

В связи с тем, что центральной категорией и предметом нашего изучения выступают социокультурные институты, влияющие на сохранение и развитие культуры, а также служащие социализации личности, то остановимся на группе социокультурных и воспитательных.

Социокультурные и воспитательные институты путем освоения и дальнейшего воспроизводства социальных и культурных ценностей в ходе совместного существования людей порождают определенную социокультурную структуру, которая в свою очередь путем социокультурных стандартов поведения, ценностей и норм, межличностных и межгрупповых коммуникаций, сохраняет и модифицирует процессы идентификации человека с конкретным сообществом и обществом в целом, культурой и / или традициями того общества, в котором они появились [Астафьева, 2018, с. 519]. «Социокультурные институты – зеркало происходящих процессов в обществе» [По-

лифония...].

Проблема социальных институтов является одной из приоритетных и жизненно важных проблем развития человечества. Впечатляющие прорывы в области технологий и глобальное взаимодействие всех и вся порождают глубокие институциональные изменения, в том числе и в социальных институтах. Как показывает практика, конкуренция и столкновение моделей социокультурного развития требуют переосмысления и адаптации ее инструментов – социальных институтов, которые по мнению А. Г. Эфендиева «формируют, закрепляют и воспроизводят мотивации поведения людей», изменение социальных институтов двигает «развитие и закрепление ценностных ориентаций» [Эфендиев, Балабанова, Сорочкин, 2016, с. 75].

Изучение социальных институтов на примере субкультур

Субкультуры, являясь социальными институтами, как все социокультурные образования, функционируют на основе конвенциональности и разделяемости культурных значений и смыслов всеми членами сообщества, воспроизводя и создавая те или иные культурные формы.

Субкультуры позволяют получить картину происходящих социокультурных изменений, поэтому находятся в центре внимания и являются предметом изучения для многих наук. Люди, принадлежащие к субкультурам, – часть культурного разнообразия общества, оказывающие значительное влияние на его развитие [Комарова, 2019, с. 380].

Но это понимание стало применяться не сразу, начиналось изучение субкультуры просто как явления социокультурной дифференциации общества в 1930-е гг. в Америке [Рошак, 2014, с. 56–59], затем переместилось к пониманию субкультур как ответа на социокультурный кризис, приравняв их к контркультуре, единство научной западной мысли проявилось в понимании субкультур как различных социально-демографических общностей, прежде всего молодежи [Шендрик, 2005, с. 296].

Отечественные ученые генезис субкультур изложили иначе, изначально было предложено понимание субкультур как социальных групп с общностью интересов, ценностей, мировоззрения. В дальнейшем исследования подтвердили эти положения. Причем речь идет о «добровольном признании системы принципов и правил, регулирую-

ющих всех ее членов» [Орлова, 2010, с. 461] всеми участниками субкультуры.

Проанализировав исследования отечественных и зарубежных ученых, можно сказать, что субкультуры – это элемент социокультурной реальности, существующий наряду с господствующей культурой. Зная нормы и модели поведения, присущие конкретной субкультуре можно качественно оценить как внутренний мир самой субкультуры, так и внешнюю среду, в которой родилась эта субкультура [Комарова, 2017, с. 103]. Субкультуры – это не замкнутое и застывшее образование, они пересекаются между собой, противостоят друг другу, видоизменяются.

По мнению А. Шендрика субкультуры как социокультурные явления не могут существовать длительное время [Шендрик, 2005, с. 309]. У каждой субкультуры есть три фазы развития: появление, пик развития, когда идет рост ее членов, упадок. Эти показатели свидетельствуют о состоянии субкультуры как социального института, результатах ее функционирования и социальных институтов, которые с ней связаны, кроме того, это и показатель функционирования доминирующей культуры.

Динамика субкультур ярче всего проявляется в молодежных субкультурах. Они отражают огромное разнообразие индивидов и групп. Молодежные субкультуры – это одно из многих составляющих разнообразного и сложного явления: социальные институты в обществе. Выявлено три основных мотива вступления молодых людей в ту или иную субкультуру: желание выделиться – 45,5 %; творческая самореализация – 26,8 %; желание найти друзей – 13,5 % [Богатова, Шумкова, 2014, с. 155]. Очевидно, что для молодых людей субкультура – это своеобразная социализация, она помогает им выживать и находить единомышленников, создавать свои ценности и транслировать их миру.

По статистике в молодежные субкультуры вовлечено от 10 до 40 % всей молодежи современной России. Доля активных участников молодежных субкультур среди юношей в 3 раза больше (30,8 %), чем среди девушек (10,2 %) [Богатова, Шумкова, 2014, с. 153]. В СССР в 1980-е гг. в среде неформалов (субкультур) было 10–13 % и 30–40 % в самодетельных объединениях, санкционированных государством [По неписаным законам, 1991, с. 4]. Очевидно, что процент молодежи, участвующий в различных объединениях, тогда и сейчас не изменился, но изменилась социокультурная реальность, культурные модели мо-

лодежных сообществ и формы работы с молодежью, предписанные ранее культурные формы чаще всего не работают.

Интересен в процессе социализации молодежи в региональном социуме (не будет ошибкой сказать, что в больших городах изменится только количественный процент) такой ярко выраженный фактор – отношение (положительное или отрицательное) к тем или иным субкультурам. Этот фактор показывает не только информированность молодых людей о существующих субкультурных сообществах, но и о фильтре при выборе той или иной субкультуры, что открывает возможности интеракции общества и молодежи.

В современном информационном обществе молодежные сообщества используют новые средства коммуникации, основанные на цифровой и сетевой интеграции, для популяризации тех или иных субкультур и для расширения их пространства (реального и виртуального). Но несмотря на то, что интернет, в частности социальные сети, используются как средство коммуникации [Крестиненко, 2023, с. 223], реальное взаимодействие по-прежнему осуществляется при личном контакте, формируя тем самым единство субкультуры как социального института. То есть значимость межличностных и межгрупповых коммуникаций в существовании молодежных субкультур остается по-прежнему решающей.

Но несмотря на значимость межличностных коммуникаций в среде субкультур, отметим, что на современном этапе глобализации тенденции на появление тех или иных молодежных субкультур больше не рассматриваются как социокультурные реальности молодежи отдельной страны. «Глобально-медийная» культура [Тхагапсоев, Астафьева, 2020, с. 28–30] позволяет программировать и создавать модели тех или иных субкультур / сообществ практически по всему миру сначала через внешние модные образцы с акцентом на «общемировой» стиль, а потом встраивая в них весь комплекс социокультурных установок (нормы, ценности, смыслы, поведение и т. п.). Существенное значение имеет и то, что формируемые по всему миру через сетевые информационные каналы «общепринятые модные стандарты» создают коллективную идентичность и «социальную целостность» [Штомка, 2005, с. 67], но не через самобытность культур, а через единообразие сначала внешнее, а потом и внутреннее. Чем опасно внедряемое единообразие (универсальность)? Тем, что универсализация человека приводит к универсализации социокультурного института

(читай исчезновение) и общества, потому что «индивид не суверенная единица, а часть общества, включенная в те или иные социальные институты, влияющие на формирование сознания и конкретную деятельность личности. Отсюда и рассмотрение общества и культуры должно быть только в симбиозе» [Манхейм, 2000, с. 205]. К этому выводу пришел и А. Вебер, который говорит о том, что «культурные миры самым тесным образом связаны с теми социальными организациями, где они зародились и достигли расцвета... вести речь о существовании культуры в отрыве от того общества, где она существует, невозможно» [Вебер, 1998, с. 15].

Таким образом, изучая механизмы социокультурной динамики молодежных субкультур и опыт их совместного существования в современном обществе, появляется возможность прогнозировать социокультурные процессы и формировать модели культурного диалога с социокультурными институтами. В целом же для оценки генезиса социокультурных институтов необходимо раскрыть не только зависимость между индивидами и меняющимися социальными и культурными процессами, разнообразными социокультурными феноменами и маркерами в стране и мире, но и учитывать воздействия событий, происходящих на глобальном и локальном уровнях.

Социокультурные институты и цифровая цивилизация (Россия и мир)

Одним из процессов, влияющих на изменение мира и его институтов, стал переход к информационному обществу, включающий в себя как новые технологии и источники информации, так и особый тип взаимодействия между социальными институтами, сложившимися исторически, и «глобальными агентами влияния» [Кастельс, 2000, с. 43] всех сфер жизнедеятельности человека (экономика, культура, наука и т. п.).

Историческое развитие человечества в информационную эпоху характеризуется углубляемой взаимозависимостью, изменчивостью и сложностью. Изменчивость и сложность объясняются тем, что информационные технологии изменили не только масштаб и динамику экономики, сделав ее глобальной, но и привели к глубоким переменам в социокультурной сфере, работе социальных институтов, возможности и способности обрабатывать и понимать смыслы. «Гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство

поистине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности» [Бодрийяр, 2020, с. 13].

Специфика нового времени – построение модели глобализации или взаимозависимости, где для достижения этой цели используются все новейшие информационно-коммуникационные технологии, где интернет сам становится глобальным социокультурным институтом, порождающий другие социокультурные феномены: виртуальные музеи и картинные галереи, образовательные и культурные порталы, сетевые литература и изобразительное искусство, развлекательные ресурсы, электронные магазины, официальные ресурсы государственных органов, частных компаний и частных лиц, субкультуры, живущие только в виртуальном мире (ролевики, киберпутешественники) [Шендрик, 2005, с. 299].

Все это вместе взятое порождает иллюзию единства и социальной целостности всех людей планеты Земля. В действительности же единый язык компьютерной коммуникации и виртуальная доступность «мировых достижений» порождает унификацию в сфере потребления (покупка определенных брендованных товаров), образа жизни и предпочтений (заимствование единых образцов из социальных сетей и рекламы), размывая культурные особенности и коллективную идентичность отдельно взятых стран и обществ. Кроме того, социокультурное виртуальное пространство, используя разного рода псевдо и / или заведомую ложь и манипулируя сознанием, формируют конфликтную среду, которая переносится в мир реальный как в лице отдельно индивида, так и целого движения / группы, вплоть до конфликта государства / стран. Например, исследование ВЦИОМ об информационной безопасности российских школьников и недостоверной информации в интернете показали такие результаты. За последние 2–3 года школьники столкнулись с недостоверной информацией в 37 % случаях. Основными источниками недостоверной информации стали: интернет-сервисы и сайты 22 %, социальные сети – 19 %, телевидение – 11 %, неформальные источники и личное общение от 6 % до 10 % [Школьное..., 2023]. Взрослые россияне сталкивались с недостоверными новостями в СМИ и интернете в 40 % случаев, в том числе 18 % на интернет-сайтах, 17 % – в мессенджерах и соцсетях, 11 % на телевидении [Фейк-ньюс..., 2023]. Ключевыми показателями опросов стали два фактора: 1) чаще всего распространение недостоверной информации происходит в интернете; 2) создание безопас-

ной информационной среды россияне возлагают на государственные институты. Фактически это исследование отражает такой негативный феномен современной коммуникации, как «постправда» [Сафронов, 2023, с. 96]. Так по мнению Э. Е. Сафронова постоянное распространение в интернет-реальности той или иной информации и ее опровержение приводят в конечном итоге не к единому цифровому сообществу и правде, а к одиночеству, невозможности прийти ни в цифровом, ни в реальном мире к общей правде, разрушению, сложившихся социальных институтов и ценностей [Сафронов, 2023, с. 102].

Для оценки внешнего контекста вокруг современной России обратим внимание на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ 2 июля 2021 г. [Стратегия...] и Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ 31 марта 2023 г. [Концепция...], которые характеризуют современный мир и современные тенденции такими направлениями/элементами:

- формирование многополярного мира и структурная перестройка мировой экономики (переход на новую технологическую основу (в том числе внедрение технологий искусственного интеллекта, новейших информационно-коммуникационных, энергетических, биологических технологий и нанотехнологий);
- рост национального самосознания и культурно-цивилизационное разнообразие;
- манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве; навязывание деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям;
- сложность выработки коллективных ответов на транснациональные вызовы и угрозы, включая использование информационно-коммуникационных технологий;
- деградация многих прежних моделей и инструментов развития в культуре и экономике;
- повышение роли фактора силы в международных отношениях, расширение конфликтного пространства, в том числе за счет информационного пространства;
- активизация в формировании региональных и трансрегиональных механизмов интеграции и взаимодействия в различных сферах.

Отмеченные нами характеристики и анализ научных трудов современную социокультурную ситуацию и социокультурные тенденции в современном мире или так называемой цифровой цивилизации, то есть «когда на смену аналоговым и линейным форматам коммуникации и функционирования систем приходят цифровые, электронные» определяют «множественностью неопределенностей социального, экономического, экологического и технологического характера, вызывающих неустойчивость развития и формирующих новый этап общественного развития» [Астафьева, Никонорова, Шлыкова, 2018, с. 517].

Если говорить конкретно о социокультурных институтах в современных условиях, то они не стали исключением и также подвергаются структурной перестройке и определяются неустойчивостью, особенно под влиянием новых технологий и смены парадигмы социальных коммуникаций. Быстро изменяющийся мир формирует новые образцы и модели, стили и направления, предлагает (а порой и навязывает) новые образы жизни, тем самым обостряя проблемы сосуществования людей, процесс адаптации к новым реалиям, поиска новых форм взамен быстро устаревающих [Астафьева, 2010, с. 272].

Кроме того, необходимо отметить такую тенденцию социокультурной реальности, которая присуща как социальному институту, так и народу и нации – это стремление, с одной стороны, включиться в глобальное развитие человеческой цивилизации, так называемый космополитизм (транснационализм), формируя соответствующие ценности, нормы и модели поведения (в экономической-информационной (технологической), политической и социальной сфер жизнедеятельности), вплоть до конструирования новой национальной идентичности, а с другой, несмотря на культурно-цивилизационные изменения, – сохранить национально-культурную идентичность и единство как одну из форм коллективных идентичностей [Швецова, 2017, с. 653]. Ограничимся одним примером непосредственно затрагивающим глобальный и локальный уровни социокультурных тенденций настоящего и будущего, и влияющий на Россию и ее социокультурные институты, как внутри страны, так и за ее пределами – конструирование новой коллективной национальной идентичности в постсоветских республиках Прикаспийского региона (Казахстан, Туркменистан, Азербайджан). По словам Е. В. Хлыщевой культурно-национальная политика в этих странах строится на «прославлении предков из древней

истории и мифов», укреплении межкультурного диалога с европейской и исламской цивилизациями и при этом на «отмежевании от российской культуры и истории» [Хлыщева, 2023, с. 219]. В результате конструирование новой коллективной национальной идентичности создает предпосылки не к диалогу, а к будущему конфликту традиций и инновационных явлений, конфликта, возникающего от столкновения прежних доминантных культурных традиций с традициями чужими и/или новыми, как привнесенными из вне, так и зародившимися внутри.

Выявление и описание динамики таких процессов на уровне социокультурных групп / институтов / государств в отдельно взятом регионе и / или стране выступает важной частью взаимодействия общественных и государственных институтов по формированию и сохранению коллективной идентичности и культурной памяти, так как «дисперсность распределения социальных групп, чья социокультурная идентичность не совпадает с принятыми в социокультурном пространстве, создает трудности для регулирования практически значимых социально-психологических и духовно-нравственных параметров, влияющих на социальное поведение групп и общество» [Силантьева].

В этом контексте недооценка, как внутри страны, так и за ее пределами, новых информационно-обменных процессов, изменение форм и механизмов коммуникации в социокультурном пространстве оборачивается не просто изменением ценностей и ценностных предпочтений индивидов, социальных групп, государств, но и пересмотром всего комплекса международных институтов и норм.

Заключение

В настоящее время социокультурные изменения глобального масштаба могут нарушить способ и механизм передачи знаний, умений и навыков последующим поколениям, размыть смыслы, накопленные исторически и передаваемые посредством коммуникации и интеракции людей и социальных институтов [Тхагапсоев, Астафьева, 2020, с. 88–91]. Последние в данном случае представляя собой структурные элементы социума и коллективной идентичности, выступают в роли «носителей информации» и субъектов коммуникации, поэтому важнейшим аспектом сохранения коллективных идентичностей является, в том числе, построение эффективного диалога группы или сообщества между собой и с внешним окружением.

Необходимо отметить, что коллективная иден-

тичность – часть общего социального процесса. Через коллективную идентичность происходит своего рода сверка смыслов человека с сообществом, культурой, традициями и памятью. Именно культура, традиции и память с особой наглядностью демонстрируют общее ценностно-нормативное ядро. «Пространство культуры – пространство общей памяти, в пределах которого тексты могут сохраняться и быть актуализированы» [Лотман, 1992, с. 201]. Поэтому под коллективной идентичностью нужно понимать не только социальное, но и культурное единство разных индивидов, осознающих себя как группу или сообщество, обладающего разделяемой его членами культурой (памятью), в том числе ценностями, нормами, отношениями и другое [Астафьева, 2010, с. 259].

В связи с этим принципиально важным представляется влияние цифрового общественного пространства на коллективную идентичность, в ходе которого возникают иные форматы взаимодействия, социальные институты и стили жизни, зачастую лишённые «морально-нравственных дискурсов» [Культурная..., 2015, с. 97], размывающие социальную и культурную солидарность и порождая конфликты, как на уровне индивидов и групп, так и на уровне общества-государства. Ключевой становится мысль «формирования культуры безопасности в современном обществе» [Колин, 2023, с. 34].

Модернизационный подход к общественным отношениям и социальным институтам с обязательным переходом от традиции к современности и акцентированием внимания на индивидуализме (потребительстве) и интернет-реальности без защиты от негативного воздействия не просто дестабилизирует социальную среду, но и создает предпосылки, а иногда и изменяет идентификационные модели. Конфликт традиций и инновационных явлений и кризис коллективных идентичностей существуют и взаимодействуют в неразрывной связи, поэтому негативные информационно-коммуникационные процессы в одной составляющей непременно сказываются на другой, игнорировать это – значит создавать непреодолимый барьер в процессе укрепления общества и страны.

Чтобы остановить процесс «размывающихся» идентичностей требуется постоянный диалог с обществом через социокультурные институты. Ведь «общество производится за счет взаимодействий между людьми, составляющих его. Само общество, как организованное и организующее

целое, обеспечивает обратную связь, чтобы производить людей через образование, язык и школу. Индивиды в своих взаимодействиях производят общество, производящее индивидов, которые его производят. Это создает спиральную цепь через историческую эволюцию» [Морен, 2019, с. 177].

Понимание этого социального самовоспроизводства с одной стороны и культурного преобразования с другой приводит нас к пониманию и необходимости формировать ценностно-смысловое поле для социокультурных институтов, включая «кодирование и декодирование информации мира культуры» [Астафьева, Тхагапсоев, 2023, с. 225] в новой системе цифрового общества. Необходимо переосмыслить социокультурные институты и их деятельность, соотнести потребности общества и возможности (влияние) социокультурных институтов, а с точки зрения государства – актуализировать социокультурный опыт и разработать культуру безопасности человека и государства в цифровом мире, определить базовые ценностно-смысловые основания для межкультурного взаимодействия и направить социокультурное развитие на преодоление неустойчивости коллективной идентичности.

Библиографический список

1. Астафьева О. Н., Никонорова Е. В. и др. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития / О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова // Обсерватория культуры: электронный журнал. 2018. Том 15. № 5. С. 516–531. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/738/573> (дата обращения: 14.02.2024)
2. Астафьева О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. С. 255–281.
3. Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 221–230.
4. Богатова О. А., Шумкова Н. В. Субкультурные сообщества провинциальной молодежи // Мониторинг общественного мнения: социальная диагностика. 2014. № 4. С. 150–156.
5. Бодрийяр Ж. Призрак толпы / Ж. Бодрийяр, К. Ясперс. Москва : Родина, 2020. 304 с.
6. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. 565 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Колин К. К. Культура безопасности: концептуальные основы постановки и изучения актуальной проблемы развития цивилизации в XXI веке // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. 2023. № 3. С. 34–49. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1829> (дата обращения: 15.05.2024)
9. Комарова А. В. Нравственный аспект философии поступка М. М. Бахтина // Сборник статей Международной конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС «Государственное управление и развитие России: национальные цели и институты». Том I. Москва : Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2019. С. 1036.
10. Комарова А. В. Религиозно-нравственный компонент в системе ценностей субкультурных сообществ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 9. С. 102–106.
11. Концепция внешней политики РФ: Указ Президента Российской Федерации № 229 от 31.03.2023. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMaucLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae> (дата обращения: 10.03.2024)
12. Кравец С. Л. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2012790> (дата обращения: 15.01.2024)
13. Крестиненко Н. В. Трансформация функций запретов в сетевой культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 221–228.
14. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. Москва : Совпадение, 2015. 168 с.
15. Лотман Ю. М. Избранные статьи: Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин : Александр, 1992. 479 с.
16. Манхейм К. Избранное. Социология культуры. Москва : Университет. кн., 2000. 505 с.
17. Морен Э. О сложности. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2019. 284 с.
18. Орлова Э. А. История антропологических учений : учебник для студентов педагогических вузов. Москва : Академический Проект; Альма-Матер, 2010. 621 с.
19. Полифония городских пространств: интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция / Майсциес В., Иливицкая Л., Кузовенкова Ю. [и др.]. URL: <https://samsmu.ru/files/news/2014/011014/poly> (дата обращения: 25.02.2024)
20. По неписаным законам улицы.... Москва : Юрид. Лит., 1991. 336 с.
21. Рошак Т. Истоки контркультуры. Москва : АСТ, 2014. 380 с.
22. Сафронов Э. Е. Постправда, или Коммуникативная логика цифрового капитализма // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. 2023. № 3. С. 96–106. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1833> (дата обращения: 10.05.2024)
23. Силантьева М. В. Религия в поле цивилизационных конфликтов: способы профилактики // Социология религии: электронный журнал. URL: <https://religio.amursu.ru/images/Volumes/2018/4/14/14-Silantyeva> (дата обращения: 20.02.2024)
24. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.03.2024)
25. Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н. Информационно-семиотическая теория культуры. Введение / Х. Г. Тхагапсоев, О. Н. Астафьева, И. И. Докучаев, И. В. Леонов. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. 208 с.
26. Фейк-ньюс – и как с ними бороться? Данные исследования на тему недостоверной информации в Интернете, проведенного по заказу Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2023. 22 нояб. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 02.03.2024)
27. Хлыщева Е. В. Специфика культурной политики стран Прикаспия: сравнительный анализ // Верхневолжский филологический вестник: электронный журнал. 2023. №3. С. 213–221.
28. Швецова А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры: электронный журнал. 2017. Т. 14. № 6. С. 653–661. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/553/497> (дата обращения: 30.01.2024)
29. Шендрик А. И. Социология культуры : учебное пособие. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 495 с.
30. Школьное образование в эпоху фейков. Результаты опроса россиян об информационной безопасности школьников // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): сайт. 2023. 27 нояб. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-v-ehpokhu-feikov> (дата обращения: 02.03.2024)
31. Штомка П. Социология: Анализ современного общества. Москва : Логос, 2005. 655 с.
32. Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Сорокин П. С. Социальные институты: опыт анализа социальных изменений сел в Белгородской области // Социологические исследования: электронный журнал. 2016. №12. С. 62–68.

Reference list

1. Astafeva O. N., Nikonorova E. V. i dr. Kul'tura v cifrovoj civilizacii: novyj jetap osmyslenija strategii budushhego dlja ustojchivogo razvitija = Culture in digital

civilization: a new stage in understanding a future strategy for sustainable development / O. N. Astaf'eva, E. V. Nikonorova, O. V. Shlykova // *Observatorija kul'tury: jelektronnyj zhurnal*. 2018. Tom 15. № 5. S. 516–531. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/738/573> (data obrashhenija: 14.02.2024)

2. Astaf'eva O. N. Restrukturizacija i demarkacija kollektivnyh identichnostej v uslovijah globalizacii: budushhee nacional'no-kul'turnoj identichnosti = Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity // *Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah*. 2010. Tom IV. S. 255–281.

3. Astaf'eva O. N., Thagapsoev H. G. Istoki stanovlenija i osnovanija dlja razvitija informacionno-semioticheskoj teorii kul'tury = Origins of formation and grounds for the development of the information-semiotic theory of culture // *Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik*. 2023. № 4 (35). S. 221–230.

4. Bogatova O. A., Shumkova N. V. Subkul'turnye soobshhestva provincial'noj molodezhi = Subcultural communities of provincial youth // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: social'naja diagnostika*. 2014. № 4. S. 150–156.

5. Bodrijar Zh. Prizrak tolpy = The phantom of the crowd / Zh. Bodrijar, K. Jaspers. Moskva : Rodina, 2020. 304 s.

6. Veber A. Izbrannoe: Krizis evropejskoj kul'tury = Selected works: The crisis of European culture. Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 1998. 565 s.

7. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura = The Information age: economy, society and culture. Moskva : GU VShJe, 2000. 608 s.

8. Kolin K. K. Kul'tura bezopasnosti: konceptual'nye osnovy postanovki i izuchenija aktual'noj problemy razvitija civilizacii v XXI veke = Security culture: conceptual basis for posing and studying the urgent problems of civilization development in the XXI century // *Znanie. Ponimanie. Umenie: jelektronnyj zhurnal*. 2023. № 3. S. 34–49. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1829> (data obrashhenija: 15.05.2024)

9. Komarova A. V. Nravstvennyj aspekt filosofii postupka M. M. Bahtina = Moral aspect of M. M. Bakhtin's philosophy of the act // *Sbornik statej Mezhdunarodnoj konferenc-sessii IGSU RANHiGS «Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: nacional'nye celi i instituty»*. Tom I. Moskva: Izdatel'skij dom «NAUCHNAJA BIBLIOTEKA», 2019. S. 1036.

10. Komarova A. V. Religiozno-nravstvennyj komponent v sisteme cennostej subkul'turnyh soobshhestv = Religious and moral components in the value system of subcultural communities // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, 2017. № 9. S. 102–106.

11. Konceptija vneshnej politiki RF: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 229 ot 31.03.2023 = The concept of the RF foreign policy: Decree of the President of the

Russian Federation No. 229 of 31.03.2023. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae> (data obrashhenija: 10.03.2024)

12. Kravec S. L. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. = The Big Russian Encyclopedia. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2012790> (data obrashhenija: 15.01.2024)

13. Krestinenko N. V. Transformacija funkcij zapretov v setevoj kul'ture = Transformation of prohibition functions in network culture // *Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik*. 2023. № 2 (33). S. 221–228.

14. Kul'turnaja pamjat' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti Rossii v XXI veke = Cultural memory in the context of forming Russia's national identity in the XXI century: kollektivnaja monografija / Novyj in-t kul'turologii; otv. red. N. A. Kocheljaeva. Moskva : Sovpadenie, 2015. 168 s.

15. Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i: T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury = Selected articles: V. 1: Articles on semiotics and typology of culture. Tallin : Aleksandra, 1992. 479 s.

16. Manhejm K. Izbrannoe. Sociologija kul'tury = Selected works. Sociology of culture. Moskva : Universitet. kn., 2000. 505 s.

17. Moren Je. O slozhnosti = On complexity. Moskva : Institut obshhegumanitarnyh issledovanij, 2019. 284 s.

18. Orlova Je. A. Istorija antropologicheskikh uchenij = History of anthropological doctrines : uchebnik dlja studentov pedagogicheskikh vuzov. Moskva : Akademicheskij Proekt; Al'ma-Mater, 2010. 621 s.

19. Polifonija gorodskih prostranstv: internacional'nyj nauchno-issledovatel'skij al'manah. Obzory i koncepcija = Polyphony of urban spaces: an international research almanac. Reviews and the concept / Majscies V., Ilivickaja L., Kuzovenkova Ju. [i dr.]. URL: <https://samsmu.ru/files/news/2014/011014/poly> (data obrashhenija: 25.02.2024)

20. Po nepisanyh zakonam ulicy... = By the unwritten laws of the street... . Moskva : Jurid. Lit., 1991. 336 s.

21. Roshak T. Istoki kontrkul'tury = The origins of counterculture. Moskva : AST, 2014. 380 s.

22. Safronov Je. E. Postpravda, ili Kommunikativnaja logika cifrovogo kapitalizma = Post-truth, or the communicative logic of digital capitalism // *Znanie. Ponimanie. Umenie: jelektronnyj zhurnal*. 2023. № 3. S. 96–106. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1833> (data obrashhenija: 10.05.2024)

23. Silant'eva M. V. Religija v pole civilizacionnyh konfliktov: sposoby profilaktiki = Religion in the area of civilizational conflicts: prevention means // *Sociologija religii: jelektronnyj zhurnal*. URL: <https://religio.amursu.ru/images/Volumes/2018/4/14/14-Silantyeva> (data obrashhenija: 20.02.2024)

24. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 400 ot 02.07.2021 = National security strategy of the Russian Federation. The Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 02.07.2021. URL:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (data obrashhenija: 10.03.2024)

25. Thagapsoev H. G., Astaf'eva O. N. Informacionno-semioticheskaja teorija kul'tury. Vvedenie = Information-semiotic theory of culture. Introduction / H. G. Thagapsoev, O. N. Astaf'eva, I. I. Dokuchaev, I. V. Leonov. Sankt-Peterburg : Asterion, 2020. 208 s.

26. Fejk-n'jus – i kak s nimi borot'sja? Dannye issledovanija na temu nedostovernoj informacii v Internete, provedennogo po zakazu Jekspertnogo instituta social'nyh issledovanij (JeISI) = Fake news – and how to fight them? Research data on the topic of false information on the Internet, commissioned by the Expert Institute for Social Research (EISR) // Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mnenija (VCIOM). 2023. 22 nojab. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (data obrashhenija: 02.03.2024)

27. Hlyshheva E. V. Specifika kul'turnoj politiki stran Prikaspija: sravnitel'nyj analiz = Specifics of cultural policy in the Caspian Sea countries: comparative analysis // *Verhnevolskij filologicheskij vestnik: jelektronnyj zhurnal*. 2023. №3. S. 213–221.

28. Shvecova A. V. Nacional'naja identichnost' kak sociokul'turnyj fenomen = National identity as a sociocul-

tural phenomenon // *Observatorija kul'tury: jelektronnyj zhurnal*. 2017. T. 14. № 6. S. 653–661. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/553/497> (data obrashhenija: 30.01.2024)

29. Shendrik A. I. Sociologija kul'tury = Sociology of culture : uchebnoe posobie. Moskva : JuNITI-DANA, 2005. 495 s.

30. Shkol'noe obrazovanie v jepohu fejkov. Rezul'taty oprosa rossijan ob informacionnoj bezopasnosti shkol'nikov = School education in the age of fakes. Results of a survey of Russians on schoolchildren information security // Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mnenija (VCIOM): sajt. 2023. 27 nojab. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-v-ehpokhu-feikov> (data obrashhenija: 02.03.2024)

31. Shtomka P. Sociologija: Analiz sovremennogo obshhestva = Sociology: Analyzing modern society. Moskva : Logos, 2005. 655 s.

32. Jefendiev A. G., Balabanova E. S., Sorokin P. S. Social'nye instituty: opyt analiza social'nyh izmenenij sel v Belgorodskoj oblasti = Social institutions: an experience of analyzing social changes in the Belgorod region villages // *Sociologicheskie issledovanija: jelektronnyj zhurnal*. 2016. №12. S. 62–68.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 7.01
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-234
EDN: XMFGFC

Эстетическая практика В. В. Стасова и практическая эстетика архитектора Г. Земпера

Ирина Михайловна Фатеева

Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой архитектуры и изобразительных дисциплин, Костромская государственная сельскохозяйственная академия. 156530, Костромская область, пос. Караваяево, ул. Учебный городок, д. 34
i_fateewa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9555-4641>

Аннотация. В условиях становления индустриального производства в XIX в. актуализировался вопрос о развитии художественной промышленности. Важную роль в его решении сыграли теоретические поиски немецкого архитектора Г. Земпера, опубликованные в труде «Практическая эстетика». В то же время русский художественный критик В. В. Стасов, занимаясь просветительской, научной, исследовательской, критической деятельностью, высказывал свое мнение по данной проблеме. В настоящей статье предпринята попытка выявить и соотнести имплицитную по своему характеру эстетику Стасова по рассматриваемому вопросу с положениями передовой эстетической мысли, изложенной в «Практической эстетике» Земпера, используя аналитический и сравнительно-исторический методы.

Эстетические взгляды художественного критика Стасова, рассмотренные в контексте положений «Практической эстетики» Земпера, позволяют сделать вывод о точках соприкосновения отечественной и европейской эстетической мысли во второй половине XIX в. Проведенное сопоставление взглядов двух выдающихся представителей культуры позиционирует их как единомышленников во многих вопросах. Стасов призывал создавать новое, выдвигая требования, совпадающие с положениями земперовской теории обусловленности стиля – выявления первичных мотивов, учета внешних условий, многовековой традиции работы с материалом.

Земпер не считал свою теорию «чисто эстетической дисциплиной или отвлеченной теорией прекрасного», созданная им практическая эстетика послужила для осмысления законов формообразования в условиях становления индустриального производства. Эстетические взгляды Стасова, отраженные в его многочисленных статьях и обзорах, также претворялись в эстетической практике рассматриваемого периода.

Ключевые слова: эстетизация материальной среды; индустриальное производство; эстетическая теория; художественные ремесла; формообразование; художественная промышленность; первичные формы

Для цитирования: Фатеева И. М. Эстетическая практика В. В. Стасова и практическая эстетика архитектора Г. Земпера // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 234–241. <https://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-234>. <https://elibrary.ru/XMFGFC>

Original article

Aesthetic practice of V. V. Stasov and practical aesthetics of the architect G. Semper

Irina M. Fateeva

Candidate of philosophical sciences, associate professor, head of the department of architecture and art disciplines, Kostroma state agricultural academy. 156530, Kostroma region, Karavaevo sett., Uchebny gorodok st., 34
i_fateewa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9555-4641>

Abstract. The development of the art industry was actualized in the conditions of industrialization in the XIX century. An important role in addressing this issue was played by the German architect G. Semper's theoretical research, published in the work Practical Aesthetics. At the same time, the Russian art critic V. V. Stasov, engaged in educational, scientific work and art criticism, expressed his opinion on this problem. The present article attempts to identify Stasov's implicit aesthetics on the issue and correlate it with the provisions of advanced aesthetic ideas stated in Semper's «Practical Aesthetics» using analytical and comparative-historical methods. Aesthetic views of the art critic Stasov, considered in terms of Semper's Practical Aesthetics, lead to the conclusion about the points of contact between Russian and European aesthetic thought in the second half of the XIX century. The comparison of the views of the two

prominent cultural figures shows their like-mindedness on many issues. Stasov called for the creation of the new, suggesting principles that coincide with those of Semper's style-conditioning theory – identification of primary motives, consideration of external conditions, centuries-old tradition of working with the material. Semper did not consider his theory «purely aesthetic discipline or abstract theory of the beautiful». His practical aesthetics helped to understand the laws of form construction at the time of industrialization. Similarly, Stasov's aesthetic views, outlined in his numerous articles and reviews, were implemented in the aesthetic practice of the period under review.

Key words: aestheticization of material environment; industrial production; aesthetic theory; artistic crafts; shaping; art industry; primary forms

For citation: Fateeva I. M. Aesthetic practice of V. V. Stasov and practical aesthetics of the architect G. Semper. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(3):234–241. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-234>. <https://elibrary.ru/XMFGFC>

Введение

В XIX в. произошли радикальные изменения предметно-пространственной среды: индустриальное производство с массовым выпуском машинной продукции, не освоенной в эстетическом плане, разрушило привычные гармоничные отношения между человеком и предметом. Происходящие изменения требовали осознания и разрешения кризисной ситуации, «ничто другое во второй половине XIX в. не подвергало общесоциальные и эстетические позиции того или иного мыслителя и художника столь строгой проверке, как характер отношения к новым реалиям предметно-пространственной среды, порождённой капиталистическим производством» [Кисунько, 1974, с. 34]. Вектор взгляда на проблему формировался общественной мыслью, в первую очередь людьми культуры.

В русской культуре второй половины XIX века значительную роль играл выдающийся художественный критик Владимир Васильевич Стасов (1824–1906 гг., 200 лет со дня рождения). Своей активной профессиональной деятельностью он охватывал все виды искусств: музыку, живопись, скульптуру, прикладное искусство, архитектуру. Побуждая художников, музыкантов к творчеству, оказывая им всестороннюю помощь, Стасов способствовал появлению многих произведений искусства, без которых сегодня трудно представить наследие отечественной культуры. Стасов не остался в стороне от насущных вопросов времени: наследие критика дает возможность проанализировать его отношение к изменениям предметной среды.

В советский период критико-публицистическая деятельность Стасова изучалась в контексте социалистического реализма, активно разрабатывались принципы, составляющие символ веры стасовской эстетики: реализм, национальность, народность, а также отдельные вопросы по воспитанию эстетического вкуса

народа, связи искусства и промышленности [Кисунько, 1974]. Стасов оставался примером профессионального служения, будил «энергию и искреннюю настоящую любовь к искусству и самопознанию» [Новицкий, 1909, с. 7].

В начале XXI в. предпринималась попытка преодолеть односторонность взгляда на эстетическое наследие критика. Так, в анализе книги «XIX век» в очерке «Эстетические прогнозы на XX век, сверенные пост фактум» В. П. Крутоус вскрывает «рационалистическую ограниченность воззрений Стасова на искусство» [Крутоус, 2000, с. 154]. Открывшиеся возможности в изучении эстетических воззрений Стасова были частично реализованы автором настоящей статьи в монографии [Фатеева, 2009].

В свете памятной даты Стасова, отмечаемой в 2024 г., представляется интересным обратиться к наследию критика, обосновать прогрессивность его взглядов на происходящие изменения предметно-пространственной среды, сопоставив с взглядами известного представителя европейской культуры – Готфрида Земпера (1803–1879 гг.). Признанный труд Земпера «Практическая эстетика» может служить теоретической основой, определяющей направление развития эстетической мысли второй половины XIX в.

Цель настоящего исследования – выявить и соотнести имплицитную по своему характеру эстетику критика по рассматриваемому вопросу с положениями передовой эстетической мысли, изложенной в «Практической эстетике» Земпера, используя аналитический, сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования

Происходящее техническое обновление мира не испугало Стасова: осознав открывшиеся практические возможности, он с воодушевлением пишет Л. Н. Толстому: «На что ездить на лошадях, когда есть электричество и десятки других двигателей...» [Лев Толстой и В. В. Стасов, 1929, с. 95–

96]. Гуманистические принципы сблизили его с позицией революционных демократов. Стасов, как и В. Г. Белинский, увидел в технических новациях возможности «близкого освобождения человека от материальных работ <...>, от рабства нужды и вещественности» [Белинский, 1981, с. 91–92], демократическую направленность происходящих изменений.

Вопрос об отношениях искусства и техники актуализировала первая Всемирная выставка, прошедшая в 1851 г. в Лондоне.

В это время Стасову исполнилось 26 лет, за плечами было Училище Правоведения (1836–1842 гг.). Молодого Стасова характеризует выраженный атеизм, независимость мысли, его интеллектуальный багаж составляют произведения русской реалистической литературы, труды Дидро, Лессинга (они «потрясли и перевернули мои прежние понятия и устремили меня к независимости мысли и к свободному обсуждению» [ИРЛИ РАН, л. 1], Платона, Канта, Гегеля, Гердера, Гейне, Винкельмана. В процессе глубокого критического осмысления XIX века – времени «сознания, философствующего духа, размышления, „рефлексии“» [Белинский, 1968, с. 508], Стасов выбирает профессиональный путь служения искусству, в котором он намерен устранять накопившиеся предрассудки: он едет в Италию для занятий исследовательской деятельностью. Итальянские годы (1851–1854 гг.) явились первым шагом по выбранному пути. Занятия искусством не помешали Стасову оставаться в курсе происходящего.

Начавшийся кризис в материально-художественной сфере требовал от общества «отыскать новые взаимосвязи между художественным творчеством, эстетическим осознанием мира и бурно развивающимся техническим прогрессом» [Земпер, 1970, с. 9].

Эту задачу и ставит перед собой немецкий архитектор, теоретик, педагог Земпер (1803–1879 гг.) – многогранный талант, профессионал в художественной, инженерной, археологической областях, разбирающийся в вопросах техники, музейного, театрального дела. Земпера отличала «критическая направленность мысли, стремление преодолеть утопичность многих известных ему идей и стихийность „художественного приспособленчества“ к изменившимся условиям» [Земпер, 1970, с. 11]. Обращает внимание изначальная сопоставимость устремлений, личных и профессиональных качеств рассматриваемых персоналий. Стасов младше немецкого исследователя на

20 лет, но они одновременно оценили важность проблемы века и деятельно откликнулись на нее: один – разрабатывая теорию, другой – в процессе критико-публицистической, научной исследовательской деятельности.

Осуществляя разбор экспонатов Всемирной выставки в Лондоне, Земпер пишет статью «Наука, промышленность и искусство» (1851 г.), где *первым поднимает вопрос о проблемах художественной формы в промышленных изделиях, задумывается о создании теории художественной формы, как «практической лоции, указывающей надежный путь следованию цели»* [Земпер, 1970, с. 53].

Научная работа, многочисленные лекции привели к созданию «*лоции*» – главного труда «Практической эстетики» («Стиль в технических и тектонических искусствах», первое издание 1860–1863 гг.), в котором были сформулированы основные положения земперовской теории обусловленности стиля. Термин «Практическая эстетика» (*die praktische Aesthetik*) и понятие «*das Kunstgewerbe*» (художественное ремесло) связывают с именем Земпера [Земпер, 1970, с. 12].

Сегодня историческая заслуга Земпера определяется самой постановкой вопроса о связи эстетики и техники в середине XIX века, начертанием пути следования к цели – преодолению кризисной ситуации. Сам Земпер, одобряя технический прогресс, понимал ситуацию как возникшее «замешательство в области человеческой деятельности, посвященной познанию и изображению прекрасного» [Земпер, 1970, с. 51]. Установленный приоритет немецкого ученого актуализирует сопоставление эстетических взглядов Стасова и Земпера.

Всемирная выставка в Лондоне помогла критике Стасову осознать решение проблемы эстетизации предметно-пространственной среды в глобальном масштабе, как цель всех европейских народов.

Указать путь к общей цели берется Земпер. Теоретические изыскания убеждают его в том, что начинать надо с древности, выявляя первичные формы. Немецкий ученый заключает: «В основе всего прикладного искусства лежат определенные первичные исходные формы, обусловленные первоначальной идеей» [Земпер, 1970, с. 54] и приводит убедительные примеры решающего влияния первичных форм на развитие искусства. Изучая созидательное прошлое человечества, выстраивая свою теорию обусловленности стиля, Земпер двигался в русле стасовских приоритетов народного, национального.

Стасов, как и Земпер, исходил из приоритета художественных ремесел по отношению к архитектуре, поэтому для него также был важен поиск «корней»: «У нас есть прошедшее дорогое и неизгладимое, от которого мы ни за что не отступимся» [Стасов, 1954, с. 44]. В дальнейшем такой подход в постижении законов красоты станет характерным для русского авангарда начала XX века, с его устремлением к корням, «к первобытности формы» (К. Малевич), народному искусству.

Призыв Земпера изучать «исторические основы стиля», осуществлялся Стасовым независимо, по его глубокому убеждению. Исследуя древнерусское наследие, он «приготавливал для нации и потомства возможности видеть и изучать русский народ и не только, ещё в его коренных <...> необезличенных формах» [ИРЛИ РАН, л. 19]. Для него, также как и для немецкого ученого, художественные ремесла – это богатейший опыт мастеров, дающий ключ для познания законов прекрасного, закона стиля (свойств материала, особенностей технологии обработки). В своих критических оценках, руководствуясь принципами народного эстетического сознания, он неизменно демонстрировал чувство стиля.

Уникальность критика Стасова состоит в том, что на все искусства он смотрел также и как исследователь. Последнее было выработано его обширной деятельностью в области изучения национально-культурных древностей. Приоритетную глубину постижения древнерусского наследия для него составляла старославянская часть, представляющая «архетипическую основу многих выдающихся произведений древнерусского искусства» [Бычков, 1988, с. 6]. Исследования критика на темы: «Древнерусские одежды и вооружение», «Коньки на крестьянских крышах», «Женские головные уборы и их украшения», «Дуга и пряничный конек» – есть ни что иное, как изучение, анализ первичных мотивов. Стасов, как и Земпер, активно использует сравнительный метод, выявляя связи между искусствами, национальными культурами. «Национальное» у Стасова соотносится с категорией «общемирового».

Не только в исследовательской работе, но и в организации выставок Стасову был важен научный подход. Он признавался, что на выставке, «сравнивая черту за чертою, вещь за вещь все предметы народного нашего быта с подобными же предметами жизненной обстановки азиатских и финских племён, приподнимаешь завесу, которая закрыла историю самой его древности» [ИРЛИ РАН, л. 21]. Безусловно, подход Стасова

соответствует земперовскому. Развитое чувство стиля у Стасова помогало ему самостоятельно обнаруживать в произведениях народного искусства проявления законов «практической эстетики», о которых писал Земпер. При этом научный подход критика совпадает со сравнительно-описательным методом немецкого ученого.

Изучая первичные формы в развитии, Земпер указывает на их модификацию под влиянием материалов, инструментов, внешних влияний. Он рассматривал материал «активным элементом, участвующим в творческом процессе» [Земпер, 1970, с. 107], обладающим своим стилем, разработанным в процессе многовекового применения. Земпер призывал к осторожности в использовании новых материалов. Преодоление кризиса в развивающейся художественной промышленности связывалось им с осознанием первичных исходных форм, свойств материалов, влияния используемых технологических процессов, в целом – с соблюдением требований его теории обусловленности стиля. Земпер подчеркивал, что его теория «показывает не пути создания художественной формы», а «стремится выяснить составляющие элементы, образующие формы, сами не являющиеся формами – цели, силы, материалы и средства и наряду с ними исходные элементы и основные условия, определяющие формы» [Земпер, 1970, с. 176]. Он считал, что эти «составляющие элементы», определяющие функциональную целесообразность и технологию, смогут привести к бесконечному разнообразию форм в условиях индустриального производства. Такой взгляд Земпера предвосхищает развитие функционализма, индустриального дизайна в последующее время. В XX веке философ Ж. Бодрийяр напишет: «происходящее с вещью в технологической области – это существенное», необходимо «с самого начала выделять в вещах план их рациональности, то есть их объективно-технологическую структурность» [Бодрийяр, 1999, с. 9].

Земпер не делает различия между прикладными искусствами и архитектурой, поэтому перечисленные составляющие элементы – для него это факторы, обуславливающие стиль. Современный исследователь предметной культуры М. Коськов пришел к заключению, что теоретическая мысль XX в. в отношении формообразования недалеко ушла от теории XIX в., выводов немецкого ученого [Коськов, 2004, с. 52].

Лоция Земпера – «Практическая эстетика» послужила методикой «предпроектного» этапа формообразования в художественной промышленно-

сти, указала путь, подтвержденный последующим развитием предметного дизайна. В своем труде Земпер указывает, что художественные ремесла «подчинялись <...> своего рода своду законов практической эстетики, ещё до создания монументального искусства, позаимствовавшему у них <...> уже сложившийся язык форм» [Земпер, 1970, с. 177]. Он предлагает в собраниях (музеях) читать лекции по теории обусловленности стиля, помогающей найти ответы на освоение предметного мира, созданного промышленностью «так как с ней связаны все вопросы художественной технологии» [Земпер, 1970, с. 86]. Работа с материалом, освоение художественной технологии, станут главными задачами при обучении в первых школах дизайна – во ВХУТЕМАСе и БАУХАУЗе.

Безусловно, как критик, Стасов чаще имел дело с изобразительными формами, но он осознавал ценность предметных художественных форм «служебного» искусства. В эстетически освоенном предметном мире он видел залог успешного развития архитектуры и других искусств: «Настоящее, цельное, здоровое в самом деле искусство существует уже лишь там, где потребность в изящных формах, в постоянной художественной внешности простёрлась уже на все сотни тысяч вещей, ежедневно окружающих нашу жизнь. Народилось настоящее, не призрачное, народное искусство лишь там, где и лестница моя изящна, и комната, и стакан, и ложка <...> и так до последнего предмета – там уже, наверное, значительна, будет и интересна по мысли и форме архитектура, и вслед за нею живопись и скульптура» [Стасов, 1952, Т. 1, с. 540]. Критик обнаруживает наличие связей «по мысли и форме» между художественными ремеслами, живописью, скульптурой. В то же время Земпер планировал в своей научной работе рассмотреть (но не осуществил) «технические» искусства вместе с «высокими». Таким образом, критик и ученый продемонстрировали комплексный подход к изучению искусства.

Стасов «благословляет» расширение границ искусства и эстетики, призывает «...разрушить прежние узкие и ограниченные рамки искусства, признающего только торжественную исключительность „великого“ искусства и упрямо игнорирующего значение „маленького“» [Стасов, 1952, Т. 2, с. 422]. Он удовлетворен тем, что сегодня у «искусства и его науки (эстетики) оказалась целая глава и целый отдел, которые называются „прикладным искусством“ („arts industriels“, „Kunstindustrie“ – художественная промышленность и т. д.), куда входят и опяхало, и стол, и стул, и ми-

ниатюра, и колонна, и капитель, и всякий орнамент, <и> т. д. и т. д. без конца, и никто не думает изгонять их из области искусства!» [Стасов, 1967, Т. 2, с. 35].

Для Стасова ясно, что в новых условиях значительного выпуска массовой машинной продукции, художественная промышленность призвана решить проблему посредством участия в ней художника, который сможет довести предмет «до степени изящества, художественности» [Стасов, 1952, Т. 1, с. 539], освоить его эстетически. Таким образом, критик предвосхищает развитие дизайна, заявившего о себе уже после смерти Стасова (1906г.) и осуществившего «индустриальное формирование во взаимодействии с искусством, промышленностью и ремёслами» [Михайлов, 2002, с. 171].

Стасов призывал создавать новое на основе первичных мотивов, многовековой традиции, учета внешних условий, то есть в соответствии с требованиями земперовской теории обусловленности стиля.

Уважительное отношение к традициям народного искусства не мешало критику требовать «почина и собственной новой изобретательности», призывать мастеров к творчеству: «... предки предками – но и самим что-нибудь починать и выдумывать...» [Стасов, 1894, Т. 1, с. 523]. При этом результаты «почина» должны обладать демократической интенцией, представлять «необезличенные формы», в этом смысле стиль модерн не прошел у него проверку. Но, возможно, передовой взгляд на современную архитектуру: одобрение новой стеклянно-железной архитектуры в Европе, начинающегося индустриального коттеджного строительства в Англии, помогли бы критику в дальнейшем не быть таким ригористичным и по-другому отнестись к новаторским поискам в отечественном искусстве и архитектуре.

Стасов предлагает «вспомнить себя», он приветствует «русский стиль», в котором царит «мотив», представленный народным орнаментом, главной визитной карточкой стиля. В «русском стиле» орнамент становится способом эстетического кодирования формы, привнося в архитектуру и искусство национальное, народное. Орнамент детерминирован формой лишь в плане композиционного размещения и имеет определенную степень свободы. Размышление современного философа о природе русского стиля приводит к заключению, что он демонстрирует специфику русского национального чувства формы, утвер-

ждая «бесформенность как тип формы» [Ревзин, 2002, с. 38].

Земпер находил, что «в бесконечном разнообразии мира форм именно отказ от готовых форм приводит к характерной значимости и неповторимой красоте» [Земпер, 1970, с. 53], но в своей теории он не дает рецептов формы, а предлагает сравнительно-описательный метод изучения первичных форм, рассматривает вопросы обусловленности стиля. В определенной степени Земпер смотрел на первичную форму глазами современного дизайнера (представителя системного дизайна), для которого форма – «это универсальный феномен, своего рода форма памяти, в которой свернуты и на время „законсервированы“ как исторические, так и современные обстоятельства его существования» [Якуничев, 2019, с. 12]. Подробно описывая первичную форму, сравнивая ее с другими Земпер «расконсервирует» ее, извлекает ценную информацию. Также работал с наследием и Стасов.

Немецкий ученый справедливо считал, что «для поднятия общего уровня понимания искусства, к чему мы стремимся <...> нет ничего более необходимого, чем добиться этого в области технического (прикладного) искусства» [Земпер, 1970, с. 177]. Он предлагал изучать законы практической эстетики на выставках и в музеях.

Мысль Земпера интегрируется с проблемой воспитания, улучшения вкуса народа. К средствам воспитания в этом направлении он относит: художественные собрания (музеи), лекции, организацию мастерских, практическое обучение, поощрения за способности, успехи в творческой деятельности и т. п. Все перечисленное составляет его собственную практическую деятельность.

Известная просветительская, выставочная работа Стасова подтверждает его одобрение подобных средств воспитания вкуса народа. Кроме этого, он, как и Земпер, возлагал большие надежды на воспитательное воздействие эстетической среды – самим предметным окружением.

Всемирные выставки (и не только всемирные) Стасов оценивал с точки зрения возможности «подействовать на художественную струнку в каждом человеке» [Стасов, 1952, Т. 1, с. 539]. В обзорах Всемирных выставок (Россия участвовала в выставках 1862, 1867, 1873 г.) он неизменно озвучивал требования «формы представления» [Стасов, 1952, Т. 1, с. 540], и так же как Земпер призывал выявлять «специальность» и «техническую задачу» [Стасов, 1952, Т. 1, с. 548], объединяющую их. Но при этом, для Стасова суще-

ственным оставался и художественный замысел экспозиции – концепция. Это указывает на прогрессивность взгляда критика, предвосхищение им методов современных дизайнеров – устроителей выставок в XXI веке.

В своих обзорах Стасов не только отмечает недостатки отечественных экспозиций, но дает практические рекомендации по их обустройству.

Воспитание «художественной струнки» в народе посредством выставок и музеев – важное направление стасовской деятельности. Как многим другим в это время, для него образцом служили европейские музеи – «единственно возможный путь, чтобы заинтересовывать людей» [Стасов, 1962, Т. 1, с. 218]. Впрочем, это не помешало критику отметить отечественные новации.

Одним из первых он откликнулся на русскую инициативу – московскую этнографическую выставку 1867 г., считая ее примером для Европы, в то время не имевшей национальных этнографических музеев. Человек науки – исследователь древностей, он сумел оценить художественное воплощение концептуального замысла устроителей выставки, по которому «в одну залу, под одну кровлю сошлись одноземельцы русские с разнообразнейших концов нашего отечества» [Стасов, 1894, с. 946].

Здесь критик по-прежнему остается на реалистических позициях и требует «верного представления действительности» [Стасов, 1894, с. 938], чтобы «изучить народ в тех формах бытовой обстановки, среди которых совершается вся его жизнь» [Стасов, 1894, с. 938], так как обеспокоен, что «начинают сглаживаться характерные, самобытные формы национального быта» [Стасов, 1894, с. 946].

Стасов не согласен с теми критиками, которые считают достойным представления только красивое, редкое, исключительное, «мундирное». Для Стасова этнография – наука, а «крест, рубаха, лопата, телега, изба... – важный этнографический материал» [Стасов, 1894, с. 943]. Эти подлинные предметы быта, отмеченные жизнью, предстают в «необезличенных» формах, как определял сам Стасов, сохраняют свой «лик» – образ. Включенная в художественно освоенное экспозиционное пространство, такая форма становится музейным образом. В отличие от других критиков, Стасов рассмотрел и оценил как прогрессивную, тенденцию к усилению художественных принципов в организации этнографической выставки, обнаружив не только научный, но и художественный способ мышления.

В отношении организации музеев художественной промышленности, критик остается сторонником рекомендаций Земпера, в которых тот призывал «охватить все основные элементы всех областей производства, включая архитектуру и все прочие виды искусства» [Земпер, 1970, с. 85], руководствуясь и «историческими, этнографическими и технологическими принципами» [Земпер, 1970, с. 84]. Но в отличие от Земпера-ученого, в оценке русской этнографической выставки Стасов смог подойти индивидуально, продемонстрировать независимый взгляд: обнаружить и одобрить новаторство, в котором прослеживаются некоторые черты современного «образно-сюжетного метода» проектирования музейной экспозиции [Поляков, 1977.]

Объективность, независимость, принципиальность, научный и художественный профессионализм оценок – характерные черты эстетической практики критика Стасова.

Заключение

Эстетические взгляды художественного критика Стасова, рассмотренные в контексте положений «Практической эстетики» Земпера, позволяют сделать вывод о точках соприкосновения отечественной и европейской эстетической мысли во второй половине XIX века. Проведенное сопоставление взглядов двух выдающихся людей культуры позиционирует их как единомышленников. Стасов призывал создавать новое, выдвигая требования, совпадающие с положениями земперовской теории обусловленности стиля – выявления первичных мотивов, учета внешних условий, многовековой традиции работы с материалом.

Земпер не считал свою теорию «чисто эстетической дисциплиной или отвлеченной теорией прекрасного», созданная им практическая эстетика послужила для осмысления законов формообразования в условиях становления индустриального производства. Эстетические взгляды Стасова, отраженные в его многочисленных статьях и обзорах, также претворялись в эстетической практике, рассматриваемого периода.

Результаты настоящего исследования выявляют прогрессивность взглядов Стасова не только на проблему изменений в предметно-пространственной среде, но и на методы изучения наследия прошлого, установления их влияния на развитие искусства, актуализацию вопросов по воспитанию вкуса народа, организацию музейных и выставочных экспозиций.

Земпер разрабатывал эстетическую теорию, а критик Стасов, занимаясь научной исследовательской, просветительской деятельностью, независимо излагал созвучные немецкому ученому передовые мысли, тем самым подготавливал почву для развития художественной промышленности, индустриального дизайна.

Инновационный подход к дизайнерскому проектированию настоящего времени обеспечивался шагами тех, кто первыми обратились к проблеме индустриального формообразования. Сегодня поиски закона формообразования, в принципе сводятся к интеграции факторов, требований, внешних условий, о которых писали Земпер и Стасов. Таким образом, признанная историческая заслуга Земпера в определенной степени относится и к русскому художественному критику Стасову.

Современных ученых увлекают поиски смыслов на границах явлений, в отдаленных уголках научного ландшафта, но это не исключает обращения к тому, что уже достаточно изучено, но часто требует преодоления однозначности прежних оценок, нетривиальных подходов. Мир выдающейся личности – благодатный источник, в нем обязательно находится что-то еще не востребованное. Это в первую очередь относится к изучению деятельности представителей русской культуры: многогранных талантов, пламенных публицистов, мыслителей, таких, как Стасов.

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Собр. Сочинений : В 9 т. Москва : Худож. лит., 1981. Т. 7. 799 с.
2. Белинский В. Г. Избранные эстетические работы : В 2-х т. / сост., вступ. статья и коммент. Н. К. Гея. Москва : Искусство, 1986. Т. 1. 560 с.; Т. 2. 462 с.
3. Бычков В. В. Эстетическое сознание Древней Руси. Москва : Знание, 1988. 64 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. и сопроводительная статья С. Н. Зенкина. Москва : Рудомино, 1999. 225 с.
5. Земпер Г. Практическая эстетика / составл., вступ. статья и коммент. В. Р. Аронова. Москва : Искусство, 1970. 320 с.
6. ИРЛИ РАН, ф. 294, оп. 1, ед. хр. 722, л. 21, л. 19
7. Кисунько В. В. В. Стасов: программа реализма и эстетизация среды // Декоративное искусство СССР, 1974. № 1. С. 34.
8. Коськов М. А. Предметный мир культуры. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2004. 344 с.
9. Крутоус В. П. Диалог через столетие. Москва, 2000. 176 с.
10. Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка: 1878–1906 // Труды Пушкинского Дома АН СССР. Ленинград : Прибой, 1929. 429 с.

11. Михайлов С. М. История дизайна. В 2-х т. / учеб. для вузов. 2-е изд. исправл. и дополн. Москва : Союз Дизайнеров России, 2002. Т. 1. 279 с.
12. Новицкий А. П. Памяти Стасова. Москва, 1909. 7 с.
13. Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). Москва : Издание Российского института культуры, МК РФ, 1977. 253 с.
14. Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурной формы. Москва : ОГИ, 2002. 144 с.
15. Стасов В. В. Собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1894. Т. 1. 768 с., Т. 3. 484 с., Т. 3. 790 с.
16. Стасов В. В. Избранные соч. Живопись. Скульптура. Музыка. : В 3 т. / редколлегия: Е. Д. Стасова [и др.]; сост. П. Т. Щипунов. Москва : Искусство, 1952. Т. 1. 753 с.; Т. 2. 774 с.; Т. 3. 888 с.
17. Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. В 2-х т. Москва : Изд. АН СССР, 1962. Т. 1. 355 с.; Т. 2. Москва : Наука, 1967. 320 с.
18. Стасов В. В. Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. Москва : Акад. художеств СССР, 1952. Т. 1. 318 с.; Т. 2. сост. О. И. Гапонова и А. Н. Щекотова. Москва : Искусство, 1954. 458 с.
19. Фатеева И. М. Эстетические основы художественно-критической деятельности В. В. Стасова. Кострома : Изд-во Костромской ГСХА, 2009. 154 с.
20. Якуничев Н. Г., Якуничева К. Н. Предметный мир как посредник : монография. Санкт-Петербург : СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2019. 367 с.
- aestheticization of the environment // *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 1974. № 1. S. 34.
8. Kos'kov M. A. *Predmetnyj mir kul'tury = The object world of culture*. Sankt-Peterburg : SPbGU, 2004. 344 s.
9. Krutous V. P. *Dialog cherez stoletie = Dialogue through the century*. Moskva, 2000. 176 s.
10. Lev Tolstoj i V. V. Stasov. *Perepiska: 1878–1906 = Leo Tolstoy and V. V. Stasov. Correspondence: 1878–1906* // *Trudy Pushkinskogo Doma AN SSSR*. Leningrad : Priboj, 1929. 429 s.
11. Mihajlov S. M. *Istorija dizajna. V 2-h t. = History of design*. In 2 vols. / *ucheb. dlja vuzov. 2-e izd. ispravl. i dopoln.* Moskva : Sojuz Dizajnerov Rossii, 2002. T. 1. 279 s.
12. Novickij A. P. *Pamjati Stasova = In memory of Stasov*. Moskva, 1909. 7 s.
13. Poljakov T. P. *Kak delat' muzej? (O metodah projektirovanija muzejnoj jekspozicii) = How to make a museum? (On methods of designing a museum exhibition)*. Moskva : Izdanie Rossijskogo instituta kul'tury, MK RF, 1977. 253 s.
14. Revzin G. I. *Oчерки по filosofii arhitekturnoj formy = Essays on the philosophy of architectural form*. Moskva : OGI, 2002. 144 s.
15. Stasov V. V. *Sobranie sochinenij = Collected works*. Sankt-Peterburg, 1894. T. 1. 768 s., T. 3. 484 s., T. 3. 790 s.
16. Stasov V. V. *Izbrannye soch. Zhivopis'. Skul'ptura. Muzyka : V 3 t. = Selected works. Painting. Sculpture. Music : In 3 vols. / redkollegija: E. D. Stasova [i dr.]; sost. P. T. Shhipunov*. Moskva : Iskustvo, 1952. T. 1. 753 s.; T. 2. 774 s.; T. 3. 888 s.
17. Stasov V. V. *Pis'ma k dejateljam russkoj kul'tury. V 2-h t. = Letters to Russian culture figures*. In 2 vols. Moskva : Izd. AN SSSR, 1962. T. 1. 355 s.; T. 2. Moskva : Nauka, 1967. 320 s.
18. Stasov V. V. *Stat'i i zametki, ne voshedshie v sobranija sochinenij = Articles and notes not included in the collected works*. Moskva : Akad. hudozhestv SSSR, 1952. T. 1. 318 s.; T. 2. sost. O. I. Gaponova i A. N. Shhekotova. Moskva : Iskustvo, 1954. 458 s.
19. Fateeva I. M. *Jesteticheskie osnovy hudozhestvenno-kriticheskoj dejatel'nosti V. V. Stasova = Aesthetic foundations of V. V. Stasov's literary criticism*. Kostroma : Izd-vo Kostromskoj GSHA, 2009. 154 s.
20. Jakunichev N. G., Jakunicheva K. N. *Predmetnyj mir kak posrednik = The object world as a mediator : monografija*. Sankt-Peterburg : SPGHPA im. A. L. Shtiglica, 2019. 367 s.

Reference list

1. Belinskij V. G. *Sobr. Sochinenij : V 9 t. = Collected works: in 9 vols*. Moskva : Hudozh. lit., 1981. T. 7. 799 s.
2. Belinskij V. G. *Izbrannye jesteticheskie raboty: V 2-h t. = Selected aesthetic works: In 2 vols. / sost., vstup. stat'ja i komment. N. K. Geja*. Moskva : Iskustvo, 1986. T. 1. 560 s.; T. 2. 462 s.
3. Bychkov V. V. *Jesteticheskoe soznanie Drevnej Rusi = Aesthetic consciousness of Ancient Russia*. Moskva : Znanie, 1988. 64 s.
4. Bodrijjar Zh. *Sistema veshhej = The system of things / per. i soprovoditel'naja stat'ja S. N. Zenkina*. Moskva : Rudomino, 1999. 225 s.
5. Zemper G. *Prakticheskaja jestetika = Practical aesthetics / sostavl., vstup. stat'ja i komment. V. R. Aronova*. Moskva : Iskustvo, 1970. 320 s.
6. IRLI RAN, f. 294, op. 1, ed. hr. 722, l. 21, l. 19.
7. Kisun'ko V. V. *V. V. Stasov: programma realizma i jestetizacija sredi = V. V. Stasov: the program of realism and*

Статья поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 22.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 130.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-242
EDN: USUMVH

Психологизация фаустовского мифа в европейском романтизме

Арсений Николаевич Богомолов

Преподаватель, Ялтинский медицинский колледж. 298637, Республика Крым, г. Ялта, ул. Кирова, д. 105
gvoievodin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4394-8785>

Аннотация. Фаустовский миф имеет богатую и сложную историю, длящуюся с его зарождения в период Реформации до настоящего времени. В данной статье анализируются смысловые элементы и тенденции развития этого культурного мифа, свойственные ему в эпоху европейского романтизма (кон. XVIII – 1 пол. XIX вв.). Особое внимание уделяется культурно-историческому контексту, способствовавшему содержательной трансформации данного мифа. В статье предпринимается попытка культурно-исторического осмысления развития фаустовского мифа в период европейского романтизма. Показано, что к XIX веку фаустовский миф обогащается новыми смежными образами и смыслами, выходя за рамки единого канонического персонажа. Образ Фауста в культуре дополняется фигурами Виктора Франкенштейна и Прометей, что усложняет и усиливает амбивалентность фаустовского мифа. В свою очередь эта амбивалентность свидетельствует о неоднозначности и противоречивости восприятия устремлений европейского общества периода романтизма к преобразованию и покорению мира. С одной стороны, мотив преобразования мира осмыслен как положительный и созидательный, в связи с образом Прометей, с другой – он представлен в качестве деструктивной силы в связи с главным героем романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». В статье установлено, что романтизм в европейской культуре способствовал психологизации мифа о Фаусте: смысловые акценты в его эволюции смещаются с внешних событий на внутренний мир человека.

Ключевые слова: образ Фауста; Просвещение; трансформация; романтизм; Франкенштейн; Прометей; Мэри Шелли

Для цитирования: Богомолов А. Н. Психологизация фаустовского мифа в европейском романтизме // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 242–249. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-242>. <https://elibrary.ru/USUMVH>

Original article

Psychologization of the faustian myth in european romanticism

Arseniy N. Bogomolov

Lecturer, Yalta medical college. 298637, Republic of Crimea, Yalta, Kirov st., 105
gvoievodin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4394-8785>

Abstract. The faustian myth has a rich and complex history, lasting from its inception at the time of the Reformation to the present. This article analyzes the semantic elements and tendencies in development of this myth, inherent to it in the european romanticism period (late XVIII – early XIX centuries). Special attention is paid to the cultural and historical context which contributed to the transformation of this myth. The article attempts at cultural and historical insight into the development of the faustian myth during european romanticism. The author shows that by the XIX century the Faustian myth had been enriched with new related images and meanings, going beyond a single canonical character. The figure of Faust in culture is supplemented by the figures of Victor Frankenstein and Prometheus, which complicates and intensifies the ambivalence of the faustian myth. In turn, this ambivalence indicates the ambiguous and contradictory perception of the european aspirations to transform and conquer the world in the period of Romanticism. On the one hand, the motive of transforming the world is interpreted as positive and creative, in relation to the image of Prometheus. On the other hand, it is seen as a destructive force as associated with the protagonist of Mary Shelley's novel Frankenstein, or the Modern Prometheus. The article shows that Romanticism in European culture contributed to the psychologization of the Faustian myth: the semantic accents in its evolution shift from external events to the man's inner world.

Key words: the image of Faust; Enlightenment; transformation; Romanticism; Frankenstein; Prometheus; Mary Shelley

For citation: Bogomolov A. N. Psychologization of the faustian myth in european romanticism. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):242–249. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-242>. <https://elibrary.ru/USUMVH>

Введение

Миф о Фаусте зарождается в Германии в период Ренессанса и Реформации, отразив в себе многочисленные европейские средневековые легенды о магии и договоре человека с дьяволом. Первая литературная обработка этого мифа появляется в протестантской культурной среде в 1587 г. [История о докторе Иоганне Фаусте, 1990]. При этом особую роль в начале развития этого культурного мифа сыграла пьеса английского поэта Кристофера Марло (1564–1593) «Трагическая история доктора Фауста», в которой наиболее ярко были выражены ренессансно-титанические воззрения [Марло, 2019]. В период с XVII до первой половины XVIII вв. миф о Фаусте продолжал существовать по преимуществу в фольклорных дискурсах. Фауст оставался популярным героем кукольных театров и развлекательной литературы, утрачивая титанические черты [Ишимбаева, 1999, с. 5–6]. Во второй половине XVIII в. фаустовский миф получил новый импульс к развитию в связи с трансформацией культурной ситуации в Европе под воздействием Просвещения. В конце XVIII в. фаустовский миф возрождается молодыми интеллектуалами Германии, участниками движения «Буря и Натиск». В их произведениях Фауст становится воплощением возвышенных человеческих устремлений. Своей кульминации эти процессы достигли в работе Гёте над трагедией «Фауст» (1773–1831). С момента своего появления гётевский шедевр стал значительно влиять на последующее развитие фаустовского мифа и его толкования в европейской культуре.

Гётевский «Фауст» значительно отличался от предыдущих трактовок этого мифа [Min Ni, 2020]. В интерпретации И. Ф. Гёте (1749–1832) Бог спасает душу Фауста, несмотря на совершённые им злодеяния. В этом отношении фаустовский миф в трагедии веймарского гения унаследовал свойство, определенное ещё Г. Э. Лессингом (1729–1781), переосмыслившим этот миф в русле идей Просвещения. Лессинг первым оправдывает дерзновенного Фауста за его стремление к знанию. В произведении Гёте договор между Мефистофелем и Фаустом отличается от предыдущих вариантов мифа: не Фауст инициирует сделку. Гётевский Фауст не ищет удовольствий или

магического знания. Он мучим тоской и переживает экзистенциальный кризис, поэтому предлагает Мефистофелю необычное условие: когда он испытает полное удовлетворение, дьявол может забрать его душу. Бог вступает с дьяволом в спор о человеческой природе, и в этом споре душа Фауста является ареной противостояния. Гёте использует интригу подобную той, что известна из ветхозаветной Книги Иова. Бог против дьявола, арена их противостояния – человеческая душа. Смысловой акцент переносится на внутренний мир человека, что делает миф о Фаусте практически неисчерпаемым и общечеловеческим. Фауст в представлении Гёте – олицетворение всего человечества, и его путь – это путь всей цивилизации. Новый образ Фауста приобретает универсальную человечность. Фауст стремится испытать всю полноту человеческой экзистенции, хочет испытать всю меру радостей и страданий человечества. Утверждение Дела становится основой фаустовского жизненного принципа («В начале было Дело») [Гёте, 2019, с. 66]. Суть бытия – в деянии. Всё фаустовское стремится к деятельному обладанию и покорению внешнего мира.

Трагедия Гёте была воспринята последующими поколениями интеллектуалов как базовое воплощение фаустовского мифа. Это произведение становится каноническим, в рамках которого осмысливается данный миф как таковой. Далее в этой статье мы проследим последующее развитие фаустовского мифа в более широком культурном контексте. Будет показано, что в начале XIX в. он обогащается новыми смежными образами и смыслами, выходя за рамки одной канонической фигуры – собственно Фауста.

Новации Романтизма

Романтизм усложняет фаустовский миф, что свидетельствует о способности последнего к многоплановой эволюции. По словам исследователя А. Нямцу, этот миф является «относительно устойчивой и одновременно динамичной системой, основные сюжетно-смысловые характеристики которой в новых литературных трактовках сохраняют исходную узнаваемость и одновременно интенсивно впитывают в себя реалии и проблемы воспринимающего континуума» [Ням-

цу, 2007, с. 3]. Романтический период европейской культуры конца XVIII – первой половины XIX в. возвращает и усиливает индивидуалистические тенденции, столь характерные для времени зарождения фаустовского мифа в XVI в. Европейский романтизм становится не просто веянием в искусстве, но новой формой мироощущения, приносящей в культуру образ индивидуализированной личности, которой тесны рамки посягательной реальности. По этой причине в романтическую эпоху европейская культура делается особым образом предрасположенной к фаустианству.

Европейский романтизм отразил и некоторым образом преобразил, как мы увидим далее, ряд ключевых признаков фаустовского мировоззрения. Речь идёт о следующих свойствах: а) *крайний индивидуализм*, нашедший удачное выражение в мысли Новалиса: «Самый чудесный и вечный феномен – собственное существование. Человек – великая тайна для самого себя. Разгадывание этой бесконечной загадки образует мировую историю» [Новалис, 2014, с. 80]; б) *пафос ничем не ограниченной свободы*, в чём заявляет о себе фаустовское богоборчество и стремление к власти над миром; в) *чувственно-интуитивное постижение реальности*: интуиция и воображение как лучшие инструменты постижения реальности в её сокровенных глубинах полностью созвучны романтическому мироощущению. Как верно заметил В. М. Жирмунский, «романтизм является своеобразной... формой развития мистического сознания» [Жирмунский, 1996, с. 6]. В этом признаке заметно романтическое противостояние сухому рационализму Просвещения; г) *трагизм*: вероятно, это свойство романтического мироощущения было связано с осознанием разрыва между недосяжимым идеалом и реальностью.

Известно, что романтики придавали существенное значение отражению внутренней жизни человека, чем способствовали развитию психологизма. «Мир души торжествует победу над внешним миром», – отмечал в этой связи Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) [Гегель, 1938, с. 85]. Причем в романтизме возрастающий интерес к внутренней жизни человека был направлен не только на возвышенные и благородные стороны человеческой души, что было присуще и Просвещению, но и на её противоречивые и тёмные стороны, в чём проявлялась актуальность для романтиков проблем зла, смерти, безумия и демонической одержимости.

Стремление романтиков выйти за пределы разумного и одобряемого, установленные Просве-

щением, было обусловлено и новыми тенденциями в развитии европейской ментальности. Изучая специфику западного мышления в эпоху романтизма, Р. Тарнас отмечает: «Главным для романтиков оставался поиск объединяющего смысла, но такая задача требовала неизмеримо расширить прежние границы знания, предписанные Просвещением, и привлечь значительно больший круг человеческих способностей. Для более глубокого постижения мира здравому смыслу и разуму пришлось обратиться за помощью к воображению и чувству» [Тарнас, 1995, с. 312]. В отличие от ученого, который был занят поиском общих законов, определяющих объективную реальность, романтик упивался безграничной множественностью реальностей, отражавшихся в его сознании. В этом отношении он не столько был разочарован в возможностях разума, превознесённых Просвещением, сколько видел в чувственно-интуитивном познании возможность не быть замкнутым в кругу уже добытых идей и привычного опыта. Для культуры романтизма доминирующее значение имела установка на пересоздание действительности. Вероятно, она проистекала из стремления уйти от не удовлетворяющей личность действительности ради сближения её с идеалом. Неудовлетворенный окружающим, романтический герой тосковал по трансцендентному, что отражалось также в фаустовском мифе той эпохи. Идея активного преобразования мира составляла суть концепции жизнотворчества романтиков и всё более овладевала западной культурой.

В этом смысле в истории Европы своеобразной точкой бифуркации, на наш взгляд, можно считать Великую французскую революцию, в которой сошлись идеи Просвещения и романтическое стремление к переустройству действительности. Романтизм был не только реакцией на Французскую революцию, но отчасти и одной из её движущих сил, приведшим к утопическому замыслу переустроить мир. Значительные явления европейской культуры первой половины XIX в. не могут быть вполне осмыслены без учета последствий Великой французской революции. Неудачные попытки построить общество на началах разума, приведшие к репрессиям, социальным потрясениям и войнам, поколебали веру многих европейских интеллектуалов в просветительские идеи. Идеальный образ преобразованного мира был все дальше от изменённой Революцией действительности, в которой приходилось жить. Недостижимость идеала пробуждала ощущение расколотости. Разрыв между идеалом и действитель-

стью служил источником трагизма как свойства романтического фаустовского мифа.

Таким образом, романтическое мироощущение с его крайним индивидуализмом, стремлением к активному пересозданию действительности и страстью к познанию тайн бытия оказывалось созвучным фаустовскому мировоззрению. Кроме того, накопленная европейской историей инерция не изменила общую траекторию движения Запада, шедшего по пути покорения и преобразования мира. В период промышленной революции, ознаменованной изобретением паровых машин, а позже открытием электричества и быстрым ростом научно-технического прогресса, происходил грандиозный слом и преобразование старого мира. В этом отношении можно осторожно провести параллель между веком зарождения мифа о Фаусте и первой половиной XIX в., когда европейская культура также переживала великие изменения. В XIX в. западная культура всё стремительнее делалась научно-позитивной, а жизнь технизированной. Европейцы с жадностью продолжали изучать, покорять и изменять природный мир, используя новые знания и технологии. Вся культура Запада словно стала сознавать себя фаустовской, следуя по пути научно-технического прогресса и стремясь достичь господства над миром. Просвещение обещало изменить мир к лучшему через посредство изменения мышления и морали, распространяя знание и смягчая нравы западных обществ. В эпоху романтизма наука через технологии стала изменять внешний мир с такой скоростью, что вызывала не только всеобщий оптимизм и уверенность в силе разума, но и обеспокоенность растущей силой технического разума, что тоже отразилось в интересующем нас мифе.

Обогащение образа: Франкенштейн и Прометей

В первой половине XIX в. миф о Фаусте волновал не только Гёте. Так, в 1829 году появилась трагедия Христиана Дитриха Граббе (1801–1836) «Дон Жуан и Фауст» в которой немецкий драматург в традициях, отчасти близких к движению «бури и натиска», обрисовал сразу двух великих героев европейской культуры [Граббе, 1882]. У Христиана Дитриха Граббе можно увидеть, что оба героя являются носителями демонического начала, где Фауст олицетворял демонизм разума, а Дон Жуан – демонизм чувственного наслаждения. Фауст принадлежит миру слова, а Дон Жуан – это воплощение абсолютной чувственности, порождение духа музыки.

Одновременно с этим в романтической фаустиане усиливались богоборческие тенденции, наиболее ярко отраженные в позднем романтизме у Николаса Ленау (1802–1850) в его поэме «Фауст» [Ленау, 1906]. В его интерпретации мифа о Фаусте явственны пессимистические настроения. Фауст лишается просветительского «прощения». Если у Гёте договор представляется как следствие пари между Господом и Мефистофелем, где на кону стоит душа Фауста, то в поэме Ленау договор носит характер пакта союзников, объединившихся в борьбе против Бога, где Мефистофеля интересует не столько душа Фауста, сколько его помощь в войне против Бога и мира.

К XIX в. миф о Фаусте в европейской культуре обогащается новыми смыслами. Говоря фигурально, ему становится тесно в рамках одного символа, и его содержание выражается также в смежных, отчасти новых образах. Речь идёт прежде всего о фигурах Франкенштейна и Прометея.

Роман английской писательницы Мэри Шелли (1797–1851) «Франкенштейн, или Современный Прометей» вышел в свет в 1818 году, практически в то же время, что и стихотворение лорда Байрона (1788–1824) «Прометей» (1816), а также драма мужа Мэри Шелли Перси Шелли (1792–1822) «Прометей Освобожденный» (1819).

Роман Мэри Шелли был написан под влиянием социокультурного контекста той эпохи и, в конечном итоге, стал одним из наиболее влиятельных образов в европейской культуре. Франкенштейн был задуман как фигура символическая, призванная отразить страхи, связанные с научно-техническим прогрессом. Роман Шелли посвящен истории и судьбе молодого дерзновенного ученого Виктора Франкенштейна. Главный персонаж романа – смысловой потомок Фауста. Он вобрал в себя мрачное очарование богоборческих устремлений современной ему науки, став собирательным образом амбициозного ученого, желающего любыми способами проникнуть в тайные законы этого мира. «Мир представляется мне тайной, которую я стремился постичь», – говорит Виктор Франкенштейн [Шелли, 1991, с. 255]. В романе отразились самые бурные научно-философские дискуссии той поры, разворачивавшиеся вокруг витализма, гальванизма, химических открытий, анатомии и т. д. В книге подняты философские вопросы о секрете зарождения жизни и возможности её воспроизведения, во многом связанные с идеями Эразма Дарвина (1731–1802). Одной из центральных «франкенштейновских» тем стала

тревога о том, какое зло могут принести неконтролируемые действия высокомерных ученых, вооруженных мощными технологиями. По словам современного исследователя, «сменивший эпоху Просвещения романтизм распространился и на науку. Новый дух созидания и фантазии, тесно связанный с глубоким осмыслением чуда природы, стер границу между натурфилософией и поэзией и стал свидетелем появления ученого нового типа... Так рождалась синергия, воплотившаяся в мрачном апофеозе романтической науки авторства Мэри Шелли» [Леви, 2021, с. 8].

Многие ученые того времени узнавали себя в образе Виктора Франкенштейна. Как и Фауст, они были разочарованы сухой рутинной и плоским утилитаризмом современной им науки. Примечательно, что в романе упоминаются три реально существовавших философа и учёных-алхимика, которых окружала слава чернокнижников и магов и которых Франкенштейн называл своими вдохновителями: Агриппа Неттесгеймский (1486–1535), Парацельс (ок. 1493–1541) и Альберт Великий (ок. 1200–1280). «Книги их казались мне сокровищами, мало кому ведомыми, кроме меня, – говорит герой романа Шелли. – Я во всем поверил им на слово и сделался их учеником» [Шелли, 1991 с. 258]. При этом любопытно, что все три названных интеллектуала, как Франкенштейн и Фауст, являлись немцами. Важно и то, что Парацельс и Агриппа были примерно сверстными Фаусту из народной легенды и, вероятно, послужили для него прототипом [Gantenbein, 2013; Keefer, 2013]. Также в некоторых источниках можно обнаружить сходство Франкенштейна с немецким учёным Иоганном Конрадом Диппелем (1673–1734), родившимся в замке Франкенштейн, а также с современниками Мэри Шелли: Джованни Альдини (1762–1834), Иоганном Риттером (1776–1810) и Эндрю Кроссом, – известными своими леденящими душу публичными экспериментами, связанными с гальванизмом [Леви, 2021, с. 167; Holmes, 2009].

Можно отметить, что среди направлений западной мысли, наиболее повлиявших на семью Шелли, была немецкая романтическая натурфилософия Фридриха Шеллинга (1775–1854). С другой стороны, североирландский литературовед Шеймас Дин считал, что на супругов Шелли огромное влияние оказал материализм французского Просвещения, и, в частности, французский врач и философ Ламетри (1709–1751). И, судя по внешнему виду, действительно можно подумать, что монстр Франкенштейна, является воплощением

идей материализма [Леви, 2021, с. 113]. Франкенштейн, подобно Ламетри, исследует человеческое тело лишь как механизм без малейшей доли религиозного страха. Однако Франкенштейн сотворил живое существо из тел ранее умерших людей, то есть вдохнул жизнь в уже мёртвую материю. В этом смысле можно наблюдать как в романе Шелли произошло соединение самых различных идей: от механистического материализма, витализма до эзотерики Ренессанса. По наблюдению Н. Г. Владимировой, в этой книге можно увидеть, как происходит ментальная трансформация главного героя, переходя от «прометеевской восторженной радости познания к трагическим, болезненным, фаустианским страданиям ученого, переступившего границы дозволенного в неукротимом стремлении к раскрытию тайн бытия и живой материи» [Владимирова, 2012, с. 49]. В романе чувствуется скептическое отношение Мэри Шелли к представлению о всемогуществе человеческого разума, не подкреплённого нравственным началом. Франкенштейн не просто идёт путем познания законов природы, но, по сути, посягает на роль Бога ради достижения власти над миром и улучшения самой природы человека. Проникая в самые сокровенные тайны жизни, он приходит в итоге к одиночеству и отчаянию.

Итак, проследив эволюцию фаустовского мифа в европейской культуре, мы констатируем, что в романтическую эпоху он дополняется новыми смыслами. Мы уже отмечали, что в фигуре Виктора Франкенштейна как одного из романтических «фаустов» концентрируются опасения перед растущей силой ничем не сдерживаемой власти науки и техники. В то же время можно заметить, как культура Нового времени заимствует образ Прометея из античной традиции, при этом переосмысливая его и наполняя новым, в значительной мере фаустовским содержанием. Начиная с Боккаччо (1313–1375), образ Прометея получает новое толкование, характерное для новоевропейской эпохи. Так, А. Ф. Лосев отмечает: «Прометей здесь (у Боккаччо. – А.Б.) – символ науки и мудрости, которые требуют от человека многих усилий и многих лишений, заставляют часто страдать, уединяться и создавать науки. При помощи них человечество в дальнейшем будет только воскресать и как бы твориться заново» [Лосев, 1976, с. 254]. Таким образом, если Лосев прав, Боккаччо осмыслил образ Прометея уже не в античном и средневековом ключе, а скорее в новоевропейском.

В дальнейшем образ Прометея получал различные интерпретации: от довольно упрощенного толкования у Вольтера, чей Прометей «теряет всю свою всемирно-историческую значимость, всю свою борьбу с тиранией, все свои ужасные и несправедливые страдания и все свое цивилизаторское значение», до Гёте и Байрона, которые в своих стихотворениях обогащали символику Прометея романтическими и возвышенными чертами [Лосев, 1976, с. 258]. В качестве революционного персонажа, посмевшего бросить вызов несправедливой власти и возжелавшего улучшить долю человечества, Прометей становится героем романтического дискурса. Для Гёте Прометей – это выражение гордой творческой силы и воли. Люди – его создания, творения, в силу чего они прометеоподобны: «Взгляни, о Зевс, На мир мой: он живет! По своему я образу слепил их, / Людей, себе подобных, – Чтоб им страдать и плакать, ликовать и наслаждаться / И презирать тебя, как я!» [Гёте, 1977, с. 80]. В этом отношении не чувствуется той разделяющей бездны между человеком и титаном. Прометей Гёте учит их жить, любить и даже ненавидеть, как он сам. В его изображении и жизнь, и любовь, и даже смерть суть нечто прекрасное. Восстание Прометея совершается не ради могущества над богами, людьми, а ради жизни на Земле и устранения господства богов.

Байрон в своем стихотворении «Прометей» (1816) показывает себя революционным романтиком, трактующим Прометея как представителя человечества. У Байрона поступки Прометея полны титаноборчества и человеколюбия: «Был твой божественный порыв / Преступно добрым – плод желанья / Людские уменьшить страданья, / Наш дух и волю укрепив» [Байрон, 1987, с. 122]. В драме Перси Шелли «Освобожденный Прометей» (1819) поэт ниспровергает небесного Юпитера, в результате чего вся природа наполняется небывалым ликованием и буйным расцветом. После освобождения Прометея – защитника людей – не только природа, но и общество становятся идеальными: «...Отныне / Повсюду будет вольным человек, / Брат будет равен брату, все преграды / Исчезли меж людьми; племен, народов, / Сословий больше нет; в одно все слились, / И каждый полновластен над собой; / Настала мудрость, кротость, справедливость...» [Шелли, 1998, с. 540]. Лосев по этому поводу пишет: «Из всех западных Прометеев этот образ у Шелли несомненно больше всего заряжен той смысловой мощью, которую мы выше находили в символе вообще и которая наглядно дана здесь в виде развернутой и всемир-

ной перспективы личной и общественной свободы» [Лосев, 1976, с. 266].

В предельном смысле образ Прометея может обозначать освобождение человеческого духа от всяких богов вообще. Тут чувствуется смысловое родство образов Прометея с Виктором Франкенштейном и с доктором Фаустом. Прометей и Франкенштейн пытаются дать людям новые знания и власть над миром, за что получают наказание. Прометей навеки прикован к горе и ежедневно подвергается мукам, а учёный находится в вечном бегстве от своего творения, от руки которого в итоге гибнет.

Объединяют образы Фауста, Прометея и Франкенштейна следующие черты: а) глубокая неудовлетворённость действительностью и вследствие этого страстное стремление к её переустройству и изменению; б) антропоцентризм, который проявляется в уверенности, пусть даже ложной, в человеческом достоинстве и потенциале; в) готовность ради достижения цели преступить даже самый строгий религиозный и моральный закон; г) самоидентификация героев как силы, альтернативной и / или враждебной Богу.

В отличие от Франкенштейна или Фауста, Прометей изображается в эпоху романтизма преимущественно комплиментарно – как источник вдохновения для богоборческой борьбы с установившимся порядком, который мыслится как тяготящий. Таким образом, если Фауст – фигура амбивалентная: то негативная, как в народной легенде, то позитивная, как в просвещенческой интерпретации Лессинга и проч., – то романтические образы Франкенштейна и Прометея, обогащающие фаустовский миф, усложняют эту амбивалентность, отражая в себе, с одной стороны – страхи перед силой научно-технического прогресса, как в случае с Франкенштейном, а с другой – приятие цивилизаторского процесса, как в случае с Прометеем.

Заключение

Романтический этап европейской культуры обозначил новый виток в развитии фаустовского мифа. К XIX в. фаустовский миф выходит за рамки одного канонического персонажа. Появляются смежные образы, дополняющие образ Фауста, среди которых можно выделить фигуры Франкенштейна и Прометея. Символизм обоих персонажей усиливает амбивалентность, которую приобрёл исследуемый миф на предшествующих стадиях своей эволюции. В этом свойстве проявляется этическая неоднозначность устремлений евро-

пейской культуры к преображению и покорению мира. С одной стороны, мотив преобразования мира подаётся как светлый созидательный порыв на примере фигуры Прометея; с другой стороны, он представлен в качестве злой, разрушительной силы в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Определяющие европейский романтизм неудовлетворённость и неприятие реальности усиливают идейную линию внешнего преобразования и трансформации мира, намеченную Гёте. Вместе с тем мы видим продолжение перенесения акцентов на внутренний мир человека. Европейский романтизм, без сомнения, способствовал психологизации мифа о Фаусте, которая достигла своей вершины на следующих этапах культурной истории Запада.

Библиографический список

1. Байрон Дж.-Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы и трагедии; Публицистика; Дневник 1816 г. / вступ. статья Д. Урнова; сост. и коммент. О. Афоной. Москва : Художественная литература, 1987. 766 с.
2. Владимирова Н. Г. Литературные аллюзии и их художественные проекции в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2012. № 11. С. 47–52.
3. Гегель. Сочинения. Т. XII / пер. с немецкого В. Г. Столпнера. Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 494 с.
4. Гёте И. В. Фауст : трагедия / пер. с немецкого Н. Холодковского. Москва : Эксмо, 2019. 616 с.
5. Гёте И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 5. Драммы в стихах. Эпические поэмы / под общ. редакцией А. Аникста и Н. Вильмонта. Москва : Художественная литература, 1977. 622 с.
6. Граббе Х. Д. Дон Жуан и Фауст / пер. с немецкого Холодковского // Век. 1882. № 1. С. 172–268.
7. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / предисл. и комм. А. Г. Аствацатурова. Санкт-Петербург : Аксиома, Новатор, 1996. 232 с.
8. История о докторе Иоганне Фаусте // Немецкие шванки и народные книги XVI века / редкол.: Н. Балашов, Ю. Виппер, [и др.]. Москва : Художественная литература, 1990. С. 504–616.
9. Ишимбаева Г. Г. Фаустианская тема в немецкой литературе. Москва, 1999. 444 с.
10. Леви Дж. Франкенштейн. Запретные знания эпохи готического романа / пер. с английского Н. Камакина. Москва : Издательство АСТ: Кладезь, 2021. 208 с.
11. Ленау Н. Фауст. Перевод с немецкого А. В. Лучначарского. Санкт-Петербург : Издание редакции журнала «Образование», 1906. 242 с.
12. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва : Искусство, 1976. 367 с.
13. Марло К. Трагическая история доктора Фауста. Санкт-Петербург : Наука, 2019. 321 с.
14. Нямцу А. Е. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования). Черновцы : Рута, 2007. 520 с.
15. Новалис. Фрагменты / пер. с немецкого А. Л. Вольского. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2014. 319 с.
16. Тарнас Р. История западного мышления / пер. с английского Т. А. Азаркович. Москва : КРОН-ПРЕСС, 1995. 448 с.
17. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей // Комната с гобеленами. Английская готическая проза / пер. с английского З. Александрова. Москва : Правда, 1991. С. 229–412.
18. Шелли П. Б. Избранные произведения: Стихотворения. Поэмы. Драммы. Философские этюды. Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. 800 с.
19. Keefer M. Cornelius Agrippa's Double Presence in the Faustian Century // The Faustian Century: German Literature and Culture in the Age of Luther and Faustus / Ed. by J. M. van der Laan, Andrew Weeks. NY : Camden House, 2013. P. 67–92.
20. Min Hu. Faustus and Faust: A Comparative Analysis // Studies in Literature and Language. Vol. 20. No. 1. 2020. P. 48–54.
21. Gantenbein U. L. Converging Magical Legends: Faustus, Paracelsus, and Trithemius // The Faustian Century: German Literature and Culture in the Age of Luther and Faustus / Ed. by J. M. van der Laan, Andrew Weeks. NY : Camden House, 2013. P. 93–124.
22. Holmes R. The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty and Terror of Science. Croydon : Harper Press, 2009. 554 p.

Reference list

1. Bajron Dzh.-G. Izbrannye proizvedeniya. V 2-h t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy i tragedii; Publicistika; Dnevnik 1816 g. = Selected works. In 2 vol. Vol. 1. Poems; Poems and tragedies; Journalism; Diary of 1816. / vstup. stat'ja D. Urnova; sost. i komment. O. Afoninoj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987. 766 s.
2. Vladimirova N. G. Literaturnye alljuzii i ih hudozhestvennye proekcii v romane Mjeri Shelli «Frankenshtejn, ili Sovremennij Prometej» = Literary allusions and their artistic projections in Mary Shelley's novel Frankenstein, or the Modern Prometheus // Vestn. Burjatskogo gos. un-ta. 2012. № 11. S. 47–52.
3. Gegel'. Sochinenija. T. XII = Works. Vo. XII / per. s nemeckogo V. G. Stolpnera. Moskva : Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1938. 494 s.
4. Gjote I. V. Faust = Faust : tragedija / per. s nemeckogo N. Holodkovskogo. Moskva : Jeksmo, 2019. 616 s.
5. Gjote I. V. Sbranie sochinenij. V 10-ti tomah. T. 5. Dramy v stihah. Jepicheskie pojemy = Collected Works. In 10 volumes. Vol. 5. Dramas in verse. Epic poems / pod obshh. redakciej A. Aniksta i N. Vil'monta. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977. 622 s.

6. Grabbe H. D. Don Zhuan i Faust = Don Juan and Faust / per. s nemeckogo Holodkovskogo // Vek. 1882. № 1. S. 172–268.
7. Zhirmunskij V. M. Nemeckij romantizm i sovremennaja mistika = German Romanticism and modern mysticism / predisl. i komm. A. G. Astvacaturova. Sankt-Peterburg : Aksioma, Novator, 1996. 232 s.
8. Istorija o doktore Ioganne Fauste = The story of Dr. Johann Faust // Nemeckie shvanki i narodnye knigi XVI veka / redkol.: N. Balashov, Ju. Vipper, [i dr.]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 504–616.
9. Ishimbaeva G. G. Faustianskaja tema v nemeckoj literature = The Faustian theme in German literature. Moskva, 1999. 444 s.
10. Levi Dzh. Frankenshtejn. Zapretnye znanija jepohi goticheskogo romana = Frankenstein. Forbidden knowledge of the Gothic novel age / per. s anglijskogo N. Kamakina. Moskva : Izdatel'stvo AST: Kladez', 2021. 208 s.
11. Lenau N. Faust = Faust / perevod s nemeckogo A. V. Lunacharskogo. Sankt-Peterburg : Izdanie redakcii zhurnala «Obrazovanie», 1906. 242 s.
12. Losev A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo = The problem of the symbol and realism art. Moskva : Iskusstvo, 1976. 367 s.
13. Marlo K. Tragicheskaja istorija doktora Fausta = The tragic story of Dr. Faustus. Sankt-Peterburg : Nauka, 2019. 321s.
14. Njamcu A. E. Mif. Legenda. Literatura (teoreticheskie aspekty funkcionirovanija) = Myth. Legend. Literature (theoretical aspects of functioning). Chernovcy : Ruta, 2007. 520 s.
15. Novalis. Fragmenty = Fragments / per. s nemeckogo A. L. Vol'skogo. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal', 2014. 319 s.
16. Tarnas R. Istorija zapadnogo myshlenija = History of Western thought / per. s anglijskogo T. A. Azarkovich. Moskva : KRON-PRESS, 1995. 448 s.
17. Shelli M. Frankenshtejn, ili Sovremennyj Prome-tej = Frankenstein, or the Modern Prometheus // Komnata s gobelenami. Anglijskaja goticheskaja proza / per. s anglijskogo Z. Aleksandrova. Moskva : Pravda, 1991. S. 229–412.
18. Shelli P. B. Izbrannye proizvedenija: Stihotvoreni-ja. Pojemy. Dramy. Filosofskie jetjudy = Selected works: Verses. Poems. Dramas. Philosophical sketches. Moskva : RIPOL KLASSIK, 1998. 800 s.
19. Keefer M. Cornelius Agrippa's Double Presence in the Faustian Century // The Faustian Century: German Literature and Culture in the Age of Luther and Faustus / Ed. by J. M. van der Laan, Andrew Weeks. NY : Camden House, 2013. P 67–92
20. Min Hu. Faustus and Faust: A Comparative Analysis // Studies in Literature and Language. Vol. 20. No. 1. 2020. R. 48–54.
21. Gantenbein U. L. Converging Magical Legends: Faustus, Paracelsus, and Trithemius // The Faustian Century: German Literature and Culture in the Age of Luther and Faustus / Ed. by J. M. van der Laan, Andrew Weeks. NY : Camden House, 2013. P. 93–124.
22. Holmes R. The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty and Terror of Science. Croydon : Harper Press, 2009. 554 p.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 18.05.2024; approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-250
EDN: UVBEIQ

Анализ проблем межкультурной коммуникации в трудах китайских ученых

Сюй Цидун

Аспирант кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30
novkitai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9838-7550>

Аннотация. В статье анализируются проблемы межкультурной коммуникации, выявляемые в работах китайских учёных, подчеркивается значимость в условиях современной глобализации и интенсификации международного сотрудничества. Актуальность исследования объясняется потребностью в эффективном взаимодействии между культурами и необходимостью осмысленного подхода к преодолению культурных барьеров для успешного общения и сотрудничества.

Методологический подход включает системный анализ научных публикаций, выполненных китайскими исследователями с 1980-х годов до настоящего времени, что позволяет проследить эволюцию исследовательских тем, методологии и применяемых подходов к изучению межкультурной коммуникации. Эта методология предоставляет всеобъемлющий обзор, который актуален в условиях ускоренной глобализации и открывает новые возможности для международного взаимодействия.

Результаты изучения демонстрируют существенный рост интереса к кросс-культурной коммуникации среди китайских учёных за последние десятилетия. Особое внимание уделяется проекту «Один пояс – один путь», который стал катализатором для культурного обмена и стимулом для академических исследований в этой области. Институт Конфуция, как организация, продвигающая китайский язык и культуру на международной арене, играет значимую роль в укреплении интернационального обмена, что также повышает «мягкую силу» Китая в глобальном контексте.

Научное исследование указывает на необходимость применения междисциплинарного подхода, который может расширить понимание сложностей межкультурного диалога. Авторы предлагают практические рекомендации, в том числе создание специализированных курсов и адаптированных учебных материалов, что способствует дальнейшему углублению проведения исследования в условиях глобализации и культурного разнообразия. Этот анализ демонстрирует, что кросс-культурное понимание является ключевым аспектом успешного интернационального взаимодействия и критически важно в современных условиях образования и научной деятельности.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; китайские ученые; междисциплинарный подход; Институты Конфуция; глобализация; культурный обмен; образование; культурная индустрия; международные отношения

Для цитирования: Сюй Цидун Анализ проблем межкультурной коммуникации в трудах китайских ученых // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 250–261. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-250>. <https://elibrary.ru/UVBEIQ>

Original article

Analyzing intercultural communication problems in the works of chinese scholars

Xu Qidong

Postgraduate student at the department of theory and history of culture, art and design, Transbaikal state university, 672039, Chita, Aleksandro-Zavodskaya st., 30
novkitai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9838-7550>

Abstract. The article analyzes the problems of intercultural communication in the works of chinese scholars, emphasizing their significance in the conditions of modern globalization and intensified international cooperation. The relevance of the study is due to the need for effective interaction between cultures and the importance of a sensible approach to overcoming cultural barriers for successful communication and cooperation.

The methodological approach includes a systemic analysis of scientific works by chinese researchers from the 1980s to the present, which helps to trace the evolution of research topics, methodology and approaches applied to studying intercultural communication. This methodology offers a comprehensive overview that is relevant in the context of accelerated globalization and reveals new opportunities for international cooperation.

The results of the study demonstrate a considerably growing interest in cross-cultural communication among chinese scholars over the past decades. Special attention is paid to the project «One Belt, One Road», which has been a catalyst for cultural exchange and a stimulus for academic research in this field. The Confucius Institute, as an organization promoting the chinese language and culture in the international arena, plays a significant role in strengthening international exchange, which also enhances China's «soft power» in the global context. The research stresses the need to apply an interdisciplinary approach that can increase awareness of cross-cultural dialogue difficulties. The author offers some practical recommendations, such as designing specialized courses and customized teaching materials, to further deepen the study in the context of globalization and cultural diversity. This analysis shows that intercultural understanding is a crucial aspect of successful international interaction and is critically important in modern education and academic work.

Key words: intercultural communication; chinese scholars; interdisciplinary approach; Confucius Institutes; globalization; cultural exchange; education; cultural industry; international relations

For citation: Xu Qidong Analyzing intercultural communication problems in the works of chinese scholars. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):250–261. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-250>. <https://elibrary.ru/UVBEIQ>

Актуальность

Межкультурная коммуникация (МК) как концепт приобретает все большее значение в современном мире, который характеризуется растущей глобализацией и расширением международных контактов. Ускоренное развитие средств коммуникации и транспорта способствует увеличению межкультурных обменов, что делает актуальным изучение вопросов, связанных с культурным взаимодействием и пониманием. Исследования в области МК важны не только для дипломатии и международных отношений, но и для образования, бизнеса, медицины, туризма и других сфер деятельности.

Целью данной работы является анализ актуальных проблем межкультурной коммуникации в трудах китайских ученых, а также выявление основных тенденций в развитии этой научной области в Китае. Такая цель сформулирована на основе исследований, демонстрирующих возросший интерес к межкультурной коммуникации в китайском научном сообществе, начиная с 1980-х годов [Багана, Дзенс, 2017].

Авторитетные источники указывают на то, что изучение МК приобретает междисциплинарный характер, охватывая такие области, как культурология, лингвистика, психология и этнология. В последние годы китайские ученые расширяют область исследований, изучая влияние западных теорий на процесс межкультурной коммуникации в Китае, а также разрабатывая собственные теоретические концепции.

Особое внимание уделяется историческому аспекту, что позволяет проследить эволюцию меж-

культурного диалога в Китае и его влияние на современные методы и стратегии. Сочетание диахронических и синхронических подходов в исследованиях помогает анализировать развитие межкультурной динамики с разных точек зрения, что делает исследования в этой области особенно актуальными в условиях современной глобализации [Цзин, 2019].

Методы и организация исследования

Межкультурная коммуникация (МК) играет ключевую роль в современной жизни, отражая сложные связи между представителями разных культурных фонов. В Китае этот термин получил широкое признание благодаря Ху Вэньчжуну, который обозначил его как процесс взаимодействия людей, представляющих различные культурные сообщества. В настоящее время МК всё чаще рассматривается как диалог между цивилизациями [Багана, 2011].

Ху Вэньчжун выделил несколько ключевых направлений в исследовании межкультурной коммуникации, включая связь между языком и общением, невербальные аспекты коммуникации, а также сравнение традиций, бизнес-моделей, национального характера и ценностей.

Среди выдающихся китайских исследователей, чьи труды сформировали основы межкультурной коммуникации как отдельной дисциплины, можно выделить Ху Вэньчжуна, Гуаня Шицзе, Линь Дациня, Дай Сяодуна и Цзу Сяомэя [Вэйвэй, 2022]. Их научная деятельность значительно продвинула развитие межкультурной коммуникации как академического направления в КНР.

Значительный вклад в распространение и популяризацию межкультурной коммуникации также внесли ведущие университеты Китая, такие как Пекинский университет иностранных языков, Харбинский политехнический университет и Фуцзяньский педагогический университет. Эти учреждения предложили специализированные образовательные программы и организовали различные научные мероприятия [Комаров, 2019].

Научно-образовательное сообщество Китая, ориентированное на межкультурный диалог, демонстрирует стремительный рост. С 1998 года начали проводиться первые академические конференции и семинары, посвященные различным аспектам межкультурной коммуникации. Так, Нанкинский педагогический университет организовал международный семинар по вопросам межкультурной коммуникации и методике преподавания английского языка, в то время как в Гонконге прошел симпозиум, фокусирующийся на глобализации и межрегиональном культурном обмене. Эти мероприятия стимулировали увеличение числа исследователей и экспертов в данной области [Шиюн, 2005].

Академик Шиюн Пэн, анализируя научные публикации по межкультурной коммуникации в

Китае за период с 1994 по 2003 год, выявил несколько ключевых проблем. В частности, он отметил недостаток фундаментальных теоретических работ, ограниченное количество исследований и низкую результативность эмпирических данных [Дунмэй, 2019].

Интерес к межкультурному взаимодействию за последние годы значительно вырос, что подтверждается ростом числа научных статей. Например, анализ базы данных CNKI по запросу «межкультурная коммуникация» показал, что с 2004 по 2023 год количество публикаций достигло 22 700. Однако, если рассматривать статьи на русском языке, то их количество значительно меньше – всего 296 за тот же период [Научная база данных CNKI] (рис. 1).

Такой рост академического интереса к межкультурной коммуникации демонстрирует её значимость в современном обществе и её влияние на разные сферы жизни. Исследования в этой области в Китае начали активно развиваться относительно недавно, но уже к 2012 году число публикаций достигло пика, отражая растущий интерес китайского научного сообщества к этой тематике.

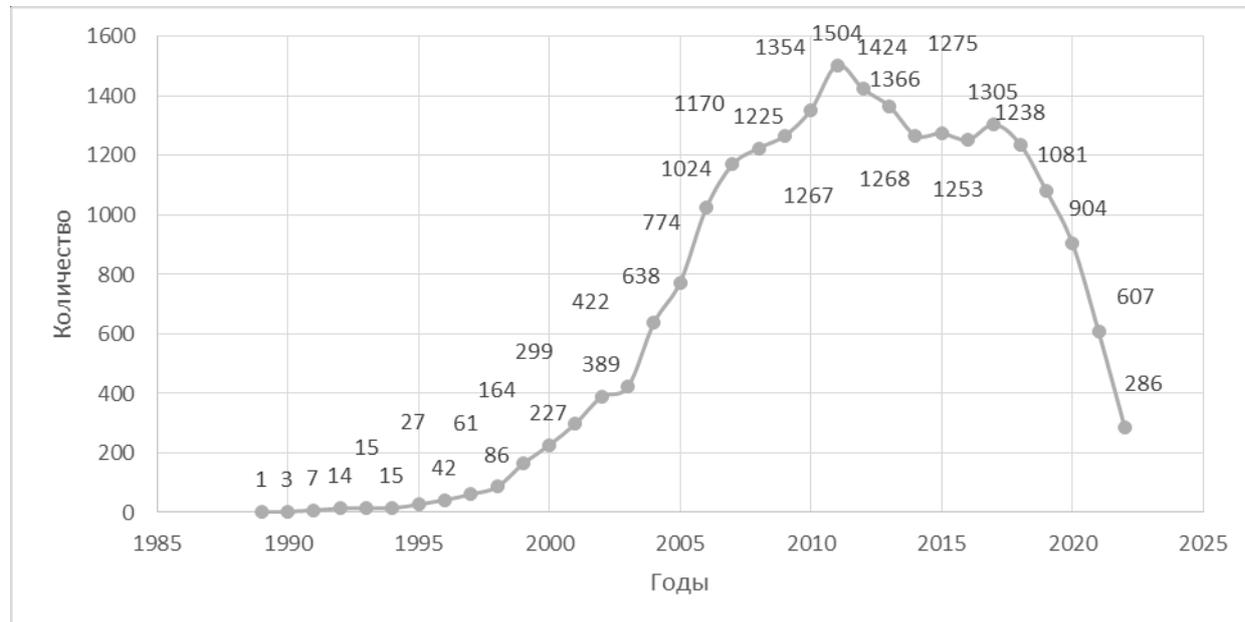

Рисунок 1. Динамика количества статей по МК

Что касается публикаций по МК на русском языке, то в 2018 году было замечено увеличение числа опубликованных статей, если сравнивать с прошлыми годами. Однако, несмотря на это, об-

щее количество таких публикаций остается невысоким (рис. 2).

Рисунок 2. Анализ работ, посвящённых межкультурной коммуникации, выполненных на русском языке

В настоящее время исследовательский фокус в области межкультурной коммуникации постепенно смещается в сторону преподавания иностранных языков, при этом особый акцент делается на английском языке. Первоначальные исследования в этом направлении направлены на улучшение методов преподавания путём анализа связей между языком и культурой [Хэ Яньли, 2023]. Основными исполнителями этих работ являются преподаватели английского и китайского как иностранных языков, которые обладают значительным опытом межкультурного общения (рис. 3, рис. 4) [Научная база данных CNKI].

Однако число исследователей из Китая, занимающихся межкультурной коммуникацией, все еще ограничено, и их деятельность преимущественно сосредоточена на преподавании китайского языка как иностранного (рис. 5) [Синьцин, 2022]. Изучение российских научных работ показывает, что с 1998 по 2023 год количество эмпирических исследований превысило теоретические, но общее число эмпирических работ, основанных на широкой базе данных, остается сравнительно малым (рис. 6) [Научная база данных CNKI].

Академик Шиюн Пэн выдвинул пять ключевых рекомендаций для преодоления проблем, связанных с межкультурной коммуникацией. Во-первых, он подчеркнул необходимость разработки всеобъемлющей методологии исследований, которая объединяла бы как количественные, так и качественные методы. Во-вторых, Пэн предложил

создание прочной теоретической базы для изучения межкультурной коммуникации. В-третьих, он рекомендовал расширить исследовательское поле, включив в него такие области, как массовая коммуникация, туризм, интернет-коммуникации и корпоративное общение. Четвертой рекомендацией стало проведение систематизированных научных обсуждений и критических обзоров. И, наконец, пятое предложение заключалось в углубленном изучении специализированной литературы для более глубокого освоения знаний [Лю Хун, 2018].

Рисунок 3. Тематическое распределение статей в сфере межкультурной коммуникации

Рисунок 4. Тематическое распределение статей по межкультурной коммуникации на русском языке

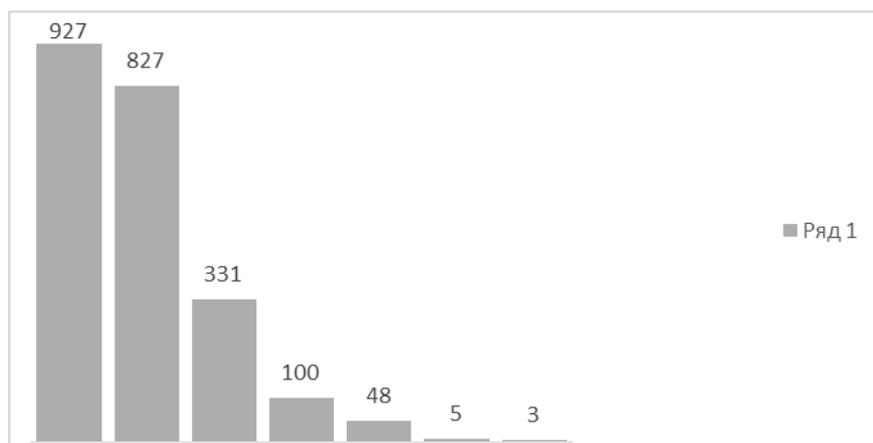

Рисунок 5. Динамика изменения количества источников по направлениям межкультурной коммуникации

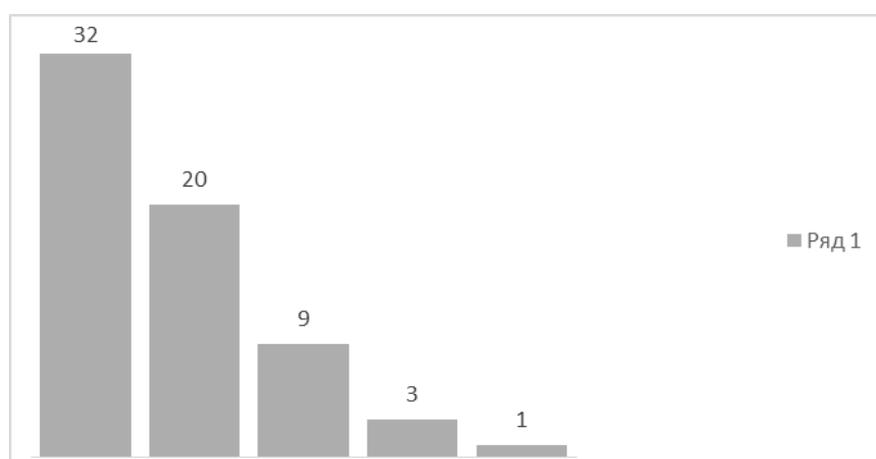

Рисунок 6. Динамика изменения количества источников по направлениям межкультурной коммуникации на русском языке

Анализ результатов исследования

В последнее время среди китайских исследователей заметно возросла заинтересованность вопросами межкультурной коммуникации, что особенно проявляется в условиях глобализации и растущего цивилизованного многообразия. Цуй Тин подчеркивает, что взаимодействие между разными культурами стало неотъемлемой частью международных отношений в современном мире. Однако он также указывает на неизбежность конфликтов и разногласий, что подчеркивает необходимость грамотного подхода к межкультурной коммуникации [Чжань, 2023].

Дэн Юнпин и Ма Цзин выделяют, что для решения глобальных проблем и создания стабильной международной среды необходимо активное международное сотрудничество и культурный диалог. Чжан Цзин акцентирует внимание на сложностях, возникающих в процессе глобализации, отмечая, что признание культурных различий играет ключевую роль в развитии межкуль-

турных компетенций, но это также может быть источником конфликтов и недопонимания [Цзин, 2019].

Цай Цин указывает на сложность межкультурной коммуникации, объясняя, что в этом процессе пересекаются различные культурные фонды, образовательные системы и опыт, что делает общение более трудным. Профессор Цуй Тин анализирует межкультурную коммуникацию, выделяя её в два аспекта: узкий и широкий, подчёркивая значимость понимания как взаимодействий между различными культурами на международном уровне, так и взаимоотношений между доминирующей культурой и субкультурами внутри одной нации [Воронкова, 2019].

Гуань Шицзе в своих исследованиях уделяет внимание различным аспектам межкультурной коммуникации, таким как используемые средства, объекты и результаты, что подчеркивает сложность этой области. Фу Цзинцин отмечает, что межкультурная коммуникация становится все бо-

лее значимой после вступления Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО).

В своей научной работе «Инициатива „Один пояс – один путь” и её воздействие на глобальную торговлю и культурный обмен» Сюй Чжаолин рассматривает культурные взаимодействия как процесс общения между людьми, представляющими различные социокультурные среды, религиозные верования и этнические группы. В этом контексте он также учитывает обмены между странами, народами и национальными культурами, что создаёт обширную картину межкультурных коммуникаций [Вейбин, 2018].

Современные исследования в области межкультурной коммуникации обладают рядом основных характеристик:

1. Наблюдается значительное расширение спектра тем, что можно объяснить активным переводом зарубежных трудов на китайский язык и увеличением числа научных публикаций по этой тематике. Разнообразие тем исследований растёт, указывая на растущий интерес китайских ученых к вопросам межкультурной коммуникации.

2. Темы исследований становятся все более разноплановыми, что во многом связано с междисциплинарным подходом. Это подчеркивает важность взаимосвязи между культурным и экономическим развитием, особенно в контексте инициативы «Один пояс – один путь». Этот проект также стимулирует развитие культурной индустрии на основе уникальных культурных ресурсов и этнического разнообразия стран, участвующих в этом проекте [Хайлань, 2016].

Значительное внимание следует уделить Институту Конфуция, который в последние годы показал заметный рост. Будучи образовательной организацией без коммерческих целей, Институт Конфуция является результатом сотрудничества КНР с другими государствами и направлен на удовлетворение мирового спроса на изучение китайского языка и культуры. Главные задачи института включают продвижение китайского языка и культуры за границей, а также укрепление образовательного и культурного обмена между различными странами [Хисамутдинова, 2022].

Научные работники, такие как У Ронглан и Чжан Цин, подчёркивают немаловажность Института Конфуция в развитии культурного сотрудничества между странами и предлагают стратегии, включая разработку специализированных курсов и учебных материалов, адаптированных к локальным культурным особенностям [Юнпин, 2020].

Кроме того, междисциплинарные исследования, связанные со спортом, туризмом, средствами массовой информации и кино, также привлекают

интерес ученых, указывая на важность спортивного и культурного обмена для укрепления дружественных отношений и международного сотрудничества.

Новые направления и практическое применение межкультурной коммуникации

Современные исследования межкультурной коммуникации охватывают широкий спектр направлений, демонстрируя значимость этого феномена в различных областях человеческой деятельности. В условиях глобализации и интеграции международных процессов межкультурное взаимодействие становится критически важным элементом успешного функционирования различных сфер. Рассмотрение практического применения межкультурной коммуникации позволяет выявить её влияние и значимость в конкретных контекстах, таких как бизнес, образование, туризм, медиа и спорт.

Межкультурная коммуникация в бизнесе

Глобализация и расширение международных рынков ставят перед компаниями новые вызовы, связанные с необходимостью адаптации своих стратегий коммуникации к разнообразным культурным контекстам. Компании, действующие на международной арене, должны учитывать культурные особенности своих партнеров и клиентов, чтобы эффективно взаимодействовать и достигать поставленных целей.

Одним из ключевых аспектов успешной межкультурной коммуникации в бизнесе является адаптация маркетинговых кампаний для различных культурных групп. Это требует глубокого понимания культурных предпочтений, ценностей и поведения целевой аудитории. Примеры успешных маркетинговых стратегий, основанных на учете культурных различий, демонстрируют, как правильное понимание культурных контекстов может способствовать повышению эффективности рекламных кампаний и укреплению бренда на международных рынках [Юрьева, 2019].

Управление многонациональными командами представляет собой еще один важный аспект межкультурной коммуникации в бизнесе. Руководители, работающие в таких командах, должны обладать высокими межкультурными компетенциями, чтобы эффективно управлять сотрудниками из разных культурных фонов. Это включает в себя умение налаживать коммуникацию, разрешать конфликты и мотивировать сотрудников с учетом их культурных особенностей.

Проведение международных переговоров и заключение сделок с партнерами из разных стран

также требуют высокого уровня межкультурной компетенции. Успешные переговоры зависят от умения понимать культурные различия, уважать их и адаптировать свои стратегии в зависимости от культурных контекстов партнеров. Это помогает избежать недопонимания и конфликтов, что особенно важно в условиях жесткой конкуренции на международных рынках.

Примеры успешного применения межкультурной коммуникации в бизнесе включают крупные корпорации, такие как Apple, McDonald's и Coca-Cola, которые адаптируют свои продукты и маркетинговые стратегии для различных региональных рынков. Эти компании демонстрируют, что межкультурная коммуникация является неотъемлемой частью их международного успеха и конкурентоспособности.

Межкультурная коммуникация в образовании

В сфере образования межкультурная коммуникация приобретает всё большую значимость в условиях растущей глобализации и интернационализации образовательных процессов. Образовательные учреждения по всему миру стремятся создать многонациональные кампусы и программы обмена для студентов, что требует развития межкультурных компетенций у всех участников образовательного процесса.

Одним из ключевых аспектов межкультурной коммуникации в образовании является разработка и внедрение специализированных курсов, направленных на формирование у студентов навыков межкультурного взаимодействия. Такие курсы могут включать изучение культурных особенностей различных народов, анализ межкультурных различий и сходств, а также тренинги по развитию коммуникативных навыков в межкультурном контексте. Это позволяет студентам лучше понимать и уважать культурные различия, что способствует созданию более толерантной и инклюзивной образовательной среды [Юрьева, 2019].

Программы студенческого обмена и международные стажировки также оказывают существенное влияние в развитии межкультурной коммуникации. Эти программы предоставляют студентам уникальную возможность погрузиться в культуру другой страны, улучшить свои языковые навыки и развить межкультурные компетенции. Примеры успешных программ обмена, таких как Erasmus в Европе и Fulbright в США, демонстрируют, как международный опыт способствует личностному и профессиональному росту студентов, расширяя их мировоззрение и готовя их к работе в глобальном контексте.

Адаптация учебных материалов и методик преподавания для студентов из разных культурных фонов является ещё одним важным аспектом межкультурной коммуникации в образовании. Преподаватели должны учитывать культурные особенности своих студентов, адаптируя свои подходы к обучению, чтобы сделать его более эффективным и инклюзивным. Это может включать использование мультимедийных ресурсов, примеров из разных культур и методов активного обучения, которые способствуют более глубокому пониманию и вовлечению студентов.

Важную роль в развитии межкультурной коммуникации выполняют также межкультурные тренинги для преподавателей и административного персонала образовательных учреждений. Такие тренинги помогают педагогам лучше понимать культурные особенности своих студентов и коллег, развивать навыки эффективного межкультурного взаимодействия и разрешения конфликтов. Это особенно важно в условиях многонациональных кампусов, где преподаватели и студенты представляют различные культурные фоны и традиции.

Исследовательская деятельность в области межкультурной коммуникации в образовании способствует развитию новых теорий и практик, направленных на улучшение образовательных процессов. Изучения, проводимые в международных и межкультурных контекстах, позволяют выявлять лучшие практики и разрабатывать рекомендации для их внедрения в образовательные системы разных стран.

Межкультурная коммуникация в туризме

Туризм является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, где межкультурная коммуникация играет ключевую роль. С каждым годом миллионы людей путешествуют по всему миру, сталкиваясь с разнообразными культурными традициями, обычаями и нормами. Успешное функционирование туристической отрасли во многом зависит от умения её участников эффективно взаимодействовать с представителями различных культур.

Один из важнейших аспектов межкультурной коммуникации в туризме – это адаптация туристических услуг к культурным особенностям клиентов. Туристические компании должны учитывать разнообразные предпочтения и ожидания путешественников из разных стран, что требует тщательного анализа и понимания культурных различий. Например, организация туров и экскурсий должна учитывать культурные и религиозные праздники, национальные кухни, обычаи и тради-

ции, чтобы предложить туристам наиболее подходящие и комфортные условия.

Сотрудники туристической отрасли – гиды, менеджеры, администраторы гостиниц – должны обладать высокими межкультурными компетенциями. Это включает в себя знание иностранных языков, понимание культурных особенностей гостей и умение адаптировать своё поведение в зависимости от культурного контекста. Примеры успешных туристических компаний, которые уделяют внимание обучению своего персонала межкультурной коммуникации, демонстрируют, как это способствует улучшению качества обслуживания и увеличению лояльности клиентов.

Международные туристические мероприятия, такие как выставки, ярмарки и фестивали, также представляют собой важный элемент в развитии межкультурной коммуникации. Эти мероприятия предоставляют платформу для культурного обмена, где представители различных стран могут познакомиться с традициями и обычаями друг друга, что способствует укреплению взаимопонимания и сотрудничества. Например, международные туристические выставки, такие как ITB Berlin и World Travel Market в Лондоне, привлекают тысячи участников со всего мира, способствуя обмену опытом и лучшими практиками в туризме.

Особое внимание в межкультурной коммуникации в туризме уделяется устойчивому туризму и экотуризму. В этих направлениях важно учитывать не только культурные, но и экологические аспекты взаимодействия с местными сообществами. Устойчивый туризм предполагает уважение к культурным традициям и обычаям местного населения, сохранение природных ресурсов и минимизацию негативного воздействия туризма на окружающую среду. Примеры успешных экотуристических проектов демонстрируют, как межкультурная коммуникация способствует устойчивому развитию регионов и сохранению их культурного наследия.

В туризме важна роль цифровых технологий и социальных сетей, которые значительно расширяют возможности межкультурной коммуникации. Платформы для обмена опытом путешествий, онлайн-обзоры и рекомендации позволяют туристам из разных стран делиться своими впечатлениями и получать полезную информацию о культурных особенностях различных регионов. Это способствует более глубокому пониманию и уважению культурных различий, что является важным аспектом успешного взаимодействия в глобализированном мире.

Межкультурная коммуникация в медиа и киноиндустрии

Медиа и киноиндустрия являются важным фактором в формировании общественного мнения и культурного обмена на глобальном уровне. В этих сферах межкультурная коммуникация становится критически важной, поскольку они выступают основными каналами распространения информации, идей и культурных ценностей между различными странами и народами.

Одним из ключевых аспектов межкультурной коммуникации в медиа является создание контента, который учитывает культурные особенности и чувствительность аудитории. Международные медиакомпании, такие как BBC, CNN и Al Jazeera, разрабатывают программы и новостные выпуски, ориентированные на многонациональную аудиторию, что требует глубокого понимания культурных контекстов. Это включает выбор тем, подходящих для различных культурных групп, и адаптацию презентации материала таким образом, чтобы он был понятен и приемлем для всех зрителей.

Киноиндустрия также активно использует межкультурную коммуникацию для создания фильмов, которые могут быть успешными на международных рынках. Кинопроизводители часто работают над адаптацией сценариев и сюжетов, чтобы они были интересны и понятны зрителям из разных культурных фонов. Примеры таких фильмов, как «Паразиты» (Южная Корея) и «Рома» (Мексика), демонстрируют, как успешное использование межкультурных элементов может привести к мировому признанию и наградам.

Копродукции между различными странами являются ещё одним примером успешной межкультурной коммуникации в киноиндустрии. Совместное создание фильмов позволяет объединить различные культурные перспективы и создать продукт, который отражает многообразие мирового культурного наследия. Это также способствует развитию международных профессиональных связей и обмену опытом между кинематографистами.

Важную роль в межкультурной коммуникации в медиа и киноиндустрии играют фестивали и премии, такие как Каннский кинофестиваль, Берлинский международный кинофестиваль и премия «Оскар». Эти мероприятия предоставляют платформу для демонстрации фильмов из разных стран, способствуя культурному обмену и взаимопониманию. Участие в таких фестивалях позволяет зрителям и критикам познакомиться с разнообразием мирового кино и оценить художе-

ственные достижения представителей различных культур.

Цифровые технологии и социальные сети также оказывают значительное влияние на межкультурную коммуникацию в медиа и киноиндустрии. Платформы для стриминга, такие как Netflix, Amazon Prime и Hulu, предоставляют доступ к контенту из разных стран, что способствует его широкому распространению и межкультурному обмену. Социальные сети позволяют зрителям из различных культур обмениваться мнениями и обсуждать фильмы и медиаконтент, создавая глобальные сообщества и способствуя взаимопониманию.

Значительную роль играет медиаобразование, которое помогает развивать навыки критического мышления и понимания культурных контекстов у студентов. Программы по медиаграмотности учат анализировать и интерпретировать медиаконтент с учетом культурных особенностей, что способствует более глубокому пониманию и уважению культурных различий.

Межкультурная коммуникация в спорте

Спорт является одной из наиболее эффективных платформ для межкультурной коммуникации, играя важную роль в укреплении международных связей и взаимопонимания. В современном мире спортивные мероприятия становятся глобальными событиями, которые привлекают внимание миллионов людей из разных культур и стран, способствуя их сближению и взаимодействию.

Одним из основных аспектов межкультурной коммуникации в спорте являются международные спортивные соревнования, такие как Олимпийские игры, Чемпионаты мира по футболу, и многие другие. Эти мероприятия собирают спортсменов и болельщиков со всего мира, создавая уникальную среду для культурного обмена. Олимпийские игры, в частности, являются символом мира и дружбы, где представители различных наций встречаются, чтобы соревноваться и праздновать спортивные достижения, независимо от политических и культурных различий.

Международные спортивные организации, такие как Международный олимпийский комитет (МОК) и Международная федерация футбола (ФИФА), выполняют ключевую функцию в продвижении межкультурной коммуникации через спорт. Они разрабатывают программы и инициативы, направленные на укрепление взаимопонимания и сотрудничества между странами. Примеры таких инициатив включают программы культурного обмена, образовательные проекты и сов-

местные спортивные тренировки, которые способствуют развитию дружбы и взаимного уважения среди молодежи разных культур.

Командные виды спорта, такие как футбол, баскетбол и хоккей, также являются важными инструментами межкультурной коммуникации. В многонациональных спортивных командах игроки из разных стран работают вместе, преодолевая языковые и культурные барьеры для достижения общей цели. Этот процесс требует высокого уровня межкультурной компетенции, взаимоуважения и умения эффективно общаться. Успешные примеры таких команд показывают, как спорт может объединять людей, независимо от их культурного фона.

Спортивные клубы и лиги также вносят значительный вклад в межкультурную коммуникацию. Они организуют международные турниры и матчи, которые позволяют болельщикам и спортсменам из разных стран взаимодействовать и обмениваться культурными традициями. Это способствует созданию глобального сообщества болельщиков, которые поддерживают свои команды и спортсменов независимо от географических границ.

Тренеры и спортивные менеджеры вносят значительный вклад в развитие межкультурной коммуникации в спорте. Они должны обладать навыками межкультурного взаимодействия, чтобы эффективно управлять многонациональными командами и развивать потенциал своих спортсменов. Обучение и развитие этих навыков является важной частью подготовки спортивных профессионалов, что позволяет им успешно работать в международной среде.

Кроме того, спорт способствует продвижению принципов толерантности, равенства и инклюзивности. Программы, направленные на борьбу с дискриминацией и продвижение равенства, активно поддерживаются спортивными организациями и клубами. Эти инициативы помогают создать безопасную и дружелюбную среду для всех участников, независимо от их культурного происхождения.

Медиа и технологии также представляют собой важный элемент в межкультурной коммуникации в спорте. Телевизионные трансляции, онлайн-стриминг и социальные сети позволяют болельщикам со всего мира следить за спортивными событиями и общаться друг с другом. Это способствует развитию глобального спортивного сообщества и усилению культурного обмена.

Введение новых технологий в межкультурную коммуникацию

Современные технологии значительно расширили возможности для межкультурной коммуникации, делая взаимодействие между представителями разных культур более доступным и эффективным. Введение новых технологий позволяет преодолевать географические и языковые барьеры, создавая условия для более глубокого взаимопонимания и сотрудничества. Рассмотрим, как различные технологические инновации способствуют развитию межкультурной коммуникации в различных сферах.

Одной из наиболее значимых технологий, оказывающих влияние на межкультурную коммуникацию, является интернет. Глобальная сеть предоставляет платформу для мгновенного обмена информацией и общения между людьми из разных уголков мира. Социальные сети, такие как Facebook, Twitter и Instagram, позволяют пользователям взаимодействовать, делиться культурными особенностями и узнавать о традициях других народов. Эти платформы способствуют формированию глобальных сообществ, объединяющих людей по интересам и культурным предпочтениям.

Онлайн-образование и платформы для обучения языкам также являются важным фактором в межкультурной коммуникации. Примеры таких платформ, как Duolingo, Coursera и EdX, предоставляют пользователям возможность изучать иностранные языки и культуру, участвовать в межкультурных проектах и обмениваться знаниями с людьми из других стран. Виртуальные классы и вебинары позволяют студентам и преподавателям взаимодействовать в реальном времени, что способствует более глубокому пониманию культурных различий и улучшению навыков межкультурной коммуникации.

Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) предлагают новые возможности для межкультурного взаимодействия, создавая иммерсивные среды, где пользователи могут погружаться в культуру других стран. Приложения VR, такие как Google Earth VR, позволяют пользователям виртуально путешествовать по различным уголкам мира, знакомясь с местными достопримечательностями и культурными особенностями. AR-технологии, используемые в образовательных и туристических приложениях, предоставляют интерактивные возможности для изучения культурных объектов и традиций.

Искусственный интеллект (AI) и машинное обучение (ML) также оказывают значительное влияние на межкультурную коммуникацию. Си-

стемы автоматического перевода, такие как Google Translate и DeepL, делают общение на разных языках более простым и доступным. Эти технологии позволяют людям из разных культур эффективно взаимодействовать, устраняя языковые барьеры. Кроме того, AI используется для анализа культурных данных и выявления ключевых тенденций и особенностей, что помогает разработчикам создавать более адаптированные и культурно чувствительные продукты и услуги.

Мобильные приложения для путешествий и культурного обмена, такие как Airbnb и Couchsurfing, способствуют развитию межкультурной коммуникации, предоставляя пользователям возможность знакомиться с местными жителями и погружаться в их культуру. Эти платформы создают условия для непосредственного межкультурного взаимодействия, что способствует развитию взаимопонимания и уважения к культурным различиям.

Современные коммуникационные технологии, такие как видеоконференции и мессенджеры, позволяют людям из разных стран взаимодействовать в реальном времени, что особенно важно для бизнеса, образования и международного сотрудничества. Платформы для видеоконференций, такие как Zoom и Microsoft Teams, широко используются для проведения международных встреч, образовательных программ и культурных мероприятий, способствуя эффективному обмену информацией и идеями.

Выводы

Исследование межкультурной коммуникации в трудах китайских ученых выявило значимость этой области в условиях современной глобализации и международного взаимодействия. В ходе анализа были сделаны следующие выводы: за последние десятилетия наблюдается значительный рост числа научных публикаций и исследований, посвященных межкультурному взаимодействию, что свидетельствует о возрастающем интересе китайского научного сообщества к этим вопросам.

Инициатива «Один пояс – один путь» выступает катализатором для активизации культурного обмена и стимулирования академических исследований, способствуя укреплению международных связей и продвижению китайской культуры за рубежом. Институты Конфуция выполняют ключевую функцию в продвижении китайского языка и культуры на международной арене, что способствует увеличению «мягкой силы» КНР и развитию образовательных и культурных обменов между странами.

Для более глубокого понимания сложностей межкультурного диалога необходимо применение междисциплинарного подхода, объединяющего различные области знаний, такие как культурология, психология, лингвистика и этнология. На основе проведенного анализа предложены практические рекомендации, включающие создание специализированных курсов и адаптированных учебных материалов. Это позволит повысить уровень межкультурной компетенции среди студентов и специалистов, что в свою очередь будет способствовать успешному международному взаимодействию.

В целом исследование подтверждает, что межкультурная коммуникация является критически важным аспектом в условиях глобализации. Понимание и уважение культурных различий способствует успешному сотрудничеству на международной арене, укреплению мирных отношений и взаимопонимания между народами.

Библиографический список

1. Багана Г. Межкультурная коммуникация и исследование международной коммуникации. Пекин : Китайские социальные науки, 2011. 14 с.
2. Ван Х. Институты Конфуция способствуют строительству «Пояса и пути» // Тенденция зарубежного китайского образования. 2016. № 9. С. 39–40.
3. Вейбин Л. О влиянии обмена спортивной культурой на общение между людьми в странах «Один пояс – один путь». Гуандун, 2018. С. 13–14.
4. Воронкова А. А., Пятакова О. А., Ляшенк М. С. К вопросу о межкультурной коммуникации в сфере образования в контексте взаимодействия культур России и Китая // Молодой ученый. 2019. № 13 (251). С. 305–309. URL: <https://moluch.ru/archive/251/57676/> (дата обращения: 04.04.2024).
5. Вэйвэй Л. Исследование проблемы межкультурной коммуникации в Китае // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. 2022. № 1 (255). С. 42–47.
6. Дунмэй Ч. Межкультурная коммуникация. Пекин, 2019.
7. Жером Б., Дзенс Н. И., Мельникова Ю. Н. Основы теории межкультурной коммуникации : учебное пособие. Москва : ЛитРес, 2017. С. 309. URL: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).
8. Комаров А. В., Сапожников Д. А. Учебная миграция конца XX – начала XXI века как элемент исторического взаимодействия России и Китая // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7, № 4. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2019-10218> (дата обращения: 03.04.2024).
9. Лю Хун. Русская лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Пекин, 2018.
10. Ма Ц. Формирование межкультурной компетенции в условиях глобализации // Ляонинский университет радио и телевидения. 2019. № 2. С. 89–91.
11. Научная база данных CNKI. URL: <https://my.cnki.net/> (дата обращения: 04.04.2024).
12. Пэн Шиюн. Текущее состояние, проблемы и предложения исследований межкультурной коммуникации в Китае // Журнал Ун-та Хунань (Социальные науки). 2005. № 4. С. 86–91.
13. Синьцин И. Исследование сотрудничества в сфере высшего образования между Китаем и Россией // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 1А. С. 405–413.
14. Хисамутдинова Н. В., Ян Ю. Институт Конфуция в России как носитель мягкой силы китайской культуры // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 3А. С. 120–126.
15. Ху Вэньчжун. Эмпирическое исследование межкультурной коммуникации // Преподавание иностранных языков и исследования. 2005. № 5. С. 323–327.
16. Хэ Яньли, Чжан Чжань. Университет, город и страна – трансформация культурной мягкой силы (на примере китайско-российского совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне) // Шэньчжоу Сюежэнь (Ученый Шэньчжоу, или Китайские ученые за рубежом). 2023. № 6. С. 36–41.
17. Чжан Дунмэй. Межкультурная коммуникация. Пекин, 2019.
18. Чжань Ч. Университет, город и страна – трансформация культурной мягкой силы (на примере китайско-российского совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне) // Шэньчжоу Сюежэнь (Ученый Шэньчжоу или Китайские ученые за рубежом). 2023. № 6. С. 36–41.
19. Шиюн П. Текущее состояние, проблемы и предложения исследований межкультурной коммуникации в Китае // Журнал Университета Хунань (Социальные науки). 2005. № 4. С. 86–91.
20. Юнпин Д. Переосмысление межкультурной коммуникации в новую эру глобализации // Дом драмы. 2020. № 22. С. 200–216.
21. Юрьева Т. В. Проблема кросс-культурных коммуникаций в аспекте практико-ориентированных педагогических технологий // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 104–107. EDN SWRLKU.
22. Юрьева Т. В. Кросс-культурные стратегии рекламной деятельности // Человек в информационном пространстве : Сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции, Ярославль, 15–17 ноября 2018 года / под общей редакцией Т. П. Курановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 127–132. EDN ZSWIZN.

Reference list

1. Bagana G. Mezhhkult'urnaja komunikacija i issledovanie mezhdunarodnoj komunikacii = Cross-cultural communication and international communication research. Pekin : Kitajskie social'nye nauki, 2011. 14 s.
2. Van H. Instituty Konfucija sposobstvujut stroitel'stvu «Pojasa i puti» = Confucius Institutes contribute to the construction of the Belt and Road // Tendencija zarubezhnogo kitajskogo obrazovanija. 2016. № 9. S. 39–40.

3. Vejbin L. O vlijanii obmena sportivnoj kul'turoj na obshhenie mezhdu ljud'mi v stranah «Odin pojas – odin put'» = On the impact of sports culture exchange on people-to-people communication in «One Belt, One Road» countries. Guandun, 2018. S. 13–14.
4. Voronkova A. A., Pjatakova O. A., Ljashenk M. S. K voprosu o mezhkul'turnoj kommunikacii v sfere obrazovaniya v kontekste vzaimodejstviya kul'tur Rossii i Kitaja = On intercultural communication in education in the context of Russian-Chinese cultural interaction // *Molodoy uchenyj*. 2019. № 13 (251). S. 305–309. URL: <https://moluch.ru/archive/251/57676/> (data obrashheniya: 04.04.2024).
5. Vjevjev L. Issledovanie problemy mezhkul'turnoj kommunikacii v Kitae = Studying the problem of intercultural communication in China // *Trudy BGTU*. Ser. 4, Print- i mediatehnologii. 2022. № 1 (255). S. 42–47.
6. Dunmjej Ch. Mezhkul'turnaja kommunikacija = Cross-cultural communication. Pekin, 2019.
7. Zherom B., Dzens N. I., Mel'nikova Ju. N. Osnovy teorii mezhkul'turnoj kommunikacii = Basics of intercultural communication theory : uchebnoe posobie. Moskva : LitRes, 2017. S. 309. URL: <https://www.litres.ru/> (data obrashheniya: 04.04.2024).
8. Komarov A. V., Sapozhnikov D. A. Uchebnaja migracija konca XX – nachala XXI veka kak jelement istoricheskogo vzaimodejstviya Rossii i Kitaja = Educational migration in the late XX - early XXI centuries as an element of historical interaction between Russia and China // *Nauka. Obshhestvo. Oborona*. 2019. T. 7, № 4. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2019-10218> (data obrashheniya: 03.04.2024).
9. Lju Hun. Russkaja lingvokul'turologija i mezhkul'turnaja kommunikacija = Russian linguoculturology and cross-cultural communication. Pekin, 2018.
10. Ma C. Formirovanie mezhkul'turnoj kompetencii v uslovijah globalizacii = Developing cross-cultural competence in the context of globalization // *Ljaoninskij universitet radio i televidenija*. 2019. № 2. S. 89–91.
11. Nauchnaja baza dannyh CNKI = CNKI scientific database. URL: <https://my.cnki.net/> (data obrashheniya: 04.04.2024).
12. Pjen Shijun. Tekushhee sostojanie, problemy i predlozhenija issledovanij mezhkul'turnoj kommunikacii v Kitae = Current status, problems and proposals for cross-cultural communication research in China // *Zhurnal Un-ta Hunan' (Social'nye nauki)*. 2005. № 4. S. 86–91.
13. Sin'cin I. Issledovanie sotrudnichestva v sfere vysshego obrazovaniya mezhdu Kitaem i Rossiej = Studying China-Russia cooperation in the field of higher education // *Pedagogicheskij zhurnal*. 2022. T. 12, № 1A. S. 405–413.
14. Hisamutdinova N. V., Jan Ju. Institut Konfucija v Rossii kak nositel' mjagkoj sily kitajskoj kul'tury = The Confucius Institute in Russia as a medium of Chinese culture soft power // *Kul'tura i civilizacija*. 2022. T. 12, № 3A. S. 120–126.
15. Hu Vjen'chzhun. Jempiricheskoe issledovanie mezhkul'turnoj kommunikacii = Empirical research on cross-cultural communication // *Prepodavanie inostrannyh jazykov i issledovanija*. 2005. № 5. S. 323–327.
16. Hje Jan'li, Chzhan Chzhan'. Universitet, gorod i strana – transformacija kul'turnoj mjagkoj sily (na primere kitajsko-rossijskogo sovместnogo universiteta MGU-PPI v Shjen'chzhjene) = University, city and country - cultural soft power transformation (the case of the Chinese-Russian joint university MSU-PPI in Shenzhen) // *Shjen'chzhou Sjuezhjen' (Uchenyj Shjen'chzhou, ili Kitajskie uchenye za rubezhom)*. 2023. № 6. S. 36–41.
17. Chzhan Dunmjej. Mezhkul'turnaja kommunikacija = Cross-cultural communication. Pekin, 2019.
18. Chzhan' Ch. Universitet, gorod i strana – transformacija kul'turnoj mjagkoj sily (na primere kitajsko-rossijskogo sovместnogo universiteta MGU-PPI v Shjen'chzhjene) = University, city and country - cultural soft power transformation (the case of the Chinese-Russian joint university MSU-PPI in Shenzhen) // *Shjen'chzhou Sjuezhjen' (Uchenyj Shjen'chzhou ili Kitajskie uchenye za rubezhom)*. 2023. № 6. S. 36–41.
19. Shijun P. Tekushhee sostojanie, problemy i predlozhenija issledovanij mezhkul'turnoj kommunikacii v Kitae = Current status, problems and proposals for cross-cultural communication research in China // *Zhurnal Universiteta Hunan' (Social'nye nauki)*. 2005. № 4. S. 86–91.
20. Junpin D. Pereosmyslenie mezhkul'turnoj kommunikacii v novuju jeru globalizacii = Reconsidering intercultural communication in the new globalization age // *Dom dramy*. 2020. № 22. S. 200–216.
21. Jur'eva T. V. Problema kross-kul'turnyh kommunikacij v aspekte praktiko-orientirovannyh pedagogicheskikh tehnologij = The problem of cross-cultural communications in the aspect of practice-oriented pedagogical technologies // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2015. № 5. S. 104–107. EDN SWRLKU.
22. Jur'eva T. V. Kross-kul'turnye strategii reklamnoj dejatel'nosti = Cross-cultural advertising strategies // *Che-lovek v informacionnom prostranstve : Sbornik nauchnyh statej XVI Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Jaroslavl', 15–17 nojabrja 2018 goda / pod obshej redakciej T. P. Kuranovoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. S. 127–132. EDN ZSWIZN.*

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 23.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024

ПРАВИЛА ПРИЁМА РЕДАКЦИЕЙ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА РУКОПИСИ СТАТЬИ К РАССМОТРЕНИЮ О ПУБЛИКАЦИИ

Направляемая в редакцию статья должна быть оригинальной, не опубликованной ранее в других изданиях и не отправленной на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий, опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати), и материалы автора такой статьи не будут более приниматься к публикации в научных журналах ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Объем научной статьи одного автора должен быть не менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи двух-трех авторов должен быть не менее 40 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи, написанной более чем тремя соавторами, должен быть не менее 50 000 знаков с пробелами и не превышать 70 000 знаков с пробелами.

Особые случаи объема и количества соавторов статьи, написанной на основе эксперимента, решаются главным редактором журнала.

Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Статья в журнал проходит двойное слепое рецензирование и получает рекомендацию одного члена редакционной коллегии, одного внешнего рецензента и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на дополнительную независимую экспертизу.

При наличии замечаний, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензентов.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентами, может быть опубликована в течение года.

Статья проверяется редактором журнала на оригинальность в системе Антиплагиат (оригинальность текста должна быть не ниже 80%).

Автор самостоятельно или в соавторстве может быть опубликован в журнале в течение календарного года единожды. Особые случаи повторной публикации решаются главным редактором журнала.

Научные статьи принимаются редакцией в электронном виде на почту редакции журнала tatyana.sharkovsid@mail.ru в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения редакционного портфеля. Все особые случаи очередности публикации статей решаются главным редактором.

Авторский экземпляр журнала автор получает согласно оформленной подписке.

Аспиранту для публикации статьи необходимо предоставить редактору журнала справку из отдела аспирантуры и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Соискателю ученой степени для публикации статьи необходимо предоставить в редакцию журнала справку

из отдела кадров организации, к которой прикреплен соискатель, и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Рукопись, рекомендованная рецензентами, принимается к публикации только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах. Форма лицензионного соглашения высылается автору редактором журнала.

Требования к оформлению научной статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc, docx.

Перед текстом статьи необходимо указать

- Индекс УДК.
- Отрасль науки и шифр специальности (по номенклатуре ВАК), по которым написана статья.
- Идентификационный номер автора в ORCID.
- Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и ученое звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

- Название статьи на русском и английском языках.

Аннотация:

- должна быть написана на русском и английском языках;
- не может быть компиляцией текста статьи;
- должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;
- должна содержать описание хода исследования, наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность и выводы, итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования;
- в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур;
- не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;
- в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;
- текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;
- объем каждой аннотации должен составлять от 180 до 250 слов.

Ключевые слова – не менее 7 и не более 12, разделенных точкой с запятой (на русском и английском языках).

Текст статьи должен быть обязательно разделен на смысловые части.

1. Обязательные:

ВВЕДЕНИЕ
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

2. Возможные:

Актуальность
Постановка проблемы
Обзор литературы
База исследования
Методология исследования
Теоретические основания исследования
Организация исследования
Результаты и их обсуждения
Результаты и дискуссия
Анализ результатов исследования
Выводы
И другие

Постраничные сноски в статье не допускаются!

Примечания отмечаются в тексте цифрами (1, 3 и т. д.) и размещаются после библиографического списка.

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (Например: автор, книга, журнал и т. д.).

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений.

При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице или их ненадлежащем качестве исполнения редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

В десятичных дробях указывать в виде разделительного знака запятую (0,92), при перечислении

каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,5; 0,022).

Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!

Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.

При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее – только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.

После текста статьи обязателен **библиографический список**, оформленный в алфавитном порядке в соответствии с требованиями редакции.

Каждый источник, указанный в библиографическом списке, должен иметь ссылку в тексте.

Библиографический список должен содержать не менее 20 источников, в том числе не менее 50% изданных за последние 5 лет, а также максимально возможное количество источников на иностранном языке (Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим этим условиям).

Ссылки на свои работы – не более 10%.

Во всех источниках должны быть проставлены: полностью город и издательство, страницы, год выпуска.

Примеры оформления библиографического списка и ссылок представлены на сайте журнала в специальном разделе.

Если присланные материалы не отвечают перечисленным требованиям, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 33 п. л., 28,59 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 203. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 24.10.2024

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

Тел.: (4852) 32 98 69